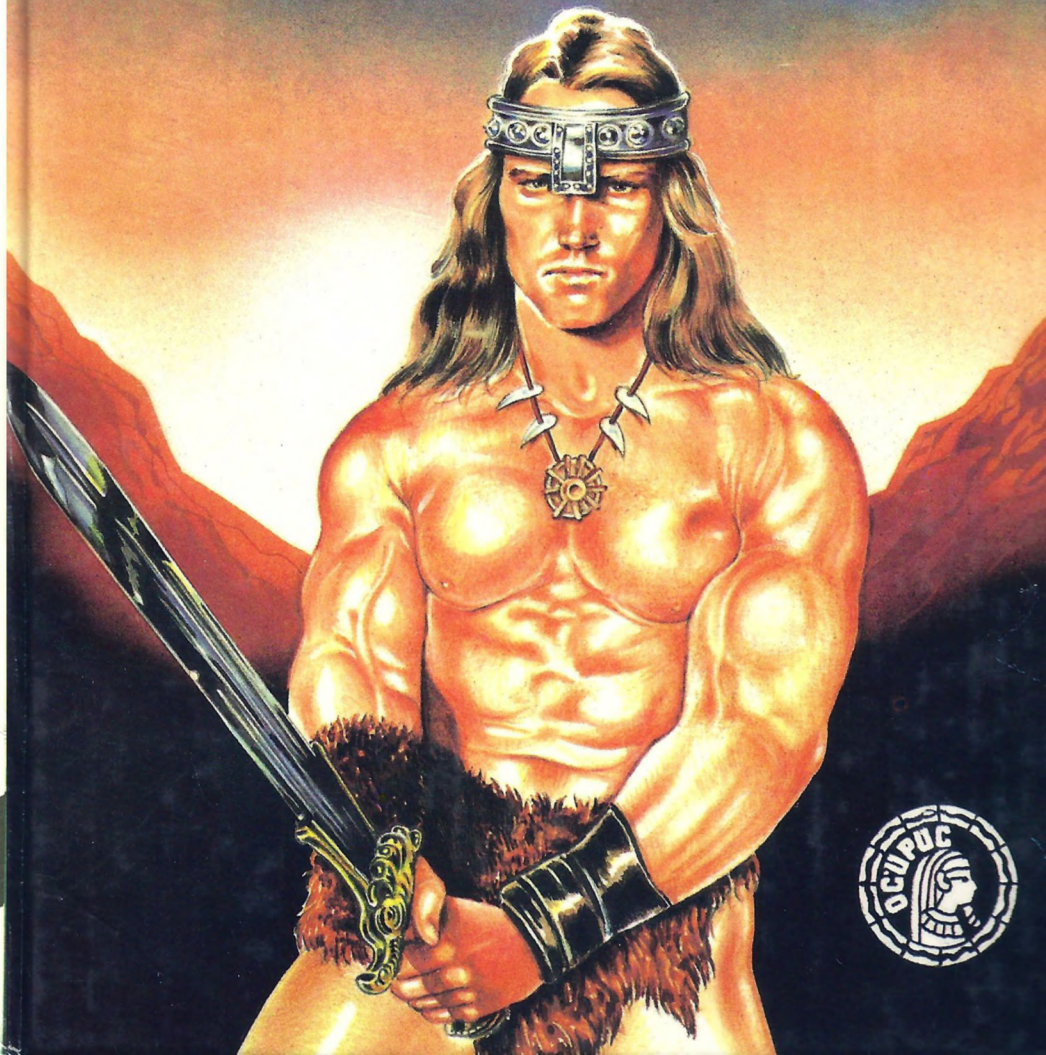
РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН, ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ

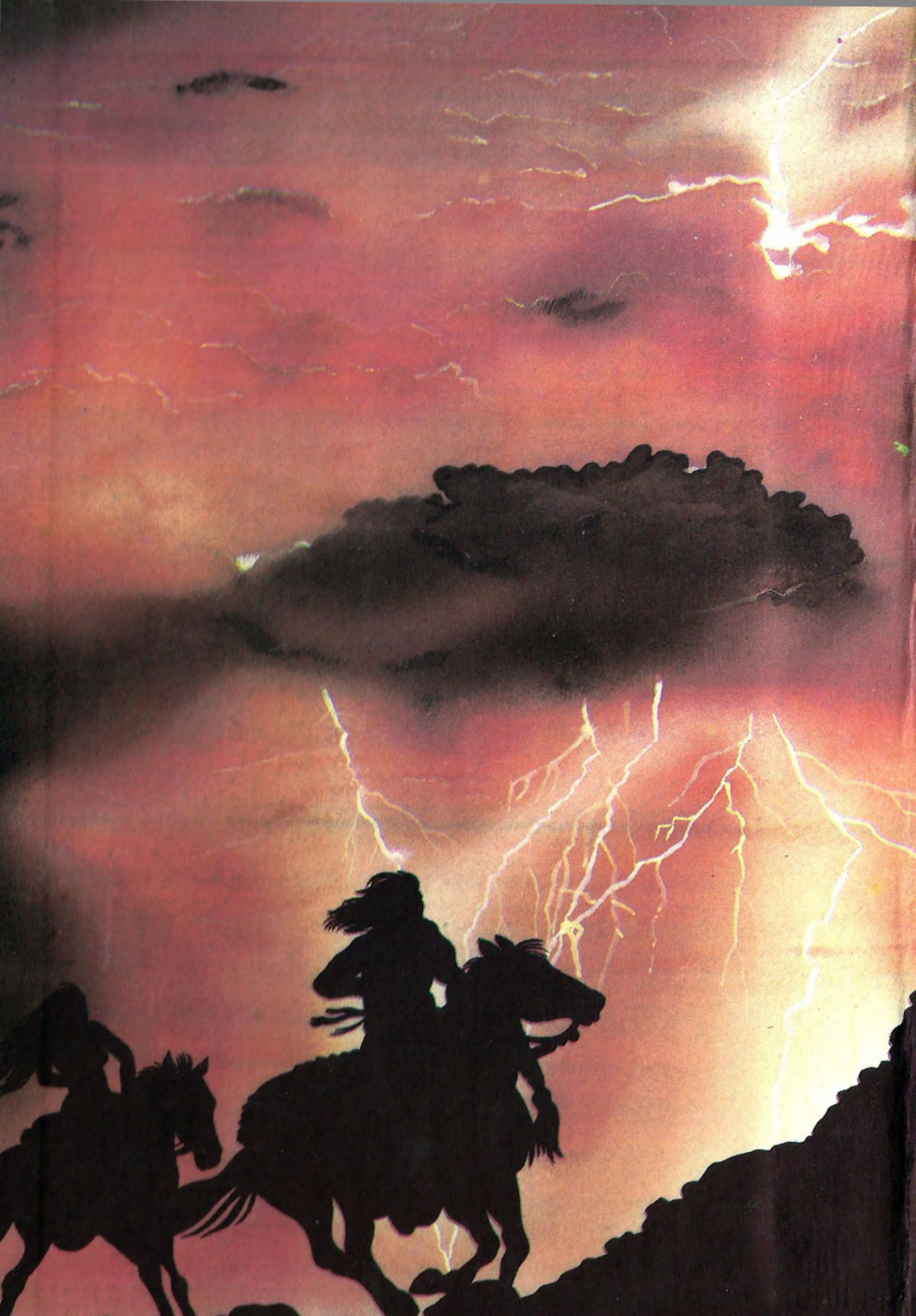


ОСИРИС

КОНАН, ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

РОБЕРТ ГОВАРД

28



РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН

ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ

ББК 84.7 (США)
Г57

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 28

Оформление студии «Парсек»

Говард Роберт

Г57 Конан, варвар из Киммерии: Фантастические романы, повести. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып. 28. — М.: Центрполиграф, 1993. — 507 с.

Перед Вами — одна из самых удивительных фантазий нашего века. Воображением Роберта Говарда воссозданы древние цивилизации Земли, существовавшие несколько тысячелетий назад. Из края в край молодого, дикого мира, пронизанного колдовством и насилием, проходит могучий супермен древности — непобедимый Конан.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0053-3

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение "Центрполиграф", 1993 г.

КОНАН — СУПЕРМЕН ДРЕВНОСТИ

Поиски древних сокровищ, головокружительные погони, беспощадные схватки с коварными злодеями и свирепыми монстрами, хитроумные загадки Востока и драматическая борьба с колдунами, служителями ада — увлекательный мир откроется каждому, кто возьмет эту книгу. Собранные в ней повести являются лучшими образцами жанра эпической фантазии и написаны признанным мастером научной фантастики — американским писателем Робертом Говардом.

Роберт Ирвинг Говард (1906 — 1936) родился в Техасе, в семье врача. Большую часть жизни провел уединенно с матерью-инвалидом в провинциальных городках юга США. Единственной страстью одинокого и нелюдимого мальчика было чтение. Однажды во время каникул он даже взломал дверь школы, чтобы добраться до книжного шкафа. По его собственному признанию, он читал «с непостижимой скоростью». Закончив школу, Говард не стал продолжать образование. Он не смог заставить себя учиться в колледже, так как однообразные регулярные занятия вызывали у него глубокую ненависть.

Яркие судьбы книжных героев, врываясь в лишенную общения со сверстниками жизнь маленького Роберта, пробудили в мальчике необыкновенный полет фантазии. Будучи еще ребенком, Говард решает стать писателем. Его намерение постепенно осуществляется: в 9 лет он создает свой первый рассказ, а в 18 — появляется первая публикация в журнале «Сверхъестественные истории». Именно в этом издании Говард охотно печатался в последние годы своей короткой жизни — он застрелился в возрасте тридцати лет. В некрологе сотоварищ Говарда по жанру «фэнтези», Г.Ф. Лавкрафт, писал: «В литературе он ставил мужество выше хитрости и полностью отвергал модернизм. Он придерживался либеральных политических взглядов и был заклятым врагом социальной несправедливости. Развлечением ему служили занятия спортом и путешествия. Причем последние давали ему повод к написанию увлекательнейших писем, в которых описания перемежались историческими размышлениями. Юмор не был для него характерен, хотя у Говарда было развито чувство иронии, с одной стороны, и он славился неиссякаемым запасом сердечности и веселья, с другой. У него было много друзей, но он не принадлежал ни к одной из литературных клик и презирал любую художественную прозу. Он более ценил силу духа и тела, чем интеллектуальную игру.

Со многими авторами фэнтези он обменивался частными и обширными письмами, но никогда не встречался с ними лично. Исключением был необычайно талантливый Э. Гоффман Прайс, творчество которого производило на Говарда очень сильное впечатление.

Роберт И.Говард имел массивное сложение прирожденного воина и метр восемьдесят росту. Кожа смуглая, глаза голубые, кельтские. В последние годы весил в среднем 90 килограммов. Он всегда ценил суровый, простой стиль жизни и (неслучайно!) напоминал своего собственного известного героя Конана из Киммерии. Смерть этого тридцатилетнего писателя явилась серьезным ударом для литературы фэнтези».

Говард придумал целый мир — древнюю цивилизацию, со множеством стран, которые населены различными народами и расами, стоящими на разных ступенях развития. Пространственный размах и динамичность событий в отдельных повестях требовали от Говарда создания специальных карт, которыми он снабжал издания.

Писатель не преследовал цели хронологически последовательного воспроизведения жизни Конана, но из повестей и рассказов можно составить приблизительную биографию героя. Конан родился в легендарной Киммерии, известной суровым нравом своих жителей-варваров. Участвовал в войнах с северными соседями, в 19 лет покинул родину и пустился в скитания по миру. Он был вором, воином-наемником, вождем, корсаром и королем, оставаясь в любой ипостаси бесхитростным искателем приключений, не лишенным человеческих недостатков. Однако полудикий богатырь имел свой кодекс чести -- неприятие интриг, верность данному слову, ответственность за доверившихся ему людей. Из любой передряги Конан выходил победителем и, ведомый фантазией Говарда, снова оказывался в каком-либо уголке мира, где происходили драматические или загадочные события.

Неудивительно, что читательский интерес к герою с такой бурной жизнью не ослабевает уже много десятилетий. Повести Говарда выпускались в журналах и дешевых сериях, выходили в дорогих изданиях и даже в виде комиксов. Именно комиксы вызвали в начале 70-х новый взрыв популярности варвара Конана.

Подготовку к посмертным изданиям книг Р. Говарда осуществляли исследователи его творчества. Они зачастую редактировали написанное Говардом и дополняли прижизненные издания, дописывая черновые материалы писателя.

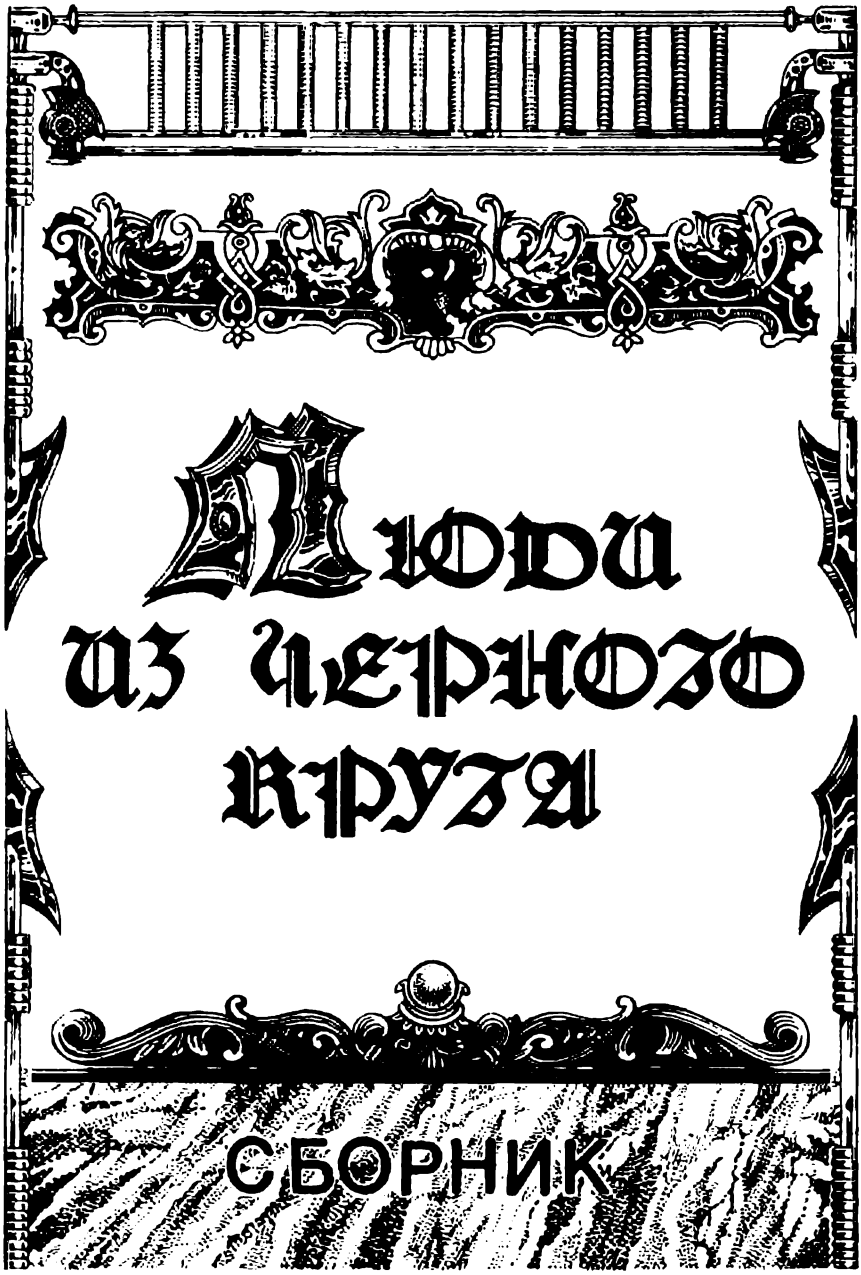
В 60-е годы вышла (по данным «Энциклопедии научной фантастики и фэнтези» США) девятнадцатитомная серия произведений о Конане, состоящая из оригинальных повестей Говарда и книг его соавторов. Наиболее талантливыми и добросовестными соавторами серий произведений о Конане являются Лайонел Спрэг де Камп и Лин Картер.

В предлагаемую читателям книгу вошли сборники повестей «Люди из черного круга» и «Конан-узурпатор», а также романы «Конан-корсар», «Час дракона».

Повести сборника «Люди из черного круга» — лучшие из историй о Конане и, возможно, кульминационные произведения в творчестве Говарда. Они впервые были опубликованы в журнале «Фэнтези мэгэзин» в 1934 году под редакцией Эдварда Вагнера.

Сборник повестей «Конан-узурпатор» и роман «Конан-корсар» подготовлены последователями Р. Говарда Л. Спрэг де Кампом и Лин Картер по материалам и наброскам писателя и изданы в 60-х годах.

Итак, перед вами захватывающие повести о Конане Непобедимом.

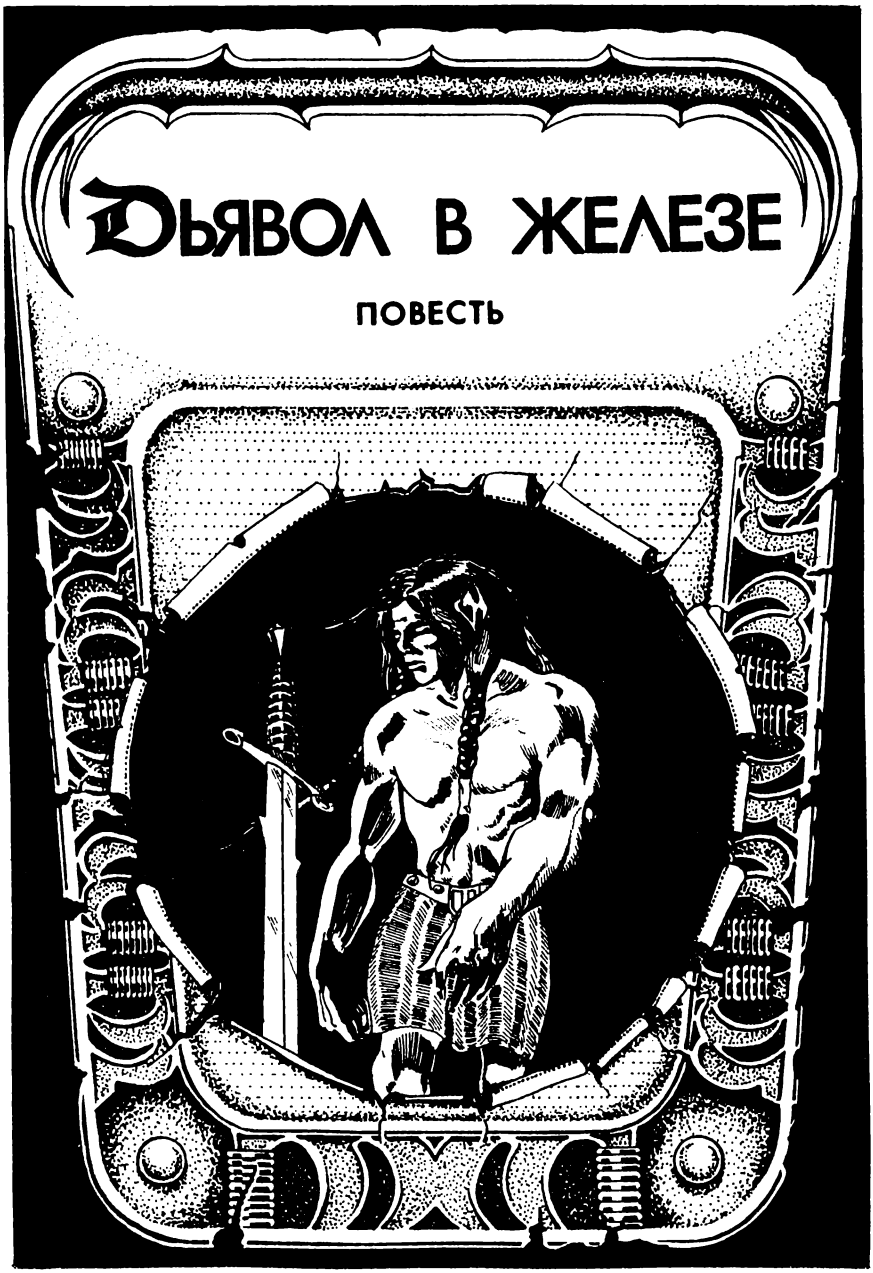

Люди
из черного
круга
СБОРНИК

В сборник вошли повести:

ДЬЯВОЛ В ЖЕЛЕЗЕ
ЛЮДИ ИЗ ЧЕРНОГО КРУГА
ВЕДЬМА, КОТОРАЯ РОДИТСЯ
ДРАГОЦЕННОСТИ ГУАХАУРА

Дьявол в железе

ПОВЕСТЬ



1

Рыбак извлек свой нож из ножен.

Движение было инстинктивным, ибо ни один зверь, ни один человек не угрожали ему в эту минуту.

Рыбак взобрался на утесы, пройдя через джунгли, которые их окружали, и теперь стоял среди развалин. Разрушенные колонны и фрагменты полуразвалившихся стен создавали монументальный лабиринт. Рыбак стоял на мостовой, растрескавшейся и взломанной корнями деревьев.

Он был типичным представителем своей расы. Его племя, имевшее давнюю историю, теперь жило на материке в хижинах, вдоль южного берега моря Вилайета. Был он коренастым, густые спутанные волосы обрамляли длинное и плоское лицо. Ремень для ножа и кусок львиной шкуры, служивший набедренной повязкой, составляли его одежду.

Что он здесь делал? Как он тут оказался?

Люди редко посещали Ксапур. Это было забытое всеми место, один из множества островов, которыми усеяны все внутренние моря. Люди называли его Ксапуром, Укрепленным, потому что его руины, остатки какого-то доисторического города, потерянного и забытого еще до появления хибориацев, пришедших с юга, напоминали бастионы.

Неизвестно, кто воздвиг этот город и что означали знаки, выбитые на его стенах. Однако легенды рыбацкого племени Юнетши смутно указывали на существовавшую в глубокой древности связь между рыбаками и островным королевством.

Старейшины племени, говоря о знаках на стенах руин, произносили одни и те же непонятные слова, значение которых было уже давно забыто.

И вот сейчас Юнетши оказался в сердце Ксапура. Шторм унес лодку Юнетши далеко от тех мест, где он обычно

рыбачил, и потопил ночью в свете молний в ревущей воде возле утесов острова. Сейчас на заре небо сияло синевой и восходившее солнце превращало в драгоценности капавшую с листьев росу.

Он выбрался на утесы, которые увидел ночью во время шторма, когда гигантская молния, ударив в остров, осветила все окрестности. Рыбак озирался вокруг, его охватило ощущение надвигающейся беды.

Среди деревьев возвышались развалины куполообразного строения, некогда сложенного из гигантских серых камней, которые встречались только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки могли придать этим камням такие изящные формы. Столь же невозможным представлялось, что человек способен разрушить это великолепие. Однако время или что-то другое раскололо массивные блоки и обезобразило некогда великолепную арку купола.

Рыбак взобрался на развалины строения и принялся рассматривать их. То, что он увидел, ошеломило его. В руинах купола, окруженный каменным крошевом и кусками разрушенной кирпичной кладки, на золотой плите лежал человек. Он был одет в юбку и широкий пояс.

Его черные волосы, которые ниспадали вниз густой гривой, были перетянуты тонким золотым обручем. На голой мускулистой груди лежал кинжал с широким лезвием и узкой ручкой, инкрустированной драгоценностями. Он был похож на нож рыбака, однако представлял собой настоящее произведение искусства.

Рыбака охватило такое сильное желание завладеть кинжалом, что он не стал задумываться о том, почему тело мертвеца сохранилось как живое.

Подобравшись к мертвецу, рыбак поднял кинжал с его груди. И тут произошло непостижимое — мускулы темных рук мертвеца сжались, веки задрожали и открыли огромные темные магнетические глаза, которые пристально уставились на обомлевшего рыбака. Тот отпрянул и уронил кинжал.

Взгляд человека задержался на Юнетши, и в этих узких щелях рыбак не смог прочесть ни дружелюбия, ни благодарности, он увидел только чуждый огонь и враждебность, такую же, как в глазах тигра.

Вдруг человек поднялся и положил свои гигантские руки на плечи рыбака. Собрав все свои силы, рыбак вытащил нож и резко направил его в живот незнакомца, однако лезвие разломилось. В следующее мгновение шея рыбака, подобно сухой ветке, хрустнула в руках силача.

2

Джехангир Агха, Лорд Кваризма и хранитель береговой границы, еще раз внимательно изучил витиеватый свиток пергамента с павлиньими печатями и рассмеялся, коротко и язвительно.

— Король стал нетерпеливым, — сказал Лорд. — Он опять выражает неудовольствие, из-за которого он назначил меня стражем границ. Если я не смогу разогнать грабителей на границах, в Кваризме может появиться новый Лорд.

Советник Лорда Газнази потрепал свою короткую серую бороду и задумался. Юздигер, король Турана, был самым могущественным монархом в мире. Его военные галеры под пурпурными парусами, строившиеся в Вилайете на Харканианском озере, грабили все империи мира. Темнокожие люди Замории ему платили дань так же, как восточные провинции Коса. Шемиты кланялись его правителям после долгих войн на западе. Его армии опустошили границы Стигии на юге и земли Гиперборнанцев на севере. Его всадники принесли мечи и огонь в Брисини, Опхири и Коринерф, даже на границы Немидии. Множество позолоченных шлемов его воинов падало под копыта лошадей, и множество воинов погибло под стенами горящих городов. На переполненных рабами рынкахАхрапура, Силтанапура, Кваризма, Шахпура и Ксорасана женщины продавались за три маленьких серебряных монетки, блондинки брисаннианки, рыжевато-коричневые стигианки, темноволосые заморианки, эбонитовые каштитки, оливковокожие шемитки.

В широких степях между морем и Гиперборианским королевством рождалась новая раса, состоявшая из беглых преступников и рабов, разоренных людей и дезертировавших солдат. Это были люди, совершившие множество преступлений и продолжавшие их совершать, многие из них были рождены в степи, многие бежали из королевств запада. Они называли себя к а з а к а м и и считали остальных никудышными людьми.

Живя на равнине в открытой степи, не имея собственных законов, но имея свой кодекс, они превратились в общество людей, способных игнорировать даже Великого Монарха.

Они непрерывно совершали рейды на Туранские границы. Грабили побережье и торговые корабли, которые плавали между Гирканскими портами.

— Как я уничтожу этих волков? — спросил Джехангир. — Если я последую за ними в степи, я попаду в ловушку и буду отрезан от страны и уничтожен. Они могут также все время уклоняться от моих ударов и сжигать города в мое отсутствие у меня за спиной. После этого они станут еще смелее.

— Это потому, что у них есть предводитель, который ведет их, — ответил Газнази. — Вы знаете, кого я имею в виду.

— Конечно! — воскликнул Джехангир с чувством. — Это демон — Конан, он даже более дик, чем казаки, и хитер, как горный лев.

— Он более опасен, чем дикие животные, так как может думать, — ответил Газнази. — Другие казаки просто изгнанники, их выгнали цивилизованные люди. Он — варвар, но захватив его, мы сможем разогнать их.

— Но как его захватить? — спросил Джехангир. — Он неоднократно проходил по пути, который должен был быть смертельным для него. Инстинктом или хитростью он избегал всех поставленных ловушек.

— Любой зверь и любой человек, будучи в такой ловушке, не смог бы убежать, — сказал Газнази. — Когда мы вели переговоры с казаками, чтобы выкупить пленников, я видел этого Конана. Он любит острые удовольствия с женщинами и сильно пьет. Велите привести вашу пленницу Октавию.

Джехангир хлопнул в ладоши, и бесстрастный кашит, с кожей эбонитового цвета, в шелковых панталонах, поклонился им и вышел.

Он быстро вернулся, ведя за руку высокую красивую девушку с белоснежной кожей и светло-желтыми волосами. На ней была короткая шелковая туника, открывавшая чудесные контуры ее великолепной фигуры. Ее прекрасные глаза пылали огнем негодования, а губы были надуты, но она привыкла к покорности за время пленения. Она стояла с поднятой головой перед своим хозяином до тех пор, пока он не предложил ей сесть на диван. Затем он вопросительно посмотрел на Газнази.

— Мы не можем пригласить Конана без его казаков, — внезапно сказал советник. — Их военный лагерь сейчас где-то в низовьях Запорожки, реки, которая, как вы хорошо знаете, течет в пустыне, окруженная камышами и болотистыми джунглями. Там была уничтожена этими демонами наша отборная армия.

— Я не хочу вспоминать, — перекосившись, сказал Джехангир.

— Там есть необитаемый остров где-то возле материка, — продолжал Газнази, — известный как Ксапур. На нем полно древних руин, что соответствует нашим целям. Он недалеко от берега, круто поднимается из моря утесами в сто пятьдесят футов высотой. Даже обезьяны не могут подняться по ним. Место, где человек может спуститься или подняться, — узкая часть на западной стороне. Это подъем по изношенным ступенькам, ведущим в глубь острова среди скал и утесов. Если мы заманим Конана на остров, мы сможем охотиться за ним не спеша, как охотятся на львов.

— Так же можно пожелать луну с неба, — иронично сказал Джехангир. — Мы пошлем ему посыльного, приказав ему забраться на высокий утес и ждать нашего прихода?

— Примерно так!

Джехангир выглядел изумленным. Газнази продолжал:

— Мы начнем переговоры с казаками о выдаче заключенных на краю степей, в Форте Гхори. Мы пойдем с войском и расположимся лагерем в стороне от замка, они придут с равной силой. Мы будем вести переговоры с обычным недоверием и подозрительностью. Но в этот раз мы возьмем с собой вас, дорогая пленница.

Октавия переменилась в лице. Она слушала с интересом с того момента, как он кивнул на нее.

— Она будет играть роль приманки для Конана. Это будет ослепительным видением любви. Ее жизнерадостность и фигура будут привлекать его гораздо больше, чем любая из куклоподобных красавиц из вашего запаса.

Октавия вскочила, ее белые кулаки сжались, глаза сверкали.

— Вы хотите использовать меня в игре с этим варваром как марионетку! — воскликнула она. — Я не согласна! Я не неряха с рынка, с ухмылкой строящая глазки степнякам-грабителям. Я дочь Немидианского лорда...

— Вам не поможет все Немидианское дворянство, — цинично сказал Джехангир. — Сейчас вы просто рабыня, которая сделает то, что ей прикажут.

— Нет!

— Но, — возразил Джехангир с обдуманной жестокостью, — вопреки вашим желаниям, мне нравится план Газнази. Продолжайте, князь, ваш рассказ.

— Конан, вероятно, пожелает купить ее. Вы откажетесь продать ее или обменять на харканианских пленных. Он может затем попытаться украсть ее или взять ее силой, но я не думаю, что он решится нарушить мирный ход переговоров. Во всяком случае, мы можем быть готовы к любой его попытке. Затем сразу же после переговоров, но чуть раньше, чем он забудет о ней, мы отправим к нему вестника с обвинением в воровстве девушки и потребуем ее возвращения. Он может убить посланника, но более вероятно, он решит, что она убежала. Тогда мы пошлем шпиона-рыбака в лагерь казаков, который скажет Конану, что Октавия прячется на Ксапуре. Если я знаю этого человека, он должен рвануться в это место.

— Но мы не будем знать, один ли он пойдет! — воскликнул Джехангир.

— Берет ли человек с собой банду воинов, когда идет на свидание с женщиной? В пустыне? — спросил Газнази. — Конечно, он пойдет один. Но мы позаботимся и о других возможностях. Мы не будем ждать его на острове, где мы можем загнать в ловушку

самих себя, а будем в тростниках на болотах, которые тянутся по берегу в тысяче ярдов от Ксапура. Если он приведет большое войско, мы отступим и придумаем другой план. Если он придет один или с маленьким отрядом, мы схватим его. Состоится ли это свидание, будет зависеть только от того, насколько сильно понравится ваша милая улыбка и робкие взгляды.

— Я никогда не дойду до такого стыда! — выкрикнула Октавия с яростью. — Я лучше умру!

— Ты не умрешь, моя бунтующая красавица, — сказал Джехангир. — Но ты станешь очень послушной и убедишься, что противоречить мне бесполезно.

Он хлопнул в ладоши, и Октавия побледнела.

Вошел сильный мускулистый человек среднего роста с короткой вьющейся иссиня черной бородкой.

— Вот для тебя работка, Гиазан, — сказал Джехангир. — Возьми эту глупышку и поиграй с ней недолго. Конечно, не портя ее красоты.

С нечленораздельным ворчанием Гиазан схватил запястье Октавии. С жалким криком она вырвала руку и бросилась на колени перед своим безжалостным повелителем, бессвязно моля о милосердии.

Джехангир отпустил разочарованного палача и сказал Газнази:

— Если наш план достигнет цели, я дам тебе возможность немного поплескаться в золоте, мой милый.

3

Джехангир, овладевший Октавией, был груб и жесток. Однако возможность попасть в руки его слуг приводила ее в ужас.

Не меньший страх и отвращение внушал ей предводитель казаков — Конан, с которым она должна была флиртовать по принуждению своего повелителя.

Веревка из разорванных гобеленов и счастливо попавшаяся под руку лошадь позволили Октавии бежать. Она скакала всю ночь, потом бросила загнанную лошадь и пробиралась через тростниковые заросли к берегу моря. Постепенно тростники вокруг нее становились все более редкими, а вода стала подниматься до бедер. Она увидела нелепо вырисовывавшийся в предрассветной мгле остров. Между нею и островом лежала широкая полоса воды, но Октавия не колебалась.

Она пропустила высокую волну и, с силой оттолкнувшись, поплыла к острову.

Берег острова отвесно поднимался из воды, даже зацепиться было не за что.

Она поплыла дальше, следуя извилистой линии утесов. Ее руки все время наталкивались на ровную поверхность камня. Она начала уставать. Внезапно она увидела расщелину в утесе, а под ногами почувствовала ступени. Октавия стала подыматься по лестнице и вышла из воды.

Она знала, что большинство островов в этой части моря необитаемы. На этом острове могла располагаться пиратская берлога, но даже пираты были предпочтительнее тех зверей, от которых она убежала.

Октавия выбралась на верхушку утеса и увидела лес, подступающий к его подножию. Она спустилась вниз и вошла в чащу, стараясь не думать о змеях. Ее босые ноги не производили никакого шума, ступая по болотистой плодородной земле под деревьями. Пугающая тьма поглотила ее. Через несколько шагов она потеряла направление. Через спутанные ветви не было видно ни одной звезды. Она остановилась.

Где-то впереди раздались ритмичные удары барабана, и почти одновременно с этим звуком она почувствовала чье-то присутствие. Октавия ничего не видела, но чувствовала, что кто-то стоит рядом с ней в темноте.

Она рванулась назад, и в этот момент кто-то схватил ее за руку. Она закричала и стала отчаянно сопротивляться, но схвативший держал ее, как ребенка. Потом она почувствовала, как кто-то поднял ее на руки и понес в глубь леса, туда, откуда слышались отдаленные удары барабана...

4

Первый луч зари окрасил море. Маленькая лодка с одиноким гребцом подошла к утесам.

Человек в лодке был колоритной фигурой. Темно-красный шарф был обвязан вокруг головы, широкие шелковые штаны пламенных оттенков поддерживал широкий пояс, на котором в шагреневых ножнах висела кривая сабля. Его сапоги из позолоченной кожи наводили на мысль скорее о всаднике, чем о моряке, но греб он мастерски. Через распахнутую рубашку была видна широкая грудь, коричневая от солнца. Когда он поднимал весла из воды, мускулы на его руках вздувались. Это был Конан, вожак казаков.

Он пришвартовался к выступавшей скале, затем без всякого колебания поднялся вверх по ступеням. Он был настороже, но не потому, что бессознательно чувствовал опасность, таившуюся где-то рядом, а потому, что настороженность была частью его существа.

Газнази предусмотрел эту способность Конана. Он предугадал, что могло прийти в дикарский ум варвара.

Конан не подозревал, что за ним наблюдают люди, скрытые в тростниках на берегу.

Когда он поднялся на утес, один из этих людей глубоко с облегчением вздохнул и произнес молитву. Джехангир прошептал ему в ухо:

— Глупец! Ты выдашь нас! Дай ему забраться в глубь острова. Он пойдет искать девушку. Мы останемся здесь на некоторое время. Иначе он может почувствовать наше присутствие или разгадать наш план. С ним могли прийти воины, которые спрятались где-нибудь неподалеку. Мы будем ждать. Через час, если ничего подозрительного не случится, мы подгребем к ступеням и подождем его там. Если он не вернется, мы начнем охоту на него на острове.

Между тем ничего не подозревавший казак углубился в лес. Он шел бесшумно в своих кожаных сапогах, а его взгляд исследовал каждую тень в надежде увидеть рыжеволосую красавицу, которая ему снилась и которую он видел в павильоне Джехангира Агха в Форте Гхори.

Обворожительная улыбка и взгляд этой белокожей цивилизованной женщины зажгли его кровь. Он желал овладеть ею даже в том случае, если она будет испытывать к нему отвращение.

Он бывал на Ксапуре. Всего месяц назад, когда здесь собиралось тайное совещание пиратов. Он знал, что приближается к таинственным руинам, которые дали острову имя, и не удивился бы, если бы девушка скрылась именно в них.

Внезапно что-то увидев, он застыл... Впереди него между деревьями вставало что-то, что казалось ему невозможным. Это была огромная темно-зеленая стена с башнями, поднимающимися по ту сторону бастионов, — всего месяц назад здесь были только руины.

Чьи руки воздвигли такое монументальное строение за несколько недель? Кроме того, браконьеры, которые постоянно скитались по Вилайету, не могли не знать о проводимых работах и, конечно, рассказали бы об этом казакам.

Это необъяснимая вещь, но все же она была в действительности.

Конан был в замешательстве. Он медленно вернулся назад в лагерь в устье Запорожки. Конан знал, что между ним и таинственным Востоком, где часть природных законов была нарушена и постоянно происходила какая-нибудь чертовщина, лежали тысячи миль.

В этот момент, быть может, решилась судьба многих королевств — варвар увидел кусочек шелка, болтавшийся на ветке.

Конан сорвал лоскут с куста и узнал этот пленительный аромат, который в его сознании связывался со сладкой крепкой плотью женщины из павильона Джехангира.

Рыбак не солгал: она была здесь! Затем на земле он увидел след голой ступни, длинной и тонкой, не мужской и не женской. Это существо несло ношу, так как след был глубоко вдавлен в грунт, и этой ношей, по-видимому, была девушка, которую казак искал.

Он стоял с наружной стороны башен, которые неясно вырисовывались сквозь деревья, его синие глаза пылали огнем, желание обладать желтоволосой женщиной боролось в нем со страхом перед неизвестностью.

Но его человеческие страсти оказались сильнее страха, и, согнувшись, он начал подкрадываться к стенам, как охотящаяся пантера, используя густую листву.

Приблизившись, он увидел, что стены составлены из тех же зеленых кирпичей, из которых состояли руины, а охватившие его ощущения были необычны — он смотрел на что-то, чего никогда не видел, но что хорошо знал по снам или грезам. Конан понял, в чем дело. Стены и башни воссоздавали то величественное сооружение, руины которого он видел прежде.

Ни звука не нарушало утреннюю тишину в то время, когда Конан крался к подножию стены, круто поднимавшейся из пышной растительности. Массивные ворота, которые Конан увидел в стене, никем не охранялись и были не заперты. Он верил, что женщина, которую он искал, находится где-то там, по ту сторону от стены, и, конечно, им руководила известная всем безрассудность.

Над ним к бастионам протянулись гирлянды виноградных лоз. Конан, как обезьяна, поднялся на большое дерево, добрался до края парапета и заглянул за стену, сжимая в руках толстую ветку, а потом, качнувшись, перелетел за стену.

Представшие его взору трех- и четырехэтажные строения из зеленого камня имели плоские крыши. Улицы сходились в центр города, где стояло очень высокое сооружение с куполами и башнями. Он не увидел ни одного человека в окнах или на улицах, хотя солнце уже взошло. Тишина, которая господствовала над городом, давала понять, что это мертвый и пустынный город.

Дома были закрыты. Подойдя к одному из окон, Конан заглянул внутрь. Там не было ничего видно, и шелковые занавески, подвешенные на сатиновых веревках, были задернуты. В щель между занавесок казак увидел, что стены комнаты задрапированы декоративным бархатом, пол покрыт коврами, скамейки сделаны из полированного черного дерева.

Он услышал, что кто-то идет ему навстречу по улице.

Конан нырнул в ближайшую дверь, которая, к счастью, оказалась открытой. Попав вовнутрь, он медленно двинулся вперед, разглядывая ковры.

Подойдя к возвышению в алькове, он увидел, что там лежит красивая темноволосая девушка, которая смотрит на него безжизненными глазами.

Конан с удивлением оглядел ее, каждое мгновение ожидая ее крика. Но она изысканно зевнула, прикрывшись рукой, встала и небрежно прислонилась к драпировке.

Она была, несомненно, белой расы, хотя ее кожа была смуглой. Ее подстриженные квадратом волосы были темными, на ней были только обрывки одежды, свисавшие с худых плеч. Она зевнула снова, гибко потянулась и без каких-либо признаков страха или удивления заговорила на диалекте Юнетши, который звучал страшно архаично, но Конан понял ее.

— Ты кого-нибудь видел? — спросила она так же равнодушно, как если бы в ее комнату зашел ее давний знакомый, а не вооруженный чужеземец.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Юатели, — ответила она. — Я могу радовать поздно ночью, не сейчас. Сейчас я сплю. А кто ты?

— Я — Конан, гетман казаков, — ответил он. И сразу почувствовал, что она удивлена.

— Конан, — проговорила она сонно. — Ты не Дагонец. Я думаю, ты наемник. И много голов Юнетши ты отрезал?

— Я не воюю с водяными крысами! — фыркнул он.

— Но они так ужасны, — прошептала она. — Я помню, как они были нашими рабами. Но они восстали, они жгли и убивали. Только магия Кхосатрала Кхела удерживала их за пределами города.

Она сделала паузу, глядя загадочно и борясь со сном.

— Я вспоминаю, — прошептала она, — они поднялись на стены поздно ночью. Они кричали и жгли, а люди тщетно звали на помощь Кхосатрала.

Она тряхнула головой, как бы отгоняя воспоминания.

— Но, возможно, этого и не было, — прошептала она, — потому что я жива, тогда как они должны были убить меня... Черт с ним!

Она пошла по комнате, протянула руку Конану и потянула его к гобеленам. Девушка улыбнулась ему и стала похожа на засыпающего ребенка, ее длинные шелковистые ресницы поникли. Она сонно пробежала пальцами по своим темным локонам, как бы желая убедиться в реальности происходящего.

— Это сон.

Она зевнула.

— Возможно, что все это сон. Я чувствую, что хочу спать. У меня нет забот, я ничего не помню. Я чувствую, там есть что-то, чего я не понимаю, но мне хочется спать, когда я пытаюсь думать. Но все это неважно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан. — Ты сказала, что они перелезли через стены поздно ночью? Кто?

— Юнетши, во всяком случае, я так думаю. Туча дыма, и тут этот голый демон ударил меня ножом в горло. О, как это было больно! Но это был сон, потому что здесь нет никакого шрама.

Она осмотрела свою гладкую грудь, а затем села на колени Конана, обвила руки вокруг его массивной шеи, заставив его присесть на край алькова.

— Не могу вспомнить, — прошептала она.

Она уютно пристроила свою голову на его мощной груди.

— Всюду дым и мгла. Все не материально. Ты не материален. Ты силен. Давай жить, пока сможем. Люби меня!

Он убаюкивал голову девушки в своих согнутых руках, потом поцеловал ее полные красные губы с непритворным удовольствием.

— Ты силен, — повторила она.

Ее голос постепенно становился все тише и тише.

— Люби меня, люби...

Сонное бормотанье затихло, туманные глаза закрылись, длинные ресницы опустились, гибкое тело расслабилось в руках Конана.

Он склонился над ней. Она казалась частью иллюзии, которая была сущностью этого города, но прочная материальность ее тела убеждала, что это живая девушка, а не сон.

Не беспокоясь, он положил ее на меха.

Она спала глубоко и натурально. Он решил, что она наркоманка и, по-видимому, употребляет черный лотос Ксасала.

Затем он увидел золотистую шкуру зверя, который жил самое малое тысячу лет назад.

Гигантский золотой леопард, который был известен по Тибурианским легендам и которого древние художники с восторгом изображали на камне и мраморе.

В изумлении тряхнув головой, Конан прошел через арку во внешний коридор. Он услышал звук, в котором его уши распознали шаги, такие же, как те, которые испугали его на улице.

Чуть позже он услышал, как кто-то вошел в комнату, которую он только что покинул. Повернувшись, Конан быстро побежал по коридору, удаляясь от комнаты, и почти сразу же наткнулся на человека, лежавшего наполовину в коридоре, наполовину в зале,

куда вела потайная дверь в стене. Это был мужчина с грубыми чертами лица и бритой головой, тощий, с шелковой набедренной повязкой. Похоже, смерть настигла его в тот момент, когда он высунулся в коридор. Конан наклонился над ним в поисках причины смерти и увидел, что тот находится в состоянии глубокого сна, как и девушка в комнате.

В этот момент за спиной Конана снова раздался характерный звук — кто-то двигался по коридору следом за ним. Втащив тело мужчины в коридор, Конан шагнул в зал и быстро закрыл за собой дверь. Позади него щелкнула задвижка. Стоя в темноте, он слышал шаркающие шаги по ту сторону двери, и легкий озноб прошел по его спине. Звук не был похож на звериный.

Наступила тишина, затем слабо заскрипело дерево и металл. Вытянув руки, Конан почувствовал внутреннюю сторону двери, и, не дожидаясь, пока его таинственный преследователь откроет ее или пройдет мимо, казак пошел в темноту. Он услышал позади себя сюсюкающий звук, от которого волосы на его голове зашевелились. Он вытащил из ножен кривую саблю и тут же чуть не упал. Впереди были ступени, ведущие вниз.

Конан начал спускаться во тьму, полагаясь на свое чутье. Он понял, что спускается глубоко под землю. Наконец ступени перешли в ровный пол.

5

Конан шел ощупью по черному безмолвному туннелю, поминутно опасаясь невидимой ямы. Вскоре он обнаружил ступени, ведущие вверх. Поднимаясь по ним, он нащупал рукой металлическую дверь. Открыв ее, он вошел в темную и высокую комнату громадных размеров. Фантастические колонны выстроились вдоль испещренных стен, поддерживая свод, который был полупрозрачным и казался похожим на затянутое тучами небо в полночь. Лучи, проникающие в комнату с потолка, создавали очень оригинальное освещение. Комната была круглой и имела гигантскую бронзовую дверь, напротив которой располагалось возвышение. Это был медный трон, к которому вели стеклянные ступени. Конан с удивлением увидел, что на троне, свернувшись клубком, лежала гигантская змея, высеченная из нефритоподобного камня. Каждая чешуйка выглядела так, как будто она была реальной и переливалась яркими цветами. Огромная клинообразная голова была наполовину погружена в кольца тела, так что ни глаза, ни челюсти не были видны. Эта змея была одним из тех зловещих монстров, которые жили в прошлые века в южной части Вилайета. Но, подобно золотому

леопарду, она вымерла столетия назад. Конан видел их грубые изображения на миниатюрах в Книге Скелетов, которую начертали колдуны предыстории.

Конан залюбовался великолепным изделием и невольно положил ладонь на его манящую поверхность. И тут... сердце его, казалось, остановилось, а все тело пронзил ледяной холод — под его рукой была волокнистая масса живого существа.

Конан отдернул руку, ужас и отвращение охватили его. Скатившись вниз по стеклянным ступеням, Конан обернулся. Страшное существо не двигалось, оно продолжало спать на медном троне.

На лбу Конана выступил пот. Он подошел к бронзовой двери и попытался открыть ее, дверь поддалась, и Конан выскользнул из комнаты.

Он оказался в широком коридоре с декоративными стеклами. Свет здесь был сумеречно-красным. Вдалеке были видны неясные тени. Они встревожили его, вызвав ассоциацию со змеей.

Ближайший гобелен на стене висел так, будто за ним был проход. Конан осторожно отогнул его и обнаружил ступеньки, ведущие вверх.

Немного поколебавшись, он стал подниматься, но внезапно сзади послышалось шарканье. Мог ли кто-нибудь последовать за ним по коридору?

Он быстро поправил гобелен.

Поднявшись по ступенькам, Конан попал в извилистый коридор. Он подошел к первой двери и вошел внутрь. В своих хаотических скитаниях он преследовал двойную цель: не встретить или, по возможности, избежать хозяев и конечно же найти Немидианскую девушку. Он чувствовал, что она была именно в этих палатах или храмах. Он верил, что этот гигантский купол в центре города именно то место, куда рано или поздно должны привести пленную рабыню.

Конан хотел вернуться назад, так как оказалось, что эта лестница никуда не вела, но застыл, услышав голос, проходивший через одну из стен. Подойдя ближе к этой стене, Конан разобрал немедианскую речь, но голос не был человеческим. Звуки напоминали колокольный звон.

— Нет ничего лучше жизни. Опасаясь, все воссоединилось во мне, — сказал голос. — Не было ни света, ни движения, ни какого-либо звука. Только ощущение одиночества впереди и позади привело меня в движение и направило в путешествие через века, над веками, сквозь неизменные эпохи тьмы.

Забыв обо всем, Конан подчинился гипнозу колоколоподобного голоса. Казак услышал историю человека по имени Кхосатрал Кхел, который приполз из НОЧИ И ПУЧИНЫ, век за веком превращая себя из субстанции в материальное вещество.

Но человеческая плоть была хрупкой, хотя и содержала такую великую вещь, как разум Кхосатрала Кхела. Он принял облик человека, но его плоть не была плотью из костей и крови. Он жил и думал, двигался и пульсировал, сохраняя свойства субстанции в человеческом бытии.

Божественная субстанция Кхосатрала была неуязвима для оружия, а земные столетия умещались в его сознании в один час.

Подобный богу, он снизошел до примитивного бытия людей острова Дагония, он помог людям создать культурное и цивилизованное общество, и с его помощью они построили город Дагон и жили там, и поклонялись ему. Чуждыми и страшными были его слуги, вызванные из темных углов планеты, где скрывались мрачные пережитки прошлых веков. Его дом в Дагоне был связан с каждым домом, из которых священники брали жертвы для приношения ему.

Прошло много лет, наполненных злобой и жестокостью. На побережье континента появились люди, звавшие себя Юнетши. Но после жестокой битвы они были разбиты и порабощены, и несколько поколений их умирало на алтарях Кхосатрала.

Но однажды он со своими священниками, существами нечеловеческой расы, удалился в пустыню. Вернулся он один, с кинжалом, выкованным из металла метеорита. Его колдовская сила пропала. Рабы-юнетши, поняв это, восстали и уничтожили почти всех дагонцев.

Во время кровавой резни откуда-то появился священник. Он проник во дворец Кхосатрала и с помощью обмана усыпил его на золотом ложе в зале, отделанном шкурами змей.

Минули века, башни и дворцы пустынного Дагона разрушились. Предания об этом богатом и красивом городе начали стираться из памяти немногочисленных потомков. Голод, чума и беспрерывные войны почти истребили народ Юнетши, жалкие остатки которого обитали на морском побережье материка.

Рыбак Юнетши обнаружил Кхосатрала на золотом ложе среди руин купального зала. Кхосатрал ожил и с радостью осознал, что колдовская сила вернулась к нему.

Он восстановил город таким, каким тот был многие века назад. Поклонявшиеся ему люди, умершие века назад, снова вернулись к жизни.

Но узнавшие смерть, жили только частично. В темных коридорах их душ и разумов таилась непобежденная смерть. К ночи люди Дагона оживали и двигались, а их собственная смерть казалась им ужасным сном.

С приходом дня они погружались в сон и просыпались только с наступлением ночи, которая сродни смерти.

Их жизнь была ужасной, и все это открылось перед Конаном в то время, как он согнувшись сидел у обтянутой декоративными тканями стены.

Теперь все случившееся с Конаном на острове стало ему понятно. Вдруг Конан услышал истерические рыдания женщины.

Он непроизвольно вскочил.

6

Джехангир Агха становился все более мрачным, сидя в своей лодке в камышах.

Больше часа прошло, а Конан не возвращался. Агха был почти уверен, что девушка скрывается на острове.

Джехангир сказал что-то гребцу, и длинная лодка скользнула среди тростников и поплыла к каменным ступеням.

Понаблюдав за людьми, плывшими с ним в лодке, Джехангир успокоился, десять могучих наемников из Кхваризма в остроконечных шлемах и в плащах из тигриных шкур, не считая гребцов, — похоже на охотников, едущих в убежище льва. Они поднялись по ступеням и прокрались под деревьями к стене. Тишина царила вокруг. Внезапным жестом Джехангир остановил свой отряд.

— Тарим! — прошептал Джехангир. — Пираты восстановили руины! Укрепленный город на таком острове! Пойдем! Несомненно, Конан там.

Они осторожно прошли вдоль стены. Вороты были открыты.

Они двинулись к смерти более страшной, чем смерть от отравленных стрел.

Звенящий голос замолк. Постояв в нерешительности, Конан пошел назад. В комнате было сумрачно... Всмотревшись внимательней, он увидел голову и пару гигантских рук, выступавших из темноты. Звука шагов не было, но существо приближалось, и гетман различил фигуру человека.

Он был одет в сандалии, юбку и широкий шагреневый пояс. Его подрезанная квадратом грива была охвачена золотым обручем.

Конан пристально посмотрел на размах его плеч и широкую грудь. Силачи и борцы из цирка могли только мечтать о подобном.

Лицо было исполнено решимости, глаза испускали молнии. Конан знал, что это был Кхосатрал Кхел, посланник Пучины, бог Дагонии.

Кхосатрал протянул свои гигантские руки, но Конан увернулся от них и нанес удар саблей в живот гиганта.

Раздался звон, и сабля, не оставив и царапины на животе гиганта, отскочила. В тот же миг Кхосатрал нанес ему неотразимый удар.

Кхосатрал неясно вырисовывался во тьме. Он попытался поймать Конана, но тот оказался проворней. Отбросив в сторону бесполезную саблю, Конан схватил тяжелую скамью и швырнул ее со всей силой. Скамья была тяжелым метательным снарядом, несколько человек едва ли смогли бы поднять ее.

Она ударила в могучую грудь Кхосатрала и развалилась на куски. Лицо монстра исказилось звериной гримасой. Он, подобно гигантской движущейся башне, наступал на Конана. Тот с отчаянием рванул декоративный гобелен со стены и с гигантской силой швырнул в голову великана. Кхосатрал немедленно запутался, замялся и потерял ориентировку. Конан подобрал свою саблю и выскользнул в коридор. Так быстро, как он только был способен, Конан закрыл дверь засовом.

Немного успокоившись, гетман огляделся... и увидел Октавию. Вся его кровь, казалось, хлынула ему в голову.

Золотые волосы стекали на ее обнаженные плечи, глаза наполнены ужасом. Это была женщина, которую он так страстно желал. Конан уже забыл про Кхосатрала, но, услышав грохот позади, понял, что медлить нельзя. Он схватил девушку и прыгнул к противоположной двери. Девушка была почти без сознания и не сопротивлялась.

Конан, не тратя времени, попробовал открыть дверь. Разбитый вдребезги его саблей, замок упал на землю, и в тот момент, когда они проскочили в следующую комнату, он увидел, как Кхосатрал с треском проламывается сквозь дверь.

Кхосатрал раздавил массивные панели так, как если бы это был картон.

Конан, взвалив девушку на плечо, словно она была ребенком, выскочил в круглый зал. И рвался дальше. Едва он успел закрыть засов следующей комнаты, как крепкая дверь затряслась под чудовищными по силе ударами гиганта. Это был конец. Здесь не было другой двери, только окно, за которым полумрак.

Он попробовал лезвие своей сабли.

Долгий крик вырвался из груди девушки в тот момент, когда под первым ударом гиганта застонала дверь.

Конан не смотрел вокруг, он знал, что дверь долго не выдержит, но он хотел, чтобы она продержалась как можно дольше.

— Мне сказали, что ты сбежала, — начал он. — Юнетши-рыбак сказал, что ты скрываешься здесь. Как твое имя?

— Октавия, — выдохнула она.

Затем снова слова ее стремительно понеслись. Она схватила его руками.

— О, Митра, что за кошмар происходит здесь? Люди — темнокожие, один из них поймал меня в лесу и привел сюда. Они несли меня, как вещь. Он говорил мне... он сказал... Я сумасшедшая? Это сон?

Он взглянул на дверь, которая выгибалась под ударами гиганта.

— Нет, — сказал он, — это не сон. Эти петли долго не выдержат. Чудовище, которое пытается разрушить дверь, похоже на обыкновенного человека. Но сила его — дьявольская.

— Ты сможешь убить его?

Она задыхалась.

— Ты сильный.

Конан решил быть с ней честным.

— Если обычный человек может убить его — я сделаю это, — ответил он. — Пока я только затупил об него свою саблю.

Ее глаза потускнели.

— Тогда ты будешь убит, а... О, Митра! — крикнула она во внезапной ярости.

Конан поймал ее за руки, опасаясь, что она может причинить себе вред.

— Он говорил мне, что сделает со мной...

Она задохнулась.

— Лучше убей меня своей саблей до того, как он взломает дверь!

Конан посмотрел на нее и кивнул головой.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он. — Я дам тебе шанс проскользнуть позади него. Потом беги к утесам. Я оставил там свою лодку. Все люди в городе спят.

Она опустила голову. Конан взял саблю и встал перед дверью. Ни один человек, увидевший его, не мог бы сказать, что он идет на смерть. Он приготовился к неизбежному.

Это был конец.

Петли поддались под чудовищными усилиями гиганта, и дверь закачалась, удерживаемая только засовом. Тонкая стальная полоса была вырвана из пазов.

Затем толчки прекратились. Конан услышал новый звук — удары крыльев и шепчущий голос, который походил на шелест ветра в полночь в ветвях. Внезапно наступила тишина, и он почувствовал, что повелителя Дагона больше нет за дверью.

Конан посмотрел через трещину в железе туда, где только что стоял Кхосатрал. Конан снял искореженный железный засов и осторожно потянул обвисшую дверь.

Кхосатрала не было, но он услышал, как далеко внизу хлопнула входная дверь.

Он не знал, что могло заставить гиганта изменить намерения, куда мог позвать его шепчущий голос, но он не стал тратить время на предположения.

Он позвал Октавию, и что-то в его голосе заставило ее подняться и подойти к нему.

— Что это? — сказала она, задохнувшись.

— Некогда болтать!

Он схватил ее за руку.

— Пойдем!

Он потащил девушку за собой по ступенькам.

— Волшебный кинжал Юнетши! Он должен хранить его в зале с куполом!..

Зал с куполом примыкал к огромной комнате, где на медном троне лежала гигантская змея.

Но он не колебался. Мягко ступая, они спустились по ступеням и вошли в зал с драпировками. Остановившись против гигантской бронзово-золоченой двери, Конан схватил Октавию за руку и с силой тряхнул ее.

— Слушай! Я войду в эту комнату и закрою за собой дверь. Стой здесь и слушай. Если Кхосатрал придет, зови меня. Ты поняла? Я иду за кинжалом Юнетши!

Прежде чем она успела что-либо возразить, он нырнул за дверь. Заперев засов, он стал привыкать к слабому освещению.

Постепенно он смог разглядеть темный трон. Конечно, чешуйчатый монстр был там.

Конан увидел дверь позади трона и понял, что он не ошибся, но, чтобы пройти туда, он должен был подняться на возвышение в нескольких футах от трона.

Конан, крадучись, начал приближаться к трону.

Его глаза неотрывно следили за спавшей рептилией. Он поднялся на возвышение и встал на стеклянные ступени. Змея не двигалась. Он потянулся к двери.

Засов на бронзовой двери шевельнулся, и Конан задохнулся от ужаса, когда увидел, как Октавия вошла в комнату. Она огляделась во мраке. Наконец она увидела его и побежала вперед по ступеням, крича:

— Я хочу пойти с тобой! Я боюсь стоять там одна! О!..

Увидев змею, она закрыла лицо руками и ужасно закричала. Клинообразной формы голова поднялась из колец на толстой блестящей шее. Плавным движением змея начала вытекать из трона, кольцо за кольцом. Ее безобразная голова качалась на расстоянии фута от парализованной девушки.

Конан пересек расстояние до трона одним прыжком. Его сабля взлетела вверх, но змея с фантастическим проворством увернулась

и обвила его ноги и тело полудюжиной колец. Сабля опустилась в пустоту, и в тот же момент Конан покачнулся и покатился вниз по ступеням.

Тела человека и змеи, переплетаясь, корчились на полу. Кольца сжимались, но правая рука Конана еще была свободна. Но он никак не мог изловчиться для нанесения удара. Гетман знал, что одного удара будет достаточно. Наконец, собрав все свои силы, Конан сумел подняться на ноги.

Он шатался под грузом сорокафутового демона. В глазах его стало темнеть. Он взмахнул саблей и опустил ее на рептилию, разрубив рядом несколько колец. Конан чувствовал тошноту и головокружение, кровь текла из носа. Он схватил Октавию так, что она задохнулась.

— В будущем, если я скажу тебе стоять — стой!

Он перевел дыхание.

Октавия, ничего не сказав, взяла его под руку и повела прочь от извивавшихся на полу кусков. Когда они подошли к двери в зал под куполом, Конан уже окончательно пришел в себя. Где-то вдалеке он услышал человеческие крики, но его уши были как-будто забиты ватой, и он решил, что это ему показалось.

Дверь поддалась под его нажимом. Конан опасался, что Кхосатрал мог поставить какое-либо чудовище для охраны купольного зала. Выдавив входную дверь, он вошел в зал и в полумраке увидел мерцание клинка, лежавшего на золоте.

Задыхаясь от радости, он поднял и спрятал кинжал. Взяв за руку девушку, он побежал к другой двери, за которой, как ему показалось, он увидел дневной свет. На этот раз чутье его не подвело, они вышли на улицу.

Нигде никого не было видно, но с запада неслись крики и вопли. Он повел ее к юго-западной стене и без труда нашел каменные ступени, поднимавшиеся на вал.

Сорвав в холле одного из домов большой гобелен, он обвязал его вокруг бедер девушки и мягко спустил ее на землю.

Затем, укрепив один конец между камней, он спустился вслед за ней. Теперь у него был один путь — прочь с острова по ступеням западных утесов. Доносившиеся из города звуки и крики привели Октавию в ужас. Она крепче прижалась к своему защитнику, который уже совершенно оправился после схватки со змеей. Они увидели фигуру на вершине утеса.

Джехангир Агха лишь бегством избежал гибели, когда железный гигант внезапно набросился на них у ворот и начал уничтожать их. Воины гибли страшной смертью, а их мечи и стрелы не причинили монстру никакого вреда. Когда Агха добрался до ступеней, он увидел, что гребцов и лодки нет. Напуганные дикими криками, они вернулись к тростниковым зарослям.

Джехангир обнаружил лодку Конана и готовился отплыть на ней, когда из леса вышли гетман и девушка. Агха решил попытаться убить казака, а не просто удрать на его лодке. Он помнил намерение, с которым пришел сюда. Он был немного удивлен, увидев девушку, которую он сам отдал Джелал Кхану, хотя и знал, что она сбежала. Прицелившись, Агха выпустил стрелу. Она воткнулась в дерево, и Конан засмеялся:

— Собака! Ты не можешь даже ударить меня. Я рожден не для того, чтобы умереть от гирканианской стали! Попытайся снова, туранская собака!

Джехангир не мог сделать этого снова — у него больше не было стрел. Он обнажил саблю, и противники сошлись в смертельной схватке. Сабли лихо мелькали в воздухе, противно лязгая, когда один из противников отбивал удар другого.

Октавия с замиранием сердца наблюдала за происходящим.

Внезапно Джехангир остановился, выронил саблю и схватился руками за живот. Пальцы его обагрились кровью, и через минуту он упал замертво. Конан стоял над бездыханным телом Агха.

В этот момент Октавия пронзительно закричала. За спиной Конана появился Кхосатрал Кхел. Казак обернулся и, мгновенно оценив обстановку, отскочил в сторону и вытащил кинжал Юнетши. Только он давал шанс на успех в бою с дагонским богом.

Кхосатрал набросился на казака, но Конан и не думал отступать. Он сделал встречный выпад и нанес несколько резких и коротких ударов по корпусу гиганта. Нож не раскололся. Темное тело Кхосатрала покрылось ранами, из которых полилась ручейками кровь.

Кхосатрал закричал ужасным голосом, эти скрежещущие металлические звуки были невыносимы. Он кружился, делал беспорядочные попытки нанести удары, от которых Конан уворачивался с ловкостью гимнаста. Кхосатрал стал отступать в лес, продираясь сквозь кусты. Конан преследовал его, нанося жалящие удары.

Добравшись до стен Дагона, Кхосатрал предпринял последнюю попытку расправиться с казаком. Он резко развернулся, Конан нырнул под руками чудовища и вонзил кинжал в его сердце.

Кхосатрал закружился и упал, в его груди торчал кинжал. Внезапно его лицо, тело и конечности стали деформироваться. В предсмертных муках Кхосатрал Кхел терял человеческое обличие и превращался в существо, которое тысячелетие назад выползло из Пучины.

Конан с отвращением отвернулся от останков противника и увидел, что башни и пики Дагона больше не проглядывали сквозь

деревья. В его памяти вновь возникли бастионы, башни, огромные бронзовые ворота, роскошная утварь, темноволосая женщина и человек с бритым черепом. С исчезновением нечеловеческого разума, который дал им жизнь, они вернулись назад во мглу, а на месте города вновь простирались развалины. Только обломки разрушенных колонн стояли над искрошенными стенами, разворошенной мостовой и разбитым вдребезги куполом. Конан вновь видел руины Ксапура такими, какими он их помнил.

Гетман стоял в оцепенении, оценивая трагедию этого города и великой в прошлом империи, ныне погруженной во тьму. Он осмотрелся, как бы пробуждаясь ото сна, и, увидев останки на земле, отвернулся и направился прочь к девушке, которая ждала его у утесов.

Она сидела, страшно напуганная, под деревьями. Увидев его, радостно вскрикнула, а затем прошептала:

— Где ОН?

— Ушел в ад, откуда он выполз, — сказал бодро Конан. — Почему ты не спустилась и не уплыла в лодке?

— Я не была... — начала она.

Но смутившись, она нахмурилась.

— Я сейчас уйду, но гирканианцы могут снова поймать и поработить меня, и пираты будут...

— И казаки? — предположил он.

— А разве они лучше пиратов? — спросила она.

Конан был очарован ее стремлением быть снова неприступной после всего пережитого. Ее напускное высокомерие забавляло его.

— Ты, кажется, по-другому вела себя в лагере Гхори, — ответил он. — Ты была свободна и расточала улыбки.

Ее губы презрительно сжались.

— Ты думаешь, что я возбуждала твою любовь? Ты считаешь, что я не притворялась? Мой повелитель — его тело лежит здесь — заставлял меня делать это.

— О!

Конан, казалось, был немного озадачен, затем он засмеялся, это показалось ему забавным.

— Это не имеет значения. Сейчас ты моя. Ты принадлежишь мне. Поцелуй меня.

— Ты отваживаешься просить...

Она начала злиться.... и вдруг оказалась в объятиях гетмана. Октавия попыталась было возражать, но только смех был ответом на ее усилия.

Он подавил ее сопротивление и пил нектар с ее губ со всей своей безудержной силой, и ее руки невольно обвились вокруг его мускулистой шеи. Он засмеялся и, пристально глядя в ее глаза, сказал:

— Почему бы главарю свободных людей не предпочесть всю городскую скуку Турана ласкам светловолосой красавицы?

Она откинула назад голову, ощущая каждым нервом огонь его поцелуев, и не снимала свои руки с его шеи.

— Ты полагаешь себя в этом равным с Агха? — спросила она вызывающе.

Он засмеялся и прижал ее к себе еще сильнее.

— Ты оценишь это, — похвастался он. — Я зажгу весь Кваризм факелом, если он встанет на твоем пути в мой шатер.

Люди из черного круга

ПОВЕСТЬ

1
СМЕРТЬ ПОРАЖАЕТ КОРОЛЯ

Король Виндии умирал. Через жаркую душную ночь пролег его путь в чистилище.

Звонили колокола в храмах, отдаваясь эхом в золотом куполообразном зале, где Бунда Чанд боролся со смертью, возлежа на вельветовых подушках и сжимая потными пальцами четки. Молодой король Виндии умирал от раны, нанесенной дротиком. Его расширившиеся глаза всматривались в приближающуюся смерть. Над королем склонилась его сестра Деви Юсмина. Немного поодаль стоял Возам, дворянин, служивший при дворе.

Когда грохот барабанов достиг золотого зала, Юсмина с отчаянием воскликнула:

— Зачем священники так шумят? Они не сильнее и не мудрее беспомощных пиявок. Он умрет, так ничего и не сказав. Он умрет, а я буду стоять беспомощная...

— Не человек убил его, — ответил Возам, — может, Дьявол, а может, Яд.

— Нет, он не отравлен! — выкрикнула она. — С самого рождения он охранялся так тщательно, что самые ловкие отравители Востока не могли добраться до него. Пять черепов, белеющих на башне Бумажного змея, показывают, чем закончились попытки. Ты же хорошо знаешь, что десять мужчин и десять женщин имеют единственную обязанность пробовать еду и питье, пятьдесят вооруженных стражей сторожат их сейчас. Это колдовство, черное страшное колдовство.

Она замолчала, так как король заговорил.

Его посиневшие губы не могли двигаться, и не было заметно, что он узнал, кто перед ним.

Его голос шел, казалось, изнутри или издалека, так, как если бы он говорил с вершины утеса.

— Юсмина, сестра моя, где ты? Я не вижу тебя. Всюду тьма и ревут ужасные ветры.

— Брат! — крикнула Юсмина.

Она сжала его слабую руку.

— Я здесь! Ты узнаешь меня?

Ее голос замер. Слабый звук сорвался с его губ. Рабыни на полу зарыдали, Юсмина ударила себя в грудь...

В другой части города на решетчатом балконе, выходившем на длинную улицу, стоял человек и смотрел на снующих факельщиков.

Человек пожал плечами и вернулся в обставленные по-арабски палаты. Он был высок, плотно скроен и богато одет.

— Король не умер, но поют погребальные песни, — сказал он другому человеку, который сидел на корточках на коврике в углу.

Этот человек был одет в робу из верблюжьего меха, а на голове возвышался зеленый тюрбан. Он был спокоен до безразличия, его взгляд был отрешенным.

— Люди знают, что он не увидит новой зари, — ответил этот человек.

— Чего я не понимаю, — сказал первый, — это почему пришлось так долго ждать вмешательства твоих повелителей. Если они убивают короля сейчас, почему они не могли сделать этого много дней назад?

— Искусством, которое вы называете колдовством, можно управлять, и им управляет космос, — ответил человек в зеленом тюрбане. — Звезды действуют. Даже мои повелители не могут влиять на звезды. До тех пор, пока планеты не были в соответствующем порядке, замысел был невыполним.

С этими словами он стал вычерчивать на мраморном полу карту созвездий.

— Наклон Луны предвещает зло для короля Виндии. Звезды в смятении, какого я давно не видел. Змея в Доме Слона. Во время такого противостояния невидимые стражи удаляются от Бунда Чанда. Открывается тропинка в невидимое королевство, и когда контакт будет установлен, могущественные силы вступят в сражение на том конце этой тропинки.

— Покажите, как устанавливается контакт, — попросил первый. — Это, кажется, локоны Бунда Чанда?

— Да. Все сброшено с человеческого тела. Правители Азии имеют слабое представление о правде, но я вижу, что все когти уравновешены, а бесполезные части персон из королевской семьи осторожно худеют и распадаются в прах. Это должно вынудить молиться за принцессу Кхосала, которая трепетно любила Бунда Чанда, он дал ей локон своих длинных черных волос. Когда мои повелители решили положить конец этому, локон этот в золотом, инкрустированном драгоценностями ящике стал каменным. Подлинный локон пропутешествует по караванному пути в Иешка-

хаири, оттуда вверх в Зайбарский проход, в земли, которые лежат за ним.

— Ничего не понял. Только локон с головы, — пробормотал дворянин.

— В каждой душе встает заря из бездны этого пространства, — повторил человек в тюрбане, вычерчивая карту.

Первый внимательно изучал ее.

— Я не пойму, человек ты, или демон, Хемса, — сказал он позже. — Немногие из нас являются тем, что мы видим. Я из Конатриуоба, известен как Керим Шах, принц Иранистана. Я не умнее, чем те, кто выдает себя за гениев. Они все предатели, независимо от того, каким путем они идут, и половина из них не знает к тому же, что они слуги. Меньше всего подлежит сомнению, что я слуга короля Юздигера из Турана.

— А я Черный Пророк из Уисмы, — сказал Хемса, — и мои повелители более велики, чем ваши. Они показали, что их искусство сильней, чем сотни тысяч мечей Юздигера.

Снаружи доносились стоны тысяч людей.

Эти звуки, дрожа, поднимались к звездам, которые покрывали небо Виндианской ночи, и раковины ревели, как быки, страдающие от ран. Все дворяне Виндии собрались в огромном дворце или около него, и в каждой широкой арке ворот стояло по пятьдесят воинов с луками в руках.

Но смерть прошествовала через королевские покои, и никто не мог остановить ее призрачную поступь.

На возвышении под золотым балдахином король вновь закричал в ужасных муках.

Голос смерти исходил из его хрипевшего горла.

— Юсмина! — прохрипел он жутко, казалось, из бездонного колодца. — Помоги мне! Я на пути в свой смертный дом. Колдуны отдали заре мою душу с помощью ветров тьмы. Они ищут серебряный шнурок, соединяющий мое тело с моей душой. Помогите! Слуга моя, сестра! Их пальцы иссушают меня. Это похоже на огонь! Они убьют мое тело и проклянут мою душу. Что они несут ко мне? Помоги!

В ужасе от его беспомощного крика Юсмина, не сдержавшись, закричала и прижалась всем телом к нему, пытаясь облегчить его муки. Он плакал, бился в ужасных конвульсиях, пена выступила на его искривленных губах, и его бесчувственные пальцы легли на плечи девушки. Хотя глаза оставались пустыми, его речь приобрела осмысленность.

— Скорее!

Он задыхался.

— Я знаю, что привело меня на погребальный костер. Я был в далеком путешествии, но я помню. Я был в ссоре с колдунами Гимилиана. Они оторвали мою душу от тела и тащат прочь в каменную комнату. Это их стараниями была разорвана серебряная нить жизни, и они толкают мою душу из тела, вызывая силы ада. Ах! Я чувствую, как они тянут меня! Вы кричите и, сжав пальцы, тащите меня назад. Я скоро уйду. Моя душа цепляется за тело, но оно держит слабо. Убейте меня до того, как они вытащат мою душу!

— Я не могу, — отвечала принцесса, рыдая.

— Скорее! Я приказываю тебе!

В его слабевшем голосе еще угадывались повелительные нотки.

— Вы никогда не ослушаетесь меня. Исполняйте мою последнюю волю! Мой приказ! Очистите мою душу, послав ее в Асала! Спасите, оставьте вашу нерешительность. Убейте, я приказываю вам!

Рыдая, Юсмина вытащила инкрустированный драгоценный кинжал и погрузила его по рукоять в его грудь. Он вытянулся и ослабел, мрачная улыбка появилась на его мертвых губах.

Юсмина упала лицом вниз на ковер. В стороне от нее послышались удары гонга, и священники вошли в зал с медными ритуальными ножами в руках.

2
ВАРВАР С ХОЛМОВ

Чандер Шан, правитель Пешхаури, положил свое золотое перо и внимательно проглядел, что он написал на пергаменте, скрепленном его официальной печатью. Он правил Пешхаури так долго только потому, что взвешивал каждое слово, произнесенное или написанное. Опасность воспитывает осторожность, и только осторожный человек долго живет в этой дикой стране, где горячие равнины Виндии смыкаются со скалами Гимилиана.

Час езды на восток или на север, и ты пересекаешь границу и оказываешься среди гор, где люди живут по закону ножа.

Правитель сидел за инкрустированным столом из эбонита. Через открытое окно он мог видеть небо виндианской ночи, усеянное большими белыми звездами.

Примыкавший к комнате парапет казался смутной линией, а дальние зубцы и амбразуры крепостной стены едва различались в туманном звездном свете. Крепость правительства была сильной и располагалась вне стен главного города. Легкий ветерок, который шевелил гобелены, приносил с улиц Пешхаури обрывки заунывных песен и бренчание лиры.

Правитель прочитал то, что он написал, открытой ладонью затеняя глаза от бронзовой лампы и медленно шевеля губами. Читая письмо, он уловил стук лошадиных копыт за охранной башней и резкий оклик стражи, но не обратил на это внимания.

Письмо было адресовано возаму Виндии в Аудхию и гласило после обычных приветствий:

«Да будет известно вашему превосходительству, что я тщательно выполнил ваши инструкции. Семь дикарей хорошо охраняются в тюрьме, и я периодически посылал известия в горы, приглашая их главаря на переговоры. Тот отметил, что, если его соплеменники не будут освобождены, он сожжет Пешхаури и покроет свое седло моей шкурой. На это он вполне способен, хотя я утроил число стражников. Человек этот не уроженец Афгулистана, и я не могу с определенностью сказать, каким будет его следующий шаг. Но поскольку это желание Деви...»

Он резко вскочил со своего кресла из слоновой кости и повернулся к сводчатой двери одним движением. В следующее мгновение он схватил лежавшую на столе изогнутую саблю.

На пороге стояла женщина. Ее богатые одежды из тонкой материи не скрывали гибкости и стройности ее высокой фигуры. Прозрачная вуаль сползла ниже груди, поддерживаемая снизу и сверху тройным золотым шнуром и украшенная золотым полумесяцем. Ее глаза рассматривали удивленного правителя через вуаль, затем величественным жестом белой руки гостья открыла свое лицо.

— Деви!

Правитель упал на колени перед ней.

Его удивление и смятение были совершенно искренни, несмотря на некоторую картинность позы.

Она жестом приказала ему встать, и он поспешил проводить ее к своему креслу из слоновой кости.

После паузы он со смирением произнес:

— Ваше величество! Граница неспокойна! Набеги с гор не прекращаются. Вы прибыли с охраной?

— Свита сопровождала меня только до Пешхаури, — ответила она. — Я разместила моих людей там и приехала в крепость со служанкой Гитерой.

Чандер Шан застонал от ужаса.

— Деви, вы не понимаете опасности. В часе езды от этого места горы кишат варварами, профессия которых убийство и грабеж. Женщин крадут, а мужчин закалывают. Пешхаури не похож на ваши южные провинции.

— Но я здесь, и со мной все в порядке, — прервала она его с оттенком нетерпения. — Я показала свое кольцо с печаткой, и стража у ворот и около твоей двери пропустила меня, по-видимому,

предполагая, что я секретный курьер из Аудхии. Давай не будем терять времени. Ты получил ответ от главаря варваров?

— Ничего, кроме угроз и проклятий, Деви. Он осторожен и подозрителен, считая, что это ловушка. Винди не всегда выполняют свои обещания, данные людям холмов, в этом он прав.

— Его надо заставить принять условия! — воскликнула Юсмина.

Костяшки ее стиснутых пальцев побелели.

— Я не пойму...

Правитель покачал головой.

— Когда я взял в плен этих семерых людей гор, я, как принято, доложил о них Возами, и прежде чем я смог повесить их, пришел приказ задержать казнь и связаться с их главарем. И я сделал это, но главарь держится отчужденно, как я уже сказал. Эти люди племени афгули, но он пришелец с запада, и его зовут Конан. Я пригрозил повесить их завтра на рассвете, если он не явится.

— Хорошо! — воскликнула Деви. — Ты правильно сделал. Я скажу тебе, почему я дала этот приказ. Мой брат...

Она замолчала, сделав паузу, и правитель склонил голову в привычном жесте уважения ушедшему монарху.

— Король Виндии был уничтожен магией, — сказала она наконец. — Я решила посвятить свою жизнь мести. Когда он умирал, он дал мне ключ к разгадке тайны, и я, похоже, поняла, что он имел в виду. Я прочитала «Книгу Скелоса» и разговаривала со многими отшельниками в пещерах Хелая. Я узнала, как и кем он был погублен. Его врагами были Черные Пророки Горы Уисмы.

— Азура! — прошептал Чандер Шан, побледнев.

Ее глаза пронзили правителя.

— Ты боишься их?

— Кто их не боится, Ваше Величество! — ответил он. — Это черные дьяволы, которые появляются в горах за Заибаром. Но саги говорят, что они редко вмешиваются в жизнь смертных людей.

— Почему они убили моего брата, я не знаю, — ответила она. — Но я поклялась на алтаре Азура уничтожить их! И мне нужна помощь человека, который хорошо знает горы. Армия Виндии без его помощи не сможет достигнуть Уисмы.

— Да, — пробормотал Чандер Шан. — Вы правы. Двигаться по горным тропам Афгулистана, преодолевая сопротивление волосатых варваров, будет непросто. За каждый шаг винди заплатят десятки жизней. Туранцы когда-то прошли через владения Афгули, но много ли их вернулось домой?

— Поэтому я и должна иметь опытных проводников, — сказала она.

— Но все боятся Черных Пророков и избегают нечистое место, — вырвалось у правителя.

— А Конан боится их? — спросила она.

— Ну, что касается него, — пробормотал правитель, — я сомневаюсь, есть ли что-то, чего боится этот дьявол. Так мне говорили. Этот человек, с которым я должен поговорить, хочет освободить своих людей. Очень хорошо, их выкупом будут головы Черных Пророков!

Она кивнула и резко встала с кресла. Эта женщина, стоявшая с высокоподнятой головой, со сжатыми кулаками, казалась воплощением непреклонной решимости.

Снова правитель встал на колени, так как частью его мудрости было знание, что женщина в таком эмоциональном состоянии также опасна для окружающих, как слепая кобра.

— Будет, как вы желаете, Ваше Величество.

Затем, когда она немного успокоилась, он встал и осмелился обронить слова предостережения:

— Я не могу предсказать, каким будет поведение Конана. Дикари всегда неуравновешенны, и у меня есть причина думать, что эмиссары из Турана подбивают их к набегам на наши границы. Как знает Ваше Величество, туранцы обосновались в Секундераме и других северных городах, хотя племена гор остаются неподвижными. Король Юздигер давно смотрит с жадностью на юг и, возможно, ищет пути захватить сокровища, которые он не смог завоевать силой оружия. Я даже думаю, что Конан может оказаться одним из его шпионов.

— Мы увидим, — ответила она. — Если он любит своих подданных, он будет у ворот на рассвете. Я проведу ночь в крепости. Я приехала тайно в Пешхаури и разместила свою свиту в гостинице. Кроме моих людей, только ты знаешь о моем присутствии здесь.

— Я провожу вас в ваши комнаты, Ваше Величество, — сказал правитель.

Служанка ждала их около двери. Лицо ее, как у госпожи, было закрыто вуалью. Она последовала за ними, вся группа прошла в широкий коридор, освещенный дымящимися факелами, и достигла комнат, предназначенных для благородных гостей — генералов и губернаторов. Никто из королевской фамилии до сих пор не был в этой крепости. У Чандер Шана было смутное чувство, что апартаменты не годятся для такой важной персоны, как Деви, хотя она старалась избегать церемоний. Он был рад, когда она отпустила его, и откланялся. Все слуги в крепости были собраны, чтобы служить гостье, хотя правитель и не разглашал ее тайны, он установил копьеносцев перед ее дверями. Среди них был и воин, который до этого охранял его собственные апартаменты. Он забыл поменять его.

Правитель давно уже ушел от нее, когда Юсмина вдруг вспомнила что-то, что она хотела обсудить с ним. Это касалось Керим Шаха, вельможи из Иранистана, который жил в Пешхаури до того, как переехал ко двору в Аудхии.

Смутное подозрение по отношению в этому человеку возникло, когда она увидела его вновь в Пешхаури этой ночью. Юсмина подумала, не следовал ли он за ней из Аудхии. Она вышла в коридор одна и направилась к комнате правителя.

Чандер Шан закрыл дверь и подошел к столу. Он взял письмо, которое писал, и разорвал его на клочки. Едва он это сделал, как услышал звук падения какого-то предмета на паркет около окна. В следующий момент правитель увидел фигуру, неясно промелькнувшую в проеме окна на фоне звезд, а затем в комнату вскочил человек.

Свет мерцал на стальном лезвии в его руке.

— Ш-ш-ш! — предупредил тот. — Никаких шуток или отправишься к дьяволу.

Правитель замер, потянулся было к сабле, но, вовремя оценив, что находится в пределах досягаемости длинного зайбарского ножа, замер.

Пришелец был высоким мужчиной, сильным и стройным. Он был одет как афгулиец, что не сочеталось с его смуглой кожей и голубыми глазами. Чандер Шан никогда не видел человека, похожего на него — это был какой-то варвар с Запада.

— Пришел ты, как вор, ночью, — заметил правитель.

Он овладел собой, хотя помнил, что рядом нет стражи. Но дикарь мог и не знать об этом.

— Я взобрался на бастион, — прорычал пришелец, — и охранник вовремя высунул свою голову, чтобы я мог ударить по ней рукояткой ножа.

— Ты Конан?

— Кто же еще? Ты послал известие в Горы, что желаешь начать переговоры. Ладно, я пришел! Отойди подальше от этого стола или я выпущу тебе кишки.

— Я хочу сесть, — ответил правитель.

Он осторожно опустился в кресло, отодвинув его от стола. Конан беспокойно двинулся за ним, бросая подозрительные взгляды на дверь и поглаживая острие своего трехфунтового ножа. Он не был похож на афгулийца и шел напролом там, где восточный человек стал бы хитрить.

— У тебя семь моих людей, — сказал он. — Ты отказался от выкупа, который я предложил. Какого дьявола ты хочешь?

— Давай обсудим условия, — осторожно ответил Чандер Шан.

— Условия?

В голосе варвара прозвучал едва сдерживаемый гнев.

— Что ты имеешь в виду? Разве я не предложил тебе золото?

Чандер Шан засмеялся.

— Золото? В Пешхаури больше золота, чем ты когда-либо видел.

— Ты ошибаешься, — возразил Конан. — Я видел золото купцов Хурусана.

— Ну, больше, чем афгулиец когда-либо видел, — поправился Чандер Шан. — И это только капля сокровищ Виндии. Зачем нам золото? Для нас было бы выгодней повесить этих семерых воров.

Длинное лезвие вздрогнуло в руке Конана, бугры мускулов зашевелились на его коричневой руке.

— Я раскрою твою голову, как созревшую дыню!

Дикое голубое пламя мелькнуло в глазах дикаря, но Чандер Шан с безразличием пожал плечами, хотя продолжал не отрываясь следить за зайбарским ножом.

— Ты можешь легко убить меня и, возможно, исчезнуть потом через стену, но это не спасет семерых твоих людей. Их наверняка повесят. А эти люди — вожди афгулийцев.

— Я знаю это, — прорычал Конан. — Племя воет подобно стае волков на меня, потому что я не обеспечил их освобождения. Скажи мне ясно, чего ты хочешь, ради Крома! Если не окажется другого выхода, я подниму орду и приведу ее к воротам Пешхаури!

Чандер Шан не сомневался, что Конан способен на это.

Он не верил, что какая-нибудь орда с Гор может взять Пешхаури, но он не хотел разорения провинции.

— Есть поручение, которое ты должен выполнить, — сказал он.

Он выбирал слова с чрезвычайной осторожностью.

— Есть...

Конан отпрыгнул, повернувшись лицом к двери. Уши варвара уловили едва слышный стук туфель в коридоре.

В следующее мгновение дверь распахнулась, и стройная, одетая в шелк женщина решительно вошла, захлопнула дверь, затем резко остановилась при виде дикаря.

Чандер Шан вскочил, сердце его ушло в пятки.

— Деви! — закричал он непроизвольно.

— Деви! — раздалось, подобно эху, рычание дикаря.

Чандер Шан увидел вспышку пламени в свирепых голубых глазах варвара.

Правитель застонал от отчаяния и схватил саблю, но дикарь, двигаясь со скоростью урагана, подскочил к правителю и нанес ему удар в голову рукояткой кинжала. Тот упал.

Конан схватил удивленную Деви одной бронзовой рукой и прыгнул к окну. Чандер Шан, отчаянно стараясь подняться на ноги, увидел, как человек в окне на мгновение замер, сжимая в руках свою пленницу. Затем последовало его варварское рычание:

— Теперь посмей повесить моих людей!

Конан исчез. Дикий вопль донесся до ушей правителя.

— Стража! — закричал он.

Шатаясь, он поднялся на ноги, рванул дверь и выскочил в коридор. Его крики отозвались эхом вдоль коридора, и прибежавшие воины с изумлением смотрели на правителя, державшегося за разбитую голову.

— Пошлите всадников, — проревел он. — Произошло похищение благородной женщины главарем афгулийцев.

Чандер Шан не назвал имя этой женщины. Здравый смысл возобладал над бешенством и сильной головной болью.

Правитель с отрядом всадников, который ждал его во дворе крепости, сразу начал преследование. Чандер Шан, вцепившись обеими руками в седло, с трудом удерживался на лошади. Голова продолжала болеть и кружиться.

Конан уже был далеко, но Чандер Шан знал путь, который он выберет, — дорога, ведущая прямо к холмам Заибара. Луны не было, хижины крестьян неясно мелькали в звездном свете. Позади них осталась мрачная крепость и башни Пешхаури. Впереди угадывались черные громады Гимилиана.

3
ХЕМСА ИСПОЛЬЗУЕТ МАГИЮ

В смятении и неразберихе, возникших в крепости, никто не заметил, как девушка, которая сопровождала Деви, выскользнула из ворот. Высоко подобрав платье, она побежала в город. Девушка превосходно ориентировалась в кромешной тьме, избегая дорог и открытых мест. С легкостью тренированного бегуна она перепрыгивала бугры и канавы.

Добравшись до городской стены, девушка стала красться вдоль нее до того места, где возвышался шпиль башни. Остановившись и приложив к губам ладони, она издала странный низкий звук. Почти мгновенно из амбразуры упала веревка.

Девушка схватила ее, встав одной ногой в петлю. По взмаху ее руки веревку плавно, но быстро подняли. Спустя несколько минут девушка уже была на крыше, которая находилась рядом с зубцами крепостной стены. Мужчина в накидке из верблюжьей шерсти молча сматывал веревку. Ни усталости, ни напряжения не чувствовалось в движениях этого человека, и, глядя на него, нельзя

было сказать, что он только что поднял взрослую женщину на сорокафутовую высоту.

— Где Керим Шах? — выдохнула она.

Она еще задыхалась от долгого бега.

— Спит в доме внизу. У тебя есть новости?

— Конан украл Деви из крепости и унес ее в горы! — выпалила она.

Хемс не высказал никаких эмоций, а просто кивнул головой в тюрбане.

— Керим Шах будет рад услышать это, — сказал он.

— Подожди!

Девушка обвила руки вокруг шеи, еще продолжая тяжело дышать от усталости. Ее глаза сверкали, как черные драгоценные камни при свете звезд.

Она прижалась лицом к лицу Хемса.

— Правитель отправился в горы со всадниками, но с таким же успехом он может преследовать привидение. Он никому не сказал, что похищена Деви. Давай воспользуемся тем, что кроме нас никто в Пешхаури и крепости не знает об этом.

— Но что это нам даст? — возразил мужчина. — Мои хозяева послали меня с Керимом Шахом помогать ему любым способом...

— Помоги себе! — яростно воскликнула она. — Скинь свое ярмо!

— Ты имеешь в виду — не подчиниться хозяевам? — выдохнул он с изумлением.

Она почувствовала, как его тело похолодело под ее руками.

— Да!

Она тряхнула его в ярости.

— Ты тоже волшебник! Почему ты должен быть рабом, помогая возвышаться другим? Используй свое искусство для себя!

— Это запрещено!

Он трясся, как в ознобе.

— Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по приказу хозяев я имею право использовать знание, которому они научили меня.

— Делай, что я прошу тебя! — страстно возразила она. — Конечно, Конан забрал Деви, как заложницу, за жизни семи дикарей. Уничтожь их, чтобы Чандер Шан не смог использовать их для выкупа Деви, затем отправляйся в горы и забери ее у афгулийцев. Они не смогут устоять против твоего колдовства. Сокровища Виндианских королей как выкуп за Деви, а затем, когда они отдадут его нам и будут в наших руках, мы сможем обмануть их и продать ее королю Турании. Мы будем богаты, как в сумасшедшем сне. С помощью золота мы купим воинов. Мы возьмем Хорбшул, выгоним

туранцев с холмов и равнин в южные страны и станем королями империи!

Хемса задыхался в ее объятиях. Его охватила дрожь, серое лицо покрылось крупными каплями пота.

Девушка прижималась к нему все сильней и сильней, продолжая душить в своих яростных объятиях.

— Я люблю тебя! Я сделаю тебя королем! За твою любовь я предала свою госпожу, за мою любовь предай своих хозяев! Зачем бояться Черных Пророков!? Своей любовью ко мне ты уже нарушил один из законов! Нарушь остальные! Ты такой же сильный, как и они!

Даже человек изо льда не смог бы противостоять обжигающему жару ее страстной убежденности.

С беззвучным криком он прижал ее к себе, запрокинул ее голову, покрыл поцелуями ее глаза, нос, губы.

— Я сделаю это!

Голос Хемса прерывался от охватившего его чувства. Он шатался, как пьяный.

— Искусство, которому они меня научили, будет служить мне, а не моим хозяевам. Мы будем правителями мира.

— Тогда идем!

Гибко выскользнув из его объятий, она схватила его за руку и повела к люку.

— Сначала мы должны сделать так, чтобы правитель наверняка не смог обменять этих семерых афгулийцев на Деви.

Он двигался как слепой, они спустились по лестнице в комнату, располагавшуюся под крышей. Керим Шах лежал неподвижно на кушетке, закрыв рукой глаза от мягкого света бронзовой лампы. Девушка дернула Хемса за рукав и сделала быстрый жест рукой поперек горла. Хемс отпрянул назад.

— Я ел его соль! — пробормотал он. — Кроме того, он нам не помешает.

Миновав комнату, они вышли на винтовую лестницу. После того как они удалились, мужчина на кушетке поднялся, вытирая пот с лица. Керим Шах не боялся удара ножа, но Хемса, как ядовитая змея, внушал ему ужас.

— Люди, которые строят заговоры на крыше, должны говорить тихо, — пробормотал он. — Но так как Хемса пошел против своих хозяев, а он был единственным посредником между нами, я не могу больше рассчитывать на их помощь. С этого момента я вынужден действовать самостоятельно.

Встав на ноги, он быстро подошел к столу, вытащил перо и пергамент из ящика и нацарапал несколько строк:

«Хосри Хану, правителю Секундерама. Киммериец Конан увез Деви Юсмину в лагерь афгулийцев. Это счастливая возможность

заполучить Деви в наши руки, как этого давно желает король. Пошли сразу же три тысячи всадников. Я встречу их в долине Гурушан с проводниками».

Он подписал это именем, которое, во всяком случае, было не Керим Шах.

Затем из золоченой клетки он вынул голубя, к ноге которого прикрепил пергамент, скатанный в крошечный цилиндр и обвязанный золотой проволокой. Затем он быстро подошел к окну и швырнул птицу в ночь. Она качнулась на крыльях, исчезла подобно мимолетной тени. Схватив шлем, саблю и завернувшись в плащ, Керим Шах поспешил из комнаты вниз по винтовой лестнице.

Тюремный квартал в Пешхаури был отделен от остальной части города толстой стеной, в арке которой имелась единственная окованная железом массивная дверь. Над аркой горел зловещий красный факел, а рядом с дверью стоял, зевая время от времени, воин с копьем и щитом.

Вдруг он резко выпрямился. На мгновение ему показалось, что он все же заснул, а потом, пробудившись, увидел прямо перед собой человека. На нем была надета накидка из верблюжей шерсти и зеленый тюрбан. В мигающем свете факела его черты были неясны, но стражнику было видно, что глаза человека сверкают зловещим огнем.

— Кто идет? — спросил воин.

Он выставил вперед копье.

— Кто ты?

Незнакомец не смутился, хотя острие копья коснулось его груди. Он смотрел на воина со странной настойчивостью.

— Что ты здесь делаешь? — спросил человек странным голосом.

— Охраняю ворота, — меланхолично ответил воин.

Человек в накидке стоял, не отступая.

— Ты обязан подчиняться мне! Ты посмотрел в мои глаза, и твоя душа больше не принадлежит тебе. Открой дверь!

Страж скованно, с застывшим лицом, повернулся, вытащил из-за пояса большой ключ, повернул его в массивном замке и распахнул дверь. Затем он застыл, смотря прямо перед собой ничего не видящими глазами.

Из тьмы выскочила женщина и положила руку на плечо волшебника.

— Прикажи ему привести нам лошадей, Хемса, — прошептала она.

— В этом нет необходимости, — ответил Хемса.

Немного повысив голос, он сказал стражнику:

— Ты мне не нужен больше. Убей себя.

Подобно человеку в трансе, воин направил острие копья в свое тело чуть ниже ребер, затем медленно и флегматично навалился на него всем весом, так что копье проткнуло его тело и вышло наружу между лопатками. Соскользнув вдоль древка, он затих. Копье торчало ужасным стеблем, выросшим из спины.

Девушка уставилась на него в мрачном оцепенении, пока Хемса не повел ее через ворота. Факелы освещали узкое пространство между внешней стеной и низкой внутренней, в которой через равные промежутки были расположены сводчатые двери. В этом пространстве расхаживал воин, и когда ворота открылись, он подошел ближе. Он был настолько уверен в неприступности тюрьмы, что ничего не подозревал, пока Хемса и девушка не показались в проходе. Потом было слишком поздно. Волшебник не стал тратить времени на гипноз, хотя все его действия и казались девушке магией. Страж опустил копье, открыл рот, чтобы поднять тревогу, которая привлекла бы внимание охранников в другом конце двора. Хемса отбил копье в сторону левой рукой, как человек отбрасывает соломинку, а ребром правой руки ударил воина в шею.

Страж без звука рухнул лицом вниз, его голова откинулась на сломанной шее.

Хемса, не взглянув на него, прошел прямо к одной из дверей и положил открытую ладонь на тяжелый бронзовый замок. С глухим стуком дверь распахнулась. Когда девушка прошла вслед за ним, она увидела, что толстые доски превратились в щепки, бронзовые болты согнуты и вывернуты из своих креплений, а огромные петли сорваны и сломаны. Тысячефунтовый боевой таран с сорока лучниками не смог бы разнести препятствие столь успешно.

Хемса был опьянен свободой и ощущением своей силы, ему нравилось то, что он делал.

Через сломанную дверь они прошли в маленький двор, освещенный факелом. Напротив двери была широкая решетка из железных прутьев, чья-то волосатая рука ухватилась за один из них. В глубине двора в темноте мерцали чьи-то белки глаз.

Хемса стоял молча, пристально глядя в сумрак, откуда на него с обжигающим напряжением смотрели глаза пленников. Затем рука Хемсы скрылась под накидкой и появилась вновь. Из его ладони посыпалась сверкающая пыль.

Вспышка зеленого пламени осветила пространство. На короткое время фигуры семерых людей, стоявших неподвижно за прутьями, стали видны в малейших деталях, высокие волосатые люди в рваных одеждах воинов гор.

Огонь погас, но шар остался, дрожащий шар мерцающей зелени, который поблескивал и испускал тепло, лежал на каменных плитах у его ног. Расширенные глаза дикарей были прикованы к нему.

Шар качнулся, вытянулся и превратился в светящийся зеленый дым, поднимающийся спиралью вверх. Дым скручивался и извивался, как гигантский змей, затем он расширился и расплылся сияющими складками и завихрениями. Облако бесшумно двигалось над плитами прямо к решетке. Люди смотрели на него наполненными ужасом глазами, решетка дрожала от рывков, они пытались спастись. Их рты раскрывались, но не было слышно ни звука. Зеленое облако окутало прутья и скрыло их, подобно туману, затем оно просочилось через решетку и поглотило людей, находившихся внутри. Из тьмы донеслось несколько приглушенных звуков, как если бы кто-то пытался кричать из-под воды.

Хемса коснулся рукой девушки, ошеломленной увиденным, и увлек ее за собой. Оглядываясь, она медленно пошла за волшебником. Туман рассеялся, между прутьев виднелась пара ног в сандалиях, а в глубине — нелепые контуры груды неподвижных тел.

— А теперь нам нужен конь, который быстрее самой быстрой лошади, когда-либо выращенной в стойбище смертных, — проговорил Хемса. — Мы будем в Афгулистане перед рассветом.

4
ВСТРЕЧА В УЩЕЛЬЕ

Юсмина Деви не могла ясно вспомнить детали своего похищения. Неожиданность и грубость ошеломили ее.

Весь водоворот событий сложился в вереницу обрывающихся впечатлений — ужасающая хватка мощной руки, горячее дыхание похитителя, прыжок из окна на парапет, бег по крышам, безрассудный спуск по веревке с крепостной стены. Потом был полет и снопы искр из-под копыт жеребца, помечавшие путь в ночи.

Когда девушка пришла в себя, ее охватил стыд и гнев — правители Виндии почитались наравне с богами, а ее вез варвар гор как простую женщину с базара. Впервые в жизни она поняла, что значит подчиниться грубой физической силе.

Конан отпустил поводья и сидел в седле легко и непринужденно. Юсмине казалось, что ее несет среди звезд и скал беззаботный кентавр.

— Ты, собака с гор! — выдохнула она с чувством стыда и гнева и ощущением беспомощности. — Как ты посмел!.. Заплатишь жизнью за это! Куда ты везешь меня?

— В поселок афгулийцев, — ответил он, бросая взгляд через плечо.

Позади них, за холмами, которые они только что миновали, была видна освещенная факелами крепость. Конан увидел световые

сигналы, которые означали, что главные ворота крепости открыты. Он засмеялся низким грудным смехом, похожим на порыв ветра.

— Правитель послал за мной погоню. Ну что ж, устроим им веселую гонку. Как ты думаешь, Деви, отдадут ли они семь пленников за принцессу Виндии?

— Они пошлют армию, чтобы повесить тебя и твою шайку дьяволов, — убежденно пообещала она.

Он коротко рассмеялся в ответ. Ее одежда, развеваемая ветром, неприлично растрепалась за время скачки. Она решила, что презрительная покорность будет лучше соответствовать достоинству принцессы, и прекратила разговор.

Они подъезжали к Зайбарскому ущелью, которое напоминало прорезь, сделанную гигантским ножом в огромном скальном массиве. Среди черных, отвесных стен, поднимавшихся на тысячи футов Юсмина, забыв о гневе, ощутила благоговейный ужас.

Киммериец целиком доверился жеребцу, который продвигался по тропе, не выказывая признаков беспокойства и усталости.

Едва путники, выбравшись из ущелья, стали подниматься по тропинке на склон, как в воздухе со свистом пронесся дротик и вонзился в круп жеребца. Огромный зверь испуганно всхрапнул и, опустив голову, рухнул. Конан мгновенно отреагировал на ситуацию.

Он успел спрыгнуть, держа девушку на весу, чтобы предохранить ее от удара о камни. Он отскочил к скале и положил девушку в расщелину. Затем он вытащил меч и устремился в темноту, туда, откуда последовало нападение.

Юсмина, не понимая, что случилось, видела из своего укрытия какие-то смутные тени и слышала удары мечей друг о друга.

Затем звуки схватки прекратились и зычный голос проревел:

— Что же вы, собаки! Почему отступили? Вперед, вперед, проклятые, взять его!

Конан вздрогнул, вглядываясь в темноту, и окликнул:

— Афзал, это ты?

Прозвучало ругательство и голос осторожно спросил:

— Конан? Это ты, Конан?

— Ну!

Киммериец засмеялся.

— Выходи, ты, старый пес. Я убил одного из твоих людей.

Между скал возникло движение, тускло мелькнул свет, затем появилось пламя и двинулось по направлению к нему. Мужчина, который нес факел, другой рукой сжимал огромную кривую саблю.

Конан вышел вперед, пряча нож, и человек с факелом радостно приветствовал его:

— Конан! Выходите из-за камней, собаки! Это Конан!

Дикие бородатые люди в лохмотьях и с ножами в руках стали собираться вокруг колеблющегося круга света.

— На кого ты охотишься в Зайбаре, Афзал? — спросил Конан у бородатого вожака.

— Кто знает, что может оказаться в ущелье ночью, — ответил бородач с ухмылкой вурдалака. — Мы, вазули, ночные ястребы. Но ты, похоже, тоже с добычей, Конан?

— У меня есть пленник, — ответил киммериец и, подойдя к расщелине, вывел оттуда дрожавшую Деви.

Ее величественная осанка исчезла. Она, потупясь, смотрела на кольцо бородатых лиц, которые ее окружали, и была благодарна сильной руке, которая обхватила ее. Факел пододвинулся к ней ближе, и по кольцу прошел вздох изумления.

— Она моя пленница, — повторил со значением Конан. — Я везу ее в Афгулистан. Но вы убили мою лошадь, а Винди очень близко отсюда.

— Пойдем с нами в мою деревню, — предложил Яр Афзал. — У нас есть лошади, спрятанные в ущелье. Винди никогда не последуют за нами в темноте. Ты сказал, что они близко?

— Настолько близко, что я уже слышу стук их копыт о камни, — мрачно ответил Конан.

Мгновенно все зашевелились, факел был погашен, и оборванные фигуры растаяли в темноте. Конан подхватил Деви на руки, она не сопротивлялась.

Каменистая почва поранила ее ноги, обутые в изящные туфельки, и она чувствовала себя очень маленькой и беззащитной в этом жутком, первобытном мраке среди скал.

Почувствовав, что она дрожит на ветру, Конан сорвал плащ с одного из дикарей и укутал им принцессу. Он также прошипел ей на ухо приказ не издавать ни звука. Она не слышала никакого стука копыт, который улавливали уши дикаря, но была слишком испугана, чтобы ослушаться.

Конан вскочил на лошадь человека, которого он убил, и посадил девушку перед собой. Подобно привидениям, отряд пошел прочь из ущелья. На дороге они оставили мертвую лошадь киммерийца и убитого дикаря, которые были вскоре найдены всадниками из крепости. Те, признав в мужчине вазули, сделали свои собственные выводы.

Юсмина, согревшись в руках своего похитителя, незаметно для себя самой задремала.

Движения лошади, хотя и неровные, обладали определенным ритмом, который совместно с усталостью и эмоциональным исто-

звезды. Иногда она ощущала ветер, несущий холод с головокружительных высот.

Сквозь сон она смутно почувствовала, что движение прекратилось, ее подняли и пронесли несколько шагов. Затем ее положили на что-то мягкое, в которое она была завернута. Она услышала смех Яр Афзала:

— Редкий приз, Конан, подходящая пара для вождя афгулийцев.

— Это не для меня, — донесся приглушенный ответ Конана. — Эта женщина — плата за жизнь семерых моих людей, лопни их души.

Это было последнее, что она услышала, погружаясь в глубокий сон.

5
ЧЕРНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Солнце стояло уже довольно высоко, когда Юсмина проснулась. Ее тело еще ныло от долгой езды, но, казалось, все еще чувствовало мускулистую руку, которая принесла ее так далеко.

Она лежала на овечьей шкуре, покрывавшей ложе из листьев на грязной земле.

Сложенная куртка из овечьей кожи была у нее под головой, а она сама была накрыта плащом. Юсмина находилась в большой комнате, стены которой были грубо, но прочно сложены из необработанных камней, замазанных обожженной глиной. Толстые столбы поддерживали свод, в котором виднелся люк. К люку вела лестница. В стенах вместо окон были только амбразуры.

В комнате была одна массивная бронзовая дверь, очевидно, трофей, снятый вазули с какой-нибудь Виндийской пограничной башни. Напротив двери в стене было широкое отверстие, загороженное несколькими прочными деревянными брусьями. За ними Юсмина увидела замечательного черного жеребца, с чавканьем жевавшего пучок сухой травы. Строение было одновременно крепостью, жилым помещением и стойлом.

На другом конце комнаты у небольшого костра сидела на корточках девушка в жилете и широких шароварах, жаря кусочки мяса на железной решетке, положенной на камни. В стене в нескольких футах от пола была запачканная сажей прорезь, и дым выходил наружу через нее. Часть дыма расплывалась волнами по комнате.

Девушка-дикарка взглянула на Юсмину через плечо, показав смелое приятное лицо, и продолжала стряпать. Снаружи раздались голоса, затем дверь распахнулась от удара ногой, и вошел Конан.

Он выглядел еще огромней, чем ночью. Юсмина заметила, что одежда была чистая и целая. Широкий бархатистый пояс поддерживал его нож в ножнах, а под рубашкой поблескивала толстая туранская кольчуга.

— Твоя пленница проснулась, Конан, — сказала девушка.

Он улыбнулся, шагнул к огню и смахнул кусочки мяса с решетки в каменное блюдо.

Сидевшая на корточках девушка засмеялась в ответ и сделала неприличный жест.

Конан ухмыльнулся и шлепнул девицу по ягодице. Затем он отдал ей короткую команду, и та поставила перед Юсминой большой ломоть хлеба, медный кувшин и каменное блюдо с мясом. Юсмина посматривала на все это с сомнением.

— Грубая пища для принцессы. Но живот можно наполнить и этим, — хмыкнул киммериец. Деви вдруг почувствовала сильный голод. Без слов она села на пол, скрестив ноги, поставила блюдо себе на колени и начала есть, используя пальцы за неимением столовых принадлежностей. В голове Юсмины промелькнуло, что способность к адаптации — качество настоящего аристократа.

Конан стоял, смотря сверху на нее, заткнув большие пальцы рук за пояс. Он никогда не сидел со скрещенными ногами по восточному обычаю.

— Где я? — вдруг спросила Юсмина.

— В хижине Яра Афзала, главы курумских вазули, — ответил он. — Афгулистан лежит на много миль дальше к западу. Мы спрячемся здесь ненадолго. Винди топчут холмы в поисках тебя. Несколько их отрядов уже уничтожены племенами.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Держать тебя до тех пор, пока Чандер Шан не пожелает обменять тебя на семерых моих негодяев.

Он хмыкнул.

— Женщины вазули выделывают чернила из листьев шоки, и, когда придет время, ты сможешь написать письмо правителю.

Тень монаршего гнева всколыхнула ее, когда она подумала, как по-сумасшедшему вкось пошли ее планы. Ведь она стала пленницей того самого человека, которого рассчитывала подчинить себе. Она сбросила на пол блюдо с остатками мяса и вскочила на ноги, задыхаясь от гнева.

— Я не напишу этого письма! Если ты не доставишь меня назад, они повесят твоих людей и еще тысячу в придачу!

Девушка-дикарка презрительно засмеялась. Конан нахмурился, но тут открылась дверь и с важным видом вошел Яр Афзал.

Глава вазули был крупнее Конана, но выглядел толстым и медлительным по сравнению с плотным киммерийцем. Он пощипал свою окрашенную в красный цвет бороду и со значением посмотрел

на девушку-дикарку, которая встала и вышла из комнаты. Затем Яр Афзал обратился к своим гостям.

— Проклятая людская болтовня, Конан, — сказал он. — Они хотят, чтобы я убил тебя и забрал девушку. Они уверены, что это знатная и богатая женщина. Им непонятно, почему афгулийские собаки получат за нее выкуп, если рискуют они, держа ее в своей деревне.

— Одолжи мне свою лошадь, — сказал Конан. — Я возьму ее и уеду.

— Фи! — фыркнул Яр Афзал. — Не думаешь ли ты, что я не могу справиться со своими людьми! Я заставлю их танцевать голыми, если они будут перечить мне! Они не любят тебя, как и любого другого чужака, но ты однажды спас мне жизнь, и я не забыл этого. Выйдем, Конан, вернулся разведчик.

Конан последовал за ним. Они закрыли за собой дверь, и Юсмина выглянула через амбразуру. Перед хижиной было ровное пространство. На дальнем его конце стояло несколько каменных домов, голые ребятишки играли среди валунов, стройные женщины занимались домашними делами.

Прямо перед домом Афзала сидели на корточках несколько волосатых, оборванных мужчин, смотревших на дверь. Конан и Яр стояли недалеко от двери и слушали разведчика. Он обращался к главе на грубом наречии вазули, которое Юсмина едва понимала, хотя ее учили языкам Иранистана и наречиям Афгулистана.

— Я говорил с Дагозаном, который видел всадников прошлой ночью, — сказал разведчик. — Он прятался рядом, когда они подъехали к месту, где мы поймали в засаду господина Конана. Он подслушал их разговор. Среди них был Чандер Шан. Они нашли мертвую лошадь, и один из всадников узнал в ней лошадь Конана. Затем они нашли вазули, которого убил Конан. Они решили, что Конан убит, а девушка взята в плен вазули, поэтому они решили ехать в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни был убитый, а мы не оставили никаких следов, по которым могли бы последовать кшатри. Поэтому они поехали к ближайшей деревне вазули, которой оказалась деревня Угры, сожгли ее и убили много людей. Но люди Ходжура напали на них в темноте и убили некоторых из них и ранили правителя. Поэтому уцелевшие отступили, но вернулись с подкреплением на восходе солнца. Стычки и сражения на холмах кипели все утро. Говорят, что подошла большая армия, чтобы очистить холмы вокруг Зайбара. Племена точат копья и устраивают засады в каждом ущелье отсюда и до долины Гурашах. Я знаю, что в предгорьях появился Керим Шах.

Среди воинов раздались восклицания, и Юсмина подалась ближе к амбразуре.

— Куда он поехал? — потребовал ответа Яр Афзал.

— Дагозан не знает, но с ним было тридцать иракзан из нижних деревень. Они направились в горы и исчезли.

— Эти иракзан — шакалы, которые следуют за львом ради объедков, — зарычал Яр Афзал. — Они гребут монеты, которые Керим Шах разбрасывает среди пограничных племен, покупая людей, как лошадей. Мне он не нравится, хотя он наш родич из Иранистана.

— Не совсем так, — сказал Конан. — Я давно знаю его. Он хирканканец, шпион Юздигера. Если я поймаю его, я сдеру с него шкуру.

— Что мы сидим и ждем прихода винди? — закричали воины. — Они в конце концов узнают, где мы прячем женщину!

— Пусть они приходят.

Яр Афзал хмыкнул.

— Мы сможем удержаться против них.

Один из мужчин выскочил и потряс кулаком в сторону Конана.

— Почему мы должны рисковать, в то время как пожинать плоды будет он? — завопил воин. — Разве мы обязаны сражаться за него?

Конан прыжком подскочил к нему и немного нагнулся, чтобы увидеть его волосатое лицо.

— Я никогда не прошу сражаться за меня, — тихо сказал Конан. — Вынимай свое лезвие, если посмеешь еще раз тявкнуть, пес!

Вазули отпрянул назад, зашипев, как кот.

— Только посмей тронуть меня, и тут же пятьдесят воинов разорвут тебя! — зловеще прокричал он.

— Что? — проревел Яр Афзал.

Лицо его побагровело от злости, усы ощетинились, а желваки на щеках заходили от ярости.

— Курила, разве ты глава? Вазули получают приказы от Яр Афзала или от беспородной шавки?

Мужчина съежился перед своим грозным начальником, а Яр Афзал быстро подошел к нему, схватил за горло и душил, пока его лицо не стало серым. Затем он с яростью швырнул его на землю и встал над ним с кривой саблей в руке.

— Есть здесь еще кто-нибудь, кто оспаривает мою власть? — проревел он, окидывая взором своих воинов.

Те мрачно опустили глаза, Яр Афзал презрительно фыркнул и убрал свое оружие жестом, который был верхом оскорбления для вазули. Затем он с подчеркнутой мстительностью лягнул поверженного подстрекателя, что вызвало вопли его жертвы.

— Ступай в долину к наблюдателям и принеси известия, если они есть, — скомандовал Яр Афзал. Воин ушел.

Затем Яр Афзал с внушительным видом уселся на камень, ворча в бороду. Конан встал рядом с ним, раздвинув ноги и положив большие пальцы рук на пояс. Он внимательно наблюдал за собравшимися воинами.

Они мирно смотрели на него, не смея выступить против ярости Яр Афзала, но было ясно, что они ненавидели пришельца, как может ненавидеть только дикарь.

— Теперь слушайте меня, вы, сыновья безымянных собак, пока я рассказываю вам, как господин Конан и я задумали одурачить винди.

Рычащий голос Яр Афзала преследовал посрамленного воина, когда он удалялся от сборища.

Он прошел мимо скопища домов, где женщины, видевшие его поражение, смеялись над ним и выкрикивали обидные замечания, и поспешил по дороге, которая вела между скал в долину.

Едва пройдя первый поворот, он резко остановился и разинул рот. Он не мог поверить, что это возможно, — незнакомец в накидке из верблюжьей шерсти и в зеленом тюрбане вошел в долину Курум, незамеченный наблюдателями с ястребиными глазами.

Рот вазули раскрылся для вопля, а рука потянулась к рукоятке ножа. Но в этот момент его глаза встретились с глазами незнакомца, и крик замер в горле, а пальцы разжались. Он стоял, как статуя, с пустыми глазами.

Несколько мгновений оба были неподвижны. Затем незнакомец нарисовал пальцем на пыльной поверхности камня загадочный символ. Вазули не видел этого символа, но вскоре что-то засверкало там — круглый, сияющий предмет — черный шар, который выглядел, как сделанный из полированного нефрита. Чужак в зеленом подошел и протянул шар вазули, который принял его.

— Отнеси это Яр Афзалу, — сказал мужчина.

Вазули повернулся, как механическая кукла, и пошел назад по тропе, держа нефритовый шар на вытянутых руках. Он даже не услышал новые насмешки женщин, когда проходил мимо них.

Пришелец смотрел ему вслед с загадочной улыбкой. Рядом с ним была девушка, которая смотрела на него с восхищением и даже опаской.

Он бережно провел пальцем по ее темным локонам.

— У тебя еще кружится голова от полета.

Он засмеялся.

— Пока жив Яр Афзал, Конан будет пребывать в безопасности среди воинов вазули. Их много. Их ножи остры. То, что я задумал, будет надежнее даже для меня. Не нужно быть мудрецом, чтобы

предсказать, что будет делать Вазули, мой посыльный, когда протянет шар Узудов главе Курума.

Яр Афзал остановился посреди своей тирады, удивленный и рассерженный при виде воина, которого он послал в долину.

— Я приказал тебе идти к наблюдателям! — проревел глава. — У тебя не было времени вернуться от них.

Воин не ответил. Он подошел к главарю и раскрыл перед ним ладони, на которых лежал нефритовый шар. Конан хотел сказать что-то Яру, но тот нанес Куриле сильнейший удар кулаком в лицо. Воин упал, как вол.

Нефритовый шар подкатился к ногам Яр Афзала, и глава, заметив его, нагнулся и поднял. Воины, уставившись озадаченно на своего бесчувственного товарища, видели, как их глава наклонился, но не заметили, что он что-то поднял с земли.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на нефрит и сделал движение, чтобы засунуть его за свой пояс.

— Унесите этого глупца в его хижину, — прорычал он. — У него взгляд нюхателя лотоса. Я... Эй!

Вдруг он почувствовал, что шар ожил в руке. Он не ощущал больше ничего, кроме гладкой блестящей сферы в своих пальцах, и он не смел посмотреть, он не мог открыть ладонь, язык его онемел. Удивленные воины видели, как расширились от ужаса глаза Яр Афзала, как исчез румянец с его лица.

Вдруг рев вырвался из его груди, он покачнулся и упал. Пальцы правой руки разжались, и безобразный черный паук, тело которого сверкало, как черный нефрит, выбрался с его ладони и исчез в трещине скалы. Вазули завопили и отшатнулись назад, а чудовище заползло в трещину скалы и исчезло.

Воины столпились, недоуменно глядя друг на друга, и над их бормотанием послышался отдаленный голос команды, который пришел неизвестно откуда.

— Яр Афзал мертв! Убейте пришельца!

Впоследствии каждый из тех, кто остался в живых, отрицал, что он кричал, но все слышали команду.

Этот крик мобилизовал воинов. Оставив сомнения и страх, они бросились к Конану с поднятыми ножами.

Но киммериец среагировал на ситуацию мгновением раньше. Одним прыжком он оказался у двери, открыл ее ударом ноги и оказался в комнате. Бородатый охранник, стоявший у двери, рванулся за ним. Конан отпрянул в сторону, и стражник пролетел далеко в глубь комнаты. Киммериец успел захлопнуть дверь и задвинуть засов перед разъяренной толпой.

Он быстро развернулся и с обнаженным мечом набросился на охранника.

Юсмина, забившись в угол, смотрела с ужасом, как двое мужчин сражаются, двигаясь по комнате, иной раз почти касаясь ее. Мелькание и звон их лезвий заполнили комнату, а снаружи толпа вопила, как стая волков, тщетно рубя бронзовую дверь своими длинными ножами и швыряя в нее огромные камни.

Кто-то принес ствол дерева, и дверь стала прогибаться под его ударами. Юстина зажала уши, чтобы ничего не слышать.

Крики во дворе и удары в дверь привели жеребца в неистовство. Он повернулся крупом к бревенчатому ограждению стойла и стал бить по нему копытами. Один из ударов угодил в спину охранника, когда тот в какой-то момент схватки оказался прижатым к бревнам. Удар был так силен, что мертвый охранник, падая, повалил Конана на пол.

Юсмина вскрикнула и рванулась к ним, ей показалось, что оба убиты. Конан сбросил в сторону труп и встал. Юсмина схватила его за руку, дрожа с ног до головы.

— О, ты жив! Я подумала, что ты умер!

Он быстро взглянул в ее бледное запрокинутое лицо и расширенные темные глаза.

— Почему ты дрожишь? — спросил он. — Какое тебе дело, жив я или мертв?

Остатки ее гордости вернулись к ней, и она отошла, делая довольно жалкую попытку изобразить прежнюю Деви.

— Ты предпочтительнее тех волков, которые воют снаружи, — ответила она и жестом указала на дверь, каменный порог которой начал давать трещины.

— Она не продержится долго, — пробормотал Конан.

Затем, повернувшись, он быстро направился к жеребцу.

Юсмина сжала ладони и затаила дыхание, когда увидела, как он отдирает разломанную загородку и входит в стойло к обезумевшему зверю.

Жеребец угрожающе заржал и встал на дыбы. Конан, подпрыгнув, схватил его за гриву и рванул вниз с такой силой, что конь встал на четыре ноги. Киммериец взнуздал его и набросил на его спину позолоченное седло с серебряными стременами.

Затем позвал Юсмину, которая покорно приблизилась к фыркающей и вздрагивающей лошади.

Конан стал внимательно исследовать каменную стену позади стойла.

— Здесь есть тайная дверь, о которой вазули не знают. Яр Афзал показал мне ее как-то, когда был пьян. Она выходит к ущелью позади хижины.

Как только он надавил на выступ, который казался случайным, целая секция стены скользнула вбок на смазанных железных катках.

Девушка увидела узкий проход в каменной скале в нескольких футах от задней стены хижины. Затем Конан вспрыгнул в седло и посадил Юсмину перед собой. Позади них дверь застонала и рухнула.

В комнату ворвалась разъяренная толпа вазули с ножами в руках. Но Конан пришпорил коня, и тот, как дротик, выпущенный из катапульты, проскользнул через проход в скале и вылетел на тропу в ущелье.

Появление жеребца было столь неожиданным для двух людей на тропе, что один из них — мужчина в зеленом тюрбане — не успел увернуться и упал под копыта лошади.

Конан, на мгновение попридержав жеребца, обернулся и успел разглядеть стройную девушку в красивом платье, прижавшуюся к стене ущелья.

Из прохода в скале появились несколько вазули. Заметив их, киммериец вновь пришпорил коня и через считанные секунды исчез за поворотом тропинки.

Воинственные крики вазули, приблизившихся к лежащему человеку в зеленом тюрбане, сменились пронзительными воплями ужаса.

6
ГОРА ЧЕРНЫХ ПРОРОКОВ

— Куда теперь?

Юсмина попыталась усидеть прямо на качающейся луке седла, держась за своего похитителя. Она вдруг осознала, что эти вынужденные объятия не только придавали ей уверенность, но и вызывали приятные ощущения.

— В Афгулистан, — ответил Конан. — Это опасная дорога, но жеребец легко доставит нас, если только мы не встретимся с какими-нибудь твоими друзьями или моими врагами. Теперь, когда Яр Афзал мертв, проклятые вазули пойдут за мной по пятам.

— Кто был тот, кого ты сбил? — спросила она.

— Не знаю. Я никогда не видел его прежде. Какого дьявола он находился там, не могу понять. К тому же с ним была девушка.

— Да.

Взгляд Юсмины помрачнел.

— Девушка — моя служанка Гитейра. Ты не думаешь, что она шла на помощь мне, а этот человек был ее друг? Если так, то вазули схватили их обоих.

— Ладно, — ответил Конан. — Мы ничего здесь не можем сделать. Если мы вернемся, они убьют нас обоих. Я не могу понять,

как такая девушка могла зайти так далеко в горы с одним человеком, да еще с ученым, так как он чертовски похож на ученого. Есть что-то странное во всем этом. Парень, которого избил Яр Афзал, двигался как человек, спящий на ходу. Я видел священников Заморы, совершавших свои отвратительные ритуалы. Их жертвы выглядели так же, как этот парень. Священники глядели им в глаза и бормотали заклинания, а затем люди становились подобны ходячим мертвецам с открытыми глазами и делали все, что прикажет повелитель. Еще я видел, как тот парень что-то нес в руках. Оно было похоже на большую черную нефритовую бусину, какую одевают девушки Изудов, когда танцуют перед черным каменным пауком, который является их богом. Яр Афзал поднял эту бусину и держал ее в руке, а когда он упал мертвым, паук, похожий на бога Изудов, только меньше, выбежал из его кулака. Затем, когда вазули стояли в растерянности, раздался голос, призывавший их убить меня, и я знал, что это не был голос кого-либо из воинов или женщин, стоявших около хижин. Он, казалось, пришел сверху.

Юсмина не ответила. Она взглянула на четкие очертания гор и вздрогнула. Их мрачное и скупое величие вызывало в ней, родившей на равнине, душевное смятение.

Солнце приближалось к зениту. Ветер, дувший небольшими порывами, казалось, срывался с заледеневших склонов. Она услышала над головой странное шуршание, которое не было порывом ветра. По взгляду, брошенному Конаном, она поняла, что для него это тоже было необычным звуком.

Никто из них не произнес ни слова, но Конан достал свой нож из ножен.

Они ехали по малозаметной тропке, нырявшей в настолько глубокие ущелья, что лучи солнца никогда не достигали их дна.

Солнце прошло зенит, когда Конан повернул коня и направился к югу, следуя почти под прямым углом к их прежнему маршруту.

— В конце этой тропы находится деревня Галзан, — объяснил он. — Их женщины ходят по этой тропе к колодцу за водой. Тебе нужно новое платье.

Посмотрев на свои тонкие одежды, Юсмина согласилась с ним. Они были настолько изорваны, что едва прикрывали ее. Но даже в целом виде они не подходили для путешествий в скалах Гинилианов.

Подъехав к ручью, пересекавшему тропу, Конан слез с лошади, помог спуститься Юсмине и стал ждать. Вскоре он кивнул, хотя она ничего не слышала.

— Женщина идет по тропе, — сказал он. Юсмина схватила его за руку.

— Ты не убьешь ее?

— Я не убиваю женщин, — великодушно сказал он. — Хотя некоторые из женщин гор этого заслуживают. Они настоящие волчицы.

Он ухмыльнулся.

— Клянусь богом, я заплачу.

Он вытащил пригоршню золотых монет и выбрал самую большую. Юсмина кивнула с облегчением. Возможно, это было естественно для мужчины — убивать и умирать, но мысль об убийстве женщины была невыносима.

Вскоре на тропе появилась женщина — высокая, стройная девушка галзан, гибкая, как молодой побег. Увидев их, девушка резко остановилась и уронила пустой кувшин, который несла. Она хотела бежать, но затем поняла, что Конан был слишком близко, и поэтому стояла спокойно, испытывая и страх, и любопытство.

Конан показал золотую монету.

— Если ты отдашь этой женщине свою одежду, — сказал он, — я дам тебе эту монету.

Ответ был мгновенным. Девушка широко улыбнулась от удивления и восторга. С пренебрежением женщины гор к правилам приличия, она быстро сбросила свой вышитый жилет, выскользнула из широких шаровар, сняла рубашку и скинула сандалии. Сложив все это в узел, она протянула его Конану, который передал вещи удивленной Деви.

— Встань за этой скалой и надень все это, — приказал он.

Он еще раз доказал этим, что он не похож на местных обитателей.

— Сложи свои вещи в узел и принеси их мне, когда оденешься.

— Деньги! — воскликнула дикарка и протянула руку. — Золото, что ты обещал мне!

Конан бросил ей монету, она поймала ее, попробовала зубами и засунула в свои волосы. Затем она нагнулась, подняла кувшин и пошла нагой по тропе без всякой стыдливости. Конан подождал с некоторым нетерпением, пока Деви в первый раз в жизни оделась сама. Когда она вышла из-за скалы, он чертыхнулся от удивления, и Юсмина почувствовала странный прилив эмоций от этого неприкрытого восхищения, горевшего в диких голубых глазах.

Встретив его выразительный взгляд, она почувствовала смущение, некоторое тщеславие, которого она никогда прежде не испытывала. Он положил тяжелую руку на ее плечо и повернул ее кругом, оглядев со всех сторон.

— Клянусь Кромом, — сказал он, — в тех ярких накидках ты была хороша, но холодна, как звезда. Сейчас ты женщина из теплой плоти и крови и совсем живая! Ты зашла за эту скалу как

Деви Виндии, а вышла как девушка гор, хотя и в тысячу раз красивее. Ты была богиней — теперь ты реальная женщина!

Он шлепнул ее очень звонко, и она, приняв это как еще одно выражение восхищения, не почувствовала себя оскорбленной. Похоже, сменив одежду, она изменилась и сама. Чувства и ощущения, которые она раньше подавляла, поднялись в ней с новой силой, как только она сбросила королевскую одежду.

Но Конан в своем восхищении не забыл опасностей, которые их поджидали.

Чем дальше они удалялись от района Зайбар, тем менее вероятна была встреча с какими-нибудь войсками кшатри. Но Конан все время прислушивался в надежде заранее узнать о приближении вазули.

Подняв Деви, он уселся в седле и снова направил жеребца на запад. Связку одежды, которую дала девушка, Конан швырнул в глубину тысячефутовой пропасти.

— Почему ты сделал это? — спросила Юсмина. — Почему ты не отдал это девушке?

— Всадники кшатри прочешут эти горы, — сказал он. — Если они найдут девушку, носящую твою одежду, они пытками заставят ее все рассказать о нас.

— Что она будет теперь делать? — спросила Юсмина.

— Она вернется в свою деревню и скажет, что на нее напал незнакомец, — ответил Конан. — Она направит их на наш след, конечно, но сперва она сходит за водой, так как не посмеет вернуться без нее, иначе ей снимут кожу кнутом. Это даст нам запас времени. Они не догонят нас. К ночи мы пересечем границу Афгулистана.

— Здесь нет никаких границ, тропинок или знаков человеческого присутствия, — сказала она. — Даже для Гимилианов этот район кажется пустынным. Мы не видели дороги с тех пор, как оставили ту, на которой встретили девушку галзан.

Вместо ответа он показал на северо-восток, где она мельком увидела пик в кольце скал.

— Уисма, — добавил Конан. — Племена строят свои деревни как можно дальше от этой горы.

Она мгновенно сосредоточилась.

— Уисма! — прошептала она. — Гора Черных Драконов!

— Так ее называют, — подтвердил он. — Никогда так близко я не приближался к ней. Я отклонился на север, чтобы избежать каких-либо встреч с войсками кшатри. Основная дорога южнее. А эта очень древняя и редко используется.

Она внимательно смотрела на далекий пик.

— Сколько нужно времени, чтобы добраться до Уисмы с этого места?

— Остаток дня и всю ночь, — ответил Конан. Он усмехнулся. — Ты хочешь туда? Клянусь Кромом, это не место для обычного человека, как говорят люди гор.

— Почему они не соберутся и не уничтожат дьяволов, которые живут там?

— С саблями против колдунов? Как бы то ни было, они никогда не вмешиваются в дела людей, если только люди не мешают им. Я никогда не видел ни одного из них, хотя я говорил с людьми, которые клянутся, что видели среди скал на рассвете или закате высоких, молчаливых колдунов в черных накидках.

— А ты посмел бы напасть на них?

— Я?

Эта мысль, казалось, была новой для него.

— Ну, если они вынудят меня. Но мне нечего делить с ними. Я пришел в эти горы, чтобы найти сторонников среди людей, а не воевать с колдунами.

Юсмина ничего не ответила. Она посмотрела на пик, как на врага, чувствуя, как весь ее гнев и ненависть снова закипели у нее в груди. Чувство начало смутно проявляться у нее.

Юсмина задумала бросить против хозяев Уисмы человека, чьи руки несли ее. Возможно, был другой путь достижения цели, но она не могла ошибиться в чувствах, которые стала пробуждать в киммерийце. Королевства рушатся, когда изящные белые руки женщины натягивают нити судьбы.

Вдруг она напряженно застыла, указывая на что-то.

— Посмотри!

Еле видимое на далеком пике висело облако необычного вида. Она заметила, что оно было малинового цвета с прожилками из сверкающего золота. Это облако вращалось и уменьшалось. Вдруг оно отделилось от снежной вершины пика и поплыло над бездной, подобно раскрашенному перышку в лазури неба.

— Что бы это могло быть? — беспокойно спросила девушка, в то время как выступ скалы закрыл далекую гору из виду.

Явление было хотя и красивым, но тревожным.

— Люди гор называют это «Ковер Уисмы», — ответил Конан. — Я знаю, что они приходят в ужас и прячутся в пещерах, когда это малиновое облако всплывает на небе.

Они проехали узкую расщелину и оказались на широком выступе, с одной стороны которого находился склон, с другой — гигантская пропасть. Выйдя на этот выступ, жеребец резко остановился, фыркая и хрипя. Конан нетерпеливо пришпорил его, и лошадь захрипела, качая головой, дрожа и напрягаясь, как бы противясь невидимому барьеру.

Он пошел вперед с вытянутой рукой, как бы ожидая встретить сопротивление, но там ничего не оказалось. Когда он попытался

провести лошадь, она пронзительно заржала и дернулась назад. Затем раздался крик Юсмины, и Конан резко повернулся, потянувшись рукой к ножу.

Никто из них не видел, как подошел мужчина в накидке из верблюжьей шерсти и в зеленом тюрбане. Конан хмыкнул от удивления, узнав того, кого сбил с ног его жеребец в ущелье около деревни вазули.

— Какого дьявола, кто ты? — потребовал он ответа.

Мужчина стоял со сложенными руками и молчал. Конан заметил, что взгляд мужчины концентрируется на нем.

Колдовство Хемел было основано, как и вся восточная магия, на гипнозе.

Бесчисленные поколения людей Востока жили и умирали в твердом убеждении в реальности и мощи гипноза. Это создало атмосферу, в которой индивидуум, воспитанный в традициях своей земли, оказывался беспомощным перед гипнотизером.

Но Конан — не сын Востока. Гипнотизм не был известен даже в мифах Киммерии. Поэтому традиции Востока не имели власти над Конаном, и киммериец был почти неуязвим.

Конан понимал, что Хемса старается с ним сделать, он чувствовал жуткую силу этого человека и смутное давление, которое он пытался на него оказать. Конан выхватил свой длинный нож и с быстротой горного льва нанес удар гипнотизеру.

Но гипнозом не исчерпывалась вся магия пророка Хемсы. Юсмина не увидела, каким обманным движением мужчина в зеленой чалме уклонился от ужасного сокрушительного удара, но острое лезвие не достигло цели. В ответ Хемса коснулся открытой ладонью бычьей шеи Конана, и киммериец упал, как оглушенный бык.

Хотя Конан и не потерял сознания, падая, он рубанул по ногам Хемсы, но и в этом случае гипнотизер увернулся. В этот момент из-за скалы и выскользнула Гитейра. Приветствие замерло в горле Юсмины, когда она увидела злобу на красивом лице своей бывшей служанки.

Конан медленно поднимался, потрясенный и ошеломленный жестоким ударом, нанесенным с мастерством, забытым людьми. Такой удар мог сломать, как гнилую ветку, шею менее крепкого человека. Хемса, который только что расправился с толпой безумных вазули, вооруженных ножами, взглянул на Конана с удивлением. Стойкость киммерийца поколебала уверенность пророка в своих чарах. Колдовство нуждается в успехе.

Хемса шагнул с протянутой рукой к Конану, но вдруг остановился и, устремив взор вдаль, замер в оцепенении.

Конан, Юсмина, стоявшая около дрожавшего жеребца, и Гитейра невольно последовали за взглядом волшебника.

По склонам горы, пританцовывая, спускалось малиновое конусовидное облако. Темное лицо Хемсы стало пепельно-серым, его поднятая рука задрожала и упала.

Гитейра, почувствовав перемену в нем, уставилась на него вопрошающе.

Малиновое облако оставило склон и спустилось по длинной дуге, окончившейся на выступе между Конаном и Хемсой. Пророк отпрянул назад с подавленным криком, таща за собой Гитейру.

Облако на мгновение замерло. Затем вдруг пропало, как исчезает пузырь, когда взрывается.

На выступе стояли четыре человека.

Это было чудо, но четверо мужчин с бритыми головами и в черных накидках не были ни призраками, ни фантомами.

Руки их были спрятаны внутри широких рукавов. Они стояли в молчании и пристально смотрели на Хемсу. Конан почувствовал, что страх подавляет его волю, он попятился, пока не натолкнулся на жеребца, которого била дрожь. Юсмина прижалась к плечу киммерийца. Никто не произнес ни слова. Молчание висело, как удушающая пленка.

Все четверо мужчин сверлили взглядом Хемсу. Их лица были неподвижны, глаза спокойны и задумчивы. Но Хемса трясся, как человек в лихорадке. Его ноги напряглись, как в схватке физической. Пот бежал ручейком по темному лицу. Его правая рука зажала что-то под коричневой накидкой. Левая рука упала на плечо Гитейры и сжала его в агонии тонущего человека. Девушка не отпрянула и не застонала, хотя пальцы пророка, как когти, впились в ее плоть.

Конан был свидетелем сотен битв в своей жизни, но никогда не видел подобной этой, в которой четыре дьявольских воли старались подавить одну дьявольскую волю, которая противостояла им. Но он только смутно чувствовал эту жуткую борьбу. Хемса боролся за свою жизнь всей своей темной мощью, всем своим страшным знанием, которому научили его прежние хозяева за долгие, мрачные годы ученичества и полной покорности.

Хемса оказался сильнее, чем думал. Он качался под безжалостным напором этих гипнотических глаз, но держался на ногах. Черты его лица были искажены звериной усмешкой агонии, члены скручены, как на дыбе. Это была война демонических душ и страшных умов, искушенных в науке исследовать бездны и подниматься к звездам.

Юсмина понимала это лучше, чем Хемса и Конан. Она смутно чувствовала, почему Хемса смог противостоять сконцентрированному удару этих четырех дьяволов, которые, казалось, могли расщепить в порошок скалы.

Причиной была девушка, за которую он уцепился с силой отчаяния. Она была подобна якорю для его погибающей души.

Ее слабость сейчас была его силой.

Его любовь к девушке, может быть, была сейчас опорой для его воли, нитью, которая связывала его с этим миром и которую колдуны не могли разорвать.

В конце концов и они поняли это. Один из колдунов обратил свой взгляд на Гитейру. Здесь не было битвы. Девушка отпрянула и вырвалась из рук своего любовника прежде, чем он понял, что произошло.

Затем девушка стала пятиться к пропасти, смотря на колдунов пустыми стекленеющими глазами. Хемса застонал и потянулся за ней, его воля не могла вести битву на два фронта. Девушка совершенно безвольно двигалась к обрыву, а Хемса следовал за ней, стонал от боли.

На самом краю пропасти девушка на миг задержалась, оцепенев, а он упал на колени и пополз к ней, тщетно пытаясь оттащить ее назад.

В этот момент один из колдунов засмеялся. Его жуткий смех, подобный звуку адового колокола, казалось, вернул ей понимание происходящего. Ее глаза наполнились невыразимым страданием, она решительно высвободилась из рук Хемсы и исчезла в пропасти.

Ущелье огласилось страшным предсмертным криком, который, многократно отражаясь от скал, долго раскатывался по горам. Хемса, перегнувшись через край, долго смотрел вниз. Его губы шевелились, что-то бормоча. Затем он повернулся и уставился на своих мучителей глазами, в которых уже не было ничего человеческого, а потом бросился к ним с поднятым в руке ножом.

Один из колдунов шагнул вперед и топнул ногой. Раздался скрежет, который быстро возрос до оглушительного рева. В прочной скале на пути Хемсы появилась трещина, которая мгновенно расширилась, и Хемса, мелькнув на мгновение с дико раскинутыми руками, исчез в бездне.

Четверо колдунов несколько мгновений созерцали изломанную кромку скалы, а затем неожиданно повернулись к Конану. Мозг его был затуманен. Он понимал, что ему нужно посадить Юсмину на черного жеребца и скакать, как ветер, но необъяснимая медлительность сковала его тело и мысли.

Теперь колдуны повернулись к ним. Они подняли руки, их очертания потускнели и расплылись, затем малиновый дым окутал их.

В следующий миг вращающееся облако поглотило Конана и Юсмину, отделив их друг от друга. Киммериец, ослепленный туманом, услышал удаляющийся крик Юсмины.

Малиновое облако, крутясь, поднялось вверх и исчезло за горными склонами.

Юсмина исчезла тоже, а с нею и четверо мужчин в черной одежде. Только дрожащий жеребец стоял рядом с ним.

7
К УИСМЕ

Ясность сознания полностью вернулась к киммерийцу. Оглашая ущелье проклятиями, он влетел в седло и дернул поводья. Жеребец заржал, встав на дыбы.

Конан посмотрел на склоны, затем повернул жеребца в направлении, по которому двигался перед встречей с Хемсой.

Он отпустил поводья, и жеребец рванулся, подобно молнии. Бешеная скачка и для лошади, и для всадника была непроизвольной разрядкой после испытанного чудовищного психологического напряжения. Они спускались с головокружительной скоростью по узкой дорожке, вившейся по гигантской круче.

Он мог проследить путь, которым должен был проскакать. Далеко впереди он должен будет спуститься с гребня и сделать большую петлю назад до русла ручья. Конан проклинал необходимость терять столько времени на этот путь, но это была единственная дорога. Спуститься прямо здесь было невозможно.

Поэтому он пришпорил уставшего жеребца, когда вдруг до его ушей донесся стук копыт. Натянув поводья, Конан направил жеребца к краю гребня и посмотрел вниз.

Вдоль высохшего речного русла ехала пестрая толпа — пять сотен бородатых людей на полудиких лошадях.

Конан узнал афгулийцев.

— Я еду к Уисме! — загремел он сверху. — Я не надеялся встретить вас, собаки, по дороге. Следуйте за мной так быстро, как только могут ваши клячи!

Как только его крик достиг толпы, пятьсот бородатых людей запрокинули головы.

— Предатель! — услышал он вой, подобный шквалу.

— Что?

Конан увидел лица, искаженные яростью, и руки, потрясавшие ножами и луками.

— Предатель! — снова взревели они. — Где семь вождей?

— В тюрьме правителя, полагаю, — ответил он.

Ему снова ответил кровожадный вопль сотен глоток. Он перекрыл грохот своим ревом и загремел:

— Какой дьявол в вас вселился? Пусть один говорит, чтобы я мог понять, что вы хотите.

Костлявый старый вождь выдвинулся вперед, потряс своей саблей и закричал:

— Ты не спас наших братьев!

— Глупцы! — проревел выведенный из себя Конан. — Даже если бы вы преодолели стену, они повесили бы пленников прежде, чем вы ворвались бы в крепость.

— И ты поехал один, чтобы сторговаться с правителем! — завопил афгули, доведя себя до белого каления.

— Ну?

— Где семь вождей? — воскликнул старик, вращая саблей над головой. — Где они? Они мертвы!

— Что?!

Конан чуть не свалился с лошади от удивления.

— Да, мертвы! — уверенно заревели пятьсот кровожадных глоток.

— Но они не были повешены! — зловеще прокричал старик. — Вазули в соседней камере видели, как они умерли! Правитель послал колдуна, чтобы убить их!

— Они ошиблись, — сказал Конан. — Правитель не посмел бы. Прошлой ночью я говорил с ним.

Он зря признался в этом. Вопль ненависти и обвинений расколол небеса.

— Да! Ты пошел к ним один, чтобы предать нас! Вазули сбежали через двери, которые сломал колдун при входе, и рассказали все нашим разведчикам, которых мы послали, чтобы найти тебя. Когда они услышали рассказ вазули, они вернулись к нам и мы оседлали коней.

— И что вы, глупцы, намереваетесь делать? — спросил киммериец.

— Отомстить за наших братьев! — взвыли они. — Смерть Кшатри! Смерть Конану, он предатель!

Вокруг него начали падать стрелы.

Конан привстал в стременах, повернул коня и поскакал назад вверх по дороге.

Вскоре Конан достиг точки, где гребень соединялся со склоном.

Здесь Конан повернул на едва заметную тропинку среди скал. Он проехал совсем немного, когда жеребец вдруг фыркнул и попятился назад от чего-то лежащего на пути.

Конан уставился на кровавую, оборванную кучу, которая что-то невнятно бормотала обломанными зубами.

Только темные боги, которые правят мрачными судьбами колдунов, знали, как Хемса из-под упавших камней выбрался на тропинку.

Побуждаемый каким-то неясным чувством, Конан слез с лошади и стоя смотрел сверху вниз на бесформенную массу, понимая,

что он стал свидетелем чудесного, противоречившего природе явления. Хемса поднял свою окровавленную голову, и его странные глаза, светившиеся агонией и приближавшейся смертью, уставились на Конана.

— Где они? — раздалось мучительное карканье, лишь отдаленно напоминавшее человеческий голос.

— Убрались назад в свой дьявольский замок на Уисме, — ответил Конан. — Они взяли Деви с собой.

— Я пойду за ними! — пробормотал он. — Они убили Гитейру, я убью их и их прислужников. Четырех из Черного Круга и самого Повелителя! Убью их всех!

Он старался подняться, но даже неукротимая воля не могла оживить эту массу кровавого мяса, где расчлененные кости держались только изорванной кожей и остатками сухожилий.

— Иди за ними! — простонал Хемса, роняя кровавую слюну.

— Я собираюсь это сделать, — проворчал Конан. — Я отправился за моими афгулийцами, но они отвернулись от меня. Пойду на Уисму один. Я верну Деви, даже если буду вынужден разрушить эту проклятую гору голыми руками. Я не думал, что правитель посмеет убить моих вождей, но он сделал это. Юсмина не нужна мне теперь как заложница, но...

— Проклятие на них! — выдохнул Хемса. — Иди! Я умираю. Подожди! Возьми мой пояс.

Он попытался найти его, и Конан, поняв, что он искал, наклонился и вытащил из-за его окровавленной спины пояс удивительного вида.

— Следуй за золотой жилкой через бездну, — пробормотал Хемса. — Надень пояс. Я получил его от жрецов Стигии. Он поможет тебе, хотя он и подвел меня. Разбей кристаллический шар с четырьмя золочеными гранатами. Остерегайся превращений повелителя. Я ухожу к Гитейре, она ждет меня в аду.

Итак, он умер.

Конан посмотрел на пояс. Он был соткан из тысячи толстых черных женских локонов. В него были вплетены крохотные драгоценные камни, каких он никогда не видел прежде. Пряжка имела форму плоской золоченой змеиной головы, выполненной с удивительным искусством. Сильный разряд пронизал Конана, когда он дотронулся до пряжки, и он повернулся с желанием бросить пояс в пропасть, затем заколебался и, наконец, застегнул его вокруг талии, закрыв его своим бархатным поясом. Потом он сел на коня и отправился в путь.

Солнце опустилось за скалы. Конан взбирался по тропе в длинной тени утесов, которая была похожа на темно-голубой плащ, брошенный на долины и холмы далеко внизу.

Он был почти у перевала, когда услышал звон копыт впереди себя. Тропа слишком узка для разворота. Едва Конан выехал на ее расширяющийся участок, как его жеребец натолкнулся на лошадь, появившуюся из-за выступа скалы. Киммериец железной хваткой схватил руку всадника с занесенной саблей.

— Керим Шах, — пробормотал Конан. Турианец не вырывался, они сидели на своих лошадях, которые упирались грудью друг в друга. Позади Керим Шаха вытянулась в цепочку группа высоких иракзейцев на худых лошадях. Они сверкали глазами, как волки, сжимая луки и ножи, но оставались в нерешительности из-за бездны, разверзшейся под ними.

— Где Деви? — потребовал Керим Шах.

— Зачем это тебе, туранский шпион? — прорычал Конан.

— Я знаю, что она была у тебя, — ответил Керим Шах. — Я ехал на север с моими соплеменниками, когда попал в засаду в ущелье Шализах. Много людей било убито, а остальные разбежались по холмам, как шакалы. Когда мы отбились от погони, то повернули на запад к ущелью Иехун и этим утром наткнулись на вазули, бродившего среди холмов. Он был почти без памяти, но я многое узнал из его бессвязной речи, прежде чем он умер. Я узнал, что он был среди тех вазули, которые преследовали вождя афгулийцев и пленную женщину кшатри в ущелье близ деревни Курум. Потом он рассказал о человеке в зеленом тюрбане, который сначала был сбит с ног жеребцом афгулийца, а затем атакован толпой вазули. Однако он поразил почти всех их неизвестным способом, смяв их, как огненный шквал сметает скопище саранчи. Как этот человек остался жив, не знаю, — продолжал Керим Шах, — но я узнал, что Конан был в Куруме со своей королевской пленницей. А когда мы проехали через холмы, то обогнали обнаженную девушку с кувшином. Она рассказала нам, что ее раздел и изнасиловал гигант в одежде вождя афгулийцев, который отдал ее одежду своей спутнице. Она сказала, что ты поехал на восток.

Керим Шах не считал необходимым объяснить, что он ехал навстречу с ожидаемым отрядом из Секундерама, когда его путь преградили враждебные дикари. Дорога в долину Гурунах через ущелье Шализах была длиннее, чем дорога через ущелье Курум, но она пересекала частично край Афгулистана, который Керим Шаху очень хотелось избежать. Поэтому он повернул на заброшенную тропу в безрассудной надежде догнать Конана.

— Скажи мне, где Деви, — предложил Керим Шах. — Нас больше...

— Пусть только одна из твоих собак шевельнется — и я сброшу тебя в пропасть, — пообещал Конан.

— Если ты убьешь меня, это тебе ничего не даст. По моему следу идут афгулийцы, и если они обнаружат, что ты обманул их, они растерзают тебя живьем. Как бы то ни было, у меня нет к тебе сочувствия.

— У меня нет Деви, она в руках Черных Пророков Уисмы!

— Проклятие! — воскликнул Керим Шах, в первый раз выведенный из равновесия. — Хемса...

— Хемса мертв, — сказал Конан. — Его хозяева послали его в ад. А теперь прочь с моей дороги. Я был бы рад убить тебя, если бы у меня было время, но я иду к Уисме.

— Я поеду с тобой, — внезапно сказал туранец.

Конан засмеялся ему в лицо.

— Ты думаешь, я доверяю тебе, собака?

— Я не спрашиваю тебя, — резко оборвал его Керим Шах. — Нам обоим нужна Деви. Ты знаешь мою причину. Король Юздигер желает присоединить ее королевство к своей империи, а ее заполучить в свой сераль. И я знаю тебя с тех пор, как ты был слугой казаков степей, поэтому считаю твои амбиции ошибочными. Ты хочешь ограбить Виндию в качестве выкупа за Юсмину. Ладно, давай на время безо всяких иллюзий относительно друг друга объединим наши силы и попытаемся спасти Деви от пророков. Если нам повезет, и мы останемся живы, мы потом выясним, кому она достанется.

Конан внимательно посмотрел на Керим Шаха, а затем кивнул, освободив руку туранца.

— Согласен. А как насчет твоих людей?

Керим Шах повернулся к молчавшим иракзаи и кратко произнес:

— Вождь и я собираемся на Уисму сражаться с колдунами. Вы пойдете с нами или останетесь, чтобы быть растерзанными афгули, которые преследуют этого человека?

Эти люди имели слишком много кровных врагов среди жителей скал, и их было очень мало, чтобы пробиться к границе без хитрого туранца. Они считали себя уже мертвыми и поэтому ответили, как только может ответить мертвый человек:

— Мы пойдем с тобой и умрем на Уисме.

— Тогда именем Крома, вперед! — прорычал Конан.

Он нетерпеливо вглядывался в сгустившийся сумрак.

— Мои волки отстали на несколько часов, но мы потеряли дьявольски много времени.

Керим Шах попятился на своем коне между черным жеребцом и скалой, убрал саблю и осторожно повернул лошадь. То же проделали иракзаи.

Вскоре весь отряд поднимался по тропе так быстро, как это было возможно.

Они выехали на гребень в миле от того места, где Хемса остановил киммерийца с Деви.

Даже Конан вздохнул с облегчением, когда лошади вскарабкались на более широкую дорогу. Они двигались, как призрачные всадники, через мрачное королевство теней, нарушая тишину тихим цокотом копыт уставших лошадей.

8
ЮСМИНА ИСПЫТЫВАЕТ УЖАС

Юсмина вскрикнула, когда почувствовала себя погруженной в малиновый вихрь и оторванной от своего защитника ужасной силой. Она была ослеплена и оглушена ураганным движением воздуха. Затем наступили головокружение и забытье.

Вновь обретя сознание, она закричала и замахала руками, как если бы продолжала невольный полет.

Ее пальцы сомкнулись на мягкой ткани, и облегчающее чувство устойчивости наполнило ее.

Она стала воспринимать окружающее и обнаружила, что лежит на возвышении, покрытом черным бархатом. Это возвышение стояло в большой, тускло освещенной комнате, на стенах которой висели шторы с извивающимися драконами, воспроизведенными с отталкивающим реализмом. Легкие тени говорили о высоком потолке, а сумрак создавал иллюзию чего-то затаившегося в углах.

Здесь, казалось, не было ни окон, ни дверей. Откуда проходил тусклый свет, Юсмина не могла определить. Огромная комната была царством загадок и темных теней, которое вызывало у нее непонятный ужас.

Ее взгляд остановился на фигуре, находившейся на блестящем черном возвышении в нескольких футах от нее. Ее длинное черное бархатистое одеяние с золотистыми нитями спадало свободно. Руки были спрятаны в рукавах, на голове — бархатная шапочка.

Лицо было спокойным, даже немного приятным, глаза имели непонятное выражение.

Он не двигался и не шевелил ни одним мускулом, рассматривая ее, и его выражение не изменилось, когда он увидел, что она пришла в себя.

Юсмина почувствовала, как страх леденит спину. Она приподнялась на одном локте и вопросительно посмотрела на незнакомца.

— Кто ты? — спросила она прерывающимся голосом.

— Я — хозяин Уисмы.

Голос был звучным и красивым, подобно негромкому звуку храмового колокольчика.

— Почему ты принес меня сюда? — потребовала ответа Юсмина.

— Разве ты не искала меня?

— Если ты один из Черных Пророков — то да, — ответила она безрассудно.

Она верила, что он легко читает ее мысли.

Он негромко засмеялся, и мурашки снова пробежали по ее спине.

— Ты повернула бы диких детей холмов против Пророков Уисмы? Я прочитал это в твоем мозгу, принцесса, в твоем слабом человеческом мозгу, наполненном мелкими мечтами о мести.

— Вы убили моего брата!

Поднявшаяся волна гнева соперничала со страхом, руки сжались, гибкое тело напряглось.

— Почему вы погубили его? Он никогда не трогал вас. Священники говорили, что Пророки не вмешиваются в человеческие дела. За что вы казнили короля Виндии?

— Как может обычный человек понять мотивы Пророков? — спокойно ответил хозяин. — Мои прислужники в храмах Турана настаивали, чтобы я сделал это ради Юздигера. По моим собственным соображениям я согласился. Как я могу объяснить мои тайные мотивы твоему жалкому интеллекту? Ты не поймешь.

— Я понимаю одно: мой брат умер!

Слезы горя и ярости прозвучали в ее голосе. Она поднялась на колени и уставилась на него широко раскрытыми блестящими глазами, гибкая, как пантера.

— Так хотел Юздигер, — спокойно подтвердил хозяин. — Это был мой каприз — помочь его амбициям.

— Юздигер твой вассал?

Юсмина старалась, чтобы голос ее не дрожал. Она почувствовала, что ее колено давит на что-то твердое и симметричное под скользким бархатом. Она немного изменила свое положение, скользнув рукой под бархат.

— Разве собака, которая лижет отбросы во дворе храма, вассал бога? — спросил хозяин.

Он, казалось, не заметил ее действий, которые она старалась скрыть. Ее пальцы под бархатом сжались на золоченой рукоятке кинжала. Юсмина наклонила голову, чтобы спрятать свет торжества в глазах.

— Сейчас я устал от Юздигера, — сказал хозяин. — У меня теперь другие развлечения. Ха!

Юсмина с криком прыгнула, как кошка джунглей, на хозяина, взмахнув кинжалом. Затем она рухнула на пол, где съежилась,

уставившись снизу вверх на него. Он не двинулся. Его загадочная улыбка не изменилась. Она подняла дрожащую руку и увидела, что в ней не было кинжала. Пальцы сжимали стебель золотого лотоса, с которого опадали смятые лепестки.

Юсмина отбросила его, как гадину, и вернулась на свое возвышение, потому что это было по крайней мере более достойно для королевы, чем сидеть на полу у ног колдуна, и затем она обернулась к нему, ожидая наказания.

Но Хозяин не шевельнулся.

— Все вещества одинаковы для того, кто держит ключ от космоса, — сказал он загадочно. — Для посвященного все доступно. По его воле сталь расцветает цветами или цветок оборачивается мечом в лунном свете.

— Ты — дьявол! — воскликнула она.

— Я был рожден на этой планете давным-давно, — ответил он. — Когда-то я был обыкновенным человеком и не потерял человеческие черты в бесчисленных веках моего посвящения. Человек, владеющий темным искусством, — больше, чем дьявол. Я по происхождению человек, но я правлю демонами. Ты видела Повелителей Черного Круга, только я могу повелевать ими. Мой служитель Хемса задумал стать великим — бедный глупец, ломающий двери и перемещающий себя и свою госпожу через воздух от холма к холму! Хотя, если бы он не был уничтожен, его власть могла бы вырасти до моей!

Он снова засмеялся.

— А ты, бедная глупая женщина, задумавшая послать волосатого вождя из холмов напасть на Уисму! Я прочитал в твоем женском уме намерение использовать свои женские уловки, чтобы достичь этой цели. Но, несмотря на всю свою глупость, ты — женщина, на которую приятно смотреть. Это мой каприз — оставить тебя здесь как мою рабыню.

Дочь тысячи гордых императоров задохнулась от стыда и ярости при этих словах.

— Ты не посмеешь!

Его издевательский смех хлестнул ее, как кнут, по голым плечам.

— Король не смеет растоптать червя на дороге? Маленькая дурочка, ты не поняла, что твоя королевская гордость для меня не более чем соломинка, несомая ветром. Ты видела, как я поступаю с непокорными! Я, который познал поцелуи королев Ада!

Потрясенная и напуганная, девушка сидела, съежившись на покрытом бархатом возвышении. Свет становился все более тусклым и призрачным. Черты Хозяина стали сливаться, в его голосе появились властные нотки.

— Я никогда не подчинюсь тебе!

Голос девушки дрожал от страха, но в нем звенела решительность.

— Ты подчинишься, — ответил он с пугающей убежденностью. — Страх и боль научат тебя. Я буду мучить тебя ужасом, пока ты не станешь мягким воском в моих руках. Ты научишься такой покорности, какой не знала ни одна смертная девушка, моя малейшая команда будет для тебя беспрекословной волей богов. А сначала, чтобы сломить свою гордость, ты совершишь путешествие через прошлые века и увидишь все формы, которые были твоими предками. Аи, Уил ла Коса!

При этих словах затемненная комната поплыла перед истерзанным взглядом Юсмины. Ее волосы приподнялись, язык прилип к гортани. Где-то прозвучал низкий звук гонга. Драконы на шторах сверкнули голубым пламенем, а затем исчезли.

Тусклый свет уступил место мягкой, плотной темноте, почти осязаемой, которая испугала Юсмину. Казалось, тьма излучает странное свечение. Она больше не видела Хозяина. Она ничего не видела. У девушки было ощущение, что стены и потолок отодвинулись от нее в бесконечную даль.

Затем где-то в темноте возникло свечение, подобное огненной искорке, ритмически темневшей и снова разгоревшейся.

Искорка выросла до размеров золотого шара, и ее свет стал более сильным. Неожиданно она взорвалась, осветив темноту белым светом, который позволил видеть гибкий ствол, росший из невидимого пола.

Он увеличивался, принимал форму стебля, появились широкие листья, и над ней нависли огромные черные ядовитые цветы. Слабый запах наполнил воздух. Это было жуткое подобие черного лотоса, какой растет в зловещих джунглях Хитаи.

Широкие листья были полны злой силы. Цветы тянулись к ней, как разумные существа, по-змеиному склоняясь на гибких стеблях. Вырисовываясь на фоне мягкой непроницаемой тьмы, черный лотос раскачивался над ней, как олицетворение безумия.

Ее мозг затуманился от одурманивающего запаха. Девушка закричала от ужаса и крепче сжала бархат, почувствовав, как ее пальцы неумолимо скользят по нему.

Возможно, ощущение, что весь ее здравый смысл и устойчивость рухнули и исчезли, повергло ее в панику. Она стала трепещущим чувствующим атомом, несомым через ледяную бездну ураганным ветром, который угрожал уничтожить ее слабую жизненную искорку.

Затем наступил период слепого блуждания, когда атом, которым была она сама, слился с миллиардами других атомов зарождающейся жизни в трясине существования, пока под действием

формирующих сил она не вынырнула снова сознательной индивидуальностью, кружась в бесконечной спирали жизни.

Она прошла все свои прежние существования и воплощения, став всеми телами, которые несли ее ЭГО через сменявшие друг друга эпохи. Она снова сбивала свои ноги по длинной тернистой дороге жизни, которая простиралась позади нее в незапамятных временах. Там, в туманных рассветах времени, она томилась, трепеща, в первобытных джунглях, прячась от хищных чудовищ.

Обнаженная, она бродила по пояс в воде в рисовых болотах, сражаясь с рептивыми паразитами за драгоценный урожай. Она работала с волами, тащившими заостренный кол через неподатливую почву, и бесконечно горбилась над ткацкими станками в крестьянских хижинах.

Она видела, как охватываются пламенем города, и бежала с криком от насильников.

Она корчилась, обнаженная, в кровоточащих горячих песках, ее тащили на аркане, как рабыню, она познала хватку жестоких рук на своей плоти, необузданность и грубость животной похоти.

Она кричала под ударами кнута и страдала на дыбе, безнадежно борясь с руками, которые неумолимо клонили ее голову на окровавленное колесо.

Она познала муки родов и горечь обманутой любви. Она перестрадала все горести, несправедливости и жестокости, которые мужчины причиняют женщинам во все эпохи, и она почувствовала всю злобу и коварство женщин, направленных на женщину.

Она была всеми женщинами до нее, хотя она знала, что она Юсмина. Это чувство не терялось в муках воплощения. В одно и то же время она была обнаженной рабыней, страдающей под кнутом, и гордой Деви Виндии. И она страдала не только как рабыня, но и как Юсмина, для гордости которой кнут был подобен раскаленному пруту.

Жизнь переходила в жизнь в летящем Хаосе, пока она не услышала свой собственный голос, протяжно и надрывно звучащий через века.

Затем она очнулась в загадочной комнате на покрывале из бархата.

В призрачном сером свете она снова увидела фигуру в накидке, сидевшую напротив нее. Голова в капюшоне была наклонена, высокие плечи неясно вырисовывались на сером фоне. Она не могла ясно различить детали, но колпак возбудил в ней определенную тревогу, которая переросла в пугающую уверенность, что это не Хозяин.

Фигура зашевелилась и встала, возвышаясь над ней. Длинные руки в широких черных рукавах протянулись к ней.

Юсмина безмолвно боролась с ними, удивленная их худощавой твердостью.

Голова в капюшоне приблизилась к ее запрокинутому лицу. Она заскулила в невыносимом страхе и отвращении. Костлявые руки сжали ее гибкое тело, и из колпака выглянуло олицетворение смерти — череп, обтянутый разлагающимся пергаментом. Она вскрикнула, а затем, когда ухмыляющиеся челюсти приблизились к ее губам, она потеряла сознание...

9
ЗАМОК КОЛДУНОВ

Солнце взошло над белыми пиками Гимилианов. У подножия длинного склона остановилась группа всадников, и все, задрав головы, всматривались в необычную картину — фантастический замок на гребне и белый сверкающий пик Уисмы над ним. Все это создавало ощущение нереальности.

— Мы оставим лошадей здесь, — сказал Конан.

Он спрыгнул с черного жеребца, который стоял с опущенной головой. Они ехали всю ночь, на ходу жуя пищу из седельных сумок и останавливаясь для того, чтобы дать коням необходимую передышку.

— В этой первой башне живут прислужники Черных Пророков, — сказал Конан, — или, как говорят люди, сторожевые псы своих хозяев — начинающие колдуны. Они не будут безучастно наблюдать, пока мы будем взбираться на склон.

Керим Шах взглянул на гору, затем назад, на путь, который они прошли. Они были уже высоко на склоне Уисмы, и под ними простиралась обширная цепь маленьких пиков и вершин. Среди этих лабиринтов туранец тщетно искал признаки, которые выдали бы присутствие людей. Очевидно, афгулийцы потеряли след своего вождя в ночи.

Они привязали уставших лошадей в зарослях тамариска и без лишних слов отправились вверх по склону.

Он представлял собой обнаженную скалу без растительности, усеянную валунами.

Отряд не прошел и пятидесяти шагов, когда рычащий зверь выскочил из-за валуна.

Это был один из тощих диких псов, которые жили в горных деревнях. Его глаза горели светом, с челюстей капала пена.

Конан шел впереди, но пес атаковал не его. Он пронесся мимо и прыгнул на Керим Шаха. Тот отскочил в сторону, и огромный пес налетел на иракзаи, шедшего позади него.

Человек завопил и заслонился рукой, которая была разорвана клыками чудовища.

В следующее мгновение полдюжины сабель обрушились на зверя. Пока пес не был полностью изрублен, он не прекращал попыток схватить и разорвать нападавших.

Керим Шах перевязал раненого воина, посмотрел на него внимательно и отвернулся, не говоря ни слова. В молчании они возобновили подъем.

Вскоре Керим Шах сказал:

— Странно встретить деревенскую собаку в таком месте.

— Здесь нет отбросов, — глухо подтвердил Конан.

Оба оглянулись на раненого воина, тащившегося позади товарищей.

На его темном лице блестел пот, и губы были искривлены в гримасе боли. Затем оба посмотрели снова на каменную башню над ними.

Сонная тишина повисла над склонами.

В башне не было видно никаких признаков жизни, но люди, взбирающиеся вверх, шли с напряжением идущих по краю пропасти. Керим Шах снял с плеча мощный туранский лук, который поражал на пятьсот шагов, и иракзаи сделали то же.

Они были еще далеко от башни, когда что-то пронеслось мимо Конана так близко, что он почувствовал ветер, поднимаемый крыльями, и еще один иракзаи пошатнулся и упал. Кровь брызнула из его рваных ран. Ястреб с крыльями, подобными обожженной стали, взлетел вверх, кровь капала с изогнутого клюва. Прозвенела тетива лука Керим Шаха, и коршун упал вниз как камень, но никто не увидел, где он ударился о скалы.

Конан наклонился над жертвой атаки, но человек был уже мертв. Все молчали, хотя никто не слышал о случаях нападения ястреба на человека. Иракзаи с трудом сдерживали ярость. Они перебирали стрелы и бросали мстительные взгляды на башню, само молчание которой раздражало их.

Следующая атака не заставила себя долго ждать. Белый шар из дыма перевалился через край башни и устремился, скользя и подпрыгивая, на них. За первым последовали другие.

Они казались безвредными пушистыми шарами из клубившейся пены, но Конан отступил в сторону, чтобы не коснуться их.

Позади него один из иракзаи ударил саблей по шару. Раздался взрыв, огромный столб ослепляющего пламени поглотил воина. Когда дым рассеялся, на месте взрыва остались пепел, обожженные кости и кусок расплавленного металла, напоминавший о сабле.

Хотя остальные воины, стоявшие рядом, почти не пострадали, они были наполовину ослеплены внезапной вспышкой.

— Смотрите, вон еще один катится! — воскликнул Конан.

Склон над ними был почти покрыт скатывающимися шарами. Керим Шах согнул свой лук и послал стрелу в скопление шаров, и те, которых она коснулась, взорвались подобно первому.

Иракзаи последовали его примеру, и через несколько минут как будто буря забушевала на горном склоне. Когда преграда исчезла, все шары были взорваны, в колчанах воинов почти не осталось стрел.

Они двинулись дальше, мимо обожженных и оплавленных камней. До первой башни оставалось совсем немного. Они были готовы к любому новому испытанию.

На башне появилась одинокая фигура с поднятым десятифутовым горном. Протяжный рев прокатился эхом по склонам, подобно звуку труб в Судный День. В ответ земля задрожала под ногами пришельцев, и из подземных глубин донесся грохот и скрежет.

Иракзаи закричали, заметавшись в панике на качающемся склоне, а Конан со сверкающими глазами рванулся безрассудно вверх по склону с ножом в руке прямо к двери, которая была видна в стене башни. Керим Шах пустил стрелу прямо в горн.

Только туранец мог сделать такой выстрел. Рев горна внезапно прекратился, и раздался высокий тонкий крик. Фигура в зеленой накидке на башне покачнулась, а потом упала через парапет.

Огромный горн повис на краю башни, и другая фигура кинулась, чтобы подхватить его. Снова прозвенел туранский лук, и снова в ответ раздался смертельный крик.

Второй прислужник, падая, зацепил горн локтем и смахнул его через парапет. Горн разлетелся на куски, ударившись о камни у подножия башни.

Конан навалился на дверь. Предупрежденный врожденным инстинктом, он вдруг отскочил назад, когда масса расплавленного свинца обрушилась вниз с башни. В следующее мгновение он атаковал дверь с удвоенной яростью. Конан был уверен, что трясущаяся земля — самое мощное оружие прислужников колдунов.

Керим Шах заторопился вверх по склону, его люди следовали за ним неровным полумесяцем.

Тяжелая дубовая дверь рухнула под натиском киммерийца, и он осторожно посмотрел внутрь. Перед ним было помещение, из которого наверх поднималась лестница. На противоположной стороне была настежь открыта дверь, через которую были видны спины полудюжины отступающих фигур в зеленых плащах.

Конан завопил, шагнул в башню и тут же отскочил назад. Огромный камень рухнул откуда-то сверху на то место, где только что стояла его нога. Теперь Конан без опаски ворвался в башню.

Прислужники сдали первую линию обороны.

Выскочив из башни, Конан увидел зеленые плащи убегавших прислужников. Он рванулся в погоню, за ним — Керим Шах и яростно воющие иракзаи.

Башня стояла на нижнем краю небольшого плато, наклон которого был почти неощутим.

Через несколько сотен ярдов это плато оканчивалось пропастью. Зеленые плащи взметнулись и исчезли в ней.

Через несколько мгновений преследователи стояли на краю пропасти, отделявшей их от Замка Черных Пророков. Это было узкое ущелье с крутыми стенами, которое простиралось в обоих направлениях, насколько они могли видеть, очевидно, опоясывая гору. В нем от края до края сверкал и мерцал полупрозрачный туман.

Конан взглянул вниз и недовольно заворчал. На синевшем как серебро дне ущелья он увидел прислужников в зеленых плащах. Их очертания были расплывчатыми и нечеткими, подобно фигурам, видимым через большой слой воды. Они двигались группой, направляясь к противоположной стене.

Керим Шах достал стрелу и пустил ее вниз. Войдя в туман, она, казалось, потеряла скорость и далеко отклонилась от своего курса.

Керим Шах с удивлением смотрел вслед своей стреле.

— Если они спустились вниз, то и мы сумеем! — проворчал Конан.

— Я видел их последний раз на этом самом месте...

Присмотревшись, он увидел что-то, сверкавшее подобно золоченой нити, проходящей через дно каньона. Прислужники, казалось, следовали вдоль этой нити, и внезапно он вспомнил слова Хемсы: «Следуй за золотой жилой».

На краю пропасти он нашел ее, тонкую жилку сверкавшего золота, сбегавшую от края вниз. Он обнаружил, что вдоль золотой жилки размещались шипы для ног.

— Вот где они спустились вниз, — сказал он Керим Шаху. — Мы пойдем за ними...

В это самое мгновение воин, который был искусан бешеной собакой, ужасно закричал и прыгнул на Керим Шаха, роняя пену с губ и оскалив зубы. Туранец, быстрый, как кошка, отпрыгнул в сторону, и безумец угодил в пропасть. Остальные подбежали к краю и с изумлением смотрели ему вслед. Он медленно опускался через розовую дымку, как человек, тонущий в глубокой воде. Черты его лица исказились и стали пурпурными. Наконец далеко внизу его тело опустилось на дно и осталось недвижимым.

— Там, в этой расщелине, смерть, — пробормотал Керим Шах. Он отступил от розового тумана, мерцавшего почти у его ног.

— Что теперь, Конан?

— Вперед! — мрачно ответил киммериец. — Эти прислужники — люди. Если они прошли сквозь туман и он не убил их, то не убьет и меня.

Он подтянул ремень, и его руки коснулись пояса, который дал ему Хемса. Конан нахмурился, а затем улыбнулся. Он забыл про этот пояс, хотя трижды смерть прошла мимо него, выбрав жертву.

Прислужники достигли противоположной стены и уже поднимались вверх подобно большим зеленым мухам. Конан осторожно начал спускаться вдоль золотой жилы. Розовое облако плескалось о его ноги, поднимаясь к его телу. Оно достигло колен, бедер, талии, подмышек. Конан ощущал его, как человек ощущает плотный тяжелый туман в темную ночь. Когда туман заплескался около его подбородка, Конан поколебался, а затем нырнул в него. Мгновенно дыхание прекратилось, и он почувствовал, как сжимаются внутри его ребра. С неистовым усилием он поднялся выше, борясь за свою жизнь. Его голова высунулась над поверхностью тумана, и он стал хватать воздух большими глотками.

Керим Шах, спускавшийся следом, наклонился к нему и заговорил, но Конан ничего не слышал.

Его ум упрямо сосредоточился на том, что говорил ему умирающий Хемса. Киммериец поискал золотую жилу и увидел, что он отклонился от нее при спуске. Сместившись к нити, он снова погрузился в розовый туман. Его голова была под поверхностью, но он мог дышать розовым воздухом. Над собой он увидел своих спутников, смотревших на него. Он жестом позвал их следовать за собой и продолжал спуск, не ожидая, послушаются ли они его.

Керим Шах убрал саблю в ножны и без колебаний последовал за ним.

Иракзаи больше боялись остаться одни, чем ужасов, которые могли таиться внизу, и стали спускаться за ними. Каждый старался прижаться к золотой жиле, как это делал киммериец. Спустившись, они двинулись по дну, следуя за золотой жилой.

Они шли как бы по невидимому туннелю, через который свободно циркулировал воздух. Они чувствовали дыхание смерти сверху и сбоку от себя.

Жила направлялась вверх по такому же спуску на другой стене.

Наверху их ждали прислужники в зеленых плащах с ножами в руках. Возможно, они достигли рубежа, дальше которого отступать они уже не могли.

Вероятно, стигийский пояс Конана подсказал им, почему их смертоносные заклинания оказались такими слабыми и так быстро истощились. Возможно, это было знание об ожидающей их смерти, полагающейся за неудачу, которое заставило их прибегнуть в отчаянии к материальному оружию. Здесь среди острых скал уже не было колдовских чар. Шла смертельная схватка мужчин, в которой

реальные ножи наносили рубящие и колющие удары, лилась реальная кровь, а обессилевшие от ран падали под ноги сражающихся. Все прислужники были уничтожены — изрублены, заколоты или сброшены в пропасть, чтобы медленно опуститься на серебряное дно ущелья, сияющего далеко внизу.

Победители приходили в себя, оглядывая друг друга. В живых остались Конан, Керим Шах и четверо иракзаи.

От места схватки по небольшому склону шла тропа к широкой лестнице, шесть ступеней которой были вырезаны из зеленого нефрита. Она вела к широкой галерее без крыши из того же материала, а дальше возвышался замок Черных Пророков. Его архитектура была строгой и величественной, украшения отсутствовали. Замок не подавал признаков жизни, ни дружественных, ни враждебных.

Они стали подниматься по тропе в молчании и осторожно, как люди, направляющиеся в логово змеи.

Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не осознавал, что за чудовищное и необычное нарушение традиций представляло их вторжение. Он был рожден в Киммерии, где сражались с дьяволами и колдунами, как с обычными человеческими врагами.

Он прошел через широкую зеленую галерею прямо к огромной, украшенной золотом двери. Конан бросил единственный взгляд вверх на первый круг гигантской пирамидальной конструкции, возвышающейся над ним, и протянул руку к бронзовой ручке на двери, затем отдернул руку, мрачно усмехнувшись.

Ручка была сделана в форме змеи с поднятой головой на изогнутой шее, и у Конана появилось подозрение, что бронзовая голова может ожить под его рукой.

Он отрубил ее одним ударом, осторожно отодвинул змею острием в сторону и снова повернулся к двери. Полная тишина царила над замком. Далеко внизу склоны исчезали в розовой дымке.

Солнце блестело на снежных пиках. Высоко вверху висел коршун, подобно черной точке в холодной синеве неба.

Длинный нож Конана, расщеплявший дубовые панели двери, порождал в горах раскатистое эхо. Он ударял снова и снова, прорубаясь сквозь полированное дерево и бронзовые украшения.

Сквозь пробоины Конан увидел широкий зал с незадрапированными полированными каменными стенами и мозаичным полом.

В помещении никого не было. На противоположной стороне была видна другая дверь.

— Оставь человека на страже снаружи, — сказал Конан.

Керим Шах назначил воина для охраны, и тот с луком в руках вернулся к середине галереи. Конан пролез в зал, за ним — туранец и три оставшихся иракзаи.

Часовой снаружи сплюнул и заворчал про себя в бороду, но вдруг вздрогнул, когда негромкий презрительный смех достиг его ушей. Он поднял голову и увидел на выступе замка над ним высокую фигуру в черном плаще и с непокрытой головой.

Его черты выражали презрение и злобу.

Быстрый иракзаи натянул лук и выстрелил. Стрела ударила прямо в черную грудь, но презрительный смех не прекратился. Пророк вырвал стрелу и швырнул ее назад в стрелка. Иракзаи инстинктивно вскинул руку, его пальцы сомкнулись на вращающейся стреле.

Затем он вскрикнул. В его руке дерево стрелы внезапно ожило. Он попытался отбросить его от себя, но было уже поздно: он держал живую змею, и она уже обвила его запястье и мускулистую руку.

Воин снова закричал, его лицо побагровело. Он упал на колени, сотрясаемый ужасными конвульсиями, а затем затих неподвижно.

Услышав крик, Конан быстро направился к двери, но вдруг резко остановился в смущении. Он понял, что дверь загорожена щитом из прозрачного кристалла. Сквозь него он увидел иракзаи, лежавшего неподвижно на камнях галереи с обыкновенной стрелой, воткнувшейся ему в руку.

Конан поднял нож и ударил. Керим Шах и иракзаи были обескуражены тем, что его удар остановился в воздухе с громким лязганием стали, встретившей неподатливое вещество.

Конан не стал больше тратить усилий. Он знал, что даже легендарная сабля Амира Курума не разобьет невидимую завесу.

В нескольких словах он объяснил дело Керим Шаху, и туранец пожал плечами.

— Если нам преградили выход, мы должны будем найти другой. Пока наш путь лежит вперед, не так ли?

Конан с ворчанием повернулся и пошел через зал к противоположной двери с чувством приближения к порогу судьбы.

Как только он поднял нож, дверь беззвучно распахнулась. Конан прошел в большой зал с тонкими стеклянными колоннами по бокам.

В сотнях футов от двери начинались широкие ступени лестницы из зеленого нефрита, которая вела, сужаясь, к вершине. Что лежало за лестницей, он не мог сказать, но между ним и подножием лестницы стоял удивительный алтарь из отсвечивающего черного нефрита. Четыре огромные золотые змеи обвивали алтарь, их поднятые клинообразные головы смотрели в четыре разные стороны. Они были подобны зачарованным стражам сказочного сокровища. На алтаре между змеями стоял кристаллический шар, наполненный клубившейся дымообразной субстанцией, в которой плавали четыре золотых граната.

Вид их возбудил в Конане смутные воспоминания, но затем он больше не обращал внимания на алтарь, так как на нижних ступенях лестницы стояли четыре фигуры в черных плащах.

Он не заметил, как они появились там, их коршуноподобные головы кивали в унисон, их ноги и руки были скрыты просторными одеждами.

Один из них поднял руку, и рукав скользнул вниз, открывая какой-то обрубок кисти. Конан замер на полушаге, остановленный против своей воли.

Он встретился с силой, намного отличающейся от гипноза Хемсы, и не мог продвинуться вперед, хотя чувствовал, что в его власти отступить, если он захочет.

Его спутники также остановились и казались более беспомощными, чем Конан.

Пророк, у которого была поднята рука, поманил одного из иракзаи, и тот двинулся к нему, как в трансе, с неподвижными глазами и с саблей в вялой руке. Когда он проходил мимо Конана, киммериец вскинул руку, чтобы задержать его. Конан был намного сильнее иракзаи, но сейчас его мускулистая рука была отброшена в сторону, как соломинка. Иракзаи прошел к лестнице скованными механическими шагами, наклонив голову. Пророк взял саблю. Она блеснула, когда он взмахнул ею вверх и вниз. Голова иракзаи отделилась от тела и с гулким стуком упала на черный мраморный пол. Струя крови брызнула из рассеченной артерии, и обезглавленное тело опрокинулось назад.

Снова уродливое подобие руки поднялось, и другой иракзаи проковылял к своей смерти. Жуткая драма повторилась, и еще одно безголовое тело легло рядом с первым.

Когда третий иракзаи прошел мимо Конана, киммериец вдруг ощутил прилив невидимых сил, пробудившихся в нем.

Его левая рука непроизвольно скользнула под баккарианский ремень и легла на стигийский пояс. Конан почувствовал новую силу, хлынувшую в его онемевшие члены.

Третий иракзаи был уже обезглавлен, и уродливый обрубок поднялся снова, когда Конан почувствовал, что преодолевает невидимый барьер. Яростный и непроизвольный крик вырвался из него, когда он прыгнул вперед. Его левая рука сжала пояс колдуна, а длинный нож сверкал, как молния, в правой. Люди на ступенях не двигались. Они спокойно смотрели и, если и почувствовали удивление, не показали его. Конан не позволял себе думать, что могло случиться, когда он приблизится к ним. Его кровь стучала в висках, малиновая дымка плыла перед глазами.

Он горел желанием убить, погрузить свой нож в тело каждого из колдунов.

Дюжина шагов отделяла его от ступеней, на которых стояли усмехавшиеся демоны. Взгляд его случайно упал на алтарь. И мгновенно в ушах отчетливо, как наяву, прозвучали загадочные слова Хемсы: «Разбей кристальный шар».

Его реакция была молниеносной. Даже самый великий колдун не успел бы прочитать его мысли и предотвратить действия. Изогнувшись, как кошка, Конан обрушил свой нож на шар. Раздался оглушительный взрыв. Пробудившиеся к жизни золотые змеи, шипя и извиваясь, бросились на Конана. Но он был неудержим. С быстротой обезумевшего тигра он перерубил чудовищные стебли, которые потянулись к нему, и он ударил в кристаллическую сферу еще раз. Шар взорвался с громом, усеяв черными осколками мрамор, а золотые гранаты, как будто освобожденные из плена, взметнулись вверх к потолку и исчезли.

Безумный крик вырвался разом из четырех глоток и многоярусным эхом прокатился по огромному залу.

На ступенях лестницы извивались в конвульсиях четыре фигуры. Когда эхо стихло, они застыли, и Конан понял, что колдуны мертвы. Четыре безголовых змеи безжизненно обвивали алтарь.

Керим Шах медленно поднялся на ноги. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от звона в ушах.

— Ты слышал этот грохот, когда взорвался шар? Не души ли колдунов были заключены в золотых гранатах? Ха!

В этот момент Конан ощутил воздействие на себя какой-то новой силы. Действительно, на лестнице стояла другая фигура. Его плащ тоже был черным, но из богато вышитого бархата, а на голове была бархатная шапочка. Его лицо было спокойно и казалось даже приятным.

— Кто ты такой? — спросил Конан.

Он уставился на него, держа нож наготове.

— Я — Хозяин Уисмы!

Его голос был похож на перезвон храмового колокола, но с ноткой жесткой насмешки.

— Где Юсмина? — выкрикнул Керим Шах.

Хозяин засмеялся.

— Зачем тебе это, глупец? Неужели ты так быстро забыл силу, когда-то одолженную мною тебе, что пришел сюда вооруженным? Я возьму твое сердце, Керим Шах!

Он вытянул руку ладонью вверх, как бы принимая что-то, и туранец резко вскрикнул в смертельной агонии. Вдруг кальчуга Керим Шаха треснула, его грудь раскрылась, что-то темно-красное вылетело оттуда и оказалось на ладони хозяина. Туранец с развороченной грудью рухнул на пол. Хозяин засмеялся и швырнул предмет к ногам Конана — это было еще трепетавшее человеческое сердце.

С ревом и проклятиями Конан рванулся к лестнице. Пояс Хемсы придавал ему силу и безумную ненависть, текшую в него, необходимые, чтобы преодолеть ужасную эманацию власти, которая встретила его на ступенях. Воздух наполнился мерцающим, плотным туманом, через который он проталкивался, как через трясину.

Достигнув площадки на верху лестницы, Конан увидел лицо Хозяина, плавающее в тумане. Киммерийцу показалось, что в непроницаемых глазах колдуна мелькнул страх. Конан занес над ним нож, но демон исчез, как лопнувший мыльный пузырь. Что-то длинное и волнообразное метнулось вбок от площадки по коридору.

Киммериец рванулся вслед и успел заметить, как это что-то исчезло за занавеской в ответвлении коридора. Оттуда донесся крик. Конан рванулся к занавеске.

Страшная сцена предстала перед его взором. Юсмина сжалась в дальнем конце покрытого бархатом возвышения, крича от отвращения и ужаса, перед ней раскачивалась чудовищная голова ужасной змеи. Со сдавленным криком Конан швырнул в рептилию свой нож.

Мгновенно чудовище извернулось и метнулось к нему, как высокая трава под резким порывом ветра. Длинный нож торчал в шее. Огромная голова оказалась над киммерийцем, а затем устремилась вниз с широко раскрытыми челюстями. Конан выхватил кинжал из пояса и направил его вверх навстречу опускавшейся голове. Острие проткнуло нижнюю челюсть и вонзилось в верхнюю, соединив их. В следующее мгновение гигантское туловище обвилось вокруг киммерийца. Змея, потерявшая способность использовать свои клыки, прибегла к последней форме атаки. Левая рука Конана оказалась зажатой, но правая была свободна.

Упершись ногами, чтобы тверже стоять, он схватил рукоять ножа, торчавшего из шеи змеи, и вырвал его с брызгами крови.

Длинный нож поднялся и опустился, наполовину разрубив огромное туловище рептилии. Прежде чем он смог ударить еще раз, гигантские петли упали с него, и чудовище поползло по полу, поливая его кровью. Конан прыгнул вслед за ним с поднятым ножом, но змея увернулась и ударила оставшейся частью корпуса стенную панель из сандалового дерева. Панель отскочила назад и вверх, и кровоточащее чудовище скользнуло в отверстие и исчезло.

Конан мгновенно атаковал панель, несколько ударов разорвали ее, и он вгляделся в полумрак за ней. Киммериец увидел на мраморном полу кровавые следы, ведущие к таинственной сводчатой двери. Это были следы человеческих ног...

— Конан!

Он повернулся и едва успел подхватить на руки бросившуюся к нему Деви.

Конан сжал Юсмину в объятиях, которые заставили бы ее поморщиться в другое время, и прижал свои губы к ее губам.

Она не сопротивлялась. Деви превратилась в обыкновенную женщину. Она закрыла глаза и упивалась его сильными, горячими поцелуями.

— Я знала, что ты придешь за мной, — тихо сказала она. — Ты не оставил бы меня в этом логове дьявола.

При этих словах он поднял голову и внимательно прислушался. Тишина царила в замке Уисмы, но опасность поджидала их на каждом шагу.

— Нам нужно уходить, — пробормотал Конан. — Эти раны были бы достаточны, чтобы убить любого обычного зверя или человека, но у колдуна дюжина жизней.

Конан поднял девушку и понес ее, как ребенка, на руках. Он прошел мерцающий нефритовый коридор и лестницу, готовый к любой неожиданности.

Она дрожала и цеплялась за него.

— Он использовал заклинания, чтобы сломить мою волю. Самым ужасным был истлевший труп, который меня обнял. Я упала в обморок и лежала, как мертвая, не знаю сколько времени. Придя в себя, я услышала звуки борьбы, а затем этот змей появился между штор. О!

Она содрогнулась при воспоминании об этом ужасе.

— Я почему-то чувствовала, что это не иллюзия, а настоящий змей, который хотел убить меня.

— По крайней мере, он не был тенью, — загадочно ответил Конан. — Он понял, что побежден, но решил скорее убить тебя, чем позволить, чтобы тебя спасли.

— Что мы имеем в виду, когда говорим ОН? — спросила она беспокойно.

Затем, вскрикнув, она прижалась к нему и забыла о своем вопросе. Она увидела у подножия лестницы уродливые трупы пророков. Юсмина мертвенно побледнела и спрятала лицо на груди Конана.

10
ЮСМИНА И КОНАН

Конан быстро прошел через зал, пересек прихожую и подошел к двери, которая вела в галерею. Здесь он увидел, что пол искрится крошечными сверкающими осколками.

Кристаллический щит, закрывавший дверной проем, был разбит на мелкие кусочки, и Конан вспомнил грохот, который сопровождал распад кристалла.

Он с облегчением вздохнул, когда вышел на зеленую нефритовую галерею. Иракзаи лежал там, где упал. Когда Конан спустился с лестницы, он был удивлен положением солнца на небе. Оно только подходило к зениту, хотя ему показалось, что прошло очень много времени с тех пор, как они вышли к Замку Пророков.

Он чувствовал инстинктивное чувство опасности, росшей за его спиной.

Он ничего не сказал Юсмине, а она, казалось, вполне удовлетворенная, уютно устроилась в его объятиях, склонив свою темноволосую голову на его грудь. Он помедлил мгновение на краю расщелины, нахмурившись и смотря вниз.

Туман, который наполнял ров, уже не был таким розовым и пугающе-плотным как прежде. Далеко внизу просматривалось дно ущелья и золотая нить сверкала так же ярко, как раньше. Конан положил Юсмину на плечи, где она послушно лежала, не шевелясь, и начал торопливо спускаться. Конан был убежден, что от его проворности зависит их жизнь, необходимо было пересечь ущелье до того, как Хозяин замка соберет достаточно сил, чтобы предпринять что-либо против них.

Выбравшись из расщелины, Конан с облегчением поставил Юсмину на ноги.

Она украдкой взглянула на замок. Он возвышался на фоне снежного склона Уисмы, как цитадель молчания и бесконечного зла.

— Ты, наверное, сам волшебник, раз победил Черных Пророков Уисмы, Конан? — спросила она.

Они шли по тропе, его тяжелая рука поддерживала ее гибкую талию.

— У меня был пояс, который дал мне Хемса, перед тем как умер, — ответил Конан. — Это удивительный пояс. Я покажу его тебе, когда будет время. Против некоторых заклинаний он не годится, но в данном случае он оказался хорошим помощником.

— Но если пояс помог тебе, — возразила она, — почему он не помог Хемсе?

Конан покачал головой.

— Кто знает? Хемса был рабом Хозяина. Возможно, это ослабляло его магию. На меня же Хозяин не имел такого влияния, как на Хемсу. Хотя я не могу сказать, что победил его. Он отступил. Но у меня есть подозрение, что мы еще встретимся с ним. Я хочу оставить столько миль между нами и его логовом, сколько мы сможем.

Конан очень обрадовался, когда нашел лошадей среди зарослей тамариска, где оставил их. Он быстро освободил их и, вскочив на верного жеребца, посадил девушку перед собой.

Другие лошади последовали за ним.

— Что же теперь? — спросила Юсмина. — Афгулистан?

— Не сейчас.

Он невесело усмехнулся.

— Кто-то, может быть правитель, убил семерых афгулийских вождей. Мои глупые дикари думают, что я имею к этому отношение, и если я не сумею убедить их в обратном, они будут охотиться за мной, как за шакалом.

— А как же я? Если вожди мертвы, я нужна тебе как заложник. Ты убьешь меня, чтобы оправдаться перед афгулийцами?

Он посмотрел на нее, его глаза яростно сверкнули, и он засмеялся над ее предположением.

— Тогда давай поедем в Виндию, — сказала она. — Ты будешь в безопасности от афгулийцев...

— Да, на виндийской виселице.

— Я королева Виндии, — напомнила она с оттенком прежней величественности. — Ты спас мне жизнь и будешь вознагражден.

Он прорычал, уязвленный ее тоном:

— Оставь награду своим городским псам, принцесса. Если ты королева Фавнин, то я вождь Холмов, и я шагу не сделаю к границе.

— Но ты будешь в безопасности... — повторила она в замешательстве.

— А ты будешь снова Деви, — прервал он ее. — Нет, девушка. Я предпочитаю тебя такой, какая ты сейчас, — женщина из плоти и крови, сидящая на луке моего седла.

— Но ты не можешь задержать меня! — закричала она.

— Увидишь, — мрачно ответил он.

— Я заплачу тебе огромный выкуп!

— Дьявол возьмет твой выкуп! — грубо ответил он.

Его руки плотно обхватили ее гибкое тело.

— Все богатства Виндии даже наполовину не утолят того страстного желания, которое я испытываю к тебе. Я добыл тебя с риском для жизни. Если твои придворные хотят тебя вернуть, пусть приходят в Зайбар и сражаются за тебя.

— Но у тебя нет больше сторонников, — запротестовала она. — За тобой охотятся! Как ты можешь спасти свою собственную жизнь, не говоря уже о моей?

— У меня еще есть друзья в горах, — ответил он. — Там есть вождь куракзайцев, который сохранит тебя, пока я буду в ссоре с афгулийцами. А если никто не поддержит меня, клянусь Кромом,

я поеду с тобой на север в степи казаков. Я был гетманом Вольных Товарищей, прежде чем уехал на юг. Я сделаю тебя королевой Запорожии.

— Но я не могу! — возразила она. — Ты не должен удерживать меня...

— Если эта мысль так нравится тебе, почему ты подставила свои губы мне так охотно? — спросил он.

— Королева — тоже человек, — ответила она.

Она покраснела.

— Но потому, что я королева, я должна заботиться о своем королевстве. Не увози меня в другую страну. Поедем в Виндию со мной!

— Ты сделаешь меня своим королем? — спросил он иронически.

— Ну, есть свои обычаи...

Она запнулась, и он прервал ее невеселым смехом.

— Да, обычаи цивилизованных людей, которые не дают тебе возможности делать то, что ты хочешь. Ты выйдешь замуж за какого-нибудь дряхлого старого короля равнин, а я уйду своим путем с одним только запахом твоих нескольких поцелуев на своих губах.

— Но я должна вернуться в мою страну, — повторила она безнадежно.

— Зачем? — потребовал он сердито. — Протирать свой зад на золотых тронах и слушать комплименты хитрых, одетых в бархат глупцов? Где тут логика?! Послушай! Я родился в холмах Киммерии, где все люди — варвары. Я был наемным солдатом, корсаром, казаком и еще много кем. Какой король бродил по странам, сражался в битвах, любил женщин и занимался грабежом, как я? Я пришел в Гулистан собрать орду, чтобы ограбить южные королевства, и твое — одно их них. Стать вождем афгулийцев было только начало. Если я смогу примириться с ними, у меня будет еще дюжина племен, следующих за мной. Меньше, чем через год. Если я не смогу помириться, я поеду обратно в степи и вернусь к границам Турана с казаками. Ты пойдешь со мной. К дьяволу твое королевство.

Она лежала на его руках, смотря ему в глаза, и чувствовала, что ее душа рвется к беззаконной, безрассудной жизни. Но тысяча поколений монархов крепко держали ее.

— Я не могу, не могу! — безнадежно повторяла она.

— У тебя нет выбора, — уверял он ее. — Ты... Что за дьявол?

Они уже отъехали от Уисмы на несколько миль и скакали вдоль ущелья гребня, который разделял два глубоких ущелья.

В правом ущелье кипело сражение. До их слуха доносились лязганье стали и топот копыт. Три тысячи вооруженных всадников

гнали перед собой растрепанную банду в тюрбанах, которая, отступая, огрызалась и отбивалась, как стая удирающих волков.

— Туранцы, — пробормотал Конан. — Полки из Секундерама. Какого дьявола они здесь?

— Кто эти люди, которых они преследуют? — спросила Юсмина. — Почему они отбиваются так упорно? У них нет шансов выстоять против такой силы.

— Пятьсот моих безумных афгулийцев, — прорычал он.

Он нахмурился, смотря в ущелье.

— Они в ловушке, и они знают это.

Ущелье действительно представляло собой ловушку — тупик. Оно сужалось в расщелину, полностью окруженную отвесными неприступными скалами.

Всадники в тюрбанах оттеснялись под градом стрел и сабель в эту расселину потому, что им больше некуда было отступать. Всадники в шлемах не наседали слишком сильно. Они знали отчаянную храбрость дикарей, а также то, что их добыча в ловушке, откуда нет выхода. Они узнали афгулийцев и хотели вынудить их сдаться, им были нужны заложники.

Их эмир был человек действия и инициативы. Когда он достиг долины Гурашах и не нашел там проводников, которые должны были ждать его, он двинулся дальше, полагаясь на свое знание страны.

Весь путь от Секундерама они прошли в сражениях, и многие дикари зализывали раны в своих горных деревнях. Он знал, что есть много шансов, что ни он, ни его воины не пройдут больше через ворота Секундерама, но был полон решимости выполнить приказ — отобрать Юсмину Деви у афгулийцев любой ценой и привезти ее пленной в Секундерам или, если это не удастся, убить ее, прежде чем умрет сам.

Обо всем этом Конан и Юсмина, конечно, не знали.

— Какого дьявола они позволили загнать себя в ловушку? — бормотал киммериец. — Я знаю, что они делали в этих краях, — охотились за мной, собаки! Они заглядывали в каждое ущелье и попали в ловушку! Безумные глупцы! Они не смогут долго продержаться. Когда туранцы загонят их в тупик, они перебьют их без всяких усилий!

Шум битвы, поднимавшийся снизу, усилился. В узком проходе афгулийцы отчаянно сражались со всадниками в доспехах, которые не могли использовать своего численного перевеса в такой тесноте.

Конан мрачно и с беспокойством смотрел, держась за рукоятку ножа, и в конце концов сказал:

— Деви, я должен спуститься к ним. Я найду место, где ты сможешь спрятаться, пока я не вернусь. Ты говорила о своем королевстве — ну, я не могу сказать, что эти волосатые дьяволы

для меня как дети, но как бы там ни было, они мои сторонники, а вождь не должен оставлять их, даже если они бросили его первым. Я все еще вождь афгулийцев и докажу это! Я могу спуститься вниз в ущелье.

— Но как же я? — возразила она. — Ты насильно увозишь меня от моих людей, а теперь оставляешь умирать в скалах одну и бесполезно жертвуешь собой.

Эти слова привели Конана в замешательство.

— Это правда, — пробормотал он безнадежно. — Кто знает, что я могу?

Она вдруг повернула голову, странное выражение появилось на ее красивом лице.

— Слушай! — закричала она.

Отдаленный звук труб слабо доносился до их ушей. Они посмотрели на глубокую долину с левой стороны гребня. Она наполнялась множеством всадников, шлемы и копья которых отсвечивали на солнце.

— Всадники из Виндии! — взволнованно воскликнула она.

— Там их тысячи! — пробормотал Конан. — Давно уже кшатри не забирались так далеко в горы.

— Они ищут меня! — воскликнула Юсмина. — Дай мне лошадь. Я поскачу к моим воинам. Гребень не так крут слева, и я смогу спуститься в долину. Иди к своим людям и продержись с ними немного. Я приведу своих всадников к другому концу ущелья и нападу на туранцев! Мы сотрем их в порошок. Быстро, Конан! Неужели ты пожертвуешь своими людьми из-за упрямства?

Жар степей и ветер лесов сверкали в его глазах, но он тряхнул головой и, спрыгнув с жеребца, отдал поводья в ее руки.

— Ты победила, — проворчал он. — Скачи, как дьявол!

Она повернула вниз на левый склон, а он быстро побежал вдоль хребта, спустился с ловкостью обезьяны по каменной стене, цепляясь за выступы и трещины, и оказался в самой гуще битвы.

Лезвия сверкали и звенели вокруг него, и лошади вставали на дыбы и топтали людей.

Конан завопил, как волк, и, уклонившись от взмаха сабли, воткнул свой длинный нож в живот всадника. В следующее мгновение он был в седле, яростно выкрикивая приказы афгулийцам. Увидев своего вожака, разящего туранцев направо и налево, афгулийцы приободрились и без колебаний приняли его командование.

В этом аду не было времени спрашивать или отвечать на вопросы.

Всадники толпились в тесноте ущелья, коля копьями и рубя саблями, сталкивались грудь в грудь, коля кинжалами, когда на мгновение появлялось достаточное пространство. Когда воин падал, он не мог больше подняться из-под топтавших его копыт.

Вес и физическая сила имели основное значение в данных обстоятельствах, и вождь афгулийцев делал работу за десятерых, он рубил и колол, как одержимый. В такое время привычка много значит, и воины, видевшие Конана во главе, сильно воодушевились, несмотря на свое недоверие к нему.

Но численное превосходство тоже имело значение. Фут за футом афгулийцы отступали назад. Все ближе и ближе они были к тупиковой стене ущелья. У Конана промелькнули тревожные сомнения, сдержит ли Юсмина свое слово. Она могла присоединиться к своим воинам, повернуть на юг и оставить его и его отряд погибать.

Наконец, после, казалось, столетия отчаянной битвы в долине возник другой звук, отличный от клацания стали и воплей сражавшихся. Звук приближался и превратился в рев труб, который потряс стены ущелья. Пять тысяч всадников Виндии обрушились на воинов Секундерама.

Этот удар расщепил полки туранских воинов, разбил их и разбросал их остатки по всему ущелью. В одно мгновение натиск на афгулийцев ослаб, всадники-туранцы заметались в панике, а эмир упал с каштрийским копьем в груди.

Победители кинулись в погоню, и по всей долине и на склонах ближайших гор рассеялись беглецы и преследователи. Афгулийцы, которые оставались на конях, вырвались из расселины и присоединились к погоне за своими врагами, принимая неожиданную помощь так же, как они приняли своего вождя.

Солнце опускалось за далекие скалы, когда Конан в кольчуге, запачканной кровью, с ножами в руке и на бедре подошел к Юсмине, сидевшей в окружении своих вельмож.

— Ты сдержала слово, Деви! — воскликнул он. — Клянусь Кромом! Хотя был момент, когда я усомнился в тебе. Смотри!

С неба пикировал коршун чудовищных размеров.

Клюв величиной с саблю мелькнул над нежной шеей Деви, но Конан был быстрее — тигриный прыжок, неистовый взмах ножом, и коршун, издав ужасный человеческий крик, метнулся в сторону и рухнул вниз, в реку в трехстах футах ниже. Когда он падал, он превратился в человеческое тело в черном плаще с раскинутыми широкими рукавами.

Конан с окровавленным ножом в руке повернулся к Юсмине.

— Ты снова Деви, — сказал он.

Он усмехнулся, глядя на ее расшитую золотом накидку, которую она накинула поверх наряда горной девушки.

— Я должен поблагодарить тебя за спасение жизни моих бродяг, которые наконец убедились, что я не предатель.

— Я все еще должна тебе мой выкуп, — сказала она.

Ее темные глаза сверкнули, оглядывая его.

— Я заплачу тебе десять тысяч золотых монет.

Он сделал нетерпеливый жест, стряхивая кровь со своего ножа, и сунул его в ножны, вытирая руки о лохмотья.

— Я заберу твой выкуп в свое время, — сказал он. — Я возьму его в твоем дворце в Айдхиу, и я приду с пятьюдесятью тысячами воинов, чтобы проследить за справедливостью.

Она засмеялась, подняв поводья.

— А я встречу тебя на берегах Юмды с сотней тысяч!

Его глаза сверкнули одобрительно и с восхищением, и, шагнув назад, он поднял руку в жесте, показывающем, что дорога свободна.

Ведьма, которая родится

ПОВЕСТЬ

Глава 1
КРОВАВО-КРАСНЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ

Тамарис, королева Хаурана, пробудилась от сна в тишине, которая не походила на обычное спокойствие спящего дворца.

Она лежала, уставившись в темноту, и удивлялась, почему погасли свечи в золоченых канделябрах. Но Тамарис вдруг начала ощущать мерцавшее пятно в темноте перед собой. Она наблюдала, озадаченная. Пятно росло, и его яркость увеличивалась по мере того, как оно расширялось, — растущий диск мертвенно-бледного света парил на фоне черноты бархатной портьеры на противоположной стене. Привстав, Тамарис затаила дыхание. Темный предмет показался в этом круге света. Это была человеческая голова!

Испугавшись, королева открыла было рот, чтобы позвать своих стражников, но что-то ее остановило. Круг становился бледнее, а рисунок головы четче. Вскоре Тамарис заметила, что это маленькая изящная женская голова с благородной осанкой.

Королева внимательно всмотрелась в лицо. И, о ужас!

Черты лица были ее собственными! Она как бы глядела в зеркало, которое чуть изменило ее облик, придавая хищное мерцание глазам и мстительный изгиб губам.

— Иштар! — выдохнула Тамарис. — Я заколдована!

К ее ужасу, видение заговорило и голос был подобен сладкому яду.

— Заколдована? Нет, дорогая сестра! Здесь нет колдовства.

— Сестра? — пробормотала смущенная девушка. — У меня нет сестры.

— У тебя никогда не было сестры? — раздался сладкий насмешливый голос. — Сестры-близняшки, чья плоть была также чувствительна, как и твоя, к ласке и боли?

— Ну, когда-то у меня была сестра, — ответила Тамарис.

Она была убеждена, что находится во власти какого-то ночного кошмара.

— Но она умерла.

Красивое лицо в круге исказилось от ярости, его черты стали такими дьвольскими, что Тамарис отпрянула назад, ожидая увидеть, как змеиные локоны зашевелятся, шипя, над точеными бровями.

— Ты лжешь! — изрыгнули обвинение искаженные красные губы. — Она не умерла! Глупости! О, достаточно этой болтовни! Смотри — и пусть лопнут твои глаза!

Свет вдруг пробежал вдоль портьер, как огненные змейки, и свечи в золоченых подсвечниках снова необычайно вспыхнули.

Тамарис сжалась на своем бархатном ложе. Перед ним возникла гибкая фигура, которая каждой своей черточкой была похожа на Тамарис. Только это высокомерное существо наполняла чуждая и злобная суть.

Шелковая туника, схваченная на поясе кушаком, была копией королевской ночной рубашки, на ее ногах были такие же золоченые сандалии, что носила Тамарис.

— Кто ты? — выдохнула Тамарис.

Мурашки поползли по спине.

— Объясни мне свое присутствие здесь, прежде чем я позову стражу.

— Кричи, пока не рухнет крыша, — беззаботно ответила незнакомка. — Твои бездельники не проснутся до рассвета, хоть весь дворец сгори вокруг них. Твои часовые отосланы из этой части дворца, они не услышат твоих воплей.

— Что? — воскликнула Тамарис. — Кто посмел давать моим часовым такую команду?

— Я, дорогая сестра, — насмешливо ответила гостья.

Тамарис почувствовала, как удушающая сеть растерянности была накинута на нее.

— Кто ты? — отчаянно закричала она. — Что за безумие? Почему ты пришла сюда?

— Кто я?

В ее мягком голосе была злобность кобры. Гостья подошла к краю ложа, схватила белые плечи королевы жесткими пальцами и взглянула в испуганные глаза Тамарис. Под этим гипнотическим взглядом королева забыла о своем негодовании.

— Дура! — проговорила девушка сквозь зубы. — Ты еще спрашиваешь? Ты удивляешься? Я — Соломея!

— Соломея!

Тамарис выдохнула это имя, когда она осознала невероятную, оцепеняющую правду.

— Я думала, что ты умерла сразу после рождения, — сказала она, запинаясь.

— Так думали многие, — ответила та, которая назвала себя Соломеей. — Меня отнесли в пустыню. Проклятие! Почти младен-

ца, чья жизнь еле теплилась, как огонек свечи. А ты знаешь, почему они обрекли меня на смерть?

— Я слышала историю... — пробормотала Тамарис.

Соломея злобно засмеялась и показала на свою грудь. Туника с низким вырезом открывала верхнюю часть ее грудей, и между ними сиял удивительный знак — полумесяц, красный как кровь.

— Знак колдуньи! — воскликнула Тамарис, отпрянув.

— Да!

Смех Соломеи колол кинжалом ненависти.

— Проклятие королей Хаурана! Да, благочестивые глупцы рассказывают, как первая королева нашей династии имела связь с демоном тьмы и родила ему дочь, которая жива до сих пор. И теперь каждое столетие в династии Асхаранов рождается ведьма — девочка с малиновым полумесяцем между грудей, который предопределяет ее судьбу. Некоторые из ведьм были убиты при рождении. Другие прошли по Земле как колдуньи, гордые дочери Хакрана с луной ада, горящей между их точеными грудями. Каждую из них звали Соломея. И всегда будут Соломеи. Они будут рождаться ведьмами, пока горы льда не спустятся с грохотом с полюса и не сотрут цивилизацию в прах, и не поднимется потом новый мир из пепла и пыли.

— Но ты... — пробормотала Тамарис.

— Я?

Мерцающие глаза вспыхнули темным огнем.

— Они унесли меня в пустыню далеко от города и положили голой на горячий песок под обжигающим солнцем, а затем ускакали прочь, оставив шакалам, коршунам и пустынным волкам. Но во мне есть часть сил, которые кипят в черных безднах за смертной чертой. Проходили часы, и солнце палило адским пламенем, но я не умерла. Да, кое-что из этой пытки я помню смутно, как человек вспоминает неясный отрывочный сон. Затем появились верблюды и желтолицые мужчины, одетые в шелковые одежды. Сбившиеся с караванной дороги, они прошли рядом, и их предводитель увидел меня и узнал малиновый полумесяц на моей груди. Он взял меня с собой и дал мне жизнь. Это был волшебник из далекого Хитаи, возвращавшийся в свое родное королевство после путешествия в Стигию. Он взял меня с собой в пурпурно-башенный Найнаиг. Я выросла там, учась у него. Годы, которые прошли там, принесли ему черную мудрость и усилили его власть над злом. Многим вещам он научил и меня...

Она замолчала, загадочно улыбаясь, злые искорки мерцали в ее темных глазах.

Затем она тряхнула головой.

— Он отослал меня прочь в конце концов, сказав, что я всего лишь обычная колдунья и не гожусь для управления могучими

колдовскими силами, которым он научил меня. Он сделал бы меня королевой мира и управлял бы народами через меня, но я оказалась только служанкой тьмы. Но что из этого! Я никогда не стремилась заточить себя в золотую башню и проводить долгие часы, уставившись в хрустальный шар, бормоча заклинания, написанные на змеиной шкуре кровью девственницы, и сгибаться над заплесневевшими томами на забытых языках. Он заявил, что я только земная колдунья, не имеющая ничего общего с глубокими безднами космического колдовства. Ладно, этот мир содержит все, что я желаю, — власть, роскошь, празднества, красивых мужчин для любви и многих женщин для рабства. Он рассказал мне, кто я такая, поведал о проклятии и моем наследстве. Я вернусь, чтобы взять то, на что у меня столько же прав, сколько и у тебя. Теперь это все мое по праву.

— Что ты имеешь в виду?

Тамарис вскочила и уставилась на свою сестру, забыв о своем испуге и растерянности.

— Не воображаешь ли ты, что, усыпив нескольких моих стражников и служанок, ты захватила трон Хаурана? Не забывай, что я королева Хаурана! Я предоставлю тебе почетное место как сестре, но...

Соломея презрительно рассмеялась.

— Как ты великодушна, дорогая, милая сестра! Но прежде чем ты захочешь поставить меня на мое место, не скажешь ли ты мне, чьи солдаты стоят лагерями за городскими стенами?

— Это шемитские наемники Константинуса, воеводы Котака.

— А что они делают в Хауране? — продолжала Соломея.

Тамарис чувствовала, что над ней насмехаются, но отвечала с достоинством.

— Константинус просил разрешения пройти вдоль границ Хаурана на своем пути в Туран.

— Не он ли просил твоей руки сегодня? — спросила Соломея.

Тамарис бросила на нее подозрительный взгляд.

— Откуда ты знаешь это?

Ответом было презрительное пожатие плеч.

— Ты отказала ему, дорогая сестра?

— Конечно, отказала! — сердито воскликнула Тамарис. — Неужели ты, сама Асхаранская принцесса, полагаешь, что королева Хаурана ответит на такое предложение чем-нибудь, кроме отказа? Выйти замуж за авантюриста с окровавленными руками, за мужчину, изменившего собственному королевству и ставшему вожаком грабителей и наемных убийц! Я никогда не позволила бы ему привести своих синебородых бандитов в Хауран, но он

фактически пленник в южной башне, охраняемый моими солдатами. Завтра я прикажу его войску покинуть королевство. Сам он останется пленником, пока они не пересекут границу. К тому же он предупрежден, что ответит за любое оскорбление, совершенное его людьми.

— Он заключен в южной башне? — спросила Соломея, хлопнула в ладоши и, повысив голос, с нотками злого веселья, позвала:

— Королева дает тебе аудиенцию, Фалькон Константинус!

Золоченая дверь открылась, и высокая фигура вошла в спальню. Увидев ее, Тамарис возмущенно и гневно произнесла:

— Константинус? Ты посмел войти в мою спальню?

— Как видите, ваше величество!

Он наклонил свою ястребиноподобную голову в насмешливой покорности.

Константинус был высоким, широкоплечим мужчиной с узкой талией.

Его лицо, обожженное солнцем, было довольно красиво, глаза пронзительны и настороженны, твердость тонких губ не смягчалась черными усиками. На нем были сапоги из кордаванской кожи, штаны и камзол из простого темного шелка, потускневшего от дыма лагерей, и с пятнами оружейной ржавчины.

Он обвел взглядом королеву с таким бесстыдством, что ее передернуло от негодования.

— Клянусь Иштар, Тамарис, — сказал он мягко. — Я нахожу тебя более пленительной в ночной рубашке, чем в королевской одежде. В самом деле, что за славная ночь!

В темных глазах королевы появился страх.

Она была не глупа и знала, что Константинус никогда не осмелился бы на такое оскорбление, если бы не был уверен в своих силах.

— Ты сошел с ума! — сказала она. — Если я нахожусь в твоей власти в этой спальне, то ты в такой же власти моих подданных, которые разорвут тебя на куски, если ты коснешься меня. Убирайся сейчас же, если хочешь жить!

Соломея сделала нетерпеливый жест.

— Достаточно этого фарса. Послушайте, дорогая сестра, это я привела Константинуса сюда. Когда я решила захватить власть в Хауране, я стала искать себе помощь и выбрала Фалькона из-за того, что у него полностью отсутствуют такие черты, которые глупые люди называют хорошими.

— Я польщен, принцесса, — пробормотал Константинус иронически, с подчеркнутым поклоном.

— Я послала его в Хауран, и, когда его люди расположились лагерем снаружи города, а он был во дворце, я вошла в город

через маленькие ворота в восточной стене. Глупцы, сторожившие их, подумали, что это ты возвращаешься из какой-то ночной поездки...

Щеки Тамарис вспыхнули. Соломея жестко улыбнулась и продолжила:

— Они, конечно, были удивлены и смущены, но впустили без всяких вопросов. Я вошла во дворец и отослала в казармы удивленную стражу. То же я сделала и с воинами, охранявшими Константинуса в южной башне. Затем я вошла сюда, усыпив твоих служанок.

Пальцы Тамарис сжались, и она побледнела.

— Ну, что дальше? — спросила она дрожащим голосом.

— Слушай!

Соломея наклонила голову. Через оконный переплет донесся звук маршировавших людей с оружием, грубые крики на чужом языке, перемешивавшиеся с криками хауранцев.

— Люди проснулись, и в них растет страх, — иронически сказал Константинус. — Ты лучше иди и приободри их, Соломея.

— Называй меня Тамарис, — ответила Соломея. — Мы должны привыкнуть к этому.

— Что ты сделала? — закричала Тамарис. — Что ты сделала?

— Я отдала приказ солдатам у ворот открыть их, — ответила Соломея. — Они были удивлены, но подчинились. Ты слышишь, как армия Фалькона марширует по городу.

— Ты — дьявол! — воскликнула Тамарис. — Ты предала моих людей в моем обличье! Ты сделала меня в их глазах предательницей! О, я должна пойти к ним...

С жестоким смехом Соломея оттолкнула Тамарис в глубь спальни. Королева была беспомощна против грубой силы.

— Ты знаешь, как добраться до подземной темницы во дворце, Константинус? — спросила колдунья. — Хорошо. Бери эту гордячку и запри ее в самой крепкой камере. Тюремщики все спят. Пошли людей перерезать им глотки, прежде чем они проснутся. Никто не должен знать, что случилось. С этого времени я — Тамарис, а Тамарис — безымянный пленник в темнице.

Константинус улыбнулся, и его сильные белые зубы сверкнули под тонкими усами.

— Очень хорошо, но ты не откажешь мне в небольшом развлечении сначала?

— Хорошо! Укрощай эту девчонку, как знаешь.

Со злобным смехом Соломея швырнула сестру в руки Фалькона и вышла.

Та забыла о людях, маршировавших на улицах, забыла об оскорблении своего королевского сана перед лицом угрозы своей женской чести.

Только ужас и стыд испытывала королева Хаурана, когда сильные руки Константинуса сжали ее гибкое тело.

Соломея, торопясь вдоль коридора, злобно улыбнулась, когда крик отчаяния вырвался из королевской спальни.

Глава 2
ДЕРЕВО СМЕРТИ

Штаны и рубаха молодого солдата были испачканы кровью, мокры от пота и серы от пыли. Кровь сочилась из глубокой царапины на его бедре, из порезов на груди и плечах. Капли пота блестели на мертвенно бледном лице, пальцы вцепились в обшивку дивана, на котором он лежал.

Его слова отражали моральное страдание, которое сопровождалось физической болью.

— Она, должно быть, сошла с ума! — повторял он снова и снова, подобно человеку, ошеломленному чудовищным и невероятным событием. — Это подобно колдовству, это кошмар! Тамарис, которую любит весь Хауран, предала своих людей этому дьяволу из Котака. О, Иштар, почему меня не убили!? Лучше умереть, чем жить и видеть, как наша королева становится предательницей!

— Лежи спокойно, Валериус, — просила девушка, которая обливала его водой, обмывая и перевязывая раны трясущимися руками. — Пожалуйста, лежи спокойно, дорогой! Я же не могу вызвать знахаря...

— Нет, — бормотал раненый юноша. — Константинус, дьявол с синей бородой, будет обыскивать кварталы в поисках раненых хауранцев. Они повесят любого мужчину, раны которого доказывают, что он сражался против них. О, Тамарис, как могла ты предать людей, которые обожали тебя!

В яростной агонии он скорчился, плача от горя и стыда, а испуганная девушка прижала его голову к своей груди и умоляла успокоиться.

— Лучше смерть, чем черный стыд, который пал на Хауран в этот день, — стонал он. — Ты согласна, Инга?

— Нет, Валериус. Я проснулась от шума сражения, выглянула в окно и увидела шемитов, резавших наших людей. Затем я услышала тебя, звавшего меня из-за боковой двери.

— Мои силы были на исходе, — пробормотал он. — Я упал в переулке и не мог подняться. Я знал, что они очень скоро найдут меня, если я останусь лежать там. Я убью этих синебородых дьяволов, клянусь Иштар! Они никогда не будут топтать улицы Хаурана, клянусь богами!

Дрожащая девушка прижала палец к его губам, но он не мог лежать молча.

— Я не был на стене, когда вошли шемиты, — вырвалось у него. — Я спал в бараках с другими солдатами. Это было как раз перед рассветом, когда вошел наш капитан, и его лицо было бледно под шлемом. «Шемиты в городе, — сказал он. — Королева пришла к южным воротам и отдала приказ, чтобы их пропустили. Она сняла людей со стен, где они стояли на страже с того времени, как Константинус вошел в королевство. Я не понимаю этого, и никто не понимает, но я слышал, как она отдала приказ, и мы подчинились, как всегда. Нам приказали собраться на площади перед дворцом и сложить оружие. Иштар знает, что все это означает, но таков приказ королевы. Когда мы пришли на площадь, на возвышении возле дворца стояли шемиты, десять тысяч полностью вооруженных синебородых дьяволов. Улицы, ведущие к площади, были забиты народом. Тамарис стояла на ступеньках дворца рядом с Константинусом, который поглаживал свои усы, как огромный тощий кот, только что сожравший воробья. Пятьдесят шемитов с луками в руках были выстроены перед ним. На этом месте должна была стоять охрана королевы, но она была оттеснена к подножию лестницы дворца, также озадаченная, как и мы, хотя они пришли полностью вооруженными, несмотря на приказ королевы. Тамарис заговорила с ними и сказала, что она пересмотрела предложение Константинуса — хотя только вчера она швырнула его же слова ему в лицо при всем народе — и что она решила сделать его королем-консортом. Она не объяснила, почему она привела шемитов в город так предательски, но сказала, что, так как Константинус руководит отрядом профессиональных воинов, армия Хаурана больше не нужна и, следовательно, она распускает ее. Она приказала воинам спокойно расходиться по домам. Мы стояли, как оглушенные, и не находили слов для ответа. Мы стали расходиться, не понимая, что делаем, как в тумане. Но когда тот же приказ был отдан дворцовой страже, вмешался капитан стражи Конан. Люди говорили, что он был свободен ночью и пьянствовал, но сейчас он был совершенно трезв. Он закричал стражникам, чтобы они стояли, как стоят, пока не получат приказа от него, и таково было его влияние на своих людей, что они подчинились, несмотря на приказ королевы. Конан поднялся по ступеням дворца и пристально посмотрел на королеву, а затем прогремел: «Это не королева! Это не Тамарис! Это сам дьявол в маске!» И тогда начался сущий ад! Я точно не помню, что случилось. Я думаю, что шемит ударил Конана, а Конан убил его. В следующее мгновение площадь стала полем сражения. Шемиты кинулись на стражников, и их копья и стрелы поразили многих солдат, которые уже стали расходиться. Некоторые из нас хватали все, что было под рукой в

качестве оружия, и стали обороняться. Мы едва ли понимали, за что мы сражались, но против Константинуса и его дьяволов — не против Тамарис, я клянусь! Константинус кричал, что перережет всех предателей, но мы не предатели!

Отчаяние и смущение прерывали его голос. Девушка тихо утешала его, не понимая всего этого, но страдая вместе со своим возлюбленным.

— Люди не знали, на чью сторону встать. Это был сумасшедший дом. Мы сражались без доспехов, полувооруженные и, конечно, не имели никаких шансов на успех. Дворцовые стражники были полностью вооружены, но их было только пятьсот человек. Они взяли большую пошлину, прежде чем их перебили. В такой неравной битве другого и не могло быть. И в то время, как людей убивали на ее глазах, Тамарис стояла на ступенях дворца в обнимку с Константинусом и смеялась. Боги, это все безумие! Я никогда не видел, чтобы человек мог сражаться так, как сражался Конан, когда они потом все скопом навалились на него. Он встал спиной к стене дворца, и, прежде чем они одолели его, кучи трупов поднялись до высоты бедер вокруг него. Я слышал, как кто-то приказал взять капитана Конана живым или мертвым. Но в конце концов они повалили его, сотня против одного. Когда я увидел, что он упал, я потащился прочь, чувствуя, что весь мир рухнул.

Константинус улыбнулся. Он сидел на своей лошади среди толпы мускулистых шемитов с кучерявыми сине-черными бородами и ястребиными носами.

Низкое солнце поблескивало на их остроконечных шлемах и серебряных пластинах доспехов. Почти в миле от них поднимались стены и башни Хаурана.

В стороне от караванной дороги был поставлен огромный крест, и на этом месте был распят человек в набедренной повязке. Человек был гигантом по сложению, и его мускулы надулись огромными узлами и складками на теле. Из-под спутанной черной гривы волос, которая скрывала его широкий лоб, сверкали неукротимым огнем голубые глаза.

Кровь медленно сочилась из ран на руках и ногах.

Константинус насмешливо отсалютовал ему.

— Простите меня, капитан, — сказал он, — что я не могу остаться, чтобы облегчить ваши последние часы, но у меня есть дела в этом городе, и я не должен заставлять ждать нашу восхитительную королеву!

Он тихо засмеялся.

— Итак, я оставляю тебя без охраны, наедине с ними.

Он многозначительно кивнул на черные точки, мелькавшие далеко вверху.

— Если бы их не было, я бы мог подумать, что ты можешь протянуть еще несколько дней. Не пытайся спастись и не питай на этот счет никаких иллюзий. Я объявил, чтобы никто не приближался к твоему телу, живому или мертвому, а иначе с нарушителя этого указа и со всей его семьи будет содрана кожа на площади. У меня такая репутация в Хауране, что мой приказ сильней любого отряда стражников, и ты повиснешь здесь, на этом дереве смерти. Я не оставляю стражи, потому что коршуны не приблизятся, пока кто-то находится рядом, а я не желаю, чтобы они чувствовали какое-нибудь неудобство. Именно поэтому я увез тебя так далеко от города. Итак, храбрый капитан, прощай! Я вспомню тебя, когда Тамарис будет лежать в моих объятиях.

Кровь хлынула снова из пронзенных ладоней, когда огромные кулаки непроизвольно сжались на головках штырей. Узлы мускулов выступили на массивных руках.

Конан наклонил голову и яростно плюнул в лицо Константинуса. Воевода холодно засмеялся, вытер слюну с нагрудника и развернул лошадь.

— Вспомни меня, когда коршуны будут терзать твое тело, — окликнул он Конана с насмешкой. — Эта порода особенно злобная. Я видел людей, провисевших всего несколько часов на кресте, без глаз, ушей и со снятым скальпом.

Не оборачиваясь, он поскакал к городу. Его флегматичные бородатые солдаты двинулись следом. Небольшое облако пыли отмечало их путь.

Человек, висевший на кресте, казался единственным признаком разумной жизни в этом странном пустынном, покинутом всеми месте. Хауран менее чем в миле отсюда мог бы с таким же успехом быть на другом конце мира, как и существовать в другом веке.

Конан смотрел на эти просторы, купавшиеся в золотисто-коричневом свете позднего дня, как плененный орел смотрит на открытое небо.

Жажда мести прогнала прочь все мысли, проклятия срывались с его губ.

Вся вселенная сократилась, сфокусировалась, стала сосредоточена на четырех железных штырях, которые удерживали его от жизни и свободы. Огромные мускулы затрепетали, сжавшись, как железные канаты. Пот выступил на побелевшей коже, он искал опоры для того, чтобы вырвать штыри из дерева. Бесполезно. Они загнаны слишком глубоко.

Тогда он попытался сорвать свои руки со штырей, и обжигающая бездонная мука заставила его прервать это усилие. Головки штырей были широкие и крепкие. Он не мог протащить их через

раны. Приступ отчаяния потряс гиганта первый раз в жизни. Он повис без движения, опустив голову на грудь, закрыл глаза от болезненно яркого солнца.

Хлопанье крыльев заставило его посмотреть вверх как раз в тот момент, когда пернатая тень ринулась с неба. Конан резко отдернул голову в сторону, и острый клюв, направленный в его глаз, лишь поцарапал кожу. Он закричал отчаянным, хриплым криком. Коршуны отпрянули прочь и отлетели, испуганные этим криком. Затем они возобновили свое осторожное кружение у него над головой.

Кровь струйкой текла через рот Конана, он невольно облизал губы и сморщился от соленого вкуса.

Жажда дико мучила его. Он выпил немного вина прошлой ночью, и вода не касалась его губ перед битвой на площади, а убивать было потной, вызывавшей жажду работой. Конан смотрел на далекую реку, он думал о струях воды, омывающей плечи живым потоком, вспоминал огромные кубки пенящегося эля, кувшины искрящегося вина, безразлично проглоченные или вылитые на пол таверны.

Солнце зашло, бледный шар в огненном море крови.

Его затуманенному взору само небо казалось запачканным кровью. Конан кусал губы, чтобы удержаться от стона.

Снова послышалось громкое хлопанье крыльев. Подняв голову, он посмотрел горящим взором волка на тени, кружившиеся над ним. Конан знал, что его крик больше не испугает их. Он откинул голову назад, насколько это было возможно, ожидая с ужасным терпением. Коршун с диким криком устремился вниз, но его клюв разодрал только кожу на подбородке Конана, когда тот отдернул голову в сторону. Затем, прежде чем птица успела отлететь, голова Конана метнулась вперед и его зубы сомкнулись на шее птицы.

Коршун мгновенно взорвался в пронзительной истерии хлопающих крыльев. Его крики и бьющиеся крылья оглушили и ослепили человека, когти впились в грудь, но человек сжимал свои челюсти, и шейные позвонки стервятника хрустнули между этими мощными зубами. Дернувшись, птица неподвижно повисла.

Конан разжал зубы и выплюнул кровь изо рта. Другие коршуны, испуганные таким поворотом событий, полетели к отдаленному дереву, где уселись, как черные демоны.

Конан испытал злобное торжество. Он мог еще бороться со смертью, он еще жил. Каждое ощущение, даже боль, было победой над смертью.

— Клянусь Митрой! — произнес чей-то голос. — За всю жизнь не видел ничего подобного.

Отряхнув пот с глаз, Конан увидел четырех всадников, сидевших на конях в сумеречном свете и смотревших на него. Трое

были худощавыми, в белых накидках кочевников-зуагиров, четвертый был одет подобно им в белый халат и головную повязку, спадавшую на плечи, но он не был шемитом.

Высокий, как Конан, хотя не такой мускулистый, с широкими плечами, гибкой фигурой. Короткая черная борода не скрывала агрессивно выдававшуюся вперед челюсть, а серые глаза смотрели холодно и пронзительно, как шпага. Успокаивая коня быстрой, уверенной рукой, он сказал:

— Клянусь Митрой! Узнаю этого человека! Да, это киммериец, который был капитаном королевской стражи! Она, должно быть, вышвырнула всех своих старых любимчиков, — пробормотал всадник. — Кто мог бы подумать такое о королеве Тамарис? Лучше бы произошла длительная кровавая война. Это дало бы народу пустыни шанс пограбить. А теперь мы подошли так близко к стенам и нашли только эту клячу.

Он кивнул на красивую кобылу, которую держал на поводке один из кочевников.

— И эту умирающую собаку.

Конан поднял окровавленную голову.

— Если бы я мог спуститься вниз, я бы сделал окровавленную собаку из тебя, запорожский вор! — проскрежетал он сквозь почерневшие губы.

— Митра, негодяй знает меня! — воскликнул всадник. — Откуда ты, негодяй, знаешь меня?

— В этих краях только ты один этой породы, — пробормотал Конан. — Ты — Ольгерд Владислав, предводитель преступников.

— Да! И когда-то был гетманом казаков в Запорожье, как ты догадался. Тебе хочется жить?

— Только глупец задает подобный вопрос, — выдохнул Конан.

— Я жестокий человек, — сказал Ольгерд, — и сила — единственное качество, которое я уважаю в человеке. Я буду судить, мужчина ты или только говорящая собака, годящаяся лишь на то, чтобы висеть здесь и помирать.

— Если ты снимешь его, то нас могут увидеть со стен, — возразил один из кочевников.

Ольгерд покачал головой.

— Слишком темно. Возьми этот топор, Джейбал, и сруби крест у основания.

— Если он упадет вперед, он раздавит его, — возразил Джейбал. — Я могу срубить его так, чтобы он упал назад, но тогда удар может раздробить ему череп.

— Если он выдержит это, то он заслужит то, чтобы ехать со мной, — ответил Ольгерд невозмутимо, — если нет, то не заслуживает даже того, чтобы жить. Руби!

Первый удар боевого топора о дерево и сопровождавшая это вибрация прожгли болью распухшие ноги и руки Конана. Каждый новый удар отдавался нестерпимой болью во всем его израненном теле, но он стиснул зубы и не издал ни звука. Наконец крест наклонился и опрокинулся назад. Конан собрал все тело в твердый узел из железных мускулов, прижал голову назад к дереву и крепко держал ее таким образом. Бревно тяжело ударило о землю и слегка подскочило.

Ужасный удар рванул раны киммерийца, и он едва не потерял сознание. Конан переборол надвигавшуюся волну тошноты и головокружения, но понял, что железные мышцы, покрывавшие его, спасли его внутренности от сильного повреждения.

Он не издал ни звука, хотя кровь сочилась из его ноздрей, а мышцы живота сводило от тошноты. Со звуком одобрения Джейбал склонился над ним со щипцами, обычно используемыми для того, чтобы вытаскивать гвозди из подков лошадей. Он разорвал кожу в попытке захватить глубоко вошедшую в тело головку штыря на правой руке.

Ругаясь и потея, Джейбал ковырялся в уже распухшей ткани и раскачивал штырь. Конан лежал неподвижно и молчал. Наконец-то штырь выскочил, и Джейбал поднял окровавленное железо со вздохом удовлетворения, затем отшвырнул его и склонился над другим.

Процесс повторился, затем Джейбал занялся ногами Конана, но тот с усилием сел, вырвал у него щипцы. Руки Конана страшно распухли. Пальцы ощущались как бесформенные обрубки, сжатые ладони вызывали мучительную боль, заставившую его скрежетать зубами, но каким-то образом, неуклюже ухватив щипцы руками, он вырвал сперва один штырь, а потом другой.

Конан неловко поднялся и встал на распухшие, израненные ноги. Ледяной пот капал с его лица и тела, он стиснул челюсти, борясь с тошнотой.

Ольгерд безразлично наблюдал за ним и указал на украденную лошадь. Конан, спотыкаясь, двинулся к ней, и каждый шаг был пронзающим пульсирующим адом. В углах рта появились струйки крови. Бесформенная рука легла на луку седла, окровавленная нога нашла стремя. Сжав зубы, Конан рванулся вверх и почти потерял сознание, но оказался в седле, и как только он сделал это, Ольгерд резко ударил лошадь кнутом. Испуганное животное рванулось, Конан чуть не свалился, но, схватив одной рукой повод, удержался на месте.

Киммериец выжал остатки сил из слабеющих мышц и заставил лошадь повиноваться. Один из шемитов подъехал и протянул фляжку с водой. Ольгерд покачал головой.

— Пусть подождет, пока мы доберемся до лагеря. Это только десять миль. Если он годится для жизни в пустыне, он протянет без питья.

Ночь стремительно спускалась на пустыню.

В сгущающемся сумраке группа всадников направлялась к реке. Среди них был Конан. Он качался в седле как пьяный, из ран сочилась кровь, но глаза горели неукротимым огнем.

Глава 3
ПИСЬМО В НИМИДИЮ

Известный ученый Астриас, путешествовавший по Востоку с целью проникнуть в тайны этого мистического края, написал письмо своему другу-философу Алкемиду.

Астриас, в частности, писал:

«Ты вряд ли сможешь представить себе, мой дорогой старый друг, условия, существующие сейчас в этом крошечном королевстве с тех пор, как королева Тамарис допустила к себе Константинуса и его наемников, о чем я писал тебе в последнем письме. С тех пор прошло семь месяцев, в течение которых казалось, будто сам дьявол воцарился в этом несчастном королевстве. Тамарис, казалось, совсем сошла с ума. Так как она прежде была известна своими достоинствами, теперь она славится качествами, прямо противоположными. Ее личная жизнь — это скандал, хотя слово «личная» не совсем правильно, так как королева не делает попыток скрыть распущенность своего двора. Она постоянно устраивает непристойные оргии, в которых вынуждены принимать участие несчастные люди, молодые замужние женщины и девственницы.

Она не утруждает себя узакониванием отношений с любовником Константинусом, который делит с ней не только постель, но и трон, и правит, как королевский консорт. А офицеры следуют его примеру и, не колеблясь, совращают любую женщину, которую они желают, невзирая на ее ранг и положение.

Несчастное королевство стонет от неумолимых податей, фермы обобраны.

Я чувствую твое недоверие, дорогой Алкемид, ты думаешь, что я преувеличиваю беды Хаурана. Такие вещи, конечно, были бы немыслимы в любой западной стране. Но ты должен понять огромные различия, которые существуют между Западом и Востоком, особенно в этой части Востока.

Во-первых, Хауран является небольшим королевством, одним из многих княжеств, которые в одно время образовывали империю Косх, и которое позднее обрело вновь независимость.

Эта часть мира состоит из таких же крошечных королевств, миниатюрных по сравнению с огромными королевствами Запада или султанатами ближнего Востока, но богатых благодаря контролю над важными караванными путями.

Хауран — самое южное из этих королевств, граничащее с пустыней восточной Шемии. Город Хауран является единственным городом в королевстве. Земля здесь настолько плодородна, что дает три-четыре урожая в год.

Человеку, привыкшему к огромным плантациям и фермам Запада, трудно поверить, что крошечные поля и виноградники обеспечивают мелких землевладельцев изобилием зерна и фруктов.

Жители деревень занимаются только возделыванием земли, они не воинственны и не способны защищать себя, им запрещено иметь оружие.

Целиком завися от солдат, они беспомощны при нынешних условиях. Поэтому мятеж сельских районов, который наверняка произошел бы в любой стране Запада, здесь невозможен. Он трудится в полях под присмотром синебородых шемитов Константинуса, вооруженных кнутами. Все это похоже на рабские плантации Зинрара.

Но жители городов живут не лучше.

Их богатства обобраны, их милые дочери служат для удовлетворения ненасытной похоти Константинуса и его наемников.

Эти люди — без жалости и сострадания. Они вероломны, жестоки и похотливы. Нации Запада научились испытывать отвращение во время войн против шемитских союзников Аргоса. Население города состоит из хауранского правящего класса, преимущественно хиборканцев, доблестных и воинственных. Но предательство королевы передало их в руки угнетателей. Шемиты — единственная вооруженная сила в Хауране, и самое дьявольское наказание ждет любого хауранца, у которого обнаружат оружие. Настойчиво продолжается уничтожение молодого хауранского поколения, в основном юношей, способных носить оружие, многие были безжалостно убиты, другие — проданы в рабство туранцам, тысячи убежали из королевства или поступили на службу другим правителям, или стали грабителями в многочисленных бандах вдоль границы. На Востоке идет непрерывная война между жителями городов и кочевыми обитателями пустыни.

Кочевое племя зуагиров на протяжении веков безуспешно нападало на Хауран. Ходят слухи, что их давний антагонизм подогревается человеком, который, будучи распятым Константинусом на кресте, каким-то образом избежал смерти и присоединился к кочевникам. Его зовут Конаном, и он сам варвар, один из тех суровых киммерийцев, чью свирепость наши солдаты познали на себе. По слухам, он стал правой рукой Ольгерда Владислава,

казацкого авантюриста, который пришел из северных земель и сделал себя вождем банды зуагиров. Поговаривают, что эта банда сильно увеличилась за последние несколько месяцев и что Ольгерд, без сомнения, подстрекаемый этим киммерийцем, планирует набег на Хауран.

Это действительно будет набег, так как зуагиры не имеют осадных орудий и не умеют брать города штурмом, как они это не раз доказывали в прошлом. Против хорошо вооруженных и дисциплинированных шемитов-наемников, имеющих опыт защиты городов, кочевники вряд ли имеют шансы на успех.

Жители Хаурана, возможно, приветствовали бы вторжение, поскольку кочевники вряд ли бы стали более жестокими, чем их теперешние хозяева. Но они так трусливы и беспомощны, что не окажут никакой помощи захватчикам.

Их положение более чем несчастное. Тамарис, по-видимому, одержимая демоном, не остановится ни перед чем. Она упразднила поклонение Иштар, распорядилась уничтожить ее изображения и превратила храм в место идолопоклонства. Конечно, культ Иштар менее прогрессивен, чем истинная вера в Митру, которой придерживается западная нация, но он все-таки лучше, чем идолопоклонство шемитов. Она наполнила храм Иштар богопротивными изображениями — богами и богинями ночи в непристойных похотливых позах и со всеми отвратительными деталями, которые может вообразить развращенный мозг. Многие из этих изображений совпадают со злыми божествами шемитов, туранцев, хитанцев, но другие напоминают об ужасной в своем естестве древности. Где королева узнала о них, я даже не смею догадываться.

Она ввела человеческие жертвоприношения. Со времени ее связи с Константинусом не менее пятисот человек, среди них женщины и дети, были принесены в жертву. Несчастные погибали на алтаре, установленном в храме. Королева сама вонзала жертвенный нож в их тело.

Однако существует и другой способ принесения людей в жертву. Все знают, что в подвале храма содержится какое-то чудовище, которое пожирает людей. Откуда и как оно появилось в Хауране, никто не знает. Вскоре после подавления бунта ее солдат против Константинуса группа пленников была доставлена в храм. Поздно вечером королева явилась туда, и дверь закрыли.

Хауранцы, оказавшиеся ночью у храма, видели, как густой дурнопахнущий дым поднимался над его куполом. Они слышали исступленные заклинания королевы, предсмертные крики пленников и резкий квакающий звук, который привел всех в ужас. Наутро Тамарис, качаясь как пьяная, вышла из храма с глазами, сверкающими демоническим торжеством. Пленников никто больше никогда не видел.

Я не могу больше думать о ней как об обыкновенной женщине, но только как о бешеном демоне, с когтистыми, окровавленными пальцами, притаившимся на испачканном кровью ложе среди костей и останков своих жертв.

Когда я сравниваю ее нынешнее поведение с ее прежними манерами, я склонен поверить мнению многих людей, что демон овладел телом Тамарис. Молодой солдат Валериус имеет другое мнение. Он уверен, что ведьма приняла образ, сходный с обликом любимой правительницы Хаурана. Он верит, что Тамарис похищена и заключена в какой-нибудь темнице и что личность, правящая вместо нее, не кто иная, как колдунья. Он клянется, что найдет настоящую королеву, если она еще жива, но я сильно опасаюсь, что он сам стал жертвой жестокости Константинуса. Он принимал участие в мятеже дворцовой стражи, бежал и скрывался. Как раз в это время я встретил его и он рассказал мне о своих мыслях.

Но он исчез, как и многие другие, и я боюсь, что он был узнан слугами Константинуса.

Но уже пора заканчивать письмо. Утром быстрый голубь донесет его на границу с Котаком, туда, где я купил птицу. С верблюдами в караване, а потом на лошади оно доберется в конце концов до тебя. Я спешу, скоро рассвет.

Через ночь из храма доносится мрачный бой барабанов. Я не сомневаюсь, что Тамарис находится там, занятая дьявольскими делами...»

Но ученый ошибался в своих предположениях относительно местонахождения женщины, которую звали Тамарис. Девушка, которую весь мир знал, как королеву Хаурана, стояла в темнице, освещенной миганием факелов, которые играли на ее лице, подчеркивая его дьявольскую жестокость.

На каменном полу перед ней скорчилось тело, которое едва прикрывали разорванные лохмотья.

Соломея презрительно коснулась его загнутым кверху носком золоченой сандалии и мстительно улыбнулась.

— Тебе не нравится моя забота, милая сестра?

Тамарис не ответила и еще сильнее склонила голову, как человек, привыкший к издевательствам..

Эта покорность судьбе не нравилась Соломее. Она закусила красную губу и, нахмурившись, рассматривала пассивную узницу. Соломея была одета с непомерной роскошью. Драгоценные камни мерцали в свете факела на ее золоченых сандалиях, на золотых нагрудных пластинках и изящной цепи, которая скрепляла их. Золотые браслеты, украшенные драгоценностями, на обнаженных

руках и ногах позвякивали, когда она двигалась. Нефритовые подвески сверкали в ушах.

С плеч свисал темно-малиновый плащ, закрывавший одну руку и то, что в ней находилось. Соломея вдруг наклонилась, свободной рукой схватила волосы сестры и отклонила ее голову назад, чтобы встретиться с ней взглядом. Несмотря ни на что, Тамарис все еще была прекрасной. Она встретила этот тигриный взгляд с вызовом.

— Ты не увидишь больше моих слез, — ответила она. — Слишком часто ты наслаждалась зрелищем королевы Хаурана, плачущей на коленях. Я знаю, что ты пощадила меня, только чтобы мучить, поэтому ты ограничиваешь свои пытки только такими, которые не убивают и не калечат внешне. Но я больше не боюсь тебя. Ты уничтожила во мне последние остатки надежды, страха, любви и стыда. Убей меня, и покончим с этим, ты, дьявол из ада!

— Успокойся, дорогая сестра, — промурлыкала Соломея. — До сих пор я заставляла страдать только твое тело, твою гордость и самолюбие. Ты забыла, что в отличие от меня способна на нравственное страдание. Я наблюдала это, когда потчевала тебя рассказами о комедии, которую я сыграла с некоторыми из твоих глупых подданных. Ты знаешь, что Карлидис, твой преданный советник, пробрался сюда из Турана и был схвачен?

Тамарис побледнела.

— Что ты с ним сделала?

Вместо ответа Соломея вытащила загадочный сверток из-под своего плаща. Она стряхнула шелковые обертки и поднесла к лицу королевы голову молодого человека с чертами лица, застывшими в момент нечеловеческой муки.

Тамарис вскрикнула, как будто лезвие пронзило ее сердце.

— О, Иштар! Карлидис!

— Да, он хотел поднять людей против меня, бедный глупец, говоря им, что я не Тамарис. Как люди могут восстать против шемитов Константинуса с палками и камнями? Ха! Собаки едят его безголовое тело на площади. Ну, сестра!

Она замолчала, улыбаясь, глядя на свою жертву.

— Ты теперь обнаружила, что пролила еще не все слезы. Хорошо! Я приберегу нравственные мучения напоследок. Вскоре я покажу тебе много таких зрелищ, как это!

Стоя при свете факела с отрубленной головой в руке, она не походила на человека, рожденного земной женщиной. Тамарис не поднимала глаз. Она лежала лицом вниз на скользком полу, ее изящное тело сотрясалось в рыданиях, сжатые руки бились о камень.

Соломея прошла к двери, ее браслеты позвякивали при каждом шаге, подвески вспыхивали в свете факела.

Несколько мгновений спустя она появилась из двери под темной аркой, где ее встретил огромный шемит с блестящими глазами и плечами, как у быка. Его большая синяя борода спадала на могучую грудь.

— Она плакала? — пророкотал низкий голос.

Это был генерал наемников, один из немногих приближенных Константинуса, который знал секрет королевы Хаурана.

— Да, Хамбанигаш. Имеется целая область чувствительности, которую я еще не трогала. Когда одно чувство притупляется постоянными терзаниями, я открываю новое, более уязвимое. Сюда, собака!

Приблизилась дрожавшая, спотыкающаяся фигура в лохмотьях, с грязными нечесанными волосами — один из нищих, что спали в аллеях города. Соломея швырнула ему голову.

— Вот, брось это в ближайшую канаву. Сделай знак ему руками, Хамбанигаш. Он не слышит ничего.

Генерал знаками показал, что надо сделать. Нищий понимающе кивнул и с трудом заковылял прочь.

— Почему ты продолжаешь этот фарс? — пророкотал генерал Хамбанигаш. — Ты так прочно обосновалась на троне, что ничто не сможет повредить тебе. Подумаешь, если хауранские глупцы узнают правду? Они ничего не смогут сделать. Объяви себя в своем настоящем обличии. Покажи им обожаемую экс-королеву и отрежь ей голову на городской площади.

— Нет, пока рано, дорогой Хамбанигаш...

Глухонемой нищий притаился во дворе, его руки, державшие голову Карлидиса, больше не дрожали.

— Я узнал правду, — прошептал он едва слышно. — Она жива! Карлидис, твоя жертва не напрасна! Они заперли ее в темнице! О, Иштар, если ты любишь людей, помоги мне теперь!

Глава 4
ВОЛКИ ПУСТЫНИ

Ольгерд Владислав наполнил украшенную драгоценными камнями чашу малиновым вином из золотого кувшина и пододвинул его через стол Конану. Одежда Ольгерда удовлетворила бы тщеславию любого запорожского гетмана.

Его халат был из белого шелка с усеянной жемчужинами грудью. Пояс охватывал бахотрийский ремень, широкие шелковые шаровары были заправлены в короткие сапоги из мягкой зеленой кожи, вышитой золотой нитью.

На голове красовался зеленый шелковый тюрбан. Единственным оружием был широкий изогнутый нож в ножнах слоновой кости.

Откинувшись назад в золоченом кресле с орлами, Ольгерд шумно выпил искрившееся вино большими глотками.

Напротив него сидел загоревший до черноты киммериец. Скромность его одежд представляла сильный контраст с роскошью Ольгерда. Он был одет в черную кольчугу, широкая золотистая пряжка сверкала на поясе, который придерживал меч в старых ножнах.

В палатке, сделанной из расшитых золотом штор и устланной богатыми коврами, награбленными кочевниками, никого, кроме них, не было.

Голоса тысячи людей, расположившихся лагерем, сливались в мерный шум, который проникал в палатку.

Ольгерд ослабил пояс, снова потянувшись за вином.

— Когда-то я был гетманом в Запорожье, теперь я вождь пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте около Хаурана, теперь ты лейтенант самого сильного войска между Тураном и восточными землями. Ты должен быть благодарен мне.

Конан засмеялся и поднял кувшин.

— Когда ты позволяешь подняться человеку, ты уверен, что получишь от этого пользу. Я отработал все, что получил, своим потом и кровью.

— Ты сражался, как дьявол, — согласился Ольгерд. — Но не думай, что это благодаря тебе множество людей мечтает влиться в наше войско. Их привели к нам успехи в набегах, направленных моей мудростью. Эти кочевники всегда ищут удачливого вожака, и у них больше веры в пришельца, чем в человека их собственной расы. Нет предела, которого мы не могли бы достичь. У нас сейчас одиннадцать тысяч человек. На следующий год мы втрое увеличим это число. Мы до сих пор довольствовались набегами на поселения туранцев и города-государства на Западе. С тридцатью или сорока тысячами людей нам не нужны будут больше рейды, мы завоюем и обоснуемся в Шемии. Я буду императором, а ты моим визирем, если будешь выполнять мои приказы беспрекословно. А пока я думаю, мы сделаем рейд на Восток и нападем на поселки туранцев в Веземе, где они собирают пошлину с караванов.

Конан покачал головой:

— Я думаю по-другому.

Ольгерд раздраженно сверкнул глазами.

— Что ты имеешь в виду, говоря это? Я думаю о всей армии, о всей!

— В отряде сейчас достаточно людей для моей цели, — ответил киммериец. — Я устал ждать. У меня есть все права предъявить счет.

— О!

Ольгерд нахмурился и глотнул вина, затем усмехнулся.

— Ладно, мне нравятся такие люди. Но ты должен подождать.

— Ты когда-то говорил, что поможешь мне взять Хауран, — сказал Конан.

— Да, но это было прежде, чем я увидел новые возможности применения нашей силы, — ответил Ольгерд. — Я думал только о добыче в городе. Хауран — пока слишком крепкий орешек для нас. Может быть, через год...

— Через неделю, — ответил Конан.

Ольгерд нахмурился.

— Послушай, — сказал он. — Не думаешь ли ты, что эти собаки могут осадить и взять город, подобный Хаурану?

— Осады не будет, — ответил киммериец. — Я знаю, как выманить Константинуса на равнину.

— И что тогда? — разъярился Ольгерд. — В перестрелке нашим всадникам придется хуже, так как броня у шемитов лучше, а когда дело дойдет до сабель, их сомкнутые ряды прорубятся через наши беспорядочные толпы и разгонят их, как ветер кучу нарезанной соломы.

— Не разгонят, если там будет три тысячи отчаянных всадников, сражающихся тесным кругом, которому я научу их, — ответил Конан.

— А где ты найдешь три тысячи хауранцев? — спросил Ольгерд с явным сарказмом. —Ты сделаешь их из воздуха?

— Они у меня есть, — невозмутимо ответил Конан. — Три тысячи хауранцев стоят лагерем в оазисе Акрелы, ожидая моего приказа.

— Что?!

Ольгерд сверкнул глазами, как застигнутый врасплох волк.

— Да. Люди, которые бежали от тирании Константинуса. Большинство из них жили жизнью отверженных в пустыне, восточнее Хаурана. Каждый из них стоит трех наемников. Отчаяние и лишения закаляют людей и вселяют огонь в их мышцы. Они были разрознены в небольших бандах, и все, что им было необходимо, — это вожак. Они поверили посланцу, которого я направил к ним, и собрались в оазисе, предоставив себя в мое распоряжение.

— И все это втайне от меня?

Бешеный огонек заплясал в глазах Ольгерда. Рука двинулась к черкийскому ножу на поясе.

— Они хотят следовать за мной, а не за тобой.

— И что ты сказал этим отщепенцам, чтобы заработать их преданность?

В голосе Ольгерда звучала угроза.

— Я сказал им, что использую эту орду пустынников, чтобы помочь им уничтожить Константинуса и отдать Хауран в руки горожан.

— Ты глупец! — прошептал Ольгерд. — Ты уже вообразил себя вождем?

Они оба вскочили на ноги, смотря в лицо друг другу.

— Я разорву тебя голыми руками, — сказал как можно спокойнее Ольгерд.

— Позови своих людей и прикажи им сделать это, — с вызовом ответил Конан, — посмотри, подчинятся ли они тебе!

Оскалив зубы, Ольгерд поднял было руку, но сдержался. Уверенность, которую излучало смуглое лицо Конана, остановила его.

— Ты, подонок с западных гор, — прошипел он. — Ты посмел подкапываться под мою власть?

— Мне нужно было сделать это, — ответил Конан. — Ты солгал, когда сказал, что я ничего не имею общего с привлечением новых рекрутов. Это целиком моя заслуга. Они слушали твои приказы, но сражались за меня. В Зуагире нет места для двух вождей. Они знают, что я более сильный человек. Я понимаю их лучше, чем ты, а они понимают меня лучше, чем тебя, потому что и я, и они варвары.

— А что они скажут, когда ты попросишь их биться за Хауран? — язвительно спросил Ольгерд.

— Они последуют за мной. Они хотят добычи, и они будут сражаться с Константинусом, как с любым другим. Я дам им караван золота из дворца. Хауран заплатит им этим в качестве награды за освобождение от Константинуса. После этого я поведу их против туранцев, как ты планировал.

Увлекшись мечтами об империи, Конан мало обращал внимания на то, что происходило вокруг него. Только теперь он понял, что потерял реальную власть и что вождь зуагиров стоял перед ним.

— Нет, ты умрешь! — пробормотал Ольгерд и замахнулся ножом, но быстрая рука Конана рванулась через стол, и его пальцы сомкнулись на запястье Ольгерда. Раздался щелчок сломанных костей, и на мгновение противники замерли.

Боль исказила лицо Ольгерда, на его лбу выступил пот.

Конан засмеялся, не ослабляя хватки на сломанной руке.

— Годишься ли ты для того, чтобы жить, Ольгерд?

Лицо бывшего гетмана стало пепельным, кровь отхлынула от его губ, но он стиснул зубы и не произнес ни звука.

Конан со смехом выпустил руку и отпихнул Ольгерда.

Тот покачнулся и схватился за край стола здоровой рукой, чтобы не упасть.

— Я дарю тебе жизнь, Ольгерд, как ты подарил мне мою, — спокойно сказал Конан. — Испытание, которое ты придумал для меня, было более суровым. Ты не смог бы перенести его, никто

не смог бы, кроме варвара. Возьми лошадь и уезжай. Она привязана позади палатки, и в седельных мешках есть пища и вода. Никто не увидит твоего отъезда, но уходи быстрее. В пустыне нет места для поверженного вождя. Если воины увидят тебя униженного и низложенного, они расправятся с тобой.

Ольгерд ничего не ответил. Он медленно, без слов, повернулся и вышел из палатки. Молча он взобрался в седло огромного белого жеребца и с засунутой под халат сломанной рукой направился на восток в открытую пустыню.

Опустошив кувшин с вином, Конан вышел из палатки и на мгновение остановился, чтобы окинуть взглядом лагерь. Затем проревел громовым голосом:

— Эй, вы, собаки, собирайтесь сюда, я буду говорить с вами!

Глава 5
ГОЛОС ИЗ КРИСТАЛЛА

В подвале под башней городской стены собралась группа людей. Это были молодые мужчины, крепкие и мускулистые, но доведенные невзгодами до отчаяния.

На них были кольчуги и поношенные кожаные доспехи, на поясах висели мечи.

— Я знал, что Конан говорил правду, когда сказал, что это была не Тамарис! — воскликнул молодой воин. — Месяцами я бродил в окрестностях дворца, изобретая способ проверить догадку и изображая глухонемого нищего. Наконец я узнал, как и думал, что наша королева заключена в темницу. Я дождался счастливой случайности и захватил шемитского тюремщика, оглушил его, когда он выходил со двора поздно ночью, затащил в ближайший подвал и допросил. Перед тем как умереть, он рассказал мне то, что мы давно подозревали. Женщина, приведшая в Хауран шемитов, — ведьма Соломея, а Тамарис заключена в подземную темницу. Нашествие зуагиров дает нам возможность, которую мы искали. Что Конан намерен сделать, я не могу сказать. Возможно, он просто хочет отомстить Константинусу. Возможно, он намерен поджечь город и уничтожить его. Он варвар, и никто не может понять его поступков. Но вот что мы должны сделать — это спасти Тамарис, пока длится битва. Константинус выйдет на равнину для сражения. Уже сейчас его люди садятся на коней. Он сделает это потому, что в городе не хватает пищи, чтобы выдержать осаду. Конан появился из пустыни так внезапно, что не было времени запасти ее. Киммериец экипирован для осады. Разведчики доложили, что зуагиры имеют осадные машины, построенные, несомненно, по указанию Конана, который научился искусству войны среди западных

наций. Константинус не хочет длительной осады, поэтому он выведет своих воинов на равнину, где он хочет рассеять силы Конана одним ударом. Он оставит только несколько сотен людей в городе, и они будут на стенах и в башнях, охраняющих ворота. Тюрьма останется без охраны. Когда мы освободим Тамарис, мы покажем ее людям. Если Конан будет побеждать, мы будем просить людей о помощи — они восстанут. Даже с голыми руками их достаточно, чтобы одолеть шемитов, оставленных в городе, и закрыть ворота от наемников и от кочевников. Никто не должен попасть в город. Затем мы должны будем встретиться с Конаном. Я верю, он пощадит город. Если же Константинус будет брать верх, а Конан будет обращен в бегство, мы должны выбраться тайком из города с королевой и искать безопасное место. Все ясно?

Они ответили дружным согласием.

— Тогда вынем наши сабли из ножен, вручим наши души Иштар и отправимся к тюрьме, так как наемники уже маршируют через южные ворота.

Воины ровным потоком, подобно стальной реке, направлялись по улицам города к южным воротам. Угрюмые фигуры в черных и серебряных кольчугах, с курчавыми бородами и горбатыми носами ехали на битву, не испытывая сомнений в ее исходе.

Истощенные горожане в рваных одеждах вышли на улицы и молчаливо наблюдали прохождение шемитского войска.

В одном из залов дворца на бархатной кушетке лежала Соломея, цинично наблюдая, как Константинус собирается в бой.

— К вечеру, — сказал Константинус, — ты будешь иметь пленников, чтобы накормить своего дьявола в храме.

Он покрутил свой тонкий ус.

— Не ослаб ли он еще от легкой плоти горожан? Возможно, ему понравится вкус твердой плоти людей пустыни.

— Будь осторожен и сам не стань добычей более свирепого зверя, чем Тхаг, — предостерегла его колдунья. — Не забывай, кто ведет этих дикарей пустыни.

— Я не забыл, — ответил он. — Это одна из причин того, что я еду вперед, чтобы встретить его. Собака сражалась на Западе и знает искусство осады. Мои разведчики не могли приблизиться к колонне, так как у его воинов глаза, как у ястребов. Но все-таки они разглядели машины, которые зуагиры тащат на повозках с помощью верблюдов, — катапульты, тараны, баллисты. Он, должно быть, заставил десять тысяч человек работать день и ночь в течение месяца. Где он взял для них материал, этого я тоже не могу понять. Возможно, у него заговор с туранцами, и он получил все это у них. Как бы то ни было, ему это не поможет. Я сражался с этими дикарями пустыни прежде — сперва небольшая перестрелка из луков, от которой моих воинов защитит броня, затем мои

эскадроны пронесутся через беспомощные толпы кочевников, рассекая их на все четыре стороны. Я вернусь перед закатом с сотней голых пленников, спотыкающихся за лошадиными хвостами. Мы устроим развлечение вечером на большой площади. Мои солдаты любят сдирать кожу с живых врагов. Пусть этот городской народ со слабыми коленками посмотрит. Что касается Конана, то мне доставит огромное удовольствие, если мы возьмем его живым и посадим на кол перед дворцом.

— Сдирай кожу сколько хочешь, — безразлично ответила Соломея. — Мне нравится одежда, сделанная из человеческой кожи. Но по меньшей мере сотню пленников ты должен отдать мне для алтаря и для Тхага.

— Будет исполнено, — ответил Константинус.

Затем он взял под мышку шлем и поднял вверх руку в латунной рукавице.

— За победу и за честь Тамарис! — иронически просалютовал он и вышел из зала. Вскоре с дворцовой площади донеслись команды, отдаваемые его хриплым голосом.

Соломея откинулась на кушетку, зевнула, потянувшись, как большая кошка, и позвала:

— Занг!

Бесшумно вошел жрец. Его лицо казалось обтянутым желтым пергаментом.

Соломея повернулась к возвышению из слоновой кости, на котором стояло два кристаллических шара, и, взяв шар меньшего размера, протянула его жрецу.

— Поезжай вместе с Константинусом, — сказала она, — и передавай мне сведения о сражении. Иди!

Мужчина низко поклонился и, спрятав шар под темным плащом, заторопился из комнаты.

Спустя некоторое время Соломея поднялась по широкой мраморной лестнице на плоскую, с мраморным барьером крышу дворца, которая возвышалась над всеми зданиями. Большая площадь перед дворцом была пуста. С уходом войск улицы обезлюдели. Зато на южной стене и на крышах домов в южной части города находилось множество горожан, не знавших, чего желать — победы или поражения Константинуса. Победа означала прежнюю нищету и невыносимый гнет. Поражение, возможно, вело к поджогу города и кровавой резне. От Конана не было никаких известий. Они не знали, что ждать от него. Они помнили, что он варвар.

Эскадроны наемников, выйдя за пределы города, развернулись на равнине в боевой порядок.

Вдали, от реки, к ним двигалась темная масса из едва различимых людей на лошадях. Силуэты осадных машин угадывались на другом берегу. Конан не переправил их через реку, очевидно,

боясь атаки во время переправы, но он переправился со всеми всадниками. Солнце уже поднялось. Эскадроны шемитов перешли в галоп, глубокий рев достиг ушей людей на стенах.

Сближавшиеся массы конницы сшиблись и перемешались. На расстоянии в этом месиве невозможно было различить деталей. Атаки и контратаки подняли клубы пыли, закрыв происходящее.

Соломея пожала плечами и спустилась по лестнице. Она вошла в комнату, где разговаривала с Константинусом, и подошла к возвышению. Кристаллический шар затуманился, и на нем появились полоски малинового цвета. Соломея наклонилась над шаром, негромко произнося заклинания.

— Занг! — окликнула она.

Через клубившийся в сфере туман были видны трупы людей и лошадей, воины, рубившие друг друга, и Конан, беспорядочно метавшийся по полю боя. Затем с пугающей отчетливостью внезапно появилось лицо Занга, его широко раскрытые глаза смотрели прямо на Соломею. Кровь струйкой текла из раны на голове, кожа была серой от налипшей на нее пыли. Губы приоткрылись и искривились.

Постороннему глазу показалось бы, что лицо в кристалле молча искривилось. Послышался голос Занга, звучавший так же ясно, как если бы жрец находился рядом. Только боги тьмы знали, какие невидимые магические силы связали эти мерцающие сферы.

— Соломея! — кричал окровавленный жрец.

— Я слышу! — закричала она. — Говори, как идет сражение!

— Рок пал на нас!

Голова застонала.

— Хауран потерян! Да, моя лошадь убита, и я не могу выбраться отсюда! Люди падают вокруг на меня. Они умирают, как мухи, в своих кольчугах!

— Прекрати стонать и расскажи мне, что случилось! — сурово воскликнула Соломея.

— Мы сошлись с кочевниками, — вопил жрец. — Стрелы поднялись тучами между обеими армиями, и кочевники дрогнули. Константинус приказал атаковать. Ровными рядами мы двинулись на них. Затем их орды отхлынули направо и налево, и через просвет на нас ринулись три тысячи хауранских всадников, присутствия которых мы даже не подозревали. Люди Хаурана, обезумевшие от жажды мести! Они раскололи наши ряды, прежде чем мы поняли, что произошло, а затем дикари пустыни набросились на нас с обоих флангов. Они разодрали наши ряды в клочья, сломали и рассеяли нас. Это был тактический ход, который придумал этот дьявол Конан! Осадные машины были уловкой — пальмовые стволы и окрашенный шелк. Они одурачили наших разведчиков. Трюк, который оказался роковым для нас. Наши воины бегут. Хамбани-

гаш упал, и Конан, кажется; убил его. Я не вижу Константинуса. Хауранцы неистовствуют среди бегущих масс, как кровожадные львы, а пустынники убивают нас стрелами. А-а-а!

Мелькнула сталь, брызнула кровь, затем внезапно образ исчез, как лопнувший пузырь, и Соломея смотрела в пустой кристалл, отражавший только ее собственное, искаженное яростью лицо. Она стояла совершенно спокойно несколько мгновений, уставившись в пустое пространство, затем хлопнула в ладоши, и появился еще один жрец с бритой наголо головой, молчаливый и неподвижный, как первый.

— Константинус разбит, — сказала она резко. — Мы обречены. Конан ворвется в ворота через час. Если он схватит меня, я погибну. Но сперва я собираюсь сделать так, чтобы моя проклятая сестра наверняка никогда не взошла снова на трон. Следуй за мной! Будь, что будет! Мы устроим пир Тхагу!

Дворец и тюрьма были связаны длинной галереей. Быстрым шагом фальшивая королева и жрец прошли через тяжелую дверь, ведущую в тускло освещенный двор тюрьмы.

Они подошли к каменной лестнице. Соломея вдруг остановилась и отпрянула, бормоча проклятия.

Снизу донеслись приглушенные голоса. Колдунья отскочила в черную тень арки, потянув жреца за собой.

Глава 6
КРЫЛЬЯ КОРШУНА

Тусклый свет факела вывел Тамарис, королеву Хаурана, из забытья. Она зажмурилась, ожидая увидеть злое лицо Соломеи. Но колдуньи не было. Над нею склонилось несколько человек. Эти худощавые орлиные лица могли принадлежать только хауранцам. Она не верила своим глазам. Одна из фигур упала перед ней на колени с протянутыми руками.

— О, Тамарис! Благодарю Иштар, что мы нашли тебя. Ты не помнишь меня, Валериуса? За мужество в битве с Корвеном ты наградила меня поцелуем!

— Валериус! — пробормотала она.

Слезы наполнили ее глаза.

— О, неужели я сплю! Это волшебство Соломеи, чтобы помучить меня!

— Нет! — прозвенел взволнованный крик. — Это твои подданные пришли спасти тебя. Но мы должны спешить. Константинус сражается на равнине против Конана, который привел зуагиров, но триста шемитов все еще в городе. Мы убили тюремщика и взяли его ключи. Необходимо идти! Вставай!

Ноги королевы подгибались от слабости. Валериус поднял ее, как ребенка. Они покинули темницу, поднялись по скользкой каменной лестнице и вышли во двор.

Когда люди поравнялись с темной аркой, взрыв голубого пламени, осветив на мгновение зловещее лицо Соломеи, обрушился на них. Валериус с королевой на руках попытался бежать, но страшный удар остановил его, затем королева была резко вырвана из рук, и второй удар по шлему свалил его с ног.

Но он упрямо пытался встать на ноги, тряся головой в тщетных усилиях избавиться от голубого пламени, которое, казалось, все еще пылало вокруг дьявольским светом. Когда его взор прояснился, он увидел, что находится на дворцовой площади, рядом лежали его четверо мертвых товарищей. Ослепленные огнем, они погибли. Королева исчезла.

С горьким проклятием Валериус схватился за саблю и сбросил разрубленный шлем. Кровь бежала по его щеке из раны на голове. Он услышал звавший его голос:

— Валериус!

Шатаясь, он рванулся на голос и, завернув за угол, столкнулся с бросившейся к нему девушкой.

— Инга! Ты сошла с ума!

— Я должна была прийти! — всхлипывая, сказала она. — Я последовала за тобой и спряталась под аркой снаружи во дворце. Мгновение назад я видела ее выскочившей со двора, с негодяем, который нес на руках женщину. Я поняла, что это была Тамарис и что ты потерпел неудачу. О, ты ранен!

— Царапина!

Он отвел ее цепляющиеся руки.

— Быстрее, Инга, скажи мне, куда они пошли?

— Они побежали через площадь к храму.

Он побледнел.

— О, Иштар! Демон!.. Она решила отдать Тамарис дьяволу, которому она поклоняется! Быстрее, Инга! Беги к южной стене, где люди наблюдают за битвой! Скажи им, что их настоящая королева найдена, что самозванка тащит ее в храм! Иди!

Всхлипывая, девушка побежала прочь, ее маленькие сандалии застучали по мостовой, а Валериус рванулся через площадь к храму, возвышавшемуся на противоположной стороне.

Он бросился вверх по широкой лестнице, пробежал через портик с колоннами.

Очевидно, пленница доставила своим врагам какие-то хлопоты. Тамарис, чувствуя недоброе, боролась со всей силой, на какую еще была способна. Группа была на полпути к мрачному алтарю, за которым виднелась большая металлическая дверь, украшенная отвратительными рисунками. Через эту дверь прошли многие, но

возвращалась назад только одна Соломея. Тамарис, тяжело дыша, извивалась в руках обезьяноподобного жреца, как белая обнаженная нимфа в руках сатира.

Задохнувшись от ярости, Валериус кинулся через огромный зал с мечом в руке. Жрец оглянулся от резкого крика Соломеи, затем отпустил Тамарис и вытащил тяжелый нож, уже запачканный кровью людей.

Но одно дело зарезать ослепленного дьявольским пламенем, выпущенным Соломеей, и совсем другое — сражаться с молодым хиборианцем, жаждущим мести.

Нож взметнулся вверх в руке жреца, но прежде чем он опустился, меч Валериуса вонзился в тело врага. Обезумевший Валериус нанес несколько уколов. Он рубил снова и снова, пока изувеченная фигура не упала.

Валериус огляделся, ища Соломею.

Она, вероятно, уже израсходовала весь огненный порошок, так как склонилась над Тамарис, зажав черные локоны сестры в одной руке, а другой сжимая кинжал. В следующее мгновение меч Валериуса пронзил ее грудь с такой силой, что острие выскочило между лопаток. С ужасным криком Соломея осела на пол, корчась в конвульсиях и хватаясь за лезвие. Ее глаза стали нечеловеческими, она цеплялась за жизнь, которая уходила через рану на малиновом полумесяце. Она царапала и кусала голые камни в агонии. Валериус наклонился, поднял бесчувственную королеву и направился к двери храма.

Он выбежал из портика и остановился на вершине лестницы. Площадь кишела людьми, которые пришли на зов Инги. Их терпение иссякло, толпа кипела, вопя и крича, откуда-то доносились звуки разбиваемого камня и дерева.

Отряд мрачных шемитов протискивался через толпу. Оставив северные ворота, воины торопились к южным на помощь товарищам. Взоры всех людей, заполнивших площадь, обратились к юноше на ступенях храма, который держал на руках тело женщины.

— Вот наша настоящая королева! — закричал Валериус.

Поднялся невообразимый шум. Валериус тщетно пытался что-то объяснить людям. Шемиты направились к нему, пробиваясь копьями через толпу.

Неожиданно из полумрака храма позади Валериуса появилась Соломея с красными пятнами на платье. Воцарилось молчание — все увидели, что женщина на руках Валериуса поразительно похожа на ту, которая облокотилась на колонну храмового портика.

— Тхаг! — позвала слабеющим голосом Соломея.

Как бы в ответ на ее голос из храма гулко прозвучало чудовищное кваканье.

— Это — королева! — проревел капитан Шемитов и поднял свой лук.

— Стреляйте в мужчину!

Толпа возбужденно загудела. Люди узнали в женщине, лежавшей на руках Валериуса, Тамарис и наконец-то поняли, что произошло. С яростными воплями они кинулись на шемитов, разрывая их зубами, когтями и голыми руками.

Соломея покачнулась и замертво рухнула на ступеньки.

Безжалостно рубя саблями людей и стреляя из луков, шемиты прорывались через обезумевшую толпу к Валериусу. Тог с Тамарис на руках бросился в храм, спасаясь от шемитов. Однако на пороге он остановился, испустив крик ужаса и отчаяния. Из храмового зала на него надвигалось огромное существо с клыками.

Валериус бросился прочь от двери, не выпуская из рук Тамарис, которая была в обмороке. Он увидел, как четверо или пятеро шемитов, пробившись сквозь толпу, взбегали по ступенькам к нему. Собрав последние силы, Валериус прыгнул за колонну. Шемиты взбежали на верхнюю площадку лестницы, когда в дверном проеме храма появилось чудовище. Обезумевшие наемники развернулись и бросились по лестнице вниз.

Люди в толпе, увидев чудовище, стали пятиться. Образовалась невообразимая давка. Чудовище остановилось на площадке, как будто ища глазами Валериуса. Тот не выдержал напряжения ситуации и ринулся со своей дорогой ношей вниз по лестнице.

Монстр, увидев его, устремился следом.

В этот момент через площадь, топча людей, пронесся конный отряд потрепанных и окровавленных шемитов. Они уходили от преследования. Во главе погони на площадь влетел огромный всадник в черной кольчуге.

— Конан! — закричал что было сил Валериус.

Киммериец, повернувшись на крик, мгновенно оценил ситуацию. Громовым басом он отдал команду своим воинам, и туча стрел устремилась к чудовищу. Десятка два из них воткнулись в монстра. Чудовище остановилось, покачнулось и взревело. Второе жалящее облако стало для него смертельным.

Вызванный злой волей ведьмы из тьмы веков монстр рухнул и покатился вниз по ступеням.

Конан наблюдал эту сцену, натянув поводья. Возле портика он спрыгнул с лошади. Валериус положил королеву на ступени, сев рядом с ней в полном изнеможении. Люди столпились вокруг. Киммериец отогнал их назад и приподнял темную голову девушки.

— Клянусь Кромом, это настоящая Тамарис.

Сорвав плащ с плеч стоявшего рядом солдата, киммериец укутал в него королеву. Ее длинные черные ресницы затрепетали,

глаза открылись и недоверчиво уставились в покрытое шрамами лицо Конана.

— Конан!

Ее нежные пальцы ухватились за его плечо.

— Я сплю? Она сказала мне, что ты мертв.

— Вряд ли! — усмехнулся киммериец. — Ты не спишь. Ты снова королева Хаурана. Я разбил Константинуса около реки. Большинство его псов никогда не доберутся до стен города, так как я отдал приказ не брать пленных. Исключение сделано для Константинуса. Я оставил всех моих воинов снаружи, кроме пятидесяти. Я не доверяю им здесь, в городе, а этих хауранских парней достаточно, чтобы охранять ворота.

— Это был кошмар! — прошептала она. — О, мои бедные люди! Ты должен помочь мне отплатить им за то, что они так страдали, Конан. Ты отныне мой советник!

Конан засмеялся и покачал головой.

Поднявшись, он поставил королеву на ноги и поманил хауранских воинов, которые не участвовали в преследовании убегавших шемитов.

Они спрыгнули с лошадей, стараясь услужить своей вновь обретенной королеве.

— Нет, королева, с этим покончено. Теперь вождь зуагиров должен вести их грабить туранцев, как я им обещал. Этот парень, Валериус, будет тебе лучшим советником, чем я. Я не создан для жизни среди мраморных стен. Теперь я покину вас и завершу то, что начал. Шемиты все еще в Хауране.

Когда Валериус повел Тамарис через площадь к дворцу через расступившуюся радостную толпу, он почувствовал нежное прикосновение. Это была Инга. Валериус прижал ее к себе и расцеловал с чувством человека, получившего наконец заслуженный отдых.

Люди ждут отдыха и мира. Но те, кто рожден с духом бури в крови, не ведают покоя.

Солнце поднималось. Всадники в белых накидках на древней караванной дороге вытянулись колеблющейся ниткой до горизонта.

Киммериец Конан сидел на коне около деревянного креста, на котором, пригвожденный штырями, висел человек.

— Семь месяцев назад, Константинус, — сказал Конан, — я висел там, а ты сидел здесь.

Константинус не отвечал. Он облизывал серые губы, и его мускулы натянулись, как канаты, вдоль худощавого тела. Зрачки расширились от боли и страха.

— У тебя лучше получается причинять мучения, чем переносить их, — спокойно сказал Конан. — Я висел там, на кресте,

как висишь ты, и я выжил благодаря обстоятельствам и живучести, свойственной варварам. Но вы, цивилизованные люди, изнежены жизнью. Итак, Константинус, я оставляю тебя в компании с птицами пустыни!

Он жестом показал на коршунов, чьи крылья мелькали над головой. С губ Константинуса сорвался нечеловеческий крик отчаяния и ужаса.

Конан натянул поводья и направил лошадь к караванной дороге.

Голодные коршуны кружили над крестом, опускаясь все ниже и ниже...

Драгоценности Гуахаура

Повесть

1
ПУТИ ИНТРИГИ

Скалы круто вздымались над колыхающимся изумрудным морем джунглей.

Россыпи камней у подножия склона поблескивали под лучами восходящего солнца, скалы, в которых кое-где сверкали вкрапления кварца, казались неприступными. Но человек, продолжавший утомительный путь наверх, был уже на половине пути к вершине.

Он родился в горах, поэтому уверенно взбирался по страшным скалам, проявляя поразительную силу и ловкость. Его единственной одеждой была пара коротких бридж, к поясу которых крепились меч и кинжал. Его сандалии были перекинуты через плечо.

Кожа человека была бронзовой от загара, грива черных прямых волос удерживалась серебряным обручем. Хороший глазомер, крепкая мускулатура, цепкие длинные пальцы отлично служили ему. В ста пятидесяти футах под ним волновались джунгли. В сотне футов над ним на фоне утреннего неба выделялся край скалы.

Он поднимался, извиваясь, как червяк. Осторожно нащупывал руками и ногами углубления и выступы в скале, иногда подтягивался на самых кончиках пальцев.

Временами человек останавливался. Отдыхая, он выискивал в зеленом пространстве джунглей какие-либо признаки присутствия людей.

Вершина скалы была уже недалеко. Чуть ниже виднелась ниша. Это была маленькая пещера. Локти человека легли на ее край. Скорчившаяся коричневая мумия со сложенными на ссохшейся груди руками и опущенной сморщенной головкой сидела в нише. Конечности ее были перевязаны сыромятными ремнями, которые превратились в сгнившие обрывки. Время превратило одежду мумии в пыль. Между скрещенными руками и склоненной головой был сверток пергамента, от времени приобретший цвет старой слоновой кости.

Поднимавшийся вытянул руку и выдернул сверток. Не рассматривая, он сунул его за пояс, подтянулся на руках и встал в отверстии ниши. Прыгнув вверх, он схватился за край скалы и, подтянувшись, оказался на вершине скального массива.

Человек отдышался и осмотрелся. Перед ним лежала огромная чаша, три или четыре мили в диаметре. Стенки ее были покрыты густой растительностью. Скалы окаймляли лес со всех сторон.

Человек вздохнул с облегчением.

В центральной части чаши виднелись мраморные купола и крыши дворцов. Миф оказался реальностью. Внизу лежала легендарная покинутая столица королевства Кешан — город Алкменон.

Кешан был варварским королевством, лежавшим в восточных землях Кума, где широкие луга сливались с лесами, которые наступали с юга. Большинство населения были негры. Правители — принцы и жрецы — имели смуглую кожу и претендовали на происхождение от белой расы, которая в легендарное время управляла королевством со столицей Алкменон.

Противореча друг другу, легенды искали объяснения ухода жителей из города. Рассказы о сокровищах Алкменона, которые люди называли Зубами Гуахаура, были очень туманны. Считалось, однако, что ценность сокровищ превосходит богатство туранских королей. Этих легенд оказалось достаточно, чтобы привлечь в Кешан киммерийца Конана.

Он проделал долгий путь через степи, джунгли, горы и нашел королевство, хотя для многих северных и западных народов оно представлялось всего-навсего мифом.

Прибыв в Кешан, Конан не сумел узнать точное местонахождение сокровищ, кешанцы не любили любопытных чужеземцев.

Но Конан не пал духом. С холодной уверенностью он предложил величавым вельможам королевского двора ценные подарки. Киммериец заявил, что он профессиональный воин и пришел в Кешан в поисках работы. Если ему хорошо заплатят, он обучит королевских солдат приемам ближнего боя и поведет их против Пунта, заклятого врага Кешана. Конан знал, что недавние территориальные приобретения Пунта вызывают сильную обеспокоенность короля Кешана.

Это предложение было не таким уж дерзким. Подвиги Конана на южных берегах, где он был главарем черных корсаров, сделали его имя известным и в Кешане. Им восхищались и его боялись во всех негритянских королевствах.

Он не отверг испытания, придуманные осторожными повелителями. Стычки на границах не прекращались, позволив киммерийцу прекрасно продемонстрировать всем настоящее искусство рукопашного боя.

Его безрассудная свирепость покорила повелителей Кешана, и казалось, что его планы будут счастливо осуществлены.

Конан хотел подольше пробыть в Кешане, чтобы раскрыть тайну местонахождения Зубов Гуахаура. Но произошло неожиданное: во главе посольства из Зимбабве в Кешан прибыл Тхутмекри.

Киммериец знал этого человека уже давно. Тхутмекри был авантюристом и мошенником. Он отрекомендовался как доверенное лицо правителя Зимбабве. Король этой страны предлагает силами чернокожих коженосцев Кешана, шемитских стрелков и наемников Зимбабве захватить королевство Пунт, из которого были выдворены зимбабвийские торговцы.

В качестве платы за уничтожение Пунта король Зимбабве требовал монополию на торговлю с Кешаном и его данниками. Как залог верности в этом союзе Тхутмекри просил Зубы Гуахаура. Он поспешил заверить короля Кешана, что эти сокровища будут находиться во дворце Зимбабве позади приземистых золотых идолов Дагона и Деркето в священной гробнице королевства, чтобы закрепить соглашение между Кешаном и Зимбабве. Это заявление вызвало усмешку у Конана.

Союз с могущественной державой, очевидно, был более престижным и перспективным для короля Кешана, нежели предложение Конана. Поэтому киммериец не стал бороться с Тхутмекри и его шемитским партнером Загжебой за влияние на короля Кешана. Он понимал, что успех миссии Тхутмекри будет равнозначен полному крушению его замыслов.

Поэтому Конан решил обнаружить сокровище прежде, чем король Кешана заключит договор с Зимбабве и сам займется поисками Зубов Гуахаура.

К тому времени Конан был уже уверен, что сокровища спрятаны не в теперешней королевской столице.

Пока король Кешана, соблюдая дипломатический этикет, общался с нетерпеливыми гостями, верховный жрец Горулга объявил, что необходимо получить одобрение оракула Алкменона на союз с Зимбабве и на передачу сокровищ в эту страну. Решение жреца было благосклонно встречено королем, так как уже сто лет жрецы не бывали в древней столице.

Оракулом была принцесса Илайя, последняя хозяйка Алкменона. В прежнее время жрецы посещали священный город, и она учила их колдовству. Население древней столицы составляли слуги Илайи. Никто из Кешана, кроме жрецов, не смел появляться в Алкменоне.

Илайя умерла в расцвете лет, и ее тело непостижимым образом не подвергалось тлению.

Последний потомок — жрец, пришедший в Алкменон в одиночку уже после смерти Илайи, собирался выкрасть Зубы Гуахаура. Но он погиб во дворце при загадочных обстоятельствах. Спустя какое-то время слуги Илайи покинули город. Они рассказывали ужасные истории о дворце древней столицы.

Именно эти рассказы целую сотню лет отпугивали жрецов от посещений оракула.

Намерение главного жреца возродить старинный обычай поломничества в священный город стало известно всем кешанцам. Конан выведал, когда Горулга вместе с группой своих приверженцев отбывал в Алкменон, и отправился туда на несколько часов раньше.

Проехав верхом ночь, день и ночь, он на рассвете подъехал к скалам Алкменона, которые возвышались на юге королевства среди джунглей.

Ни один человек не взобрался бы на эти скалы, и никто, кроме священников, не знал секретного прохода к городу. Конан не стал терять времени на его поиски.

Отвесные скалы, которые были бы непреодолимым препятствием для чернокожих всадников, жителей болот и равнин, не смутили киммерийца.

Сейчас на вершине скалы он смотрел вниз на город и гадал — мор, война или суеверие заставили людей уйти из этой твердыни, чтобы быть поглощенными чернокожими племенами.

Дворец был их крепостью, он стоял с той поры, как здесь жила королевская семья и двор. Колыхавшаяся масса зеленых джунглей скрывала руины древней королевской столицы.

Конан быстро спустился через джунгли к королевскому дворцу.

Сжимая одной рукой меч, он внимательно осмотрелся. Не было причин думать, что люди лгали, когда говорили, что Алкменон покинут и населен только призраками былых времен. Но осторожность была характерной чертой Конана. Тишина была абсолютной, не было слышно даже шелеста листьев на ветках.

Тем не менее он долго оглядывался, выискивая хоть какие-то признаки опасности. Конан проходил мимо бездействующих мраморных фонтанов, роскошных фасадов с орнаментами, решеток из резного камня. Он бесшумно шел по широким тротуарам, которые, как и спланированные газоны, заросли молодым лесом и одичавшим виноградом.

Конан увидел перед собой широкий портик дворца. Пока он поднимался по широким ступеням, он заметил, что здание хорошо сохранилось.

Тонкие стены и массивные колонны казались слишком могучими, чтобы осыпаться под ударами времени. Тишина висела над заброшенным городом.

Конан прошел в широкий, высокий зал с колоннами, между которыми были своды с зиявшими дырками от сгнивших дверей. Он пересек его в темноте и прошел через двухстворчатые двери, которые были частично открыты, хотя они могли стоять так века. Он оказался в огромном куполообразном помещении, которое должно было служить как приемная королей Алкменона.

Зал имел восьмиугольную форму, стены его постепенно переходили в купол, через который в зал вливалось много света. Сияющий купол Алкменона не был небылицей. В дальнем углу у стены было возвышение с широкими лазурными ступенями. На этом возвышении стояло кресло массивных размеров с украшенными орнаментом подлокотниками и высокой спинкой, которая, без сомнения, поддерживала балдахин из золотой ткани. Глаза Конана сияли. Это был золотой трон Алкменона, упоминавшийся в древней легенде.

Он на глаз прикинул его вес. Это само по себе было удачей, если, конечно, удастся его унести. Это богатство разожгло его воображение и пробудило в нем азарт. Он уже представлял, как руки его погружаются в рубины, опалы и сапфиры, о которых он слышал на базарах Кешана.

За троном располагалась золотая дверь, за ней размещались два помещения, разделенных между собой стеной. В меньшее из них, альков, свет едва проникал из тронного зала. Большее, благодаря ажурным перекрытиям потолка, освещалось чуть лучше. В полумраке в глубине этого помещения Конан разглядел постамент из слоновой кости, на котором лежало безжизненно-алебастровое женское тело. Это была Илайя.

Как утверждали жрецы Кешана, колдовство древних сохранило тело принцессы нетленным. Каждый предмет одежды был нетронут. Конан нахмурился. Странное беспокойство охватило его. Чары, которые предохраняли тело, не должны были бы действовать на одежду, и все же они действовали. Нагрудная накидка, украшенная драгоценностями, золоченые сандалии, короткая шелковая юбка, поддерживаемая драгоценным поясом, не были разрушены.

Илайя была прекрасной даже после смерти. В ней было что-то демоническое.

Конан стоял, скептически смотря на нее, а затем стукнул мечом по постаменту. Ему пришло в голову, что именно под ним хранятся сокровища, но отзвук был глухим. Конан повернулся и с некоторой нерешительностью обошел помещение. Куда же ему надо пойти теперь, когда в его распоряжении огромное количество времени?

Конан начал склоняться к мысли, что разумней всего дождаться жрецов и, скрытно наблюдая за ними, выйти на сокровища.

Хорошо зная Тхутмекри, Конан был уверен, что мошенник подкупил верховного жреца и что все паломничество — уловка. Тхутмекри необходимо было вынудить короля к союзу с Зимбабве, а потом с помощью Горулги найти сокровище. Киммериец был убежден, что, заполучив Зубы Гуахаура, Тхутмекри бесследно исчезнет на пути в Зимбабве.

Было в этом замысле Тхутмекри всего одно звено, непонятное Конану. Что могло стать взяткой для Горулги, у которого под рукой было величайшее сокровище мира.

Конан знал, что Горулга поступит по разработанному совместно с Тхутмекри плану, вне зависимости от прорицаний оракула.

Опасаясь, что Илайя может выдать жрецам его присутствие во дворце, киммериец предпринял последнюю попытку разыскать сокровище самостоятельно.

Он прошел в тронный зал и обхватил трон. Он был тяжел, но Конан смог приподнять его. Пол под троном был цельным. Конан решил тщательно осмотреть альков. Он начал старательно простукивать стены и вскоре обнаружил пустоты. Присмотревшись более внимательно к этому участку стены, он увидел между мраморными панелями щель, гораздо большую, чем в других местах.

Он вставил в щель острие кинжала и надавил. Панель отошла в сторону, обнаружив пустую нишу в стене. Конан разочарованно выругался. На всякий случай он по пояс пролез в нишу и стал ощупывать ее стенки. Примерно на уровне головы в стене, разделявшей альков и помещение оракула, он обнаружил систему отверстий.

Конан ухмыльнулся, так как эта находка объясняла тайну оракула. Горулга должен был посадить сюда одного из своих людей, чтобы тот говорил через отверстия, а доверчивые зрители считали бы, что это настоящий голос Илайи.

Конан вспомнил о взятом у мумии пергаменте. Он осторожно развернул сверток, который едва не развалился, треснув во многих местах.

Киммериец задумался над тусклыми знаками, которыми был покрыт пергамент.

В своих приключениях и скитаниях по миру Конан получил массу поверхностных сведений в части разговорной речи и чтения на многих языках. Ученые удивились бы лингвистическим способностям киммерийца.

Знание языков спасло ему жизнь во многих переделках.

Знаки на пергаменте, хотя и были знакомы Конану, не поддавались расшифровке. Это были символы вышедшего из употребления языка. Киммериец нашел повторяющуюся фразу, которую он понял. Это было имя: Иакин. Он сделал вывод, что так звали писавшего, который пришел в Алкменон издалека.

Конан понял, что слуги захоронили Иакина в нише на скале, выполняя его последнюю волю.

Иакин не упоминался ни в одной из известных Конану легенд об Алкменоне. Это приводило к мысли, что он пришел в столицу после того, как жители ушли из нее. Киммериец также был убежден, что мумии более ста лет. Следовательно, Иакин появился еще до того, как жрецы приходили в Алкменон в последний раз, чтобы поклониться мертвой Илайе.

Почему человек жил в покинутом городе и куда ушли его слуги после смерти хозяйки? Конан пожал плечами, затем бережно свернул пергамент и засунул его за пазуху.

В этот момент тишину разорвал резкий звон большого гонга. Звук еще не стих, а Конан с мечом в руке уже пристально вглядывался в коридор, откуда он лился. Заговоривший гонг был очевидным доказательством присутствия человека во дворце.

Конан всегда действовал напрямик. Вместо того чтобы спрятаться или уйти в противоположном направлении, как сделал бы обычный человек, он побежал по коридору в направлении звука. Его сандалии не производили шума, глаза сузились, губы сжались. Первобытная решимость проснулась в нем при возникновении опасности.

Вскоре коридор вывел его в маленький открытый дворик, ограниченный несколькими арками. В одной из них висел позолоченный гонг, а рядом лежал латунный молоток, нигде не было никаких следов человека.

Конан притаился в одной из арок, но его терпение быстро истощилось, и он подошел к гонгу.

Ноздри киммерийца расширились, как у дикого зверя, он уловил очень слабый, но знакомый запах.

Мраморные плиты, на которых он стоял, внезапно ушли у него из-под ног, и через секунду Конан оказался в бурном потоке, который уносил его в темноту.

2
БОЖЕСТВО ПРОБУЖДАЕТСЯ

Киммериец зажал меч зубами и, энергично работая руками, боролся с течением. Внезапно луч света прорезал темноту впереди. Киммериец увидел пенившуюся черную поверхность воды, крутые каменные стены с узкими карнизами и изгибавшийся наверху свод. В одном месте крыша была разрушена, возможно, просто провалилась, и свет проходил через пролом, за светлым участком должна была снова последовать кромешная тьма. Конан успел заметить лестницу, спускавшуюся с карниза к поверхности

воды, и судорожно рванулся к ней, сражаясь с потоком, который выносил его на середину. Неистово борясь за каждый фут, киммериец схватился за нижнюю ступеньку и вполз на лестницу. Отдышавшись, он поднялся на ноги, вложил меч в ножны. Ему пришлось все время отплевывать кровь, так как лезвие меча поранило губы.

Киммериец нагнулся, чтобы не задеть потолок головой, и стал ощупывать край пролома в крыше. Убедившись, что камень выдержит его вес, он пролез через дыру и оказался в большой, сильно разрушенной комнате. Большая часть крыши рухнула, так же, как и часть пола, под которым текла подземная река.

Тишина, окутавшая древнюю столицу, казалась зловещей. Конан обдумывал и оценивал все накопившиеся факты и впечатления. Гонг не мог зазвенеть сам. По-видимому, шум был приманкой. Да и плиты вряд ли обвалились случайно. По крайней мере стало ясно, что во дворце был еще кто-то.

Возможно ли, что Иакин нашел сокровища за время своего пребывания в Алкменоне? Могли ли слуги забрать их с собой, когда покидали город?

Выбрав коридор, который, как он думал, вел в ту часть дворца, где он уже был, он торопливо пошел по нему, думая о той речке, которая бурлила у него под ногами. Его мысли сосредоточились на комнате оракула и ее загадочной хозяйке.

Где-то поблизости от той комнаты должен был храниться ключ к сокровищам, если они еще существуют.

Комнаты и залы, которые он проходил, превратились в руины. Конан на секунду задумался, зачем были нужны ступени к подземной речке, но сразу же выкинул из головы этот вопрос. Его не интересовали загадки далекой старины.

Киммериец довольно быстро добрался до тронного зала. Он решил, спрятавшись в нем, дождаться прихода кешанских жрецов, а потом, после того как они проведут фарс совета с оракулом, следовать за ними до места, где спрятаны сокровища. Возможно, они возьмут с собой часть сокровищ. Он удовольствуется оставшимися. Влекомый болезненным очарованием, он снова вошел в комнату оракула и опять стал смотреть на безжизненную фигуру принцессы, которой поклонялись как божеству. Какой секрет скрывался в этой чудесно вылитой форме?

Тело, которое он уже видел, все еще лежало, безжизненное и молчаливое, в нагруднике из золота, но появились небольшие отличия: юбка как-то иначе закрывала ноги, волосы казались значительно длиннее, а лицо утратило алебастровую бледность.

Конан выхватил меч.

— Кром! Она жива!

При этих словах длинные черные ресницы поднялись, глаза открылись и посмотрели на него, таинственные, темные, блестящие, магические. Он настороженно замер и онемел.

Она грациозно села, не отводя от него глаз.

Он облизнул сухие губы и обрел дар речи.

— Ты... Илайя? — проговорил он, запинаясь.

— Я — Илайя!

Голос был глубоким и музыкальным.

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда, если ты выполнишь мое желание.

Сомнение загорелось в глазах Конана.

— Как может умершая женщина ожить после стольких веков? — спросил он.

Она подняла руки в таинственном жесте.

— Я — божество, много лет назад на меня обрушилось проклятие высших богов, находящихся по ту сторону границы света. Во мне умер смертный человек, но божество во мне никогда не умрет.

Я пробуждаюсь каждую ночь и вместе с тенями прошлого устраиваю приемы, как в былые времена. Человек, беги прочь! Я приказываю тебе — беги!

Голос прорицательницы стал повелительным, и ее тонкая рука поднялась и указала на выход.

Конан, сузив глаза, медленно вложил меч в ножны и шагнул к ней. Без всякого предупреждения он схватил ее в медвежьи объятия.

Она издала не очень похожий на божественный крик, затем раздался звук рвущегося шелка, киммериец одним резким движением содрал с нее юбку.

— Божество? Да?!

Его слова были полны яростного презрения. Он игнорировал бешеные попытки своей пленницы освободиться.

— То-то я думал, почему это принцесса Алкменона говорит с коринтианским акцентом? Как только я подошел поближе, то сразу узнал, откуда ты. Ты — Муриела, танцовщица Зархебы Коринтианского. Эта серповидная родинка на бедре! Я видел ее, когда Зархеба хлестал тебя в Акбитане. Божество! Ха!

Он презрительно, звучно шлепнул ладонью по предательской родинке, и девушка жалко взвизгнула.

От былой властности не осталось и следа. Девушка превратилась в обычную танцовщицу, такую, каких много на любом шемитском базаре. Она презрительно фыркнула и тут же пристыженно заплакала. Ее разоблачитель смотрел на нее с явным торжеством.

— Божество! Ха! Ты одна из женщин, которых Зархеба взял с собой в Кешан. Ты думала, что сможешь одурачить меня,

глупышка? Год назад я видел тебя, а я не забываю линии женских фигур. Я думаю, что я...

Извиваясь, как червяк, в его хватке, она со страхом обвила свои тонкие руки вокруг его массивной шеи. Слезы капали по ее щекам, и она зарыдала.

— О, не делай мне вреда! Не надо! Да, я сделала это! Зархеба заставил меня действовать, как оракула.

— Почему, маленькая потаскушка? — загрохотал Конан. — Ты не боишься богов? Кром! Здесь нет ничего настоящего!

— О, пожалуйста! — умоляла она, непритворно рыдая. — Я не могла отговорить Зархебу. Я проклята этими языческими богами!

— Как ты думаешь, что сделают жрецы, когда обнаружат самозванку? — спросил он.

Она упала на колени, без остановки моля Конана о милосердии и защите.

— Где Зархеба? — спросил он. — Прекрати ныть. Отвечай!

— Его нет во дворце, — прохныкала она. — Он следит за священниками.

— Сколько людей с ним?

— Ни одного. Мы пришли вдвоем.

— Ха!

Этот возглас был похож на удовлетворенное рычание охотящегося льва.

— Вы, должно быть, оставили Кешан через несколько часов после меня? Как вы поднимались на скалы?

Она тряхнула головой, давясь слезами. Наконец ей удалось внятно сказать что-то, но так тихо, что Конан не расслышал. Он схватил ее и принялся трясти.

— Ты прекратишь это бормотание? Отвечай мне! Как вы забрались на скалы и спустились в город?

— Зархеба знает скрытый путь. Жрец по имени Гварунга раскрыл ему и Тхутмекри эту тайну. С южной стороны к скалам примыкает широкий пруд. Под водой, левее большого вкрапления кварца, есть пещера, невидимая снаружи. Нырнув, мы оказались в ней, у подножия лестницы, которая вела в город. Выход из пещеры закрыт густыми зарослями.

— Я поднялся на скалы с восточной стороны, — пробормотал он. — Хорошо. Что затем?

— Мы дошли до дворца, и Зархеба оставил меня среди деревьев высушить одежду, а сам отправился осматривать комнату оракула. Я не думаю, чтобы он полностью верил Гварунге. Пока он ходил, раздался звук гонга. Вскоре Зархеба вернулся и привел меня в комнату, где божественная Илайя лежала на возвышении. Он снял с мумии украшения и одел их на меня. Затем он ушел, чтобы

спрятать тело Илайи и проследить за священниками. Когда вошел ты, мне захотелось подойти и попросить, чтобы ты унес меня отсюда, но я и тебя испугалась. Я подумала, что смогу от тебя избавиться.

— Что ты должна сказать как оракул? — проговорил он.

— Я должна была приказать священникам взять Зубы Гуахаура и отдать их Тхутмекри как залог военного союза, или оставить остальное во дворце в Кешане, если король не согласится с предложением Тхутмекри. Еще я должна была сказать, чтобы с тебя содрали шкуру.

Он не обратил внимания по последнюю фразу.

— Если мне удастся поймать Тхутмекри, я вырежу ему печень. Горулга тоже участвует в этом обмане?

— Нет. Он верит в своих богов и неподкупен. Этот план целиком придуман Тхутмекри. Зная, что кешанцы должны посоветоваться с оракулом, он тайно отправил меня с посольством из Зимбабве.

— Хорошо! Будь я проклят, — пробормотал Конан. — Священник, который честно верит своему оракулу, не может быть подкуплен. Кром! Как хотелось бы быть уверенным, что это Зархеба ударил в гонг: но знает ли он, что я здесь и мог ли он знать о проваливающихся плитах? Где он сейчас, черт побери?

— Он прячется в зарослях деревьев лотоса рядом со старинной аллеей, которая ведет от южной стены к дворцу, — ответила она.

Затем она снова стала канючить:

— О, Конан, сжалься надо мной! Я боюсь этого дьявольского старинного места. Знаешь, я все время слышала звуки крадущихся шагов. О, Конан, забери меня отсюда! Зархеба убьет меня, когда я выполню все, что он приказал. Я знаю это! Он дьявол. Жрецы могут убить меня, если раскроют обман! Он спас меня от торговца рабами, который украл меня из каравана, шедшего через южный Котч, а затем заставил участвовать в этом ужасном деле! Спаси меня от него! Ты не можешь быть таким жестоким, как он. Не оставляй меня умирать здесь! Пожалуйста!

Она стояла на коленях, ухватившись за Конана, ее прекрасное заплаканное лицо повернулось к нему, ее черные волосы в беспорядке ниспадали до пола. Их тонкий аромат достиг ноздрей Конана, и это решило судьбу девушки.

— Слушай меня. Я защищу тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоем предательстве, но ты сделаешь то, что я скажу тебе.

Она пообещала искреннее повиновение, обняв его за шею и как бы ища защиты в соприкосновении.

— Когда придут жрецы, действуй, как Илайя. Будет темно, и в свете факелов они не увидят разницы. Ты скажешь им:

«Желание богов таково, чтобы стигиец и шемитские собаки были выдворены из Кешана. Они воры и предатели, которые строят козни, чтобы ограбить богов. Пусть о Зубах Гуахаура поручат заботиться генералу Конану. Пусть он ведет армии Кешана. Он любим богами».

На лице ее появилась покорная обреченность.

— Но Зархеба? — крикнула она. — Он убьет меня!

— Не беспокойся о Зархебе, — проворчал он. — Я позабочусь об этой собаке. Ты сделаешь, как я сказал. Приведи в порядок волосы. Они упали на плечи, — Конан, поправляя драгоценный камень в ее волосах, погладил их.

— Цена одного этого камня — целая комната рабов. Одень юбку. Она немного порвалась, но священники этого не заметят. Вытри лицо. Божество не кричит и не плачет, как маленькая девчонка. Кром! Ты вылитая Илайя — лицо, волосы, фигура и все остальное. Если ты сыграешь божество перед жрецами так же хорошо, как передо мной, ты легко их обманешь.

— Я попытаюсь.

Она задрожала.

— Хорошо. Я пойду искать Зархебу.

При этих словах она вновь занервничала.

— Нет! Не оставляй меня одну! Это заколдованное место!

— Здесь нет никого, кто бы повредил тебе, — нетерпеливо сказал он. — Никого, кроме Зархебы, а я пойду присмотрю за ним. Я вернусь быстро. Я буду наблюдать поблизости на случай, если что-нибудь случится во время церемонии, но если ты сыграешь свою роль как следует, ничего не случится.

Повернувшись, он торопливо вышел из комнаты оракула. Позади него всхлипнула Муриела.

Он плавно двигался вниз по мраморным ступеням, как пантера, с мечом в руке. В вышине мерцали звезды. Если священники Кешана пришли в город, то они не издавали ни звука, который мог бы их выдать.

Конан различил старинную, с разрушенным настилом аллею, ведущую к югу. Он осторожно скользил по ней в густой тени кустов, но пока не увидел впереди деревьев лотоса. Это была странная поросль, необычная для черных земель Кешана. Здесь, по словам девушки, должен был скрываться Зархеба.

Спрятавшись в кустах, Конан стал вглядываться в заросли лотоса. Неожиданно его взгляд наткнулся на встречный взгляд. Человек смотрел прямо на него. Прошло несколько секунд. Лицо не двигалось. Конан мог утверждать, что темный пучок внизу был короткой черной бородой.

Внезапно Конан сообразил, что Зархеба на полторы головы ниже. Однако их глаза были на одном уровне.

Конан, напрягая зрение, пытался увидеть, на чем стоит этот человек. Наконец киммериец сумел разглядеть то, отчего у него перехватило дыхание, — непосредственно под головой человека просматривался черный ствол дерева.

Совладав с собой, Конан с быстротой хищника ринулся к бородатому лицу и раздвинул кусты. На ветке дерева, подвешенная за свои собственные волосы, висела голова Зархебы.

3
ВОЗВРАЩЕНИЕ ОРАКУЛА

Конан отпрянул, свирепо озираясь вокруг обезглавленного тела.

Конан стоял, едва дыша, напряженно вслушиваясь в тишину. Деревья и ветки с большими мертвенно бледными цветками стояли темные, тихие и зловещие, как будто выгравированные в сгущающихся сумерках.

Конан, с трудом подавив в себе чувство страха, попытался найти объяснение этой смерти. Было ли это работой жрецов Кешана? Если да, то где они?

Опять он стал думать об Иакиме и его таинственных слугах. Иаким умер, высушенный смертью, и был помещен в свой выдолбленный склеп, чтобы все время встречать восходящее солнце. Но слуги Иакима? НЕ БЫЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО ОНИ УШЛИ ИЗ ДРЕВНЕГО ГОРОДА.

Конан подумал о девушке. Муриела осталась одна, беззащитная в этом затемненном дворце. Конан повернулся и побежал так, как несется кантер, которая способна на полном ходу отразить удар с любой стороны.

Дворец начал вырисовываться сквозь деревья, как вдруг Конан увидел колеблющееся зарево, отражавшееся красивыми языками на мраморе. До него донеслись голоса...

Это были жрецы Кешана.

Они не пошли по широкой заросшей аллее, как ожидал Зархеба. По-видимому, существовало несколько скрытых проходов в Алкменон.

Они шли гуськом по мраморным ступеням, высоко держа свои факелы.

Во главе шествия Конан увидел Горулгу. Остальные жрецы были высокие негры. Замыкал процессию Гварунга. Киммериец нахмурился, так как это был жрец, который, по словам Муриелы, открыл Зархебе тайну прохода в Алкменон. Конану важно было знать, как глубоко этот человек увяз в интригах стигийца.

Конан заторопился к портику, обходя открытое пространство и держась в тени.

Священники не оставили никого охранять вход. Они шли, не оглядываясь. Конан бесшумно двигался за ними. Жрецы прошли через тронный зал.

Верховный жрец слегка поклонился и вошел в помещение оракула. Остальные сделали то же самое. Конан незаметно проскользнул в альков и открыл потайную панель. Скользнув в нишу, он приготовился смотреть. Муриела прямо сидела на возвышении, руки ее были сложены, голова прижалась к стене в нескольких дюймах от его глаз.

Он не мог видеть ее лица, но ее поза говорила о том, что она смотрит прямо перед собой в какую-то точку пространства над и позади бритоголовых жрецов, которые стояли перед ней на коленях.

Он знал, что она охвачена страхом, но умело скрывает его. В рассеянном свете факелов она выглядела как совершенное божество.

— Маленькая девочка — актриса, — отметил Конан про себя.

Горулга начал какую-то песню на незнакомом Конану языке. По-видимому, это был древний язык Алкменона, передававшийся от одного поколения жрецов другому.

Песня казалась бесконечной. Конан забеспокоился. Муриела может не выдержать такого длительного напряжения. Он вытащил меч и кинжал. Он не мог допустить, чтобы негры пытали и убили девушку.

Песнь наконец кончилась. Подняв руки и протянув их к распростертой на возвышении фигуре, Горулга закричал сильным, богатым голосом, который был необходимым атрибутом любого кешанского жреца:

— О, великое божество, обитательница величайшей тьмы, позволь твоему сердцу смягчиться и губам твоим открыться для ушей моих, ушей твоего раба, чья голова в пыли под твоими ногами! Скажи, великое божество святого города! Пролей сияние света своей мудрости на слуг твоих! Скажи нам о глашатае богов: каково их желание, касающееся стигийца Тхутмекри?

Какое-то подобие благоговейного стона вырвалось из уст Конана, слушавшего преклоненных жрецов.

В тишине, казалось, не нарушаемой даже дыханием, зазвучал голос Муриелы. Он был беспристрастным и повелительным, хотя коринтианский акцент не соответствовал торжественности ситуации.

— Желание богов будет, чтобы стигиец и шемитские собаки были выброшены из Кешана!

Она еще раз произнесла эти слова.

— Они воры и предатели, которые строят заговор, чтобы ограбить богов. Пусть Зубы Гуахаура будут под охраной генерала Конана. Пусть он ведет армии Кешана. Он любим богами.

Когда Муриела кончила, в ее голосе была дрожь.

Конан покрылся испариной. Он был уверен, что она была близка к истерике. Но негры не заметили ничего, они не были знакомы с коринтианским акцентом.

Глаза Горулги фанатично блестели в свете факелов.

— Илайя сказала! — срывающимся от волнения голосом выкрикнул он. — Это желание богов! Давным-давно, во время рождения мира, они вырвали наших предков из ужасных челюстей Гуахаура — короля тьмы. Зубы Гуахаура были скрыты богами, но теперь они будут переданы тому, кого любят боги.

— Идите! — сказало божество, сделав повелительный жест рукой в сторону двери.

Жрецы встали с колен, безропотно покинули помещение оракула и устремились, минуя тронный зал, к выходу из дворца. В специальном отверстии в полу остался горящий факел.

Обессиленная Муриела распростерлась на возвышении.

— Конан! — тихо позвала она.

Киммериец выскользнул из ниши и тихо последовал за жрецами через тронный зал, пытаясь понять, куда они направляются.

Конан уже далеко продвинулся по коридору, ведшему к выходу из дворца, как вдруг услышал сдавленный женский крик.

Конан в нерешительности остановился, вспомнив почему-то о звуке гонга, заманившем его в ловушку. Затем выхватил меч и бросился назад. Добежав до плотной двери, он осторожно заглянул в комнату оракула и увидел высокого негра, державшего за горло Муриелу. Это был Гварунга.

— Предательница! — шипел он. — Какую игру ты ведешь? Кто твой новый хозяин? Где он? Отвечай!

Конан рванулся к жрецу с поднятым мечом. Однако негр, почувствовав чьи-то шаги за спиной, резко повернулся как раз в тот момент, когда на его голову обрушился меч киммерийца.

Оглушенный жрец повалился на мраморный пол.

Конан подошел к нему, чтобы докончить дело. Он знал, что из-за внезапного движения негра удар пришелся плашмя. Но Муриела схватила его за руки.

— Я сделала, как ты велел! — истерично сказала она. — Забери меня отсюда, пожалуйста!

— Мы еще не уходим, — проговорил киммериец. — Я хочу проследовать за жрецами и увидеть, где они держат сокровища. Ты можешь пойти со мной. Где та драгоценность, которая была у тебя в волосах?

— Должно быть, я уронила ее на возвышении.

Она стала оправдываться.

— Я была так напугана! Когда жрецы ушли, это большое животное схватило меня.

— Ну ладно, поищи ее, пока я избавлюсь от тела, — приказал он. — Эта драгоценность — удача сама по себе.

Муриела, преодолевая желание остаться рядом с Конаном, направилась в комнату оракула. Киммериец решил спрятать тело негра. Он схватил Гварунгу за пояс и поволок его в альков. Втащив тело в слабо освещенную часть комнаты, Конан обнаружил меч. Он хорошо усвоил, что жалость недопустима, что враг безопасен только тогда, когда он мертв.

Едва он занес над телом жреца меч, раздался леденящий душу крик Муриелы.

Конан с проклятием бросился в комнату оракула. На ее пороге он остановился, пристально и непонимающе глядя вокруг.

Муриела лежала безмятежно на возвышении. Глаза ее были закрыты, как будто в дремоте.

— В чем дело? — спросил он кисло. — Не время для шуток.

Его голос упал. Взгляд его пробежал по бедру слоновой кости, закутанному в шелковую юбку. Эта юбка должна быть разорвана от пояса до каймы. Он знал это, потому что его собственные руки сделали это. Но юбка не была разорвана.

— Кром! — пробормотал он. — Это не Муриела! Это Илайя!

Он понял смысл неистового крика, который вырвался из уст Муриелы. Божество возвратилось.

Тело было одето и украшено так, как и в первый его приход в комнату оракула. Характерная заколка ясно виднелась среди волос.

— Муриела! — внезапно крикнул он. — Где дьяволы тебя носят?

Другого входа, кроме золотых дверей, он не видел, и никто не входил и не выходил через дверь. Это было неоспоримо: Илайя воцарилась на возвышении за время отсутствия Муриелы.

В его ушах все еще звенел крик Муриелы, но коринтианская девушка как будто растаяла в воздухе. Было только одно разумное объяснение исчезновения — где-то в комнате имелась потайная дверь.

Выхватив факел из отверстия в полу, Конан стал осматривать стены помещения и быстро обнаружил в стыке плит кусок шелка, часть юбки Муриелы.

Очевидно, что этот клочок ткани был зажат плитой поспешно закрываемой потайной двери.

Протиснув кончик кинжала в щель, Конан нажал на него рукой. Лезвие было из неломающейся акбитанской стали, и мраморная дверь открылась. Конан разглядел ступеньки, ведущие вниз. Он подпер дверь кинжалом и с факелом в руке пошел вниз по ступенькам. У основания лестницы Конан остановился, разглядывая росписи, покрывавшие стены коридора. Искусство было несомненно пелиштимское, он видел похожие фрески на стенах Асгалуна. Но изображенные на них сцены не имели ничего общего с чем-нибудь пелиштимским, за исключением фигуры худого белобрысого старика.

На фресках были изображены верхние помещения. Несколько сцен показывали комнату оракула, с фигурой Илайи, вытянутой на возвышении из слоновой кости. Рослый негр стоял перед ней, в нише алькова притаился древний пелиштимец. Три других фигуры, которые двигались через пустынный дворец, исполняли приказ пелиштимца и тащили различные предметы из подземной реки.

Несколько секунд Конан стоял без движения.

Непонятные до сих пор места пергамента теперь приобрели смысл. Тайны Иахима больше не существовало.

Конан кошачьей походкой пошел по коридору. В воздухе стоял запах, сходный с тем, который он ощутил у гонга. Где-то впереди он услышал шарканье ног. Киммериец ускорил шаг и вскоре наткнулся на закрытую дверь из литого металла. Он тщетно толкал ее, затем принялся острием меча искать невидимую трещину. Но дверь была так пригнана к косяку, как будто была единой. Он приложил все свои силы, его ноги упирались в пол, вены вздулись на висках. Все было бесполезно.

И вдруг его уши уловили скрежещущий звук, который возникает при соприкосновении ржавых металлических поверхностей. Конан почти инстинктивно отскочил от двери, и тут же каменная глыба с оглушительным грохотом обрушилась на то место, где он только что стоял.

Киммериец решил вернуться назад и поискать другой проход. В полной темноте, без факела, оказавшегося под глыбой, он добрался до лестницы. Вверху ее угадывалось светлое пятно дверного проема. Но когда он поставил ногу на первую ступень лестницы, свет над ним померк. Это с громким эхом захлопнулась подпертая его кинжалом дверь.

Нечто похожее на панику охватило киммерийца, оказавшегося в каменной ловушке.

Кто стремился раздавить его камнем? Почему дверь захлопнулась?

Но размышлять было некогда. Конан ощупью поднялся по ступеням. Он попытался плечом выбить дверь, но она не поддалась

его усилиям. Тогда он начал методично ощупывать стену вокруг двери и довольно быстро обнаружил в углублении шляпку металлического болта. Он потащил его на себя, одновременно давя на дверь, и она открылась.

Он ворвался в комнату, как раненый ягуар, готовый вступить в бой с любым врагом.

Но в комнате никого не было. Пусто было и на возвышении оракула — Илайя исчезла. Конан вернулся к двери за кинжалом, но его не было.

Эти загадочные исчезновения породили догадку, которую можно было проверить. Он проскользнул в альков, где оставил бесчувственное тело Гварунги. Негр исчез так же таинственно, как и Илайя.

4
ЗУБЫ ГУАХАУРА

Приступ бессильной ярости охватил киммерийца. Он знал о том, как найти Муриелу, не больше, чем о том, как найти Зубы Гуахаура.

Оставалось только одно — следить за жрецами. Возможно, они знали какой-то ключ ко всему происходившему. Это была хрупкая надежда, но это было лучше, чем бессознательно метаться по дворцу.

Навык следопыта, приобретенный еще в юности, помог Конану быстро найти следы жрецов. Дорожка из преждевременно опавших лепестков экзотически пахнувшего кустарника и едва различимая в лунном свете примятость травы вывели киммерийца к исполинской скале. Она напоминала замок и была частью спального массива, окружавшего древний город.

Конан понимал, что оказался уже довольно далеко от того места, где исчезла Муриела, но он был убежден, что каждая часть города связывалась с дворцом через подземные переходы.

Притаившись в глубокой черной тени ветвей, он увидел на отвесной поверхности скалы, обращенной к луне, гигантскую голову дракона. Она была вырублена в скальной породе так, что черный проем открытой двери был похож на разинутую пасть. Было очевидно, что жрецы прошли во внутрь.

Отбросив осторожность, он проскользнул в открытую дверь. Он был уверен, что там — Зубы Гуахаура и, возможно, разгадка исчезновения Муриелы.

Лунный свет освещал широкий туннель, в котором он оказался. Где-то впереди он услышал пение и увидел слабое зарево.

Жрецы были не так далеко от него, как он думал. Туннель вывел к огромной пещере. Свет факелов падал на изваяние непристойно-отвратительного бога, похожего на жабу. Перед этим божеством Горулга и его десять спутников стояли на коленях и отбивали поклоны, монотонно напевая. Конан понял, почему их продвижение вперед было таким медленным — вход в тайный склеп сопровождался особо сложным ритуалом.

Конан долго томился в нервном напряжении, ожидая, когда поклоны и пение закончатся.

Наконец жрецы встали с колен и вошли в туннель сзади идола. Конан быстро направился за ними, не слишком опасаясь быть обнаруженным. Он скользил в тени подобно созданию ночи, а жрецы-негры были совершенно поглощены церемонией. Очевидно, они даже не заметили отсутствие Гварунги.

Пещера, в которую вошли жрецы, была еще больших размеров, чем предыдущая. В верхней ее части скальные выступы образовали нечто похожее на галереи. Выдолбленная в стене лестница вилась от галереи к галерее, потолок терялся в темноте. Внизу располагалось изваяние другого божества, столь же безобразного, как первое.

Конан из черной пасти туннеля следил за жрецами. Их пение внезапно прекратилось. Они застыли на коленях, и их лица поднялись кверху. Сверхъестественный голубой свет со страшным треском разгорелся на потолке пещеры.

Жрецы радостно закричали.

На освещенной галерее показалась купавшаяся в блеске белая фигура в одежде из белого шелка и золота.

— Илайя! — закричал Горулга.

Его темные черты лица стали пепельного цвета.

— Почему ты следуешь за нами? Это твое желание?

Сверхъестественный нечеловеческий голос прокатился вниз с потолка, повторенный арочным сводом, который многократно усилил его.

— Остановитесь, неверные! Остановитесь, вероломные дети Кешана! Смерть тем, кто отречется от божества!

Потрясенный Горулга в ужасе закричал:

— Я не понимаю!

Он запнулся.

— Мы правоверные. В комнате оракула ты сказала нам...

— Не обращай внимания на то, что услышал в комнате оракула! — проговорил этот страшный голос, усиленный так, будто сотни голосов гремели и бормотали одновременно. — Берегитесь фальшивых пророков и фальшивых богов! Демон в моем облике говорил с вами во дворце и сделал лживое пророчество. Слушайтесь и повинуйтесь! Только я истинное божество, и я дам вам

шанс спастись от смерти. Возьмите Зубы Гуахаура и отдайте их Тхутмекри — стигийцу, чтобы положить их в святилище Дагона и Деркето. Только это может спасти Кешан от судьбы, уготованной ему демонами ночи. Возьмите Зубы Гуахаура и немедленно возвращайтесь в Кешан, отдайте сокровище Тхутмекри, схватите дьявола Конана и на площади сдерите с него кожу с живого. Ступайте!

Горулга и остальные жрецы в ужасе вскочили с колен и с факелами в руках бросились к двери, расположенной позади изваяния. Вскоре в туннеле затих стук удаляющихся сандалий.

Но Конан не последовал за ними. Ему не терпелось узнать, была ли это действительно Илайя, или маленькая девчонка Мориела, предавшая его после всего? Его руки вспотели. Если это была...

Киммериец поспешно взобрался наверх по лестнице. Голубой свет померк, но Конан все еще видел, что фигура цвета слоновой кости неподвижно стояла на галерее.

Преодолевая страх, он замахнулся мечом и прыгнул к мумии.

— Илайя! — прорычал он. — Если ты жива, то должна умереть.

Каким-то непонятным образом Конан уловил движение воздуха у себя за спиной. Он развернулся в прыжке и бросил корпус в сторону, уклонившись от смертельного удара в спину. Как только кинжал в черной руке просвистел мимо Конана, он нанес ответный удар с яростью потревоженного питона, и длинное прямое лезвие пронзило его противника насквозь.

— Так!

Конан освободил меч, в то время как жертва безжизненно осела на пол.

В ужасном сверхъестественном свете Конан увидел черное тело и лицо Гварунги.

Конан отвернулся от трупа к божеству.

Веревки вокруг ее ног и груди держали ее привязанной к каменному столбу.

Но уже на расстоянии в несколько ярдов этого не было видно.

— Он, должно быть, пришел после того, как я спустился в туннель, — пробормотал Конан. — Так это он вытащил кинжал...

Конан наклонился, вырвал свой кинжал из сжатых пальцев убитого и положил его себе за пояс.

— Это он захлопнул дверь. Затем он взял Илайю, чтобы обдурить своих братьев-идиотов. Это он, знакомый с планом пещер по картам, завещанным жрецами, вошел в пещеру после

других, неся мумию кружным путем через туннель, укрылся с ношей на балкончике, пока Горулга и другие служители были заняты своим бесконечным ритуалом. Это он кричал. Я не мог узнать его голос из-за необычного эха. И это бьющее голубое пламя, то-то оно показалось мне знакомым. Это фокус стигийских жрецов. Тхутмекри, должно быть, поделился некоторыми из них с Гварунгой.

В одной из пещер, выходивших на галерею, Конан увидел слабое свечение. Источник его находился где-то внизу в глубине пещеры. Киммериец сообразил, что она ведет туда же, куда устремились жрецы. По мере продвижения по коридору освещенность увеличилась, послышалось пение жрецов.

Внезапно Конан уловил звуки истерического рыдания. Потолок ниши, вырубленной в толще скалы, светился фосфоресцирующим светом.

У дальней стены на гранитном троне сидел непристойный Ктеор, бог Пелиштима, сделанный из желтой меди, с характерно увеличенными членами, которые отражали грубость его культа. В его лоне сидела хрупкая белая фигура.

— Будь я проклят! — пробормотал Конан.

Он посмотрел на девушку, чьи слабые плечи сотрясались от рыданий. Ее лицо было опущено на руки. От тонких ободов идола к ее рукам бежали тонкие золотые цепочки. Он положил на ее плечо руку. Она вскочила и громко взвизгнула, отпрянув, как затравленный зверек.

— Конан! — залепетала она, увидев киммерийца и пытаясь обнять его. — Отпусти меня!

Конан стал освобождать ее от золотых пут.

— Когда я возвратилась в комнату оракула, я увидела божество, лежавшее на возвышении. — Она захныкала. — Я крикнула тебя и побежала, но кто-то схватил меня сзади. Он заткнул мне рот и пронес через потайную дверь в стене, по ступенькам вниз в темный зал. Я не видела, кто это был, но он держал меня до тех пор, пока мы не оказались в туннеле, крыша которого светилась как в этой комнате. И тут я увидела их. Это не люди! Это серые волосатые дьяволы, которые произносят тарабарщину, которую человек не может понять. Я услышала, что кто-то пытается открыть дверь. Тогда один из них повернул металлический рычаг в стене, и что-то рухнуло с другой стороны двери. Затем они пронесли меня по извивавшимся туннелям и каменным лестницам в эту комнату, где они сковали меня на коленях этого отвратительного идола и затем ушли. О, Конан, кто они?

— Слуги Иакима, — проворчал он. — Я нашел манускрипт, который рассказал мне множество вещей, а затем я наткнулся на

фрески, которые раскрыли мне остальное. Иаким был пелиштимцем, который забрел в долину со своими слугами. Он нашел тело принцессы Илайи и обнаружил, что жрецы время от времени наведываются, чтобы принести ей жертвы. Он сделал из нее оракула, он говорил из ниши, которую вырубил в стене позади возвышения из слоновой кости. Жрецы ничего не подозревали и никогда не видели ни его, ни его слуг, так как те прятались. Иаким жил и умер, но жрецы его так и не раскрыли. Кром знает, сколько он жил здесь, но это, должно быть, продолжалось века. Мудрецы из Пелиштима знают, как увеличить продолжительность жизни на сотни лет. Я видел некоторых из них сам.

Не совсем ясно, почему они жили здесь одни и зачем появился оракул. Возможно, чтобы город оставался покинутым. Я всегда подозревал, что подземная речка, текущая из озера, — путь, которым люди горного Пунта отправляли своих умерших в мир иной.. Эта река течет под дворцом Алкменона. Слуги Иакима выдолбили ступени, спускавшиеся к воде, и вылавливали проплывающие мимо тела. Иаким записал все на пергаменте и расписал стены. Но все-таки он умер, и его слуги превратили его в мумию, следуя его завещанию, впихнули в нишу в скалах. Остальное легко предугадать. Здесь жили и живут его слуги, которые более долговечны, чем он. Когда уже после смерти Иакима пришел верховный жрец, слуги разорвали его на куски. С тех пор никто не приходил, чтобы говорить с оракулом. Очевидно, они обновили украшения и одежду божества, как делал Иаким. Они одели божество и поставили его обратно в комнате оракула после того, как Зархеба снял с нее украшения. Кстати, они отрубили Зархебе голову и повесили ее на дерево.

Муриела с облегчением вздохнула.

— Теперь он уже никогда не будет хлестать меня.

— Не на этой стороне ада, — согласился Конан. — Я пойду следом за жрецами и украду у них добычу после того, как они возьмут ее, а ты держись ближе ко мне. Я не могу все время смотреть за тобой.

— А слуги Иакима? — со страхом прошептала она.

— У нас есть шанс, — проворчал он. — Я не знаю, что у них на уме, но пока они не проявляли желания выйти и сражаться в открытом бою. Пошли.

Очень скоро они оказались на верхней галерее большой пещеры с фосфоресцирующим потолком. В сотне футов под ними находился пол, рассекаемый узким потоком. Вырываясь из темного канала в одной стене, поток образовывал водоворот на дне пещеры и уходил вниз у противоположной стены. Галерея, на которой стояли Конан и Муриела, соединялась мостом с балконами на другой стороне пещеры.

Десятью футами ниже другой мост протянулся через пещеру над рекой.

На полу в углу пещеры стоял каменный алтарь.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, образовав полукруг из огня перед алтарем. Горулга поднял его верхнюю часть, как крышку сундука.

Просунув руки в углубление, Горулга вытащил маленький медный ящичек.

Опустив алтарь обратно на место, он поставил на него ящичек и открыл его.

Как будто яркое пламя живого огня вырвалось наружу.

Сердце Конана вздрогнуло, а его рука легла на эфес.

Наконец-то он нашел Зубы Гуахаура, сокровище, которое сделает его богатейшим человеком в мире!

Неожиданно из темного пространства позади алтаря стали появляться смутные фигуры. Это были выросшие из мрака волосатые и отвратительные подобия людей.

Их глаза излучали огонь. Горулга жутко закричал и упал, закрывая лицо руками.

Слуги Иакима ринулись на жрецов. Негры были так ошеломлены появлением волосатых дьяволов, что почти не оказывали сопротивления. Многие из них даже не успели подняться с колен. Конан видел, как раскалываются о стены пещеры черепа жрецов, как пылающий факел втыкается в глотку священника, как негров разрывали на части и разбрасывали окровавленные куски тела по дну пещеры.

Конан разглядел Горулгу, который лежал, неловко обхватив боковую стенку алтаря, из его раздробленного черепа белой кашицей вытекали на алтарный камень мозги.

Один из священников не потерял самообладания и стал потихоньку пробираться к туннелю, по которому он и его товарищи попали в пещеру. Но в последний момент его бегство было замечено. Закончив кровавую расправу, перепачканные кровью и мозгами дьяволы с дикими воплями бросились в погоню.

Муриела стояла на коленях, обхватив ноги Конана, ее глаза были закрыты. Она дрожала от страха.

Идолы исчезли в туннеле. Среди кровавого месива на алтаре лежал драгоценный ларец с сокровищами.

— Я пошел вниз за ящичком, — сказал он. — Стой здесь!

— О Митра, нет!

Она упала на пол и схватилась за его сандалии.

— Нет! Не оставляй меня!

— Лежи и молчи!

Он вырвался, освободившись от ее бешеной хватки.

Со скоростью урагана Конан слетел вниз по извилистой лестнице и оказался у алтаря. Он окинул взглядом странные, удивительной формы камни, которые горели неземным огнем, и захлопнул крышку. Схватив ящик, он побежал вверх по ступенькам.

Он не имел желания встретиться с дьявольскими слугами Иакима. Увиденное им рассеяло всякие иллюзии относительно их боевых качеств.

Почему они ждали так долго, чтобы напасть на жрецов, он не мог понять. Да и какой человек мог постигнуть мысли и мотивы этих монстров?

Но то, что они обладали разумом, делало их особенно опасными.

Девушка, тихо съежившись, ждала его на галерее.

Теперь он схватил ее за руку и рывком поднял на ноги, проворчав:

— Думаю, время уходить!

На противоположной стороне пещеры был виден вход в туннель. Оказавшись на мосту над ревущей водой, Муриела пронзительно завизжала и остановилась. Прорычав ей на ухо угрозу, Конан подхватил девушку, перенес ее по мосту ко входу в туннель. В этот момент киммериец услышал внизу, на лестнице противоположной стены, характерное сопение и обернулся. По лестнице поднималась серая уродливая фигура. Не было сомнения, что эта скотина преследовала их.

Киммериец мгновенно оценил ситуацию. Убить этого дьявола было необходимо до того, как возвратятся остальные чудовища. Конан занес Муриелу в туннель и сунул ей в руки ящик.

— Стой здесь! — прорычал он вконец измученной девушке. — Не двигайся.

Выхватив меч, Конан вынырнул из туннеля и устремился по мосту навстречу дьяволу.

Человек и монстр оказались друг против друга над черной бурлящей водой. Конан нанес удар, вложив в него всю свою силу и ярость. Кровь забила струей из большой раны. Но времени для следующего удара не хватило. Движением огромной руки дьявол смахнул киммерийца с моста.

Он очутился в холодной воде, но меч из руки так и не выпустил.

Выбравшись из потока на каменный берег, Конан взглянул вверх. Монстр, истекающий кровью, по-прежнему был на мосту, а у края туннеля стояла Муриела с ящиком в руках.

Дьявол с торжествующим ревом бросился к девушке, схватил ее и пошел назад через мост.

Конан с чувством ругнулся и побежал к лестнице.

Кровь хлестала из раны на груди дьявола, и он пьяно шатался из стороны в сторону. Внезапно споткнулся, качнулся, завалился головой вперед и полетел вниз. Девушка и сокровища выпали из его вялых рук, и крик Муриелы заполнил все пространство пещеры.

Монстр, задев головой нижний мост, поднял столб брызг, скрылся под водой. Девушка и ящик оказались в воде мгновением раньше. Конан даже не взглянул на место падения ящика, который содержал богатство эпохи. Он устремился в воду, успев перехватить девушку до того, как поток успел унести ее под стену пещеры.

Вытащив потерявшую сознание девушку из воды, Конан рванулся вверх по лестнице. Когда он добрался до второго моста, внизу раздалось жуткое улюлюканье. Слуги Иакима с перепачканными кровью пальцами ворвались в пещеру. Увидев идущего по мосту Конана, они зарычали и рванулись за ним вверх по лестнице.

Киммериец стремительно бросился в туннель, через несколько мгновений он оказался на внешней стороне скал, которые окружили Алкменон.

В сотне футов под ними в свете звезд волновались джунгли. Размотав пояс, киммериец привязал к себе Муриелу и начал спускаться вниз по скале. Он прыгал с выступа на выступ с отчаянным безрассудством, пока не оказался у подножия стены.

Свирепые морды дьяволов, свесившись над краем скалы, глядели на них в нерешительности.

— Ну, — сказал Конан, — мы можем сейчас отдохнуть.

Он поставил девушку на ноги.

— Я не думаю, что эти животные будут преследовать нас. Как бы то ни было, у меня здесь в пещере привязана лошадь, если львы не съели ее.

Она закрыла заплаканное лицо руками, и ее худые плечи затряслись от рыданий.

— Не реви. Это я потерял сокровища.

Он ухмыльнулся.

— Это моя ошибка. Если бы я послушалась тебя и осталась в туннеле, это животное не увидело бы меня. Ты бы переправил сокровища, а потом и меня вниз.

— Да, — согласился он. — Ладно, забудь об этом. Никогда не терзайся из-за того, что уже прошло, и перестань реветь. Так лучше. Пошли.

— Ты хочешь сказать, что возьмешь меня с собой? — спросила она с надеждой.

— Ты можешь мне предложить иные сокровища.

Сказав это, он положил руку на бедро девушки, плотно обтянутое мокрой тканью.

— Нам незачем возвращаться назад в Кешан. Сейчас там ничего нет, что могло бы меня интересовать. Мы поедем в Пунт. Люди Пунта намывают золото из рек плетеными корзинами, и они предпочитают женщин с кожей цвета слоновой кости.

Что до меня, то я сумею быть полезным правителям этой богатой страны. Я думаю, мне наконец-то улыбнется удача, которая заменит потерянные драгоценности.

Конан-
узурпатор
СБОРНИК

В сборник вошли повести:

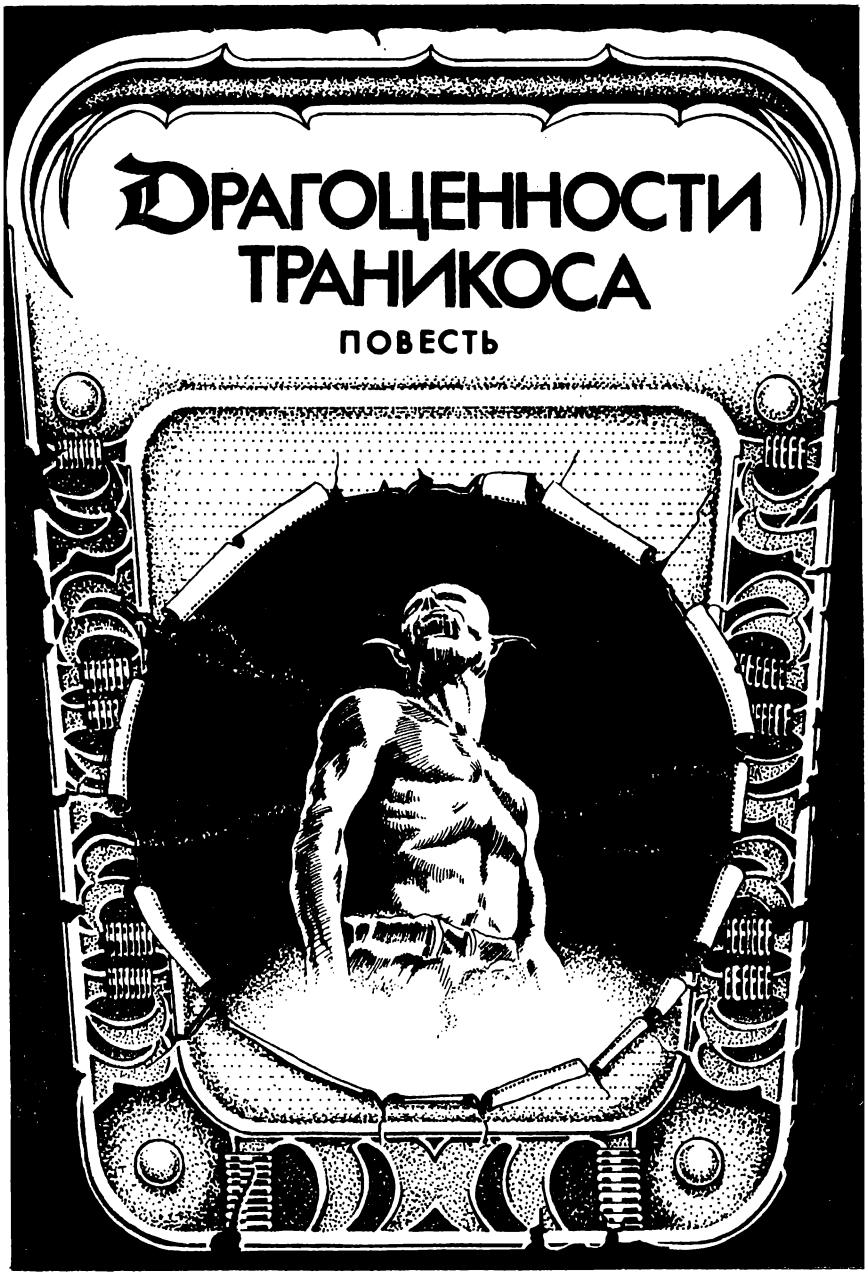
ДРАГОЦЕННОСТИ ТРАНИКОСА

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ

Драгоценности Траникоса

Повесть



1
РАСКРАШЕННЫЕ

На край пустой поляны вышел мужчина. Он появился бесшумно, но птицы, греющиеся на солнце, галдящей стаей взмыли вверх.

Мужчина наморщил лоб, явно огорчившись, что поведение птиц может обнаружить его присутствие. Потом он осторожными шагами пересек поляну.

Несмотря на огромный вес, мужчина двигался легко, с изяществом леопарда. На нем ничего не было, кроме набедренной повязки. Кожа исцарапана и покрыта грязью, правая рука перевязана тряпицей, густые черные волосы падали на широкий лоб, глаза на утомленном лице горели неутомимым огнем.

Услышав позади себя в лесу пронзительный крик, который звучал, почти как вой волка, он внезапно остановился. Яростно сверкнув глазами, киммериец побежал дальше по тропе, мимо густого, заполняющего все пространство кустарника. Между ним и тропой лежал покрытый травой ствол дерева. Увидев его, киммериец остановился и оглянулся назад, на четкий след, который без труда прочитают его преследователи. Он беззвучно зарычал, как загнанный зверь, готовый вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Мужчина быстро опустился на тропу и стал притаптывать траву, достигнув задней части ствола, он вспрыгнул на него, повернулся и легко побежал назад. Никакой, даже самый острый глаз не мог различить, что человек этот вернулся назад. Поравнявшись с самым густым кустарником, он, как тень, исчез в нем.

Время тянулось очень медленно. Серые белки, беззаботно занимавшиеся своими делами на деревьях, внезапно спрятались в ветвях. На поляне появились трое мужчин, так же бесшумно, как и киммериец. Темнокожие, приземистые, с мускулистой грудью и сильными руками. На них были расшитые бисером набедренные повязки, черные волосы украшали перья орла. А их тела были разрисованы сложными узорами.

После смерти Р.Говарда роман дописал Лайонел Спрег де Камп.

Они осторожно двигались вплотную друг к другу, как леопарды, идя по следу, оставленному киммерийцем. Первый преследователь остановился, что-то пробормотал и указал своим копьем с широким наконечником на примятую траву, где тропа снова уходила в лес. Его товарищи тотчас же остановились, и их черные глаза-бисеринки стали обыскивать густую стену леса. Наконец они снова пошли по слабым следам, которые оставила их жертва.

Едва они миновали то место, где спрятался киммериец, как он выпрыгнул, крепко сжав оружие: в левой руке кинжал с длинным медным лезвием, а секира с медной рубящей частью — в правой. Нападение было таким быстрым и неожиданным, что у пикта не было никаких шансов спастись. Киммериец вонзил ему кинжал между лопаток, клинок вошел в сердце.

Два других пикта обернулись с быстротой захлопывающейся ловушки, однако киммериец уже вытащил кинжал из тела своей первой жертвы и взмахнул правой рукой, секира взвилась и обрушилась на одного из пиктов, расколов ему череп.

Оставшийся пикт, предводитель, схватил алое медное острие своего орлиного пера и с невероятной быстротой бросил в грудь киммерийца, когда тот вырывал секиру из головы убитого. Обрушившаяся секира отбросила острие противника в сторону, а кинжал в левой руке киммерийца распорол раскрашенный живот снизу до верху.

Сложившись пополам и истекая кровью, пикт издал ужасный вопль звериной ярости. Дикие крики множества глоток ответили ему издалека. Киммериец пригнулся как загнанный волк, смахнул пот с лица. Из-под повязки на левой руке сочилась кровь.

Сдавленно бормоча проклятия, он повернулся и пустился бегом. Киммериец больше не старался скрыть свои следы, рассчитывая только на быстроту и выносливость своих ног.

Некоторое время в лесу позади него было тихо. Потом он услышал резкие крики — преследователи обнаружили убитых.

Из открывшейся от бега раны капала кровь, которая оставляла легко видимую дорожку. Надежда, что эти трое пиктов — последние, кто его преследовал на протяжении вот уже сотни миль, прошла. И при этом он знал, что эти ищейки никогда не потеряют кровавый след.

Теперь все стихло, и это значило, что они бегут за ним, а он не мог остановить кровь, которая обозначала его путь.

Западный ветер дул ему в лицо, неся с собой соленую влагу. Уже близко море, значит, преследование длится намного дольше, чем он думал.

Однако скоро оно подойдет к концу. Даже его жизненная сила истощалась от непрерывного напряжения. Дыхание с трудом вырывалось из горла, и в боку кололо. Ноги дрожали от усталости,

а прихрамывающая нога болела при каждом шаге, словно в ее сухожилия вонзали нож. До сих пор он следовал инстинкту дикаря: каждый нерв и каждый мускул были напряжены и каждый его трюк служил для того, чтобы выжить. Теперь же, в своем бедственном положении, им овладел другой инстинкт: он искал такое место, где мог продать свою жизнь как можно дороже.

Киммериец не покинул тропу и не нырнул в чащу, зная, что безнадежно прятаться от этих преследователей. Он бежал дальше, кровь все сочилась, а в ушах стучало, и каждый вздох вызывал боль в его пересохшем горле. Позади раздался дикий вой. Это пикты почти наступают ему на пятки. Как голодные волки, они теперь каждый свой прыжок сопровождали диким воплем.

Внезапно деревья кончились, оглядевшись, он понял, что здесь есть скала, которая, как каменная башня, возвышается над лесом. В юности киммериец, как коза, карабкался по скалам и горам у себя на родине. Но теперь, с его ранениями и при его потере крови, у него не было никаких шансов на это. Он не взберется выше двадцати или тридцати футов, прежде чем пикты выбегут из леса и пронзят его своими стрелами.

Может быть, с другой стороны скала менее крутая? Тропа поворачивала направо. Он торопливо побежал и увидел, что она ведет между каменных глыб и расколотых камней к широкому карнизу, находящемуся возле вершины скалы.

Этот карниз был не самым худшим местом, где он мог умереть. Вдруг у него потемнело в глазах, но он продолжал двигаться по тропе вверх сильно хромая, а затем опустившись на четвереньки.

Он еще не достиг карниза, как несколько десятков раскрашенных пиктов-дикарей, воя, как волки, столпились вокруг скалы. Стрелы свистели около киммерийца, но он упрямо карабкался вверх. Одна стрела вонзилась в его икру. Не останавливаясь, он вырвал ее и отбросил в сторону. Достигнув края карниза, он с яростью перевалился через него и уставился вниз, на преследователей. Видны были только его черная грива и горящие глаза.

Над киммерийцем просвистело еще несколько стрел. Преследователи увидели, что их жертва остановилась. Пикты легко прыгали с камня на камень у подножия скалы. Первым крутой части достиг сильный воин. Он положил стрелу на тетиву и наполовину натянул ее. Но стрела так никогда и не была выпущена. Вождь застыл в неподвижности как статуя, и жажда крови в его черных глазах сменилась испуганным удивлением. С ревом он отпрянул назад, останавливая наступающих товарищей. Хотя киммериец на уступе слышал их голоса, но он находился слишком высоко, чтобы понять смысл выкрикиваемых вождем приказов.

Во всяком случае, всеобщий воинственный рев смолк и все уставились вверх — но не на человека на карнизе, а на скалу. Без промедления они ослабили тетивы и сунули стрелы в кожаные колчаны, потом мелкой рысью побежали по тропе, по которой они пришли, исчезли за обломками камней и ни разу не оглянулись.

Киммериец озадаченно уставился им вслед. Он хорошо знал пиктов: преследование прекращено окончательно и они больше не вернутся.

Но все это казалось ему необъяснимым. Что заставило военный отряд пиктов отказаться от своей жертвы, которую они преследовали с настойчивостью голодных волков? Он знал, что это было священное место и беглецу, нашедшему там укрытие от клана, к которому он принадлежал, нечего было бояться. Но люди, преследовавшие его так далеко, конечно, не считали святым это место, находящееся на таком огромном расстоянии от их дома. Это были люди Орла, чьи деревни расположились далеко на востоке, вблизи границ пиктов племени Волка.

Волками были именно те, кто взял в плен киммерийца. Затем они обменяли его на вождя племени Волка у людей Орла. У пиктов племени Орла были кровавые счеты к огромному киммерийцу. И этот счет стал еще более кровавым, потому что его бегство стоило жизни одному из известных военных вождей. Поэтому они преследовали его так неотступно, через широкие реки и крутые горы.

И теперь уцелевшие после такого длительного преследования пикты повернули назад именно в то время, когда их жертва остановилась и у нее не было возможности ускользнуть от них. Киммериец покачал головой. Нет, он не мог этого понять.

Киммериец осторожно поднялся, голова кружилась от чудовищного напряжения. Члены его окоченели, раны болели. Он выплюнул пыль и быстрым движением руки протер налитые кровью глаза. Моргая, он осмотрелся. Под ним длинными, непрерывными волнами тянулась зеленая чаща, а над западным краем повисла синестальная дымка, которая, как он знал, должна была теперь висеть над морем. Ветер играл его черной гривой, и соленый воздух освежил его.

Потом он повернулся, выругался от боли в своей кровоточащей ноге и осмотрел карниз, на котором стоял. Сзади него поднималась крутая каменная скала, увенчанная высоким каменным гребнем. Ямки для рук и ног, похожие на узенькую лестницу, вели вверх. А на расстоянии пары шагов в стене находилась щель, которая была именно такой ширины, чтобы в нее мог пролезть человек.

Он снова захромал туда, заглянул в нее и выругался. Солнце, высоко стоящее над северным лесом, светило прямо в расщелину.

Там находилась большая туннелеобразная пещера, которая заканчивалась окованной железом дверью.

Киммериец знал, что этот западный берег был безлюден на тысячи миль, если не считать деревень диких прибрежных племен, которые были еще менее цивилизованны, чем их родственники, живущие в лесу.

Ближайшие цивилизованные селения были вдоль реки Грома, в сотне миль к востоку. И киммериец был уверен еще и в том, что он был единственным белым, пересекшим эти безбрежные леса. Понятно одно, что эту дверь изготовили не пикты.

То, что он не мог объяснить этого, возбуждало его любопытство. Когда его глаза привыкли к мягким сумеркам после яркого солнца, которое просачивалось через специальное отверстие, он заметил, что туннель продолжался также и за дверью, а вдоль его стен громоздились огромные, кованные медью и железом, поставленные друг на друга сундуки. Он нагнулся над одним из них, но крышка сундука не открывалась. Он уже замахнулся топором, чтобы разбить замок сундука, но вдруг передумал и похромал к массивной сводчатой двери. Он нажал на дерево, украшенное искусной резьбой. Дверь открылась... С проклятием он отступил назад, выхватив боевой топор-секиру и кинжал. Мгновение он стоял, замерев, в угрожающей позе. Пещера эта была освещена слабым светом, исходящим от большого драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре огромного стола из черного дерева. Вокруг него сидели фигуры, которые так удивили его.

Они не шевелились. Однако голубой туман, висевший под сводами пещеры на высоте его головы, зашевелился, как будто он был живым.

— Ну, — пробурчал киммериец, — что они там, все мертвые, что ли?

Ответа не последовало. Киммерийца было не так-то легко вывести из себя, но это пренебрежение взбесило его.

— Вы могли бы по крайней мере предложить мне хотя бы немного вашего вина, — грубо сказал он. — Во имя Крома, вы что, считаете, что того, кто не принадлежит к вашему братству, не стоит и принимать дружески? Вы хотите...

Он замолчал, уставившись на фигуры, которые так необычно тихо сидели вокруг огромного стола из черного дерева.

— Они не пьяны, — пробормотал он наконец. — Они вообще не пили. Что, во имя Крома, все это значит?

Киммериец переступил через порог. Голубой туман сейчас же начал двигаться быстрее. Он слился, сгустился, и вот уже киммериец вынужден бороться за свою жизнь с огромной черной рукой, которая легла ему на горло.

2

ПИРАТЫ

Ногой в изящной туфельке Белеза пнула одну из раковин. Утренний рассвет наступил уже давно, но солнце, гонящее жемчужно-серый туман над водой, еще не взошло.

Белеза взглянула на сооружение, казавшееся ей отталкивающим, и некоторые подробности этого сооружения действовали на нее угнетающе. Под ее маленькими ножками простирался коричневый песок, он уходил к пологим волнам, терявшимся в голубой дымке горизонта на западе. Она стояла на южном изгибе широкой бухты, на юге местность заканчивалась низким каменным гребнем, который образовывал южную оконечность бухты. С этого гребня можно было видеть безрадостную гладь воды на юге, тянувшуюся до самого горизонта. То же самое было на западе и на севере. Повернувшись в сторону суши, она отсутствующим взглядом посмотрела на форт, который уже в течение полутора лет был ее домом. В размытую голубизну неба, полощась, поднималось золотое с алым знамя ее дома. Но красный сокол на золотом фоне не радовал ее душу, хотя он так победно реял после многочисленных побед на юге.

Она видела людей, работающих в саду и на полях вокруг форта, которые с испугом оглядывались на мрачную стену леса, где их подстерегала смерть — медленная и жуткая, — скрывающаяся под военной раскраской.

Она вздохнула и вяло побрела к кромке воды. Каждый день, проведенный здесь, был однотонным и похожим на все другие. А мир городов и поместий, полный радости и удовольствий, казался затерянным в бесконечной дали прошлого. Она снова задумалась над тем, что побудило графа Зингары бежать на этот дикий берег вместе со своей свитой и челядью, удалившись на тысячи миль от своей страны, что вынудило его сменить дворец своих предков на эти блокгаузы.

Взгляд Белезы стал мягче, когда она услышала тихие шаги по песку. Девочка бежала к ней по низкой песчаной прибрежной полосе.

— Леди Белеза! — крикнула она, произнося зингаранские слова с мягким офирским акцентом. — О, леди Белеза!

Задыхаясь от бега, малышка делала непонятные жесты. Белеза, улыбаясь, обняла ее. Всю свою нежность Белеза дарила этому ласковому существу, бедной сиротке, которую отняла у ее жестокого хозяина.

— Что случилось, Тина? Сначала переведи дух, ладно?

— Корабль! — крикнула девочка и указала на юг. — Я плавала в пруду, оставшемся на песке после отлива — по ту сторону каменного гребня, — и я увидела его! Корабль, плывущий сюда с юга?! — дрожа всем телом от возбуждения, она тянула Белезу за руку. С тех пор, как они высадились на этом берегу, она еще не видела ни одного паруса. При мысли о скором посещении сердце молодой девушки тоже забилось быстрее.

Тина стрелой помчалась впереди нее, огибая глубокие лужи, оставшиеся после прилива. Она взбежала на низкий, волнистый гребень и ожидающе остановилась.

— Посмотрите туда, моя леди!

Белеза увидела белый, надутый ветром парус, вздымающийся на расстоянии всего лишь нескольких миль и приближающийся ко входу в бухту. Сердце ее забилось медленнее. Даже самое незначительное происшествие могло украсить ее монотонную жизнь, но у Белезы появилось неприятное предчувствие, что корабль не принесет счастья и что он здесь не случайно. На севере не было портов, а ближайший порт на юге находился на расстоянии тысячи миль от них. Что привело чужаков в эту бухту Корвелы? Так ее дядя называл это место с тех пор, как они здесь высадились.

Тина плотнее прижалась к своей госпоже. Страх исказил черты ее миниатюрного личика.

— Кто это может быть, моя леди? — пробормотала она. — Это тот человек, которого боится граф?

Белеза, наморщив лоб, глянула на нее сверху вниз.

— Почему ты говоришь это, детка, откуда ты знаешь, что мой дядя чего-то боится?

— Так должно быть, — наивно ответила Тина. — Почему же он тогда укрылся в этом диком месте? Посмотри, моя леди, как быстр этот корабль!

— Мы должны сообщить об этом дяде, — сказала Белеза. — Рыбачьи лодки еще не вышли в море, поэтому парус не видел еще никто, кроме нас. Берись за дело, Тина. И поспеши!

Девочка побежала вниз по склону, к пруду. Она подобрала свои сандалии, тунику, а также пояс, разбросанные по песку. Затем она побежала назад, к гребню, одеваясь на ходу.

Белеза, озабоченно смотревшая на корабль, догнала ее, взяла за руку, и они вместе поспешили в форт.

Сразу же после того, как они прошли через дверь палисада крепости, прозвучал резкий звук рога, и испуганные рабочие побежали к крепости.

Каждый, находящийся вне крепости, бросил все, чем он занимался, и, не оглядываясь, чтобы обнаружить причину тревоги, побежал к крепости. Только достигнув ворот, люди вглядывались в темный край леса на востоке.

Они пробегали через ворота и спрашивали у охранников под оградой палисада:

— Почему нас отозвали назад? Что случилось? Пришли пикты?

Вместо ответа один из скупых на слова охранников указал на юг. С его высокого помоста был виден парус.

* * *

Из маленькой обзорной башенки на крыше главного здания — которое, как и все строения внутри ограды палисада, были выстроено из стволов деревьев, — граф Валенсо из Корзетты наблюдал за приближающимся парусом. Граф был худым, мускулистым мужчиной, примерно пятидесяти лет. Его узкие штаны и куртка были из черного шелка. Единственным, что у него было другого цвета, это сверкающие драгоценные камни на рукоятке меча и винно-красная накидка на плечах. Он нервно крутил свои усы, потом мрачно взглянул на своего управляющего — человека со скупым лицом, одетого в сатин и сталь.

— Что вы думаете об этом, Гальбро?

— Это карака, милорд. Карака с такелажем и парусами, как у кораблей бараханских пиратов, — смотрите, там!

Он почти прокричал свои последние слова. Корабль уже обогнул выступ суши и теперь плыл через бухту. Все увидели флаг, который внезапно затрепетал, — черный флаг с контурами алой руки. Люди в форте в испуге повернулись к башне, на которой стоял их угрюмый хозяин в развевающейся накидке.

— Да, это бараханец! — пробурчал Гальбро. — И если мне не изменяет память, это «Красная рука» Стромбанни. Что он ищет у наших берегов?

— Для нас это не значит ничего хорошего, — пробурчал граф. Взглянув вниз, он понял, что тяжелые ворота уже закрыты и капитан охраны, вооруженный блестящей сталью, распределял людей по постам — некоторых на бруствер у ограды, других к нижним бойницам. Свои главные силы они разместили вдоль западной части палисада, в центре которого находились ворота.

Сто человек — солдаты, вассалы, крепостные и их семьи последовали в изгнание вместе с Валенсо. Среди них было сорок опытных воинов, которые уже надели доспехи, шлемы и вооружились мечами, боевыми топорами и арбалетами. К ним спешили рабочие в прочных кожаных куртках. Они также были сильными, храбрыми людьми, которые могли обращаться с охотничьими луками и копьями, топорами дровосеков. Все заняли свои места и мрачно глядели на заклятых врагов — потому что больше столетия пираты с Бараханских островов — маленькой группки островков на юго-западе от побережья Зингары — делали жизнь на побережье опасной.

Люди на помостах наблюдали за каракой, латунные части которой блестели на солнце. Они видели на палубе пиратов и слышали их крики.

Граф покинул башню и приказал своей племяннице укрыться в доме. После этого он надел шлем и нагрудные латы, а потом поднялся на помост, чтобы взять на себя командование. Его подданные намеревались продать свои жизни как можно дороже, однако, несмотря на сильную позицию, у них было мало шансов победить нападающих.

Белеза и Тина смотрели из окон главного дома.

— Они бросили якорь у лодочной станции, это на расстоянии примерно трехсот футов от берега, — пробормотала Белеза. — Не бойся, малышка. Может быть, им просто нужны свежая вода и мясо. Или они ведут в этих водах погоню за кем-то.

— Они плывут к берегу в длинной лодке! О, моя леди, я так боюсь! Какие огромные мужчины в доспехах! Посмотри же, как блестят на солнце их пики и шлемы! Они нас сожрут? — задрожав, воскликнула Тина.

Несмотря на свой страх, Белеза рассмеялась.

— Конечно нет! Как ты могла так подумать?

— Зингелито рассказал мне, что бараханцы едят женщин.

— Он только пошутил. Бараханцы ужасны, но они не хуже зингаранцев, которые занимаются морским разбоем. Зингелито однажды был с ними.

— Я рада, что пикты разбили ему голову, — сказала девочка.

— Но, Тина! — Белеза передернула плечами. — Ты не должна так говорить. Посмотри, пираты высадились на берег. Они вышли из лодки, и теперь один из них идет к форту. Это, должно быть, сам Стромбанни.

— Эй там, в форте! — донес ветер хриплый голос. — Я пришел сюда под белым флагом!

— Говори! — приказал Валенсо. — Хотя у меня нет никакого желания выслушивать людей такого сорта!

Стромбанни улыбнулся.

— Когда ваш галеон в прошлом году во время шторма недалеко от Транлибеса ускользнул от меня, я не мог даже подумать, что мы встретимся снова на пиктойском берегу, Валенсо. Но я уже тогда понимал, куда вы держите путь. Я сразу же начал вас преследовать. Некоторое время спустя я увидел полощущееся знамя с красным соколом над фортом и именно там, где и ожидал, — на голом пустынном берегу. Итак, я вас нашел!

— Кого нашли? — фыркнул граф.

— Не пытайтесь спорить! — этого огромного пирата внезапно прорвало. — Я знаю, почему вы прибыли сюда. Где ваш корабль?

— Тебе ничего не найти!

— У вас больше нет корабля! — с триумфом воскликнул пират. — Я вижу часть мачты галеона на заборе вашего палисада. Вы потерпели кораблекрушение. Наконец-то я получу так долго ускользавшую от меня добычу!

— Проклятие, о чем это ты вообще говоришь! — вскричал граф. — Добыча? Может быть, я бараханец, которого можно ограбить? Однако, если бы это и было так, что я мог бы добыть на этом пустынном берегу?

— То, за чем вы пришли сюда! — холодно ответил пират. — То, за чем я прибыл сюда и что намереваюсь забрать. Дай мне товар, мы исчезнем и оставим вас в покое.

— Ты, должно быть, сошел с ума! — проревел Валенсо. — Я пришел сюда в поисках мира и уединения, и я наслаждался этим, пока из-за моря не приполз ты, желтокожая собака! Убирайся прочь! Я не хочу больше говорить с тобой, я устал от пустых разговоров. Забери своих негодяев и исчезни!

— Если я и исчезну, то только превратив твой жалкий форт в кучу золы и углей! — яростно проревел пират. — Я спрашиваю в последний раз, хотите вы спасти свою жизнь и выдать мне мою добычу?

Вместо ответа граф сделал знак, и сейчас же сквозь бойницу вылетела стрела. Пират яростно закричал и побежал к берегу, а стрелы свистели вокруг него.

Стромбанни добежал до своих людей. Пираты растянулись длинной линией, достигающей угла западной части палисада, и стали осторожно приближаться, изредка стреляя из луков.

Длинные стрелы бараханцев перелетели через ограду палисада и, дрожа, впивались в карниз окна, через которое Белеза наблюдала за боем. Тина каждый раз вскрикивала, глядя на дрожащее древко стрелы.

Бараханцы были известны своей яростной тактикой нападения, но они были осторожны и не так глупы, чтобы гибнуть во время штурма палисада. Расстянувшись широкой цепью, они ползли вперед, используя малейшие укрытия, но их было мало, потому что земля вокруг форта была очищена, чтобы пикты во время своих атак не смогли использовать их как укрытия.

Когда бараханцы приблизились к форту, защитникам стало легче попасть в наступающих. Тут и там лежали трупы, латы которых блестели на солнце. Раненые плавали в лужах крови и стонали. Было очевидно, что преимущество на стороне укрывшихся за стенами зингаранцев, пока шла только перестрелка.

Однако возле ангара для лодок пираты работали топорами. Граф яростно выругался, увидев, что они делают с лодками, которые соорудили с таким трудом.

— Пираты строят передвижной защитный щит, — в ярости воскликнул он. — Нужна вылазка...

Гальборо покачал головой и взглянул на безоружных рабочих с их неуклюжими охотничьими копьями.

— Мы не можем вступать с ними врукопашную. Нет, мы должны оставаться за оградой палисада.

— Великолепно, — пробурчал Валенсо, — но только в том случае, если они не вторгнутся в форт.

Время шло, и стрелки с обеих сторон продолжали свою дуэль. Наконец группа примерно из трех десятков пиратов приблизилась к форту, толкая перед собой гигантский щит, сколоченный из досок разбитых лодок и лодочного ангара. Они нашли и прикрепили к щиту колеса. Катя перед собой это тяжелое сооружение, они были защищены от стрел защитников форта.

— Стреляйте! — ревел Валенсо, сильно побледнев. — Остановите их прежде, чем они достигнут ворот!

Стрелы свистели над оградой палисада и вонзались в толстое дерево, не причиняя никакого вреда. Насмешливые крики были ответом на этот залп. Стрелы пиратов теперь попадали в бойницы. Один из солдат со стрелой в горле пошатнулся и, захрипев, упал на бруствер.

— Стреляйте в ноги! — крикнул Валенсо. — Сорок человек с пиками и топорами к воротам!

Пираты с победными криками уже подкатили щит к воротам. Через отверстие в центре щита был просунут таран с железным наконечником. Ворота затрещали и немного поддались, в то время как стрелы и болты градом сыпались на нападающих. Однако морские волки были полны жажды боя и с громкими криками раскачивали тяжелый таран.

Граф, ругаясь, спрыгнул с бруствера и побежал к воротам. Отряд его солдат все еще вел беглый обстрел. Каждое мгновение ворота могли поддаться.

В шуме боя внезапно раздался рев трубы. Человек, сидевший на мачте, дико размахивал руками.

Стромбанни услышал его тогда, когда он обхватил руками тяжелый таран. Мощные мускулы вздулись на его руках, капли пота блестели на лице. Он прислушался.

— Стойте! — проревел он. — Проклятие, да остановитесь же! Вы слышите?

Стромбанни прорычал, сопровождаемый проклятиями, приказ. Пираты бросили таран, помогли подняться своим раненым и торопливо потащили их назад, к берегу.

— Смотри! — крикнула Тина, подпрыгивая от возбуждения и нетерпения. — Они бегут! Все! Они бегут к берегу! Смотри, они даже бросили свой щит. Они прыгают в шлюпку и гребут

к своему кораблю! О, моя леди! Неужели мы их победили, они уходят?

— Я думаю, нет, — Белеза взглянула на море, потом снова перевела взгляд на девочку. — Посмотри.

Тина отодвинула занавески в сторону и высунулась из окна. Ее звонкий молодой голос перекрыл звуки голосов недоуменно переговаривающихся друг с другом защитников форта. Она сначала поглядела вверх, потом туда, куда указывала ее хозяйка. Тина удивленно вскрикнула, когда увидела еще один корабль, огибающий южную оконечность бухты с королевским флагом Зингары.

Прежде чем новый корабль пересек половину бухты, «Красная рука» уже обогнула северную часть бухты и скрылась.

3
ТЕМНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Голубой туман сгустился в ужасную темную фигуру, контуры которой расплывались. Она заполняла всю переднюю часть пещеры и скрыла за собой молчаливые фигуры у стола. Конечно, киммериец не был уверен в этом, но ему казалось, что он видит косматый мех, острые уши и рога.

Пока длинная рука сжимала его горло, киммериец обрушил на нее свой пиктийский топор. От удара рукоятка топора сломалась, а медный клинок, звеня, ударился о стену. Однако, насколько он мог видеть, клинок вообще не проник в тело противника. Для того чтобы ранить демона, недостаточно простого оружия.

Когда волосатые пальцы коснулись его кожи, варвар напряг стальные мускулы шеи и глубоко втянул голову в плечи; он сделал это для того, чтобы у его сверхъестественного противника было как можно меньше площади для захвата. Он бросил кинжал и сломанный топор, схватился за толстые черные костистые пальцы, вскинув ноги высоко вверх, и изо всех сил ударил пятками по груди чудовища, вытянув свое тело в прямую линию.

Сила удара отшвырнула его назад, в туннель, по которому он пришел сюда. Он упал спиной на твердый каменный пол и, перекувырнувшись, встал на ноги. Тяжело дыша, стоял и, как волк, скалил зубы, смотрел на дверь, ведущую в пещеру. Немного придя в себя, стал ждать, что же произойдет дальше. Но ничего не происходило. Потому что, едва Конан освободился от захвата чудовища, оно растворилось и стало голубым туманом.

Киммериец стоял, готовый к тому, чтобы помчаться по туннелю. Суеверный страх мучал его. Все сверхъестественное всегда будило в нем холодный ужас.

Вот почему пикты повернули назад. Он постарался вспомнить все, что слышал о демонах в своей юности в покрытой облаками Киммерии, а потом во время странствий по цивилизованному миру. Но не мог вспомнить ни того, ни другого. Но он понял одно: что гигантское неуклюжее чудовище не могло бегать так же быстро, как смертное животное его размеров и очертаний. Конан был уверен, что сможет убежать от чудовища.

Он собрал все свое мужество и с колотящимся сердцем проревел:

— Эй, ты, ужасный монстр! Не потрудишься ли ты выйти!

Он не получил никакого ответа. Голубой туман клубился под сводом пещеры, больше не сгущаясь в демона. Внезапно Конан вспомнил легенду пиктов о демоне, которого заколдовал один колдун, чтобы демон убил группу чужеземцев, пришедших из-за моря. Колдун заточил свои жертвы и демона в пещере. Колдун боялся демона, которого вызвал из ада, так как тот мог напасть на него, разорвав на клочки.

Киммериец впервые обратил внимание на сундуки, стоящие вдоль стен туннеля!..

* * *

— Быстрее наружу! — рванув засов ворот, приказал граф. — Уничтожьте щит, прежде чем чужаки высадятся на берег.

— Но Стромбанни бежал! — воскликнул Гальбро. — А новый корабль плывет под флагом Зингары.

— Делай то, что я тебе сказал! — прогремел Валенсо. — Мои враги не только иностранцы. Наружу, собаки! Вы должны втащить щит в форт!

Прежде чем зингаранский корабль бросил якорь, тридцать самых сильных мужчин подкатили щит к воротам и протащили его в форт.

Тина удивленно спросила, выглядывая из окна главного дома:

— Почему это граф снова запер ворота? Он боится того человека, который находится на корабле?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, детка, — обеспокоенно ответила Белеза.

Девочка, казалось, не слышала ее ответа.

— Все люди снова внутри форта, — сообщила она. — Ворота заперты, и все вернулись на посты. Если новый корабль преследует Стромбанни, почему же он тогда не плывет за ним? Это не военная карака, а обычная галера. Посмотри, лодка с корабля идет к суше. На ее носу сидит человек в черном плаще.

Лодка заскрипела по песку. Человек в темной накидке спокойно шагнул на песок, за ним последовали три его товарища. Он был

высок, строен и под его черным плащом блестел черный шелк и сталь.

— Стойте! — прогремел граф, когда они подошли ближе. — Я буду иметь дело только с вашим предводителем!

Высокорослый чужак снял свой шлем и поклонился. Его товарищи остановились и плотнее закутались в свои плащи. Моряки позади них, опершись на весла, смотрели на флаг, развевающийся над палисадом.

Когда чужак подошел так близко к воротам, что уже не нужно было кричать, чтобы понять друг друга, он сказал:

— Конечно, между людьми чести не должно быть недоверия.

Валенсо яростно посмотрел на него. У чужака была темная кожа, узкий нос хищной птицы и тонкие черные усы. На его воротнике, так же, как и на рукавах, были видны тонкие кружева.

— Я знаю вас, — сказал Валенсо, поколебавшись. — Вы корсар, которого зовут Черный Зароно.

Чужеземец снова поклонился.

— Нет также никого, кто не знал бы красного сокола Корзетты.

— Мне кажется, что этот берег является местом встречи негодяев всех южных вод, — пробурчал Валенсо. — Чего вы хотите?

— Но, мой лорд, — осуждающе сказал Зароно. — Что это за приветствие для того, кто сослужил вам такую большую службу? Разве эта аргоссианская собака Стромбанни не хотел протаранить ваши ворота? И разве он не смазал пятки, когда мы обогнули мыс?

— Это так, — нехотя согласился граф. — Хотя я не вижу разницы между пиратом и корсаром.

Зароно рассмеялся, не чувствуя себя оскорбленным, и подкрутил усы.

— Вы очень откровенны, мой лорд. Поверьте, я хотел только попросить разрешения бросить якорь в вашей бухте и отправить своих людей на охоту в лес, чтобы обеспечить себя мясом, а также набрать воды. А что касается меня, то, я думаю, вы, может быть, пригласите меня на стаканчик вина.

— Зароно, в мой форт не войдет ни один из ваших людей. Если один из них приблизится к нему хотя бы на сотню футов, он получит стрелу в горло. И я предупреждаю вас, держите подальше руки от моего сада и моего скота. Я дам вам на мясо одного быка, но не больше! И если вы задумаете что-нибудь еще, могу вас заверить, что мы в форте сможем удержаться против ваших людей.

— Против Стромбанни, как мне кажется, вам это не удалось, — немного насмешливо напомнил ему пират.

— Но вы больше не сможете найти дерева для постройки щита, — свирепо сказал граф. — Кроме того, ваши люди не бараханские лучники, и поэтому они не лучше моих. Не говоря уже о том, что та ничтожная добыча, которую вы сможете взять здесь, в форте, не стоит таких хлопот.

— Кто говорит о добыче и о нападении? — возразил Зароно. — Нет, мои люди хотят только снова ощутить землю под ногами и пополнить запасы, так как от однообразного питания на борту грозит вспыхнуть цинга. Вы позволите им высадиться на берег?

Валенсо с неохотой дал согласие. Зароно чуть насмешливо поклонился и с достоинством отошел назад, словно он находился при дворе Кордавы — где он действительно, если слухи не были преувеличены, когда-то был желанным гостем.

— Не пускать в форт никого, — сказал Валенсо. — Я не доверяю им.

Гальбро кивнул. Он знал о соперничестве и вражде между пиратами и зингаранскими корсарами.

Около ста семидесяти человек вышли на берег и разбили лагерь. Они были загорелыми парнями в пестрых шелковых одеждах, на головах платки, а в ушах золотые кольца. И Валенсо заметил, что Зароно установил посты. К саду они не приближались вообще. Они только взяли быка, на которого Валенсо указал им с палисада, погнали его к берегу и зарезали. Там же был разведен костер, и на берег были вытащены оплетенные бочонки с пивом. Другие бочонки корсары наполнили водой из источника, находившегося неподалеку к югу от форта. Заметив, что несколько мужчин направились в лес, Валенсо крикнул Зароно:

— Не позволяйте своим людям ходить в лес. Возьмите лучше из моего стада еще одного быка, если вам недостаточно мяса. Если ваши люди войдут в лес, то пикты убьют их. Незадолго до того, как вы высадились, мы отбили их нападение. С тех пор как мы здесь, они, одного за другим, убили шестерых наших людей.

Зароно бросил испуганный взгляд на темный лес, потом поклонился и сказал:

— Я благодарю вас за предупреждение, мой лорд! — и тут же прохрипел приказ, отзывающий людей назад.

* * *

С наступлением вечера с моря на сушу надвинулась тонкая серая стена и затмила небо. Солнце село красное, и его кровавые лучи окрасили черные верхушки волн. Туман все приближался. Он клубился у подножия деревьев и, как дым, вползал в форт. Костер на берегу сквозь туман казался кроваво-красным, а песни корсар звучали глухо, словно доносились

издалека. Корсары захватили с собой с корабля старый парус, и вдоль берега была возведена просторная палатка.

Большие ворота форта были крепко закрыты. Солдаты с копьями несли охрану на подмостках палисада. Они, казалось, были мало обеспокоены костром на берегу и все свое внимание сконцентрировали на лесе. Двор форта был безлюден. Не было слышно ничего, за исключением шагов охранников, стука капель воды, падающих с крыш, и далекого пения пиратов.

Последнее слабо доносилось в большой банкетный зал, где находились граф Валенсо и его незваный гость.

— Ваши люди действительно рады, — пробурчал граф.

— Они рады снова ощутить землю под ногами, — ответил Зароно. — Это было долгое путешествие, упорная охота, — он чокнулся с молодой женщиной и сделал глоток.

Вдоль стен стояла обслуга — солдаты в шлемах, лакеи в застиранных ливреях. Главный дом, как называл его Валенсо, без сомнения, в этой дикой стране был настоящим чудом. Сто человек работали день и ночь, возводя его. Хотя его фасад сделан из безыскусных бревен, так же, как и все остальные хижины в форте, но внутри он напоминал дворцы Корзетты — насколько это было возможно. Бревна внутренних стен были скрыты за шелковыми занавесями, расшитыми золотом. Обработанные и отполированные до блеска корабельные балки образовывали высокий потолок. Ковры покрывали пол, а широкая лестница вела вверх, и ее массивные перила были раньше перилами на корабельной палубе.

Огонь в широко открытом камине прогнал леденящий холод ночи. Свечи в великолепных серебряных подсвечниках, стоящие на большом столе из красного дерева, освещали помещение, бросая длинные тени на лестницу.

Граф сидел во главе стола, его племянница сидела справа от него, а управляющий слева. Кроме того, за столом находились еще начальник охраны и корсар Зароно.

— Вы преследуете Стромбанни? — осведомился Валенсо. — Как давно вы его преследуете?

— Да, я преследую Стромбанни, — рассмеялся Зароно. — Но он не уйдет от меня. Он ищет то же, что нужно и мне.

— Что могут пираты и корсары искать в этой голой стране? — пробормотал Валенсо и посмотрел на играющее вино в своем бокале.

— А что могло привлечь графа из Зингары? — спросил Зароно.

— Разложение королевского двора...

— Честные корзеттцы выносят его вот уже на протяжении нескольких поколений, — сказал Зароно. — Мой лорд, утолите

все-таки мое любопытство — почему вы продали свое поместье, нагрузили ваш галеон скарбом из вашего двора, а потом исчезли? И почему вы осели именно здесь, если ваше имя и ваш меч могли обеспечить вам власть в какой-нибудь цивилизованной стране?

Валенсо играл золотой цепочкой, висевшей у него на шее.

— Почему я покинул Зингару, — сказал он, — это только мое дело. То, что я обосновался здесь, — это чистая случайность. Я всех своих людей высадил на берег, а также выгрузил все упомянутые вами вещи, чтобы некоторое время пробыть здесь. К моему прискорбию, мой корабль, стоявший на якоре в бухте, бросило на скалы северной ее оконечности и разбило вдребезги. Все это сделал неожиданно налетевший с моря шторм. Такие штормы в определенные времена года здесь случаются весьма часто. Поэтому мне ничего не оставалось, как только остаться здесь и устроиться получше.

— Итак, если у вас будет возможность, вы снова вернетесь к цивилизации?

— Но не в Кордаву. Может быть, в дальние страны, в Вендхию или даже Кхитай...

— Здесь не слишком скучно, моя леди? — Зароно в первый раз обратился к Белезе.

Желание увидеть наконец хоть одно новое лицо и услышать новый голос пригнало девушку в банкетный зал, однако теперь ей хотелось уйти.

— Здесь очень мало разнообразия, — ответила она.

— Если бы у вас был корабль, — спросил Зароно у Валенсо, — покинули бы вы тогда форт?

— Может быть, — ответил граф.

— У меня есть корабль, — сказал Зароно. — Если мы придем к соглашению...

— Соглашению? — Валенсо поднял голову и недоверчиво взглянул на гостя.

— Я удовлетворюсь только некоторой долей, — объяснил Зароно. Он быстро забарабанил пальцами по столу. Было заметно, что они дрожали, и глаза корсара сверкали от возбуждения.

— Доля чего? — Валенсо, заметно удивленный, уставился на него. — Деньги, которые я захватил с собой, утонули вместе с моим кораблем, и, в отличие от разбитого дерева, их не выбросило на берег.

— Нет, не это! — жесты Зароно стали нетерпеливыми. — И не утверждайте, что вы случайно высадились именно здесь.

— Я не вижу никаких оснований для того, чтобы утверждать, — холодно ответил Валенсо. — Мой рулевой Зингелито

раньше был корсаром. Он знал эти берега и посоветовал высадиться именно здесь. Он сказал мне, что у него на это есть основания, о которых он расскажет мне позже. Но он так и не сделал этого, потому что еще в день нашего прибытия он исчез в лесу. Позже мы нашли его обезглавленный труп. Очевидно, его убили пикты.

Зароно некоторое время пристально смотрел на графа.

— Ну хоть что-то! — сказал он. — Я верю вам, мой лорд. Корзеттцы не искусны во лжи. Должен признаться, что, бросая якорь в этой бухте, я имел совсем другие планы. Я считал, что вы уже заполучили драгоценности, и намеревался хитростью или силой захватить этот форт и перерезать горло всем находящимся здесь. Но обстоятельства сложились так, что мне пришлось изменить свои намерения... — он посмотрел на Белезу так, что та покраснела. Зароно, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Я делаю вам предложение. У меня есть корабль, который вам пригодится для того, чтобы убраться отсюда вместе со своей семьей и парой других людей, которых вы выберете. Другим, может быть, придется выбираться отсюда своими силами.

Слуги, стоящие вдоль стены, озабоченно обменялись взглядами. Зароно заметил это, но продолжал.

— Однако сначала вы должны мне помочь найти сокровища...

— Во имя Митры, какие сокровища? — рассерженно воскликнул граф. — Теперь вы говорите, как эта собака Стромбанни.

— Вы когда-нибудь слышали о Кровавом Траникосе, величайшем из бараханских пиратов?

— Кто же о нем не слышал? Он был тем, кто ворвался в крепость на острове, где находился в изгнании принц Стигии Тотмекри, убил там всех людей и похитил сокровища, которые принц взял с собой, бежав из Кемы.

— Верно. Это известие о драгоценностях, как падаль стервятников, привлекло пиратов, буконьеров и даже свободных корсаров со всего юга. Траникос, опасаясь предательства, бежал на север на своем корабле, и больше никто никогда его не видел. Это произошло всего около ста лет назад.

Согласно слухам, один из его людей пережил это путешествие и вернулся на Бараханские острова, однако его корабль захватила боевая зингаранская галера. Но, прежде чем его повесили, он рассказал свою историю и своей кровью нарисовал на пергаменте карту. Вот его рассказ:

«Корабль долго двигался вдоль берега и наконец в незнакомой бухте бросил якорь. Траникос сошел на берег, взяв с собой драгоценности и одиннадцать человек, которым он доверял больше всего. По его приказу корабль должен был продолжать движение

вдоль берега, а примерно через неделю вернуться в бухту, чтобы забрать на борт Траникоса и людей. За это время Траникос хотел спрятать драгоценности в надежном месте. Корабль в условленное время вернулся, но нигде не было никаких следов Траникоса и его людей.

Примитивная хижина, стоявшая на берегу, была уничтожена, а вокруг ее остатков удалось разглядеть отпечатки голых ступней. Однако ничто не указывало на то, что здесь произошел бой. Не было также никаких следов драгоценностей. Пираты отправились в лес на поиски своего предводителя. С ними был боссонец, который великолепно читал следы, потому что раньше был лесным жителем. Он смог обнаружить на тропе следы людей, ушедших от хижины далеко на восток. После долгого перехода пираты вышли к скале, поднимавшейся в лесу, подобно башне. Однако при подходе к ней на пиратов напал отряд воинов-пиктов и вынудил их вернуться на корабль и покинуть бухту. На пути к Бараханским островам корабль попал в сильный шторм и погиб. В живых остался только один человек».

Но мне удалось взглянуть на ту карту. Со мной были Стромбанни, Зингелито и один немедиец, примкнувший к бараханцам. Мы видели ее в Мессантии, в одном из кабаков, где провели недурный вечерок. Но вдруг кто-то столкнул лампу, и кто-то закричал в темноте. Когда свет зажгли снова, старому скряге, которому принадлежала эта карта, воткнули в сердце нож. Карта исчезла... Вбежала охрана. Мы поняли, что нам пора убираться, и каждый ушел своим путем.

В течение года я и Стромбанни выслеживали друг друга, потому что каждый из нас думал, что карта находится у другого. Совсем недавно я услышал, что Стромбанни поплыл на север, и я последовал за ним. Вы оказались концом этой погони.

Я только мельком видел эту карту, когда она лежала на столе перед стариком, но поведение Стромбанни доказывает, что это именно та самая бухта, где высадился Траникос. Я думаю, Траникос спрятал свои драгоценности на скале, которую увидел наблюдатель пиратов, или возле нее. Однако на обратном пути на них напали пикты и убили их. Во всяком случае, пикты не завладели драгоценностями, потому что иначе эти драгоценности появились бы где-нибудь. Все-таки уже много торговцев подходило к этим берегам и вело меновую торговлю с прибрежными племенами. Но никто из этих племен не предлагал ни золота, ни драгоценных камней.

А теперь вот мое предложение — сотрудничать. Мы сможем начать поиски, а в форте останется достаточно людей, чтобы продержаться, если на нас нападут. Я совершенно уверен, что тайник находится неподалеку. Мы найдем его, погрузим драгоценности

на мой корабль и поплывем к одной из дальних гаваней, где я смогу золотом уничтожить свое прошлое. Я не хочу такой жизни. Я хочу вернуться назад, к цивилизации, и жить как богатый человек, в изобилии, с многочисленной прислугой и с женой благородной крови.

— Ах так? — граф, полный подозрений, поднял брови.

— Отдайте мне в супруги вашу племянницу, — потребовал корсар.

Белеза вскрикнула и возмущенно вскочила. Валенсо тоже поднялся, лицо у него побелело. Его пальцы судорожно стиснули бокал, словно он намеревался запустить его в голову собеседнику. Зароно сидел совершенно неподвижно. Но глаза его блестели страстью и угрозой.

— Как вы могли отважиться... — воскликнул Валенсо.

— Вы, кажется, забыли, что уже вылетели из седла, граф Валенсо, — пробурчал Зароно. — Мы здесь не при дворе Кордавы. На этом пустынном берегу нужно сменить благородство на мускульную силу и оружие. Кто-то чужой живет в вашем дворце в Корзетте, а все ваше состояние лежит на дне моря. Если я не предоставлю свой корабль, вы весь остаток жизни проведете на этом берегу отшельником, мой лорд.

Вам не придется раскаиваться в породнении нашими домами. Под новым именем и богатством Черный Зароно будет в высших кругах этого мира, и вы получите зятя, которого не придется стыдиться в Корзетте.

— Вы сошли с ума! — граф рассерженно вскочил. — Вы... что это?

Внезапно в банкетный зал вбежала Тина. Она рассеянно сделала реверанс и поспешила к столу. Она тяжело дышала, ее щеки были мокрыми, льняные волосы приклеились ко лбу.

— Тина! Как ты здесь оказалась? Я думала, что ты находишься в своей комнате!

— Так это и было, — ответила девочка, переведя дыхание. — Но я потеряла нитку кораллов, которую вы мне подарили... — она подняла ее вверх. Это было не ценное украшение, но она любила его больше, чем все остальные вещи, потому что это был первый подарок Белезы. — Я боялась, что вы не позволите мне ее искать, если об этом узнаете. Жена одного солдата помогла мне выйти из форта и снова вернуться назад. Но только прошу вас, моя леди, не требуйте от меня, чтобы я назвала ее имя. Я обещала, что не выдам ее. Я нашла нитку на берегу пруда, где плавала сегодня утром. Накажите меня, если я сделала что-то плохое.

— Тина! — простонала Белеза и прижала девочку к себе. — Я тебя еще никогда не наказывала. Но ты не должна покидать

форт, на берегу расположились корсары, и все еще существует опасность, что пикты подберутся к форту. Идем, я отведу тебя обратно в комнату и помогу снять мокрую одежду...

— Да, моя леди, — пробормотала Тина. — Но сначала позволь мне рассказать о черном человеке.

— Что? — сорвалось с губ графа Валенсо. Бокал выскользнул из его пальцев и со звоном разбился о пол. Он обеими руками вцепился в крышку стола. Фигура согнулась, словно в нее попала молния. Лицо мертвенно побледнело, глаза запали глубоко в глазницы.

— Что ты сказала, девочка? — задыхаясь, произнес он. Он так грозно и дико глянул на девочку, что та испуганно прижалась к Белезе. — Что ты сказала?

— Черный человек, мой лорд, — произнесла Тина, в то время как Белеза, Зароно и слуги обеспокоенно смотрели на графа. — Когда я бежала к пруду, чтобы найти свою ниточку кораллов, ветер дул и жутко стонал, а море кипело словно от страха — и тут появился он на странной черной лодке, окруженной голубыми струями пламени, которые, конечно, не были факелами или лампами. Он вытащил свою лодку на берег около южного рога бухты и зашагал к лесу. Он огромный, сильный человек, темный, как кушит...

Валенсо пошатнулся, словно ему нанесли смертельный удар. Он схватился за горло и поспешно сорвал золотую цепь. С выражением сумасшедшего он затолкал ее в карман и вырвал девочку из объятий Белезы.

— Ты, маленькое чудовище! Ты лжешь. Слышала, как я говорил во сне, и теперь лжешь, чтобы помучить меня. Признавайся, пока я не оторвал твою голову!

— Дядя! — воскликнула Белеза испуганно и попыталась освободить Тину от хватки графа. — Вы в своем уме? Что все это значит?

Он с ворчанием оторвал ее пальцы от своей руки, повернулся и толкнул ее так, что она, споткнувшись, оказалась в руках Гальбро, который смотрел на нее с нескрываемым любопытством.

— Пощадите, мой лорд, — всхлипнула Тина. — Я не солгала вам!

— А я говорю, что ты лжешь! — прогремел Валенсо. — Гобелез!

Вызванный слуга равнодушно схватил ребенка и сорвал платье со спины, затем поднял Тину, завернув ее тонкие ручонки за спину.

— Дядя! — закричала Белеза и постаралась защититься от захвата Гальбро. — Вы, должно быть, сошли с ума! Не можете же

вы... о, не можете же вы... — крик придушенно застрял в ее горле, когда Валенсо потянулся за бичом из воловьей кожи с украшенной драгоценными камнями рукояткой и с дикой яростью так хлестнул девочку по спине, что между ее голых лопаток появилась красная полоса.

Крик Тины пробрал Белезу до самого сердца. Ей стало плохо. Как в кошмаре она видела равнодушные лица солдат и слуг. Надменное лицо Зароно тоже было частью этого кошмара. Она почти ничего не видела в этом кровавом тумане, который надвинулся на нее. Только белое тело Тины, спина которой до самой шеи была покрыта красными полосами, крест-накрест пересекающими друг друга, и не слышала ничего, кроме ее криков боли и тяжелого дыхания Валенсо, когда, безумно вращая глазами, он избивал ее и ревел:

— Ты лжешь! Проклятие, ты лжешь! Поклянись, что ты лжешь, или я оторву тебе голову. Он не может преследовать меня здесь!

— Пощадите, мой лорд, молю вас! — визжала девочка. От боли и отчаяния она не подумала о том, что ложь могла бы спасти ее. Кровь красными жемчужинами скатывалась по ее ногам. — Я видела его! Я не лгу! Пощадите! А-а-а-а!

— Идиот! Идиот! — кричала Белеза вне себя. — Разве вы не видите, что она говорит правду! О, вы, животное! Животное!

Разум, казалось, вновь вернулся к Валенсо. Он выронил бич. Казалось, его бил приступ лихорадки. Волосы мокрыми прядями приклеились ко лбу, и пот блестел на его лице, которое превратилось в маску ужаса. Гобелез отпустил Тину, и она жалким плачущим комочком опустилась на пол. Белеза вырвалась из рук Гальбро. Она, рыдая, подбежала к девочке и опустилась на колени возле нее. Она прижала ее к себе, с рассерженным выражением взглянула на дядю, чтобы потрясти его праведным гневом. Но он даже не взглянул в ее сторону, забыв о ней и о своей жалкой жертве. Она не поверила своим ушам, когда он сказал Виллирсу:

— Я принимаю ваше предложение, Зароно. Во имя Митры, мы разыщем эти проклятые сокровища и исчезнем с этого дьявольского берега.

После этих слов Белеза не смогла произнести ни слова. Она подняла плачущую девочку на руки и понесла вверх по лестнице. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Валенсо сидит за большим столом и вливает в себя вино из огромного бокала, держа его дрожащими руками, а Зароно, как стервятник, стоит перед ним. Очевидно, он тоже был ошеломлен происшедшим, но он был готов использовать перемену настроений графа. Он говорил с ним

тихим, но твердым голосом, и Валенсо тупо кивал. Гальбро задумчиво стоял в тени, обхватив пальцами подбородок, а слуги вдоль стен украдкой переглядывались друг с другом, пораженные поведением своего господина.

Войдя в комнату, Белеза положила на кровать потерявшую сознание девочку и стала промывать кровавые полосы на спине, а затем смазывать смягчающим боль маслом. Тина слабо стонала. Белезе казалось, что рухнул мир. Она боялась ярости, проснувшейся в сердце дяди. Она никогда не любила его. Он был строг, не проявлял никаких теплых чувств и, кроме того, был скуп и алчен. Но до сих пор она считала его справедливым и храбрым. Содрогаясь от отвращения, вспоминала его глаза и искаженное белое лицо. Что-то до помутнения рассудка испугало его. Почему-то он считал черного человека таким ужасным, что решил продать свою племянницу морскому грабителю. Что скрывалось за этим сумасшествием? Кто был тот черный человек, которого видела Тина?

Девочка бормотала в бреду.

— Я не лгала, моя леди! Я видела черного человека на черной лодке, которая держалась на голубом огне. Это был очень большой человек, темный, почти как кушит, и на нем был черный плащ. Я так испугалась, когда увидела его, что у меня кровь застыла в жилах. Он вышел из лодки, вытащил ее на берег и отправился в лес. Почему граф избил меня только за то, что я видела этого человека?

— Тсс, Тина, — Белеза попыталась успокоить девочку. — Лежи тихо, и боль пройдет.

Дверь заскрипела, открываясь. Белеза схватила украшенный драгоценными камнями кинжал и оглянулась. На пороге с искаженным от страха лицом стоял граф Валенсо. Она уже не считала его своим дядей, это был тот, кто пришел ее мучить.

Она подняла кинжал.

— Если вы еще раз поднимете на нее руку, — прошептала она, — я воткну клинок вам в сердце, клянусь Митрой!

Он не обратил внимания на ее слова.

— Я поставил охрану вокруг главного дома, — сказал он. — Завтра Зароно приведет в форт своих людей, и как только он найдет сокровища, мы отплывем. Куда? Решим по пути.

— И вы хотите продать меня ему? — прошептала она. — Во имя Митры...

Он мрачно взглянул на нее. Белеза отшатнулась. Она увидела в его лице панический ужас, который лишил его рассудка.

— Ты сделаешь то, что я тебе прикажу, — сказал он, повернувшись, и покинул комнату. Белеза бессильно опустилась на кровать Тины.

4

ЧЕРНЫЙ БАРАБАН ГРЕМИТ

В доме было совершенно тихо. И даже корсары на берегу больше не пели. Белеза не знала, как долго она была без сознания. Очнулась она от того, что Тина положила на нее руку и горько зарыдала. Белеза взяла девочку на руки, сухими глазами невидяще уставилась на мерцающее пламя свечи. Мысли вновь вернулись к происходящему.

Известие о появлении таинственного черного человека повергло Валенсо в состояние сумасшествия. Чтобы ускользнуть от этого черного человека, он готов оставить форт и бежать вместе с Зароно, пожертвовав ею. В этом не было никакого сомнения. Она не видела для себя никакого выхода. Слуги и солдаты были бесчувственными, тупыми созданиями, а их жены ограниченными и равнодушными. Никто не отважится помочь ей.

Тина подняла заплаканное лицо, словно прислушиваясь.

— Мы должны бежать отсюда, моя леди! — всхлипнула девочка. — Зароно не должен жениться на вас. Уйдем в лес и будем идти, пока не устанем. Потом мы ляжем и умрем вместе.

— Да, так мы и сделаем, моя девочка.

Нащупав свой плащ, она поднялась и вдруг услышала тихий, но встревоженный голос Тины. Белеза оглянулась — перед ней стояла Тина с огромными от страха глазами, прижав палец к губам.

— Что случилось, Тина? — шепотом спросила Белеза, и ледяная рука страха сжала ее сердце.

— Кто-то там в коридоре, — прошептала Тина, схватив Белезу за руку. — Он остановился перед нашей дверью, потом тихо скользнул дальше, к комнате графа.

— Твои уши слышат лучше, чем мои, — тихо сказала Белеза. — Но вероятно, это был сам граф или Гальбро.

Она хотела открыть дверь, но Тина обвила руками ее шею, и Белеза почувствовала, как бешено бьется сердце маленькой девочки.

— Нет, моя леди! Не открывайте дверь. Я так боюсь. Я чувствую, что поблизости находится что-то страшное!

Белеза обняла одной рукой Тину, а другую протянула к маленькому металлическому кружку, закрывающему крошечное смотровое отверстие в центре двери.

— Он возвращается! — прошептала Тина. — Я слышу его!

Теперь Белеза тоже кое-что услышала — странные скользящие шаги, которые не могли принадлежать никому из тех людей, кого

она знала, но это был и не Зароно, носивший сапоги. Белезу охватил непреодолимый страх. Может быть, это корсар шел босиком по коридору, чтобы убить во сне своего гостеприимного хозяина? Она вспомнила о солдатах, охранявших дом. Даже если корсару удалось пробраться в комнаты главного дома, он должен был наткнуться на охрану перед дверью Валенсо... Но кто же, в таком случае, крался по коридору? Кроме нее, Тины, графа и Гальборо никто не спал в верхнем этаже.

Торопливым движением Белеза погасила свечу, чтобы открыть смотровое отверстие, сдвинув в сторону металлический кружок. В коридоре было темно, хотя обычно всю ночь горели свечи. Она скорее почувствовала, чем увидела, как размытая фигура мужчины скользнула к ее двери. Ледяной ужас сковал горло. Она непроизвольно пригнулась и не могла произнести ни звука, хотя крик вот-вот должен был сорваться с ее губ. Это был слепой, необъяснимый ужас, который стиснул ее сердце и парализовал язык.

Фигура скользнула дальше к лестнице, где быстро пересекла полоску слабого света, струящегося снизу. На мгновение Белеза увидела гладко выбритую голову на широких, сильных плечах и смуглое лицо с профилем хищной птицы. Взмахнув плащом, незнакомец исчез.

Белеза затаила дыхание, ожидая окрика солдат, которые оставались в банкетном зале и должны были увидеть чужака. Но все было тихо. Только ветер стонал вдали.

Руки ее были мокрые от страха, когда она нащупала свечу, чтобы зажечь ее. Белеза все еще дрожала от ужаса, хотя не могла сказать, что такого ужасного в этой черной фигуре, которую осветил красноватый отсвет каминного огня из зала первого этажа. Она поняла только, что незнакомец лишил ее мужества.

Свеча замерцала и осветила бледное лицо Тины.

— Это был черный человек! — прошептала девочка. — Я знаю это! Моя кровь теперь застыла так же, как и тогда. Там, внизу, солдаты, как же они не заметили его? Может, нам сказать графу?

Белеза покачала головой. Она не хотела повторения сцены. И, кроме того, она не отважилась бы выйти в коридор.

— Теперь мы не можем бежать в лес, — голос Тины дрожал. — Он подстерегает нас там!

Белеза не спросила, откуда девочка знает, что черный человек остался в лесу, потому что в конце концов лес был естественным укрытием всего зла, человеческого и сверхъестественного. И она знала, что Тина была права. Она беспомощно опустилась на край кровати и закрыла лицо руками.

Тина наконец заснула, но слезы блестели на ее ресницах, и она беспокойно металась от боли.

* * *

Под утро Белеза почувствовала, что воздух стал невероятно тяжелым и душным. С моря доносился глухой рев и грохот. Она задула остаток свечи и подошла к окну, откуда было видно море и часть леса.

Туман рассеялся, и на востоке появилась узкая, бледная полоска — первый признак рассвета. Но на западе собралась темная масса облаков. Молнии пронизывали ее, гремел гром, совершенно неожиданно отдававшийся в темном лесу эхом.

Испуганная Белеза вглядывалась в темный лес. Оттуда доносился странный, ритмично пульсирующий звук, который был похож на бой барабанов пиктов.

— Барабан! — всхлипнула Тина. Она судорожно стиснула и расслабила пальцы во сне. — Черный человек... бьет в черный барабан... в черном лесу! О, Митра, защити нас!

Белеза содрогнулась. Темная туча на западном горизонте изменялась, клубилась, вспухала, расширялась. Белеза наблюдала за ней, вспомнив, что в прошлом году в это время не было штормов. Да и такой тучи она никогда раньше не видела.

Туча приближалась гигантской массой пульсирующей черноты, пронизываемой голубыми молниями. Ее гром заставлял содрогаться воздух. Потом к ужасному грому примешивался другой, не менее ужасный звук — голос ветра, мчащегося вместе с ней. Чернильно-черный горизонт разрывали и искажали молнии. Она увидела, как далеко в море вздымаются волны, увенчанные короной пены. Она слышала жуткий грохот, который по мере приближения тучи становился оглушающим. Грохот сливался с таинственным боем барабана в лесу.

Белеза посмотрела на темный лес, и перед ее мысленным взором появилась ужасная фигура черного человека, бьющего в странный барабан.

Белеза отогнала эту призрачную картину и посмотрела на море, где молнии разрезали небо. В их коротких ослепительных вспышках были видны мачты корабля Зароно, палатки пиратов на берегу, песчаный гребень южного рога бухты и скалы северного. Вой ветра разбудил людей в главном доме. Проснулся испуганный Зароно и свирепо прохрипел:

— Почему меня не предупредили об этом шторме с запада? Если сорвет с якоря...

— В это время с запада еще никогда не приходили штормы! — прокричал Валенсо, выбегая из своей комнаты с побелевшим лицом, растрепанными волосами и в ночной рубашке... — Это работа... — следующие слова были заглушены топотом ног. Они оба побежали в башню обзора.

Белеза испуганно присела у своего окна. Ветер ревел все сильнее, пока не заглушил все другие звуки, все, кроме сумасшедшего грохота барабана в лесу, звук которого поднялся в тоне и стал торжественным. Шторм с грохотом обрушился на берег, пригнав перед собой пенный гребень волны длиною в милю. А потом на берегу разразился ад. Ливень хлестал по берегу, гром гремел, а ветер с ревом налетал на строения форта. В свете молний сквозь завесу ливня Белеза увидела, как палатка моряков была сорвана и унесена прочь, а сами люди с огромным трудом пробирались к форту.

В свете следующей молнии она увидела, что корабль Зароно сорвало с якоря и с чудовищной силой расплющило о береговые утесы.

5
ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЛУШИ

Шторм утих. Солнце показалось на ясном, голубом, вымытом дождем небе. Пестрые птицы на ветках пели утренние песни, а на свежих зеленых листьях, мягко колышимых легким бризом, как бриллианты блестели капли дождя.

На краю леса, у ручейка, пригнулся человек, чтобы вымыть руки. Внезапно он поднял голову. Вода сбежала по его волосам и потекла ручейком. Он схватился за меч, напряженно прислушиваясь.

Мужчина огромного роста направился по песку прямо к нему. Глаза светловолосого пирата расширились, когда он увидел плотно облегающие шелковые штаны, высокие сапоги с широкими длинными отворотами, развевающийся плащ и головной убор, какие носили сто лет назад. В руке приближавшегося человека была широкая сабля, которой он и замахнулся. Пират узнал этого человека.

— Ты! — бледнея, выдохнул он. — Во имя Митры, ты!

Проклятие сорвалось с его губ, когда он поднял меч. Когда клинки ударились друг о друга, посыпались голубые искры. Потом звон стали завершился глухим ударом, и пират, захрипев, опустился на колени. Рукоятка сабли выскользнула из его ослабевшей руки, и он опустился на покрасневший песок. В последнем усилии, ощупав свой пояс, он что-то вытащил и попытался поднести к губам, но тут по телу его пробежала дрожь и пальцы разжались.

Победитель нагнулся и взял то, что вывалилось из руки на песок.

Зароно и Валенсо стояли на берегу и мрачно смотрели на обломки, которые собирали их люди, жалкие осколки мачт и разбитые доски. Немного позади них стояла Белеза, обняв рукой Тину.

Она была бледна и апатична. Мысль о том, что она игрушка в руках дяди, угнетала ее. При этом ей было все равно, как это все закончится.

Зароно грубо выругался, а Валенсо был словно оглушен.

— Сейчас не время для штормов, — бормотал граф, — это не случайность, шторм был наслан, чтобы разбить корабль и сделать невозможным мое бегство отсюда. Бегство! Я сижу, как крыса в западне, как это и было задумано. Нет, не только я, мы все в западне...

— Я не имею никакого представления, о чем вы говорите, — сказал Зароно, резко дернув себя за ус. — Мне не удалось услышать от вас ни одного разумного слова с тех пор, как эта светловолосая девочка напугала вас своим рассказом о черном человеке. Но я знаю, что мне не хочется провести остаток своей жизни на этом проклятом берегу. С кораблем погибли десять моих людей, но у меня осталось еще сто шестьдесят и у вас есть около сотни. В вашем форте есть инструменты, а в лесу имеется достаточно деревьев. Как только мы выловим обломки, я отправлю своих людей валить деревья. Мы построим новый корабль.

— На это уйдут месяцы, — пробурчал Валенсо.

— Вы можете предложить лучший способ провести время? Мы застряли здесь и уберемся отсюда только в том случае, если построим новый корабль. До сих пор если я чего-то хотел, я всегда этого добивался. Я надеюсь, что шторм разбил также и корабль Стромбанни. Пока часть людей будет строить корабль, мы с другой частью отыщем драгоценности Траникоса.

— Мы никогда не сможем построить корабль, — вздохнул Валенсо.

Зароно рассерженно повернулся к нему.

— Когда же вы наконец будете говорить так, чтобы я смог понять вас? Кто такой этот проклятый черный человек?

— Да. Действительно проклятый, — пробормотал Валенсо, уставившись на море. — Тень моего кровавого прошлого, которая хочет забрать меня в ад. Из-за нее я бежал из Зингары и надеялся, что после моего путешествия по дальним морям она потеряет мой след.

— Если этот парень высадился здесь, то укрылся в лесу, — предположил Зароно. — Мы прочешем лес и отыщем его!

Валенсо хрипло рассмеялся.

— Легче поймать тень от облака, закрывающего луну, или клок тумана, поднявшегося в полночь из болота. И гораздо менее опасно голой рукой пытаться в темноте нащупать кобру.

Зароно недоверчиво посмотрел на графа, видимо, сомневаясь в здравом уме Валенсо.

— Кто этот человек? Откажитесь от этих ваших мелочных тайн.

— Тень моей собственной жестокости и алчности: ужас из прошлых времен — не смертный из мяса и костей, а...

— Эй, там парус! — проревел наблюдатель на северном роге бухты.

Зароно повернулся, и его голос раздался в воздухе.

— Ты узнаешь этот корабль?

— Ага! Это «Красная рука».

— Стромбанни! — в ярости воскликнул Зароно. — Ему помогает сам дьявол! Как ему удалось ускользнуть от шторма? — голос корсара превратился в рев, раздавшийся по всему берегу. — Назад, в форт, собаки!

Пока «Красная рука», очевидно, мало поврежденная, огибала мыс, берег опустел, зато за палисадом вплотную друг к другу торчали одетые в шлемы и повязанные платками головы. Корсары примирились со своими новыми союзниками, они обладали приспособляемостью искателей приключений, а люди графа смотрели на них с равнодушием рабов.

Зароно скрипнул зубами, когда к берегу направилась длинная лодка, и он увидел на ее носу Стромбанни. Лодка подошла к берегу, и он один отправился в форт.

Стромбанни остановился на некотором расстоянии от форта и проревел зычным голосом, который был хорошо слышан в тишине утра:

— Эй, в форте! Я пришел, чтобы вести с вами переговоры!

— Почему же, во имя всех семи кругов ада, ты этого не делаешь? — мрачно ответил Зароно.

— Когда в последний раз я пришел сюда под белым флагом, в мой нагрудный панцирь ударила стрела! — проревел пират.

— Ты сам вынудил нас к этому! — крикнул ему в ответ Валенсо.

— Я требую гарантии, что подобное больше не повторится!

— Я даю тебе свое слово! — насмешливо крикнул ему Зароно.

— Твое слово проклято, зингаранская собака! Я требую слова Валенсо!

Граф еще сохранил какую-то часть своего достоинства и произнес:

— Подойди ближе, но смотри, чтобы твои люди остались там, где они есть. В тебя больше не будут стрелять!

— Этого мне достаточно, — тотчас же заверил его Стромбанни. — Какие бы грехи Корзетты ни были на вашей совести, на ваше слово можно положиться.

Подойдя ближе, он остановился у ворот.

— Ну, Зароно, — насмешливо произнес он, — теперь у тебя кораблем меньше, чем во время нашей последней встречи. Зингаранцы никогда не были хорошими моряками.

— Как тебе удалось спастись, ты, мессантийская крыса? — прогремел корсар.

— В паре миль к северу отсюда находится бухта, защищенная длинной песчаной косой, которая укоротила ярость шторма, — ответил Стромбанни. — Я укрылся там, хотя якорь сорвало, но вес «Красной руки» удержал ее вдали от берега.

Зароно мрачно наморщил лоб. Валенсо молчал. Он даже не слышал об этой бухте. Он знал только маленький пятачок суши. Страх перед пиктами и необходимость занять работой людей в форте удерживали его от исследований.

— Я здесь для того, чтобы заключить с вами договор по обмену, — равнодушно объяснил Стромбанни.

— Нам нечем с тобой меняться, кроме ударов мечей, — пробурчал Зароно.

— Я придерживаюсь другого мнения, — улыбка играла на тонких губах Стромбанни. — Уже достаточно того, что вы убили и ограбили Галакуса, моего Первого Офицера. До сегодняшнего дня я считал, что драгоценности Траникоса находятся у Валенсо. Но если бы это было так, вам не пришлось бы преследовать и убивать Галакуса, чтобы завладеть картой.

— Картой? — воскликнул Зароно.

— Как будто не знаешь! — Стромбанни рассмеялся, но в глазах его сверкала ярость. — Я знаю, что она у вас. Пикты не носят сапог!

— Но... — смущенно начал граф, быстро умолкая, заметив предостерегающий знак Зароно.

— Ну, если у нас есть карта, чем тогда ты сможешь нас заинтересовать?

— Впустите меня в форт. Там мы можем спокойно поговорить. — Он не ответил на вопрос, хотя люди палисада хорошо понимали, что пират имеет в виду свой корабль. Этот факт был главным, а все остальное безразлично.

— Твои люди останутся там, где они есть, — предупредил Зароно и указал на длинную лодку на берегу и на корабль, стоящий в бухте на якоре.

— Очень хорошо, но не думай, что ты можешь взять меня как простофилю. Я требую честного слова Валенсо, что я покину его форт живым, придем ли мы к согласию или нет.

— Я даю тебе слово, — заверил граф.

— Ну, хорошо. Итак, ты сейчас откроешь ворота, и мы поговорим.

Ворота открыли, потом снова закрыли, предводитель пиратов исчез из виду.

* * *

На широкой лестнице над банкетным залом, пригнувшись, спрятались Белеза и Тина. За длинным столом внизу сидели Валенсо, Гальбро, Зароно и Стромбанни. Кроме них в большой зале никого не было.

Стромбанни выпил вино одним глотком и поставил на стол пустой бокал. Его лицо приняло выражение откровенной искренности, но глаза по-прежнему были жестоки и коварны, и он сразу перешел к делу:

— Мы все заинтересованы в драгоценностях, которые старый Траникос упрятал где-то поблизости от этой бухты, — сказал он. — У каждого из нас есть что-то, что нужно другим. У Валенсо есть рабочие, снаряжение, припасы и форт, дающий нам защиту от пиктов. У тебя, Зароно, есть моя карта. У меня есть корабль.

— Я не понимаю одного, — пробурчал Зароно. — Если у тебя была карта, почему ты не взял себе эти сокровища?

— У меня ее не было. Этот пес Зингелито заколол старого скрягу и в темноте свистнул карту. Но у него не было ни корабля, ни экипажа, и ему потребовалось больше года, пока он нашел и то и другое. Когда же он, наконец, решил, что сокровища уже его, пикты убили многих из его людей и вынудили, не дав высадиться, вернуться обратно в Зингару. Один из пиратов выкрал у него карту и недавно продал ее мне.

— Итак, именно поэтому Зингелито выбрал эту бухту, — пробурчал Валенсо.

— Граф, вас привел сюда этот пес? — спросил Стромбанни. — Я хочу поблагодарить его за это. Где он?

— Наверное, в аду, в конце концов, раньше он был корсаром. Пикты убили его, когда он пошел в лес искать сокровища.

— Великолепно! — довольно произнес Стромбанни. — Тебя интересует карта, которая была у моего Первого? Я доверял ему, и мои люди верили ему больше, чем мне. Итак, я передал карту возле самого леса. Когда же мы его нашли, он был заколот, очевидно, в поединке. Люди уже были готовы обвинить в этом меня, но тут, к счастью, мне удалось найти следы убийцы, и я доказал этим идиотам, что это отпечатки не моих сапог. Я сразу заметил, что сапог с такими подметками нет ни у одного из моих людей, ну а пикты не носят сапог. Следовательно, зингаранца убили вы!

Теперь у вас есть карта, однако нет сокровищ. Потому что, если бы они у вас были, вы не пустили бы меня в форт. Но вы не можете выйти наружу, чтобы отправиться на поиски сокровищ,

потому что мы не спустим с вас глаз и, кроме того, у вас нет корабля, на котором вы могли бы увезти их отсюда.

Выслушайте мое предложение: Зароно, ты даешь карту. А вы, Валенсо, обеспечиваете свежим мясом и другими продуктами. А за это я доставлю вас троих и леди Белезу с ее опекаемой куда-нибудь, откуда вы легко сможете достичь одного из зингаранских портов. А Зароно я охотно высажу там, где ему захочется и где он сможет встретить корсаров, потому что в Зингаре его, несомненно, ждет петля виселицы. И кроме того, я буду великодушен и дам вам некоторую часть сокровищ.

Корсар в задумчивости подергал усы. Конечно, Стромбанни даже на мгновение не подумает о соблюдении этого договора. Кроме того, Зароно не согласится на подобное предложение, даже если бы у него была карта. Он задумался над тем, как же обмануть Стромбанни.

— Что тогда нам помешает схватить тебя и вынудить твоих людей отдать нам корабль?

Стромбанни издевательски рассмеялся.

— Ты действительно считаешь меня дураком? Мои люди получили приказ при первых же признаках предательства поднять якорь и покинуть бухту; они сделают то же и в том случае, если я не вернусь в условленное время. Вы не получите корабля даже в том случае, если на их глазах с меня живого сдерут шкуру. Кроме того, граф Валенсо дал слово.

— Я еще никогда не нарушал своего слова, — мрачно произнес Валенсо. — Достаточно угроз, Зароно.

Корсар молчал, придумывая, как ему продолжить переговоры и заполучить корабль Стромбанни, не сознаваясь в отсутствии карты.

— Позвольте мне взять на корабль своих людей, — сказал он. — Я не могу бросить на произвол судьбы своих верных людей...

Стромбанни презрительно фыркнул.

— Почему ты не просишь мою саблю, чтобы перерезать мне горло? Не бросить своих верных людей на произвол судьбы — ха! За хорошую плату ты продашь даже родного брата. Нет, ты сможешь взять с собой не более двух человек, а этого недостаточно для захвата моего корабля.

— Дай нам один день, чтобы все обдумать, — спокойно сказал Зароно.

Стромбанни ударил кулаком по столу так, что из бокалов выплеснулось вино.

— Нет, во имя Митры! Я требую немедленного ответа!

— Ты, бараханская собака! Ты сейчас получишь ответ — прямо в твое поганое брюхо... — вскочив, заорал Зароно. Ярость одержала верх над его хитростью.

Он отбросил плащ в сторону и схватился за меч. Стромбанни вскочил так быстро, что стул опрокинулся с громким стуком. Ва-

ленсо протянул руку, чтобы разделить двух мужчин, которые уже наполовину вытащили мечи и с искаженными ненавистью лицами смотрели друг на друга.

— Господа! Я вас очень прошу! Зароно, я же дал ему слово...

— К черту ваше слово, — оскалился корсар.

— Остановитесь, мой лорд, — произнес пират веселым голосом, полным жажды крови. — Вы дали мне слово, что в отношении меня не будет никакого предательства. Но я не считаю нарушением слова с вашей стороны, если я в честной борьбе обменяюсь с этой собакой несколькими ударами меча...

— Это верно, Стром! — внезапно раздалось откуда-то сзади.

Все повернулись и непроизвольно открыли рты. Белеза с огромным трудом смогла подавить крик.

Из двери, ведущей в соседнее помещение, вышел человек. Он без колебаний, но и без излишней поспешности подошел к столу. В воздухе повисло напряжение.

Вошедший был гораздо крупнее корсара и пирата. Несмотря на то что фигура его казалась невероятно мощной, двигался он с гибкостью пантеры. На нем были сапоги с отворотами, штаны из кожи и белого шелка, а под открытым небесно-голубым развевающимся плащом была видна шелковая рубашка и алый кушак вокруг талии. Плащ был украшен желудеобразными серебряными застежками с золотой вышивкой. Блестящая шляпа завершала костюм, какие носили около ста лет назад. На боку чужака висела тяжелая сабля.

— Конан! — воскликнули корсар и пират одновременно. Валенсо и Гальбро, услышав это имя, затаили дыхание.

— Да, Конан, — гигант, насмешливо улыбаясь застывшим как статуи присутствующим, подошел к столу.

— Что вы здесь делаете? — запинаясь, произнес управляющий. — Как вы сумели пройти сюда?

— Я перелез через палисад с восточной стороны, пока ваши глупцы толпились у ворот, — ответил Конан. Он говорил по-зингарански с варварским акцентом. — Все они вывихнули себе шеи, смотря на запад. Я вошел в дом в тот момент, когда Стромбанни впускали в форт. Я с интересом слушал вашу беседу, находясь в соседней комнате.

— Я считал, что ты мертв, — растягивая слова, сказал Зароно. — Три года назад были найдены обломки твоего корабля. С тех пор тебя никто не видел.

— Я не пил с командой моего корабля, — ответил Конан. — Великий Океан оказался милостив ко мне — я выплыл. Некоторое время был солдатом в Черных Королевствах, а потом в Аквилонии. Можно сказать, я стал знаменитым, — он оскалился. — Во всяком случае, до недавнего времени, пока Нумедидесу внезапно не перестало нравиться мое лицо. Но теперь к делу, господа.

Тина и Белеза, вытаращив глаза, смотрели на воплощенную в кровь и плоть легенду.

Все побережье знало о Конане — искателе приключений, бывшем когда-то капитаном пиратского судна и настоящей грозой Западного Океана. Дюжину кровавых историй рассказывают о его приключениях. Человек исключительной отваги, человек, которого никто не мог убить. И вот он здесь... «Что же произойдет, если его мнение не совпадет с мнением остальных?» — со страхом спрашивала себя Белеза.

Валенсо оправился от шока, вызванного внезапным появлением чужака в своем доме. Он знал, что Конан, родившийся и выросший в суровой киммерийской пустыне, не испытывал затруднений в ситуациях, которые для цивилизованных людей показались бы безвыходными. Поэтому незаметное проникновение киммерийца в форт было не удивительным. Но Валенсо опасался, что вслед за ним могут проникнуть сюда и другие варвары, например пикты.

— Что вам здесь надо? — грубо спросил он. — Вы пришли с моря?

— Нет, из леса, — киммериец кивком показал на восток.

— И вы жили среди пиктов? — холодно осведомился Валенсо.

В голубых как лед глазах гиганта вспыхнул гнев.

— Даже зингаранец должен знать, что между пиктами и киммерийцами никогда не было мира и, может быть, никогда не будет, — он дико выругался. — Я долго жил среди так называемых цивилизованных людей, чтобы понять ваше невежество и такое негостеприимство. Но забудем об этом, — он повернулся к обоим морским грабителям, — если я правильно расслышал, какая-то карта рассорила вас.

— Это тебя вообще не касается, — проворчал Стромбанни.

— Может быть, вот эта? — Конан вытащил из кармана сильно помятый клочок пергамента, на котором было что-то изображено красным цветом.

Стромбанни побледнел.

— Моя карта! — воскликнул он. — Откуда она у тебя?

— От твоего рулевого Галакуса, после того как я убил его, — ответил Конан, свирепо усмехнувшись.

— Ты, собака! — взвыл Стромбанни и повернулся к Зароно. — Так у тебя вообще не было карты!

— Я никогда и не утверждал, что она у меня есть! — пробурчал Зароно. — Ты сделал совершенно неверные выводы. Не будь дураком. Конан один. Будь с ним его люди, он давно бы уж всех перерезал. Мы отнимем у него карту...

— Это так похоже на вас! — рассмеялся Конан.

Ругаясь, они кинулись на него. Конан спокойно отступил на шаг и бросил карту на пылающие угли в камине. С бычьим ревом

Стромбанни ринулся на него, но удар в ухо заставил его, почти потерявшего сознание, опуститься на пол. Теперь Зароно выхватил свой меч, однако, прежде чем он смог ударить, сабля Конана выбила его из рук.

С дьявольски сверкающими глазами Зароно отшатнулся на стол. Стромбанни же с трудом поднялся. Глаза остекленели, а из разбитого уха капала кровь. Конан слегка нагнулся над столом, и его вытянутая сабля уперлась в грудь графа Валенсо.

— Не пытайтесь звать солдат, граф, — предупредил киммериец. — Ни звука и ты, собачья морда, — последнее относилось к Гальбро. — Карта сгорела дотла, и теперь бессмысленно проливать кровь. Садитесь, вы все!

Стромбанни пожал плечами и упал мешком на стул. Другие тоже сели. Конан остался стоять, он смотрел на своих врагов сверху вниз. Они же были полны злобы и ненависти.

— Я призываю вас ничего не предпринимать, — сказал он.

— А что ты можешь нам предложить? — насмешливо спросил Зароно.

— Только драгоценности Траникоса!

— Что? — все вскочили.

— Садитесь! — прогремел Конан, ударив по столу широким клинком своей сабли.

Они повиновались, хотя возбуждение от услышанного было велико. Конан ухмыльнулся. Он наслаждался действием своих слов.

— Да, я нашел драгоценности до того, как заполучил эту карту. Поэтому я и сжег ее. Теперь никто не найдет драгоценности, если я не покажу, где они находятся.

Они смотрели на Конана с возрастающим чувством ненависти и желанием расправиться.

— Ты лжешь, — неуверенно сказал Зароно. — Ты уже однажды солгал нам, утверждая, что не жил среди пиктов. Но каждый знает, что эта страна — сплошная глушь, где живут только дикари. Ближайшие форпосты цивилизации — аквилонские поселения на берегах реки Грома. В сотне миль на восток отсюда.

— Именно оттуда я и пришел, — невозмутимо ответил Конан. — Думаю, что я первый белый человек, который когда-либо пересекал пиктийскую глушь. Когда я бежал из Аквилонии в Страну Пиктов, я наткнулся на отряд пиктов и убил одного из них. Но в рукопашной схватке в меня попал камень из пращи, и я потерял сознание. Дикари взяли меня в плен живым. Эти парни были из Племени Волка. А их вождь попал в руки клана Орла, и они обменяли меня. Орлы почти сотню миль протащили меня на запад, чтобы сжечь в деревне вождя. Но однажды ночью, убив трех или четырех воинов, я бежал.

Вернуться я не мог, они шли по пятам. Но пару дней назад мне посчастливилось отделаться от них, и, слава Крому, я нашел убежище именно там, где Траникос спрятал сокровища. Я нашел все: сундуки с одеждой и оружием, целые кучи монет, драгоценностей и золотых украшений и среди них драгоценный камень Тотмекрис, сверкающий как застывший звездный свет! Старый Траникос и одиннадцать его доверенных помощников сидят вокруг стола из черного дерева и в течение ста лет неподвижно любуются этой драгоценностью.

— Что?

— Да, — Конан рассмеялся. — Траникос умер около своих драгоценностей и все другие вместе с ним! Их трупы не разложились, ни иссохли. Они сидят там в своих сапогах с отворотами, длинных плащах и кожаных шляпах, у каждого из них в руке стакан вина, и сейчас они сидят так же, как сидели в течение всей этой сотни лет.

— Невероятно! — пробурчал Стромбанни, полный неприятных чувств. — В конце концов, нам нужно сокровище. Говори дальше, Конан.

Теперь киммериец тоже сел за стол, налил в бокал вина и опустошил его.

— Во имя Крома, это первое вино с тех пор, как я покинул Аквилонию, — произнес он. — Эти проклятые Орлы так наступали мне на пятки, что я едва успевал подкрепиться ягодами и орехами, которые находил в пути. Иногда мне попадалась лягушка, и я проглатывал ее сырой, потому что не отваживался разжечь костер.

Его нетерпеливые слушатели, ругаясь, объяснили ему, что их не интересует его питание.

Он ухмыльнулся и продолжал:

— Ну, после того как я случайно наткнулся на сокровище, я отдохнул пару дней, сделал и установил силки на кроликов и залечил свои раны. Тут я увидел на западной части небосклона дым, но, конечно, подумал, что это какая-то деревушка пиктов на побережье. Я остался около сокровища, потому что случайно укрылся в том месте, которого избегают пикты. Если меня действительно выслеживало какое-нибудь из местных племен, они по крайней мере должны были показаться.

Вчера ночью я, наконец, направился на запад, намереваясь выйти на берег парой миль севернее того места, где я наблюдал дым. Я был недалеко от берега, когда ударила буря. Я спрятал драгоценности под каменным выступом и стал ждать, пока буря не кончится. Потом я забрался на дерево, чтобы посмотреть на пиктов, но вместо этого я увидел караку Строма, стоящую на якоре, и его людей, гребущих на лодке к берегу. Я направился к

лагерю Строма и на берегу встретил Галакуса, у нас были старые счеты, мы на месте разрешили наши проблемы, и он умер.

— Какова была причина этой вражды? — спросил Стромбанни.

— О, несколько лет назад он отбил у меня девушку. О том, что у него была карта, я вообще не знал, пока, умирая, он не попытался проглотить ее.

Я, конечно, сразу узнал карту и забрал ее. Меня беспокоило, что будет, когда твои люди обнаружат труп Галакуса. Я лежал, укрывшись в чаще, пока они рыскали вокруг. Я не счел этот момент подходящим для того, чтобы показаться вам, — он откровенно рассмеялся в искаженное яростью лицо Стромбанни.

— Ну, пока я отлеживался там и слушал вас, я узнал достаточно много интересного, например, о том, что Зароно и Валенсо находились на берегу всего в паре миль отсюда. Когда я услышал, как ты сказал, что Зароно, должно быть, убил Галакуса и забрал карту и ты попытаешься убить его и забрать у него карту...

— Собака! — пробурчал Зароно.

Стромбанни хотя и побледнел, но дружески улыбнулся.

— Может быть, ты думаешь, что я был бы честным с такой собакой, как ты? Рассказывай дальше, Конан.

Киммериец усмехнулся. Было очевидно, что он намерен разжечь пламя ненависти между Зароно и Стромбанни.

— Осталось рассказать немного. Я побежал через лес, в то время пока ты плыл вдоль берега, и оказался у форта задолго до тебя.

Итак, дело теперь выглядит таким образом: у меня есть сокровища, у Строма есть корабль, у Валенсо есть провиант. Во имя Крома, Зароно, я не знаю, что можешь предложить ты, но, чтобы избежать дальнейших стычек, я включаю и тебя. Мое предложение просто.

Мы разделим добычу на четыре части, отплывем в море на «Красной руке». Ты, Зароно, а также ты, Валенсо, останетесь здесь со своими долями. Вы можете сделаться королями глуши или построить корабль из стволов деревьев — как вам будет угодно.

Валенсо побледнел, Зароно выругался, а Стромбанни усмехнулся.

— Ты действительно настолько легкомыслен, чтобы вместе со Стромбанни подняться на борт его корабля? — яростно спросил Зароно. — Он перережет тебе горло, прежде чем берег исчезнет из виду.

Конан рассмеялся и весело добавил:

— Это головоломка о козе, волке и капусте. Как их нужно перевезти через реку, чтобы один не съел другого.

— Это типичный киммерийский юмор, — пробурчал Зароно.

— Я не останусь здесь! — глаза Валенсо дико сверкали. — Есть сокровища или нет, я должен немедленно убраться отсюда.

Конан задумчиво посмотрел на него.

— Ну, хорошо, тогда я предлагаю такой план: мы разделим сокровища, потом Стромбанни, Зароно и вы, лорд Валенсо, а также те из ваших людей, кого вы возьмете с собой, поплывете на «Красной руке». А я останусь полным хозяином этого форта вместе с остатками ваших людей и людей Зароно и построю корабль.

Лицо Зароно побледнело:

— Итак, мне предоставлен выбор: остаться здесь в изгнании или бросить своих людей и подняться на борт «Красной руки», чтобы позволить там перерезать себе горло.

Смех Конана гулко прозвучал в огромном зале. Он по-товарищески ударил Зароно по плечу, не обращая внимания на желание расправиться с ним, сверкающее в глазах корсара.

— Будет лучше, если Зароно отправится со мной, — откровенно сказал Стромбанни. — Ты можешь восстановить против меня моих собственных людей, Конан, и они убьют меня, прежде чем мы увидим на горизонте Бараханские острова.

Пот выступил на побледневшем лице Зароно.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не достигнут суши живыми, если мы доверимся Стромбанни, — сказал он. — Сейчас вы оба в моей власти, потому что мои люди находятся в форте. Что удержит меня от того, чтобы убить вас обоих?

— Ничего, — улыбаясь, ответил Конан. — Кроме того факта, что люди Стромбанни, если ты это сделаешь, уйдут в море и оставят вас здесь, на берегу, где пикты убьют вас всех и очень скоро, и того, что я расколю тебе череп, если ты только попытаешься позвать своих людей, — говоря, Конан смеялся, словно это было невероятно смешным.

Блестящая сабля Конана лежала у него на коленях, в то время как Зароно положил свой меч далеко на стол.

— Да, — пробурчал Стромбанни. — Я согласен на предложение Конана. А что думаете вы, Валенсо?

— Я должен убраться отсюда! — прошептал граф, глядя пустыми глазами. — И я должен поспешить... я должен убраться... прочь... и как можно быстрее!

Стромбанни наморщил лоб, удивленный странным поведением графа, и, злобно усмехаясь, повернулся к корсару.

— А ты, Зароно?

— Разве у меня остается какой-нибудь выбор? — пробурчал Зароно. — Позвольте мне взять с собой на борт трех офицеров и сорок человек моих людей.

— Офицеры и тридцать человек!

— Ну хорошо.

— Итак, все в порядке.

Этим договор был заключен, без рукопожатий и без тостов. Оба капитана смотрели друг на друга, как голодные волки. Граф дрожащими пальцами перебирал усы, полностью углубившись в мрачные мысли. Конан беззаботно потянулся, как огромная кошка, выпил вино и улыбнулся, но это была улыбка спрятавшегося в засаде тигра.

Белеза понимала, что ни один не думает о выполнении соглашения. Каждый из морских грабителей хотел заполучить в свои руки корабль и все драгоценности.

Но как? Что приходило в голову каждому из них? Киммериец, несмотря на свою необычную открытость, был не менее хитер, чем остальные, и еще более опасен. Верх в этой ситуации он взял не только благодаря исключительным физическим данным — хотя его мощные плечи и колоссальные по толщине бицепсы казались невероятно могучими, — но также его железная выдержка, поразившая Стромбанни и Зароно.

— Отведи нас к сокровищам, — потребовал Зароно.

— Подожди немного, — осадил его киммериец. — Мы должны разделить наши силы, чтобы ни один из нас не мог уничтожить другого. Мы сделаем следующее: люди Строма высадятся на берег и разобьют лагерь таким образом, чтобы видеть людей Зароно. Наблюдая друг за другом, они не смоются тайком, пока мы будем искать сокровища, и не нападут на нас из-за засады. Оставшиеся на «Красной руке» люди выведут корабль из бухты, чтобы оказаться вне пределов досягаемости обеих групп. Люди Валенсо останутся в форте, однако ворота должны быть открыты. Вы идете с нами, граф?

— В лес? — Валенсо вздрогнул и плотнее завернулся в плащ. — Не пойду даже за все золото Траникоса!

— Ну, хорошо. Мы возьмем с собой тридцать человек, чтобы нести сокровища, по пятнадцать из каждой команды, и сейчас же отправимся в путь.

Белеза, внимательно наблюдавшая за тем, что происходит внизу, увидела, как Зароно и Стромбанни осторожно обменялись взглядами. Белеза обнаружила в плане Конана смертельную опасность и удивилась, как это он мог допустить ее. Как он сам не понимал, что, как только сокровища окажутся в их руках, оба мошенника убьют человека, которого они так ненавидят. Вздрогнув, она сочувственно посмотрела на приговоренного к смерти. Было странно видеть этого могучего бойца, сидевшего там внизу и пьющего вино, живым и невредимым и знать, что он уже обречен.

Вся эта ситуация была дикой. Белеза понимала, что каждый убил бы остальных, будь у него шанс. Если Зароно окажется

победителем, то она останется в живых — но, взглянув на корсара еще раз, она не знала, что лучше: смерть или Зароно.

— Как далеко нам идти? — осведомился Стромбанни.

— Если мы выйдем немедленно, то в полдень сможем вернуться, — ответил Конан. Он опустошил свой бокал, поправил пояс с оружием и взглянул на графа. — Валенсо, это вы сошли с ума и убили пикта в охотничьей раскраске?

Валенсо пораженно заморгал.

— Значит, вы не знаете, что ваши люди вчера ночью убили в лесу пикта?

— Ни один из моих людей прошлой ночью не был в лесу, — сказал граф, покачивая головой.

— Но в лесу кто-то был, — пробурчал киммериец, вцепившись в стол. — Я видел голову пикта на дереве на краю леса. Там было множество отпечатков мокасин на влажной почве. Итак, пикты были там и видели голову на дереве. Это, должно быть, воин какого-то другого племени, иначе они забрали бы ее с собой. Если у них случайно заключен мир с племенем убитого, они, конечно, побежали в его деревню, чтобы сообщить обо всем.

— Может быть, они его и убили? — произнес Валенсо.

— Нет, конечно, нет. Эта цепочка была обмотана вокруг обрубка шеи и застегнута на нем. Вы, должно быть, сошли с ума, если это сделали.

Он что-то бросил на стол перед графом. Граф придушенно застонал, схватившись руками за горло.

— Я узнал печать Корзетты, — сказал Конан. — Одна эта цепочка укажет любому пикту, что убийство мог совершить только белый.

Валенсо молчал. Он уставился на цепочку, словно это была ядовитая змея, которая может ужалить.

Конан некоторое время наблюдал за ним с мрачным выражением, потом вопросительно посмотрел на остальных. Зароно сделал быстрый жест, показывающий, что граф не в своем уме. Конан сунул свою саблю в ножны и надел кожаную шляпу.

— Ну хорошо, теперь мы можем идти, — сказал он.

Оба морских грабителя опустошили бокалы. Они тоже спрятали клинки в ножны. Зароно положил руку на руку Валенсо и слегка потряс ее. Граф вздрогнул и внимательно осмотрелся, потом он оцепенело последовал за остальными. Цепочка болталась в его пальцах. Но не все покинули зал.

Белеза и Тина все еще сидели наверху и смотрели через балюстраду, они видели, что в зале остался Гальбро, ожидая, пока закроется тяжелая дверь. Потом он бросился к камину и осторожно начал копаться в тлеющих углях. Наконец он нагнулся,

очень пристально разглядывая что-то, затем поднялся, поспешно осмотрелся и вышел через другую дверь.

— Что он искал в камине? — прошептала Тина.

Белеза пожала плечами, потом любопытство одержало верх, и она спустилась в пустой зал. Затем она нагнулась над тем же местом, что и управляющий, и поняла, что же он изучал.

Это были обугленные остатки карты, которую Конан бросил в огонь. Каждое мгновение они могли рассыпаться, но на них еще были заметны светлые линии и пара слов, которые она не смогла прочитать. Линии напоминали гору или утес, а крестики вокруг, вероятно, означали лес или по крайней мере группу стоявших друг возле друга деревьев. Она не знала, где находится эта гора, но по поведению Гальбро она заключила, что ему известно это место. Он был единственным из форта, кто отваживался углубляться в лес на значительное расстояние.

6
ГРАБЕЖ ПЕЩЕРЫ

В зное, последовавшем за бурей, в форте было необычно тихо. Даже голоса людей за палисадом звучали приглушенно. Такая же усталая тишина царила и на берегу, где обе соперничающие команды, вооруженные до зубов, разделенные парой сотен футов, разбили свои лагеря. Далеко от берега, в бухте, находилась «Красная рука» с малочисленным экипажем на борту, готовая при малейших признаках предательства выйти в море. Карака была козырной картой Стромбанни, его лучшей гарантией против трюков соперников.

В зале за столом сидел граф и вертел цепочку. Белеза, войдя в зал, заметила жуткие изменения, произошедшие с дядей. Он, казалось, попал в ад, и страх, захлестнувший его, стер все человеческие черты.

Конан все искусно спланировал. Но, насколько поняла Белеза, он забыл защитить себя от коварства своих спутников. Он исчез в лесу, чтобы провести двух пиратов и тридцать человек их людей. Белеза была уверена в том, что она больше никогда не увидит его живым.

Наконец она открыла рот и испугалась своего голоса, который прозвучал хрипло и напряженно.

— Варвар с этими людьми в лесу. Как только Стромбанни и Зароно заполучат золото, они убьют его. Что будет с нами, когда они вернутся с сокровищами? Должны ли мы действительно погрузиться на борт этого корабля? Можем ли мы доверять Стромбанни?

Валенсо с отсутствующим видом покачал головой.

— Стромбанни нас всех убьет, чтобы получить нашу долю сокровищ. Но Зароно прошептал мне свой план. Мы взойдем на борт «Красной руки» не как гости, а как владельцы корабля. Зароно позаботится о том, чтобы они не управились вовремя и ночью разбили лагерь в лесу. Он найдет возможность убить спящего Стромбанни и его людей. Потом он и его люди украдкой проберутся на берег. Незадолго до рассвета я тайно пошлю из форта своих рыбаков, которые должны будут захватить корабль. Поэтому не надо думать ни о Стромбанни, ни о Конане. Зароно и его люди выйдут из леса и вместе с корсарами на берегу нападут в темноте на бараханцев, а я выведу из форта своих солдат, чтобы поддержать Зароно. Без капитана пираты станут для нас легкой добычей. Потом мы вместе со всеми сокровищами выйдем в море на «Красной руке».

— А что будет со мной? — спросила она.

— Я обещал тебя Зароно, — сурово ответил граф. — Без этого он вообще не возьмет нас с собой.

— Но я не хочу выходить за него замуж, — беспомощно возразила Белеза.

— О, нет, ты сделаешь это, — мрачно сказал граф. Он поднял цепочку, и она блеснула в косо падающих лучах солнца. — Я, должно быть, потерял ее на берегу, — пробормотал он. — Он нашел ее, когда вышел из лодки.

— Вы не потеряли ее на берегу, — повторила Белеза таким же безжалостным голосом, как и его. Сердце ее окаменело. — Вы сорвали ее с шеи прошлой ночью, когда избивали Тину. Я видела эту цепочку, лежащую на полу, прежде чем покинула зал.

Он взглянул на нее. Его лицо посерело от страха.

Белеза усмехнулась, прочитав вопрос в расширившихся от ужаса глазах графа.

— Да! Черный чужеземец! Он был в этом зале! Он нашел цепочку, валявшуюся на полу. Охранники не заметили его, но ночью он был перед дверью вашей спальни. Я видела его через глазок в двери, когда он крался по коридору.

Некоторое время ей казалось, что он умирает. Он обмяк на стуле. Цепочка выскользнула из ослабевших пальцев и упала на стол.

— В главном доме! — прошептал он. — Я думал, что охрана и запоры помешают его проникновению. Глупец! Какой я был глупец! Я так же не могу защититься от него, как и ускользнуть! У моей двери! — это доконало его. — Почему же он не вошел? — простонал он и рванул воротничок, словно тот его душил. — Почему он не положил конец этой ужасной игре? Как часто я видел во сне, как он прокрадывается в мою спальню, нагибается надо

мной и смотрит. И адский голубой огонь мерцает вокруг его головы. Почему...

Припадок кончился, но он невероятно ослабил графа.

— Я понимаю, — задыхаясь, произнес он. — Он играет со мной в кошки-мышки. Убить ночью ему кажется слишком легким и милосердным. Поэтому он уничтожил корабль, чтобы я не смог бежать. Он убил этого бедного пикта и обмотал мою цепочку вокруг его головы, чтобы дикари подумали, что именно я убийца.

Но почему? Какого дьявола он все это затеял? Чего он этим добивается? Наверное, все это настолько чудовищно, что человеческий разум не может понять.

— Кто этот черный чужеземец? — спросила Белеза и почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки.

— Демон, которого я освободил своей алчностью и жадностью, не подумав о том, что он будет мучить меня целую вечность! — прошептал граф, взглянув на Белезу запавшими, странно блестящими глазами, однако у нее появилось ощущение, что он смотрит сквозь нее в мрачное, полное мучений будущее.

— В моей юности при дворе у меня был враг, — начал рассказ граф. — Он был могущественным человеком и стоял между мной и моими амбициями. В своих стремлениях к власти и богатству я стал искать помощи у Черной Магии и обратился к колдуну, который по моему желанию вызвал демона из мрака. Этот демон покончил с моими врагами, моя власть и мое богатство выросли, и никто больше не мог состязаться со мной. Однако я задумал обмануть колдуна в обещанном ему вознаграждении.

Колдуном этим был Тот-Амон из Ринга, изгнанный из своей родной Стигии. Во время царствования короля Ментуфорры он бежал из страны. Когда Ментуфорра умер и на трон Люкура из слоновой кости взошел Ктесфон, Тот-Амон мог вернуться на родину, но он остался в Кордаве и постоянно напоминал мне о том, что я должен расплатиться с ним. Однако вместо того, чтобы отдать ему обещанную половину моего состояния, я донес на него своему монарху, так что Тот-Амону не оставалось ничего другого, как поспешно и тайно вернуться в Стигию. Там он быстро приобрел благосклонность нового правителя, а со временем также и огромное богатство и мощную магическую силу, пока не сделался настоящим правителем страны.

Два года назад, находясь в Кордаве, я получил известие, что Тот-Амон внезапно исчез из Стигии. А потом однажды ночью я увидел его дьявольское коричневое лицо, подстерегающее меня в темном углу зала моего дворца.

Тогда он послал свой дух, чтобы превратить мою жизнь в ад. Но на этот раз король не мог меня защитить, потому что после смерти Фердруго и принятия регентства в стране она распалась

на два лагеря и регент оказался во вражеском лагере. Прежде чем Тот-Амон появился в Кордаве во плоти, я бежал в море. К счастью, его власть имеет границы. Чтобы преследовать меня по морю, чудовище должно оставаться в своем теле, один его дух не может странствовать по морю. Но теперь он выследил меня в этой глуши.

Он прибыл сюда, чтобы заманить меня в западню или убить как обычного смертного. Если он спрячется, его никто не сможет найти. Он, невидимый, скользит в ночи, в тумане, ни замки, ни засовы не смогут его остановить. Глаза охранников он смежает сном. Он управляет духами воздуха, гадами в глубинах и демонами мрака. Он может вызвать шторм. Я надеялся, что мои следы растворятся в голубых волнах, — но он меня выследил, чтобы жестоко отомстить...

Глаза Валенсо горели, когда он уставился в бесконечную даль сквозь завешанную коврами стену.

— Но я его перехитрю! — прошептал он. — Если он только не ударит этой ночью! Завтра под моими ногами уже будет палуба и между мной и его местью снова будет лежать океан.

* * *

Конан, взглянув вверх, внезапно остановился. Моряки, следующие за ним двумя плотными группами, остановились тоже, держа луки наготове.

— Что случилось? — подозрительно спросил Стромбанни. — Почему ты остановился?

— Ты что, слепой? Смотри!

На густых ветвях, нависших над тропой, на них скалилось темное раскрашенное лицо, обрамленное пышными волосами, в которые над левым ухом было воткнуто перо птицы-носорога.

— Я сам снял эту голову и спрятал в чаще! — пробурчал Конан, внимательно осмотрев лес. — Какой сукин сын снова повесил ее здесь? Это все выглядит так, словно кто-то пытается натравить пиктов на форт.

Люди мрачно посмотрели друг на друга. Конан вскарабкался на дерево, взял отрезанную голову и отнес в подлесок, где бросил в протекающий мимо ручей и посмотрел, как она утонула.

— Пикты, следы которых видны вокруг этого дерева, не из племени Птицы-Носорога, — обьяснил он, вернувшись. — Раньше я часто подходил к этому берегу на своем корабле и немного познакомился с прибрежными племенами. Если я верно читаю отпечатки мокасин, это кормонары. Я могу только надеяться, что они находятся на тропе войны с племенем Птицы-Носорога. Однако если между ними мир, то кормонары уже на пути к деревне племени Птицы-Носорога и скоро здесь разверзнется ад. Я не знаю,

где находится эта деревня, но как только эти дьяволы узнают об убийстве, они помчатся по лесу, как голодные волки. Для пиктов не существует худшего злодеяния, чем убийство одного из них и вывешивание его головы на дереве, чтобы ее могли обклевать стервятники. Проклятые странности происходят здесь. Но так бывает всегда, когда «цивилизованные» люди появляются в глуши. Идем.

Двигаясь в глубь леса, люди ослабили мечи в ножнах и стрелы в колчанах. Пираты привыкли к простору моря и неуютно чувствовали себя среди незнакомой зеленой чащи леса. Тропа извивалась, как змея, так что большинство моряков потеряло ориентацию и больше не могло понять, в каком направлении находится берег.

Конан снова и снова изучал тропу, пока, наконец, не пробормотал:

— Кто-то здесь прошел незадолго до нас. И этот кто-то носит сапоги и совсем незнаком с лесом. Быть может, это тот глупец, который нашел череп пикта и снова повесил его на дерево? Нет, это не мог быть он, иначе я обнаружил бы под деревом его следы. Но кто же это был? Кроме следов пиктов, я ничего больше не обнаружил. Кто же этот парень, который прошел здесь перед нами? Может быть, один из вас, сучьих детей, почему либо отправил сюда своего человека?

Стромбанни и Зароно горячо отрицали это, подозрительно поглядывая друг на друга. Ни один из них не мог прочитать следы, на которые указывал Конан, едва видимые отпечатки на плотно утоптанной тропе.

Конан ускорил шаги, и они побежали за ним. Тем временем у грабителей появилось подозрение. Когда тропа повернула на север, Конан покинул ее и стал прокладывать путь между деревьями в юго-восточном направлении. Солнце перевалило за полдень; люди тяжело дышали, продираясь через чащу и перелезая через стволы упавших деревьев.

Стромбанни прошептал Зароно:

— Как ты думаешь, не ведет ли он нас в западню?

— Все возможно, — ответил корсар. — Но, как бы там ни было, без него мы никогда не найдем дорогу обратно, — он бросил на Стромбанни многозначительный взгляд.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — пробурчал пират. — Это, возможно, изменит наши планы.

Чем дальше они продвигались, тем больше росло их недоверие, и они уже были готовы удариться в панику, когда, наконец, вышли из дремучего леса и прямо перед собой увидели скалу, поднимавшуюся из мшистой почвы. Едва заметная тропинка вела из леса на восток, проходила через россыпь обломков и поднималась к плоскому карнизу вблизи вершины.

Конан, одетый в причудливый костюм, какие носили пираты сто лет назад, остановился.

— Это тропа, по которой я поднялся на скалу, когда меня преследовали пикты из племени Орла, — сказал он. — Она ведет в пещеру за карнизом там, наверху. Однако я должен сказать еще кое-что, прежде чем вы подниметесь наверх, чтобы забрать сокровища: если вы убьете меня здесь, вы, конечно, не найдете пути к побережью. Я знаю, что вы моряки и в глухом лесу совершенно беспомощны. Вам не поможет и то, что я скажу вам, — берег находится точно на запад отсюда. Когда вы будете тяжело нагружены сокровищами, вам на обратный путь потребуются не часы, а дни. И я не думаю, что лес безопасное место для белых, особенно тогда, когда люди племени Птицы-Носорога узнают об убийстве своего охотника.

Он улыбнулся им безрадостной улыбкой, и они поняли, что он видит их насквозь.

— Кроме Стромбанни и Зароно все остаются здесь, — сказал Конан морякам. — Нас троих вполне достаточно, чтобы вынести сокровища из пещеры и спустить их вниз.

Стромбанни улыбнулся.

— Я должен идти один с тобой и Зароно? Ты меня считаешь дураком? Я возьму с собой по крайней мере одного человека!

Он указал на боцмана, мускулистого гиганта с обнаженным торсом и широкой набедренной повязкой, в ушах которого болтались золотые кольца, а голова была повязана красной косынкой.

— А я возьму с собой своего Первого! — пробурчал Зароно. Он сделал знак коренастому парню с лицом, похожим на череп мертвеца, на костистом плече которого лежал кривой меч.

— Я не возражаю! — пробурчал Конан. — Следуйте за мной.

Поднимаясь по тропе к утесу, они почти наступали друг другу на пятки. Затем они протиснулись вслед за Конаном в щель в скале и увидели окованные железом сундуки, стоящие по обе стороны прихода.

— Здесь довольно ценные вещи, — сказал Конан равнодушно. — Шелк, кружева, одежды, украшения, оружие — добыча, взятая в южных морях. Но основное сокровище находится там, за дверью.

Тяжелая дверь была полуоткрыта. Конан наморщил лоб. Он хорошо помнит, что он закрыл ее. Но он не подал предупреждающего знака своим спутникам, а только отошел в сторону, пропуская их.

Пираты заглянули внутрь пещеры. Она была освещена странным голубым светом, а под ее сводами кое-где мерцал клубящийся туман. Огромный деревянный стол стоял в центре пещеры, в деревянных резных креслах с высокими спинками и широкими подлокотниками сидели легендарные фигуры членов Братства Траникоса. Мощная голова самого Траникоса была опущена на

грудь, рука все еще сжимала инкрустированный камнями бокал. На Траникосе была лакированная кожаная шляпа, длинная куртка с золотой вышивкой, застежки из драгоценных камней, сапоги с высокими голенищами и накладками и оружейный пояс с золотой пряжкой, на котором висели позолоченные ножны с мечом, рукоятка которого была также украшена драгоценными камнями.

Вокруг огромного стола сидели одиннадцать его людей, каждый уперся подбородком в свою украшенную кружевами грудь. Голубоватое сияние освещало их странно беспокоящим светом. Оно исходило от огромного драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре стола. Оно отражалось также от необычно отполированных драгоценных камней, которые довольно большой кучкой лежали перед Траникосом, — это были драгоценности Тотмекриса, ценность которых превосходила ценность всех драгоценных камней, вместе взятых.

Их помощники, вытаращив глаза, уставились на фигуры и драгоценности. Лица Зароно и Стромбанни были мертвенно-бледными в этом голубом сиянии.

— Идите и все это возьмите, — пробурчал Конан.

Зароно и Стромбанни, в ярости отталкивая друг друга, ринулись к столу. Два их человека следовали за ними вплотную. Зароно пинком широко распахнул дверь — и, ступив на порог, замер, увидев фигуру, которую до сих пор скрывала дверь. Это был лежащий на полу человек, тело и лицо которого были искажены в смертельной агонии.

— Гальбро! — пораженно воскликнул Зароно. — Мертвый! — он с недоверием просунул голову в пещеру и поспешно отпрянул назад. — В пещере смерть! — воскликнул он.

В то время как он кричал, туман в пещере зашевелился, сгущаясь. Внезапно Конан, приложив весь свой вес, бросил четырех человек, закрывающих дверное отверстие, вперед. От мощного удара Конана Зароно и Стромбанни упали на колени, наполовину переступив порог, боцман был сбит с ног, а Первый Офицер ударился о скалу.

Вместо того чтобы, как придумал Конан, втолкнуть всех людей в пещеру и закрыть за ними дверь, а потом подождать, пока демон покончит с ними, — Конан должен был защищаться от яростного нападения Первого Офицера, который бросился на него.

Корсар промахнулся — меч его ударил по стене. Искры посыпались сплошным потоком. Этой паузы было достаточно, чтобы голова Первого покатилась по полу туннеля, отрубленная саблей Конана.

В это мгновение боцман встал на ноги и с обнаженным мечом напал на Конана. Клинок ударился о клинок, и звон был оглушающим.

Тем временем капитаны, до смерти напуганные, перевалились назад, через порог. Они сделали это настолько быстро, что демон не успел полностью сформироваться, и, покинув магическую границу, они оказались вне досягаемости. Пока они стояли за порогом, чудовище растворилось в тумане.

Конан яростно сражался с боцманом, который при каждом шаге истекал кровью и звал на помощь своих товарищей. Конан не успел покончить с боцманом, как оба капитана с обнаженными мечами в руках бросились на него.

Киммериец отпрыгнул назад, на карниз, решив отступать, хотя он был великолепным бойцом, он предпочел бегство, чтобы не попасть в руки остальных пиратов. Они конечно же слышали крики в пещере, но никто не осмеливался первым взобраться на тропу, так как каждый ждал удар в спину. Пока они нерешительно стояли с натянутыми луками, Конан вскарабкался по высеченной в скале лестнице и исчез из поля зрения морских грабителей за каменным гребнем.

Капитаны вывалились на карниз. Люди, увидев своих вожаков, перестали угрожать друг другу и пораженно уставились вверх, на скалу.

— Собака! — заревел Зароно. — Ты хотел заманить нас в ловушку и убить! Предатель!

Конан сверху ответил:

— Чего же вы ожидали? Вы сговорились перерезать мне горло, как только я покажу вам добычу. Если бы не этот идиот Гальбро, я запер бы вас четверых и объяснил бы вашим людям, что вы необдуманно подвергли себя смертельной опасности.

— А после нашей смерти ты забрал бы мой корабль и всю добычу, — бушевал Стромбанни.

— Да. И лучших людей из ваших экипажей. Я уже давно мечтаю снова уйти в море.

Итак, следы, которые я обнаружил на тропе, принадлежали Гальбро. Я только не понимаю, как он узнал об этой пещере и как он хотел в одиночку забрать сокровища.

— Если бы мы не увидели его труп, мы бы попали в западню, — пробормотал Зароно.

— Что это было? — спросил Стромбанни. — Ядовитый газ?

— Нет, это двигалось! Причем принимало дьявольскую форму, прежде чем мы отступили назад. Это демон, заключенный в этой пещере при помощи колдовства, — сказал Зароно.

— Ну что вы теперь будете делать? — насмешливо крикнул Конан сверху.

— Да, — Зароно повернулся к Стромбанни. — Что теперь мы будем делать? Мы не можем войти в пещеру с сокровищами.

— Конечно! — крикнул сверху Конан. — Сокровища вы не получите. Демон задушит вас. Послушайте историю, которую обычно рассказывают пикты, сидя у костра.

«Однажды из-за моря пришли двенадцать чужеземцев. Они напали на одну из деревень пиктов и убили почти всех, кроме нескольких бежавших. Потом, обнаружив пещеру, они затащили в нее золото и драгоценности. Но шаман убитых пиктов — он был одним из тех, кому удалось бежать, — начал колдовать и вызвал демона из глубин ада. Шаман вынудил демона войти в пещеру и задушить двенадцать чужеземцев, которые сидели за столом и пили вино. А чтобы демон после этого не появился в стране пиктов и не начал причинять вред самим пиктам, шаман при помощи магии запер его в пещере».

И эта история рассказывается во всех племенах, и с тех пор все кланы избегают этого проклятого места. Преследуемый племенем Орла, я набрел на скалу с пещерой, а уже в ней я понял, что легенда пиктов — правда. Сокровища Траникоса охраняет смерть.

— Люди должны подняться наверх и уничтожить его! — вскипел Стромбанни.

— Не будь дураком! — сказал Зароно. — Неужели ты действительно думаешь, что кто-то стащит его вниз, пока он со своей саблей охраняет лестницу? Мы можем послать людей с луками на карниз. И как только он осмелится показаться, они пронижут его стрелами. Но, видимо, с этим следует подождать, я уверен — у него есть план, как забрать драгоценности, хотя для их переноски потребуется не меньше тридцати человек. Если он придумал, как сделать это, то и мы сможем. Например, мы изогнем клинок одной сабли так, что она станет крюком, привяжем к нему веревку, забросим крюк за ножку стола и подтянем его к двери вместе с драгоценностями.

— Весьма неглупо, Зароно! — насмешливо похвалил Конан. — Именно это я и собирался сделать. Но как вы вернетесь назад... Если даже вам удастся проложить путь сквозь лес, стемнеет задолго до того, как вы достигнете берега. А я последую за вами и буду убивать вас в темноте, человек за человеком.

— Это не пустая угроза, — пробурчал Стромбанни. — Он может двигаться в темноте быстро и бесшумно, как призрак.

— Тогда мы убьем его здесь, — заскрежетал зубами Зароно. — Часть людей будет обстреливать его, пока остальные будут карабкаться на скалу. Если он не будет убит стрелами, мы прикончим его мечами. Почему он смеется?

— Потому что смешно слышать, как мертвецы строят планы! — крикнул Конан заметно повеселевшим голосом.

— Не спускайте с него глаз, — мрачно сказал Зароно. Потом он приказал подняться на уступ.

Моряки начали карабкаться вверх по тропе. Вдруг раздалось жужжание, которое закончилось глухим ударом. Корсар захрипел, и кровь хлынула изо рта. Он упал на колени, и все увидели древко стрелы, торчащее из спины. Испуганный крик вырвался из глоток моряков.

— Что случилось? — проревел Стромбанни.

— Пикты! — закричал один из пиратов. Он поднял свой лук и выстрелил наугад. Товарищ возле него застонал и упал со стрелой в горле.

— В укрытие, вы, идиоты! — прогремел Зароно. С уступа он видел раскрашенные фигуры, скрывающиеся в кустарнике. Один из пиратов, умирая, скатился вниз. Остальные поспешно отбежали и, рассыпавшись, укрылись за обломками камней у подножия скалы. Стрелы со свистом вылетали из кустов и разбивались о каменные обломки.

— Теперь мы попали в ловушку, — сказал Стромбанни, еще больше побледнев.

— Конан сказал, что они боятся этой скалы, — вспомнил Зароно. — Мы уже на карнизе. А когда наступит темнота, наши люди смогут забраться сюда. Пикты не станут штурмовать его.

— Это так, — с насмешкой ответил Конан. — Они не полезут на скалу, а всего лишь, окружив ее, подождут, пока вы не умрете с голоду.

— Он прав, — беспомощно прошептал Зароно. — Что же нам делать?

— Заключить с ним перемирие, — предложил Стромбанни. — Вывести нас отсюда живыми сможет только он. Перерезать же ему горло мы всегда успеем. — Стромбанни крикнул во весь голос. — Конан, забудь на время нашу вражду. Ты попал в такое же неприятное положение, как и мы. Спускайся и помоги нам всем выбраться отсюда.

— Я сижу совсем не в той лодке, в которой вы, — крикнул он. — Мне нужно только подождать, пока стемнеет, потом я могу спуститься по другой стороне скалы и исчезнуть в лесу. Проскользнуть сквозь оцепление пиктов мне не трудно. Потом я доберусь до форта и сообщу, что вас всех убили дикари, — и это будет чистая правда.

Стромбанни и Зароно с посеревшими лицами смотрели друг на друга.

— Но я этого не сделаю! — проревел им Конан. — Потому что не могу позволить, чтобы белые — даже если это мои враги — были убиты пиктами, как скоты. Прислушайтесь. Там внизу всего лишь маленький боевой отряд. Я думаю, что там всего лишь пара пеших бойцов, идущих впереди большого боевого отряда, который послал их, чтобы отрезать нам путь к побережью.

Думаю, что эти дьяволы охраняют только западную часть скалы, я спущусь вниз по восточной, прокрадусь в лес, им в тыл. А вы тем временем спускайтесь по тропе и вместе с вашими людьми укрывайтесь за обломками камней. Луки и мечи должны быть наготове. Когда вы услышите мой крик, бегите к деревьям на западной стороне поляны.

— А как же сокровища?

— К дьяволу сокровища! Мы можем считать себя счастливчиками! Но это если нам удастся спасти свои головы.

Оба капитана, прислушиваясь к звукам, поняли, что Конан начал спускаться по отвесной стороне скалы, а потом все стихло.

Стромбанни и Зароно с боцманом осторожно стали спускаться по вьющейся тропе. Они преодолели половину тропы, когда стрелы снова запели вокруг них. Боцман охнул и сполз вниз. Древко стрелы торчало у него из груди. Капитанов спасали от стрел нагрудные панцири, пока они спускались по тропе. Оказавшись внизу, они бросились под защиту каменных обломков.

— Не оставит ли Конан нас здесь одних? — выругавшись, спросил Зароно.

— В этом мы можем ему доверять, — заверил его Стромбанни. — У таких, как он, свой собственный кодекс чести. Он поможет нам в борьбе с пиктами, даже если планирует собственноручно убить нас.

— Эй!

Леденящий кровь крик разорвал тишину. И одновременно что-то вылетело из-за деревьев, отскочив от земли. Это была голова с жутко разрисованным искаженным лицом.

— Сигнал Конана! — прогремел Стромбанни. Отчаявшиеся морские грабители поднялись, как волна прибоя, из-за своих камней и устремились в лес.

Потом морские волки проломились через подлесок и набросились на голые разрисованные фигуры. Сабли и мечи ударялись о боевые топоры. Сапоги топтали голые тела. Уцелевшие в короткой резне пикты ударились в бегство, оставив на окровавленной траве семь своих сородичей. А в лесу были слышны звуки боя, но скоро они смолкли и появился Конан, без кожаной шляпы, в разорванном плаще, а с сабли капала кровь.

— Что теперь? — прокаркал Зароно. Он знал, что они одержали победу только потому, что неожиданное нападение Конана пиктам в тыл нагнало на них страху и помешало перебить пиратов.

Конан стал пробираться между деревьями, выводя пиратов на тропу. Морские грабители заревели от облегчения, когда перед ними внезапно появилась тропа.

— Идиот! — Конан схватил пирата, бросившегося бежать, за плечо и отшвырнул назад, к товарищам. — Ты не выдержишь

этого бега, а мы находимся еще в нескольких милях от побережья и не должны переутомляться, потому что последнюю часть пути нам придется бежать изо все сил. Поэтому сохраняйте дыхание. А теперь, вперед.

Пираты шли по тропе за Конаном, стараясь приспособиться к ритму его шагов.

* * *

Солнце коснулось океана на Западе. Тина стояла у окна, из которого Белеза наблюдала за бурей.

— Заход солнца превратил море в кровь, — заметила девочка. — Парус караки — белое пятно на красной воде. А на лес уже спускается ночь.

— А что с моряками на берегу? — устало спросила Белеза.

— Оба лагеря готовятся к ужину, — ответила Тина. — Они собирают плавник и разводят костры. Я слышу, как они перекликаются друг с другом, но что это?

Тина схватилась за подлокотник, и лицо ее побелело.

— Слушайте! Вой вдали, словно воет множество волков!

— Волков, — Белеза вскочила. Ледяная рука сжала ее сердце. — В это время года волки не охотятся стаями.

— О, смотри! — закричала девочка и указала на что-то. — Из леса бегут люди!

Белеза уже была у окна и во все глаза смотрела на крошечные фигурки, выбегавшие из леса.

— Морские грабители! — воскликнула она. — С пустыми руками! Я вижу Зароно... Стромбанни...

— Где Конан? — прошептала Тина. — Послушай! Послушай! — закричала девочка и ухватилась за свою голову. — Пикты!

Теперь все в форте могли это слышать: поднимающийся и затихающий вой ожидания и дикой жажды крови доносился из глубины темного леса. Он подгонял задыхающихся людей еще быстрее бежать к форту.

— Быстрее! — хрипел Стромбанни. — Они уже наступают нам на пятки. Мой корабль...

— Мы не успеем достигнуть его, он слишком далеко от берега! — прокряхтел Зароно. — Мы должны укрыться в форте! Люди на берегу уже видят нас!

Он начал дико размахивать руками, но пираты и корсары на берегу и так все поняли. Люди бросили свои костры и котлы с пищей на произвол судьбы и побежали к воротам палисада. Почти одновременно с ними, огибая южный угол форта, бежали полумертвые от усталости пираты. Ворота позади них сразу же закрылись. Пираты, оставшиеся на берегу, примкнули к солдатам графа.

Белеза, выбежавшая из главного дома, остановила Зароно.

— Где Конан?

Корсар указал рукой на темный лес. Его грудь тяжело вздымалась и опадала. Пот ручьями стекал по лицу.

— Их шпионы наступали нам на пятки. Конан остановился, чтобы убить парочку и дать нам возможность добраться до форта.

Он бросился к палисаду, куда уже вскарабкался Стромбанни. Валенсо уже стоял там, молчаливо закутавшись в плащ. Его лицо превратилось в застывшую маску.

— Смотрите! — проревел один из пиратов.

Из леса выбежал человек и побежал к воротам.

— Конан! — по-волчьи оскалился Зароно. — Теперь мы в безопасности, знаем, где сокровища. Почему бы нам не пристрелить его?

— Нет! — возразил Стромбанни и схватил его за руку. — Нам еще понадобится его сабля. Смотри!

Позади мчащегося киммерийца с ревом неслась сотня голых пиктов. Их стрелы жужжали вокруг Конана. Огромным прыжком он достиг восточной стороны палисада, схватился за острие кольев и перемахнул через палисад, держа в зубах саблю. Плаща на нем не было, белая рубашка в крови и изорвана в клочья.

— Остановите их! — проревел он, опустившись на бруствер. — Если они перепрыгнут палисад, с нами будет покончено.

Пираты, корсары и солдаты тотчас же повиновались — град стрел ударил в приближающуюся толпу пиктов.

Конан увидел Белезу, в руку которой вцепилась Тина.

— Марш в дом! — не терпящим возражений голосом приказал он. — Их стрелы дождем сыплются через палисад. Ну, что я сказал! — Черное древко вонзилось в землю около ног Белезы, дрожа, как змея, готовая к нападению. Конан схватил арбалет и вложил в него болт.

— Эй, вы, несите сюда факелы! — проревел он, перекрывая шум сражения. — В темноте мы не сможем сражаться с ними!

Солнце зашло. В бухте люди на борту караки подняли якорь, и «Красная рука» поплыла к красному горизонту.

7
ДИКАРИ ИЗ ЛЕСА

Опустилась ночь, но факелы слабым светом освещали эту сумасшедшую сцену. Раскрашенные, обнаженные дикари устремились вперед, накатываясь на полисад. Их белые зубы и сверкающие глаза блестели в свете факелов. Перья птицы Носорога были воткнуты в их черные гривы; здесь были также перья кормарака и

морского орла. Воины наиболее диких племен вплели в свои волосы зубы акулы. Прибрежные племена собрались все вместе, чтобы очистить берег от белокожих людей.

Плечом к плечу бросались они на палисад, осыпая его градом стрел, не обращая внимания на стрелы и арбалетные болты, которые уже сразили многих. Иногда они подходили так близко, что их копья могли проникнуть внутрь форта через бойницы. Но каждый раз этот людской поток откатывался назад, оставляя позади себя множество трупов. Морские волки были опытны и искушены в подобных сражениях. Их стрелы и болты пробивали бреши в орде, а их сабли сбивали с палисадов пиктов. Однако дикари снова и снова штурмовали форт.

— Они как бешеные собаки! — пропыхтел Зароно, отсекая хватающиеся за острия кольев палисада темные руки.

— Если мы сможем удержать форт до утра, они потеряют мужество, — пробурчал Конан и с точностью опытного бойца ударил саблей по раскрашенной голове. — Ага, они уже отступают!

Волна людей откатилась назад. Люди на бруствере смахнули пот с лиц, подсчитали погибших и обтерли залитые кровью рукоятки сабель и мечей. Как опьяненные жаждой крови волки, которые вынуждены отказаться от преследуемой жертвы, пикты отпрянули за освещенное пространство. У палисада остались только трупы.

— Они ушли? — Стромбанни смахнул с лица мокрые от пота волосы. Сабля в его кулаке была в зазубринах, а рука забрызгана кровью.

— Они все еще находятся поблизости, — Конан кивком указал на тьму. Он видел, как там что-то двигалось, блестели чьи-то глаза и поблескивало медное оружие.

— Все же они на некоторое время отступили. Установите на бруствере охрану и позаботьтесь, чтобы другие люди тем временем поели и попили. Полночь уже минула. Мы сражались целых четыре часа. Эй, Валенсо, как там у вас?

Граф, в помятом, забрызганном кровью шлеме и нагрудных латах, мрачно подошел к Конану и обоим капитанам. Он что-то неразборчиво проговорил в ответ. Вдруг из темноты раздался громкий голос.

— Граф Валенсо! Из Корзетты! Вы слышите меня? — в этом голосе был стигийский акцент.

Конан услышал, как граф застонал, словно от смертельного удара, пошатнулся и схватился за колья палисада, чтобы удержаться на ногах. Лицо его в свете факелов было пепельно-серым. Голос продолжал:

— Это я, Тот-Амон из Ринга! Неужели вы думаете, что сможете ускользнуть от меня? Сегодня ночью я пошлю к вам демона,

охраняющего сокровища Траникоса! Я освобожу его из пещеры и возьму к себе на службу. Он позаботится, чтобы ваша судьба настигла вас и чтобы вы многократно получили за то, что заслужили: мучительную, медленную и бесчестную смерть.

Его слова завершил мелодичный смех. Валенсо издал громкий крик, соскочил с бруствера и бросился к главному дому.

* * *

Когда в бою наступила пауза, Тина проскользнула к окну. Она молча смотрела, как люди собрались вокруг костра. Белеза читала письмо, которое принесла служанка.

«Граф Валенсо своей племяннице. Приветствую тебя. Мой неизбежный конец близок. Ты должна знать, что я пытался использовать тебя таким образом, какой несовместим с честью графа из Корзетты. Обстоятельства лишили меня выбора.

Я прошу тебя, не суди меня жестоко. Если тебе удастся пережить эту ночь ужаса, молись Митре за грешную душу брата твоего отца.

А теперь прошу держаться подальше от банкетного зала, чтобы тебя не коснулось то, что для меня неотвратимо. Будь здорова».

Рука Белезы, сжимающая письмо, дрожала. Хотя она никогда не чувствовала симпатии к дяде, она увидела в этом письме человеческий порыв.

Тина у окна сказала:

— На бруствере должно быть больше охраны. Предположим, что Черный человек вернется.

Белеза, подошедшая к ней и выглянувшая наружу, вздрогнула.

— Я боюсь, — пробормотала Тина. — Я надеюсь, что Зароно и Стромбанни будут убиты.

— А Конан нет? — удивленно спросила ее Белеза.

— Конан не причинит нам никакого вреда, — убежденно ответила девочка. — Он живет по своим правилам чести, а оба других бесчестны.

— Ты очень умна для своих лет, — пробормотала Белеза с беспокойством, которым каждый раз наполняла ее таинственная проницательность маленькой девочки.

— Смотри! — Тина замерла. — Охранник у южной стены палисада исчез. Я только что видела его на бруствере, а теперь его больше нет!

Из их окна были видны острые колья палисада, поднимающиеся над косыми крышами хижин, которые простирались во все стороны. Нечто вроде открытого коридора около двенадцати футов шириной образовалось между стеной палисада и задними стенами домиков, в которых жили семьи слуг.

— Куда же мог деваться охранник? — прошептала Тина.

Белеза посмотрела на ближайший домик, находящийся недалеко от главного дома. Она могла поклясться, что проскользнула призрачная фигура и исчезла в двери. Это охранник? Почему он покинул свой пост и почему пробрался в дом украдкой? Нет, это был не охранник. Неописуемый страх сжал ее сердце.

— Где граф, Тина? — спросила она.

— В банкетном зале, моя леди. Он сидит, закутавшись в плащ, пьет вино, и лицо у него белое, как у мертвеца.

— Иди и расскажи ему о том, что мы видели. Я буду наблюдать из окна, чтобы пикты незаметно не перелезли через палисад.

Тина выбежала из комнаты. Внезапно Белеза вспомнила о предупреждении графа держаться подальше от банкетного зала.

Но прежде чем она дошла до двери, чтобы позвать Тину назад, услышала пронзительный крик ужаса, от которого сердце чуть не выскочило от страха. Она выбежала из комнаты, не соображая, что она делает. Посреди лестницы она остановилась, словно окаменев.

Она не закричала, как Тина. Она не была способна ни пошевелиться, ни издать какой-либо звук. Она увидела девочку и почувствовала, как ее руки отчаянно вцепились в нее. Но это была единственная реальность в мистическом мире ужасов.

* * *

На дворе Стромбанни только покачал головой на вопрос Конана.

— Нет, ничего не слышал.

— А я слышал! — инстинкты киммерийца пробудились в нем. — Это донеслось с южной стороны, из-за домиков.

Он вытащил саблю и направился к палисаду. Воодушевленный его примером, Стромбанни отправился за ним.

В начале прохода между домиками и стеной палисада он увидел остановившегося Конана. Ход этот был скудно освещен двумя факелами, находящимися в конце коридора. А примерно посередине на земле лежала скорчившаяся фигура.

— Бракус! — выругался Стромбанни. Он подбежал к нему и опустился на колени. — О, Митра! Его горло перерезано от уха до уха.

Конан внимательно осмотрелся. Кроме него, Стромбанни и мертвеца в проходе никого не было.

— Кто мог сделать это? — спросил он скорее себя, чем Стромбанни.

— Зароно! — зашипел, вскакивая, Стромбанни. — Он послал своих собак, чтобы те убили моего человека. Он хочет уничтожить меня! Дьявол! У меня есть враги внутри палисада!

— Подожди! — Конан схватил Стромбанни за руку, чтобы удержать. — Я думаю, что не Зароно...

Но возбужденный пират вырвался и, ругаясь, побежал по проходу. Конан последовал за ним. Стромбанни подскочил прямо к костру, у которого сидел Зароно и пил пиво.

Неподдельное удивление появилось на его лице, когда кружку выбили у него из рук, ее содержимое, пенясь, побежало по нагрудному панцирю, а самого его схватили безжалостные руки.

— Ты, проклятая собака! Убийца! — прогремел Стромбанни. — Ты убиваешь в спину моих людей, хотя они защищают твою шкуру так же, как и мою!

Конан подбежал к ним. По всему двору люди наблюдали за ними.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Зароно.

— Что ты послал своих людей убивать моих людей, находящихся на посту, — проревел бараханец.

— Ты лжешь! — ненависть вдруг вспыхнула всепоглощающим пламенем.

С криком ярости Стромбанни выхватил свою саблю и обрушил на голову корсара. Зароно отразил удар, и искры каскадом хлынули из-под клинка.

В следующее мгновение они бросились друг на друга. Клинки звенели и сверкали в свете костра. Их люди быстро отреагировали: раздался громкий рев, пираты и корсары слепо бросились защищать своих хозяев. Охранники, покинув посты, присоединились. Сейчас же возникла ужасная неразбериха боя. Некоторые из солдат и слуг графа были втянуты в эту рукопашную. Все забыли о враге, затаившемся снаружи.

Это произошло так быстро — люди сражались уже по всему двору, прежде чем Конан успел добраться до обезумевших капитанов. Не обращая внимания на их мечи, он с такой порывистостью отпихнул их друг от друга, что они отлетели назад, а Зароно даже вытянулся во весь рост на земле.

— Вы, проклятые идиоты! Вы хотите поставить на карту жизнь всех нас?

Стромбанни вскипел от ярости, а Зароно стал звать на помощь.

Один из корсаров подбежал к Конану и ударил его сзади. Киммериец, полуобернувшись, схватил его руку и поднял вместе с саблей.

— Смотрите, вы, идиоты! — проревел он, указывая на что-то саблей.

Голос Конана привлек внимание этого обезумевшего сброда. Люди остановились и вытянули шеи, чтобы посмотреть. Конан указывал на бруствер. Человек зашатался, взмахнул руками, попытался что-то крикнуть, а потом упал вниз головой. Тут все увидели черное древко стрелы, выступающее у него из спины.

Люди испуганно взревели. За этим ревом последовали дикие крики пиктов, заставившие застыть кровь в жилах, затем сильные удары в ворота. Пылающие стрелы взлетели над палисадом и вонзились в домики. Тонкий дымок заструился вверх. А за домиками, вдоль задних стен прокрадывались темные фигуры.

— Пикты в форте! — заревел Конан.

Ад разразился. Моряки перестали сражаться друг с другом. Некоторые повернулись к дикарям, другие вскочили на бруствер. Пикты все еще выбегали из-за домиков во двор, их боевые топоры звенели о сабли моряков и мечи солдат.

Зароно не успел подняться на ноги, когда один из раскрашенных дикарей устремился к нему и разбил голову топором.

Конан с группой моряков сражался с пиктами в форте. Стромбанни с большей частью своих людей поднялся на бруствер и сбивал темные фигуры, непрерывно лезущие на палисад. Почти все без исключения солдаты Валенсо собрались у ворот и пытались обороняться от ревущей толпы дикарей, которые били в ворота огромным стволом дерева.

Все больше пиктов перелезало через незащищенную южную часть палисада и пробегало по проходу за домиками. Стромбанни и его людей затопила волна хлынувших через палисад голых дикарей. Они, как волки, валили защитников на землю и рвали их. Пикты, солдаты, моряки лежали по всему двору, не обращающие ни на что внимания сражающиеся топтали их.

Забрызганные кровью дикари с ревом ворвались в домики, и к шуму боя примешались крики женщин и детей, умирающих под ударами боевых топоров. Солдаты, услышавшие эти крики, бросились на помощь, и в следующее мгновение пикты хлынули в форт через ворота.

— К главному дому! — проревел Конан. Дюжина людей сомкнулась вокруг него, и они начали пробиваться сквозь толпу дикарей.

Сабля Стромбанни, который был около Конана, казалась вращающимся крылом ветряной мельницы.

— Мы не сможем удержать главный дом, — произнес он.

— Почему не сможем? — бросив быстрый взгляд на Стромбанни, спросил Конан.

— Потому что... о-о! — Охотничий нож одного из дикарей глубоко вонзился в спину пирата. — Дьявол тебя побери, собака! — Стромбанни повернулся и размозжил череп пикта, затем, пошатнувшись, он упал на колени. Кровь хлынула изо рта.

— Потому что его сожгут! — прохрипел он и рухнул на землю.

Конан быстро осмотрелся. Вокруг него кипел бой, но сам он в это мгновение стоял совершенно один.

Он находился недалеко от южной стены. Парой прыжков он мог достигнуть палисад, перелезть через него и исчезнуть в ночи. Но он вспомнил о беспомощных девушках, находящихся в главном доме, из которого валил густой дым.

Один из вождей пробился от ворот к нему, поднял боевой топор, а за ним устремились другие дикари. Однако не успел он остановиться, как взлетевшая сабля парировала удар топора и размозжила череп вождя. Мгновением позже Конан вбежал в дом и запер дверь. Он не обращал внимание ни на удары топоров в двери, ни на дикие крики.

Едкий дым шел из банкетного зала. Конан на ощупь пробирался вперед. Где-то истерически всхлипывала женщина. Конан вышел из облака дыма и остановился.

Из-за дыма в зале было темно. Серебряный светильник лежал на полу, свечи были потушены. Единственным освещением были угли в камине. И в свете этого скудного пламени Конан увидел человека, который болтался на веревке. Лицо мертвеца было обращено к Конану. Хотя оно было сильно искажено, он узнал графа.

Но в зале еще кто-то находился. Конан разглядел сквозь дым черную фигуру, поднимавшуюся над пламенем. Очертания были почти человеческие, но не было тени...

— Кром! — выругался Конан, тотчас же поняв, что видит перед собой создание, которое нельзя убить мечом. А у лестницы, замерев, стояли Белеза и Тина.

Черное чудовище выпрямилось и растопырило огромные руки. Размытое лицо пристально разглядывало Конана сквозь дым. У чудовища были близко растущие друг к другу рога, зияющая пасть, стоящие торчком уши. Оно приближалось. Вместо отчаяния в Конане появились старые воспоминания.

У ног киммерийца валялся светильник, бывшая гордость дворца в Корзетте — пятьдесят фунтов массивного серебра, искусно украшенные изображениями богов и героев. Конан схватил его и поднял над головой.

— Серебро и огонь! — крикнул он громовым голосом и швырнул светильник, вложив в этот бросок всю мощь своих мускулов.

Светильник ударился о черную грудь чудовища. Демон не выдержал удара. Светильник сбил его с ног, толкнув в камин, где демон превратился в бушующую огненную пасть. Ужасный рев потряс зал, рев погибающего адского существа. Камин разлетелся, и камни погребли под собой черное тело. С потолка полетели горящие балки, пламя быстро охватило здание.

Языки пламени лизали лестницу, Конан одной рукой подхватил потерявшую сознание девочку, а другой поставил Белезу на ноги. Сквозь треск пламени был слышен стук боевых топоров.

Конан осмотрелся и побежал к двери напротив лестницы, держа Тину под мышкой и волоча Белезу. Достигнув комнаты, он услышал оглушительный треск обрушившегося потолка в зале. Облака дыма грозили задушить их, но Конан уже увидел дверь, ведущую наружу. Протащив в нее девушек, он заметил, что петли сорваны, а засовы и замки разбиты.

— Этот... дьявол проник в дом через эту дверь! — истерически всхлипывала Белеза. — Я... видела его... но... я не знаю...

Они преодолели дюжину футов по охваченному огнем двору. Один из пиктов бросился им навстречу с поднятым топором.

Конан отстранил Белезу и свободной рукой нанес удар саблей в грудь нападающему, потом подхватил Белезу и побежал к Южной части палисада.

Облака дыма ненадолго скрыли беглецов. И вот пикты уже устремились за ними, подняв боевые топоры. Конан нырнул в проход между домиками, изо всех сил он забросил на бруствер сначала Белезу, а потом Тину и вскочил сам, тотчас же сбросив девушек на песок снаружи. Боевой топор вонзился в бревно около его плеча, однако Конан уже перепрыгнул через палисад и подобрал несчастных девушек. Когда пикты наконец достигли этого места, здесь больше никого не было.

8
БОЕЦ ИЗ АКВИЛОНИИ

Далеко в сверкающем море поднималось белое пятно паруса. Конан подавал сигнал при помощи костра из сырого дерева, то прикрывая пламя, то снова открывая его. Вверх поднимались маленькие облачка густого дыма.

Белеза, обняв Тину, сидела недалеко от него.

— Вы думаете, что они поймут эти дымовые знаки? — спросила она.

— Конечно, — заверил ее Конан. — Они всю ночь плавали недалеко от берега в надежде обнаружить оставшихся в живых. Страх глубоко поселился в их душах. Только полдюжины моряков на корабле, и никто из них не знает навигации настолько, чтобы вернуться к Бараханским островам. Единственный, кто сможет взять на себя командование кораблем, — это я. Они поймут этот сигнал — код моряков.

— А вдруг пикты тоже видели этот сигнал? — Белеза содрогнулась.

— Это невозможно. После того как я укрыл вас в лесу, я прокрался обратно в форт и увидел, как они выкатывают из подвалов бочки с вином. Теперь они наверняка упились до смерти. С сотней человек я мог

бы уничтожить весь их род. Кром и Митра! — внезапно проревел он. — Это не «Красная рука», а военная галера. Какая цивилизованная страна направила сюда корабль своего флота? Возможно, кто-то хочет свести счеты с твоим дядей. В таком случае мы, конечно, должны заклинать его дух.

Он всматривался, но не мог разглядеть сквозь туман очертаний корабля. Галера приближалась носом вперед, так что видна была только позолоченная фигура на носу, а также маленький парус, надуваемый прибрежным бризом, и работающие весла.

— По крайней мере, они приплыли сюда, чтобы забрать нас на борт, — произнес Конан. — Эта прогулка в Зингару может стать прогулкой домой. Пока мы не узнаем, кто они такие и какие у них намерения, прошу вас не упоминать о том, кто я. Пока они будут приставать к берегу, я придумаю достоверную историю.

Конан подошел к костру и потянулся, как дикая кошка. Ночь огня и крови, а потом бегство через мрачный лес, казалось, ничем не повредили ему. Он был так беспечен, словно всю ночь праздновал и веселился. Пара легких ран были перевязаны полосками ткани от одежды Белезы и не мешали ему.

Белеза больше не боялась его, а, напротив, в его присутствии она чувствовала себя увереннее, чем когда-либо. Конан жил по естественным, неписанным законам чести своего народа.

— Вы думаете, что он мертв? — спросила Белеза.

Конан знал, кого она имеет в виду.

— Я уже думал об этом, — ответил он. — Серебро и огонь смертельны для злых духов, а он получил и то и другое.

— А его хозяин?

— Тот-Амон? Он, вероятно, уже вернулся в какую-нибудь подземную обитель в Стигии.

Больше никто не касался этой темы. Корабль тем временем подошел еще ближе. Белеза вопросительно смотрела на Конана.

— В главном доме вы упоминали, что были в Аквилонии генералом, но потом вы бежали оттуда. Расскажите об этом.

Конан усмехнулся.

— Я не должен был доверять этому вероломному Нумедидесу. Он сделал меня генералом, потому что я смог одержать пару небольших побед над пиктами, а потом, когда я уничтожил впятеро больше пиктов в бою при Велитриуме и разбил союз, который отдельные племена заключили между собой, меня пригласили в Тарантию, чтобы принять при дворе и отпраздновать победу. Я сидел рядом с королем, а прекрасные девушки засыпали меня розами. Но потом этот сукин сын во время банкета подсыпал мне в вино снотворное. Когда я проснулся, то оказался закованным в железной башне и меня должны были казнить.

— Да, но почему?

Конан пожал плечами.

— Может быть, какой-то другой генерал в Аквилонии, которому не понравилось, что какой-то чужеземный варвар получил это священное звание, натравил Нумедидеса на меня. Не знаю. Возможно, мои замечания о странной политике этого тупоголового короля или мое удивление на золотые статуи по всей стране вместо укрепленных границ.

К счастью, у меня были друзья, которые позаботились о том, чтобы я смог убежать. Я поехал назад, в Боссонию, намереваясь поднять восстание. Но когда приехал туда, то узнал, что все мои преданные боссонцы насильно отправлены в другую провинцию, а вместо них размещен отряд дураков из Тарана. Они ничего не знали обо мне, но сразу же попытались арестовать. Я бежал, переплыв реку Грома, — и вот я здесь.

Он наморщил лоб, рассматривая приближающийся корабль.

— О, великий Кром, я могу поклясться, это отряд из Понтиана! Идем!

Он потащил обеих девушек вниз, к прибрежной полосе. Галера не высылала шлюпки, а сама ткнулась в мягкий песок. С носа судна стали спускаться люди. И вдруг Конан проревел:

— Просперо! Трокеро! Что, во имя всего святого, вы здесь делаете...

— Конан! — закричали они, бросившись к киммерийцу, дружески хлопая по спине и пожимая руки.

Они заговорили одновременно на аквилонском языке, так что Белеза ничего не поняла. Тот, кого Конан назвал Трокеро, был, видимо, графом и имел атлетическую фигуру.

— Что вы здесь делаете? — спросил Конан.

— Мы прибыли, чтобы забрать тебя, — ответил Просперо, стройный молодой человек в замшевой куртке.

— Откуда вы узнали, где я?

Могучий мужчина с растрепанными волосами, которого звали Публиус, указал на священника в развевающейся одежде Митры.

— Декситеус нашел вас при помощи своего магического искусства. Он поклялся, что вы живы, и пообещал привести нас к вам.

Декситеус поклонился:

— Ваша судьба связана с Аквилонией, Конан из Киммерии, — сказал он. — Я всего лишь крошечное звено в цепи вашей судьбы.

— Я все это плохо понимаю, — пробурчал Конан. — Кром знает, как я рад, что меня заберут из этой печальной дыры. Но что произошло?

Трокеро серьезно посмотрел на него.

— Мы порвали с Нумедидесом, так как мы не можем терпеть его сумасбродства и политики подавления, мы искали генерала,

который сможет командовать вооруженными силами восставших. И нашли его — это вы!

Конан от всего сердца рассмеялся.

— Как хорошо, что существуют люди, оценившие мой успех. Я согласен, друзья! — оглянувшись, он позвал Белезу, которая все это время робко стояла в стороне. С грубоватой вежливостью он представил ее: — Господа, это леди Белеза из Корзетты, — затем Конан спросил ее: — Мы можем отвезти вас назад в Зингару, но что вы там будете делать?

Она беспомощно покачала головой.

— Я не знаю. У меня нет денег, нет друзей, я не сумею заработать себе на жизнь. Было бы лучше, если бы одна из стрел пронзила мое сердце.

— Вы не должны так говорить, моя леди! — испуганно воскликнула Тина. — Я буду работать для нас обеих.

Конан вытянул из своего пояса кожаный мешочек.

— Хотя я не добыл сокровищ Тотмекриса, — пробурчал он, — но у меня есть пара камешков, которые я нашел в сундуке с одеждой. — Он высыпал кучку пылающих рубинов. — Они составят ваше состояние, — он ссыпал их обратно и вложил в руку Белезы.

— Но я не могу принять этого... — запротестовала она.

— Вы возьмете это. Что, хотите голодать? В моей стране кое-где существует голод, но ни один не умрет от него, пока у кого-нибудь в Киммерии существует что-нибудь съестное. В цивилизованных же странах одни люди обжираются, другие падают от голода.

Возьмите эти рубины. Продайте. На вырученные деньги вы купите дворец, прекрасную одежду, а после этого наймете слуг. Найдете мужа, потому что цивилизованные мужчины хотят иметь жену, обладающую состоянием.

— А как же вы?

Конан усмехнулся и указал на аквилонцев.

— Они — это все, что мне нужно. С ними я добуду все богатства Аквилонии.

Тут вмешался огромный Публиус.

— Ваша щедрость делает вам честь, Конан, но мне хотелось бы, чтобы вы сначала посоветовались со мной. Потому что революция стоит денег. А Нумедидес забрал все золото Аквилонии. И у нас нет денег, чтобы привлечь наемников на свою сторону.

— Ха! — рассмеялся Конан. — Я дам вам так много золота, что вы сможете купить любого человека в Аквилонии, способного держать меч! — в нескольких словах он рассказал о сокровищах Траникоса и о разрушении форта Валенсо. — Демон больше не охраняет пещеру, а пикты вернулись в свои разбросанные по всему

лесу деревни. С отрядом хорошо вооруженных людей мы сможем отправиться к пещере и вернуться назад, прежде чем кто-нибудь узнает, что мы находимся в стране пиктов. Что вы на это скажете?

Все торжествовали так громко, что Белеза испугалась: вдруг шум привлечет внимание пиктов. Конан лукаво улыбнулся и сказал ей по-зингарански:

— Как вам понравится король Конан? Неплохо звучит, а?

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

ПОВЕСТЬ

1

В предрассветной темноте в одном из мрачных переулков, который находился в лабиринте запутанных улиц, распахнулась дверь. Четыре закутанные в плащи фигуры торопливо вышли и молча стали удаляться.

Насмешливый голос, видимо принадлежавший тому, кто выпустил их из дома, произнес:

— О, глупцы, судьба следует за вами по пятам, как кровожадная собака, однако вы об этом и не подозреваете.

Говоривший закрыл дверь, тщательно запер и направился в комнату со свечой в руках. Это был гигант, темная кожа которого выдавала его стигийскую кровь. Войдя в комнату, он обратился к мужчине, который лежал на диване в позе усталого кота. Он был высок, худ, одет в поношенную бархатную одежду. Мужчина медленно потягивал вино из тяжелого золотого бокала.

— Ну, Аскаланте, — сказал стигиец, отставляя свечу. — Ваши оборванцы, как крысы, полезли из всех щелей. Странные у вас помощники, инструменты.

— Инструменты? — возразил Аскаланте. — Но инструментом они считают меня. Целый месяц прошел с тех пор, как разразилось восстание, меня вызвали сюда с Южного Берега, и я живу здесь среди врагов, днем укрываясь в неприметном домике, а ночью прокрадываясь по темным переулкам. И я достиг того, чего не смогли достичь самые известные из дворян. Я подорвал все государство и подготовил свержение короля, который в сиянии славы сидит на троне. О, Митра, я же был государственным деятелем, прежде чем меня объявили вне закона.

— А оборванцы используют вас?

— Они думают, что я служу им, и дальше должны думать также — пока мы не выполним задание. Кто они такие, чтобы сравняться с Аскаланте? Волтман, карликовый граф Карабана; Громель, скромный главнокомандующий Черным Легионом; Дион, жирный барон Атталуса; Ринальдо, слабоумный придворный поэт.

Меня бесит тон, которым они говорят со мной, и за это я раздавлю их, когда придет время. Но это в будущем. А сегодня ночью умрет король.

— Несколько дней назад я видел королевские эскадроны, выезжавшие из города, — сказал стигиец.

— Они отправились к границе. Эти язычники пикты совершили нападение — благодаря крепкому вину, которое я отправлял на границу контрабандой. Волтман позаботился о том, чтобы убрать остатки королевских отрядов. При помощи своей высокородной родни он легко уговорит Нуму из Нумедии пригласить к себе графа Трокеро из Пойнтайнии, он возьмет с собой королевский эскорт, как подобает его сану, а также Просперо, правую руку короля Конана. Таким образом в городе останутся только личная гвардия короля и наш Черный Легион. При помощи Громеля я заколю главного офицера. А около полуночи охрана будет отозвана от дверей королевской спальни.

В это время я с шестнадцатью преданными и храбрыми людьми проскользнем через тайный ход в замок. Даже если народ не примет нас с ликованием после того, как дело будет сделано, Черного Легиона будет достаточно, чтобы удержать корону и город.

— А Дион воображает, что он станет королем?

— Да. Этот жирный дурак утверждает, что трон принадлежит ему, потому что в его жилах есть следы королевской крови. Конан совершил большую ошибку, удалив от двора всех, кто принадлежит к древней династии. За это он и поплатится жизнью.

— Волтман снова получит благосклонность короля, со звоном монет, которые ему щедро отсыпят, как это было при старом режиме, и сможет навести прежний блеск на свои владения. Громель ненавидит Паллантида, главнокомандующего Черных Драгун, и мечтает командовать всеми военными отрядами. Эту цель он преследует с упорством боссонца. Ринальдо — единственный из нас, у кого нет личных амбиций. Он видит в Конане грубого варвара с окровавленными руками. Он идеализирует короля, которого Конан убил из-за короны. Он помнит только то, что тот изредка поощрял искусство, и забыл о всей несправедливости и бесхозяйственности его правления — и он заботится о том, чтобы народ тоже забыл об этом. Уже открыто поют хвалебные песни Нумедидесу, в которых Ринальдо до небес превозносит этого мошенника и проклинает Конана, этого дикаря с черным сердцем из «мрачного ада». Конан смеется, но народ ропщет. Поэты всегда ненавидят тех, кто имеет власть. Они бегут от действительности в прошлое или мечтают о будущем. Ринальдо фанат идеализма. Он верит, что нужно свергнуть тиранию и освободить народ. А что касается меня, то еще пару месяцев назад я думал о том, чтобы весь остаток жизни нападать на караваны. Однако теперь во мне проснулись

мечты. Конан умрет, Дион взойдет на трон. Потом он тоже умрет. И так будут один за другим умирать все, кто стоит на моем пути: от огня или стали, или отравленного вина, которое ты так великолепно готовишь. Аскаланте, король Аквилонии, как звучит?

Стигиец пожал плечами.

— У меня тоже самолюбие задето, — сказал он с нескрываемой горечью. — Рядом с вами я кажусь бесцветным. Как низко я пал. Тот-Амон находится среди иноземцев, служит в качестве раба, поставленного вне закона, и поддерживает мелочные амбиции баронов и королей!

— Ты полагаешься на магию и колдовство, я полагаюсь на свой разум и меч.

— Что значат меч и человеческий дух против мудрости Тьмы? — пробурчал стигиец. Его черные глаза угрожающе сверкали, под ними пролегли тени. — Если бы я не потерял кольца, наши роли поменялись.

— Во всяком случае, — рассерженно сказал грабитель, — на спине у тебя шрамы от моего кнута, и, вероятно, к ним добавятся еще и другие полосы.

— Не будьте в этом так уверены! — дьявольская ненависть на мгновение зажглась в глазах стигийца. — Однажды, может быть, я снова найду кольцо, а потом рассчитаюсь с вами за все...

Аквилонец, пылая от гнева, изо всех сил ударил Тот-Амона. Тот пошатнулся, на губах его выступила кровь.

— Теперь ты будешь поскромнее, — пробурчал Аскаланте. — Берегись! Я твой господин и знаю о твоей мрачной тайне. Если же ты такой отважный, то поднимись на крышу и прокричи, что Аскаланте в городе, чтобы свергнуть короля!

— Нет... — пробурчал стигиец и вытер кровь с губ.

— Да, ты не отважишься, — высокомерно усмехнулся Аскаланте. — Потому что если я умру от одного из твоих трюков, то один священник-отшельник в южной пустыне узнает об этом и вскроет свиток, который я передал на хранение в его надежные руки. Как только он познакомится с содержанием свитка, по всей Стигии из уст в уста будет передаваться сообщение. И на юге в полночь поднимется ветер и устремится сюда. Куда ты тогда денешься, Тот-Амон?

Раб вздрогнул, и его темное лицо стало серым.

— Достаточно! — Аскаланте сменил тон. — У меня для тебя есть работа! Я не доверяю Диону и хочу, чтобы он уехал в поместье, пока все не закончится. Этот дурак не сможет сегодня скрыть своей нервозности. Скачи к нему. Если ты не догонишь, то скачи дальше, в его поместье, и оставайся с ним, пока мы не уведомим, что все произошло. Не спускай с него глаз. Он едва соображает от страха и может сделать что-нибудь непредвиденное и даже,

охваченный паникой, может явиться к Конану и рассказать о нашем заговоре, чтобы спасти свою шкуру.

Раб поклонился, скрыв ненависть в своих глазах, и сделал то, что приказал господин. Аскаланте снова откинулся в постели и начал с удовольствием потягивать вино.

2

Когда я воином был, все значил для
меня барабанный бой,
Потому что народ клал мне к ногам
славу и власть.
Теперь я король, и мне грозит опасность
От яда и кинжала убийцы — из толпы.

(Дорога королей)

Зал был огромным, роскошно обставленным, с коврами на полированных панельных стенах и на полу из слоновой кости. Высокий потолок украшен лепкой и серебряной филигранью. За столом из слоновой кости сидел мужчина, широкие плечи которого и загоревшая кожа так не подходили к этому роскошному окружению. Он выглядел бы лучше где-нибудь в степи или в холодных, суровых горах. Каждое движение выдавало его гибкость и силу мышц. В нем не было ничего степенного. Или он был совершенно спокоен — неподвижен, как бронзовая статуя — или находился в движении, однако не с порывистостью нервов, а с гибкостью кошки, за быстротой движения которой глаза уследить не могли.

Одет он был в костюм из дорогого материала. На нем не было никаких украшений, только простое серебряное кольцо, стягивающее длинные черные волосы.

Он положил золотое стило, которым напряженно писал на специальной дощечке, опершись подбородком на кулак. С завистью наблюдал за человеком перед собой. Человек зашнуровывал золотые латы на боку, стягивая их как можно туже, и при этом насвистывал — не совсем обычное поведение, принимая во внимание, что он находился в обществе короля.

— Просперо, — сказал король. — Эти государственные дела утомили меня. Я не испытывал подобной усталости, даже когда сражался с утра до вечера на поле боя.

— Все это теперь твоя обязанность, — ответил черноглазый воин. — Ты — король, и это часть твоих повседневных дел.

— Мне кажется, что я здесь целую вечность. Если бы ты знал, как мне хочется поехать с тобой в Нумедию. Но Публиус говорит, что некоторые дела в городе требуют моего присутствия.

Когда я сверг династию, — продолжал он с товарищеской доверительностью, — мне было гораздо легче, хотя все было труд-

нее, чем сейчас. Однако теперь, когда я оглядываюсь назад, мне кажутся сном все эти дни тяжелой работы, интриг, резни и испытаний.

Когда король Нумедидес лежал мертвым у моих ног, я достиг предела своих мечтаний. Я подготовился только к тому, чтобы взять корону, но не к тому, чтобы носить ее. В старые времена меня радовали хороший меч и свободный путь к моим врагам. Теперь, мне кажется, не существует прямого пути и меч мне больше не нужен.

Когда я сверг Нумедидеса, я был освободителем, а теперь все презирают меня. Они установили его статую в храме Митры, и люди плачут, жалуются и бросаются перед ней, молятся, как святому, который принял мученическую смерть от рук варвара. Когда я привел вооруженные силы Аквилонии к победе, народ великодушно забыл, что я чужак. Теперь же они не хотят мне простить этого.

Теперь они зажигают свечи перед статуей Нумедидеса, даже те, кого он изувечил, и даже те, чьих жен или дочерей он забрал в гарем.

— В этом большей частью виноват Ринальдо, — ответил Просперо. — Он поет крамольные песни и подстрекает народ. Заточите его в какую-нибудь башню, пусть он поет свои песни коршунам.

Конан потряс львиной гривой.

— Нет, Просперо, это не имеет смысла. Великий поэт сильнее, чем король. Я чувствую это сердцем. Я умру, и меня забудут, но песни Ринальдо будут жить дальше.

Нет, Просперо, — продолжил король. — Во всем происходящем сейчас в этой стране скрывается нечто большее. Я чувствую это! Так же, как в юности я знал, что в высокой траве лежит, спрятавшись, тигр, хотя не видел его. Я чувствую какое-то беспокойство в стране. Я как охотник у маленького костра посреди леса, который скорее представляет, чем слышит шорохи крадущихся животных, и который, напрягши все свои чувства, тут и там видит сверкающие глаза хищников. Если бы это было нечто осязаемое, против чего я мог бы выйти со своим мечом... Я говорю тебе, это не случайность, что пикты в последнее время стали часто нападать на пограничные области и мы вынуждены просить о помощи боссонцев, чтобы отбить их нападение. Я должен отправиться туда со своим отрядом.

— Публиус опасается заговора. Он думает, что тебя хотят выманить на границу и устроить там западню, чтобы убить, — напомнил ему Просперо, накидывая плащ на блестящие латы, оружие и осматривая в серебряном зеркале свою огромную фигуру. — Поэтому он уговаривает тебя остаться в городе. Единственная опасность — это покушение на тебя, но этому помешают твои

телохранители, охраняющие тебя день и ночь. Над чем ты, собственно, трудишься?

— Над картой, — гордо ответил Конан. — Придворные карты не плохи, если речь идет о землях на юге, востоке или западе, но что касается севера, то тут они неточны. Поэтому я сам рисую карту севера. Посмотри вот сюда. Это Киммерия, где я родился, и...

— Асгард и Ванахейм. О, Митра, я считал эти страны почти легендой!

Конан усмехнулся и провел кончиками пальцев по шрамам на своем темном лице.

— Асгард находится на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии, и на этих границах бушует непрекращающаяся война.

— Какие люди там, на севере? — спросил Просперо.

— Они высокие, светлокожие и голубоглазые. Их бог — Имир, ледяной гигант, и у каждого племени свой король. Они непредсказуемы и дики. Весь день сражаются, а ночью пьют пиво и во весь голос орут дикие боевые песни.

— Тогда ты едва ли отличаешься от них, — усмехнулся Просперо. — Ты много охотно пьешь и смеешься, а песни скорее орешь, чем поешь.

— Это все зависит от страны, которая является родиной, — произнес король.

— Ну, а теперь я должен отправляться, — сказал Просперо. — При дворе Нумы я выпью за твое здоровье кубок изысканного вина.

— Хорошо, — пробурчал король. — Но не целуй от моего имени танцовщиц Нумы, если ты не хочешь, чтобы это отразилось на дипломатических отношениях.

Под его смех Просперо вышел из комнаты.

3

В подвалы пирамиды крадется в ночи
могучий Сет,
Пока его мрачный народ пробуждается
в тени склепов.
Я говорю старые слова, которые я
прочитал в мрачной глубине, —
О, великий, могучий Сет, направь
палачей для моей ненависти!

Солнце на несколько минут залило золотом туманно-голубой лес и зашло. Потухающие лучи отражались от толстой золотой цепи, которую Дион из Атталуса непрерывно вертел в руках, глядя на пестрые цветы и на раскрашенные соцветия деревьев в своем

саду. Он нервничал, украдкой оглядываясь, словно пытался захватить врасплох спрятавшегося врага. Дион сидел в центре круга гибких цветов, росших на переплетенных ветвях.

Он был один, если не считать огромной темнокожей фигуры, которая удобно устроилась на скамье неподалеку, наблюдая за ним мрачным взглядом. Но Дион не обращал внимания на Тот-Амона.

— Нет никаких оснований для нервозности, — сказал ему Тот-Амон. — Все будет в порядке.

— Аскаланте может допустить ошибку, — фыркнул Дион, и на его лице выступил пот при одной мысли об этом.

— Он не сделает ее, — заверил стигиец с мрачной усмешкой. — Иначе я был бы не рабом, а господином.

— Что это за болтовня? — возмущенно возразил Дион.

Глаза Тот-Амона сузились. Несмотря на свое железное самообладание, ему казалось, что он вот-вот лопнет от кипевшей ярости, ненависти и позора, и он был готов использовать самый ничтожный шанс.

— Послушайте меня, — сказал Тот-Амон. — Вы станете королем. Однако вы не знаете, что происходит в мозгу Аскаланте. Как только Конан будет мертв, вы больше не сможете доверять Аскаланте. Я помогу вам, если вы возьмете меня под свою защиту, как только окажетесь у власти.

Я большой волшебник. О Тот-Амоне говорят с таким же глубоким уважением, как о Раммоне. Король Ктесфон из Стигии возвысил меня с большими почестями. Он изгнал своих бывших магави, сделал меня придворным волшебником. За это они возненавидели меня, но боялись меня, потому что я имел власть над существами по ту сторону мира. Видит Сет, мои враги не знали об этом — ночью я посылал этих существ, чтобы они вонзали в их шеи свои когти. Эту мрачную власть давало мне змеиное кольцо Сета, которое я нашел в темном склепе почти в миле от поверхности земли.

Но вор украл у меня кольцо, и я потерял могущество! Маги объединились, чтобы убить меня, однако мне посчастливилось бежать. Погонщиком верблюда я отправился в страну Кот, когда на нас напала банда Аскаланте. Все в караване, кроме меня, были убиты. Однако я смог спасти свою жизнь только тем, что Аскаланте узнал меня и я поклялся ему служить. Таким образом я попал в рабство.

Чтобы удержать меня, он записал мое признание, запечатал свиток и передал одному отшельнику из Кота. Я не мог отважиться вонзить ему во сне кинжал в сердце или выдать его врагам, потому что тогда отшельник откроет свиток и прочтет, как это велел сделать ему Аскаланте. И если написанное дойдет до Стигии...

Тот-Амон вздрогнул, и его лицо побледнело.

— В Аквилонии меня не знают, — продолжил он. — Однако мои враги в Стигии должны знать, где я нахожусь, и мне ничто не поможет. Только король с его крепостями и вооруженными силами может защитить меня. Я прошу вас заключить со мной союз. Я могу помочь вам своей мудростью, а вы можете защитить меня. И однажды я найду кольцо...

— Кольцо? Кольцо?

Тот-Амон недооценил эгоизм этого человека. Дион не обратил никакого внимания на его рассказ, так глубоко он был погружен в собственные мысли. Но слова о кольце ему что-то напомнили.

— Кольцо? — повторил он. — Теперь я вспомнил. Это, должно быть, Кольцо Счастья. Я выкупил его у одного шемитского вора, который утверждал, что украл его у колдуна с далекого Юга, а также то, что это кольцо приносит счастье. Мне захотелось его иметь, и, видит Митра, я заплатил за него очень много. И, видят боги, теперь мне понадобится счастье, после того как Волтман и Аскаланте втянули меня в свой заговор. Я поищу это кольцо!

Тот-Амон вскочил, кровь ударила в лицо, а в глазах вспыхнула ярость. Дион по-прежнему не обращал на него никакого внимания. Быстрым движением руки он открыл секретный ящичек в своей мраморной скамье и начал быстро рыться в куче разных безделушек: варварских талисманов, игральных костей, амулетов и тому подобного. Все это будто бы приносило счастье.

— Ага, вот оно! — он с триумфом поднял кольцо. Оно было великолепной кузнечной работы из металла, похожего на медь, в форме чешуйчатой змеи, которая трижды свернулась кольцами, положив одно кольцо на другое и сунув кончик хвоста себе в пасть. Глазами змеи были желтые драгоценные камни, которые злобно блестели. Тот-Амон вскрикнул, и Дион обернулся. С широко раскрытым ртом и побледневшим лицом он уставился на раба. Глаза стигийца сверкали, он, как когти, вытягивал свои темные руки.

— Кольцо! О, Сет! Кольцо! — громко воскликнул он. — Мое кольцо, которое украли!

В руке Тот-Амона блеснула сталь. Он воткнул кинжал в жирное тело барона. Болезненный крик Диона перешел в хрипенье, и он осел на землю, как гора масла. До самого ужасного конца он оставался верным своей глупости и умер, так и не поняв, почему.

Тот-Амон оттолкнул обмякшее тело, выхватил из рук мертвеца кольцо и забыл об убитом. Он обеими руками держал кольцо, а темные глаза пылали.

— Мое кольцо! — прошептал он в радостном возбуждении. — Я снова обрел могущество!

* * *

Стигиец не мог сказать, как долго он простоял неподвижно с приносящим смерть кольцом в руках. Когда он закончил молитвы и вернул свою душу из мрачной бездны, в которую ему позволяло заглянуть кольцо, на небе появилась луна.

— А теперь я покончу с Аскаланте! — прошептал стигиец, глаза которого были красными, как у вампира. Он осмотрелся, набрал пригоршню крови из лужи, в которой лежала его жертва, погрузил в кровь глаза медной змеи, пока сверкающая желтизна не насытилась застывающим соком жизни.

— Затемни свои глаза, о волшебная змея, — пел он голосом, от которого у всех застыла бы кровь в жилах. — Вбери в себя лунный свет и позволь им заглянуть в черную бездну! Что ты там видишь, о Змея Сета? Кого ты призываешь из глубины мрака? Чья тень идет на дрожащий свет? Приведи его ко мне, о Змея Сета!

Снова и снова он описывал пальцами круги и проводил по ясно ощутимой чешуе Змеиного Кольца, шепча при этом ужасные имена и монотонно читая заклинания.

Воздух над ним начал колебаться, потом ледяной ветер пронесся, и Тот-Амон почувствовал позади себя что-то, но он не обернулся. Он смотрел на мраморную скамью, на которой обозначилась едва заметная тень. Продолжая напевать заклинания, он увидел, что тень выросла, стала четче. Ее очертания напоминали гигантского павиана. Даже теперь Тот-Амон не обернулся. Из-за пояса он вынул сандалию своего господина, которую давно носил с собой, и бросил ее за спину.

— Ознакомься вот с этим, раб Кольца! — крикнул он. — Найди того, кто это носил, и уничтожь! Посмотри в глаза ему, взорви его душу, прежде чем ты разорвешь горло! — После небольшого раздумья он добавил: — И убей всех, кто рядом с ним.

На мраморной скамье, как порождение ужаса, опустился бесформенный череп и, как охотничья собака, обнюхал сандалию. Потом ужасная голова исчезла. Тот-Амон почувствовал, как чудовище повернулось и как ветер улетело за деревья. В адском триумфе колдун возвел руки вверх, и его глаза и зубы блеснули в лунном свете.

Постовые снаружи стены в ужасе вскрикнули, когда над стеной пронеслась черная тень с пылающими глазами и исчезла, оставив после себя ветер. Однако она исчезла так быстро, что пораженные охранники начали спрашивать себя, было ли это на самом деле, или все это только почудилось.

4

Когда мир еще юн, и люди слабы, и
царствуют демоны ночи,
Призвали меня огнем и сталью, и
копьем из анчара вступить
в бой с Сетом.
И теперь я погребен в темном сердце
горы.
Вы забыли того, кто боролся с змеей
и исконного врага души
растоптал?

Король Конан лежал в большой спальне с высоким позолоченным потолком и видел сон. Сквозь волнующийся серый туман он слышал слабый, словно донесшийся из незримой дали, зов. Он не понял его, но не мог не откликнуться. С мечом в руке он на ощупь пробирался сквозь туман. С каждым его шагом голос становился все четче, пока он не понял слова, которые ему кричали, — это было его имя.

Туман рассеялся, и он увидел, что идет по широкому темному коридору, казалось, высеченному в массивной скале. Пол и потолок были отполированы, они тускло блестели, а стены были украшены барельефами древних героев и забытых богов. Он вздрогнул, когда увидел призрачные очертания безымянных богов и каким-то образом понял, что уже столетия в этом коридоре не появлялся ни один смертный.

Он подошел к широкой лестнице, высеченной в скале. Стены шахты были покрыты таинственными знаками — древними и ужасными. Ступени были в форме змеи Сета, так что при каждом шаге нога опускалась на змеиный череп.

Однако голос звал его, и наконец он прошел к странному склепу, в котором на саркофаге сидела белобородая фигура, очертания которой, казалось, расплылись. Волосы на голове Конана встали дыбом, он схватился за меч, но фигура заговорила с ним монотонным голосом.

— О, человек, ты узнаешь меня?

— Во имя Крома, нет! — ответил Конан.

— Человек, — сказал старец, — я — Эпимитреус.

— Но мудрец Эпимитреус мертв уже пятьсот лет! — выдохнул Конан.

— Слушай, — сказал тот повелительно. — Брось камень в тихую воду, и пойдут круги, пока волны не достигнут берега. События в неведомом мире докатили свои волны до меня и пробудили от дремоты. Я выбрал тебя, Конан из Киммерии. Великие события и большие дела отметили твой путь. Однако стране грозит несчастье, против которого меч будет бессилен.

— Вы говорите загадками, — сказал Конан. — Покажите мне моего противника, чтобы я мог размозжить ему череп.

— Обрати свою ярость против врагов из плоти и крови, — посоветовал ему старец. — Я должен защитить тебя не от людей. Слушай: существуют темные миры, которые едва ли может представить себе смертный и в которых повсюду рыскают бесформенные чудовища — демоны. Их можно вызвать из темных глубин, чтобы они принимали ужасные формы и по приказу черной магии убивали выбранные жертвы ужасными способами. В твоем доме, о король, притаилась змея — да, в твоем королевстве. Она явилась из Стигии с темной мудростью теней в черной душе. Сет обладает ужаснейшей властью, и змеи, которых он насылает на своих врагов, могут положить конец твоему царствованию. И я вызвал тебя, чтобы дать тебе оружие против него и его адской своры.

— Почему именно мне? — смущенно спросил Конан. — Легенда гласит, что вы дремлете в черном сердце Голамира и в случае крайней необходимости ваш дух воспарит на своих невидимых крыльях, чтобы помочь Аквилонии. Но я... варвар, а не аквилонец.

— Не задавай вопросов! — голос раздавался под темными сводами. — Твоя судьба прочно связана с Аквилонией. Кровожадный колдун не должен изменить предназначение королевства. Давным-давно Сет обвился вокруг мира, как удав вокруг жертвы. Моя жизнь продолжалась три человеческих, и все время я боролся против него. Я преследовал его, загнал в тайник на юге, однако в темной Стигии люди все еще почитают этого врага человечества. И так как я борюсь против него и против его поклонников, я делаю это. Протяни свой меч!

Конан повиновался. Старец рукой описал возле рукоятки странный символ, а на широком клинке нарисовал фигуру, запылавшую в темноте белым огнем. В следующее мгновение старец и склеп исчезли, и пораженный Конан вскочил с постели. Неподвижно стоя на полу и раздумывая над странным сном, он вдруг осознал, что в своей правой руке крепко сжимает меч. По коже пробежали мурашки, потому что на клинке меча было выгравировано изображение: контуры феникса. Тут он вспомнил, что во сне он видел в склепе подобную скульптуру, и он спросил себя, действительно ли она высечена из камня. Дрожь пробежала по спине.

Крадущиеся шаги за дверью полностью вернули его к действительности. Не задумываясь, он быстро надел латы. И снова превратился в варвара, недоверчивого, бдительного, как серый волк.

5

По тихому коридору королевского замка крались двадцать человек, закутанных в плащи. Мягко ступая босыми или обернутыми в мягкую кожу ногами, они прошли по коврам, а местами по каменным плитам. Факелы бросали мерцающий свет на кинжалы, мечи, острые клинки и боевые топоры.

— Тише! — прошептал Аскаланте. — Кто это дышит так громко? Офицеры охраны отозвали большинство часовых с их постов, а остальных снабдили вином, так что к этому времени они уже все пьяны. Но, несмотря на это, мы должны быть осторожны. Эй, назад! Идет отряд охраны!

Они спрятались за барельефами колонны. Мимо прошли десять гигантов в черных доспехах. Спрятавшиеся заговорщики видели, что лицо офицера бледно и он дрожащей рукой отирал пот со лба. Он был очень молод, и предательство давалось ему нелегко. Втайне он проклинал свою страсть к игре, которая сделала его жертвой в руках политиков-заговорщиков.

Клацая сапогами, отряд исчез в коридоре.

— Хорошо, — произнес Аскаланте. — Теперь Конан спит без охраны. Поспешим! Если нас застанут, нам придется плохо.

— Да, поспешим, — прошептал возбужденно Ринальдо, голубые глаза которого блестели как меч, которым он размахивал. — Мой ловкий любимец испытывает жажду. Быстрее вперед!

С беззаботной поспешностью они бросились бежать вдоль коридора, потом остановились перед позолоченной дверью, украшенной королевскими драконами и гербом Аквилонии.

— Громель! — прошептал Аскаланте. — Открой дверь!

Гигант вдохнул воздуха и со всей силой бросился на створку двери, которая, затрещав, прогнулась под ударом. Он снова ударил. Засов сломался, дерево лопнуло, и дверь распахнулась.

— Внутрь! — воодушевленно воскликнул Аскаланте.

— Внутрь! — проревел Ринальдо. — Смерть тиранам!

Однако они остановились, словно вросли в пол, увидев перед собой Конана вовсе не спящего, которого можно зарезать как барана; перед ними стоял варвар в латах, с обнаженным мечом в руке.

На мгновение все замерли: четыре предводителя мятежников стояли на пороге разбитой двери, а толпа бородатых фигур сзади. Все они были широкоплечими гигантами со сверкающими глазами, лишавшими уверенности в себе любого противника. В это мгновение Аскаланте увидел на столике возле королевского ложа серебряный скипетр и узкий обруч, являющийся короной Аквилонии, и жадность победила в нем все остальное.

— Вперед, негодяи! — проревел он. — Нас двенадцать, а он один, и на нем нет шлема!

Это было правдой, у Конана не было времени надеть шлем, украшенный перьями, а также зашнуровать латы по бокам и сорвать со стены массивный щит. Но, несмотря на это, Конан был защищен лучше, чем любой из противников.

Король смотрел на противников сверкающими глазами. Он не узнал Аскаланте, потому что лицевая пластина его шлема была опущена, а Ринальдо надвинул на глаза шляпу с широкими полями. Однако теперь было не время думать над этим. Заревев, предатели ринулись к Конану, а впереди был Громель. Он мчался, как бык, опустив голову, далеко вытянув меч, чтобы ударить короля в живот. Конан прыгнул ему навстречу и со всей тигриной силой и ловкостью ударил. Широкое лезвие просвистело в воздухе и обрушилось на шлем боссонца. Лезвие и шлем разбились, а Громель упал на пол. Конан отпрыгнул назад, сжимая в руке обломанную рукоятку меча.

— Громель! — удивленно фыркнул он, когда лопнувший шлем открыл лицо нападавшего. Однако остальной сброд ринулся на короля. Острие кинжала скользнуло по ребрам, лезвие меча блеснуло перед глазами. Левой рукой он отшвырнул в сторону человека с кинжалом, а обломком меча ударил в висок другого противника и размозжил ему череп. Тот рухнул на пол.

— Пятеро к двери! — рявкнул Аскаланте, прыгая вокруг сражавшихся. Он боялся, что Конан может пробиться к двери и уйти. Во время передышки Конан шагнул к стене и сорвал древний боевой топор, который висел там пятьдесят лет.

Он встал спиной к стене перед сомкнувшимся полукругом нападающих, потом прыгнул в центр. Предпочитая напасть самому, выбирая противника. Любой другой в его положении был бы уже мертв, и Конан тоже не рассчитывал на то, что ему удастся ускользнуть, но он хотел до этого убить как можно больше противников.

Он отпрыгнул от стены, его топор опустился вниз и поверг одного из негодяев, а на обратном пути размозжил череп второго. Один из ударов мечом просвистел над ним, однако смерть, хотя и была на волоске от него, прошла мимо. Киммериец был так гибок, что, как тигр, прыгнул, отскочил в сторону и повернулся, представляя из себя трудную для поражения цель, а его боевой топор, блестя, описывал круги смерти.

Спустя некоторое время нападающие вновь бросились на него. Однако они, мешая друг другу, били вслепую. Потом они внезапно отступили назад.

— Подлецы! — проревел Ринальдо и сорвал шляпу с головы. Его глаза дико сверкали. — Вы боитесь сражения? Может быть, деспот должен остаться в живых? На него!

Он ринулся вперед, на Конана, однако Конан теперь узнал его. Коротким ударом он отбил его меч, потом изо всех сил толкнул Ринальдо обратно, и тот упал на спину. В это время кончик меча Аскаланте оцарапал левую руку Конана. Толпа снова пошла на короля. Его топор свистел в воздухе, делая свое дело. Бородатый негодяй нагнулся и обхватил руками ноги Конана, чтобы уронить его, но с таким же успехом он мог уронить каменную башню. Взглянув вверх, он увидел обрушившийся на него топор. Тем временем его товарщ, схватив руками свой меч, ударил короля в плечо через латы. Латы Конана наполнились кровью.

Волтман, отпихнув товарищей, прицелился и с силой ударил в незащищенную голову Конана. Король пригнулся, и клинок отрезал черную прядь волос. Конан повернулся на каблуках и взмахнул топором. Его лезвие пробило грудной панцирь с левого бока, и граф осел на пол.

— Волтман! — простонал Конан. — Я должен был сразу узнать этого карлика!

Он выпрямился, чтобы встретить нападение Ринальдо, который с одним кинжалом бросился на него. Конан отпрыгнул назад и поднял топор.

— Назад! Я не хочу вас убивать!

— Умри, тиран! — тяжело дыша, произнес менестрель и тотчас же бросился на короля. Конан медлил с ударом, но, почувствовав кинжал в своем боку, он со слепым отчаянием размахнулся...

Ринальдо упал с размозженным черепом, а Конан отшатнулся назад к стене.

— На него! — проревел Аскаланте. — Убейте его!

Конан оперся о стену и поднял топор. Он стоял как символ непобедимости, с расставленными ногами, наклонившись вперед, пригнув голову, одной рукой держась за стену, а в другой был высоко поднятый топор. Жгуты его мускулов грозили разорвать кожу. Черты лица искажены маской смертельной ярости. Они отпрянули назад, подальше от него, потому что даже умирающий тигр может нанести смертельный удар.

Конан, почувствовав их неуверенность, злобно усмехнулся, оскалив зубы.

— Кто хочет умереть следующим? — пробурчал он сквозь кровоточащие губы.

Аскаланте прыгнул, но с невероятной гибкостью застыл в воздухе и упал на пол, чтобы избежать просвистевшей над ним смерти. Он быстро убрал ноги в сторону, откатившись, когда Конан ударил снова. На этот раз топор вонзился в пол почти на дюйм, ударив возле ног Аскаланте. Еще один бандит выбрал мгновение для нападения. Остальные, поколебавшись, последовали за ним. Они намеревались убить Конана, прежде чем киммериец вырвет

топор из пола. Но они недооценили силу короля. Окровавленный топор взлетел вверх и опустился снова. Отважный бандит мертвым отлетел к ногам своих товарищей.

В это мгновение пятеро, стоящих в дверях, одновременно вскрикнули, потому что на стене появилась бесформенная тень. И все с криком бросились бежать по коридору.

Аскаланте даже не взглянул на дверь. Он наблюдал только за раненым королем. Думая, что шум сражения разбудил весь дворец и на помощь королю спешат его преданные гвардейцы. Его удивило только то, что, убегая, бандиты как-то ужасно кричали...

Конан тоже не смотрел на дверь, так как наблюдал за предателем.

— Все, кажется, потеряно, и прежде всего честь, — пробормотал он. — Однако, во всяком случае, король умрет стоя... — подумал Конан.

И в это время, когда ему пришлось опустить топор, чтобы вытереть с глаз кровь, бандит кинулся на него. Однако, прежде чем Аскаланте достиг короля, он услышал странный звук и чудовищная масса обрушилась на его спину. Он упал на пол головой вперед, и острые когти вонзились в его плоть, причиняя чудовищную боль. Он повернул голову под своим мучителем и увидел прямо перед собой голову из кошмаров. На нем сидела огромная черная тварь. Ее черные зубы приближались к горлу...

Эта рожа из-за своей отвратительности не могла принадлежать никакому животному. Она принадлежала древней, заколдованной мумии, пробудившейся к демонической жизни. В этих ужасных чертах он увидел неясное, но пугающее сходство со своим рабом Тот-Амоном. И почти в этот же миг Аскаланте с ужасным криком отдал богу душу. Слюнявые клыки не успели коснуться его горла.

Конан, который вытер кровь с глаз, уставился на чудовище. Сначала он подумал, что на скорчившемся трупе Аскаланте сидит собака. Но потом, когда взгляд его прояснился, он увидел, что это была не собака, а павиан.

С криком, который напоминал предсмертный крик Аскаланте, он оттолкнулся от стены и бросил топор в чудовище, которое ринулось на него. Летящее оружие отскочило от черепа и пролетело через всю комнату.

Слюнявые челюсти сомкнулись вокруг руки, которую Конан поднял вверх, чтобы защитить свое горло, но чудовище не пыталось сразу же убить его. Через окровавленную руку короля оно злобно уставилось в его глаза, в которых обозначился тот ужас, который можно было прочесть в глазах мертвого Аскаланте. Конан почувствовал, как сжимается его душа и покидает тело, чтобы кануть в желтые глубины подземного ужаса, в которых мерцал хаос. Глаза чудовища стали гигантскими. Конан открыл окровавленные губы,

чтобы криком выплеснуть ненависть и отвращение, однако из его горла донесся только сухой хрип.

Ужас, парализовавший Аскаланте и убивший его, пробудил в варваре ярость. Не обращая внимания на боль, он отполз назад, таща за собой чудовище. При этом его рука коснулась чего-то, и он узнал рукоятку сломанного меча. Схватив обломок, он ударил им изо всех сил как кинжалом. Зазубренное лезвие глубоко вошло в тело чудовища. Мерзкая пасть открылась в ужасном крике боли, выпустив руку Конана. Короля отшвырнуло в сторону, а когда он, шатаясь, встал, то увидел, что из раны на теле чудовища хлещет мощный поток крови и оно извивается в смертельной агонии. Потом чудовище вздрогнуло еще несколько раз и застыло на полу.

Конан сморгнул с глаз кровь. То, что произошло потом, ему показалось невероятным: огромное чудовище стало расплываться, превращаясь в студенистую массу.

А потом его ушей достиг звук голосов разбуженных придворных. Они устремились в комнату. Все задавали друг другу вопросы и стояли на пороге. Черные Драгуны тоже были здесь. Дикая ярость сверкала в их глазах, и они ругались на своем родном языке, которого жеманные придворные, к счастью, не понимали. Молодого офицера, отозвавшего охрану от дверей, нигде не было видно.

— Громель! Волтман! Ринальдо! — выдохнул Публиус, главный советник, и заломил свои жирные руки. — Черная измена! За это кто-то будет танцевать на виселице! Позвать охрану!

— Охрана уже здесь, старый ты дурак! — сердито фыркнул Каплантидес, главнокомандующий Черных Драгун, в возбуждении забыв о высоком ранге Публиуса. — Прекрати скулить и лучше помоги перевязать раны короля, пока он не истек кровью!

— Да, да! — вскричал Публиус, который мог составлять великолепные планы, но редко их осуществлял. — Мы должны перевязать его раны. Прикажите привести сюда всех придворных врачей! О, мой король, какой это позор для города! Что с вами сделали? Чем мы можем помочь вам?

— Вина! — прохрипел Конан. Его положили на постель. Кто-то поднес к губам полный кубок, и король большими глотками осушил его.

— Хорошо, — пробурчал он и уронил голову на подушку. — От такого сражения пересыхает в горле.

Кровотечение прекратилось, и невероятные жизненные силы варвара начали исцелять тело.

— Сначала позаботьтесь о ране от кинжала на моем боку, — обратился он к главному придворному врачу. — Ринальдо оставил там свою новую кровавую балладу, и перо его было очень остро!

— Мы давно должны были повесить его! — сердито произнес Публиус. — Эй, а это кто?

Он нервно толкнул носком сапога труп Аскаланте.

— О, Митра! — воскликнул главнокомандующий Черными Драгунами. — Это же Аскаланте, бывший граф Туны! Какой дьявол принес его сюда из пустынного района?

— Почему он застыл в такой позе? — Прошептал Публиус, отступая назад. Другие тоже пораженно умолкли, взглянув на негодяя.

— Если бы вы видели то, что видел я, — пробурчал король, несмотря на протесты докторов, — вы бы этому не удивились. Однако убедитесь сами, там... — он смущенно замолчал, потому что его палец указывал на голый пол. Странные останки чудовища бесследно исчезли.

— О, Кром! — прошептал он. — Адское чудовище превратилось в слизь.

— Король бредит в лихорадке! — прошептал один из придворных.

Услышав его, Конан не смог сдержать своих варварских ругательств.

— О, Бадб, Морриган, Маха и Немиан! — яростно бурчал он. — Я не брежу, я видел! Это было нечто среднее между стигийской мумией и павианом. Это чудовище проникло через дверь, и негодяи Аскаланте бросились в паническое бегство. Оно убило Аскаланте именно тогда, когда он хотел вонзить мне меч в живот. Потом оно бросилось на меня, и я его убил, но не знаю, как, потому что мой боевой топор отскочил от его черепа, как от каменной стены. Но я думаю, что ко всему этому имеет отношение Эпимитреус...

— Слышите! Он говорит об Эпимитреусе, умершем пять сотен лет назад! — украдкой прошептали придворные.

— О, Имир! — прогремел король. — Я сегодня ночью говорил с Эпимитреусом! Он во сне вызвал меня, я прошел по черному, высеченному в скале коридору с барельефами древних богов и героев, потом по лестнице, ступени которой высечены в виде змей Сета, потом я достиг склепа. Там находился саркофаг, на крышке которого была фигура Феникса...

— Во имя Митры! Лорд Король, замолчите! — сказал Верховный Жрец Митры, меняясь в лице.

Конан откинул голову назад и прорычал:

— Что я, раб, чтобы по приказу затыкать свой рот?

— Нет, нет, мой лорд! Я и не думал оскорблять вас, — он пригнулся к Конану и прошептал ему на ухо: — Мой лорд, это все превосходит человеческое понимание. Только внутренний круг жрецов знает о черном каменном туннеле, выбитом неизвестными руками в черном сердце горы Коламира, и об охраняемом Фениксом склепе, в котором похоронен Эпимитреус. И с тех пор туда

ни один смертный больше не входил, потому что избранные жрецы, унесшие это знание с собой в могилу, закрыли внешний вход в коридор, чтобы никто больше не смог найти его, и сегодня ни один Верховный Жрец больше не знает, где он находится. Только из передающихся из уст в уста рассказов Верховных Жрецов, которые рассказывают это паре избранных, внутри круга жрецов Митры известна тайна последнего местопребывания Эпимитреуса в черном сердце Коламиры. Это основной догмат культа Митры.

— Я не могу сказать, при помощи какой магии Эпимитреус вызвал меня к себе, — пробурчал Конан. — Но он говорил со мной и нацарапал знак на моем мече. Каким образом этот символ оказался смертельным для демона, я не знаю, однако и обломка меча оказалось достаточно, чтобы убить чудовище.

— Позвольте мне осмотреть ваш меч, — прошептал Верховный Жрец.

Конан взял сломанное оружие и протянул его жрецу Митры. Тот вскрикнул и упал на колени.

— О, Митра, защити нас от Власти Тьмы! — простонал он. — Король действительно разговаривал с Эпимитреусом! На его мече тайный символ, который никто не в состоянии изобразить, кроме Мудреца, — знак бессмертного Феникса, который постоянно охраняет его склеп! Свечу! Быстрее! Посмотрите на то место, на которое указал король!

Место это находилось в тени одного из сорванных гобеленов. Гобелен оттянули в сторону, и у всех от ужаса перехватило дыхание. Некоторые упали на колени и молились Митре, другие с воплями убежали прочь.

На полу, там, где чудовище испустило дух, осталось большое темное пятно — отпечаток тела демона. Было ясно, что такое чудовище не могло появиться на свет в мире обычных смертных, угрожающее и ужасное, как тени обезьяноподобных богов, которые сидят на алтарях стигийских храмов.

Алая цитадель

ПОВЕСТЬ

1

Шум сражения стих, победные крики смешивались со стонами умирающих. Словно сухие листья, сорванные осенним ветром, по всей равнине лежали мертвые, заходящее солнце пронзало своими лучами темные шлемы, кольчуги, кирасы, сломанные шпаги, тяжелые складки штандартов, купающиеся в лужах крови. Лошади в попонах лежали возле своих одетых в железо всадников, гривы и плюмажи окрасились в багровый цвет.

По равнине победно гремели триумфальные звуки фанфар олифантов, башмаки победителей безжалостно давили побежденных. Сверкающие кольчугами отряды стекались туда, где последний оставшийся в живых продолжал свою безнадежную битву.

В тот день Конану, королю Аквилонии, довелось увидеть цвет своего рыцарства разрубленным на куски, растоптанным, размолоченным. С пятью тысячами всадников он перешел южную границу Аквилонии, чтобы достичь зеленых равнин Офира и встретиться со своим старым другом, королем Офира Амальрусом. Но, изменив дружбе, король Амальрус соединил свои силы с армией Страбонуса, короля Кота. Слишком поздно Конан распознал ловушку. Все, что мог сделать воин, он совершил со своими пятью тысячами рыцарей. Но что такое пять тысяч против тридцати тысяч конных лучников и копьеносцев?

Не имея ни лучников, ни пехоты, он бросил на врага своих рыцарей против орды заговорщиков и видел, как они падали под ударами копий. Он кинулся в самое сердце сражения, обращая врага в бегство, но два фланга сомкнулись вокруг него в кольцо. Лучники Страбонуса сеяли смерть среди рыцарей, их стрелы находили цели в кирасах, разили насмерть коней, а пики короля Кота пронзали всадников, низвергнутых наземь. Всадники с флангов влились в ряды центра и стали непобедимы.

Аквилонцы не бежали, они умирали в бою, и ни один из пяти тысяч не вернулся живым с равнин Шаню. Наконец король остался в

одиночестве, среди трупов подданных, погибших рыцарей и мертвых коней. Один среди врагов.

Он сражался отчаянно, шпага его сбрасывала с коней врагов в золоченых доспехах. Вокруг него валялись трупы, скакали кони без всадников, к нему неслись новые полчища, кони, как птицы, перелетали через трупы своих и чужих. Звон шпаг, топот коней и темный силуэт короля Запада в черной броне... Ярость его была столь велика, что враги отступили. Тогда в ряды яростно вопящих солдат ворвались короли побеждающей армии: Страбонус, с темным лицом и хитрым взглядом, Амальрус, худощавый, элегантный предатель, страшный, как кобра, и стройный стервятник Тзота-Ланти, весь в шелку, со сверкающими черными глазами на птичьем хищном лице. Множество рассказов ходило об этом котийском колдуне, светловолосые женщины в деревнях севера и востока пугали детей его именем, мятежные рабы тут же сдавались при одной угрозе, что их продадут этому человеку. Говорили, что у него целые кладовые демонических книг, переплетенных в человечью кожу, что в огромных подвалах своего дворца он общается с темными силами, обменивая молодых рабынь на сатанинские тайны. Именно он и был настоящим повелителем Кота.

Он злобно смеялся, видя, как рыцари натягивают поводья и отступают от темного силуэта, закованного в броню. Под устрашающим взглядом голубых глаз, сверкавших из-под темного шлема, отступали самые смелые. Изуродованное шрамом лицо Конана было багровым от ярости, на разорванной черной броне алела кровь, длинная шпага покраснела до рукояти. Весь налет цивилизации слетел с него, остался варвар, дающий отпор. Конан ведь был из Киммерии, из жестоких горцев, и ходило множество легенд о том, как он взошел на трон Аквилонии.

Короли пока что держались на расстоянии. Страбонус приказал лучникам-шемитам издали обстрелять врага: слишком многих зарубил Конан своей шпагой! Но Тзота покачал головой.

— Мы должны взять его живым!

— Легко сказать! — заворчал в ответ Страбонус. — Кто может взять живым тигра-людоеда? Клянусь Иштар, он перебил моих лучших бойцов! Я затратил семь лет и кучу золота на их обучение, а теперь они мертвы и годятся только для грифов. Я сказал — пустить стрелы!

— Еще раз говорю — нет! — рявкнул Тзота, соскакивая на землю. — Или ты не знаешь, что мой мозг сильнее твоей шпаги?

Он прошел через линию воинов, и гиганты в кольчугах боязливо расступались, давая ему дорогу, стараясь не коснуться края его длинной мантии. Всадники в султанах тоже посторонились. Перешагивая через трупы, Тзота подошел к темному королю. Все затаили дыхание. Силуэт в черной броне угрожающе возвышался над хрупким

человеком в шелку и размахивал над его головой окровавленной шпагой.

— Я предлагаю тебе жизнь, Конан, — сказал Тзота с жестокой радостью.

— Я предлагаю тебе смерть, колдун! — проскрипел в ответ Конан.

И длинная шпага, поднятая стальными мускулами и яростной ненавистью, резко опустилась, чтобы погрузиться в тощее тело Тзота. У солдат вырвался крик ужаса, но колдун сделал столь быстрый жест, что глаз не смог за ним уследить и просто положил руку на плечо Конана. Свистящее лезвие отклонилось. Гигант в черном тяжело упал на землю и больше не шевелился. Тзота беззвучно засмеялся.

— Смотрите на него и не бойтесь: лев потерял зубы.

Короли пришпорили коней, подъехали ближе, с почтением рассматривая поверженного дикаря. Конан лежал без движения, его широко раскрытые глаза смотрели на них в бессильной ярости.

— Что ты с ним сделал? — боязливо спросил Амальрус.

Тзота показал кольцо со странным камнем. Он резко сжал руку, и из кольца выскочил стальной нож.

— Он смазан соком пурпурного лотоса, который растет в болотах Стигии, — сказал маг. — В тех самых болотах, где водятся призраки. Укол — и недруг парализован. Впрочем, не навсегда. Закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце заходит: нам пора ехать в Хорсемиш.

Страбонус повернулся к Арбанусу.

— Мы едем в Хорсемиш с ранеными. Нас будет охранять королевская кавалерия. А ты поедешь со своими людьми к границам Аквилонии для осады Шамара. Как только сможем, мы присоединимся к вам.

Армия с рыцарями, закованными в железо, лучниками, копейщиками и интендантством отправилась разбивать лагерь. А два короля и колдун, куда более могущественный, чем они, ехали в это время к столице Страбонуса, окруженные пышной королевской гвардией. За ними следовали повозки с ранеными. В одной из них лежал Конан, король Аквилонии, закованный в цепи, с горечью поражения в сердце, с яростью тигра, попавшего в западню.

Яд, уничтоживший силу его мускулов, не парализовал мозг. Повозка, мерно покачиваясь, ехала по равнине, а он оплакивал свое поражение и вспоминал... Амальрус послал к нему гонца, умоляя о помощи: Страбонус опустошил западные рубежи его земель — между одной из границ Аквилонии и южным королевством Кота. Амальрус просил только тысячу всадников и присутствие Конана, чтобы навести порядок среди обеспокоенных подданных. И что же? Конан привел с собой в пять раз больше воинов, чем просил предатель, он вступил в Офир, ни о чем не подозревая, и встретил соперников,

объединившихся против него. Он сражался, как лев, но что могли сделать пять тысяч рыцарей против двух армий?

Глаза Конана заволокло красным туманом, вены готовы были лопнуть от ярости, в висках стучало. Никогда в жизни он не испытывал такого бессильного гнева. В его уме проносились события его жизни, панорама мимолетных сцен, он сам в разные годы: варвар в звериных шкурах, наемный солдат в кольчуге и маске, корсар на борту галеры с драконом на носу, оставляющий кровь и трупы вдоль южных берегов, капитан в броне на черном жеребце, король на золотом троне под знаменем с изображением льва, а под ногами толпа придворных и благородных дам в ярких нарядах. Но толчки повозки и звезды над головой возвращали его к реальности, к предательству Амальруса и колдовству Тзоты. И все-таки стоны и крики раненых в других повозках наполняли его сердце жестокой радостью.

К полуночи они пересекли границу Офира, и на заре на горизонте показались высокие минареты Хорсемиша. Над стройными сверкающими башнями возвышалась угрюмая алая цитадель, казавшаяся кровавым пятном на небе. Это был замок Тзоты. Мраморная дорога вела на вершину, откуда крепость нависала над городом. Склоны горы были слишком круты, чтобы можно было подняться по ним, минуя дорогу. С высоких стен цитадели можно было смотреть на широкие белые улицы, мечети и минареты, лавки, храмы, жилища и рынки. Глаз останавливался на королевском дворце — драгоценном камне в оправе великолепных садов за высокими стенами, полных фруктовых деревьев и прекрасных цветов, где вечно журчали искусственные ручьи и хрустальные фонтаны. И над всем этим угрюмо зависла цитадель, как кондор, выслеживающий добычу, погруженный в темные размышления.

Мощные решетки между огромными сторожевыми башнями открылись, и король вошел в свою столицу между двумя рядами сверкающих копьеносцев, и пятьдесят труб протрубили ему салют. Но толпа не спешила на вымощенные белым камнем улицы, чтобы бросать цветы под копыта лошадей победителей. Страбонус скакал впереди, чтобы известить о сражении, а народ, с неохотой оставивший свои дела, смотрел, разинув рот, на своего короля. Такая малая свита... Что это — поражение или победа?...

За ночь Конан пришел в себя. Он вытянул шею и чуть приподнялся, чтобы посмотреть на чудеса столицы, которую многие называли Королевой Юга. Еще совсем недавно он мечтал подъехать к этим золоченым решеткам со своим закованным в железо эскадроном, под знаменем с изображением льва. А теперь его везут сюда скованным, без брони, лежащим в повозке победителя, как плененного раба! Он грубо расхохотался, и солдаты вздрогнули: так рычит проснувшийся лев.

2

В глубине цитадели, в зале с высоким сводчатым потолком из разного агата и дверьми с инкрустацией из темных драгоценных камней, собрался необычный совет. Конан Аквилонский, покрытый кровью, текущей из многочисленных ран, стоял перед теми, кто взял его в плен. По обеим сторонам от него стояли по шесть черных гигантов, сжимавших в руках могучие топоры. Тзота, Страбонус и Амальрус, разодетые в золото и шелка, валялись на диванах, обнаженные мальчики-рабы наливали им вино в сапфировые чаши. Конан, окровавленный, смуглый, в набедренной повязке, скованный по рукам и ногам цепью, смотрел на врагов с презрением. Под спутанной массой черных волос, падавших ему на лоб, яростно сверкали голубые глаза. Что ему этот пышный зал, вся эта мишура завоевателей? Под его взглядом короли потупили взоры. Только Тзота не выглядел смущенным.

— Как видишь, наши желания исполняются, король Аквилонии! — сказал он. — Мы желаем увеличить нашу империю.

— И вы, свиньи, жаждете моего королевства! — проворчал в ответ Конан.

— А кто ты такой? Выскочка, овладевший короной, на которую у тебя прав не больше, чем у любого бродяги? — бросил Амальрус. — Мы готовы предложить тебе отступное.

Звучный смех вырвался из мощной груди Конана.

— Цена позора, измены! — взревел он. — Конечно, ведь я варвар и, значит, продам свое королевство и свой народ в обмен на жизнь и ваше проклятое золото? Ха! А где ты подобрал свою корону, ты и та свинья с черным рылом, что рядом с тобой? Ваши отцы сражались, ваши отцы страдали и подносили вам королевства на золотом блюде! То, что вы унаследовали, не шевельнув пальцем, — разве что отравили несколько братьев — я завоевал в великой борьбе. Вы валяетесь в шелках и упиваетесь вином, а на вас работает ваш народ! И вы еще говорите о священном праве! Я поднялся от варварства до трона, и, поднимаясь, проливал свою кровь так же щедро, как и чужую. И если кто-то из нас имеет право управлять людьми, то, клянусь, это я! Чем ты докажешь, что ты выше меня?... Я нашел Аквилонию в когтях чудовища, вроде тебя, хотя за ним длинный ряд знатных предков. Страну раздирали распри баронов, а народ стонал под гнетом и налогами. А сегодня ни один аристократ в Аквилонии не смеет плохо обращаться с моими подданными, и налоги у меня самые легкие в мире. Что ты ответишь на это? Твой брат Амальрус правит в южной половине твоего королевства и не доверяет тебе. Твои солдаты, Страбонус, осаждают замки твоих же мятежных баронов. Народ ваших двух королевств раздавлен поборами, а теперь

ты хочешь ограбить еще и мой? Ха! Развяжи мне руки, и я натру плиты пола твоими мозгами!

Тзота холодно улыбнулся, заметив ярость своих компаньонов.

— Правда это или нет, неважно, наши дела тебя не касаются, — холодно сказал он. — Подпиши этот пергамент — твое отречение в пользу принца Арпелло де Пеллиа. Мы вернем тебе оружие, лошадь и дадим пять тысяч дукатов золотом. А затем проводим тебя до восточной границы.

Смех Конана прозвучал словно лай дикой собаки.

— Вы отошлете меня туда, откуда я когда-то прибыл в Аквилонию, чтобы наняться в армию, и добавите мне метку предателя? Значит, Арпелло? У меня всегда были подозрения насчет этого мясника Пеллиа. Вы боитесь воровать и грабить открыто, вам нужен предлог, пусть самый хилый! Арпелло говорит, что он королевской крови, вот вы и пользуетесь им, чтобы оправдать свое воровство! Вы хотите поставить у власти сатрапа! Да я лучше встречусь с вами в аду!

— Дурак! — рявкнул Амальрус. — Ты в наших руках, и мы можем лишить тебя и королевства, и головы!

Ответ Конана не был ни королевским, ни благородным, он был естественным для этого человека, варварскую природу которого не изменила цивилизация: он плюнул прямо в глаза Амальрусу. Король Офира вскочил с яростным воплем и бросился на Конана со шпагой в руке.

— Минуточку, Ваше Величество, — вмешался Тзота. — Этот человек мой пленник.

— Отойди, колдун! — зарычал Амальрус, разъяренный насмешливым блеском голубых глаз Конана.

— Назад, я сказал! — рявкнул громовым голосом Тзота. Его тощая рука вынырнула из обшлага и бросила горсть порошка в искаженное лицо короля Офира. Амальрус взвыл и отступил, пошатываясь. Шпага выпала у него из рук, он поднес руки к глазам, а затем упал на диван под равнодушными взглядами котийских стражников. Король Страбонус поспешно выпил бокал вина — руки его дрожали.

— Я чуть не ослеп, — произнес Амальрус. — Что ты со мною сделал, колдун?

— Всего лишь предупреждение, чтобы ты понял, кто хозяин, — сухо ответил Тзота. — Страбонус, похоже, запомнил урок, теперь твоя очередь. Я бросил тебе в глаза немного пыли из стигийской гробницы. Если я сделаю это еще разок, ты проведешь остаток дней в темноте.

Амальрус пожал плечами, криво улыбнулся и взял чашу, чтобы залить свой страх и свой гнев. Тзота повернулся к Конану, который бесстрастно смотрел на него и подал знак рукой. Два негра схватили Конана и потащили за Тзотой по длинному извилистому коридору, вымощенному многоцветными мозаичными плитами. Стены были

затянуты золотой и серебряной тканью, со сводчатого потолка свисали золотые курильницы, наполнявшие галереи душистым облаком. Вот негры свернули в узкий коридор из нефрита и агата, темный и страшный, он кончался бронзовой дверью, над которой угрожающе скалился череп. Перед дверью стояло жирное отталкивающее создание со связкой ключей в руке: это был Шукели, первый евнух Тзоты, о котором ходило множество слухов, человек, у которого любовь к чужим страданиям заменила все страсти.

Бронзовая дверь выходила на узкую лестницу, уходившую, казалось, в самое чрево горы, на вершине которой возвышалась алая цитадель. Маленький кортеж спустился по ступенькам и остановился перед железной дверью, способной противостоять ударам тарана. Шукели толкнул монументальную створку.

Конан заметил, что стража боится чего-то, да и Шукели тоже. За дверью была вторая, из больших стальных прутьев. Как она открывалась? Не было видно ни замочной скважины, ни щеколды. Движение руки — и дверь ушла в стену. Они переступили порог и оказались в широком коридоре, прорубленном в скале. Значит, они в подземелье, в самом чреве горы. Тьма наваливалась на факелы стражников, как нечто живое, одушевленное.

Конана приковали к кольцу, вделанному в каменную стену. Над его головой поместили факел, и Конан оказался в полукруге рассеянного света. Негры поспешили уйти, опасливо вглядываясь в темноту. Тзота отпустил их знаком, и они выскочили в коридор, будто боялись, что кто-то нападет на них из темноты. Тзота смотрел на Конана, глаза его светились в темноте, зубы скалились, словно волчьи клыки.

— До свиданья, варвар, — сказал он насмешливо. — Мне надо ехать в Шамар, принять участие в осаде. Через два дня я со своими воинами буду в твоем дворце! Что передать от тебя твоим женщинам, прежде чем с них сдерут их красивую кожу? Знаешь, зачем она мне? Чтобы записывать победы Тзоты-Ланти!

Конан ответил страшным киммерийским ругательством, которое могло бы пробить барабанные перепонки всякому нормальному человеку, но Тзота только усмехнулся и вышел. Мелькнул его силуэт сквозь толстые брусья, когда он запирал решетку, потом лязгнула тяжелая железная дверь, и в полной тьме воцарилась мертвая тишина.

3

Конан ощупал кольцо в стене и натянул цепи, державшие его на кольце. Руки были свободны, но он знал, что даже с его удивительной силой он не сможет разорвать ни одного звена.

Они были толщиной с его палец, конец цепи прикреплен к массивному железному обручу, стянувшему поясницу. Человек послабее Конана мог бы умереть от одного только веса этих оков. Запоры и замки невозможно разбить даже молотом. Кольцо проходит через всю стену и зажимается с другой стороны. За кругом света полная мгла. Страшно...

Все суеверные страхи варвара, спавшие в душе, прикрытые логикой цивилизации, стали теперь просыпаться. Примитивное воображение населяло подземелье чудовищными формами жизни. Разум говорил Конану, что его заперли не как обычного пленника, и оберегать не собираются. Он брошен в этот каменный мешок, чтобы здесь умереть. Он проклинал себя за то, что отказался от предложения победителей, однако его упрямое мужество восставало, и он знал, что и сейчас его ответ был бы тем же. Никому он не продаст своих подданных. Он думал только о себе, когда овладел троном, но теперь он в ответе за свой народ.

Конан вспомнил об отвратительной угрозе Тзоты и застонал от ярости.

Это не просто болтовня! Люди значат для мага не больше, чем насекомые. Нежные руки, ласкавшие Конана, губы, прижимавшиеся к его губам, груди, дрожавшие под его страстными поцелуями... И со всех этих девушек сдерут их нежную кожу, белую, как слоновая кость, розовую, словно лепестки цветка... Из горла Конана вырвалось такое рычание, что если бы кто-нибудь услышал его, он не поверил бы, что это рычит человек.

Дрожащее эхо напомнило ему о его положении. Конан испуганно вглядывался в тени и вспоминал рассказы о жестокости Тзоты. По его телу пробежала дрожь, когда он понял, что находится в тех самых легендарных Залах Ужаса, о которых говорили только шепотом — о туннелях и тайниках, где Тзота производил опыты над людьми и животными и, как говорили, даже над демонами. Ходили слухи, что Генальдо, сумасшедший поэт, посещал эти каменные мешки по приглашению мага и видел то, на что потом намекал в поэме: «Песни подземелья». Говорили, что намеки эти — отнюдь не плод больного мозга. Мозг этот разлетелся однажды под ударом топора Конана в тот день, когда Конан защищался против убийц, хитростью введенных во дворец безумным поэтом. Но слова мрачной поэмы запомнились навсегда и теперь заставляли дрожать плененного короля.

Внезапно киммериец услышал легкий шелест и насторожился, предчувствуя леденящую кровь опасность. Что-то, шурша, скользило по камню. Холодный пот выступил на лбу Конана, когда в круге бледного света он увидел нечто неопределенное, но колоссальное и устрашающее. Создание выпрямилось, слегка покачиваясь, в темноте блеснули желтые глаза. Мерзкая треугольная голова появилась перед

его вытаращенными от ужаса глазами, из тени возникли чешуйчатые кольца невиданных размеров рептилии.

Такой змеи Конан и представить себе не мог: не менее восьмидесяти футов длины, с заостренным хвостом и треугольной, с лошадиную, головой. Чешуя холодно светилась, белая, как лед. Эта змея, конечно, родилась в темноте, однако ее глаза все отлично видели. Она свивала свои кольца прямо перед пленником, голова на изогнутой шее покачивалась в нескольких сантиметрах от его лица, раздвоенный язык почти касался губ Конана, высовываясь и прячась, отвратительный запах чудовища вызывал тошноту. Огромные желтые глаза жгли Конана, и он смотрел в них, не отрываясь, как волк в западне. Он боролся с желанием схватить мощными руками шею чудовища — здесь, под челюстью. С силой, превосходящей понимание цивилизованного человека, он раздавил однажды затылок питона в страшной борьбе на берегах Стигии — в те времена, когда еще был корсаром. Но эта змея была ядовита: он видел громадные, длиною в фут, клыки, изогнутые, как турецкая сабля, с них стекала бесцветная жидкость. Он инстинктивно чувствовал, что она смертельна. Может быть, ему и удалось бы раздавить этот треугольный череп, страх удвоил бы его силы, но он знал, что при малейшем движении чудовище ударит, как молния.

На что он надеялся, оставаясь абсолютно недвижным? Он не руководствовался разумом: ведь разум сказал бы ему, что он только отодвигает смерть. Стоит раздразнить змею, и она кинется на него!

Змея вытянулась во всю свою длину и высоко подняла голову, рассматривая факел. Капля яда упала на голое бедро Конана — словно раскаленное железо обожгло его. Нестерпимая боль пронзила мозг Конана, но ни один мускул его не дрогнул.

«Рубец останется до самой смерти», — мелькнула бесполезная мысль.

Змея покачивалась над ним, ожидая, когда вспыхнет искра жизни в этом неподвижном теле. Но вдруг лязгнула железная дверь, невидимая в темноте.

Змея, недоверчивая, как все змеи, в тот же миг скрылась во мраке. Дверь отворилась, решетка исчезла. Огромный черный силуэт двинулся к Конану. Вот он вошел в круг света от факела, и король увидел перед собой совершенно голого негра, державшего в одной руке шпагу, а в другой — связку ключей. Негр обратился к нему на языке побережья, и Конан ему ответил: он знал этот язык с тех самых пор, как пиратствовал на берегах Куша.

— Много лет я мечтал встретиться с тобой, Амра, — сказал негр, называя Конана именем, под которым его знали кушиты: Амра — Лев. Белые зубы на черном лице сверкнули в улыбке. — Я решился на многое, чтобы увидеть тебя. Посмотри, вот ключи от твоих оков!

Я украл их у Шукели. Сколько ты дашь за них? — И он побренчал ключами перед носом Конана.

— Десять тысяч золотом, — быстро ответил Конан.

— Мало! — вскричал негр. — Слишком мало за тот риск, которому я подвергаюсь. Из темноты могут вылезти собаки Тзоты и сожрать меня, и, если Шукели заметит, что я украл ключи, он повесит меня... Ну, сколько дашь?

— Пятнадцать тысяч золотом и дворец в Пуатоне, — пообещал Конан.

Негр зарычал и затопал ногами в пароксизме варварской радости.

— Больше! — кричал он. — Я хочу больше! Что ты мне дашь?

— Ах ты, черная собака! — взревел Конан с вспыхнувшей яростью. — Будь я свободен, я бы тебя раздавил! Не послал ли тебя Шукели, чтобы поиздеваться надо мной?

— Шукели ничего не знает, белый человек. — Негр заглянул в глаза Конану.

— Я тебя знаю давно, с того самого дня, когда был вождем свободного народа! А потом стигийцы увезли меня и продали на север. Ты забыл разграбление Абубы, когда твои морские волки вторглись туда? Перед дворцом короля Аджаги ты убил моего брата, а я убежал. Теперь я требую у тебя цену крови, Амра!

— Освободи меня, и я заплачу тебе твой вес в золотых слитках, — буркнул Конан.

Налитые кровью глаза негра дико сверкнули. Зубы ослепительно блестели при свете факела.

— Ты такой же, как все вы, белые собаки. Но для черного человека золото никогда не оплатит кровь. Цена, которую я требую — это твоя голова!

Последнее слово прозвучало безумным криком, и мрачное эхо вернуло его. Конан застыл, оцепенев: неужели его зарежут, как барана? И вдруг над плечом негра он увидел что-то, раскачивающееся в темноте.

— Тзота никогда ничего не узнает, — хохотал негр. Он упивался своим триумфом, был опьянен своей ненавистью, и не мог почувствовать смерть, стоявшую уже за плечами. — Он не скоро спустится в подземелье, а к тому времени демоны уже вытащат твои кости из цепей, Амра! А у меня будет твоя голова!

Он расставил огромные ноги и поднял массивную шпагу. Крепкие мышцы перекатывались под черной кожей, блестели под светом факела. В ту же секунду гигантская тень сзади него выпрямилась и ударила...

Звук удара эхом отозвался в подземелье. Толстые губы негра раскрылись от боли, но ни одного звука не вырвалось из них. Удар треугольной головы отбросил черное тело в конец коридора; извивающаяся масса скользнула за ним, обвила его сверкающими

белыми кольцами, и Конан услышал страшный хруст костей. Шпага и ключи выпали из рук негра, связка лежала теперь у самых ног Конана.

Он хотел наклониться, но цепь оказалась слишком короткой. Задыхаясь от диких ударов сердца, Конан сбросил сандалию, подцепил ключи пальцами ноги, а затем поднял ногу и жадно схватил связку, едва удержавшись от торжествующего крика.

Еще минута — и он свободен. Конан подобрал шпагу, огляделся. Глаза его встретили темноту, в которой змея волокла что-то раздробленное, ничем уже не напоминающее человеческое тело. Конан повернулся к открытой двери. Несколько шагов, и он уже на пороге, но под сводами раздался резкий смех, решетка с шумом захлопнулась, и упала тяжелая щеколда. Сквозь брусья он увидел ухмыляющуюся физиономию: евнух вовремя хватился своих ключей. Но как же он не заметил шпаги в руках пленника? Безбожно бранясь, с быстротой кобры Конан метнулся к евнуху. Широкое лезвие просвистело между брусьями, и смех Шукели превратился в хрип. Евнух согнулся пополам и упал, схватившись за живот, откуда вылезали внутренности.

Конан даже застонал от удовольствия. Однако он оставался пленником. Что толку в ключах, если замок открывается только снаружи? Его ловкие пальцы сказали ему, что брусья тверже шпаги: если он попытается перерубить их, то лишь сломает свое единственное оружие. Но он увидел метки вдоль этих мощных брусьев, метки, похожие на укусы, и с дрожью подумал, какие же чудовища так страстно атаковали этот барьер?.. Ничего не поделаешь: надо искать другой выход. Взяв факел, он углубился в коридор, держа в другой руке шпагу. Ни змеи, ни ее жертвы... Только длинная борозда крови на плитах.

Молчаливая тьма, едва пробиваемая мигающим светом факела, сомкнулась над ним. Там и сям попадались какие-то боковые ходы, но Конан упрямо шел вперед по главному коридору, внимательно глядя под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Вдруг он услышал жалобные всхлипывания: плакала женщина. «Наверное, одна из жертв проклятого мага», — подумал Конан и пошел на звук плача, свернув в туннель еще более узкий, сырой и мрачный.

Рыдания становились все громче. Подняв факел, Конан увидел, что в темноте кто-то есть. Он подошел ближе и остановился в ужасе. У ног его что-то двигалось — что-то, похожее на человека. Тело, казалось, было сделано из желатина, вместо рук и ног — щупальцы, как у осьминога, рыдания вырывались из огромного лягушачьего рта. Выпуклые глаза увидели Конана, рыдания превратились в смех, и чудовище подползло прямо к нему.

Конан отступил и, повернувшись, бросился бежать со всех ног по туннелю, не осмелившись пустить в ход шпагу. Может быть, эта

тварь и была земной, но вряд ли шпага остановит ее. Конан бежал что есть мочи и слышал за собой мягкое шлепанье существа и дикий, но человеческий смех. Он слышал такой смех похотливых женщин Шадизара в Городе Роскоши, где молодых рабынь раздевали догола на подмостках публичного рынка. Каким дьявольским искусством Тзота мог дать жизнь такому созданию? Тут, конечно, попирались все законы природы.

Конан бежал и бежал. Вот он пересек нечто вроде квадратного зала, где скрещивались два туннеля. Он не сразу увидел на полу маленькую темную кучку, он не сумел ее обойти, споткнулся, резко вскрикнул и упал. Факел выпал из его руки, покатился по каменному полу и погас. Ошеломленный падением, Конан полежал какое-то время, потом встал и осторожно пошел вперед, вытянув руки. Факел он искать не стал, все равно нечем было зажечь его. Неизвестно, сколько он шел так в полной темноте, но внезапно инстинкт варвара предупредил его о неминуемой опасности. Конан остановился. Однажды он испытал нечто подобное, когда оказался ночью на краю пропасти. Теперь он опустился на колени и стал ощупывать пол. Очень скоро он обнаружил, что стоит на краю колодца. Конан протянул над ним руку и с трудом дотянулся концом шпаги до противоположного края. Конечно, он мог перепрыгнуть колодец, но решил, что это опасно. Значит, он свернул куда-то в сторону и главный туннель остался позади.

Он уже собрался повернуть назад, как заметил слабое колебание воздуха: призрачный ветер, выходящий из колодца, шевелил его черные кудри. Неужели колодец выходит на землю? Нет, этого не может быть! Ведь он в подземелье, в чреве горы, под улицами города. Но откуда же ветер? Слабое ворчание трепетало в нем, будто где-то очень далеко били мощные барабаны. Холодная дрожь пробежала по телу Конана.

Он поднялся и отступал до тех пор, пока из колодца не показалось НЕЧТО.

Конан не мог сказать, что это: он абсолютно ничего не видел, он только чувствовал присутствие недоступного, невидимого разума, дьявольски взлетевшего над ним. Конан повернулся и побежал обратно. Очень далеко, в глубине туннеля, он заметил крошечную красную искру. Он побежал к ней, налетел на каменную стену и увидел искру у самых ног. Это был его факел, огонь погас, но тлел еще уголек. Конан поднял факел и принялся раздувать огонь. Огонь замерцал и поднялся. Конан вздохнул с облегчением и вернулся в зал, где расходились туннели. И вдруг пламя заколебалось, как будто на огонь кто-то дунул. Конан снова ощутил чье-то присутствие и поднял факел.

Он ничего не увидел, но смутно чувствовал, что кто-то, неосязаемый и невидимый, парит в воздухе, да еще изрыгает дикие

непристойности. Конан не слышал их, он их чувствовал. Он завертел шпагой над головой, и ему показалось, что он раздирает паутину. Дрожа от ужаса, Конан бросился в туннель, чувствуя за собой горячее зловонное дыхание.

Выскочив в широкую галерею, он наконец освободился от невидимого присутствия. Он снова пустился в путь, напряженно ожидая появления рогатых или косматых чудовищ. Он слышал осторожные, скользящие шаги, в проемах мелькали тени, вдруг раздался демонический хохот гиены и в завершение — человеческий голос, произносящий отвратительные, богохульные слова. Однако рядом с ним, в галерее, не было никого. И Конан скоро понял почему: сзади раздался шорох — тяжелое тело скользило по галерее.

Конан мгновенно погасил факел и бросился в один из проемов. Мимо проползла гигантская змея, отяжелевшая от последней трапезы. Рядом с Конаном что-то застонало от ужаса и убежало в темноту. Как видно, главная галерея была охотничьей тропой змеи и все оставили эту галерею ей.

Что ж, змея была наименьшим из зол. Конан испытывал к ней даже некоторые дружеские чувства, когда вспоминал рыдающий и хохочущий ужас или то создание, которое появилось из колодца. Змея, по крайней мере, земная: это ползучая смерть, но она угрожает лишь телу, она не нападает на душу и разум.

Теперь он шел за змеей следом, снова раздув свой факел, держась от змеи на почтительном расстоянии. Но он не сделал и нескольких шагов, как из ближайшего бокового туннеля раздался чей-то мучительный стон. Осторожность советовала Конану продолжать идти за змеей, но пересилило любопытство. Конан поднял повыше факел, от которого уже мало что оставалось, и то, что он увидел, ошеломило его, хотя, казалось бы, он ожидал всего.

Он стоял перед обширной камерой, закрытой высокой решеткой от пола до потолка, прочно вделанной в камень. В клетке маячил силуэт, который показался Конану человеком или, по крайней мере, чем-то похожим на человека, связанного и опутанного усиками лозы, растущей прямо из скалистого пола. Мягкие, гибкие ветви опутывали нагое человеческое тело, впивались в него, страстно его целовали. Остроконечные листья, кроваво-красные цветы — странные, извращенные — осыпали несчастного. Самый большой цветок расцвел у губ человека. Тяжелые стоны вырывались из этих губ, голова поворачивалась туда-сюда в приступе нестерпимой боли, глаза были устремлены на Конана, но никакого проблеска мысли не было в тусклом взгляде стеклянных зеленых глаз.

Внезапно кровавые цветы ожили и прижали свои лепестки к полуоткрытым губам, усики лозы дрожали в экстазе, вибрировали от желания. Волны меняющихся цветов пробегали по ветвям, цвета

становились все более яркими, ядовитыми. Человек извивался от боли.

Конан не понимал, что это, но знал, что перед ним ужас. Он шел сквозь ад, сотворенный Тзотом-Ланти. Кем бы ни был узник — человеком или демоном, — надо было ему помочь. Конан поискал вход и обнаружил решетчатую дверь, запертую тяжелым замком. Один из ключей в связке Конана открыл замок, и Конан вошел. Тотчас же лепестки этих ядовитых цветов собрались вместе, усики угрожающе выпрямились, растение напряглось и качнулось к нему. Волны ненависти исходили от этой лозы, она явно видела Конана. Длинные усики тянулись к нему, пытаясь схватить, но он уже поднял шпагу и одним резким и сильным ударом, перерубил ствол.

Несчастный пленник был отброшен в сторону, лоза извивалась и крутилась, как обезглавленная змея, скатываясь в огромный шар. Усики щелкали, как хлысты, листья тряслись и бились, как кастаньеты, лепестки конвульсивно дергались. Наконец лоза обмякла и вытянулась на полу, его яркие цветы поблекли, из перерубленного ствола вытекала какая-то белая жидкость. Все было кончено.

Конан оглянулся и замер от изумления: сзади него стоял освобожденный им человек. Высокий и стройный, с длинными ногами, темными, задумчивыми глазами, он был явным аристократом. Маска ужаса спала с его лица.

— Какой сейчас год? — спросил он по-котийски.

— Сегодня десятый день месяца Юлуна, год Газели, — ответил Конан.

— О Иштар! — пробормотал незнакомец. — Десять лет!

Он провел рукой по лбу, потряс головой, как бы освобождая мозг от затянувшего его тумана.

— Все так смутно, — продолжал он. — После десяти лет пустоты ум не может проснуться сразу. Кто ты?

— Конан из Киммерии, король Аквилонии.

— Вот как? А Мумедид? — удивился незнакомец.

— Я задушил его прямо на троне в ту ночь, когда захватил королевский город, — ответил Конан.

— Извините меня, Ваше Величество, — улыбнулся незнакомец. — Я должен был сначала поблагодарить вас за ту услугу, которую вы мне оказали. Но я сейчас как человек, пробудившийся ото сна, более глубокого, чем смерть, сна, наполненного кошмарами, и понимаю только, что вы освободили меня. Скажите мне, почему вы перерубили ствол, вместо того, чтобы просто вырвать лозу?

— С давних пор мне известно, что не следует касаться того, чего не понимаешь, — ответил Конан.

— Верно. Если бы вы ее вырвали, вы нашли бы на корнях такое, что не взяла бы и ваша шпага. Корни Ютхи идут из самого ада.

— Кто ты? — спросил Конан. — Как зовут тебя?

— Пелиас.

— Как? — вскричал Конан. — Пелиас, маг, соперник Тзоты, исчезнувший с лица земли десять лет назад?

— Только с лица земли, — горько улыбнулся Пелиас. — Тзота предпочел оставить меня в живых, в оковах страшнее железных. Он запер меня здесь с этим чудовищным цветком, семена которого украли во мраке космоса у Яга Проклятого. Они нашли плодородную почву только здесь, в подземелье, кипящем червями, здесь, в аду. Я не мог вспомнить свое колдовство, слова и символы своей власти из-за этой проклятой лозы, которая пила мою душу, мучила своими страшными ласками, дышала моим мозгом и днем и ночью. Мой разум был пуст, как разбитая амфора. Десять лет! Да поможет нам Иштар!

Конан молчал. Догорал его факел. «Конечно, — думал он, — этот человек безумен...» Но он не видел никаких признаков безумия в спокойно смотревших на него темных глазах.

— Скажите, черный маг в Хорсемише? — спросил Пелиас. — Впрочем, бесполезно спрашивать. Силы мои возвращаются, и я вижу в вашем мозгу великое сражение и короля, захваченного изменниками. Я вижу Тзоту-Ланти, скачущего в Тибор со Страбонусом и королем Офира. Мое искусство еще слабо после столь долгого сна, я пока не рискну встретиться с Тзотой. Мне нужно восстановить силы и снова обрести свою власть. Пошли отсюда, не будем здесь оставаться.

Конан печально помахал связкой ключей.

— Решетка наружной стены заперта. Засов можно отворить только с той стороны. Нет ли другого выхода из этих туннелей?

— Один есть, но мы им не воспользуемся, потому что он ведет вниз, а не вверх, — ответил, смеясь, Пелиас. — Пошли, посмотрим на ту решетку.

Он шел неуверенно, ноги его подгибались: десять лет они были недвижны.

— В галерее живет гигантская змея, — предупредил Конан. — Пойдем осторожнее, чтобы не встретиться с ней.

— Я ее помню, — хмуро ответил Пелиас. — Меня заставили смотреть на нее, когда десять моих верных слуг были отданы ей на расправу. Это Сатхи, любимица Тзоты.

— Так это Тзота вырыл подземелье? Чтобы прятать здесь своих монстров?

— Нет, все не так. Здесь когда-то, в древности, был город — на холме и вокруг него. Король Коссус Пятый, основатель города, построил на вершине горы дворец и стал рыть подземелье. Скоро его рабы обнаружили дверь, взломали ее и нашли все эти ходы, тайники, галереи. А потом сюда проник великий визирь и пропал здесь, сгинул. Перепуганный Коссус велел замуровать дверь снова. Он

сказал, что великий визирь упал в колодец. Потом король бросил дворец и построил другой, в деревне, но бежал в панике, когда обнаружил однажды на мраморном полу своей спальни черную плесень.

Он уехал со всем двором на восток и основал там новый город. Дворец на холме остался покинутым, стал разрушаться. Когда Аккуто решил возобновить прошлую славу Хорсемиша, он построил тут крепость. И, наконец, Тзота-Ланти воздвиг свою цитадель и открыл подземелья. Тзота сумел избежать смерти, он не упал в колодец, но вернулся из подземелья совсем другим, странным...

Я видел этот колодец, только я не хотел спускаться туда в поисках мудрости. Я маг, мне более тысячи лет, но ведь я еще и человек... Говорят, что некогда танцовщица из Шидизара уснула однажды неподалеку от города и проснулась в объятиях черного демона. От этого союза появилось то, что называют теперь Тзота-Ланти...

Конан пронзительно крикнул и отскочил в сторону, потянув за собой своего спутника. Перед ними выросла белая сверкающая фигура Сатхи: глаза ее сверкали вековой ненавистью. Конан собрал все силы, чтобы погрузить факел в ее демоническую пасть, воткнуть в ее тело шпагу. Но змея не смотрела на него: с яростью уставилась она на того, кто назвал себя Пелиасом, а тот спокойно улыбался, скрестив на груди руки. В огромных желтых глазах ненависть исчезала, на смену ей приходил страх, ужас... Змея зашипела, и ее словно сдунул порыв ветра.

— Что она увидела такого страшного? — спросил Конан.

— Она увидела то, что ускользает от глаз человека, — загадочно ответил Пелиас. — Ты видишь лишь мою оболочку, Сатхи видела мою обнаженную душу.

«Да полно, человек ли он? — подумал Конан. Ледяной пот струился у него по спине. — Может, пока не поздно, вонзить ему шпагу в спину?» Но они уже подошли к решетке, за которой в луже крови лежал Шукели.

Пелиас расхохотался.

— Клянусь белоснежными бедрами Иштар, не благородный ли это Шукели собственною персоною? Тот самый Шукели, что вешал моих слуг и сдирал с них кожу, вопя от радости? Ты спишь, Шукели? Почему ты такой застывший, почему твое жирное брюхо стало плоским, как у жареного поросенка?

— Он мертв, — растерянно пробормотал Конан.

— Живой или мертвый, — хохотал Пелиас, — но он нам сейчас откроет.

— Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с залитых кровью плит и открой дверь своим хозяевам! — Пелиас резко хлопнул в ладоши. — Вставай, говорю! — Смех разносился по подземелью — безжалостный, как удар топора.

Евнух застонал, шевельнулся, его толстые руки задвигались. Волосы зашевелились на голове у Конана: евнух медленно поднимался с пола, цепляясь за решетку. Вот он открыл остекленевшие, безжизненные глаза, из раны на животе мягко падали на пол внутренности, евнух топтал их ногами, открывая замок.

«Он жив? — в ужасе думал Конан. — Да нет же, он умер! Умер несколько часов назад!» Кровь застыла в жилах у Конана. Пелиас спокойно перешагнул порог, и Конан поспешил за ним следом, стараясь не коснуться страшной фигуры на качающихся ногах. Едва он сделал несколько шагов, как позади него что-то шлепнулось. Он оглянулся: труп Шукели лежал у решетки.

— Он сделал свое дело и вернулся в ад, — любезно объяснил Пелиас, будто не замечая страшной дрожи, потрясавшей сильное тело Конана.

Они поднялись по лестнице и прошли через бронзовую дверь, увенчанную черепом. Конан держал шпагу наготове, ожидая нападения, но все было тихо. Пройдя длинным черным коридором, они вошли в зал, где качались курильницы. Благовония наполняли зал.

— Рабы и солдаты живут в другом крыле цитадели, — заметил Пелиас. — Сегодня их господина нет, и они наверняка пьют вино и сок лотоса.

Конан, как зачарованный, смотрел на высокие стрельчатые окна с золотыми подоконниками, выходящими на широкую террасу. Он вскрикнул от восхищения при виде синего неба, усеянного звездами. Его бросили в подземелье с первыми утренними лучами, а сейчас была уже ночь. Он и не представлял, что пробыл под землей так долго. Внезапно он почувствовал страшный голод. Пелиас привел его в зал с позолоченными сводами и серебряным полом.

Лазурные стены были прорезаны арками. Пелиас со вздохом упал на диван.

— Наконец-то золото и шелк, — сказал он. — Тзота уверял меня, что он выше всяческих удовольствий, но он полудемон, а я человек, и я люблю роскошь. Вот так Тзота и поймал меня, когда я выпил лишнего. Вино — проклятие... Но клянусь белоснежными грудями Иштар, я ему отомщу! Налей-ка мне чашу, друг мой... Ах, простите, я забыл, что вы король...

— К дьяволу церемонии, — проворчал Конан, взяв хрустальную чашу.

Он налил в чашу вина и подал Пелиасу, а остальное вылил в собственную глотку и вздохнул с облегчением.

— Этот пес умеет выбирать вино, — заметил Конан, вытирая пот. — Но, клянусь Кромом, зачем нам оставаться здесь и ждать, когда солдаты проснутся и перережут нам горло?

— Не бойтесь! — воскликнул Пелиас. — Вам не хотелось бы посмотреть, что уготовила судьба для Страбонуса?

Голубые глаза Конана сверкнули. Он сжал эфес шпаги.

— Ах, — буркнул он. — Надеть бы его на острие моей шпаги.

Пелиас взял сверкающий шар со столика черного дерева.

— Вот он, хрустальный шар Тзоты. Детская игрушка, однако полезная, когда нет времени ворожить. Смотрите, Ваше Величество!

Он поставил шар перед Конаном на низкий столик. Курились облака, медленно плыли по шару тени. В тенях появились знакомые образы: широкие равнины, спускающиеся к извилистой реке, плато, окруженное низкими холмами.

На северном берегу реки высился укрепленный город, его крепкие стены окружал ров.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан. — Это Шамар! Собаки осадили его!

Враги уже пересекли реку: их палатки стояли в узкой долине между городом и холмами. Солдаты штурмовали стены, кольчуги слабо поблескивали в лунном свете. С башен летели стрелы и камни, солдаты отступали, а потом снова бросались на приступ.

Шар затуманился, все исчезло, а потом появилась столица его королевства, Тарантия: высокие башни, золоченые купола и смятение народа. Его верные воины, закованные в броню, покидали город под свист толпы. Враги с гербом Пеллиа на щитах врывались в дома, грабили рынки, подавляли бунты. И над всем этим, как тень или призрак, витал торжествующий лик принца Арпелло де Пеллиа.

Шар затуманился снова, и все исчезло.

— Вот, значит, как, — вздохнул Конан. — Мой народ предал меня, как только я повернулся спиной...

— Не совсем так, — не согласился с ним Пелиас. — Они узнали, что ты умер, думают, что теперь некому их защищать. Понятно, что они повернулись к самому могущественному дворянину. Они не доверяют рыцарям, потому что помнят древние войны. Они верят в Арпелло.

— Я вернусь, и от него останется только безголовое тело, которое будет гнить в общей яме с изменниками! — прорычал Конан, скрипя зубами.

— Но прежде чем ты вернешься в свою столицу, — напомнил Пелиас, — ты, без сомнения, встретишься со Страбонусом. Его рыцари собираются грабить твое королевство.

— Знаю, знаю! — вскричал Конан. — Даже на самом лихом скакуне мне не добраться до Шамара раньше полудня. А когда я приеду, мне ничего не останется, как умереть вместе со своим народом, потому что город падет. От Шамара до Тарантии не менее пяти дней перехода, даже если загнать коней. Прежде чем я доберусь до столицы и соберу армию, Страбонус будет у наших ворот.

А собрать армию нелегко: проклятые дворяне сбежали в свои вотчины, узнав о моей смерти! Никто не помешает Арпелло овладеть короной.

... Он отдаст страну Страбонусу в обмен на трон, а потом постарается его уничтожить. Но дворяне не поддержат Арпелло, и Страбонус захватит мое королевство. О, Кром и Сет! Если бы у меня были крылья, я бы молнией влетел в Тарантию!

Пелиас, рассеяно постукивающий пальцами по нефритовому столику, вдруг встал.

— Пошли! — бросил он Конану, и тот подчинился. Они молча вышли из зала и поднялись по мраморной с золотом лестнице на самую высокую башню. В звездной ночи свистел ветер, взъерошивая черную гриву Конана. Под их ногами сияли огни Хорсемиша, далекие, как звезды над головой. Пелиас с ледяным величием смотрел на звезды — такие же высокомерные, как он.

— Есть создания, — сказал он, — не только на земле или в море, но в воздухе и глубинах неба... Они живут своей жизнью, и люди о них не знают.

Однако с помощью магических слов, знаков и полного Знания мы можем повелевать ими, они не злы. Смотри и не бойся.

Он поднял руки к небу, издал странный долгий клич, который, казалось, бесконечно дрожал в пространстве, удаляясь все дальше, в необозримый космос. А затем настала невозможная тишина. Меж звезд взмахнули крылья, и что-то огромное упало перед Конаном. Большие спокойные глаза смотрели на него. Кто это? Не птица и не летучая мышь.

— Садись на него, — приказал Пелиас. — На заре ты будешь уже в Тарантии.

— Клянусь Кромом! — воскликнул Конан. — Не сон ли это? Может, я сплю в своем дворце? А ты? Я не могу оставить тебя одного, среди врагов.

— Обо мне не беспокойся, — улыбнулся Пелиас. — На заре народ Хорсемиша узнает, что у него новый владыка, а тебя унесли боги. Мы встретимся с тобой на равнине у Шамара.

Конан боязливо взобрался на гигантскую спину, ухватился за изогнутую, длинную шею. «Нет, я все-таки сплю, — сказал он себе, — и вижу сон». Далеко под ним пронеслась башня, на которой он оставил Пелиаса, и огни покинутого им города.

4

На улицах Тарантии кишела толпа. Люди размахивали кулаками, ржавыми пиками. Занималась заря второго дня сражения в Шамаре, и события развивались так быстро, что мутился разум. С помощью

средств, известных одному только Тзоте-Ланти, весть о смерти короля достигла Тарантии через шесть часов после начала сражения. И тотчас начался хаос.

Бароны бежали из королевской столицы, нахлестывая лошадей, дабы защитить свои замки. Народ дрожал от страха при мысли о возвращении феодальной раздробленности: ведь у покойного короля не было сына. Граф Тросеро, правитель города, старался успокоить народ, но в своем неразумном страхе люди вспомнили о старых гражданских войнах и о том, что этот же самый граф осаждал Тарантию лишь пятнадцать лет назад. На улицах кричали, что Тросеро выдал короля и замышлял ограбить город. Появились наемные солдаты, вытаскивающие из лавок перепуганных торговцев и вопящих женщин.

Тросеро обрушил на грабителей всю мощь своей власти, забросал улицы их трупами, отогнал грабителей в жаркой схватке, арестовал их начальников. Но народ по-прежнему негодовал и кричал, что граф возбуждает смуту, чтобы извлечь выгоду.

Принц Арпелло предстал перед затравленным Большим Советом и заявил, что готов принять управление городом до прихода нового короля. Совет колебался, он слышал гул толпы под окнами — толпа жаждала спокойствия, называя Арпелло спасителем. И Совет уступил.

Только Тросеро отказался подчиниться принцу. Он бросил в голову соперника свой жезл командующего, приказал повесить на рыночной площади командиров наемников и под вопли и брань толпы, осыпаемый камнями, обливаемый нечистотами, ушел из города через южные ворота, уводя с собой пятнадцать сотен всадников. Решетки с грохотом закрылись за ним, и лживая маска Арпелло упала, обнажив клыки голодного волка.

Канцлер Публиус — он был против переворота — был брошен в тюрьму. Торговцы, с великим облегчением принявшие нового короля, были потрясены, когда монарх тут же увеличил налоги. Шестеро самых знатных купцов были посланы к королю, но им отрубили головы. Настала мертвая тишина. Купцы, как это всегда бывает с торговцами, пали ниц перед силой и принялись лизать сапоги поработителю.

Простой народ не волновала судьба купцов, но и он возроптал, когда увидел, что солдатский грабеж стал теперь в порядке вещей. На стол Арпелло посыпались жалобы на вымогательства, изнасилования, убийства, но Арпелло было не до того: он завладел дворцом развлечений, и девушки Конана были опозорены в своих пышных покоях. Темноглазые красавицы из Гуатана, стройные брюнетки из Замора, Зингара и Гаркании, брайтунийки с льняными волосами бились в лапах сеидов и плакали от страха и стыда, потому что не привыкли к насилию.

Ночь спустилась на разграбленный, оглушенный город, а после полуночи пронесся таинственный слух, что котийцы воспользовались своей победой и атакуют Шамар. Один из агентов тайной службы Тзоты сказал об этом, и никто даже не удивился, каким образом новость столь быстро дошла до города. Люди стали стучать в двери дворца, требовать, чтобы Арпелло отогнал врага. Он мог бы объяснить, что у него не достает сил, что он не может собрать армию, потому что бароны не признали его королем, но, опьянев от власти, он просто расхохотался им в лицо.

Тогда студент по имени Афенидес обвинил Арпелло на рыночной площади в том, что тот таскает каштаны из огня для Страбонуса, и нарисовал ужасающую картину жизни под властью котийцев и Арпелло-сатрапа. Он еще не кончил, как толпа заревела от ярости. Арпелло велел солдатам арестовать смутьяна, но толпа окружила его, укрыла и разбежалась, закидав солдат камнями, дохлыми кошками и всем, что попалось под руку. Ливень стрел из арбалетов преследовал горожан, но Афенидесу удалось выйти из города, и он отправился умолять Тросеро вернуться в Тарантию.

Афенидес нашел Тросеро, когда тот собирался разбить лагерь за пределами города, намереваясь затем идти в Пуантен, на юго-восток королевства. Тросеро сказал, что у него слишком мало сил, чтобы взять Тарантию даже с помощью народа или выступить против Страбонуса. К тому же жадные дворяне разграбят Пуантен за его спиной, пока он будет сражаться с котийцами.

Король умер, теперь каждый сам должен защищать свое добро. Нет, он поедет в Пуантен!

Толпа в бессильной ярости собралась у высокой башни дворца. Люди вопили от своей ненависти к Арпелло, а он смотрел на них с башни и хохотал. Лучники же его, выстроившись вдоль зубчатой стены, держали наготове луки и арбалеты.

Длинные черные волосы принца были завиты, надушены, стянуты серебряной лентой, под туникой, расшитой золотом, сверкала вороненая сталь. На бедре висела широкая шпага с драгоценными камнями на эфесе — шпага эта побывала во многих сражениях! Принц, конечно, был интриганом. Но и воином тоже.

— Дураки! Безумцы! — Его сумрачное, злое лицо перекосила гримаса презрения. — Орите, что хотите! Конан умер, и Арпелло — король!

Что ему за дело, что вся Аквилония против него? У него хватит людей, чтобы удержаться в крепких стенах города до прибытия Страбонуса. Но Аквилония разделена. Бароны уже бросили в бой свои армии, чтобы овладеть богатством соседей. Ну и что? Страбонус расколет беспорядочные ряды баронов, как нос галеры режет волну океана!

— Безумцы! Дураки! Арпелло — король.

Солнце поднималось над восточной башней, когда в алеющем небе показалась черная точка. Вот она выросла до летучей мыши, затем до орла. Люди испуганно закричали: над стенами Тарантии появилось такое, о чем говорилось лишь в полузабытых легендах. Фантастическое существо с рычанием приземлилось, и с него спрыгнул человек. Существо исчезло с шумом, подобном грому, а на вершине башни появился полуголый варвар, покрытый кровью, потрясающий шпагой. Раздался вопль народа:

— Король! Наш король!

Арпелло оторопел, закричал, но тут же пришел в себя и кинулся на Конана. С львиным ревом киммериец парировал свистящий удар, бросил свою шпагу, схватил принца за шею и между ног и поднял над головой.

— Возьми своих заговорщиков с собой в ад! — крикнул он и бросил принца вниз, словно мешок с песком.

Народ отступил, тело грохнулось с высоты ста пятидесяти футов и разбилось о мраморные плиты, разбрызгивая кровь и мозг, разбилось в своей броне, как раздавленный майский жук.

Лучники на стене бросились в испуге бежать, осажденные же советники выскочили из дворца и стали рубить их, рубить на куски! Пеллианские рыцари и солдаты искали спасения на улицах, но толпа растоптала их. Торжествующие крики смешивались с криком агонии. А наверху голый король наклонился над зубчатой стеной, размахивая руками и громко смеясь. Он смеялся над всеми — над толпой, над принцами и над самим собой.

5

Полуденное солнце сияло над спокойными водами Тибора, смывающего южные бастионы Шамара. Защитники города знали, что лишь немногие из них увидят восход солнца. По равнине рассыпались палатки осаждающих. Народ Шамара, задавленный численностью врага, не мог помешать ему переправиться через реку. Связанные вместе баржи составили мост, по которому прошли орды завоевателей. Страбонус не решился напасть на Аквилонию, оставив свободный Шамар за своею спиной. Он послал легкую кавалерию в глубь страны, а сам поставил осадные машины здесь, на равнине. Флотилия судов, пригнанная Амальрусом, стояла на якоре, посредине реки — там, где укрепления спускались к воде. Некоторые из судов были потоплены защитниками города, но остальные держались крепко: их нос и мачты были защищены железными щитами, их лучники сеяли смерть. Это были шемиты, о которых говорили, что они рождаются с луком в руках, ни один аквилонский лучник не мог с ними сравниться.

Катапульты осыпали город камнями и стволами деревьев, проламывали крыши и давили людей, как насекомых; тараны били по стенам; саперы зарывались под землю, словно кроты, чтобы подложить мины под основания башен. Под стенами копошились воины, закованные в железо. Они пытались выломать ворота — ставили лестницы, поднимали осадные башни с копейщиками. Городские рвы уже не были полны водой. Там были теперь только камни и трупы — людей и коней.

Неполных две тысячи защищали крепость, против сорока тысяч врагов! Надежда оставляла город. Никто не шел к ним на помощь, а их король умер — об этом вопили враги. Только мощные стены крепости и отчаянная храбрость ее защитников спасали положение, но долго так не могло продолжаться. Западная стена уже превратилась в груду обломков, о которые спотыкались защитники в яростной рукопашной схватке. Башни качались, как пьяные.

Осаждающие собирались на решающий приступ.

Звучали трубы, на равнине собирались осадные башни, покрытые кожей. Народ Шамара видел качаемые ветром штандарты Кота и Офира, среди сверкающих рыцарей коренастый силуэт Страбонуса в черной броне, расшитый золотом камзол Амальруса. Между ними скакал человек, от одного вида которого бледнели самые храбрые, тощий силуэт хищной птицей летел в длинной развевающейся мантии. Алебардники выступили вперед, развернулись, как сверкающие волны расплавленной стальной реки, всадники пришпорили боевых коней, копейщики подняли свои флажки. Настала решающая минута. Защитники крепости вручили свои души Митре и крепче сжали в руках окровавленное оружие.

Внезапно раздался звонкий голос трубы — откуда-то из-за холмов, вслед за ним — топот копыт. И вот из-за холмов выкатились всадники, как пена, гонимая ветром. Это были спаги, отправившиеся грабить окрестности: они лежали на своих лошадях, нещадно пришпоривая их, а за ними сверкали на солнце ряды движущейся стали. Из рядов вырывались и появлялись на виду у всех рыцари в железных латах; над ними развевался штандарт Аквилонии с изображением льва.

Осажденные, опьянев от радости, закричали во весь голос, застучали окровавленными шпагами по своим пробитым щитам, а горожане — богатые купцы и нищие, шлюхи в красных юбках и знатные дамы в шелках — пали на колени и запели благодарственный гимн Митре, и слезы благодарности катились по их щекам.

Страбонус, яростно отдававший приказы, поставил коня перед конем Амальруса и проворчал:

— Все равно мы сильнее их, конечно, если у них нет подкрепления за холмами. Мы не выпустим никого из города. Это всего

лишь пуантенцы. Мы так и думали, что Тросеро решится на это безумие!

— Я вижу Тросеро и его капитана Просперо... НО КТО МЕЖДУ НИМИ? — вскричал вдруг Амальрус.

— О Иштар, помоги нам! — пролепетал, бледнея, Страбонус. — Это король Конан!

— Вы с ума сошли! — закричал Тзота в порыве ярости. — Конан уже два дня, как в брюхе у Сатхи!

Натянув поводья, он повернулся, чтобы взглянуть на армию, которая уже стекала по равнине. Ошибки быть не могло: все узнали силуэт в броне вороненой стали на черном боевом коне, под колыхающимся шелком штандарта. Тзота в ярости зарычал. Впервые в жизни Страбонус видел мага в таком замешательстве, и это зрелище напугало его.

— Это колдовство! — визжал Тзота, дергая себя за бороду. — Как он мог убежать, добраться до своего королевства в столь короткий срок, да еще собрать армию? Это сделал Пелиас, будь он проклят! И будь проклят я, что не убил его, когда он был в моей власти!

Услышав имя человека, которого все считали уже десять лет мертвым, короли вздрогнули, их паника сообщилась армии. Конан... Тзота угадал суеверный страх людей, злоба исказила его черты.

— Вперед! — закричал он, отчаянно размахивая тощими руками. — Мы сильнее! Раздавите этих собак! Сегодня вечером мы будем праздновать победу на развалинах Шамара! О Сот! — Он поднял руки, призывая бога-змею, напугав этим даже Страбонуса. — Дай нам победу, и я клянусь принести тебе в жертву пятьсот девственниц Шамара, истекающих кровью!

Тем временем армия противника заполняла равнину. За рыцарями ехали воины на маленьких быстрых лошадках. Вот они соскочили наземь — с луками и пиками — и бросились на врага, боссонские лучники и крепкие пикейщики из Гундерданда с рыжими кудрями, падавшими на плечи из-под стальных касок.

Это была разношерстная армия, набранная Конаном в несколько безумных часов после его возвращения в столицу. Он собрал чернь, которая рвалась атаковать пеллианских солдат, занявших внешние укрепления Тарантии, и убедил ее пойти к нему на службу. Он послал гонца догнать Тросеро и вернуть его. С этим войском он и пошел на юг, набирая по дороге людей и коней. Дворяне Тарантии и окрестные крестьяне увеличили его силы, а он все набирал рекрутов во всех городах и во всех замках, мимо которых проезжал. Тем не менее, это был очень скромный отряд по сравнению с ордами захватчиков, скромный, но умелый и храбрый.

Девятнадцать сотен всадников шли теперь с ним. Наемники и солдаты на жаловании дворян составляли пехоту — пять тысяч лучников и четыре тысячи пикейщикой. Арбанус бросил на них свои

отряды — океан сверкающей стали. Дозорные на городских стенах дрожали, глядя на эту когорту, мощь которой во много раз превосходила силы спасателей. Впереди шли лучники-шимиты, потом котийские копейщики, а затем одетые в кольчуги рыцари Страбонуса и Амальруса. Намерения Арбануса были очевидны: он хотел воспользоваться пехотинцами, чтобы смести пехоту Конана и открыть путь кавалерии.

Шемиты беспрестанно атаковали, стрелы падали как град. Лучники с запада, закаленные тысячелетней безжалостной войной неумолимо продвигались вперед, смыкая ряды, когда падали их товарищи. Их было много, очень много, и лучники шемиты погубили большую их часть, но меткость боссонийцев превосходила врагов, так же как их мораль и великолепие оружия. Под градом стрел падали целые ряды шемитов. Синебородые воины в легких кольчугах не могли противостоять яростной атаке, к тому же боссонийцы были лучше защищены. Шемиты бежали, бросив луки, и это вызвало панику в рядах копейщиков-котийцев, шедших за ними следом.

Без поддержки лучников солдаты сотнями падали под стрелами боссонийцев и, атакуя с близкого расстояния, были встречены пиками. А потом в бой вступила пехота гундернайдейцев. Пришельцы с севера, из Аквилонии, что находилась в одном дне путешествия от границ Киммерии, они были рождены для войны и представляли собой потомков лучших гиберейских родов. Их натиска не смогли сдержать котийцы. Они отступили. Страбонус, багровый от гнева, видел все это и приказал трубить наступление. Арбанус колебался: может быть, лучше отступить? Вытянуть всадников из-под прикрытия лучников? Страбонус окинул взглядом длинные ряды своих воинов, яростно оглядел горстку врагов в кольчугах и повторил приказ.

Арбанус вручил свою душу Иштар и приказал трубить в золотой рог. С грохотом поднялся целый лес копий, армия понеслась по равнине. Земля дрожала от конского топота, блеск золота и стали заставил дозорных на башнях Шамара зажмуриться.

Конники врезались в ряды копейщиков, опрокидывая друзей и врагов, и попали на острые зубы стрел боссонийцев. Они падали наземь, словно сухие листья. Лучники стояли плечо к плечу, с широко расставленными ногами, натягивая луки и посылая стрелы, испуская дикие крики.

Рухнули первые ряды всадников, скакавшие за ними спотыкались об их тела и о трупы коней. Рухнул наземь Арбанус со стрелой в горле, его череп разбил копытом боевой конь.

Страбонус выкрикивал одни приказы, Амальрус — другие, сверкающие ряды спутывались и перемешивались. Воцарился хаос. И тут прозвучали трубы Конана.

От грохота столкнувшихся армий пошатнулись, казалось, даже башни Шамара. Словно миллионы молотов били о наковальни. Стальной клин, ощетинившийся копьями, врезался в ряды захватчиков. Врагов били длинные копья и пики, а в центре атакующей армии неслись рыцари Пуантена с их беспощадными шпагами с обоюдоострыми клинками. Дозорные на башнях, оглушенные грохотом невиданного сражения, видели, как у их ног сталкивалось железо, как слетали султаны под ударами шпаг, взлетали и исчезали флажки и штандарты.

Упал на землю и был затоптан копытами боевых коней Амальрус. Сотни всадников Конана окружили плотным стальным кольцом рыцарей Кота и Офира, все глубже врезаясь в смятенные ряды врага. Лучники и пикейщики, разгромив котийскую пехоту, пришли на помощь всадникам, стреляя в упор, выбивая врагов из седел своими длинными пиками, вспарывая животы их коням, разрезая подпруги.

И у острия этого стального треугольника стоял грозный, оживший на страх врагам Конан, испуская воинственный, языческий клич, описывая шпагой сверкающую дугу, сбивая шлемы врагов, вместе с их головами. Бешеным галопом проскакал он сквозь ряды закованных в железо врагов, и рыцари Кота сомкнулись за ним, отделив его от его отрядов. Конан рвался вперед, опустошая ряды врагов и, наконец, очутился перед Страбонусом, мертвенно бледным, окруженным дворцовой стражей. Страбонус взвыл от бешенства и взмахнул боевым топором. Топор обрушился на шлем Конана, от шлема полетели искры. Конан пошатнулся, но устоял и поднял клинок. Его клинок, пять локтей длиной, разрубил шлем врага, раскроил ему череп, конь Страбонуса заржал, встал на дыбы и сбросил труп хозяина наземь. И в тот же миг Тросеро и его люди рванулись вперед, рубя захватчиков на скаку, обрушив штандарт Кота. Ряды врагов дрогнули, отступили. Но за ними, отрезая им путь, запылал огромный костер: это защитники Шамара, вырвавшись из осажденной крепости, разбежались по лагерю осаждавших, жгли их палатки и громили военные машины.

Враги в панике бросились к реке, к своей флотилии, но флотилия, осыпаемая камнями и стрелами горожан, отплывала на их глазах, бросив армию на произвол судьбы. Были, правда, еще и баржи, стоявшие на приколе, но люди Конана перерезали канаты, и баржи медленно поплыли вниз, по течению. Это был полный разгром: сражение превратилось в резню. В панике бросились захватчики в воду, забыв про свои тяжелые доспехи, и тут же пошли ко дну или были затянуты под баржи. Они гибли сотнями, тысячами, и не ждали пощады. Равнина была завалена трупами, воды реки покраснели от крови.

Из девятнадцати сотен рыцарей Конана осталось всего пятьсот, потери были ужасны, но зато блестящей армии Страбонуса и Амаль-

руса более не существовало. Немногие спасли свои жизни, но те, кому удалось бежать, стоили теперь не дороже мертвых.

А между тем на другом берегу разыгрывался последний акт этой мрачной драмы. Тзота сумел проскочить по мосту из барж до того, как мост этот был разрушен. Как вихрь пронесся он на своем боевом коне, с которым ни один не мог бы сравниться. Давя и раскидывая своих и чужих, он выскочил на южный берег и, оглянувшись, увидел за собой темный силуэт на вороном жеребце. Канаты были уже перерублены, баржи плыли по течению, но Конан перепрыгивал с борта на борт, как прыгают в ледоход с льдины на льдину. Вот вороной сделал последний прыжок и вынес всадника на берег. Теперь Конан, потрясая шпагой, с которой капала кровь, скакал за магом. Они неслись во весь опор, дичь и охотник, но вороной никак не мог выиграть скачку. Они мчались в последних лучах заходящего солнца все дальше и дальше, пока шум резни не остался далеко позади. Тогда в небе появилась черная точка, она росла и росла и, став огромным орлом, бросилась на боевого коня Тзоты. Конь заржал, взвился на дыбы и выбросил всадника из седла.

Тзота вскочил, повернулся к преследователю; глаза его светились, как у разъяренной змеи, лицо превратилось в неподвижную маску ненависти. В руках что-то сверкало, что-то невиданное, ужасное, Конан понял, что это смерть, но соскочил с коня и бесстрашно двинулся на врага, подняв шпагу.

— Вот мы и встретились, проклятый колдун! — вскричал он.

— Отойди! — взвизгнул по-шакальи Тзота. — Я сдеру мясо с твоих костей! Ты не можешь победить меня! Даже если ты меня убьешь, если разрубишь меня на куски, тело и кости соединятся снова и будут преследовать тебя до самой смерти! Я знаю, тебе помогает Пелиас, но я бросаю вызов вам обоим!

Конан рванулся вперед, сверкая шпагой. Правая рука Тзоты отошла назад, в ней что-то блеснуло. Конан быстро пригнулся. Что-то пролетело над его головой, взрыв опалил землю. И прежде чем Тзота успел бросить второй шар, Конан взмахнул шпагой, и голова мага слетела с плеч. Однако черные глаза по-прежнему яростно сверкали, пристально глядя на Конана, зубы стучали, а руки двигались в поисках отрубленной головы.

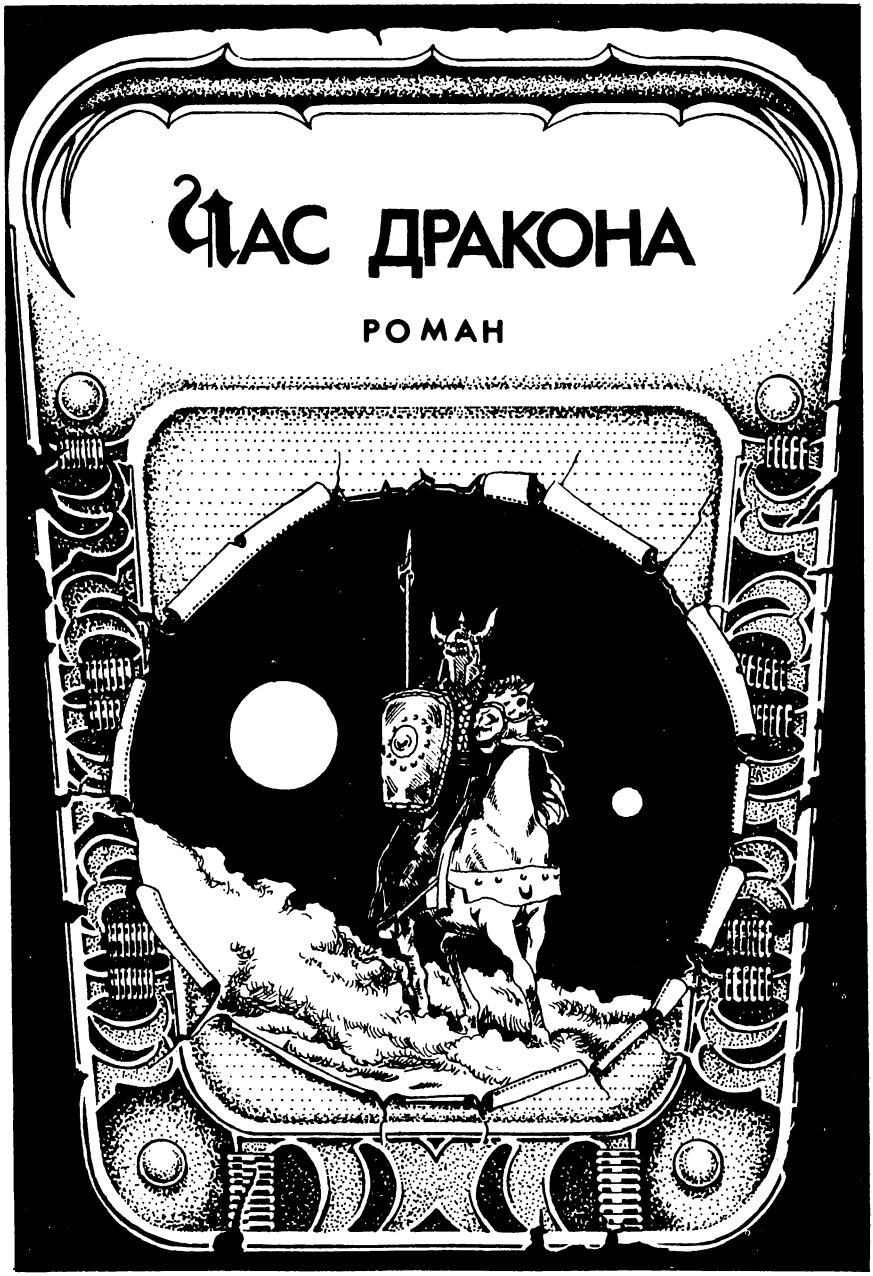
Шум могучих крыльев заставил Конана взглянуть на небо. С неба камнем падал орел. Он схватил мощными лапами окровавленную голову, дико захохотал — Конан в ужасе узнал голос Пелиаса — и взмыл в небо.

И тогда произошло нечто страшное: безголовое тело встало и побежало по равнине на подгибающихся ногах, воздев руки к удаляющейся черной точке. Конан стоял, оцепенев, и смотрел, как удалялось тело в лиловых тенях наступившего вечера.

— Клянусь Кромом! — сказал он наконец, пожимая плечами, — чума пади на эти распри двух колдунов! Пелиас был добр ко мне, но дьявол меня побери, если я хотел бы встретиться с ним еще раз! Дайте мне хорошую шпагу и нормального врага, в которого можно ее воткнуть! Ад и проклятие! Что бы я не отдал сейчас за кувшин доброго вина!

ЧАС ДРАКОНА

РОМАН



1
СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Вздрогнули бархатные портьеры, и, пустив по стенам волну пляшущих теней, замерцало пламя высоких свечей. Между тем даже слабого движения воздуха не было в зале. Вокруг стола черного дерева, на котором покоился саркофаг из разной зеленой яшмы, стояли четверо мужчин. У каждого из них в воздетой правой руке горела странным зеленым светом черная свеча причудливой формы. Ночь окутывала мир, и безумный ветер завывал в мрачных ветвях деревьев.

Тревожная тишина и пляшущие тени владели залом, в то время как четыре пары горящих волнением глаз были устремлены на длинный зеленый ящик. Загадочные иероглифы на его поверхности подобно змеям переплетались в неверном свете свечей.

Человек в изножье саркофага склонился и пламенем свечи начертил в воздухе некий мистический знак. Потом, установив свечу в серной с золотом чаше и произнеся какие-то непонятные спутникам заклинания, погрузил свою широкую белую ладонь в складки обшитой горностаевым мехом одежды. Когда рука вернулась обратно, в ней сиял огненный шар.

Трое остальных испустили глубокий вздох, смуглый крепкий человек, стоящий в изголовье саркофага, прошептал:

— Сердце Аримана!

Предводитель резким жестом призвал к тишине. Где-то вдалеке начала жалобно выть собака, а за окованной металлом и накрепко закрытой дверью раздались крадущиеся шаги. Однако никто не отвел взгляда от саркофага; человек в горностаевой мантии продолжил делать пассы пылающим кристаллом и повторял заклинания, считавшиеся древними еще в дни гибели Атлантиды. Свет, вырывавшийся из камня, ослеплял, и нельзя было доверять глазу, но резная крышка саркофага треснула, словно распираемая изнутри какой-то неодолимой силой, и все четверо увидели мумию — скрюченную, сморщенную фигурку — ее конечности торчали из тронутых тлением бинтов, как ветки.

— И ты собираешься оживить э т о ? — сардонически усмехаясь, спросил темнолицый человек, стоявший справа.

— До него же дотронуться нельзя — рассыплется. Глупы же мы были, когда...

— Тс-с! — властно сказал высокий — тот, что держал камень. Зрачки его расширились, на высоком белом челе выступили капли пота. Он склонился вперед и, стараясь не касаться мумии, опустил пылающий кристалл ей на грудь. Потом отступил назад, собрал, казалось, все силы и беззвучно прошептал магическую формулу.

Пламя, пульсирующее в огненном шаре, пылало на мертвой высохшей груди. Собравшиеся тяжело дышали, сцепив зубы, глазам их предстало поразительное зрелище. Засушенное существо в саркофаге начало увеличиваться, расти в длину и в ширину. Бинты лопнули и рассыпались в бурый прах. Темные скрюченные конечности набухали, выпрямлялись и светлели на глазах.

— Во имя Митры! — прошептал высокий светловолосый человек, стоявший слева. — Он не был стигийцем! По крайней мере, хоть это правда.

И снова дрожащий палец приказал хранить молчание. Перестала выть собака вдалеке. Она поскулила, словно ее донимали кошмары, но и этот звук затих, и во внезапно наступившей тишине светловолосый услышал скрип тяжелых дверей — словно кто-то с огромной силой напирал на них снаружи. Он взялся за рукоять меча и хотел обернуться, но человек в горностаях прошипел:

— Остановись! Не разрывай цепь! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Светловолосый пожал плечами, обернулся и застыл, пораженный. В яшмовой гробнице спал живой человек — высокий, сильный, белокожий, с черными волосами и бородой. Он лежал неподвижно, с широко раскрытыми глазами, бессмысленными, как у новорожденного.

Человек в мехах понемногу приходил в себя после нечеловеческого напряжения.

— О, Иштар! — прошептал он. — Это Ксальтотун! Живой! Валерий, Тараск, Амальрик! Теперь видите? Видите? Вы во мне усомнились, но я вас не подвел. Сегодня ночью мы были в двух шагах от адских врат, и рядом с нами толпились чудовища тьмы — да, они сопровождали его до самого выхода, — но мы вернули к жизни великого мага.

— И, несомненно, обрекли свои души на вечную муку, — сказал темнолицый невысокий Тараск.

Светловолосый Валерий рассмеялся:

— Могут ли быть муки горшие, чем сама жизнь? Все мы прокляты с самой минуты рождения. Да и вообще — кто бы не отдал свою жалкую душонку, чтобы получить престол?

— Нет разума в его взоре, Ораст, — заметил гигант Амальрик.

— Он слишком долго был мертвым, — ответил Ораст. — Сейчас он подобен внезапно разбуженному, в душе его пустота. А ведь он был погружен в смерть — не в сон. Мы вернули его душу, прошедшую сквозь бездонные омуты мрака и забвенья. Я заговорю с ним.

Он наклонился над саркофагом и, впившись взором в темные глаза лежащего в нем человека, медленно воззвал:

— Ксальтотун, проснись!

Губы воскресшего дрогнули.

— Ты — Ксальтотун, — сказал Ораст — как гипнотизер обращается к усыпленному. — Ты — Ксальтотун из города Пифона в Ахероне.

В темных глазах появился слабый огонек.

— Я был Ксальтотун, — раздался шепот. — Теперь я мертв.

— Ты есть Ксальтотун! — воскликнул Ораст. — Ты не мертв, ты жив!

— Да, я Ксальтотун, но мертвым покоюсь я в стигийской столице Кеми, где был убит.

— Жрецы-отравители своим черным искусством превратили тебя в мумию — все органы остались нетронутыми. Теперь ты снова жив. Это Сердце Аримана вернуло тебя к жизни, призвав твою душу сквозь время и пространство.

— Сердце Аримана! — огонь памяти запылал ярче. — Варвары похитили его у меня!

— Он вспомнил, — сказал Ораст. — Выньте его из саркофага.

Спутники подчинились не сразу, нерешительно прикоснулись к воскрешенному ими человеку, и даже ощущение под пальцами пышущего жизнью, крепкого, мускулистого тела не придало им уверенности. Когда Ксальтотуна перенесли на стол, Ораст облачил его в заранее приготовленную одежду из бархата, расшитую звездами и полумесяцами, а на голову и плечи набросил золототканное покрывало.

Он покорно принимал все, что с ним делали, — даже тогда, когда его усадили в кресло, похожее на трон, — с высокой эбеновой спинкой, широкими серебряными подлокотниками и с ножками в виде когтистых лап. Он был неподвижен, но мысль мало-помалу просыпалась в его глазах — они становились все глубже, загадочней и ясней. Казалось, что скрытые давным-давно магические огни неторопливо поднимаются на поверхность из бездонных глубин мрака.

Ораст украдкой бросил взгляд на спутников, которые с лихорадочным возбуждением рассматривали своего необыкновенного гостя. Стальные их нервы выдержали испытание, которое человеку не столь твердому стоило бы рассудка. Он знал, что вступил

в заговор не со слабодушными, но с мужами, отвага которых была известна столь же широко, как их разрушительное честолюбие и склонность к свершению зла. Потом перевел взгляд на фигуру в кресле с эбеновой спинкой. И она заговорила.

— Я вспомнил, — раздался сильный звучный голос. Говорил он по-немедийски с каким-то странным древним акцентом. — Я Ксальтотун, я был верховным жрецом Сета в ахеронском городе Пифоне. Сердце Аримана — или это было во сне? — где оно?

Ораст вложил камень в его руку и затаил дыхание, глядя на страшную драгоценность.

— Много лет назад его у меня похитили, — говорил маг. — Это кровавое сердце тьмы — в нем равно заключены спасение и проклятие. Оно пришло издалека — из самых глубин времени. Пока оно было в моих руках, никто не мог мне противостоять. Но его украли, и пал Ахерон, и я, изгнанник, укрылся в мрачной Стигии. Да, многое помнится, но многое и забылось, ибо был я в далекой стране за туманными безднами, заливами и темными океанами... Который теперь год?

— Исход года Льва, — ответил Ораст. — Три тысячи лет после падения Ахерона.

— Три тысячи лет... — сказал Ксальтотун. — Так много? Кто ты такой?

— Я — Ораст, бывший жрец Митры. Этот человек — Амальрик, барон Тор Немедийский Второй — Тараск, младший брат короля этой страны. А вот этот высокий — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни? — спросил Ксальтотун. — Что вам от меня нужно?

Он был уже в полном здравии и сознании, проницательные глаза его свидетельствовали, что работе разума уже не препятствует никакая тьма. Его поведение стало уверенным, он перешел прямо к делу, понимая, что ничего не дается даром. Ораст ответил ему столь же прямо:

— Сегодня ночью мы отворили ворота ада, освободили твою душу и вернули ее в тело, потому что нуждаемся в помощи. Тараска мы желаем возвести на трон Немедии, Валерию же намерены вернуть корону Аквилонии. Твое искусство чародея поможет нам.

— Ты и сам искушен в нем, Ораст, — заметил Ксальтотун, — коль скоро сумел воскресить меня. Откуда жрец Митры узнал про Сердце Аримана и где научился заклинаниям Скелоса?

— Я уже не жрец Митры, — ответил Ораст. — Меня лишили этого звания, потому что я занялся черной магией. Если бы не Амальрик, меня бы сожгли на костре как колдуна. Но благодаря этому я смог продолжать свои исследования. Я странствовал по Заморе, Вендии, Стигии, даже среди зачарованных

джунглей Кхитая. На Скелосе я читал книги в железных переплетах. Я разговаривал с невидимками в бездонных колодцах, с безликими существами в страшных испарениях джунглей. И вот в самом сердце Стигии, под черным, окруженным гигантской стеной храмом Сета, в подземельях, населенных демонами, я нашел твою гробницу и овладел искусством, способным вернуть жизнь твоему высохшему телу. Истлевшие манускрипты рассказали мне о Сердце Аримана. Потом целый год искал я, где оно укрыто, и наконец нашел.

— Какая же нужда была воскрешать меня? — Ксальтотун пронзил жреца взглядом. — Почему с помощью Сердца ты не увеличил собственное могущество?

— Потому что ни один из ныне живущих не знает тайн Сердца, — ответил Ораст. — Приемы, с помощью которых оно может показать всю свою силу, не сохранились даже в легендах. Я смог только оживить тебя — в более глубокие таинства я не посвящен. Только тебе ведомы страшные тайны Сердца.

Ксальтотун, задумчиво глядевший в огненные глубины кристалла, отрицательно покачал головой:

— Мое знание магии превышает знание всех остальных людей, вместе взятых, — сказал он, — но и я не постиг всей мощи камня. В те давние времена я не использовал ее — только следил, чтобы эту силу не направили против меня. Но потом драгоценность украли — и в руках шамана варварского племени, обряженного в одежду из перьев, она превозмогла мою магическую силу. Позже камень исчез, и завистливые стигийские жрецы отравили меня прежде, чем я смог его найти.

— Он был укрыт в пещере под тарантийским храмом Митры, — сказал Ораст. — Найдя твои останки в стигийском подземном храме Сета, я узнал об этом, призвав на помощь все свое умение. Грабители гробниц из Заморы, хранимые заклятьями, почерпнутыми мной из источника, о котором лучше не говорить, выкрали твой саркофаг из когтей его темной стражи. Караван верблюдов, галера и повозка, запряженная буйволами, доставили его в этот город. Те же самые грабители — вернее, те, что остались в живых после этого страшного путешествия, — похитили Сердце Аримана из заколдованного подземелья под храмом Митры; здесь бессильны были и воровские приемы, и заклинания. Только один из всех прожил достаточно долго, чтобы передать камень в мои руки. В предсмертном бреду он говорил о том, что видел в проклятом тайнике. Грабители из Заморы — это люди самые верные, самые надежные. Никто, кроме них, даже с помощью моих заклинаний, не сумел бы похитить Сердце Аримана из тьмы, в которой оно под стражей демонов покоилось в течение трех тысяч лет после падения Ахерона.

Ксальтотун, подняв свою львиную голову, всматривался в пустоту, словно надеясь разглядеть потерянные столетья.

— Три тысячи лет, — сказал он. — Во имя Сета! Поведай, что произошло в мире за это время.

— Варвары, разрушившие Ахерон, создали новые государства, — ответил Ораст. — Там, где некогда простиралась империя, возникли наследственные монархии — Аквилония, Немедия и Аргос. Эти названия пошли от племен, давших им начало. Древние державы — Офир, Коринтия и западное царство Кот, некогда склонявшиеся перед владыками Ахерона, после падения империи обрели независимость.

— А что произошло с народом Ахерона? — спросил Ксальтотун. — Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах, а все большие города Ахерона с их пурпурными башнями были залиты кровью и растоптаны башмаками варваров.

— Небольшие племена в горах все еще продолжают кичиться своей ахеронской кровью, — ответил Ораст. — Что касается остальных, то мои предки-варвары прошли по их телам и стерли их с лица земли. Ибо много претерпели они от владык Ахерона.

Губы пифонца искривила жестокая и мрачная улыбка:

— О да! Не один муж, не одна жена из варварских племен с воплями умерли на жертвеннике под этой рукой. Я видел, как на главной площади Пифона из их голов соорудили пирамиду, когда короли возвращались с Запада с добычей и толпами нагих пленников.

— Истинно так! Потому и не знал отдыха меч в день расплаты, и Ахерон перестал существовать, и Пифон с его пурпурными башнями стал преданием давно минувших дней. Зато на руинах империи выросли и окрепли молодые державы. И вот мы вернули тебя, чтобы ты помог нам ими завладеть. Пусть они и не такие чудные и неповторимые, как древний Ахерон, но побороться стоит. Погляди, — и Ораст развернул перед гостем из прошлого искусно выполненную на ткани карту.

Ксальтотун осмотрел ее и ошеломленно покачал головой:

— Изменились даже очертания материков! Узнать их можно, но они искажены, словно в странном сне...

— Итак, — указал пальцем Ораст, — вот Бельверус, столица Немедии, — именно здесь мы и находимся. На Юге и Юго-Востоке лежат Офир и Коринтия, на Востоке — Бритуния, на Западе же — Аквилония.

— Это карта мира, которого я не знаю, — тихо сказал Ксальтотун, и Ораст заметил огонек ненависти, вспыхнувший в его темных глазах.

— Это карта, которую ты поможешь нам изменить, — сказал Ораст. — Сначала необходимо возвести Тараска на трон Немедии.

Достичь этого следует без пролития крови и таким способом, чтобы на Тараска не пали хотя бы малейшие подозрения. Мы не хотим, чтобы в стране вспыхнула гражданская война, — напротив, всю ее мощь следует сохранить для захвата Аквилонии. Если бы король Нимед и его сыновья умерли естественной смертью — скажем, во время морового поветрия, — Тараск как ближайший наследник взошел бы на трон мирно и без помех.

Ксальтотун молча кивнул. Ораст продолжал:

— Следующая задача будет потруднее. Добиваясь аквилонского трона для Валерия, мы не сможем избежать войны, ибо держава эта — могущественный противник. Населяют ее люди сильные и воинственные, закаленные в постоянных сражениях с пиктами, жителями Зингара и киммерийцами. Уже пять веков враждуют между собой Немедия и Аквилония, и всегда окончательная победа была за аквилонцами.

Нынешний их повелитель — величайший рыцарь среди народов Запада. Он чужестранец, искатель приключений, и троном Аквилонии он завладел во время гражданской войны силой — самолично задушил короля Нумедида прямо на троне. Зовется он Конаном, и нет человека, способного выстоять против него в бою.

Сейчас Валерий — законный наследник престола. Он был изгнан своим царственным родичем Нумедидом и долго жил вдали от родины. Но в его жилах течет кровь древней династии. Многие бароны поддержали бы тайно падение Конана, в котором не то что королевской — вообще нет благородной крови. Но простой народ ему верен, как и дворянство в дальних провинциях. Но если бы его войска были разбиты в первом же сражении и сам Конан при этом погиб — не думаю, чтобы было так уж трудно короновать Валерия. Воистину со смертью Конана перестало бы существовать единственное средоточие власти. Конан не принадлежит ни к какой династии — это авантюрист-одиночка.

— Хотел бы я посмотреть на этого короля, — задумчиво произнес Ксальтотун, глядя на серебряное зеркало в одной из ниш. В зеркале ничего не отражалось, но выражение лица мага говорило: он понимает, для чего оно предназначено. Заметив это, Ораст с гордостью кивнул головой — так хороший ремесленник принимает похвалу подлинного мастера.

— Попробую показать тебе его, — сказал он и, усевшись перед зеркалом, стал пристально всматриваться в глубину стекла, где мало-помалу стала приобретать очертания некая размытая тень.

Остальные понимали, что перед ними всего лишь отражение мыслей Ораста, — точно так отражает мысли волшебников и магический кристалл. Изображение, неясное и туманное вначале, вдруг приобрело поразительную четкость — и они увидели мужа

высокого роста, широкоплечего, с мощной грудью, могучей шеей и крепкими мышцами. Он был одет в шелк и бархат; золотые львы Аквилонии украшали его богатый камзол. На гладко причесанной гриве черных волос сияла корона, но висевший на поясе обоюдоострый меч подходил ему больше королевских регалий. Голубые глаза горели под низким широким лбом. Его смуглое, покрытое шрамами, почти отталкивающее лицо было лицом воина, а бархатные одежды не могли скрыть опасной мощи тела.

— Этот человек не гиборнец! — воскликнул Ксальтотун.

— Нет, он киммериец. Это одно из тех диких племен, что населяют серые предгорья Севера.

— Я воевал с его пращурами, — сказал Ксальтотун. — Их не могли покорить даже владыки Ахерона.

— Киммерийцы по-прежнему остаются угрозой для народов Юга, — сказал Ораст. — А он — истинный сын своей дикой расы. Я уже говорил, никто не может соперничать с ним в схватке.

Ксальтотун не отвечал. Он сидел, вглядываясь в сгусток живого огня, вспыхивающий и гаснущий в его руке. Во дворе протяжно и тоскливо завыла собака.

2
ДУНОВЕНИЕ ЧЕРНОГО ВЕТРА

Год Дракона пришел в сопровождении войны, эпидемий и тревоги. Моровое поветрие кружило по улицам Бельверуса и поражало и купца в лавке, и раба в сарае, и рыцаря во время застольной беседы. Искусство знахарей и врачей было бессильно. Поговаривали, что поветрие это — кара за грех гордыни и похоти. Болезнь была внезапной и смертоносной, как змеиный укус. Кожа заболевшего сначала становилась пурпурной, потом чернела, через пару минут несчастный валился на землю в агонии и, прежде чем смерть вырывала душу из разлагающегося тела, успевал почувствовать запах этого разложения. Пронзительный горячий ветер веял с юга непрерывно, на полях пропадало жнивье, на пастбищах подыхал скот.

Простой народ молился Митре и глухо негодовал на короля — по всему государству прошел слух, что под защитой стен своего дворца король тайно предается отвратительным обрядам и гнусным оргиям. А потом и в этот дворец, оскалив зубы, пробралась смерть, вокруг ног ее текли и кружились чудовищные испарения заразы. И в одну прекрасную ночь умер король вместе с тремя сыновьями, и громкоголосые глашатаи смерти заглушили мрачный и устрашающий звон колокольчиков, которыми обвешивали повозки, собиравшие с улиц гниющие трупы.

И в эту же ночь, перед рассветом, не утихающий уже неделю южный ветер перестал зловеще шелестеть шелковыми шторами. Налетел с севера ураган и загудел среди башен; загремели грозные громы, ослепительно вспыхнули стрелы молний, и хлынул дождь. Но утро пришло чистое, зеленое и прозрачное; обожженная земля покрылась травяным ковром, снова вырвались к небу жаждущие хлеба, и поветрие кончилось, ибо ночной ураган выдул из страны его ядовитые испарения.

Говорили, что по воле богов погиб грешный король со своим потомством, и, когда в большом тронном зале короновался его младший брат Тараск, народ, приветствуя короля, которому покровительствуют боги, кричал так, что башни дрожали.

Такая вспышка радости и воодушевления предшествует часто победоносным войнам. И никого тогда не удивило и не встревожило, что король Тараск быстро прекратил свару, затеянную покойным королем с западными соседями, и стал собирать войска для нападения на Аквилонию. Рассуждения его были ясны и понятны, мотивам похода придавался благородный вид войны за правое дело. Король поддерживал Валерия, «законного наследника престола», он, по его словам, выступал не врагом, но другом Аквилонии, собирающим ее народ из-под власти узурпатора-чужеземца.

Если даже то тут, то там возникали циничные усмешки и перешептывания насчет любимого королевского приятеля барона Амальрика, огромное богатство которого имело своим источником порядком истощавшую королевскую казну, на общей волне воодушевления и популярности Тараска на них внимания не обращали. Человек же настолько проницательный, чтобы сообразить — подлинным, хотя и закулисным, владыкой Немедии является Амальрик, все же остерегался произносить подобную крамолу вслух. И война продолжалась среди всеобщего восторга.

Король и его союзники двинулись на запад во главе пятидесятитысячного войска — тяжеловооруженных рыцарей с флажками, развевающимися над лавиной шлемов, копейщиков в стальных касках и чешуйчатых кирасах, арбалетчиков в кожаных куртках. Они с боем взяли замок, охраняющий границу, спалили три деревушки в горах и, углубившись на десять миль в чужую страну, встали в долине реки Валькии лицом к лицу с армией Конана, короля Аквилонии, — сорокатысячным войском, состоявшим из пехоты, лучников и рыцарей, цветом аквилонского могущества. Не подоспели только воины из Пойнтайнии под предводительством Просперо, потому что путь их лежал из далекого юго-западного края королевства. Тараск ударил без предупреждения — не было времени для формального объявления войны.

Обе армии стояли друг против друга, разделенные широкой долиной с обрывистыми краями, на дне которой среди кустов и верб

вился небольшой ручеек. Маркитантки с обеих сторон приходили туда за водой и обменивались оскорблениями и камнями. Последние лучи солнца упали на золоченый штандарт Немедии с изображением алого дракона, который развевался над шатром короля Тараска, установленного на возвышении у восточного края долины. Тени же западного обрыва, как огромный пурпурный саван, падали на лагерь аквилонской армии и трепещущий над шатром короля Конана флаг с золотым львом.

Всю ночь костры освещали долину, ветер разносил звуки труб, лязг оружия и резкие крики конных патрулей, стерегущих оба берега поросшего вербами ручья.

В предрассветном мраке зашевелился король Конан на своем ложе — куче мехов и шелка на деревянном помосте — и проснулся. Он вскочил с хриплым криком и схватился за меч. Паллантид, предводитель войска, встревоженный этим криком, вбежал в шатер и увидел своего короля, сидящего недвижно с ладонью на рукояти меча; пот выступил на его побледневшем лице.

— Ваше величество! — крикнул Паллантид. — Что-нибудь случилось?

— Что в лагере? — спросил Конан. — Как стража?

— Пятьсот всадников патрулируют ручей, ваше величество, — ответил генерал. — Немедийцы не решились выступить ночью. Они, как и мы, ждут рассвета.

— Во имя Крома! — буркнул Конан. — Я проснулся от чувства, что гибель крадется ко мне сквозь тьму.

Он поглядел на большую золотую лампу, освещающую мягкие бархатные шторы и ковры огромного шатра. Они были одни — ни раба, ни оруженосца не было подле короля. Но глаза Конана горели таким же огнем, как в минуты величайшей опасности, и меч он держал в руке. Паллантид глядел на него с тревогой. Конан прислушивался к чему-то.

— Внимание! — шепнул он. — Слышишь? Кто-то крадется!

— Семь рыцарей стерегут твой шатер, повелитель, — ответил Паллантид. — Никто не может приблизиться к тебе незамеченным.

— Не снаружи, — проворчал Конан. — Мне показалось, что я слышал шаги здесь, внутри!

Паллантид быстро и удивленно огляделся. Шторы по углам сливались с тенями, но, если бы в шатре находился кто-то, кроме него и короля, он бы заметил. Паллантид снова покачал головой.

— Здесь никого нет, господин. Ты спишь в самом сердце своего войска.

— Мне приходилось видеть смерть короля, окруженного тысячами людей, — пробормотал Конан. — Что-то передвигается на невидимых ногах и неуловимо для глаза...

— Может, это приснилось тебе, повелитель? — спросил ошеломленный Паллантид.

— Как же, снилось! — сказал Конан. — И дьявольский был это сон: я шел по тем же долгим и трудным дорогам, что привели меня к трону...

Он замолчал, и Паллантид глядел на него безмолвно. Для генерала, как и для большинства своих цивилизованных подданных, король был загадкой. Паллантид знал, что в своей бурной, богатой приключениями жизни Конан прошел много странных дорог, пока судьба не возвела его на престол Аквилонии.

— Я снова видел поле битвы, на котором был рожден, — задумчиво говорил Конан, опершись подбородком на могучий кулак. — Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущего копье в горного хищника. Я снова был наемным рубакой, атаманом мунганов, корсаром, грабящим побережья страны Куш, пиратом с острова Бараха, вождем горцев Химелии. Я был каждым из них, и каждый из них мне приснился, все существа, которые были со мной, прошли мимо меня бесконечной чередой, а ноги их выбивали из пыльной дороги тоскливый крик...

Но были в этом моем сновидении необыкновенные, неузнаваемые тени, и отдаленный голос смеялся надо мной. Под конец я увидел, что лежу на этом ложе в своем шатре и надо мной склонилась фигура в капюшоне и широком плаще. А я лежал, не в силах двинуться, и вот капюшон спал, и увидел я, что улыбается мне трухлявый череп. Тогда я и проснулся.

— Это кошмарный сон, повелитель, — сказал Паллантид, сдерживая дрожь. — Кошмар, и ничего более.

Конан отрицательно покачал головой. Он происходил из племени варваров, людей суеверных, и все инстинкты предков таились в глубине его ясного сознания.

— Кошмаров я видел много, — сказал он, — но в большинстве своем они ничего не означали. Во имя Крома, этот был особенный! Ах, если бы эта битва была уже позади и окончилась победой! С того самого дня, когда король Нимед умер от черной заразы, у меня скверные предчувствия. Почему болезнь прошла, когда он умер?

— Говорят, что за грехи...

— Обычные глупости, — сказал Конан. — Если бы моровое поветрие косило всех грешников, то, клянусь Кромом, оставшихся в живых не удалось бы сосчитать, потому что и считать было бы некому! Почему боги, о справедливости которых толкуют мне жрецы, должны были погубить пять сотен крестьян, купцов и рыцарей

до смерти короля, если болезнь предназначалась именно ему? Или боги действуют вслепую, как рубака в тумане? Клянусь Митрой, если бы мои удары обладали такой точностью, у Аквилонии уже давно был бы новый владыка.

Нет, черная зараза не была простым поветрием. Оно обычно дремлет в гробницах Стигии и на свет вызывается лишь при помощи чернокнижников. Когда я сражался в армии принца Альмурика, напавшего на Стигию, из наших тридцати тысяч половина погибла от стигийских стрел, а оставшиеся — от черной заразы, напавшей на нас с юга, как ветер пустыни. Выжил один я.

— А в Немедии умерло около пятисот, — сказал Паллантид.

— Кто-то призвал эту болезнь и знал, как положить ей конец в надлежащее время, — ответил Конан. — И тогда я понял, что во всем этом есть чья-то дьявольская воля. Кто-то призвал заразу, кто-то ее прогнал, когда дело было сделано, и Тараск, спаситель народа от гнева богов, уверенно сел на трон. Во имя Крома, я чувствую здесь грозный и тонкий умысел. Что ты слышал о чужеземце, который, как говорят, стал у Тараска советником?

— Он закрывает лицо, — ответил Паллантид, — и еще говорят, что чужеземец этот прибыл из Стигии.

— Прибыл из Стигии, — с усмешкой повторил Конан. — Скорей уж прибыл из ада! Эй, это еще что?

— Трубы немедийцев! — воскликнул Паллантид. — И я слышу, как отвечают им наши! Уже светает, сотники поднимают людей и готовят к бою. Храни их Митра, ибо многие из них не увидят солнца, когда оно начнет заходить над теми скалами.

— Пришли мне оруженосцев! — заревел Конан, вскочив и сбросив с себя бархатную ночную одежду: впереди был бой, и он забыл о своих опасениях. — Иди к сотникам и проверь, все ли готово. Я присоединюсь к тебе, когда надену доспехи.

Многое из привычек Конана были загадкой для его цивилизованных подданных — например, упорство, с которым он защищал свое право спать одному в своей комнате или шатре. Паллантид поспешно вышел, гремя доспехами, надетыми еще ночью, после непродолжительного сна. Быстрым взглядом он обвел лагерь, в котором закипала жизнь: звякало оружие, людские тени мелькали в сумрачном свете между длинными рядами шатров. На западе еще бледно мерцали звезды, но на востоке уже розовели длинные полосы зари, и на их фоне расправлял свои складки драконий штандарт Немедии.

Паллантид направился к стоящему поблизости меньшему шатру, где спали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами, они уже высыпали наружу. Паллантид приказывал им торопиться, когда его парализовал и лишил речи донесшийся из королевского шатра глубокий страшный крик и звук глухого удара, а потом — звук

падающего тела. И еще — низкий, густой смех, от которого кровь застыла в жилах генерала.

Паллантид охнул, развернулся и побежал к шатру. Еще один крик вырвался у него, когда он увидел могучее тело Конана, лежавшего на ковре. Большой двуручный меч короля лежал возле его ладони, а разрубленный столб шатра показывал, куда был направлен удар этого меча. Выхватив клинок, Паллантид внимательно оглядел шатер, но ничего не увидел. Как и незадолго перед этим, в шатре были лишь король и он сам.

— Ваше величество! — Паллантид упал на колени возле поверженного короля.

Глаза Конана были открытыми и вполне осмысленными. Губы его дрожали, но не произносили ни одного слова. Казалось, он был не в силах двигаться.

Снаружи раздались голоса. Паллантид быстро вскочил и подошел к выходу. Около него стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы услышали шум внутри, — пояснил рыцарь. — С королем все в порядке?

Паллантид внимательно посмотрел на него.

— Входил ли кто-нибудь ночью в шатер или выходил из него?

— Никто, кроме тебя, Господин, — сказал рыцарь, и Паллантид не усомнился в его искренности.

— Король споткнулся и уронил меч, — коротко пояснил он. — Возвращайся на пост.

Когда рыцарь ушел, генерал коротко кивнул оруженосцам и, когда они вошли в шатер, тщательно задернул штору. Они побледнели, увидев короля лежащим на ковре, но жест Паллантида удержал их от всяких возгласов.

Генерал снова наклонился над Конаном, который все еще пытался что-то сказать. Мышцы его напряглись, и он смог чуть приподнять голову. Наконец, можно было едва различить слова:

— Тварь... тварь там, в углу!

Паллантид поддержал голову короля и со страхом огляделся. В свете лампы он увидел бледные лица оруженосцев и бархатные тени, притаившиеся в углах шатра, — только и всего:

— Здесь ничего нет, ваше величество, — сказал он.

— Она была там, в углу, — прошептал король, качая головой из стороны в сторону и пытаясь встать. — Человек — или что-то вроде человека, замотанного в бинты, похожего на мумию и одетого в истлевший плащ с капюшоном. Я разглядел его глаза, когда он прятался в углу. Я думал вначале — это тень, но потом увидел глаза. Они были, как черные алмазы. Я бросился на него с мечом, но промахнулся — Кром знает, по какой причине, — и разрубил этот столб. Он схватил меня за руку и закачался, а

пальцы его жгли, как раскаленное железо. Вся сила покинула меня, а земля поднялась и ударила меня, как дубиной. Потом он исчез, а я, я лежал, будь оно все проклято, и не мог пошевелиться. Я окаменел!

Паллантид поднял руку гиганта, и его кинуло в дрожь: на запястье он увидел синие следы длинных тонких пальцев. Какая ладонь могла обладать такой силой, чтобы оставить след на этой могучей руке? Тут он вспомнил смех, доносившийся из шатра, и холодный пот прошиб генерала. Смеялся не Конан.

— Это дело рук дьявола! — прошептал трясущийся оруженосец. — Говорят, что дети тьмы выступили на стороне Тараска!

— Замолчи! — сурово сказал Паллантид.

Утро уже погасило все звезды. С гор веял легкий ветерок, разносивший звук сотен и тысяч труб. От этого звука сильная судорога пробежала по телу короля. Снова заиграла сила в его мышцах, когда он попытался разорвать невидимые цепи, приковывающие его к земле.

— Оденьте меня в доспехи и привяжите к седлу, — прошептал он. — Я еще поведу вас в атаку!

Паллантид покачал головой, а один из оруженосцев потянул его за одежду.

— Господин, мы погибнем, если враги узнают, что наш король лежит без сил! Только он мог бы привести нас сегодня к победе!

— Помогите мне положить его на кровать, — ответил генерал.

Они повиновались и положили бессильного гиганта на кучу мехов, укрыв его шелковым плащом. Паллантид повернулся к пятерке оруженосцев, долго вглядывался в их побледневшие лица и наконец сказал:

— Пусть уста наши навеки молчат о том, что случилось в шатре. От нас сейчас зависит судьба королевства Аквилонии. Пусть один из вас пойдет и приведет Валанна, сотника пеллийских копейщиков.

Оруженосец, на которого было указано, поклонился и быстро вышел из шатра. Паллантид смотрел на поверженного короля. За стенами шатра ревели трубы, кричали командиры, все нарастал гул тысяч людских голосов. Наконец оруженосец вернулся с тем офицером, о котором говорил Паллантид, — высоким воином, широкоплечим и мускулистым, по сложению очень похожим на короля. Волосы у него были тоже вроде конановых — черные и густые, только глаза серые, да и лицом он не походил на своего короля.

— У короля приступ некой редкой болезни, — сухо пояснил Паллантид. — Тебе выпала великая честь: ты оденешь его доспехи и поведешь сегодня армию в бой. Никто не должен узнать, что на королевском коне скачет не король.

— За эту честь любой человек охотно бы отдал жизнь, — сказал сотник, ошеломленный своей задачей. — Клянусь Митрой, я не подведу!

И бессильный король глядел горящими глазами, в которых отражался его горький гнев и мучительное чувство унижения, как его оруженосцы освобождают Валлана от кольчуги, шлема и наколенников, чтобы облечь его в черный панцирь Конана, а также в шлем с забралом и гребнем, украшенным черным султаном. Затем следовала шелковая накидка с вышитым на груди золотым королевским львом, широкий пояс с золотой пряжкой поддерживал покоящийся в золотых ножнах обоюдоострый меч с рукоятью, покрытой самоцветами. Пока они этим занимались, сурово ревели трубы, лязгало оружие, из-за реки доносился глухой рев, когда полк за полком выходил на позиции.

Валлан в полном облачении встал на колени и склонил султан перед лежащей на ложе фигурой.

— Господин мой и король, клянусь Митрой, я не опозорю доспехов, которые надел сегодня!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном!

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизации. Глаза его горели такой ненавистью и жаждой крови, какой мог бы позавидовать любой варвар с Киммерийских нагорий.

3
КАТАСТРОФА

Аквилонская армия стояла уже в полной готовности — длинные спаянные шеренги пеших и конных в сияющей стали, — когда из королевского шатра выплыла огромная фигура в черной броне, чтобы оседлать черного жеребца, удерживаемого четырьмя оруженосцами, и армия издала такой клич, что задрожали горы. Потрясая оружием, все солдаты — рыцари в золоченых панцирях, копейщики в кольчугах и стальных шлемах, лучники, держащие свои огромные луки, — громогласным хором выразили свое восхищение королю-воину.

Армия на другой стороне долины перемещалась к реке по пологому склону, сталь доспехов поблескивала сквозь утренний туман, клубившийся у конских ног.

Аквилонцы, не торопясь, двинулись им навстречу. От конского топота загудела земля. Шелковые полотнища штандартов развевались на утреннем ветру, а лавина копий с трепещущими флажками то поднималась, то опускалась, точно лес в бурю.

Десять вооруженных до зубов угрюмых ветеранов войны, умеющих молчать, охраняли королевский шатер, в котором остался

один из оруженосцев. Кроме небольшой группы посвященных, никто не знал во всей могучей армии, что не Конан восседает на огромном черном жеребце, выступающем во главе войска.

Аквилонцы выстроились согласно традиции: основная сила, полки тяжело вооруженных рыцарей, составила центр армии, на крыльях были отряды конницы, поддерживаемые копейщиками и лучниками. Лучники были жителями Боссона на Западном Пограничье — крепкими низкорослыми людьми в кожаных куртках и плоских стальных шлемах.

Немедийская армия была построена примерно так же. Оба войска приближались к речушке, крылья при этом вырвались вперед. Посреди войск Аквилонии над всадником на черном жеребце развевалось огромное полотнище со львом.

Но в королевском шатре Конан на своем ложе только стонал от душевной муки и ругался по-язычески.

— Войска сближаются, — говорил ему оруженосец, выглядывая из шатра. — Слышишь, как гремят трубы? Ха! Солнце сверкает на шлемах и остриях копий так, что глазам больно... Реку оно окрасило алым... Воистину воды ее заалеют прежде, чем минет день!

Неприятель вышел к берегу. Теперь между войсками, точно ядовитые тучи, мечутся стрелы, заслоняя небо. Ха! Хороший выстрел, парень! Боссонские лучники стреляют вернее — слышишь их клич?

Среди рева труб и грохота стали король действительно услышал дикий гортанный рев боссонцев, которые натягивали тетивы и посылали стрелы с удивительной меткостью.

— Их стрелки пытаются навязать нашим схватку, чтобы их конники могли выйти к реке, — продолжал оруженосец. — Берега не крутые, они плавно сходят к воде. Рыцари двинулись, пошли прямо сквозь кустарник. Клянусь Митрой, наши стрелы длиной в локоть находят любую щель в их доспехах! Падают с коней мужи, отчаянно бьются в воде... Там неглубоко и течение ровное, но люди тонут под тяжестью доспехов и копытами ошалевших коней. Теперь двинулась аквилонская конница. Рыцари въезжают в реку и вступают в бой с немедийскими всадниками... Вода вспенена конскими копытами, а удары мечей о мечи оглушают!

— Во имя Крома! — вырвалось в отчаянии у Конана. Жизнь понемногу возвращалась в его тело, хотя подняться он еще не мог.

— Вот и фланги столкнулись, — сказал оруженосец. — Пехота в воде схватилась врукопашную, лучники стреляют из-за их спин. Клянусь Митрой, немедийские арбалетчики в центре перебиты, а боссонцы стреляют теперь по дальним рядам. В центре враг не продвинулся ни на пядь, а его крылья отброшены от реки!

— Во имя Крома, Имира и Митры! — бесновался Конан. — Боги или дьяволы, перенесите меня в битву, хотя бы мне пришлось пасть от первого же удара!

Весь жаркий день битва была, как буря. Долина содрогалась от атак и контратак, от свиста стрел, треска панцирей и копий. Но аквилонская армия удержала позиции. Отброшенные однажды от реки, ее отряды под предводительством черного знамени с золотым львом над могучим всадником вернули утраченную территорию. Правый берег был подобен мощной крепости, и оруженосец доложил, наконец, Конану, что немедийцы отходят от реки!

— Мы прорвали их фланги! — кричал он. — Их рыцари показывают спины! Но что это? Твое знамя двинулось вперед — основные силы вошли в воду! Клянусь Митрой, Валанн переводит армию на другой берег!

— Глупец! — зарычал Конан. — Там может быть ловушка! Он должен только удержать позицию — на заре подойдет Просперо со своим корпусом.

— Рыцари попали под обстрел! — крикнул оруженосец. — Но не остановились, идут вперед... Перешли! Атакуют вверх по склону! Паллантид послал им на помощь оба фланга — что еще он мог сделать? Знамя со львом наклонилось и качается над схваткой.

Немедийские конники сопротивляются, но мы разрезали их строй! Они отступают! Немедийский левый фланг бежит что есть сил, наши копейщики преследуют их! Я вижу Валанна, который бьет и рубит, как безумный. Жажда крови охватила его. Люди не слушают Паллантида, они устремились за Валанном — лицо его закрыто забралом, они думают, что это — Конан...

Но смотрите — есть метод в его безумии! С пятью тысячами отборных рыцарей он огибает фронт немедийцев, они смешались... Смотри! Их фланги прикрыты обрывистыми кручами, но среди них есть незащищенный проход. Что-то вроде большой расщелины, которая открывается уже за боевыми порядками врага. Клянусь Митрой, Валанн увидел свой шанс и хочет его использовать! Он отбрасывает неприятельское крыло и ведет своих рыцарей к этому проходу. Он обходит центр основной схватки, пробивается сквозь копейщиков, входит в расщелину!

— Ловушка! — зарычал Конан, пытаясь подняться.

— Нет! — торжествующе вскричал оруженосец. — Вся немедийская армия у него на виду! Они забыли о проходе — не думали, что отступят так далеко. О, глупый, глупый Тараск — сделать такую ошибку! Я вижу, как из расщелины за немедийским строем показались пики и флажки. Они разорвут этот строй и сомнут его... Но что это, во имя Митры?

Он заколебался, когда дрожь тронула стены шатра. А вдали, заглушая звуки битвы, раздался неописуемо жуткий, низкий, хриплый рев.

— Стены расщелины задрожали! — закричал оруженосец. — Господи, что же это такое? Река выходит из берегов, верхушки скал рушатся, дрожит земля, опрокидывая коней и всадников! Стены! Стены расщелины падают!

Его последним словам вторил скрежещущий гул и могучий гром, от которого задрожала земля. Над шумом битвы зазвучали крики ужаса.

— Рухнули стены! — вскричал оруженосец в отчаянии. — Рухнули в проход и раздавили все живое, что там находилось! Я еще видел среди пыли и камнепада наше знамя, но и оно исчезло! О! Немедийцы кричат от радости! Им есть чему радоваться — под скалами пять наших лучших рыцарей — слышишь?

И Конан услышал отчаянные вопли:

— Король погиб! Король погиб! Бежим! Бежим! Нет нашего короля!

— Врете! — застонал Конан. — Собаки! Подлецы! Трусы! О, Кром, если б я только мог встать... Хотя бы доползти до реки с мечом в зубах... Как там, мальчик, они бегут?

— Еще как! — зарыдал оруженосец. — Бегут что есть сил к реке, как морская пена на ветру. Я вижу Паллантида, который пытается прекратить панику... Он падает, кони растоптали его! В воду вбегают рыцари, лучники, пехотинцы, смешавшиеся в один безумный поток. Немедийцы преследуют их и косят, как траву!

— Но можно укрепиться на этом берегу! — зарычал король. С усилием он заставил себя приподняться на локтях.

— Нет! — ответил оруженосец. — Они не могут! Они разбиты! Их преследуют! О боги, зачем дожил я до этого дня!

Потом он вспомнил о своих обязанностях и вызвал охранников, которые, не трогаясь с места, глядели на бегство своих товарищей.

— Быстро приведите коня и помогите мне поднять в седло короля. Здесь больше нельзя оставаться.

Но они не успели выполнить приказ: волна отступления докатилась сюда. Копейщики, рыцари и лучники бежали между шатрами, спотыкались о натянутые веревки, а настигавшие их немедийские всадники рубили направо и налево. Угрюмые стражи королевского шатра погибли на своем посту один за другим, и кони победителей разнесли по полю их останки. Но оруженосец опустил полы шатра, и во всеобщем хаосе никто не понял, что в шатре кто-то есть. Беглецы и преследователи устремились дальше в глубину долины, и когда оруженосец выглянул наконец наружу, он увидел нескольких воинов, явно едущих в сторону шатра.

— Подходит король Немедии с четырьмя спутниками и оруженосцем, — доложил он. — Идут принимать твою капитуляцию, мой благородный господин...

— Чтоб их черти взяли! — заскрежетал зубами Конан.

С огромными усилиями он сумел усесться, потом спустил ноги с кровати и неуверенно встал, пошатываясь, как пьяный. Оруженосец бросился поддержать его, но король оттолкнул мальчика.

— Ну-ка, подай! — и он указал на свой гигантский лук и колчан со стрелами.

— Но ваше величество, — возразил удивленный оруженосец, — владыка должен сдаваться с достоинством человека королевской крови!

— В моих жилах нет королевской крови, — рявкнул Конан. — Я варвар и сын кузнеца!

С луком и стрелами он, качаясь, подошел к выходу. На нем были только короткие кожаные штаны и рубашка без рукавов, открывавшая мощную волосатую грудь и крепкие руки. И так прекрасен и грозен был в эту минуту король, так пылали его глаза под звериной гривой черных волос, что оруженосец отступил в страхе перед своим владыкой — его он боялся больше всей немедийской армии.

Неуверенно переступая широко расставленными ногами, Конан добрался до выхода, раздвинул шторы и встал под навесом. Король Немедии и его спутники уже спешились и вдруг встали как вкопанные, удивленно глядя на того, кто приготовился к отпору.

— Я здесь, шакалы! — зарычал киммериец. — Я, король! Смерть вам, собачье отродье!

Он натянул тетиву до уха, и стрела по самое оперение вонзилась в грудь рыцаря, стоявшего рядом с Тараском. Конан швырнул в короля Немедии лук.

— Проклятие, рука дрогнула! Ну, возьмите меня, если смелости хватит!

На подкашивающихся ногах он отступил назад и оперся спиной на шатровый столб. Потом обеими руками вытащил свой огромный меч.

— Клянусь Митрой, это же король! — воскликнул Тараск. Он обвел своих спутников взглядом и рассмеялся. — А там была лишь кукла в его доспехах. Вперед, собаки, мне нужна его голова!

Трое воинов в панцирях со знаками королевской гвардии бросились на Конана. Один из них ударом палицы поразил оруженосца. Двое остальных такого успеха не добились. Когда первый ворвался в шатер с поднятым мечом, Конан приветствовал его таким добрым ударом, который рассек кольчугу, как тряпку, и плечо немедийца вместе с рукой отделилось от тела. Падая, он попал

под ноги своему товарищу. Тот покачнулся и, прежде чем обрести равновесие, был пронзен длинным мечом.

Тяжело дыша, Конан вытащил стальное лезвие из тела и вновь, качаясь, отступил к столбу. Его могучие руки дрожали, грудь вздымалась с усилием, по лицу и шее струился пот. Но в голосе его слышалась жестокость победителя:

— Почему ты не подойдешь ближе, бельверусский пес? Там я тебя не достану — подойди и подохни здесь!

Тараск заколебался, поглядел на оставшегося гвардейца и на своего оруженосца — худого мрачного человека в черной броне, затем сделал шаг вперед. Сложением и силой он значительно уступал гиганту-киммерийцу, зато был защищен латами; он во всех странах Запада славился как хороший боец на мечах. Но оруженосец удержал его за руку:

— О нет, ваше величество, не стоит рисковать жизнью. Вызовем лучников, и они расстреляют варвара, словно льва на охоте.

Пока шла схватка, никто не заметил, как возле шатра остановилась колесница. Но Конан ее увидел, и неясный страх охватил его. Даже кони были необыкновенными, но его взгляд остановился на фигуре возницы.

Это был муж могучего сложения, облаченный в длинную шелковую хламиду. На голове его была повязка, которую носят жители страны Шеми, нижняя часть ее почти скрывала лицо, оставляя открытыми только черные притягивающие глаза. Ладони, в которых он держал вожжи, были белые и ухоженные, но крепкие. Все инстинкты древних проснулись в Конане: он обвел возницу суровым взглядом и почувствовал, что от него исходит грозная аура могущества — так шелест травы в безветренный день оповещает о приближении змеи.

— Поздравляю тебя, Ксальтотун! — воскликнул Тараск. — Вот король Аквилонии! Оказывается, он не погиб под обвалом.

— Я знаю об этом, — ответил маг, не поясняя, впрочем, откуда он это знает. — Что ты собираешься с ним сделать?

— Вызову лучников, чтобы они расстреляли его, — ответил немедиец. — Живой он слишком опасен для нас.

— Даже собака может на что-нибудь сгодиться, — сказал Ксальтотун. — Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Подойди и попробуй, — сказал он с вызовом. — Если бы мои ноги не предали меня, я срубил бы тебя с этой колесницы, как дровосек деревце. Но никогда вам не взять меня живым, будьте вы прокляты!

— Боюсь, что он говорит правду, — вздохнул Тараск. — Это же варвар, он полон безумной дикости, как раненый тигр. Позволь позвать лучников.

— Смотри и учись, — сказал Ксальтотун.

Его рука утонула в складках одежды и вынырнула, держа блестящий шар. Шар полетел в Конана. Киммериец молниеносно отразил его мечом, но тут раздался взрыв, блеснуло пламя — и Конан без сознания упал на землю.

— Мертв? — сказал Тараск скорее утвердительно.

— Нет. Он без чувств. В себя придет только через несколько часов. Прикажи своим людям сковать ему руки и ноги и положить в мою колесницу.

Тараск жестом приказал слугам подчиниться. Кряхтя от тяжести, они перенесли бесчувственного короля в колесницу. Ксальтотун накрыл тело шелковым плащом от любопытных глаз, потом взялся за вожжи.

— Я направляюсь в Бельверус, — сообщил он. — Передай Амальрику, что я присоединюсь к нему в нужное время. Коль скоро Конан устранен и армия его разбита, для покорения страны достаточно копий и мечей. Просперо, который вряд ли мог собрать больше десяти тысяч, услышав известие о битве, несомненно, отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию, никому другому не говори о нашем пленнике. Пусть думают, что Конан погиб под скалами.

Потом он перевел взгляд на гвардейцев и смотрел так долго, что один из них начал корчиться под этим взглядом.

— Что у тебя на животе? — спросил Ксальтотун.

— Ремень, господин, с твоего позволения, — пробормотал тот.

— Ты лжешь! — смех Ксальтотуна был безжалостен, как острие меча. — Это ядовитая змея! Дурак, ты подпоясался гадюкой!

Гвардеец посмотрел на свой живот удивленно расширенными глазами и с ужасом увидел, что пряжка ремня поднимается к его лицу. На ней была змеиная голова! Он увидел злобные глаза и текущие ядом зубы, услышал шипение и почувствовал холодное прикосновение твари. Испуганно вскрикнув, он нанес удар ладонью и почувствовал, как змеиные зубы погрузились в нее, потом замер — и рухнул, как бревно. Тараск равнодушно поглядел на него. Он видел только кожаный ремень, пряжка которого своими двумя застежками впилась в ладонь гвардейца. Ксальтотун перевел свой убийственный взгляд на королевского оруженосца, который стал серым и задрожал, но вступился Тараск:

— Нет, этому мы можем доверять.

— Смотри же, чтобы все наши сегодняшние дела остались в тайне. Если я понадоблюсь, пусть Альтаро, слуга Ораста, вызовет меня способом, которому я его научил. Я буду в Бельверусе, в твоем дворце.

Тараск поднял руку в прощальном жесте. Когда он смотрел вслед уехавшему магу, безобразная гримаса исказила его лицо.

— Почему он пощадил киммерийца? — прошептал перепуганный оруженосец.

— Сам удивляюсь, — сказал Тараск.

Глухие отголоски битвы и погони замерли где-то далеко за отъехавшей колесницей; заходящее солнце охватило скалы алым пламенем, и повозка скрылась в огромных темно-красных тенях, встающих на востоке.

4

«ИЗ КАКОЙ ПРЕИСПОДНЕЙ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

О своем длинном путешествии в колеснице Ксальтотуна Конан не знал. Он лежал, как мертвый, когда бронзовые колеса гремели по камням горных дорог, подминали высокие травы зеленеющих долин и, наконец, когда повозка уже съехала с предгорий, ритмично застучала по широкой белой дороге, которая через щедрые поля вилась до самых стен Бельверуса.

На заре жизнь вернулась к нему. Он услышал людские голоса и скрип тяжелых ворот. Сквозь дыру в плаще он увидел черные, неясные в свете факела своды ворот и бородатые лица гвардейцев. Пламя отражалось на их шлемах и остриях копий.

— Как закончилось сражение, благородный господин? — спросил кто-то по-немедийски.

— Очень хорошо, — прозвучал лаконичный ответ. — Король Аквилонии убит, его армия уничтожена.

Поднялся гул восторженных криков, но снова утонул в грохоте колес по каменным плитам. Искры сыпались из-под ободов, когда Ксальтотун, щелкая кнутом, гнал лошадей через ворота. Но Конан услышал, как один из стражников бормочет: «С самой границы до Бельверуса — от захода до восхода солнца! И кони только чуть запылились! Клянусь Митрой, они...» Потом наступила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт и колес по темной улице.

Слова эти запали в память Конана, но сейчас ничего для него не значили. Он все видел и слышал, но ничего не понимал. Его окружали образы и звуки, лишенные смысла. Он снова погрузился в глубокий сон, когда колесница остановилась в глубоком, как колодец, дворе, его самого подхватило множество рук и понесло по крутой каменной лестнице, а потом — через длинный темный коридор. Шепоты, тихие шаги, отрывистые звуки проходили мимо его сознания.

Но последнее пробуждение было внезапным и резким. Он полностью вспомнил сражение и его исход и ясно понял, где находится.

Он лежал на обитом шелком диване в той же самой одежде, что и раньше, закованный в такие цепи, которые даже он не смог

бы порвать. Зал, в котором он находился, был убран с мрачной роскошью: черные шелковые шторы свешивались со стен, толстые пурпурные ковры покрывали пол. Не было видно ни окон, ни дверей, одна лишь искусно выкованная золотая лампа, висящая в стенной нише, заливала все ярким светом.

При этом освещении сидящая перед Конаном в серебряном, похожем на трон кресле фигура казалась нереальной и фантастической, очертания ее были скрыты прозрачными шелковыми одеяниями. Но черты лица были видны особенно резко, над головой образовался как бы нимб, подчеркивая рельефность обрамленного бородой лица и делая его единственной реальной действительностью в этой таинственной, призрачной комнате.

И лицо это с классической красотой черт производило сильное впечатление. Воистину тревога таилась в его спокойствии, какая-то магия знания, превышающего человеческие возможности, какая-то нечеловеческая уверенность в себе. И неприятная дрожь узнавания зашевелилась в каком-то отдаленном уголке души Конана. Король хорошо знал, что никогда не видел этого человека, но черты его кого-то напоминали. Было ощущение, что Конан наяву видит образ некоего прошлого кошмара.

— Кто ты? — спросил он, пытаясь сесть, хоть кандалы и мешали.

— Мое имя — Ксальтотун, — ответил ему сильный мелодичный голос.

— Где я нахожусь?

— Это зал во дворце короля Тараска в Бельверусе.

Конана это не удивило. Столица была самым большим городом у границы.

— А где Тараск?

— С армией.

— Что же, — сказал Конан. — Если ты собираешься меня убить, то почему бы тебе не приступить к делу, чтобы мы оба избавились от лишней заботы?

— Не для того я спас тебя от королевских лучников, чтобы убить в Бельверусе, — ответил Ксальтотун.

— Что ты со мной сделал, проклятый?

— Я лишил тебя сознания, — ответил Ксальтотун. — Каким образом — ты все равно не поймешь. Можешь назвать это черной магией.

К такому выводу Конан мог и сам прийти, теперь его интересовало другое:

— Кажется, я понимаю, почему ты сохранил мне жизнь, — сказал он. — Амальрик хочет держать меня в качестве угрозы Валерию, если бы случилось невозможное и он стал королем Аквилонии. Всем известно, что за этой попыткой стоит барон Тор,

и, насколько я знаю Амальрика, он не позволит, чтобы Валерий стал более самостоятельным, чем эта марионетка Тараск.

— Амальрик не знает, что ты в плену, — ответил Ксальтотун, — равно как и Валерий. Оба думают, что ты погиб на берегах Валькии.

Конан сузил глаза и всмотрелся в собеседника.

— Я чувствовал умысел за всем этим, — сказл он, — но полагал, что это Амальрик. Неужели он, Тараск и Валерий лишь марионетки на твоих веревочках? Кто же ты?

— Какое это имеет значение? Если бы даже я рассказал тебе все, ты бы не поверил. Что ты скажешь на то, чтобы вновь воцариться на престоле Аквилонии?

Конан глянул на него волчьим взглядом.

— Какой ценой?

— Повиноваться мне во всем.

— Чтобы тебя черти взяли со всеми твоими замыслами! — заревел Конан. — Я не кукла. Корону свою я добыл мечом. И не в твоей воле распоряжаться троном Аквилонии. Королевство еще не завоевано, а одна битва войны не решает.

— Ты сражался не только с мечами, — ответил Ксальтотун, — и разве меч поразил тебя в шатре перед сражением? Нет, это было порождение тьмы, межзвездный странник, который своими пальцами, сохранившими холод черных бездн, заморозил кровь в твоих жилах и костный мозг. Своими пальцами, столь холодными, что они обожгли твое тело, как добела раскаленное железо!

Разве случай подтолкнул человека, одетого в твои доспехи, чтобы повести твоих рыцарей в ущелье? Разве случай обрушил на них склоны?

Конан молча слушал его, и холод пробегал по его спине. Вся его варварская мифология была наполнена магами и чародеями — только дурак не догадался бы, что Ксальтотун — не простой смертный. Конан ощущал в нем нечто непонятное — какой-то нечеловеческий ореол Времени и Пространства, образ времен страшных и враждебных. Но дух его уступить не желал.

— Камнепад был случайным, — сказал он, — а в расщелину пошел бы каждый.

— Вовсе нет. Ты бы, например, не повел туда войска, заподозрил ловушку. Да ты даже не перешел бы реку, если бы не поверил, что немедийцы действительно отступают. Даже среди безумия битвы ничто бы не смогло повести тебя вслепую на гибель, как это случилось с человеком, одетым в твои доспехи, но, как бы сказать, помельче...

— Что ж, если все было рассчитано, — сказал Конан, — если для моей армии была приготовлена ловушка, почему же «порождение тьмы» не убило меня в шатре?

— Потому что я хотел взять тебя живым. Не надо было быть волшебником, чтобы понять — Паллантид пошлет кого-нибудь вместо тебя. Ты был нужен мне живым и здоровым. Возможно, ты пригодишься для моих дальнейших намерений. Твоя жизненная сила превышает искусство и хитрость моих союзников. Не стоит держать тебя во врагах, потому что ты был бы хорошим вассалом.

Конан презрительно плюнул, услыхав это слово, но Ксальтотун не обратил на его гнев никакого внимания, вынул хрустальный шар и поставил его перед собой. Шар повис в воздухе, как будто под ним был железный постамент. Конан презрительно хмыкнул по этому поводу, но было видно, что магия произвела не него впечатление.

— Хочешь знать, что происходит сейчас в Аквилонии? — спросил Ксальтотун.

Конан промолчал, но его напряжение выдало все.

Ксальтотун поглядел в туманную глубину и казал:

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валькии. Главные силы Немедии стали лагерем в долине, но конные отряды продолжали истреблять отступающих аквилонцев. На рассвете армия покинула лагерь, чтобы ринуться через горы на запад. Просперо, который спешил тебе на помощь с десятитысячным отрядом, встретил нескольких беглецов. Не в силах собрать остатки разбитой армии, он отступил к Тарантии. Теперь он отступает к столице, меняя измученных коней в деревнях.

Я вижу его усталых рыцарей в латах, серых от пыли, с флажками, грустно свисающими с копий, вижу, как гонят они через долину взмыленных лошадей. И я вижу также улицы Тарантии. В городе царит хаос. Каким-то образом туда дошла весть о смерти короля Конана. Ошалелая толпа кричит, что король погиб и нет никого, кто мог бы его заменить. Чудовищные тени падают на Аквилонию с востока, и небо почернело от стервятников.

Конан проклял его в глубине сердца.

— И ни слова больше? Последний уличный нищий мог бы рассказать то же самое. Если ты утверждаешь, что разглядел все это в твоем стеклянном шаре, — ты такой же лжец, как и мерзавец, а уж в этом нет сомнения! Просперо удержит Тарантию, а бароны соберутся вокруг него. Граф Троцеро из Пойнтайнии, который должен править в мое отсутствие, прогонит эти немедийские орды так, что они с воплями побегут назад, в свой собачник. Что такое пятьдесят тысяч немедийцев? Аквилония их проглотит. Они никогда не увидят Бельверуса. Ведь под Валькией побеждена не Аквилония, а всего лишь Конан.

— Гибель Аквилонии предписана свыше, — ответил неумолимый Ксальтотун. — Покорят ее меч и копье, а если они не помогут, в бой двинутся стародавние силы тьмы. Так же, как над

Валькией, рухнут горы и городские стены, если будет нужно, и реки с ревом выйдут из берегов, чтобы затопить целые области.

Тем не менее лучше будет, если победят меч и тетива, без помощи магического искусства, потому что оно способно пробудить силы, могущие перевернуть Вселенную.

— Из какой преисподней ты выполз, черный пес? — процедил Конан, всмотрелся в Ксальтотуна и вздрогнул: чувствовалось в нем что-то невероятно древнее и вместе с тем невероятно дьявольское.

Ксальтотун запрокинул голову, как бы вслушиваясь в голоса Космоса. Казалось, он забыл о пленнике. Потом нетерпеливо тряхнул головой и поглядел на киммерийца.

— Что? Ах, ты бы все равно не поверил, если бы я тебе рассказал. Но наш разговор меня утомил: легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь свои мысли в слова, способные дойти до безмозглого варвара.

— Если бы мои руки были свободны, — заметил Конан, — я быстро бы превратил тебя в безмозглого покойника.

— Не сомневаюсь... если бы я был настолько глуп, чтобы дать тебе такую возможность, — сказал Ксальтотун, хлопнув в ладони.

Поведение его изменилось: в его голосе появилось нетерпение, в движениях нервозность, хотя Конану и показалось все это довольно странным.

— Запомни то, что я сказал тебе, варвар, — изрек Ксальтотун. — Времени у тебя будет достаточно. Я еще не решил, что с тобой сделать. Во всяком случае, уясни себе: если уж я решил использовать тебя в своей игре, лучше согласиться, нежели навлечь на себя мой гнев.

Конан бросил ему в лицо проклятие, и в тот же миг раздвинулись шторы, и в комнату вбежали четыре огромных негра, одетые в шелковые туники с поясами, с которых свисали огромные ключи.

Ксальтотун нетерпеливым жестом показал на короля и отвернулся, словно бы утратив к этому делу всякий интерес. Пальцы его как-то странно дрожали. Из резной яшмовой шкатулки он достал горсть блестящего черного порошка и всыпал его в курильницу на треножнике возле своего подлокотника. Хрустальный шар, о котором он, казалось, забыл, упал на пол, лишенный невидимой опоры.

Потом чернокожие схватили Конана — потому что он, обвитый цепями, не мог двинуться — и вынесли его из зала. Прежде чем за ним закрылись тиковые, обитые золотом двери, он оглянулся назад. Он увидел Ксальтотуна, сидящего в своем кресле со скрещенными руками, и вьющуюся перед ним из курильницы тонкую струйку дыма. Мурашки побежали у него по коже. В далекой Стигии, древнем и зловещем царстве Юга, он когда-то видел этот

черный порошок — пыльцу черного лотоса, вызывающую подобный смерти сон и жуткие видения. И еще он знал, что только страшные маги Черного Круга, являющиеся средоточием зла, по собственной воле искали эти кровавые видения, чтобы оживить свое магическое могущество.

Для большей части народов мира Черный Круг был сказкой и суеверием, но Конан-то знал ужасную правду, знал и мрачных ее поклонников, которые в лабиринтах жутких стигийских подземелий и окутанных тьмой башнях проклятой Сабатеи проводили свои отвратительные обряды.

Он еще раз посмотрел на загадочные, обитые золотом двери и содрогнулся при мысли о том, что за ними происходило.

Он не знал, день сейчас или ночь. Дворец короля Тараска был царством мрака и тьмы. И повелителем этих мрака и тьмы был, по мнению Конана, именно Ксальтотун. Чернокожие несли короля долгим запутанным коридором и казались в полумраке четверкой вампиров, несущих труп. Потом они начали спускаться вниз по бесконечной винтовой лестнице, и факел в руке одного из них оживлял на стенах процессию бесформенных теней.

Наконец они спустились с лестницы и вошли в длинный прямой коридор. С одной его стороны время от времени уходили вверх из дугообразных проходов лестницы. С другой — через равномерные промежутки в несколько футов — располагались обитые железом двери.

Задержавшись возле очередной двери, один из негров вытащил ключ, подвешенный к поясу, и повернул его в замке. Отодвинув решетку, вместе с пленником они вошли внутрь и оказались в маленькой темнице с каменными стенами. На противоположной стене виднелись следующие зарешеченные двери. Конан не знал, куда они ведут, во всяком случае — не в другой коридор. Мерцающий свет факела из-за решетки говорил об опасных пространствах и безднах, в которых исчезало эхо.

В одном из углов камеры, возле входной двери, из большого железного кольца свешивался сноп цепей, в которых болтался скелет. Конан посмотрел на него внимательно и заметил, что большая часть костей разбита или расщеплена, а череп, отлетевший от позвоночника, размоджен могучим ударом.

Другой негр — не тот, что отворил дверь, — вложил свой ключ в массивный замок, освободил цепь от кольца и отбросил в сторону кости и ржавое железо. Потом он укрепил в кольце кандалы Конана, а третий негр, повернув свой ключ в замке противоположной двери, удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что он надежно закрыт.

Тогда они и стали поглядывать на Конана загадочно — узкоглазые черные гиганты, чья кожа поблескивала при свете факела.

Тот, который держал ключ от входных дверей, отозвался, наконец, гортанным голосом:

— Теперь это твой дворец, белый король-собака. Кроме нас и тебя здесь никого нет. Весь дворец спит. Мы будем хранить тайну. Ты будешь здесь, пока не сдохнешь. Так, как он!

И чернокожий брезгливо пнул разбитый череп, который покатился по каменным плитам.

Конан не унизился до ответа, а негр, осмелевший от его молчания, произнес проклятие и плюнул узнику в лицо. Но это был не самый удачный его поступок. Конан сидел на полу, опоясанный цепью, ноги и руки его были также прикованы к кольцу. Он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены дальше, чем на два локтя. Зато цепь, соединявшая оба его запястья, была достаточно свободной, и, прежде чем круглая голова негра отдалилась на безопасное расстояние, Конан сгреб всю слабину цепи в кулак и ударил чернокожего в темя. Тот упал, словно бык на бойне, и остался лежать перед своими ошеломленными товарищами с разбитым черепом. Из носа и ушей его текла кровь.

Они даже не попытались покарать Конана или приблизиться к окровавленной цепи. Наконец, бормоча что-то на своем диком языке, они подхватили своего товарища и уволокли, словно сноп. Его ключом они закрыли дверь, причем таким образом, что ключ остался прикованным к поясу оглушенного негра. Потом взяли факелы и стали удаляться, а темнота ползла в камеру, как живое существо. И вот затихли их осторожные шаги, свет факелов погас, и в подземельях воцарились тьма и тишина.

5
УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал тихо, перенося тяжесть кандалов и отчаянность своего положения с тем спокойствием, к которому приучила его обстановка, в которой он вырос. Он не двигался, потому что звон цепей от перемены позиции мог нарушить тишину, а инстинкт, унаследованный от тысяч полудиких предков, говорил, что делать этого не следует ни в коем случае. Хотя по логике никакой опасности не было: Ксальтотун заверил, что ему ничто не угрожает, и Конан был уверен, что это в интересах волшебника. Но инстинкт был сильнее, и Конан лежал, неподвижный и молчаливый, как будто вокруг ходили дикие звери.

Даже его орлиные глаза не могли преодолеть завесу тьмы. Но через минуту, точнее, через промежуток времени, которого он не смог бы определить, появился слабый свет — что-то вроде падающего наискосок серого луча, — который позволил ему увидеть

рисунок решетки и даже очертания скелета, отброшенного к противоположной двери. Это удивило его, но вскоре он понял и причину. Он находился в подземелье, тем не менее почему-то вверху осталось отверстие, через которое в соответствующий момент должен был пробиться лунный свет. Ему пришло в голову, что благодаря этому он сможет считать дни и ночи. А, может, и солнце когда-нибудь посветит, если не заслонят эту дыру. Должно быть, это своего рода пытка — позволять узнику время от времени видеть солнечный и лунный свет.

Его взгляд остановился на разбитых костях, поблескивающих в противоположном углу. Он не утруждал себя напрасными рассуждениями насчет того, кем был этот несчастный и что привело его к гибели, — его заинтересовало состояние скелета. И тут он обнаружил такое, что ему вовсе не понравилось. Кости голени были расщеплены вдоль, и это означало только одно: так сделали, чтобы добыть костный мозг. А какая тварь, кроме человека, способна на это? Может быть, эти останки — молчаливое доказательство людоедской трапезы какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до безумия. Конан думал, что и его кости, гремящие в ржавых цепях, найдут когда-нибудь в таком же состоянии. Он подавлял в себе отчаяние волка, попавшего в капкан.

Киммериец не плакал, не рыдал, не кричал и не предавался проклятиям, как любой цивилизованный человек на его месте. Но чувство голода и боль в желудке от этого не ослабевали. Могучие мышцы стонали от переполнявшей их силы. Где-то далеко на Западе немедийская армия огнем и мечом пробивала дорогу к сердцу его королевства. Ей не могут противостоять даже силы Пойнтайнии. Просперо может, конечно, удерживать Тарантию в течение нескольких недель или даже месяцев, но и ему в конце концов, лишенному подкрепления, придется уступить силе. Однако бароны наверняка должны поддержать его в борьбе против захватчиков. А тем временем он, Конан, будет беспомощно лежать в темнице, когда другие поведут в бой его войска и будут сражаться за его державу. В приступе гнева он оскалил свои крепкие зубы.

Услышав за противоположной дверью подкрадывающиеся шаги, он замер. Потом напряг зрение и увидел за решеткой склонившуюся фигуру. Металл звякнул о металл, и Конан услышал стук замка, в котором повернулся ключ. Фигура отступила неслышно из поля его зрения, но щелканье замка повторилось тише в отдалении, послышался звук открываемой двери, а после — звук тихих шагов в мягкой обуви. И снова тишина.

Конан вслушивался целую минуту или, может быть, дольше, но не уловил ни единого звука. Наконец он переменил позу, гремя при этом цепями. И тогда вновь услышал легкие шаги

за дверью, через которую его внесли в темницу. Потом в сером мраке обозначился тонкий силуэт.

— Король Конан! — раздался тонкий тревожный голос. — Мой господин, ты здесь?

— А куда же я денусь? — спросил он и повернул голову в сторону пришельца.

Ухватившись тонкими пальцами за решетку, за дверью стояла девушка. Слабый луч обозначил бедра, охваченные шелковым платком, засверкал на драгоценных камнях ожерелья. Глаза сияли во мраке ночи, а белые руки казались алебастровыми. Волосы, не утратившие своего блеска даже во мраке, походили на черную морскую волну.

— Ключи от кандалов и тех дверей, — прошептала девушка, и ее тонкая рука просунула сквозь решетку три предмета, ударившиеся о каменный пол возле Конана.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он. — Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Что за новое чертово варево затевает твой хозяин? Он послал тебя поиздеваться надо мной?

— Я не издеваюсь! — девушка дрожала так сильно, что ее браслеты и ожерелья брякали о решетку, которую они продолжала обнимать. — Клянусь Митрой! Я украла эти ключи у черной стражи подземелья. Каждый из них носит ключ, открывающий только один замок. Я их напоила. Того, которому ты разбил голову, отнесли к цирюльнику, и его ключа я не могла достать. Но остальные похитила. Прошу тебя, не медли! В этой тьме таятся пасти, которые не лучше адских ворот!

Конан с сильным сомнением попробовал подобрать ключи, в любую минуту ожидая услышать злорадный смех. Он оживился, когда один из ключей открыл не только замок, соединяющий цепи с кольцом, но и кандалы на руках и ногах. Он быстро двинулся вперед и ухватился за прут решетки и руку, которая его сжимала. Пойманная девушка решительно подняла голову и встретила его суровый взгляд.

— Кто ты? — спросил он холодно.

— Меня зовут Зенобия, — произнесли она с некоторым усилием, преодолевая страх. — Я девушка из королевского гарема.

— Если это не какая-нибудь дьявольская ловушка, — прорычал Конан, — то я не пойму, зачем ты принесла ключи.

Она опустила свою темную головку, а потом снова подняла ее, глядя ему прямо в глаза. На длинных ресницах, словно жемчужины, заблестели слезы.

— Я принадлежу к гарему короля, — сказала она с унижением паче гордости. — Но король никогда не смотрел на меня и никогда не посмотрит. Я хуже собаки, которая гложет кости в обеденной

зале... А ведь я человек из плоти и крови, а не разрисованная кукла. Я могу дышать, ненавидеть, бояться и радоваться, и любить. Вот я и полюбила тебя, король Конан, когда много лет назад ты приехал во главе своих рыцарей к королю Нимеду. Мое сердце рвалось из груди, чтобы упасть в уличную пыль под копыта твоего коня.

Говоря это, она покраснела, но глаза ее глядели смело. Конан ответил не сразу — все же он был дикарь, но ведь только самый грубый и жестокий из мужчин не смутится, глядя в глаза девушке.

Она наклонила голову и прильнула губами к пальцам, которые сжимали ее ладонь, но сразу выпрямилась, вспомнив, где она находится. Страх появился в ее глазах.

— Торопись! — сказала она. — Уже за полночь. Ты должен уходить.

— С тебя не сдерут шкуру за то, что ты украла ключи?

— Они об этом никогда не узнают. Если негры вспомнят утром, кто их угощал вином, они не посмеют признаться, что у них украли ключи. А тот ключ, который я не смогла достать, открывает эту дверь. Твоя дорога к свободе лежит через подземелья. Я не хочу даже думать, какие опасности поджидают тебя за этими дверями, но куда хуже будет, если ты останешься в камере. Вернулся король Тараск...

— Что? Тараск?

— Да! Он вернулся тайно, а недавно спустился в подземелья и вернулся такой бледный и потрясенный, как человек, который все поставил на карту. Я слышала, как он шептал своему оруженосцу Аридею, что ты должен умереть, несмотря на запрет Ксальтотуна.

— А что Ксальтотун?

— Даже не говори о нем, — шепнула она, задрожав. — Демоны часто приходят на звук своего имени. Рабы говорят, что он лежит в своей закрытой комнате и наблюдает видения черного лотоса. Я думаю, даже Тараск его боится, иначе он бы сразу тебя убил, не таясь. Но сегодня ночью он спускался в подземелья, и один Митра знает, что он сделал!

— Вот и я думаю — не Тараск ли возился недавно с замком моей камеры, — сказал Конан.

— Вот кинжал! — шепнула девушка и просунула что-то между прутьями. Пальцы короля жадно сомкнулись на привычном предмете. — Быстро выйди через те двери, поверни влево и ступай вдоль камер, пока не дойдешь до каменной лестницы. Не ходи в сторону, если хочешь жить! Поднимись по лестнице и отвори двери наверху — там мы встретимся, если будет на то воля Митры.

И убежала, легко стуча мягкими башмачками.

Конан пожал плечами и обернулся к противоположной решетке. Это могла быть какая-нибудь коварная ловушка Тараска, но бросаться очертя голову навстречу неизвестной опасности было Конану привычней, чем безнадежно дожидаться смерти. Он осмотрел оружие, которое передала ему девушка, и грустно улыбнулся. Кто бы она ни была, в жизни она толк понимает. Это был не узенький стилетик, не острие с рукояткой, украшенной драгоценными камнями, — такое больше подходит для утонченного убийства в дамском будуаре. Нет, это был добрый нож, настоящее боевое оружие с широким лезвием и длиной дюймов в пятнадцать, заканчивающееся тонким, как игла, острием.

Он крякнул от удовольствия. Тяжесть оружия улучшила его настроение и придала уверенности. Какие бы сети вокруг него не сплетали, какие бы предательства и ловушки не готовили — оружие было настоящим. Мощные мускулы его правой руки напряглись, готовясь нанести смертельный удар.

Он начал открывать замок дальней двери и толкнул ее. Она не была закрыта на засов, хотя он хорошо помнил, что негр ее закрывал. Да, эта таинственная фигура не была тюремщиком, проверяющим крепость замков, — наоборот, она открыла засов. И в этом было что-то зловещее. Но Конан не раздумывал — открыл решетку и вышел из камеры в густую тьму.

Как он и полагал, это не был следующий коридор. Каменный пол уходил вдаль, а справа и слева были камеры, никаких свободных проходов. Свет луны пробивался только сквозь решетки темниц и пропадал во тьме. Человек, не обладающий зрением Конана, мог и не заметить бледно-серых пятен перед решеткой каждой из камер. Повернув влево, он быстро пошел по коридору вдоль темниц, и его босые ноги не поднимали ни малейшего шума. Проходя мимо камер, он быстро осматривал каждую. Все они были заперты, но пусты. В некоторых блестели обнаженные кости. Эти подземелья остались пережитком тех мрачных времен, когда Бельверус из крепости еще не превратился в город. Но было заметно, что и в нынешние времена камеры использовались чаще, чем думали люди.

Наконец он увидел перед собой неясные очертания лестницы, круто поднимавшейся вверх, — ее он и должен был найти... но вдруг он обернулся и укрылся в глубокой тени лестницы.

Сзади кто-то шел — огромный, согнувшийся и ступавший не по-человечески. Конан всматривался в длинный ряд камер и лежащие перед ним четырехугольники света. И увидел, что эти световые пятна пересекает что-то неопределенное, но наверняка большое и тяжелое и вместе с тем более ловкое, чем человек. Оно то появлялось на фоне пятен, то исчезало в тени между камер, и было что-то жуткое в этой безмолвной прогулке.

Конан слышал грохот решеток — оно касалось их всех по очереди. Потом дошло до камеры, которую он только что покинул; двери отворились. Прежде чем оно исчезло, король успел заметить на фоне двери огромный бесформенный силуэт. Лоб и руки короля покрылись холодным потом. Он уже знал, зачем Тараск подкрадывался к его камере и почему так быстро убежал: он открыл замок, а потом где-то в этих проклятых пещерах выпустил из ямы или клетки эту жуткую тварь.

Она покинула камеру и продолжила свой путь, низко держа морду над землей. Она уже не обращала внимания на решетки, потому что взяла след. Теперь Конан ясно видел человекоподобную фигуру, с размерами которой, однако, не сравнился бы никто из людей. Низко согнувшись, она бежала на задних лапах, серая и косматая, ее густой мех отливал серебром. Морда была жутким подобием человеческого лица, длинные лапы свисали почти до земли.

Конан узнал ее и понял, почему человеческие кости в камерах были расщеплены. Он понял также, кто этот ужас подземелий. Это была серая обезьяна, страшный лесной людоед, который бродит по горному южному побережью моря Вилайет. Полулегендарные и вместе с тем реальные, эти обезьяны были троллями гиборийских сказок, настоящими вурдалаками, убийцами и каннибалами темных лесов.

Конан знал, что она почуяла его присутствие, потому что стала двигаться быстрее, поднимая свое тяжелое тело на кривых могучих ногах. Он посмотрел на лестницу и понял, что тварь нападет на него раньше, чем он добежит до двери. Предстояла схватка.

Он встал на ближайшее пятно света, чтобы взять в союзники хоть частичку лунного сияния — в темноте тварь видела гораздо лучше, чем он. А тварь появилась сразу же — во мраке блеснули большие желтые зубы, но не было ни единого звука — порождения тьмы и тишины, серые обезьяны Вилайета были немыми. Но на ее расплывшейся морде было выражение отвратительного торжества.

Конан стоял наготове, хладнокровно ожидая приближающееся чудовище. Он знал, что его жизнь зависит от одного-единственного удара ножом, потому что для следующего не хватит времени, его не хватит даже для того, чтобы отскочить после удара. Первый удар должен ее убить и убить сразу. Он оглядел ее короткую толстую шею, мохнатый живот и мощную грудь, как бы составленную из двух щитов. Нужно целиться в сердце — лучше рискнуть тем, что лезвие скользнет по ребрам, чем попасть в место менее надежное. Полностью владея собой, Конан соразмерил свою силу, реакцию глаза и руки со скоростью и силой мохнатого

людоеда. Он должен столкнуться грудь в грудь, нанести смертельный удар и ждать, выдержат ли его кости миг неизбежного объятья.

И когда обезьяна напала на него, широко раскинув лапы, он проскользнул между ними и ударил со всей силой отчаяния. Он почувствовал, что лезвие вошло по рукоять в косматую грудь; он отпустил рукоятку, собрал все тело в сплошной узел мускулов и ударил коленом в низ живота твари, а потом попробовал силой сдержать смертельное объятие.

Какое-то время он чувствовал, что сила, подобная землетрясению, разрывает его на куски — и вдруг освободился. Он лежал на теле чудовища, которое с вытаращенными кровавыми глазами и дрожащей в груди рукоятью кинжала испускало последний вздох. Удар достиг цели.

Дрожа всем телом, Конан дышал, как после долгой схватки. Ему казалось, что кости его вырваны из суставов, он чувствовал страшную боль в мышцах, а из ран, которые оставили когти чудовища, текла кровь. Если бы обезьяна прожила на одну минуту дольше, она наверняка разорвала бы его. Но киммериец выдержал испытание, которое очень многим стоило бы жизни.

6
УДАР НОЖА

Конан нагнулся и вырвал лезвие из груди чудовища. Потом стал быстро подниматься по лестнице. Он даже не пытался представить, какие еще опасности может таить темнота — с него достаточно было и этой. Смертельная схватка исчерпала даже его силы. Бледнели пятна лунного света на полу, тьма сгущалась, и что-то, подобное паническому страху, подгоняло его. Он облегченно вздохнул, когда достиг вершины и сумел повернуть ключ в замке. Дверь легко открылась, и он выглянул из-за нее, ожидая нападения со стороны врага в человеческом либо ином обличье.

Перед ним был мрачный, плохо освещенный коридор и стоящая перед дверями тонкая гибкая фигура.

— Ваше величество! — это был низкий, дрожащий вскрик, то ли облегчения, то ли испуга. Девушка бросилась к нему и остановилась.

— Кровь! — сказала она. — Ты ранен.

Он беспечно махнул рукой.

— Эти царапины не повредили бы и ребенку. Однако ножик твой мне пригодился. Если бы не он, Тараскова макака расщепляла бы сейчас мои кости в поисках мозга. Что дальше?

— Иди за мной, — прошептала она. — Я провожу тебя за городскую стену — там спрятан конь.

Она повернулась, чтобы повести его в глубь коридора, но он положил свою тяжелую руку на ее обнаженное плечо.

— Иди рядом, — сказал он тихо, обнимая ее могучей рукой. — Думаю, что доверять тебе можно — до сих пр ты вела честную игру, но, по правде сказать, я и дожил-то до нынешнего дня только потому, что не слишком доверял ни мужчинам, ни женщинам. И если ты меня сейчас предашь, то порадоваться своей шутке тебе уже не придется.

Она не вздрогнула ни при виде окровавленного кинжала, ни от его мускулистого прикосновения.

— Если я тебя обману, убей меня без всякой жалости, — ответила она. — Я чувствую твою руку на моем плече, словно сбылся волшебный сон.

Сводчатый коридор закончился дверью, она открыла ее. За дверью лежал черный гигант в тюрбане и шелковой набедренной повязке, а рядом валялся его ятаган. Он даже не двинулся.

— Я дала им наркотик в вине, — прошептала она, обходя лежащую фигуру. — Это — последний страж подземелья, и пост у него самый дальний. Отсюда никто до сих пор не убегал и никто не приходил, стражу здесь несут только эти чернокожие. И только они из всех дворцовых слуг знают, что Ксальтотун привез на своей колеснице как пленника короля Конана. Другие девушки спали, а я не знала сна и смотрела из верхних окон на двор, потому что знала, что произошло сражение, и боялась за тебя...

Я видела, как тебя несли по лестнице, и узнала тебя при свете факела. В эту часть дворца я пробралась как раз вовремя и успела увидеть, что тебя несут в подземелье. А весь день ты пролежал в зале Ксальтотуна, оглушенный наркотиком.

О, нужно быть начеку! Странные дела творятся во дворце! Рабы болтают, что Ксальтотун, как обычно, усыпил себя стигийским лотосом, но вернулся Тараск. Он тайно прибыл, завернувшись в длинный дорожный плащ, в сопровождении лишь своего оруженосца, тощего молчальника Аридея. Я ничего не понимала, но чувствовала страх...

Они дошли до подножия узкой винтовой лестницы и, поднявшись наверх, прошли через щель, открывшуюся в стенной нише. Когда они оказались на другой стороне, щель снова закрылась, и стена казалась сплошной. Теперь они попали в широкий коридор, устланный коврами и увешанный гобеленами. Ярко горели лампы под потолком.

Конан внимательно прислушивался, но во всем дворце не слышно было ни единого звука. Он не знал, в какой части дворца они находятся и где расположен зал Ксальтотуна. Девушка, проводя его коридором, дрожала. Наконец они остановились перед пологом,

закрытым бархатными шторами. Раздвинув их, Зенобия показала, чтобы он вошел в нишу, и прошептала:

— Подожди здесь! За теми дверями в конце коридора в любую минуту можно наткнуться на раба или евнуха. Сначала я проверю, свободна ли дорога.

Снова в нем проснулась подозрительность:

— Ты привела меня в ловушку?

Из ее темных глаз брызнули слезы. Она упала на колени и схватила его могучую ладонь.

— О, мой король, не отказывай мне в доверии! — голос ее дрожал. — Если ты сейчас заколеблешься или усомнишься, мы погибли! Зачем бы мне было выводить тебя из подземелья, чтобы предать сейчас?

— Ладно, — буркнул он. — Я доверюсь тебе, хотя, клянусь Кромом, жизненные привычки менять нелегко. Во всяком случае, я не причиню тебе вреда, если даже ты наведешь на меня всех головорезов Немедии. Потому что, если бы не ты, Тараскова обезьяна напала бы на меня, безоружного и скованного. Делай, что хочешь, девочка.

Она поцеловала его руку, вскочила и побежала по коридору, чтобы исчезнуть за тяжелой двустворчатой дверью.

Он глядел ей вслед и думал о том, что, возможно, свалял дурака, доверившись, потом пожал могучими плечами и задернул шторы в своем укрытии. В том, что молодая прекрасная девушка рискует жизнью, чтобы помочь ему, не было ничего удивительного — такое бывало в его жизни довольно часто. Многие женщины бросали на него призывные взгляды — и в дни его странствий, и в дни правления.

Ожидая ее возвращения, Конан не бездействовал. Повинуясь инстинкту, он обследовал нишу в поисках другого выхода и нашел его — замаскированный ковром узкий проход, ведущий к дверям, покрытым искусной резьбой, слабо видимым в свете, чуть просачивающемся из основного коридора. Именно из-за этих дверей послышался вначале звук повернувшегося ключа, потом низкий гул голосов. Один голос звучал знакомо, и по смуглому лицу Конана пробежала гримаса отвращения. Не колеблясь, он покинул укрытие и, подобно пантере, идущей по следу, притаился у самой двери. Она не была закрыта на засов, и он осторожно и аккуратно сумел открыть ее. Он действовал, не думая о возможных последствиях и надеясь только на себя.

С другой стороны дверь прикрывала штора, но сквозь крохотное отверстие в бархате он разглядел комнату при свете свечи, стоящей на столе черного дерева. В комнате было двое мужчин: один — покрытый шрамами разбойник в кожаных штанах и потрепанном плаще, другой — Тараск, король Немедии.

Тараск казался встревоженным — бледный, он то и дело озирался, словно бы ожидая какого-то звука или шума шагов и вместе с тем боясь их услышать.

— Ступай тотчас же, — говорил он. — Он... сейчас он в наркотическом сне и неизвестно, когда пробудится.

— Удивительное дело — услышать страх в словах короля Тараска, — отвечал его собеседник хриплым голосом.

Король нахмурился.

— Ты хорошо знаешь, что смертных я не страшусь. Но после того, как я увидел над Валькией падающие скалы, я понял, что демон, которого мы воскресили, вовсе не шарлатан. Я боюсь его силы, ибо не знаю ее пределов. Но ясно, что она каким-то образом связана с той проклятой штукой, которую я у него взял. Она вернула его к жизни, она и является источником его волшебного могущества.

Он хорошо ее спрятал, но раб, следивший за ним по моему тайному приказу, видел, что он кладет ее в золотой ящик и ящик этот прячет. Но я не решился бы украсть эту вещь, если бы Ксальтотун не спал сном черного лотоса.

Я верю, что именно в ней сила Ксальтотуна. С ее помощью Ораст вернул ему жизнь. С ее помощью, если мы не примем мер, он обратит всех нас в рабов. Поэтому возьми ее и брось в море, как я велел. И сделай это в достаточном отдалении от берега, чтобы шторм или прилив не вынесли ее обратно. Тебе уже заплатили.

— Это правда, — сказал грабитель. — Но, король, это не все: я в долгу перед тобой. Даже воры умеют быть благодарными...

— Да, кое-что ты мне действительно должен, — ответил Тараск, — но все долги будут оплачены, когда ты бросишь этот предмет в пучину.

— Я поеду в Зингар, чтобы сесть на корабль до Кордавы, — сказал проходимец. — Я ведь не смею даже ступить на землю Аргоса — уж больно сурово смотрят там на убийство.

— Так или иначе, делай свое дело. В путь; лошадь ждет на дворе. Пошел, живей!

Что-то перешло из рук в руки, сверкнув при этом, как пламя, — Конан едва успел его увидеть. Потом грабитель надвинул капюшон на глаза, закутался в плащ и поспешно покинул комнату. И едва закрылась за ним дверь, Конан бросился вперед, охваченный жаждой крови. Сдержать себя он не сумел. При виде врага на расстоянии протянутой руки кровь закипела в его жилах, всякие сомнения, всякая осторожность были отброшены.

Тараск повернулся уже к выходу, когда Конан, оборвав штору, ворвался в комнату, как разъяренная пантера. Тараск обернулся,

и, прежде чем он смог узнать напавшего, кинжал Конана вонзился в него.

Но уже в момент удара Конан знал, что рана не смертельна. Ступня его запуталась в шторе и помешала сделать полный шаг. Острие кинжала вонзилось в плечо Тараска и прошло по ребрам. Король Немедии закричал.

Сила удара и тяжесть тела киммерийца швырнули его на стол, стол перевернулся, и свеча погасла. Оба рухнули на пол, путаясь в складках материи. Конан наносил удары вслепую, а Тараск визжал от нестерпимого ужаса, но страх придал ему нечеловеческую силу, он сумел вырваться и побежать во тьму с криком:

— На помощь! Стража, Аридей! Ораст! Ораст!

Конан поднялся, пинком отбросил обломки стола и с великой досадой выругался. Внутреннего расположения дворца он не знал. Вдали все еще слышались вопли Тараска, ответом на них был дикий, безумный рев. Немедиец скрылся во тьме, и Конан даже не знал, в какую сторону. Итак, удар мести был неверным, и теперь оставалось только спасать собственную шкуру, если это еще было возможно.

Отчаянно ругаясь, Конан миновал проход и поглядел из ниши в освещенный коридор. Именно в этот момент появилась испуганная Зенобия.

— Что случилось? — крикнула она. — Весь дворец всполошился! Клянусь, я не предавала тебя...

— Нет, это я сам разворошил осиное гнездо, — буркнул он. — Хотел свести кое-какие счеты. Как отсюда побыстрее убраться?

Она схватила его за руку и потащила по коридору. Однако, прежде чем они успели добежать до противоположных дверей, оттуда послышались приглушенный крики, и косяки задрожали от ударов изнутри. Зенобия заломила руки и воскликнула:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я закрыла двери на засов. Сейчас они их выломают, а как раз этот путь ведет к боковым воротам.

Конан обернулся. С противоположной стороны коридора также доносился шум погони.

— Туда! Быстро! — крикнула девушка, пробежала по коридору и открыла дверь одной из комнат.

Конан вбежал за ней и закрыл золоченый засов. Они оказались в богато убранной палате. Зенобия подтащила его к окну с позолоченными решетками, за которыми виднелись деревья и кусты.

— Ты сильный, — сказала она, задыхаясь, — если ты сумеешь справиться с этой решеткой, то еще сможешь бежать. В саду полно стражников, но ты сумеешь пройти незаметно — заросли густые. Южная стена одновременно является и внешней городской стеной.

Если ты преодолеешь ее, у тебя будет возможность бежать. Твоя лошадь ждет тебя в небольшом леске возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса. Знаешь, где это?

— Знаю. Но что будет с тобой? Я бы взял тебя с собой.

Лицо ее засияло счастьем.

— Чаша моей радости переполнена! Но я не задержу твоего бегства. Нет, не бойся за меня. Никто и не подумает, что я помогала тебе по своей воле. Иди же! А твои слова будут освещать мою жизнь долгие годы.

Он схватил ее в свои железные объятья, крепко прижал к себе тоненькое тело и начал целовать в глаза, в щеки, в шею и в губы так жадно, что девушка почти потеряла сознание — такими бурными, как ураган, были его ласки.

— Я пойду, — прорычал он. — Но, клянусь Кромом, когда-нибудь вернусь за тобой!

Он обернулся, обхватил золотую раму и одним движением вырвал ее, перебросил ноги наружу и, нащупав каменные выступы стены, начал быстро спускаться. Коснувшись земли, он сразу же рванулся, чтобы раствориться в тени кустов и деревьев. Оглянувшись, он увидел в окне Зенобию, поднявшую руку в немом жесте прощания.

Стражники — рослые мужи в блестящих доспехах и начищенных шлемах с гребнями — бежали к дворцу, навстречу нараставшему гулу. Отблеск звезд на амуниции выдавал каждый их шаг, не говоря уже о лязганьи металла. Выросшему в глуши Конану этот шумный галоп через заросли напомнил переполох в коровьем стаде. Некоторые из них пробежали всего в нескольких шагах от его укрытия. Устремившись в сторону дворца, они ничего не замечали. Когда шум миновал, он поднялся и побежал через сад тихо, как пантера.

Так он вскоре достиг стены и поднялся по лестнице на парапет. Южная стена была неприступной только снаружи. Никаких патрулей не было видно. Конан еще раз оглянулся на возвышающийся над кипарисами дворец. Все окна были освещены, тут и там бегали люди, словно марионетки на невидимых веревочках. Конан сделал зверское лицо и погрозил на прощание огромным кулаком, а потом спрыгнул вниз.

Несколькими футами ниже всю тяжесть тела Конана приняла на себя ветвь невысокого дерева, растущего под стеной. Через минуту киммериец двинулся сквозь тьму свободным шагом горца, привыкшего быстро преодолевать любые расстояния.

Стены Бельверуса были окружены садами и летними резиденциями знати. Сонные рабы, опирающиеся на длинные копья, не заметили быструю согбенную фигуру, перепрыгивающую через

ограды, пересекающую аллеи, сады и виноградники. Только цепные собаки отозвались громким лаем, то ли почуяв, то ли просто угадав инстинктом мрачный силуэт, скрывшийся вдали.

В своей комнате Тараск извивался и сыпал проклятия на окровавленном диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. По дворцу сновали туда-сюда слуги с вытаращенными от страха глазами, но в зале, где лежал король, не было никого, кроме него самого и жреца-отступника.

— Ты уверен, что он все еще спит? — снова и снова спрашивал Тараск, стискивая зубы от боли, причиняемой снадобьями, которыми Ораст смазывал длинную рваную рану на его плече и ребрах. — Иштар, Митра и Сет! Жжет, как кипящая смола преисподней!

— Куда ты, несомненно, попал бы, если бы не везение, — заметил Ораст. — Тот, кто держал этот нож, бил насмерть. Да, я уже сказал тебе, что Ксальтотун продолжает спать. Почему это тебя так волнует? При чем здесь это?

— Так ты ничего не знаешь о том, что случилось во дворце нынешней ночью? — Тараск устремил на жреца горящий взгляд.

— Ничего. Как ты знаешь, я несколько месяцев переписывал для Ксальтотуна эзотерические рукописи — переводил с современных языков на письмо, которое он в состоянии понять. В своей эпохе он владел многими из них, а учиться новым ему некогда — вот он и поручил мне эту работу, чтобы убедиться, не сделали ли за эти три тысячи лет каких-нибудь новых открытий. Я даже не знал, что маг прибыл, пока он не послал за мной, чтобы поведать о сражении. Потом я вернулся к своим занятиям и не знал, что и ты вернулся, и тут начался весь этот шум.

— И ты не знаешь даже, что Ксальтотун привез во дворец в качестве пленника короля Аквилонии?

Ораст покачал головой без особого удивления.

— Ксальтотун сказал мне только, что Конан больше не будет нам мешать. Я решил, что он погиб, и не стал задавать никаких вопросов.

— Я хотел убить его, а Ксальтотун спас! — заревел Тараск. — Я сразу понял, что он задумал. Он собирался держать Конана в качестве пугала для нас — Амальрика, Валерия и меня. Пока жив Конан, он опасен как сила, могущая объединить Аквилонию. Его можно использовать, чтобы убрать нас с дороги. Не доверяю я этому воскресшему пифонцу. В последнее время я его просто боюсь.

Я пустился в путь через несколько часов после его отъезда на восток — хотел посмотреть, что он собирается сделать с Конаном.

Убедился, что его посадили в подземелье. Желая, чтобы варвар, вопреки воле Ксальтотуна, погиб, я кое-что...

Раздался осторожный стук в дверь.

— Это Аридей, — сказал Тараск. — Впусти его.

Глаза мрачного оруженосца горели тревогой.

— Что, Аридей, — крикнул Тараск, — нашли человека, который напал на меня?

— Разве ты не видел его, господин? — спросил Аридей, как о чем-то общеизвестном. — Разве ты не узнал его?

— Нет. Все произошло так быстро, да и свеча погасла... Я только успел подумать, что Ксальтотун прислал этого демона мне на погибель.

— Пифонец спит у себя за решетками и засовами. Но я был в подземелье, — худые плечи Аридея дрожали от волнения.

— Ну! Говори, парень! — нетерпеливо вскричал Тараск. — Что ты там нашел?

— Пустую темницу, — прошептал слуга, — и дохлую обезьяну.

— Что? — Тараск резко поднялся, из его раны хлынула кровь.

— Точно так! Людоед валяется с пробитым сердцем, а Конан сбежал!

Лицо Тараска стало серым, он безвольно дал Орасту уложить себя на прежнее место, и жрец снова занялся израненным телом короля.

— Конан... — повторил он. — Конан, а не истерзанный труп... Бежал! О, Митра! Да это не человек, а дьявол в людском обличье! А я думал, что за этим стоит Ксальтотун. Теперь я все понял. Боги и демоны! Меня поразил Конан! Эй, Аридей!

— Слушаюсь, ваше величество!

— Обыскать каждый уголок дворца. Может быть, он и сейчас крадется по коридорам, словно голодный тигр. Пусть ни одна мелочь не ускользнет от вашего внимания. И будьте осторожны: вы охотитесь не на цивилизованного человека, а на озверевшего и кровожадного варвара, сильного и опасного, как дикий зверь. Прочешите дворец и все вокруг него. Вдоль стен поставить стражу. Если убедишься, что он покинул город, а он уже несколько раз мог бы это сделать, возьми конный отряд и догони его. Там, за стенами, вы погоните его, как горного волка. Спеши, может быть, его еще можно поймать.

— Эта задача требует большего, чем людское, умения, — заметил Ораст. — Может быть, нам снова следует обратиться за помощью к Ксальтотуну?

— Нет! — в ужасе закричал Тараск. — Пусть воины преследуют Конана, а когда настигнут, — зарубят. Ксальтотун не сможет упрекнуть нас за то, что пленник убит при попытке к бегству.

— Что ж, — сказал Ораст. — Хоть я и не из Ахерона, но кое-каким магическим искусством владею — могу, например, управлять некоторыми духами, воплотившимися в телесную оболочку. Может быть, я смогу вам помочь.

Фонтан Траллоса бил среди ветвистых дубов, росших вдоль дороги примерно в миле от городских стен. В ночной тишине Конан услыхал мелодичный звон его струй. Он вволю напился ледяной воды и направился на юг, заметив густую рощицу. Обошел ее и увидел большого белого жеребца, привязанного в зарослях. Конан глубоко вздохнул и сделал еще два шага, но издевательский смех за спиной заставил его обернуться. Взгляд его был страшен.

Из тени вышла фигура в латах, матово блестевших. Это был не один из разодетых, украшенных перьями дворцовых стражников, а высокий человек в боевом шлеме и серой кольчуге — странствующий воин из особой касты немедийских солдат. Входили в нее люди, не достигшие еще рыцарских привилегий либо изгнанные из этого сословия — закаленные рубаки, посвятившие жизнь войне и приключениям. Время от времени они собирались в отряды и не подчинялись никому, кроме короля. Конан знал, что более опасного противника ему вряд ли удалось бы встретить.

Поглядев по сторонам, король убедился, что солдат один, набрал воздуха в легкие, встал поудобнее и напряг мышцы.

— Я ехал в Бельверус с поручением от Амальрика, — говорил воин, осторожно приближаясь. Звезды отражались на лезвии его приготовленного к бою обоюдоострого меча. — И услышал, что в роще храпит конь. Сошел с дороги — проверить, в чем дело. К чему бы здесь этот конь, подумал я, решил разобраться — и вот какая редкая птица попала в мой силок!

Люди, подобные ему, зарабатывали на жизнь мечом.

— Я знаю тебя, — сказал немедиец. — Ты — Конан, король Аквилонии. Вроде бы я видел, как ты погиб в долине Валькии, а вот поди ж ты...

Конан прыгнул, как смертельно раненный тигр. Его противник, человек, несомненно, опытный, все же не мог тягаться с варваром в быстроте движений. Он успел только занести меч, когда кинжал короля вонзился ему в шею возле ключицы и дошел до сердца. Немедиец захрипел, зашатался и рухнул на землю. Конан равнодушно извлек свое оружие. Почуяв запах крови, жеребец стал храпеть и рваться с привязи.

Угрюмо глядя на поверженного противника, Конан застыл, как статуя, с кинжалом в руке. Пот выступил на его груди. Он внимательно вслушивался в тишину, но, кроме свиста разбуженных

птиц, никаких звуков поблизости не было слышно. Зато в стороне дворца оглушающе зазвенели трубы.

Конан наклонился над убитым и быстро обыскал его. Если тот и вез какой-нибудь приказ, то, наверное, словесный. Король не медлил. До утра было не так уж далеко. Через несколько минут по белой дороге в западную сторону проскакал белый конь, а всадник его был облачен в серые доспехи немедийского странствующего воина.

7
ЗАВЕСА ПРИПОДНЯЛАСЬ

Конан понимал, что спасение его — в скорости. Он даже не пытался найти где-нибудь поблизости укрытие, понимая, что, проговорись его необыкновенный союзник, Тараск сумел бы его найти. Не был он и из тех, что таятся и скрываются, — открытая погоня или прямая схватка больше соответствовали его характеру. Он знал, что пока у него есть фора во времени. Он устроит им неплохую скачку до границы.

Зенобия поступила разумно, выбрав именно этого коня. Он сразу показал и скорость, и выносливость. Девушка знала толк в лошадях, в оружии и, не без гордости отметил Конан, в мужчинах. Конь мчался на запад, оставляя позади милю за милей.

Король ехал через спящую страну, мимо укрытых в рощах деревушек, посреди полей и садов, домиков с белеными стенами, но по мере продвижения на запад они встречались все реже. Чем более гористой становилась местность, тем меньше было деревень, а угрюмо глядевшие с возвышений замки говорили о столетиях пограничных войн. Однако из этих крепостей никто не выезжал, чтобы задержать его или окликнуть. Хозяева их ушли под знаменами Амальрика, их геральдические флажки трепетали теперь над равнинами Аквилонии.

Оставив за собой очередную спящую деревушку, Конан свернул с дороги, которая пошла на северо-запад, к далеким перевалам. Ехать по ней дальше означало нарваться на пограничную стражу, да и солдатни там полно. Правда, сейчас границу не патрулируют, как в мирное время, но и стража осталась, и военные эскорты везут раненых на повозках, запряженных буйволами.

Эта дорога, выходящая из Бельверуса, была единственной, пересекавшей границу на пятьдесят миль к северу и югу. Она шла через цепь скалистых перевалов, окруженных малолюдными горными районами. Конан держал направление строго на запад, собираясь пересечь границу как раз в таком глухом горном районе к югу от дороги. Ехать напрямик было тяжелее, зато путь был

короче и безопасней для преследуемого беглеца, потому что один всадник может пройти там, где окажется бессильной большая армия.

Но к рассвету он еще не успел достигнуть гор; они появились, как растянувшийся вдоль горизонта серо-голубой защитный вал. Здесь не было ни изгородей, ни деревень, ни особняков, окруженных садами. Утренний ветер колыхал высокую жесткую траву, на отдаленном пригорке угрюмо возвышались стены укрепления. Земля эта в недавние времена слишком часто подвергалась набегам из Аквилонии, чтобы быть так же густо населенной, как области, лежащие к востоку.

Рассвет летел по травам, словно степной пожар, а в небе раздавался испуганный крик диких гусей, которые растянулись клином, устремленным на юг. В долине, где трава была наиболее сочной и густой, Конан остановился и расседлал запаленного и вспотевшего коня.

Покуда измученный жеребец жевал траву, Конан улегся на вершине холма и стал глядеть на восток. Слева лежала оставленная им дорога, она казалась отсюда белой лентой, и по ней пока не двигались тревожные черные точки. Похоже, что и обитатели укрепления не заметили одинокого всадника.

Часом позже все было по-прежнему спокойно. Единственными признаками жизни были блеск оружия на далекой крепостной стене да ворон в небе, который то опускался, то взлетал, словно что-то искал. Конан оседлал коня и поехал медленнее.

Он уже добрался до противоположного края хребта, когда над его головой раздался хриплый крик: подняв голову, король увидел ворона. Он махал крыльями и без отдыха каркал, а когда Конан двинулся дальше, полетел за ним, не отставая ни на шаг и оглушая округу своим резким криком.

Так прошло несколько часов. Конан в ярости скрежетал зубами и готов был отдать половину своего королевства, лишь бы свернуть этой птичке шею.

— Ад и дьяволы! — рычал он в бессильном гневе и грозил ворону закованным в броню кулаком. — Что ты ко мне привязался со своим карканьем! Сгинь, черное отродье беды, лети себе да клюй зерно в засеянных полях!

Он уже начал спускаться с первой цепи холмов, когда ему послышалось эхо птичьих криков где-то вдали, за спиной. Повернувшись в седле, он углядел повисшую в небе следующую черную точку. А за ней — блеск полуденного солнца на стали. Это могло означать только одно: солдаты. И двигались они не горной дорогой, которая осталась далеко за горизонтом. Они шли по его следу.

Пот выступил на его лице, когда он смотрел на кружащуюся в небе птицу.

— Э, значит, это не причуды безмозглого клубка перьев, — сказал он себе. — Те всадники не могут видеть тебя, чертово семя, но тебя видит та птица, а они ее. Ты следишь за мной, она за тобой, а они за ней. То ли ты просто вышколенная пернатая тварь, то ли демон в птичьей плоти? Не Ксальтотун ли послал тебя по моему следу? А может, ты и есть Ксальтотун?

Ответом ему был только издевательский хриплый крик.

Не тратя больше сил на проклятия черному шпиону, Конан начал долгий подъем в гору. Он не решился гнать коня, как вначале: слишком мало отдыха у него было. Но все-таки он еще значительно опережал преследователей, хотя расстояние, несомненно, начало сокращаться. Своих усталых коней они наверняка сменили в каком-нибудь замке.

Дорога становилась все труднее, местность была неровной, начинался лес. Если бы не чертова птица, неустанно кружащая над головой, здесь можно было бы укрыться от преследователей. За холмами и пригорками их не было видно, но шли они наверняка прямо за ним, направляемые своими пернатыми союзниками. Эти твари казались королю посланцами ада. Камни, которые он с проклятиями швырял в небо, либо летели мимо, либо не причиняли ворону вреда. А в молодости случалось Конану сбивать сокола на лету!

Конь быстро устал, и король начал понимать всю безнадежность своего положения. За всем этим виделась неумолимая рука судьбы. Бегство не удалось. Он оставался таким же узником, как в подземельях Бельверуса. Однако он не был и сыном Востока, чтобы покорно принимать предназначение. Если оторваться не удастся, он захватит с собой в вечность несколько врагов. Въехав в густые заросли тиса на склоне, он стал выбирать место для последнего боя.

Вдруг где-то впереди послышался громкий крик — человеческий, хоть и какой-то странный. Конан раздвинул ветви и понял, откуда этом крик раздается. На небольшой поляне внизу четверо солдат в немедийских кольчугах надевали петлю на шею высохшей старухи в сельской одежде. Лежавшая поблизости вязанка показывала, что старуха собирала хворост, когда на нее напали мародеры.

Молча глядя на мерзавцев, волокущих ее к дереву, толстые низкие ветви которого должны были служить виселицей, Конан почувствовал, как в нем медленно нарастает гнев. Час тому назад он перешел границу. Он, король, стоял на своей собственной земле и глядел, как убивают одну из его подданных. Старуха сопротивлялась на удивление бойко, чтобы время от времени издать тот самый удививший его крик. Как бы передразнивая его, в небе закаркал ворон. Солдаты хрипло захохотали, а один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул со своего измученного коня и, в несколько прыжков преодолев склон, спрыгнул вниз, гремя доспехами. Четверка сейчас же обернулась, доставая мечи, и уставилась на гиганта в броне, который появился перед ними с мечом в руке.

Конан рассмеялся, но глаза его были каменными.

— Собаки! — сказал он без гнева, но неумолимо. — С каких это пор немедийские шакалы занялись ремеслом палачей и вешают моих подданных по своему хотению? Сначала вы должны снять голову с их короля! Он перед вами!

Солдаты неуверенно глядели на него.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал бородатый разбойник. — Одет, как немедиец, а выговор у него аквилонский!

— А какая разница? — отозвался другой. — Вот зарубим его, а потом уж повесим старую ведьму.

И он бросился на Конана, подняв меч. Но опустить его не удалось: широкое лезвие королевского клинка упало, как молния, и разрубило шлем вместе с черепом. Нападавший упал, но остальных это не остановило. Как волки с высунутыми языками, окружили они фигуру в серой броне, и в лязге стали затих крик кружащегося ворона.

Конан бился молча. Глаза его горели, как раскаленные добела угли, на губах сияла презрительная улыбка, двуручный меч ударял то вправо, то влево. Несмотря на могучее сложение, король был гибок, как кошка. Почти все удары противника приходились мимо, сам же он бил, крепко стоя на ногах, и меч его обладал разящей силой. Уже трое врагов лежали на земле в лужах крови, четвертый же, покрытый многочисленными ранами, беспорядочно отступал, кое-как отбивая удары. И тут-то шпора Конана зацепилась за плащ одного из убитых.

Король покачнулся, и, прежде чем он обрел равновесие, отчаявшийся немедиец атаковал его так яростно, что Конан упал прямо на мертвое тело. Издав торжествующий клич, немедиец бросился вперед и, широко расставив ноги для верности и силы удара, обеими руками занес справа свой длинный меч. Но в этот момент что-то большое и косматое пролетело, как молния, над телом короля, с силой ударилось в грудь немедийца, и его победный крик перешел в вой умирающего.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник лежит с вырванным горлом, а над ним стоит большой серый волк и обнюхивает, опустив голову, кровь на траве.

Старуха окликнула его, и король повернулся. Была она высокая и прямая, с резкими чертами лица и проницательными черными глазами. Несмотря на одежду, она вовсе не походила на простую крестьянку. Старуха поманила волка, и он покорно подошел и стал тереться о колено хозяйки, как большая собака. Его яростные глаза

были устремлены на Конана. Она же положила руку на могучий загривок зверя и тоже глядела на короля Аквилонии. Зрелище это его поразило, но ничего плохого для себя он не ждал.

— Говорят, что король Конан погиб, засыпанный землей и камнями, когда склоны рухнули над Валькией, — сказала женщина глубоким звучным голосом.

— Пусть говорят, — проворчал он. Времени на разговоры не было, потому что погоня приближалась с каждой минутой. Ворон над головой пронзительно кричал, и Конан невольно взглянул вверх, заскрежетав зубами от злости.

Белый конь, опустив голову, стоял на краю обрыва. Женщина поглядела на него, перевела взгляд на ворона, а потом испустила тот же самый загадочный крик. Как бы подчинившись приказу, ворон переменил направление и полетел на восток. Но прежде, чем он скрылся из виду, тень огромных крыльев пала на него. Это из гущи деревьев поднялся орел и, напав сверху на черного разведчика, пригвоздил его к земле. Предательский крик навсегда затих.

— Во имя Крома, — сказал Конан, глядя на старуху. — Неужели и ты чародейка?

— Мое имя Зелата, — ответила она. — Люди из долины называют меня ведьмой. Дети тьмы вели солдат по твоему следу?

— Да! — Этот ответ не показался ей слишком удивительным. — И они уже где-то поблизости.

— Возьми коня и ступай за мной, король Конан, — сухо сказала она.

Он без слов забрался на скалу и по более пологому склону свел коня на поляну. И увидел орла, слетавшего с небес прямо на плечо Зелате: птица осторожно двигала огромными крыльями, словно боясь, что ее тяжесть пригнет хозяйку к земле.

Старуха двигалась молча, орел сидел на плече, волк ступал сбоку. Извилистый путь вел через густые заросли, по крутым тропинкам, по заросшим краям глубоких оврагов, и, наконец, по узкому карнизу над обрывом они дошли до странного жилища — то ли избы, то ли пещеры, вырытой под скалами. Орел взлетел на каменный козырек неподвижным часовым.

Продолжая молчать, Зелата завела коня в ближайшую пещеру, где его ждали куча травы и бьющий в углу источник.

Короля она усадила в доме на грубой лавке, покрытой невыделанными шкурами, сама же села за низкий столик перед очагом, раздула огонь, бросила несколько поленьев и приготовила небогатое угощение. Огромный волк дремал рядом с ней, вытянув морду к огню, волку что-то снилось, потому что уши его время от времени вздрагивали.

— Не страшно ли тебе гостить у ведьмы? — прервала она наконец молчание.

Нетерпеливое движение покрытых серой кольчугой плеч было ей ответом. Она подала ему деревянную миску, доверху наполненную сушеными овощами, сыром и ячменным хлебом, и большой жбан крепкого горского пива.

— Печальная тишина горных вершин мне милей, чем шум городов, — говорила она. — Дети лесов добрее детей человеческих, — она хлопнула по загривку спящего волка. — Дети мои находились сегодня далеко от меня, поэтому и понадобился твой меч. Но они все же пришли на зов.

— Чего хотели от тебя эти немедийские ублюдки? — спросил Конан.

— Мародеры расползлись по всей стране, от границ до самой Тарантии, — ответила она. — Эти глупцы в долине, желая отвлечь их внимание от своих домов, сказали, что у меня спрятано золото. Вот чего им было нужно. Однако здесь тебя не найдут ни мародеры, ни те, кто тебя преследует, ни вороны.

Он кивнул, жадно поглощая пищу.

— Я направляюсь в Тарантию.

— И сунешь голову прямо в пасть дракона. Ищи убежище за границей. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Проигранная битва не означает поражения в войне, и королевства не теряют после одной неудачи.

— И ты поедешь в Тарантию?

— Да, Просперо отстоит ее от Амальрика.

— Ты уверен?

— Ад и дьяволы, женщина! — в гневе вскричал он. — А как же?

Она покачала головой.

— Думаю, ты не прав. Посмотрим. Нелегко приподнять завесу, но я сделаю это для тебя, чтобы ты мог полюбоваться на свою столицу.

Конан не заметил, что она бросила в огонь, но большой волк завыл во сне, а хижина стала наполняться зеленоватым дымом. И король увидел, как стены и потолок стали удаляться, уменьшаться и наконец исчезли, слившись с бесконечностью; его окутывал сплошной дым. В нем появлялись и пропадали какие-то образы, пока вдруг не возникла четкая картина.

Он смотрел на дома и улицы Тарантии, заполненные шумными толпами, и одновременно видел знамена Немедии, неумолимо двигавшиеся на запад сквозь огонь и дым опустошаемой страны. На главной площади Тарантии кипела возбужденная толпа, раздавались крики, что король погиб, что бароны, воспользовавшись этим, снова раздробят страну, что власть короля, даже такого, как Валерий, лучше, чем безвластие. Просперо, пытаясь успокоить людей,

говорил, что следует подчиниться графу Троцеро, идти на городские стены и помогать рыцарям. Они набросились на него и кричали, что сам он — наемник Троцеро и враг еще худший, чем Амальрик; в рыцаря полетели оскорбления и камни.

Видение затуманилось, как бы показывая, что прошло какое-то время, и Конан увидел, как Просперо и его рыцари покидают город и направляются на юг. Тарантия пришла в смятение.

— Глупцы! — прорычал Конан сквозь зубы. — Глупцы! Почему они послушали Просперо? Зелата, если ты надо мной вздумала шутки шутить...

— Все это в прошлом, — не обратив внимания на его слова, сказала Зелата. — Ты увидел вечер, когда Просперо покинул Тарантию, а войска Амальрика шли по пятам за ним. С городских стен были видны дымы пожаров там, где прошли захватчики. После захода солнца немедийцы вошли в столицу, не встретив никакого сопротивления. Гляди! Это королевский дворец...

И Конан вдруг увидел большой тронный зал. Валерий в горностаевой мантии стоял на возвышении, Амальрик же, все еще в покрытых кровью и пылью доспехах, возлагал на его златокудрую голову массивный обруч — корону Аквилонии. Собравшиеся издали радостный крик; шеренги закованных в сталь немедийских солдат понуро глядели на торжество, а те высокородные дворяне, что были в немилости при дворе Конана, гордо проносили по залу герб Валерия.

— Во имя Крома! — прорычал Конан, вскакивая и сжимая тяжелые молоты своих кулаков. Лицо его налилось кровью. — Немедиец венчает этого предателя короной Аквилонии... в тронном зале Тарантии!

Словно бы испугавшись конановых проклятий, дым начал рассеиваться, покуда король не увидел в полумраке блестящие глаза Зелаты.

— Ты сам видел — жители столицы пустили по ветру свободу, которую ты завоевал для них мечом и потом, сами себя отдали в лапы мясников. Можешь ли ты рассчитывать на них, думая вернуть королевство?

— Они думали, что я убит, — сказал Конан, понемногу обретая равновесие. — А наследника у меня нет. Ну, хорошо, немедийцы захватили Тарантию. Ведь остались провинции, бароны и крестьянский люд. Пустую славу добыл Валерий...

— Ты упорен, как и надлежит воину. Я не могу показать тебе будущего, даже не все в прошлом мне подвластно. Хотя... Я ничего тебе не показывала. Я только подвела тебя к окну, завесу над которым приподняли неведомые силы. Хотел бы ты заглянуть в минувшее, чтобы постигнуть источник нынешних событий?

— Хочу! — И Конан сел на место.

И снова заклубился зеленый дым. И снова появились перед ним картины, на этот раз не связанные между собой. Он увидел гигантские каменные стены, скрытые во мраке постаменты с изображениями отвратительных божеств. Во мраке двигались люди — темнокожие, жилистые, в алых набедренных повязках из шелка. Они шли по огромному черному коридору и несли саркофаг из зеленой яшмы. Картина переменилась прежде, чем Конан понял, в чем дело. Теперь появилась пещера — мрачная, темная, полная неясной угрозы. На алтаре из черного камня лежала золотая шкатулка, сделанная в виде раковины. Несколько человек из прежнего видения прокрались в пещеру и схватили золотую шкатулку. Потом поднялся вихрь теней, и Конан не смог рассмотреть, что случилось. Сквозь клубящийся мрак он разглядел только что-то, похожее на огненный шар. Потом дым стал всего лишь обыкновенным дымом от поленьев тамариска.

— Что бы это могло значить? — растерянно спросил Конан. — То, что я видел в Тарантии, — понятно. Но эти грабители гробниц из Заморы, которые крадутся сквозь подземелья храма Сета в Стигии? А эта пещера? Я никогда не слышал о ней, не видел во время своих странствий. Если ты уж сумела мне показать обрывки этих видений, может быть, покажешь и целое?

Зелата молча подбросила полено.

— Эти явления подчиняются неизменным законам, — сказала она наконец, — объяснить которых я не могу, потому что и сама до конца не понимаю, хотя и провела здесь, в горах, долгие годы в поисках тайного знания. Ты не найдешь во мне спасения, хотя, если бы я могла, сделала бы для тебя все. Но наступает минута, когда человек сам должен найти дорогу к своему спасению. Но, возможно, мудрость осенит меня во сне и на рассвете я смогу дать тебе ключ к тайне.

— Какой тайне? — спросил он.

— Той, которая стоила тебе державы, — ответила она. А потом бросила возле очага овечью шкуру: — Спи!

Он молча растянулся на шкуре и погрузился в глубокий, но беспокойный сон, в котором маячили немые призраки и подкрадывались чудовищные бесформенные тени. Потом он увидел на фоне пурпурного закатного горизонта высокие стены и башни некоего огромного города, неизвестного на той земле, которая была его миром. Великанские пилоны и пурпурные шпили возносились к звездам, а над ними, подобно миражу, склонилось бородатое лицо Ксальтотуна.

Конан проснулся от утреннего холодка и увидел Зелату, согнувшуюся у очага. Странно, ночью он не проснулся ни разу, хотя шум, производимый входящим или выходящим волком, должен был встревожить его. Теперь зверь снова сидел у огня, но его шерсть

была мокрой от росы. В густом мехе блестели капельки крови, на плече была рана.

Не обернувшись, Зелата кивнула головой, словно читая мысли своего царственного гостя:

— За добычей ходил он в предутренний час, и кровавой была добыча. Тот, кто охотился на короля — человек или зверь, больше никогда не выйдет на охоту.

Протянув руку за пишей, которую подала ему Зелата, Конан с уважением поглядел на огромного зверя.

— Я этого не забуду, когда снова взойду на трон, — коротко сказал он. — Ты дала мне приют. Клянусь Кромом, я уже не помню, когда ложился спать, доверившись мужчине или женщине, как нынешней ночью. А что с той загадкой, которую ты собиралась разъяснить мне поутру?

Наступила долгая тишина, которую нарушал лишь треск тамарисковых поленьев в очаге.

— Отыщи сердце своего королевства, — сказала наконец Зелата. — В нем твое поражение или победа. Сражаться тебе придется не только против смертных, но, пока ты не найдешь сердца своего королевства, ты не сможешь вернуться на трон.

— Ты имеешь в виду Тарантию?

Она покачала головой.

— Это решение, которое моими устами произносят боги. И они замкнут эти уста, если я скажу слишком много. Ты должен найти сердце своего королевства. Больше я сказать не могу. Боги распоряжаются моей речью.

Утро еще горело на вершине, когда Конан двинулся на запад. Он еще раз оглянулся на бесстрастную, как всегда, Зелату, стоящую в дверях своей хижины рядом с волком.

Весь день он ехал через горы, избегая дорог и деревень. К вечеру начал спуск и увидел раскинувшиеся перед собой равнины Аквилонии.

Изгороди и села начинались у самого подножия гор, поскольку в последние полсотни лет сама Аквилония ходила походами на восток. А теперь только пепел и развалины остались там, где вчера были дома и усадьбы.

Конан двинулся дальше сквозь наступающий мрак. Тьма хранила его неузнанным и от врага, и от друга. Устремившись на запад, немедийцы припомнили поражения. Валерий даже не пытался удержать союзников, поскольку не рассчитывал на любовь простого народа. Гигантская полоса выжженной земли начиналась у подножия гор и тянулась на запад, в глубь страны. Конан сыпал проклятиями, проезжая сквозь сгоревшие хлеба, мимо остовов

сожженных домов. Как привидение из далекого прошлого, он ехал через опустевшую и разграбленную страну.

Быстрота, с которой немедийская армия продвигалась вперед, говорила о слабом сопротивлении. Если бы Конан предводительствовал аквилонцами, враг добывал бы каждую пядь земли ценой крови. Горькая дума охватила его. Он не был законным наследником династии, одинокий искатель приключений. Даже та ничтожная частица королевской крови, которой кичился Валерий, имела для людей большее значение, чем память о Конане, о свободе и могуществе, которые он принес государству.

За горами его след не могли уже взять никакие враги. Он высматривал бродяжничающих либо идущих в тыл немедийских солдат, но не встретил ни одного. Мародеры обходили его стороной, поглядев на доспехи. Западная часть гор была богата лесами и реками, было где укрыться. Он ехал по опустошенной стране, останавливаясь лишь для того, чтобы дать отдых коню и перехватить что-нибудь из скромных запасов, что дала на дорогу Зелата, и на рассвете, лежа на берегу реки под защитой густых ив и дубов, увидел вдали, за мелкими холмами и пятнами щедрых садов, золотые башни Тарантии.

Из пустыни он въехал в край, кипящий жизнью. Теперь он двигался медленно и осторожно, через леса и редкие просеки. К вечеру он добрался до имения Сервия Галанна.

8
ПОГАСШАЯ ГОЛОВНЯ

Земли вокруг Тарантии избежали такого страшного опустошения, как восточные провинции. Правда, и здесь хватало свидетельств страшного нашествия: поваленные заборы, опустошенные поля, ограбленные амбары, но все же сталь и огонь не погуляли здесь в полную силу.

И еще одну печальную примету увидел Конан — пепел и черные камни на том месте, где недавно еще возвышалась усадьба одного из самых верных его сподвижников.

Король не решился открыто подъехать к расположенной в двух милях усадьбе Галанна. В темноте он проехал через рощу к домику сторожа. Соскочив с седла и привязав коня, он направился к толстой сводчатой двери, собираясь послать за Галанном слугу. Нарваться на целый отряд он не боялся, но ведь стоять постоем захватчики могли где угодно, в том числе и на подворье Галанна. Но подойдя ближе, он увидел, что двери хижины открываются и оттуда выходит плотно сбитая фигура в шелковых чулках и богато расшитом кафтане, и бросился по дорожке вперед:

— Сервий!

Хозяин усадьбы с возгласом недоумения обернулся и стал отступать назад при виде рослой, закованной в панцирь фигуры, выросшей перед ним во мраке, взявшись при этом за висящий на поясе охотничий нож.

— Кто ты? — спросил он. — Чего тебе... О, Митра!

Он глубоко вздохнул, и румяное его лицо побледнело.

— Изыди! — крикнул он. — Зачем ты вернулся пугать меня из серых краев смерти? Пока ты жил, я был верным твоим вассалом.

— Чего ожидаю от тебя и сейчас, — ответил Конан. — Перестань трястись, человече: я из крови и плоти.

Покрытый потом Сервий приблизился и заглянул в лицо гиганту в доспехах. Убедившись, что это правда, он опустился на одно колено и снял шляпу с пером.

— Ваше величество, это чудо, превосходящее всякую веру! Не сегодня и не вчера отзвонили по тебе колокола цитадели. Сказали, что ты погиб у Валькии во время страшного обвала.

— В моих доспехах был другой, — пояснил Конан. — Но поболтаем потом. Если на твоем столе есть, скажем, окорок...

— Прости, господин! — воскликнул Сервий, вскочил с земли. — Доспехи твои покрыты дорожной пылью, а я томлю тебя без отдыха и угощенья! О, Митра! Теперь-то я вижу, что ты жив и здоров, но, клянусь, когда я увидел тебя в темноте, кровь заледенела в моих жилах. Не очень-то приятно встретить в темноте человека, в смерти которого ты доподлинно уверен.

— Прикажи слугам заняться моим конем, что привязан за тем дубом, — сказал Конан, и Сервий кивнул и повел его по дорожке. Суеверный страх его прошел, но все равно он казался взволнованным.

— Пошлю кого-нибудь из дворни, — сказал он. — Сторож сидит в своей хижине... Но в нынешнее время опасно доверять даже слугам. Лучше будет, если о твоем появлении буду знать только я.

Они подошли к особняку. Сервий, в поведении которого было что-то паническое, через боковую дверь привел Конана через узкий, слабо освещенный коридор в просторную комнату, потолок которой был обшит дубовыми балками, а стены искусно инкрустированы деревом. В большом камине пылали поленья, огромный паштет дымился в керамической тарелке на широком столе красного дерева. Сервий задвинул массивный засов и погасил свечи в серебряном канделябре, и единственным освещением комнаты осталось пламя в камине.

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал он, — времена нынче опасные: повсюду полно шпионов. Будет лучше, если

никто не узнает тебя, заглянув в окно. Паштет этот прямо из печи — я как раз собирался поужинать, дав наставления сторожу. Если изволишь...

— Света вполне достаточно, — буркнул Конан, уселся без всяких церемоний и достал кинжал.

Ел он жадно, запивая каждый кусок большими глотками вина. Он, казалось, забыл о всякой опасности, зато хозяин на своем сиденье беспокойно вертелся, нервно перебирая пальцами звенья висящей на груди массивной золотой цепи. Он постоянно присматривался к окну и прислушивался к двери, ожидая какого-нибудь подвоха.

Покончив с ужином, Конан встал и пересел на табурет возле камина.

— Я не буду долго подвергать тебя опасности своим присутствием, — сказал он вдруг. — Утро застанет меня далеко от твоего поместья.

— Мой король... — Сервий оскорбленно вздел руки, но Конан отмахнулся от его протестов.

— Верность твоя и мужество мне известны. Упрекнуть тебя не в чем. Но если Валерий занял престол, ты сильно рискуешь, давая мне приют.

— Я недостаточно силен, чтобы вступить в открытый бой, — признался Сервий. — У меня всего пятьдесят бойцов — против него это горстка пыли. Ты же видел развалины усадьбы Эмилия Скавона?

Конан кивнул, закрыл лицо руками.

— Он был, как ты знаешь, самым могущественным вельможей провинции. Платить дань Валерию он отказался. Немедийцы сожгли его в собственном доме. То, что тарантийцы сдались без боя, лишило нас всех сил к обороне. Мы покорились, и Валерий сохранил нам жизнь, хотя наложенная им дань многих пустит по миру. А что мы могли сделать? Ты считался погибшим, много баронов убито, многие в плену. Армия разбита и рассеяна. Наследника престола нет. И нет никого, кто встал бы во главе народа.

— А граф Троцеро из Пойнтайнии? — сурово спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Действительно, его наместник Просперо вышел в поле с небольшой армией. Отступая перед Амальриком, он уговаривал народ встать под свои знамена. Но, поскольку ты считался погибшим, народ начал припоминать давние раздоры и счеты, припомнили, как Троцеро со своими воинами когда-то так же вторгся в наши провинции, как теперь Амальрик, — огнем и мечом. Бароны видели в Троцеро соперника. Какие-то люди — быть может, шпионы Валерия — шептали, что граф собирается возложить корону на себя. Вспыхнула давняя вражда между кланами. Если бы среди нас

был человек королевской крови, мы бы короновали его и пошли с ним на немедийцев. Но его не было.

Бароны, которые сохраняли тебе верность, никогда не согласились бы выбрать предводителя из своей среды — каждый считал себя не хуже соседа. Когда связка порвана, хворост рассыпается. Если бы у тебя был сын, бароны сражались бы до сих пор. Не нашлось одного-единственного звена, чтобы соединить их силы.

Купцы и мещане, убоявшись анархии и возвращения феодальных времен, когда каждый барон писал свой закон, кричали, что лучше Валерий, нежели совсем без короля, он, по крайней мере, из древней династии. И не нашлось человека, способного выйти против него, когда он под развевающимся знаменем Немедии подъехал во главе своих солдат и ударил копьем в ворота Тарантии.

Да, люди сами открыли ему ворота и пали перед ним в пыль. От помощи пойнтайнцев они отказались и кричали, что Валерий лучше, чем Троцеро, что бароны тоже пойдут за Валерием, что, покорившись ему, удастся избежать гражданской войны и ярости немедийцев. Просперо пошел на юг с десятью тысячами своих людей, и через несколько часов в город вошли немедийцы. Они его не преследовали — остались на коронацию Валерия.

— Дым колдуньи говорил правду, — сказал Конан и почувствовал, как холод пробежал по его спине. — Короновал его Амальрик?

— Да, в тронном зале, и на руках его еще не успела высохнуть кровь.

— И народ процветает под его милостивым правлением? — с гневной насмешкой спросил Конан.

— Валерий живет, как чужеземный наместник в покоренной провинции, — с горечью сказал Сервий. — При его дворе полно немедийцев, немедийцы его охраняют, в цитадели немедийский гарнизон — воистину, настал Час Дракона.

Немедийцы, гордые, как принцы крови, шляются по улицам, и не проходит дня, чтобы не обесчестили девушку или не ограбили купца. Приструнить же их Валерий либо не хочет, либо не может. Это пешка, немедийская марионетка. Самые мудрые говорили, что так и будет; вот по их и вышло.

Амальрик с сильной армией двинулся усмирять пограничные провинции, где кое-кто из баронов не признал власти Валерия. Но они разобщены, их взаимная ненависть сильнее страха перед Амальриком. Вот он их и колотит одного за другим. Поняв это, многие замки и города сдались. Сопротивлявшиеся горько о том пожалели. Немедийцы выместили на них стародавнюю злобу. Их ряды растут, усиливаются аквилонцами, которых страх, деньги или голод заставляют вступать во вражескую армию.

Конан грустно кивнул, глядя на красные отблески пламени, отражающиеся в тонкой резьбе стенных ниш.

— И вот теперь Аквилония имеет короля, которого она предпочла анархии, — сказал хозяин. — Валерий не заступается за свои подданных перед союзниками. Сотни людей, которые не смогли заплатить наложенную контрибуцию, были проданы котийским работорговцам.

Конан резко вздернул голову, и убийственный пламень загорелся в его голубых глазах.

— Именно так. Они продают в неволю белых мужчин и женщин, как в древние времена. Во дворцах земли Шам и Турана их ждет участь рабов. Валерий стал королем, но единство, которого ждал народ, пусть даже завоеванное мечом, не утвердилось.

Гандерландия на севере и Пойнтайния на юге еще не покорены; не завоеваны также те районы на западе, где баронов поддерживают боссонские лучники. Но эти отдаленные провинции не страшны Валерию. Они только защищаются и будут счастливы, если сохранят независимость.

— Пусть он тешится этим, пока может, — сказал Конан. — Дни его сочтены. Узнав о том, что я жив, народ восстанет, мы отвоюем Тарантию, прежде чем Амальрик возвратится со своим войском. А потом выгоним этих собак из страны.

Сервий молчал, только поленья трещали в огне.

— В чем дело? — вскричал Конан. — Почему ты опустил голову и пялишься в огонь? Ты сомневаешься в этом?

Сервий избегал взгляда короля.

— Ваше величество, ты сделаешь все, что только под силу смертному, — сказал он. — Я сражался вместе с тобой и знаю, что тебе нет равного.

— Ну и что?

Сервий плотно запахнулся в меха, хоть и сидел возле огня.

— Люди болтают, что поражение ты потерпел из-за черной магии, — сказал он наконец.

— Ну и что?

— А что может сделать смертный против черной магии? Кто этот человек в маске, который встречается с Валерием и его союзниками после полуночи, который появляется и пропадает столь внезапно? Идут тайные разговоры, что он жил тысячи лет назад, что он вернулся из серых краев смерти, чтобы свергнуть короля Аквилонии и вернуть власть династии, к которой принадлежит Валерий.

— Какое это имеет значение? — гневно воскликнул Конан. — Уж если я бежал из заколдованных подземелий Бельверуса и от той чертовщины, что преследовала меня в горах, то если народ поднимется...

Сервий покачал головой.

— Вернейшие из твоих сподвижников в восточных и центральных провинциях убиты, бежали или в плену. Гандерландия далеко на севере, Пойнтайния далеко на юге. Боссонцы отступили на свои западные границы. Чтобы соединить все эти силы, потребуются недели, а за это время Амальрик уничтожит всех поодиночке.

— Но восстание в центре даст нам перевес! — воскликнул Конан. — Мы можем захватить Тарантию и удерживать ее от Амальрика, пока не подойдет помощь.

Сервий подумал и сказал шепотом:

— Говорят, что тебя погубило проклятие. Будто бы тот чужеземец в маске поклялся уничтожить тебя и разбить твою армию. О твоей смерти оповестили все колокола. Народ знает, что тебя нет. А центральные провинции не осмелятся восстать, если даже узнают, что ты жив. Магия нанесла тебе поражение на Валькии, магия принесла вести об этом, потому что вечером того же самого дня народ на улицах кричал о поражении.

Немедийский жрец воспользовался черной магией, чтобы погубить на улицах Тарантии тех, кто остался верен твоей памяти. По непонятной причине воины падали на мостовую и мерли, как мухи. А тощий жрец рассмеялся и сказал: «Я всего лишь Альтаро, помощник Ораста, а Ораст всего лишь помощник того, чье лицо закрыто. Это не моя сила — она только передается через меня».

— Что ж, — сказал Конан. — Разве не лучше погибнуть с честью, чем жить в позоре? Разве смерть хуже гнета и рабства?

— Страх перед колдовством заставляет разум умолкнуть, — ответил Сервий. — А центральные провинции слишком запуганы, чтобы пойти за тобой. Окраины восстанут... Но та же сила, что поразила тебя на Валькии, ударит снова. В руках немедийцев находятся самые крупные, богатые и густонаселенные области Аквилонии, и они не уступят тем силам, которые ты можешь собрать. Ты только напрасно пожертвуешь верными тебе людьми. Вот тебе горькая правда, Конан, ты король без королевства.

Конан молча глядел в огонь. Догоревшее полено рассыпалось в пламени, даже искры не разлетелись. Совсем, как его королевство.

И снова за всем этим Конан почувствовал чью-то злую волю, неумолимую руку безжалостной судьбы. Страх и чувство человека, попавшего в ловушку, боролись в его душе с безудержным гневом, желанием крушить направо и налево.

— Где главные сановники? — спросил он наконец.

— Паллантида, тяжело раненного под Валькией, выкупила из плена семья, сейчас он в своем замке в Атталусе, и хорошо, если он когда-нибудь сможет снова сесть на коня. Канцлер Публий в чужой одежде покинул королевство в неизвестном направлении. Совет разогнан. Часть его членов в плену, часть в изгнании.

Многие из верных тебе казнены. Нынешней ночью, например, под топором палача погибнет принцесса Альбиона.

— Но почему?

— Она не захотела стать наложницей Валерия. Имущество ее конфисковано, слуги проданы в рабство, сегодня в полночь в Железной Башне падет ее голова. Послушай моего совета, король, ибо для меня ты всегда останешься королем, — беги, пока тебя не нашли. Никто сегодня не может чувствовать себя в безопасности. Шпионы и доносчики крутятся среди нас, и любое неосторожное слово или поступок назовут изменой и бунтом. Если ты объявишь о себе своим подданным, сразу же будешь пойман и убит.

Мои лошади и все мои люди, которым доверяю, в твоем распоряжении. К утру ты будешь далеко от Тарантии и рядом с границей. Если я не могу помочь тебе вернуть королевство, то могу, по крайней мере, сопровождать тебя в изгнание.

Конан отрицательно покачал головой. Он сидел, опершись подбородком на огромный кулак, глядя в огонь. Пламя отражалось в его волчьих глазах и на металле панциря. Снова, как в прошлые годы, только с особой силой, Сервий почувствовал, насколько король отличается от остальных аквилонцев. Тонкая оболочка цивилизации сползла, остался варвар: Конан вернулся к своему естественному состоянию. Поступки его отныне не были поступками цивилизованного человека, да и мысли текли совсем по-другому. Он был непредсказуем. Только один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры убийцы с гор Киммерии.

— Поеду в Пойнтайнию, если удастся, — сказал наконец Конан. — Но поеду один. Но до этого я должен выполнить еще одну обязанность, как король Аквилонии.

— Что ты имеешь в виду, господин? — спросил Сервий, полный самых мрачных предчувствий.

— Сегодня ночью я отправлюсь в Тарантию за Альбионой, — ответил Конан. — Получается, что я предал всех, кто остался мне верен... Что ж, пусть вместе с ее головой они возьмут и мою.

— Это безумие! — воскликнул Сервий и схватился за горло, словно на нем затягивалась невидимая петля.

— Башня хранит тайну, известную немногим, — сказал Конан. — Во всяком случае, я был бы последним ублюдком, если бы позволил Альбионе умереть только потому, что она сохранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести.

— Это погубит нас всех! — прошептал Сервий.

— Только меня одного. Ты и так рискуешь сегодня. Я отправлюсь один. Приготовь мне повязку на глаз, дорожный посох и одежду странника.

9

«ЭТО КОРОЛЬ ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК?»

Многие люди проходили между закатом и полночью через ворота Тарантии — запоздалые путники, купцы из дальних стран, ведущие тяжело нагруженных мулов, работники из близлежащих поместий. Теперь, когда власть Валерия в центральных провинциях укрепилась, к тем, кто шел через широкие ворота, не очень-то присматривались. Дисциплина ослабела. Немедийские воины, несшие стражу, были пьяны и обращали больше внимания на красивых деревенских девушек или богатых купцов, которых можно было обобрать, чем на работников и запыленных путников, в том числе и на высокого странника, поношенный плащ которого не мог скрыть очертаний мощной фигуры.

Странник этот выглядел вполне естественно, чтобы привлечь пристальный взгляд. Широкая повязка заслоняла один глаз, кожаная шляпа затеняла лицо. Не торопясь, опираясь на длинный и толстый посох, он миновал освещенные пламенем костра ворота и очутился на широких улицах Тарантии.

Улицы были хорошо освещены и полны народа, в лавках шла бойкая торговля. И повсюду встречались немедийские солдаты, в одиночку и группами, в толпе они выделялись подчеркнутой наглостью и бесцеремонностью. Девушки избегали их, а мужчины сжимали кулаки и отходили в сторону. Аквилонцы были гордым народом, а завоеватели происходили из страны традиционно враждебной.

Пальцы, сжимавшие посох, побелели от гнева, но высокий странник, подобно остальным, уступил дорогу солдатам. Среди пестрой толпы он ничем не выделялся. Но в какой-то миг, когда свет, выходящий из широко открытой двери, осветил его, он почувствовал на себе чужой взгляд. Быстро обернувшись, он увидел, что к нему присматривается человек в коричневом кафтане наемного работника. Человек с неестественной быстротой отвернулся и скрылся в толпе. Конан повернул в узкий переулок и прибавил шагу. Это мог быть просто любопытный зевака, но рисковать не стоило.

Мрачная Железная Башня возвышалась в отдалении от цитадели, посреди лабиринта узких улочек и темных домишек. Это, в сущности, был целый замок, построенный в старину из огромных камней, скрепленных черным железом. В давние крутые времена башня играла роль городской крепости.

Неподалеку от нее, затерянная в хаосе брошенных домов и лавок, стояла сторожевая башня, такая древняя и забытая, что ее даже не обозначали на планах города. Для чего ее построили, тоже

позабылось, и никто из глядевших на нее не обратил внимания, что дряхлый с виду замок, благодаря которому башня не превратилась в притон нищих и грабителей, на самом деле новенький, очень надежный, и только искусство мастера придало ему вид ржавой рухляди. Секрет этой башни знали едва ли полдюжины людей во всем королевстве.

Массивный замок был без скважины, но пальцы Конана надавили на нужные клепки. Двери тихо открылись, король вошел внутрь и закрыл их за собой. Если бы у него был фонарь, он увидел бы круглое пустое помещение со стенами, сложенными из обломков глыб.

Уверенно двигаясь в темноте, он нащупал выступ на одной из плит фундамента, быстро поднял его и без колебаний спустился в открывшееся отверстие. Под ногами его были каменные ступени, ведущие, как он знал, в узкий коридор, который вел прямо в подземелья Железной Башни.

Колокол цитадели, который сообщал о наступлении полуночи или о смерти короля, зазвонил. Открылись двери в плохо освещенный зал Железной Башни и вошел человек. Внутри Башня была такой же мрачной и грубой, как снаружи. Ничто не украшало шершавых толстых стен. Плиты пола были вытоптаны многими поколениями, свод освещался факелами.

Человек, который шел по коридору, вполне подходил к этой обстановке. Это был высокий, хорошо сложенный мужчина, затянутый в шелковое трико и в широком плаще. Голову его скрывал черный капюшон с отверстиями для глаз. Тяжелый топор в его руках не был ни боевым оружием, ни плотничьим инструментом.

С другой стороны коридора ковылял, согнувшись под тяжестью копья и фонаря, сгорбленный старик с недовольным лицом.

— Ты не так точен, как твой предшественник, мастер-палач, — проворчал он. — Уже пробила полночь, и мужи в масках прошли в камеру госпожи. Ждут только тебя.

— Эхо от звона еще звучит между башнями, — отвечал палач. — А если я не такой шустрый, чтобы срываться и бежать по первому зову аквилонцев, как тот пес, что работал здесь до меня, то я могу доказать, что рука моя не слабее. Вернись к своим обязанностям, старик, а мои оставь мне. И, уверяю тебя, это приятные обязанности: ты будешь топать по холодным коридорам, глядя на ржавые двери темниц, а я отрублю самую прекрасную головку в Тарантии.

Продолжая ворчать под нос, сторож заковылял дальше, а палач неспешно продолжил свой путь. Через несколько шагов он миновал поворот и с неудовольствием отметил, что одна из дверей с левой

стороны приоткрыта. Если бы он слегка подумал, то сообразил бы, что дверь и должна быть открыта, потому что через нее прошел сторож. Но искусство рассуждать не входило в его профессиональные обязанности. Прежде чем он понял, что что-то не так, было уже слишком поздно.

Его встревожили шорох шагов хищника и шелест плаща, но, прежде чем палач успел обернуться, крик его, готовый вырваться из груди, заглушила тяжелая рука. Он успел еще с ужасом почувствовать, как велика сила нападавшего и сколь слабы перед ней его собственные закаленные мускулы. И он почувствовал сталь направленного в его грудь кинжала.

— Немедийский пес! — проворчал кто-то у него над ухом. — Больше ты не отсечешь ни одной головы аквилонца!

Это были последние услышанные им слова.

В сыром подземелье, освещаемом только факелом, с которого падали капли смолы, трое мужчин стояли вокруг молодой женщины, рыдавшей на каменном полу. Она была одета в скудное тюремное платье, руки ее были связаны за спиной, испуганный взгляд устремлен вверх. Золотые волосы рассыпались по белым плечам, и даже слабый свет факела и смертельная бледность лица не могли скрыть ее необыкновенной красоты. Она глядела на своих мучителей широко открытыми глазами. Лица их были закрыты масками, они кутались в плащи, потому что дело, которое им предстояло совершить, требовало соблюдения ритуала даже в покоренной стране. Однако она знала их всех.

— Наш милостивый повелитель дает тебе еще одну возможность, принцесса, — сказал самый высокий из троих чистым аквилонским говором. — Он велел мне передать, что раскроет свои объятия, когда ты смиришь свою гордыню. Если же нет, — он выразительно указал на плаху посреди камеры, иссеченную и покрытую темными пятнами.

Альбиона задрожала. Каждая частица ее молодого тела молила о жизни. Валерий молод, уговаривала она себя, и женщины его любят... Но не смогла произнести слово, которое могло бы уберечь ее хрупкое тело от плахи и окровавленного топора. Даже при упоминании имени Валерия она чувствовала отвращение, превозмогающее смертельный страх.

Поэтому она отрицательно покачала головой.

— Тогда говорить не о чем! — в нетерпении воскликнул один из двоих оставшихся. Слова он произносил на немедийский манер. — Где же мастер?

Как бы повинуясь его словам, в дверях подземелья появилась гигантская мрачная тень.

Увидев ее, Альбиона невольно вскрикнула, остальные же глядели в молчании, словно пораженные суеверным страхом. Голубые глаза, пылавшие в отверстиях капюшона, обвели всех троих по очереди, заставив задрожать.

Потом высокий аквилонец грубо схватил девушку и потянул ее к плахе. Она закричала и стала вырываться, однако он без жалости поставил ее на колени и пригнул золотоволосую голову к окровавленной колоде.

— Почему ты медлишь, палач? — гневно вскричал он. — Выполняй свой долг!

Зловещий смех прозвучал ему в ответ. Все в темнице, включая и девушку, замерли.

— Что это за неудачные шутки, собака? — спросил аквилонец.

Человек в черном сорвал капюшон с головы и швырнул на пол; потом, прислонившись спиной к запертой двери, поднял топор.

— Узнаете меня, ублюдки? — загремел он. — Узнаете?

Тишину, не нарушаемую ничьим дыханием, взорвал крик Альбионы, вырвавшейся их ослабевших тисков мучителя:

— Король! О, Митра! Король!

Трое мужчин стояли как вкопанные. Наконец аквилонец пришел в себя.

— Конан, — выдохнул он, словно не веря себе. — Это король или его призрак? Что за дьявольская шутка?

— Дьявольская шутка над дьяволами! — издевательски отвечал Конан. Губы его улыбались, но в глазах пылал огонь ада. — Ну, к делу, благородные господа. У каждого из вас есть меч, у меня вот этот топорик. Да! Топор мясника годится для вас в самый раз, доблестные рыцари!

— Вперед! — зарычал аквилонец, вынимая меч. — Это Конан! Смерть ему!.. Или нам!

Отряхнув оцепенение, немедийцы вынули мечи и бросились на короля.

Топор палача не предназначен для боя, но Конан владел им так же легко и свободно, как секирой, а ловкость и быстрота помогали ему уклоняться от ударов, сыпавшихся с трех сторон.

Он ударил одного из нападавших обухом и, пока тот отступал, пытаясь заслониться мечом, разрубил ему грудь. Другой немедиец яростно замахнулся, но промазал; Конан не дал ему найти равновесия и рассек череп. Аквилонец же через минуту оказался загнанным в угол, где не успевал обороняться от посыпавшихся ударов.

Внезапно левой рукой Конан сорвал маску и обнажил побелевшее лицо.

— Собака! — скрипнул зубами король. — Думал, я тебя не узнаю! Предатель! Проклятый изменник! Даже эта позорная сталь слишком хороша для твоей гнусной башки! Подыхай, как вор!

Топор описал страшную петлю, и аквилонец с криком упал на колени, прижав к себе обрубок руки. Конан не опустил оружия и нанес еще одну рану, так что начали вылезать внутренности.

— Лежи, пока вся кровь не вытечет! — сказал король, отбрасывая топор с отвращением. — Пойдем, принцесса!

Он наклонился, разорвал цепи на руках Альбионы и, взяв ее на руки, вышел из подземелья. Она истерически рыдала, стискивая его шею.

— Спокойно, — ворчал он. — Мы еще не убрались отсюда. Если мы доберемся до того подвала, где потайная дверь ведет в тоннель... Черт возьми! Даже сквозь эти стены они услыхали шум!

В глубине коридора зазвенело оружие, гул шагов и голосов отразился от сводов. Поспешно приковылял горбатый старец, поднял фонарь, и свет его упал прямо на Конана и девушку. Киммериец с проклятием ринулся вперед, но сторож, бросив фонарь и копье, с криком умчался, как заяц.

Конан побежал в противоположную сторону. Они были отрезаны от подземелья с потайным ходом, но мрачное здание Железной Башни было ему хорошо знакомо: Конан был ее узником до того, как стать королем.

Он свернул в галерею и оказался в параллельно идущем коридоре. Пройдя по нему несколько шагов, он снова свернул в прежний, но уже в другом, более удобном месте. Здесь была решетка, охраняемая бородатым немедийцем в панцире и шлеме. Тот покинул свой пост, чтобы прислушаться к нарастающему шуму, и повернулся спиной к Конану.

Киммериец не колебался. Опустив девушку на землю, он бесшумно подбежал к стражнику с занесенным мечом. Тот обернулся, заорал от неожиданности и попробовал поднять копье, но Конан ударил его мечом по голове и разрубил ее вместе со шлемом. Стражник упал.

Король мгновенно отворил засов на решетке — сил обычного человека на это не хватило бы, — бесцеремонно схватил Альбиону подмышку и очутился на улице.

Они находились в узкой и темной, как колодец, аллее, с одной стороны ее возвышались глыбы башни, с другой — ряд домов. Конан торопился, пытаясь на ощупь найти окно или дверь, но безуспешно.

За их спинами с шумом растворились ворота. Из них высыпали солдаты, свет факелов отражался на их мечах и доспехах. Они озирались и рычали от ярости, силясь разглядеть, что происходит

в окружающем их мраке. А потом побежали по аллее совсем в другую сторону.

— Сейчас они поймут свою ошибку, — сказал король, ускоряя шаги. — Хоть бы одна щель в этой проклятой стене... Холера! Ночная стража!

В том месте, где аллея пересекалась с узкой улочкой, появился слабый отблеск огня на стали.

— Кто идет? — окликнули их, и Конан заскрежетал зубами, услышав ненавистный немедийский выговор.

— Держись позади меня, — приказал он девушке. — Мы должны прорубить себе дорогу раньше, чем тюремные стражники подойдут с той стороны.

И с мечом в руке он бросился прямо на приближавшихся. Его союзником была внезапность. Он видел врагов на фоне слабого утреннего света, а сам, вылетев из темной аллеи, был невидим для них. Среди стражников он оказался прежде, чем они успели схватиться за оружие.

Пробиться было можно, пока они не смешали свой строй. Их было человек шесть, закаленных ветеранов пограничных войн в полном вооружении, их боевой навык помог легко преодолеть первоначальное замешательство. Трое из них пали прежде, чем успели сообразить, что противник их в единственном числе. Остальные среагировали молниеносно. Сталь загремела от ударов Конана по латам и шлемам. Врагов он видел хорошо, сам же представлял в слабом свете цель очень неясную. Их мечи то и дело разрезали воздух. Сам же он нападал с силой и уверенностью тайфуна.

Но сзади уже послышались крики подбегающей тюремной стражи, а впереди еще была ощетинившаяся стальная стена. Понимая, что тюремщики сейчас настигнут их, Конан в отчаянии удвоил силу и скорость ударов — бил, как молотобоец по наковальне. И вдруг понял, что подоспела помощь. Прямо за спинами стражников из ниоткуда появилась дюжина бойцов и послышались звуки смертельных ударов. Сталь сверкала во мраке и страшно закричали люди, которых убивали в спину. К Конану подскочил человек в плаще, король поднял меч, но увидел, что рука, протянутая к нему, пуста, и услышал шепот:

— Туда, Ваше величество! Быстро!

Удивленный Конан выругался и, подхватив Альбиону, двинулся за незнакомым союзником. Когда приближаются человек тридцать солдат тюремной стражи, рассуждать некогда.

Окруженный таинственными фигурами, он бежал по аллее, держа принцессу, как малое дитя. О своих спасителях он мог сказать только, что они были одеты в плащи с капюшонами. Сомнения и подозрения появились в его душе, но они, в конце концов, рас-

правились с его врагами, и он счел за благо идти за новыми союзниками.

Словно бы поняв его опасения, предводитель дотронулся до руки Конана:

— Не бойся, король, мы — твои верные подданные.

Голос не был знакомым и выдавал уроженца центральной Аквилонии.

Сзади послышался крик стражников, которые наткнулись на трупы товарищей и загорелись жаждой мести. Их силуэты уже показались в конце улицы, но люди в капюшонах внезапно повернули к сплошной на вид стене, и Конан увидел, что в ней открылась дверь.

Конан пробормотал проклятие. Раньше он много раз шел этой дорогой среди бела дня и никакой двери не замечал. Они переступили порог, дверь с треском закрылась, опустился засов. Это не слишком обнадеживало, но спутники поторапливали Конана, поддерживая его под руки. Они шли по какому-то тоннелю. Король чувствовал, как дрожит тонкое тело Альбионы в его руках. Потом впереди показался слабый свет — и они вошли в головоломный лабиринт, который, наконец, привел в ярко освещенную комнату. Обратной дороги Конан не смог бы найти, несмотря на свое первобытное чутье.

10
МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все из проводников вошли в зал — когда двери закрылись, Конан увидел перед собой только одного человека в плаще. Капюшон откинулся, открывая бледное лицо с правильными чертами.

Король опустил Альбиону на ноги, но она все продолжала прижиматься к нему и тревожно оглядывалась. Зал, освещенный бронзовыми светильниками, был огромен. Часть мраморных стен была закрыта черным шелком, а мозаичный пол устлан толстыми коврами.

Конан инстинктивно положил окровавленную руку на эфес меча. Кровь запеклась также и на ножнах — вытереть меч не было времени.

— Где мы? — грозно спросил он.

Незнакомец ответил ему низким почтительным поклоном, в котором даже подозрительный король не усмотрел насмешки:

— В храме Асуры, ваше величество.

Альбиона ойкнула и крепче прижалась к Конану. Она испуганно глядела на черную дверь, словно ожидая, что оттуда появится какое-нибудь ужасное чудовище.

— Не страшись, госпожа, — сказл проводник. — Вопреки простонародным суевериям, здесь тебе ничто не грозит. Если уж государь мой признал нашу религию чистой и тем защитил от преследований толпы, значит, и ты, одна из его подданных, должна поверить в это.

— Кто ты? — спросил Конан.

— Мое имя Хадрат, жрец Асуры. Один из наших единоверцев узнал тебя, когда ты входил в город, и оповестил меня.

Конан сдержал проклятие.

— Не опасайся, что кто-нибудь еще открыл твое присутствие, — заверил его Хадрат. — Твой наряд мог обмануть любого, кроме поклонника Асуры, потому что наша вера учит видеть сущность под внешней оболочкой. Мы проследили твой путь до сторожевой башни, и несколько моих людей вошли в тоннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь возвращаться той же дорогой. Другие, в том числе и я, окружили башню. А теперь, король Конан, мы ждем твоего приказа. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Почему вы рисковали жизнью ради меня? — спросил король.

— Ты был нашим другом, когда царствовал, — ответил Хадрат. — Ты защитил нас, когда жрецы Митры хотели изгнать нас из страны.

Конан огляделся с любопытством. Никогда до сей поры не был он в храме Асуры и не знал даже, что таковой вообще существует в Тарантии. Жрецы этой религии обладали удивительным умением укрывать свои святыни. Культ Митры был главенствующим среди гиборийских народов, и вера Асуры существовала вопреки официальному запрету и всеобщей неприязни. Конан слышал немало жутких историй о тайных храмах, где густой дым день и ночь возносится над алтарями и где похищенных людей приносят в жертву огромному, свитому в кольца змею, качающему во мраке своей страшной головой.

Преследования заставили поклонников Асуры окружить свои обряды тайной, а тайна, в свою очередь, рождала чудовищные суеверия и страшные россказни.

Но Конан, как истый варвар, был терпим к любой религии, он запретил преследовать поклонников Асуры, поскольку единственными уликами против них служили только сплетни и слухи.

«Если они владеют приемами черной магии, — говорил он, — то почему позволяют обижать себя? Если же не владеют, значит, зла в них нет. Кром и дьяволы! Да пусть люди поклоняются таким богам, какие им нравятся!»

Повинуясь почтительному жесту Хадрата, Конан уселся на стул из слоновой кости и предложил сделать то же самое Альбионе,

однако девушка предпочла золоченую скамеечку у его ног, словно близость к королю могла уберечь ее от опасности. Она с детства поклонялась Митре и с детства же наслушалась всяких ужасов о храмах Асуры.

Хадрат стоял перед ними, склонив голову.

— Чего ты желаешь, господин?

— Прежде всего — поесть, — ответил король, и жрец ударил серебряной палочкой в золотой гонг.

Едва стих нежный звон, из-за двери появились четыре фигуры в капюшонах и принесли серебряный столик, заставленный дымящимися тарелками и хрустальными сосудами. Король потер ладони и причмокнул губами.

— Берегись, господин! — шепнула Альбиона. — Они едят человеческое мясо!

— Клянусь своим королевством, это всего лишь добрая жареная говядина, — ответил Конан. — Ну, смелее, девочка! После тюремной-то голодовки!

Услыхав этот совет и видя живой пример человека, слово которого всегда было для нее законом, принцесса принялась за еду с большим аппетитом, хотя и соблюдала необходимые правила этикета, тогда как король отхватывал мясо такими кусками и поглощал вино с такой жадностью, словно не ел два дня.

— Вам, жрецам, не откажешь в находчивости, Хадрат, — сказал он, жуя мясо и сжимая в кулаке громадную кость. — Хорошо бы вы мне помогли вернуть королевство.

Хадрат медленно покачал головой, и Конан в порыве гнева что есть сил грохнул костью об стол.

— Кром и дьяволы! Что случилось с мужами Аквилонии? Сперва Сервий, теперь ты... Или вы можете только башками качать, едва зайдет речь о том, чтобы выгнать этих собак?

Хадрат вздохнул и сказал:

— Господин мой, больно даются мне эти слова, рад бы сказать что-нибудь иное. Со свободой Аквилонии покончено, да что там — со свободой всей земли! В истории мира одна эпоха сменяет другую, и сейчас, как и в стародавние времена, мы вступаем в век рабства и ужаса.

— Что ты имеешь в виду?

Хадрат сел на стул, положил руки на колени и уставился в землю.

— Против тебя объединились не только мятежные аквилонские феодалы с немедийской солдатней, — сказал он. — Это чары, забытая черная магия, родившаяся на заре времен. Страшный человек восстал из мрака Прошлого, и никто не сможет противостоять ему.

— Что ты имеешь в виду? — повторил Конан.

— Я говорю о Ксальтотуне из Ахерона, который умер три тысячи лет назад и теперь вновь ходит по земле.

Конан молчал, и перед ним снова возникло спокойное, нечеловечески прекрасное лицо. И снова ему это лицо показалось знакомым, и даже звук слова «Ахерон» затронул какие-то неясные воспоминания.

— Ахерон... — повторил он. — Ксальтотун из Ахерона... Да ты с ума сошел, человече! Ахерон — это легенда, возникшая черт знает сколько веков назад. Существовал ли он вообще?

— Да, он был черной действительностью, — ответил Хадрат. — Империя магов, владеющих ныне забытым искусством, уничтоженная в конце концов пришедшими с запада племенами гиборийцев. Чародеи Ахерона использовали омерзительную некромантию и тавматургию — самые зловещие магические приемы, научившись им прямо от демонов. Но из всех чернокнижников этого проклятого царства ни один не мог сравниться с великим Ксальтотуном из Пифона.

— Как же варварам удалось с ним справиться? — скептически спросил Конан.

— Они использовали против него источник космической силы, который у него же похитили, несмотря на все старания мага. Теперь этот источник вновь в его руках, и он непобедим.

Альбиона, кутаясь в черный плащ палача, смотрела то на короля, то на жреца, ничего не понимая. Конан сердито замотал головой:

— Ты смеешься надо мной! Если Ксальтотун мертв уже три тысячи лет, как он может быть этим человеком? Просто какой-то негодяй присвоил себе его имя.

Хадрат наклонился над столиком из слоновой кости и открыл стоявшую на нем небольшую шкатулку. Блеснула большая золотая монета древнего вида.

— Ты видел Ксальтотуна без маски? Тогда присмотрись внимательней. Эта монета вычеканена в древнем Ахероне за пятьсот лет до его падения. Мрачная империя была так насыщена чарами, что даже эта монета имеет магические свойства.

Конан взял монету и начал разглядывать. Несомненно, она была очень старая. Во время разбойничьей жизни через руки Конана прошло очень много денежных знаков, и он в них разбирался. Но изображение на одной стороне было удивительно четким. В комнате было тепло, но мороз пробежал по коже короля. То было непроницаемое лицо бородатого мужчины, спокойное и прекрасное.

— Во имя Крома, это он! — теперь он понял, почему лицо показалось ему знакомым. Давным-давно, в далекой стране, он уже держал в ладони такую монету.

Все же он пожал плечами и проворчал:

— Случайное сходство... А может быть, присвоив имя забытого мага, этот парень и внешность свою подделал?

Но слова его звучали неуверенно. Вид монеты поколебал самые основания его представлений о мире. Он чувствовал, что равновесие вселенной падает в пропасть иллюзий и магии. Чародейство — ладно, но здесь таилась дьявольщина, превосходящая всякое разумение.

— Нет сомнения, что это в самом деле Ксальтотун из Пифона, — сказал Хадрат. — Именно он заставил демонов земли обрушить скалы над Валькией, именно он в предрассветный час направил в твой шатер порождение тьмы.

Конан исподлобья глянул на него:

— А ты откуда знаешь?

— У поклонников Асуры есть свои тайные способы добывать истину, оставим это. Но теперь ты понимаешь, что напрасно поднимешь своих подданных, пытаясь вернуть корону?

Конан подпер кулаком подбородок и задумался. Альбиона смотрела на него с тревогой.

— Значит, нет в мире чародея, способного потягаться с Ксальтотуном? — спросил он наконец.

— Нет, — сказал Хадрат. — Иначе мы, поклонники Асуры, знали бы о нем. Люди болтают, что наша вера — пережиток древнего культа змея из Стигии. Это ложь. Наши предки пришли из Вендии, что за морем Вилайет и Химелианскими голубыми горами. Мы сыны Востока, а не Юга, и знаем обо всех тамошних мудрецах, которые много сильнее знатоков Запада. Но все равно любой из них, как травинка на ветру против черной силы Ксальтотуна.

— Но однажды его уже победили, — настаивал Конан.

— Верно, против него обратили космическую силу. Но сейчас ее источник снова в руках мага, и он уж позаботится, чтобы его не похитили.

— Да что это за чертов источник? — с гневом вскричал Конан.

— Называют его Сердце Аримана. Когда пал Ахерон, тот варварский шаман, который похитил его и обратил против Ксальтотуна, спрятал Сердце в заколдованной пещере и воздвиг над ней небольшой храм. С той поры храм трижды перестраивался, с каждым разом становясь шире и выше, но место оставалось прежним, хотя никто и не помнил, по какой причине. Память о спрятанной святыне исчезла из памяти народа и осталась лишь в летописях жрецов и в священных книгах. Откуда эта святыня взялась — не знает никто. Одни говорят, что это подлинное сердце бога, другие — что это звезда, упавшая с неба много тысячелетий назад.

Когда магия жрецов Митры оказалась бессильной против чар Альтаро, помощника Ксальтотуна, они вспомнили легенды о Сердце, и

верховный жрец вместе с одним спутником сошли в мрачную и пугающую пещеру под храмом, куда никто не входил уже три тысячи лет. В старинных, окованных железом томах, повествующих о Сердце, говорилось и о том, что древний шаман поставил там на страже демона тьмы.

Глубоко под землей, в квадратном зале, верховный жрец и его ученик нашли черный каменный алтарь, излучавший слабый свет. На алтаре лежала шкатулка, выполненная в виде двустворчатой раковины, она как бы вырастала из камня. Шкатулка была раскрыта и пуста. Пока они разглядывали ее, страж тайника напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сумел дать отпор этой твари, безмозглому и бессмысленному призраку тьмы, и бежал по длинной узкой лестнице, унося умирающего учителя. Тот, прежде чем умереть, велел своим людям покориться этой силе и взял с них клятву молчания. Но жрецы Митры говорили об этом между собой, и речи эти дошли до наших ушей.

— Значит, Ксальтотун черпает силу из этой штуки, — Конан все еще был настроен скептически.

— Нет. Сила его идет из бездны мрака. Но Сердце Аримана прибыло из какой-то отдаленной Вселенной, полной огненного сияния, и в руках посвященного превозможет силу тьмы. Оно, как меч, которым можно поразить мага, а сам он его использовать не в силах. Оно может вернуть жизнь, но может и отнять. Ксальтотун не для того овладел Сердцем, чтобы использовать его против врагов, но чтобы оно не оказалось в руках врага и не поразило его самого.

— Золотая шкатулка в виде раковины в глубокой пещере на черном алтаре... — пробормотал Конан и наморщил лоб, стараясь поймать ускользающий образ. — Что-то такое я вроде видел или слышал об этом... Но как, во имя Крома, выглядит это украденное Сердце?

— Оно похоже на огромный драгоценный камень вроде рубина, но в нем пульсирует ослепительный свет, словно живое пламя...

Конан сорвался с места и крепко ударил правым кулаком по левой ладони.

— Клянусь Кромом, ну и дурак же я! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! «Найди сердце своего королевства» — говорила Зелата. Клянусь Имиром, этот камень видел я в зеленом дыму, именно этот камень Тараск украл у Ксальтотуна, уснувшего сном черного лотоса!

Хадрат тоже вскочил, и все его спокойствие спало с него, словно плащ.

— Что ты сказал? Сердце похищено у Ксальтотуна?

— Да! — загремел Конан. — В страхе перед Ксальтотуном Тараск хотел ослабить его мощь, которая, как он думал, таится в Сердце. А может, рассчитывал, что чародей, потеряв камень, вообще помрет. Клянусь Кромом... ууух!

Он разочарованно махнул рукой.

— Я совсем забыл. Тараск вручил его вору и велел выбросить в море. Сейчас этот разбойник уже добрался до Кордавы. Прежде чем я его настигну, он взойдет на палубу корабля и вручит Сердце морской пучине.

— Море его не удержит! — воскликнул дрожащий от волнения Хадрат. — Ксальтотун и сам давно бы бросил Сердце в океан, если бы не знал, что первый же шторм выбросит его на берег. Но на каком берегу это произойдет?

— Ну что ж, — Конан понемногу приходил в себя. — Во-первых, кто сказал, что его выбросили в море? Насколько я знаю воров — а знаю я их неплохо, сам в юности занимался в Заморе этим ремеслом, — он его вообще никуда не выбросит, а продаст какому-нибудь богатому торговцу. Клянусь Кромом! — он начал шагать по залу взад и вперед. — Стоит его поискать! Зелата велела мне найти сердце моего королевства... и все, что она показывала мне, оказалось правдой. Может, и вправду сила, способная одолеть Ксальтотуна, заключается в этой игрушке?

— Именно так! Голову даю на отсечение! — воскликнул Хадрат. Лицо его прояснилось. — Когда оно будет в наших руках, мы потягаемся с Ксальтотуном! Клянусь! Если мы найдем его, то и корона вернется к тебе, и враги будут изгнаны из нашего дома. Не мечи Немедии испугали Аквилонию, а черное искусство Ксальтотуна!

Конан внимательно глядел на него. Воодушевление жреца передалось королю.

— Твои слова повторяют мысли Зелаты, — сказал он. — Она же во всем остальном была права. Я буду искать этот камень.

— В нем заключено будущее Аквилонии, — сказал Хадрат. — Я пошлю с тобой моих людей...

— О нет! — поспешно воскликнул король — ему не хотелось, чтобы под ногами у него путались жрецы, даже искушенные в тайных науках. — Это дело воина. Я пойду один. Сначала в Пойнтайнию, там оставлю Альбиону у Троцеро. Потом — в Кордаву и к морю, если будет нужно. Может случиться, что вор, даже послушавшись приказа Тараска, не сразу-то найдет корабль в это время года.

— Если ты разыщешь Сердце, — воскликнул Хадрат, — я здесь подготовлю почву для восстания. По тайным путям разойдется весть, что ты жив и возвращаешься с магией, способной одолеть Ксальтотуна. В момент твоего возвращения народ

восстанет, уверенный, что ты защитишь его от злых чар. А пока я помогу тебе снарядиться в дорогу.

Он встал и ударил в гонг.

— Потайной ход из подземелья этого храма ведет к месту, расположенному за городскими стенами. В Пойнтайнию ты поедешь на лодке паломников, тогда никто не осмелится чинить тебе препятствий.

— Как хочешь. — Имея ясную цель, Конан пылал энергией и нетерпением. — Лишь бы побыстрее.

Между тем события в городе разворачивались все быстрее. Запыхавшийся гонец влетел во дворец, где Валерий развлекался с танцовщицами, и, рухнув на колени, бессвязно изложил рассказ о кровавом побеге и исчезновении прекрасной пленницы. Поведал он также, что граф Феспий, которому поручено было проследить за казнью Альбионы, находится при смерти и желает видеть короля.

Накинув плащ, Валерий поспешил за посланцем через лабиринт комнат и двориков в зал, где лежал граф Феспий. Ясно было, что графу конец: при каждом выдохе с губ бежала кровавая пена. Обрубок руки был плотно забинтован, но и без того рана в боку была смертельной.

Оставшись с глазу на глаз с умирающим, Валерий тихо выругался.

— Валерий! — прохрипел умирающий. — Он жив! Конан жив!

— Что ты говоришь?! — воскликнул Валерий.

— Клянусь Митрой! — сказал Феспий, захлебываясь кровью. — Это он освободил Альбиону! Он не мертвый... Он не призрак из ада, пришедший постращать нас. Он из крови и плоти и еще опасней, чем раньше. Аллея под башней полна убитых и раненых... Берегись, Валерий! Он вернулся... чтобы убить нас всех...

По окровавленному телу пробежала сильная судорога, и граф Феспий скончался.

Валерий печально поглядел на труп, осмотрел комнату и, быстро подбежав к двери, распахнул ее. Гонец вместе с группой немедийских стражников стоял в глубине коридора. Валерий что-то удовлетворенно пробурчал под нос.

— Все ворота заперты? — строго спросил он.

— Так точно, ваше величество!

— Утроить караулы. Пусть никто не войдет в город и не выйдет из него без тщательно досмотра. Пусть пойдут патрули по улицам и домам. С помощью аквилонского сообщника бежал особо важный узник. Кто-нибудь из вас узнал этого сообщника?

— Нет, ваше величество. Старик сторож видел его и говорит, что это был гигант в одежде палача. А сам палач валяется в камере голый.

— Это опасный человек! — сказал Валерий. — Принцессу Альбиону вы все знаете — вот ее и ищите, а когда найдете — немедленно убейте ее вместе с тем, кто ее сопровождает. Не пробуйте взять их живыми.

Вернувшись в свою комнату, Валерий вызвал пред свои очи четверых мужей чужеземного обличья. Они были высокие, худощавые, желтолицые, в одинаковых черных одеждах. Они стояли перед Валерием, скрестив руки на груди. Валерий поглядел на них с чувством, близким к отвращению, хотя в дальних своих странствиях повидал немало всяких народов.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая — изгнанников, умирающих от голода, — вы поклялись служить мне. И по-своему служите верно. А теперь я потребую от вас еще одной услуги, после чего можете считать себя свободными от клятвы.

Конан-киммериец, король Аквилонии, все еще жив, несмотря на чары Ксальтотуна, а может быть, и благодаря им. Темная душа этого воскрешенного дьявола слишком сложна и тонка, чтобы простой смертный мог читать в ней. Но покуда Конан жив, я нахожусь в опасности. Народ выбрал меня как наименьшее зло, когда считал его погибшим. А теперь, когда он объявится народу, я и пальцем не успею шевельнуть, как слечу с трона.

Возможно, союзники мои вознамерились посадить его на мое место, посчитав, что я свою роль сыграл. Не знаю. Знаю только, что наш мир слишком тесен для двух королей Аквилонии. Ищите киммерийца. Используйте свои сверхъестественные способности, чтобы выследить, где он скрывается и куда направится. В Тарантии у него много друзей. Они помогли ему освободить Альбиону. Даже такой человек, как Конан, не мог накрошить такую кучу трупов на аллее под башней. Я сказал достаточно. Возьмите свои посохи — и по следу. Я не знаю, куда он вас приведет, но, когда вы найдете Конана, — убейте его!

Не сказав ни единого слова, четверо кхитайцев поклонились и бесшумно покинули комнату.

11
МЕЧИ ЮГА

Из-за отдаленных гор встала утренняя заря и осветила парус небольшой лодки, плывшей по течению реки. Река, протекавшая примерно в миле от стен Тарантии, вилась в южном направлении, словно огромная змея.

Лодка отличалась от множества других, плывущих по широкой реке Кхоротас, — рыбачьих челноков и купеческих баржей, набитых товарами. Длинная и узкая, с высоким выгнутым носом, черного цвета, борта украшены изображениями черепов. На палубе возвышалась небольшая каюта, шторы на ее окнах были тщательно задернуты. Другие суда старались держаться подальше от ее зловещего силуэта — сразу было видно, что это так называемая «лодка пилигрима», которая уносит умершего поклонника Асуры в последнее таинственное паломничество на юг, туда, где за далекими горами Пойнтайн река соединяет свои воды с голубым океаном. В каюте, несомненно, находился труп. Вид этой мрачной лодки был знаком всем аквилонцам, и даже наиболее фанатичные митраиты не осмелились бы дотронуться до нее или помешать скорбному путешествию.

Цель его была неизвестна. Одни утверждали, что она находится в Стигии, другие — что на безымянном острове за горизонтом, третьи же называли местом последнего успокоения умерших богатую и загадочную Вендию, но наверняка не знал никто. Было общеизвестно, что, когда умирает поклонник Асуры, его тело плывет на юг по большой реке на лодке, управляемой огромным рабом, и что никогда больше не видят ни трупа, ни лодки, ни раба. Если, конечно, не соответствуют истине мрачные россказни, что ведет лодку всегда один и тот же раб.

Человек, управлявший именно этой лодкой, также был темнокожим гигантом, хотя вблизи можно было рассмотреть, что цвет его кожи определяет умело наложенная краска. Одетый в кожаную набедренную повязку, он с необыкновенным проворством управлялся с веслами и рулем. Никто, однако, не приближался к лодке, поскольку все знали, что над поклоняющимися Асуре тяготеет проклятие, а «лодка пилигрима» прямо-таки пышет зловредными чарами. Встречные меняли курс, бормотали проклятия и знать не знали, что являются свидетелями бегства короля и принцессы Альбионы.

Необыкновенным было это двухсотмильное путешествие по большой реке до того места, где она сворачивала на юг, огибая горы Пойнтайн. Как во сне, сменяли друг друга береговые пейзажи. Днем принцесса Альбиона, как и положено покойнику, тихонько лежала в каюте. Только поздно вечером, когда прогулочные лодки высаживали своих пассажиров при свете факелов, а рыбаки еще не выходили на ловлю, она выходила на воздух. Там она становилась к рулю, чтобы Конан мог отдохнуть хоть несколько часов. Но не много времени тратил он на отдых: нетерпение подгоняло его, а организм был выносливым. Ни на минуту не останавливаясь, они плыли все дальше и дальше, день и ночь, при солнце и при луне, когда в реке

отражались миллионы звезд. По мере продвижения на юг зима отступала.

И наконец перед ними выросли горы Пойнтайн, словно стены крепости древних богов, а река стремительно уносилась в ущелья, пенясь на многочисленных порогах.

Конан внимательно оглядел берег и в конце концов направил лодку к мысу, который выдавался далеко в реку и был обрамлен правильным кругом скал.

— Как эти лодки преодолевают водопады, лежащие перед нами, понятия не имею, — говорил он. — А Хадрат говорил, что преодолевают... Но мы останемся здесь. Он говорит, что нас будет ждать человек с лошадьми, а никого не видно. И не представляю, как могло обогнать нас известие о нашем прибытии.

Привязав лодку к толстому древесному корню на берегу, он прыгнул в воду и смыл с себя коричневую краску, потом взял в каюте приготовленную Хадратом аквилонскую одежду и меч. Пока он переодевался, Альбиона тоже надела что-то более соответствующее путешествию по горам. Облачившись, Конан посмотрел на берег и взялся за рукоять меча, потому что под деревьями, держа в поводу белого скакуна и черного боевого жеребца, стоял человек в черном плаще.

— Кто ты? — спросил король.

— Поклоняющийся Асуре. Мне пришел приказ. Я выполнил.

— Как это — «пришел»? — поинтересовался Конан, но человек лишь снова поклонился.

— Я здесь, чтобы проводить вас через горы до первой пойнтайнской крепости.

— Проводник не нужен, — сказал Конан. — Мне хорошо знакомы эти горы. За лошадей спасибо, но вдвоем с принцессой мы будем меньше обращать на себя внимание, чем в обществе поклонника Асуры.

Почтительно поклонившись, человек в черном плаще отдал Конану поводья и вошел в лодку. Быстрое течение понесло ее к невидимым водопадам. Изумленно качая головой, Конан сначала усадил принцессу на белого коня, потом оседлал своего черного и направил путь в сторону вонзающихся в небо горных вершин.

Земли, лежащие у подножия гор, стали сейчас пограничьем во времена смуты: бароны вернулись к старым порядкам, безнаказанно орудовали орды беглецов. Пойнтайния никогда не провозглашала своей независимости от Аквилонии, но сейчас является, несомненно, автономным государством, управляемым наследственным графом Троцеро. Номинально южное нагорье принадлежало

Валерию, но тот даже не пытался штурмовать перевалы под защитой крепостей, над которыми гордо развевались пойнтайнские знамена с изображением леопарда.

Король и его прекрасная спутница ехали по горной стране. Когда они поднялись выше, весь край раскинулся перед ними, словно огромный алый плащ, расшитый блеском рек и озер, золотом широких полей, белизной отдаленных башен. Наконец они достигли первого из пойнтайнских укреплений — мощной крепости, прикрывающей узкий проход, и увидели пурпурный штандарт на фоне голубого неба.

Прежде чем они достигли крепости, из-за деревьев выехал отряд рыцарей, и его предводитель грозным возгласом остановил путешественников. Пойнтайнцы были высокими мужчинами, черноглазыми и курчавыми, как все южане.

— Остановитесь, господа, и скажите, с какими целями прибыли вы в Пойнтайнию!

— Разве Пойнтайния взбунтовалась, — спросил Конан, — если человека в аквилонской одежде задерживают и допрашивают, словно чужеземца?

— Много негодяев разъезжает нынче по Аквилонии, — холодно ответил рыцарь. — Что же касается бунта — если ты имеешь в виду свержение узурпатора, — то да, Пойнтайния взбунтовалась. Ибо мы предпочитаем служить памяти мертвого мужа, чем скипетру живого пса.

Конан сорвал с головы шлем и, тряхнув черной гривой, поглядел говорящему прямо в глаза. Пойнтайнец ошеломленно глядел на него, потом...

— Благие боги! — выдохнул он. — Это король... Он жив!

Недоумение остальных сменилось неудержимым радостным кличем. Они окружили Конана, издавая боевые возгласы и потрясая мечами. Восторг пойнтайнских рыцарей мог до смерти перепугать слабого духом.

— О, Троцеро заплачет от радости при виде тебя, господин! — рычал один из рыцарей.

— И Просперо тоже! — кричал другой. — Наш наместник, как говорится, накрылся плащом печали и день и ночь проклинает себя за то, что не подошел к Валькии вовремя, чтобы погибнуть рядом со своим королем.

— Теперь мы вернем королевство! — надрывался третий и крутил огромным мечом над головой. — Слава Конану, владыке Пойнтайнии!

Металл загремел о металл, и птицы пестрой тучей взлетели с окрестных деревьев. Закипела горячая кровь людей юга, которые желали теперь только одного — чтобы вновь обретенный вождь повел их за славой и добычей.

— Что прикажешь, господин? — кричали они. — Пусть один из нас помчится вперед с радостной вестью! Знамена взовьются над каждой башней, розы усыплют дорогу перед копытами твоего коня, и все лучшее, что есть на юге, склонится перед тобой...

Конан отказался:

— Разве я мог усомниться в вашей верности? Но ветры, веющие над этими горами, долетают и до моих врагов, а я не хочу, чтобы они знали, что я жив... Пока. Проводите меня к Троцеро, но сохраняйте тайну.

Так что ожидаемое рыцарями триумфальное шествие походило скорее на тайное бегство. Двигались быстро, в молчании, отдавая командирам очередных застав распоряжения шепотом. Конан ехал с опущенным забралом.

Горы были малолюдны — навстречу попадались только изгнанники и гарнизоны, стерегущие проходы в горах. У пойнтайнцев не было ни желания, ни необходимости добывать кусок хлеба из этой каменистой земли. К югу от горной цепи раскинулась плодородная и прекрасная равнина до самой реки Алиман, отделявшей Пойнтайнию от Зингара.

За горами зима срывала листья с деревьев, а здесь зеленели высокие буйные травы, паслись стада коней и скота, которыми славилась Пойнтайния. Пальмы и апельсиновые рощи нежились под солнцем, и свет его отражался на пурпурных, золоченых и алых башнях. Это был край тепла и достатка, родина красивых людей и безжалостных воинов, ибо не только суровая земля порождает настоящих мужчин. Пойнтайния была окружена завистливыми соседями, и сыны ее закалялись в непрестанных войнах. С севера страну, правда, защищали горы, но на юге только река отделяла ее от Зингара, и не раз, а тысячу раз воды ее окрашивались кровью. На востоке были Аргос и Офир — королевства гордые и хищные. Рыцари Пойнтайнии удерживали свою землю с помощью меча, и редко им приходилось вкушать мир и спокойствие.

Наконец Конан прибыл в замок Троцеро.

Конан сидел на диване, обтянутом шелком, в роскошном зале, где прозрачные занавеси колыхались от легкого ветерка, а Троцеро, крепкий, подвижный человек с девичьей талией и плечами рыцаря, выглядевший гораздо моложе своих лет, ходил по залу взад-вперед, словно пантера в клетке.

— Позволь провозгласить тебя королем Пойнтайнии! — настаивал он. — Пусть эти северные свиньи сами таскают ярмо, под которое подставили шею. Юг все еще принадлежит тебе. Живи здесь и царствуй над нами среди цветов и пальм.

— Нет, — сказал Конан. — Хоть и не знаю я на свете земли более достойной, чем Пойнтайния, в одиночку ей не выстоять, несмотря на все мужество ее сыновей.

— В течение многих веков этого было достаточно, — ответил Троцеро с ревнивой гордостью, характерной для его народа. — Не всегда мы были частью Аквилонии.

— Я знаю. Но сейчас совсем другие условия, не то, что раньше, когда королевства были разделены на враждующие вотчины. Миновали дни княжеств и вольных городов, пришло время империй. Владыки стремятся к могуществу, и только в единстве сила.

— Тогда разреши присоединить к Пойнтайнии Зингар, — сказал Троцеро. — Полдюжины князей там схватились между собой, и в стране идет гражданская война. Мы захватим ее — провинцию за провинцией. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир и воздвигнем империю...

И снова Конан воспротивился:

— Пусть другие мечтают об империях. Я хочу только вернуть свое. Я не хочу править королевством при помощи стали и огня. Одно дело взойти на трон при поддержке народа и с его согласия и совсем другое — захватить чужое государство и править устрашением. Я не желаю стать вторым Валерием. Нет, Троцеро, либо я буду править всей Аквилонией, либо вообще не буду государем...

— Тогда веди нас через горы на немедийцев!

Боевой азарт вспыхнул в глазах Конана, но он сказал:

— Нет, Троцеро, это было бы напрасной жертвой. Я уже сказал тебе: чтобы вернуть королевство, я должен отыскать Сердце Аримана.

— Но это безумие, — возразил Троцеро. — Бредни языческого жреца, бормотание безумной ведьмы...

— Ты не был в моем шатре перед битвой, — хмуро ответил Конан и невольно посмотрел на свою правую руку, на которой все еще синели следы пальцев. — Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моего войска. Нет, Троцеро, я был побежден. Ксальтотун — не простой смертный, выйти против него можно только с Седцем Аримана в руке. Поэтому я пойду в Кордаву, причем один.

— Но это опасно, — возразил Троцеро.

— Да и сама жизнь опасна, — проворчал Конан. — Я поеду не как король Аквилонии или пойнтайнский рыцарь, а как бродяга-наемник. Когда-то именно в этом качестве я пересек Зингар. Ох, много у меня врагов к югу от Алимана — и на море, и на суше. Многие и не увидят во мне короля Аквилонии, зато узнают пирата Конана-варвара или Амру — предводителя черных корсаров. Но есть там и друзья, и другие люди, которые мне помогут по некоторым соображениям.

И легкая усмешка пробежала по его губам.

Троцеро покорно опустил голову и посмотрел на Альбиону.

— Я понимаю твои сомнения, граф, — сказала она. — Но я тоже видела монету в храме Асуры, и обрати внимание: Хадрат сказал, что она отчеканена за пятьсот лет до падения Ахерона. Если человек, изображенный на монете, именно Ксальтотун, как утверждает наш король, то это не простой волшебник, ибо срок его жизни исчисляется сотнями лет, а не десятками...

Прежде чем Троцеро ответил, раздался тихий стук в дверь и послышался голос:

— Господин, мы задержали возле замка человека, и он сказал, что должен видеть твоего гостя. Ожидаю распоряжений.

— Шпион из Аквилонии! — прошипел Троцеро и схватился за кинжал, но Конан громогласно воскликнул:

— Откройте двери, я хочу его увидеть!

Вошли два стражника, ведя под руки худого человека в черном плаще с капюшоном.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Прибывший кивнул, а дюжие воины стали испуганно поглядывать на Троцеро.

— Пришли известия с юга, — сказал гонец. — За Алиманом мы не сможем тебе помочь, там наша вера не распространена. Но вот что нам удалось узнать: вор, принявший Сердце Аримана из рук Тараска, не добрался до Кордавы. Разбойники зарезали его в горах Пойнтайн. Их предводитель, конечно, не знал подлинной цены камня, к тому же он убегал от здешних рыцарей, поэтому он, не торгуясь, продал драгоценность купцу из страны Кот по имени Зорат.

— Ха! — воскликнул Конан, вскочив. — И где этот Зорат?

— Четыре дня тому назад он вместе с группой вооруженных слуг переправился через Алиман и двинулся в направлении Аргоса.

— Только идиот решится путешествовать по Зингару в такие времена, — сказал Троцеро.

— Воистину так, за рекой весьма неспокойно. Но Зорат — человек опытный и по-своему смелый. Он торопится в Мессантию, чтобы найти покупателя камня. Возможно, он кое о чем догадывается. Во всяком случае, он пошел не вдоль Пойнтайнских гор к Аргосу — оттуда ведь еще далеко до Мессантии, — но решил пересечь восточную часть Зингара прямым и кратчайшим путем.

Конан грохнул кулаком по столу:

— Значит, клянусь Кромом, и мне судьба выбросила шестерку! Коня, Троцеро, и снаряжение наемного солдата! Зорат опередил меня, но не настолько, чтобы я не мог догнать его хотя бы на краю земли!

12

ЗУБ ДРАКОНА

На рассвете Конан переправился через брод на реке Алиман и двинулся по широкой торговой дороге в юго-восточном направлении. На другом берегу остался Троцеро с отрядом рыцарей и алым леопардом Пойнтайнии, развевавшимся на ветру; черноволосые мужи в сверкающих доспехах в молчании глядели, как силуэт их короля понемногу исчезает вдали.

Конан оседлал полученного у Троцеро огромного черного скакуна. Аквилонской одежды не было на нем — снаряжение превратило его в одного из членов международной Свободной Компании — братства солдат удачи. На голове его был простой шлем без забрала, погнутый и поцарапанный, кольца и бляхи кольчуги свидетельствовали о многочисленных схватках, с могучих плеч спадал щегольский, но рваный и заляпанный алый плащ. Король неплохо выглядел в роли наемника, познавшего все капризы фортуны: то добыча и разгул, то пустая мошна и затянутый пояс.

Мало того, что он хорошо выглядел в этой роли, он в ней и чувствовал себя хорошо — воспоминания оживили в его душе картины буйных, безумных и прекрасных дней, когда он еще не помышлял о троне и как бродяга-наемник пил, искал приключений и стычек, не задумываясь о завтрашнем дне и не мечтая ни о чем, кроме доброго пива, алых губок и острого меча, чтобы размахивать им на полях битв всего мира.

Он ехал по неспокойной стране. Конных отрядов, патрулировавших обычно реку на случай пойнтайнского вторжения, не было видно. Гражданская война оголила границы. Длинная белая дорога тянулась от горизонта до горизонта, и по ней не двигались ни караваны верблюдов, ни грохочущие телеги, ни стада скота — только редкие группы всадников, остролицых мужей с решительными взорами. Они держались вместе и ехали настороже. Обычно они внимательно оглядывали Конана, но не задерживались, потому что вид одинокого ездока навевал мысли не о богатой добыче, а о тяжких ударах.

Опустошенные деревни лежали в развалинах, поля и луга заросли бурьяном. Лишь самые смелые навещали этот край, а местный люд разбежался и поредел во время внутренних войн и набегов из-за реки. В мирные времена на дороге было полно торговцев, направлявшихся в Мессантию и Аргос или обратно. Сейчас они предпочитали более длинную, но менее опасную дорогу на восток через Пойнтайнию, которая поворачивала потом на юг, к Аргосу. Только отчаянной смелости человек мог рискнуть своей жизнью и товаром, выбрав зингарийскую дорогу.

Ночью языки пламени взвивались на юге, днем поднимались в небо столбы дыма — в городах и на равнинах Юга гибли люди, рушились престолы, замки превращались в руины. Конан чувствовал даже искушение старого наемного вояки — повернуть коня и броситься в самую гущу схватки, разрушения и грабежа. Зачем стараться вернуть власть над народом, который уже и думать забыл про него? Зачем бежать за болотным огоньками, гнаться за утраченной навеки короной? Почему не забыться в багряных волнах войны и разбоя, которые раньше столь часто принимали его в свои объятия? Мир вступает в эру железа, эру войн, эру имперских амбиций. По-настоящему сильный человек может, конечно, встать на обломках царств, как последний победитель. Но почему этим человеком должен быть именно он? Так нашептывал ему на ухо демон-хранитель, а призраки бурного и кровавого прошлого окружали его тесным кольцом. Но коня он не повернул, а все ехал и ехал к цели, такой туманной и неопределенной...

Он все быстрее гнал черного жеребца, но белая дорога от горизонта до горизонта была пуста. У Зората было большое преимущество, но Конан двигался все-таки быстрее, чем торговец с товаром. Так он доехал до замка графа Вальбросо, который, подобно гнезду хищной птицы, возвышался на скале над самой дорогой.

Вальбросо — худощавый человек с блестящими глазами и хищно загнутым носом, закованный в черные доспехи, съехал с горы во главе своих воинов, тридцати копейщиков, ветеранов пограничных схваток, таких же жадных и безжалостных, как и он сам. Торговых караванов давненько не было, и Вальбросо одновременно проклинал гражданские войны за опустевшие дороги, и благославлял их за ту свободу, с которой можно было обращаться с соседями. Он не рассчитывал хорошо поживиться за счет одинокого всадника, но курочка по зернышку клюет. Когда же он опытным взглядом осмотрел снаряжение и покрытое шрамами лицо Конана, то пришел к тому же выводу, что и всадники, встречавшие киммерийца раньше, — пустая мошна и тяжкий меч.

— Ты кто, бездельник? — сурово спросил он.

— Наемник, направляющийся в Аргос, — ответил Конан.

— Для парня из Свободной Компании ты выбрал неважный путь, — проворчал Вальбросо. — На юге полно всего — и работы, и добычи. Присоединяйся ко мне и забудешь про голод. Дорога, правда, опустела и толку с нее немного, но я с этими головорезами собираюсь пойти на юг и продать свои мечи тому, кто сильнее.

Конан не торопился с ответом, потому что знал: откажешься — головорезы Вальбросо тут же кинутся на него. Прежде чем он обдумал ответ, зингарец заговорил снова:

— Вы, забияки из Свободной Компании, всегда славились умением развязать человеку язык. У меня есть пленник — последний купец за целую неделю вообще. Но упрямый. Мне так и не удалось заставить его открыть свой железный ящик, секрет которого нам неизвестен. Клянусь Иштар, я-то думал, что знаю все способы убеждения, но, может быть, ты, ветеран Свободной Компании, знаешь такие, что ускользнули от моего внимания. Во всяком случае, поезжай за мной и попробуй что-нибудь сделать.

Слова Вальбросо определили выбор Конана. Похоже, речь шла о Зорате. Конан, конечно, не знал торговца, но человек, решившийся ехать этой дорогой в такое страшное время, мог, скорее всего, устоять и перед пытками.

По дороге, ведущей к замку, Конан ехал бок о бок с Вальбросо, хотя, как простой солдат, должен был держаться сзади. Но привычка сделала его неосмотрительным; к счастью, Вальбросо не обратил на это внимания. Годы жизни на пограничье научили графа манерам, несколько отличающимся от тех, что в ходу при дворе. Кроме того, он знал о независимости наемников, мечи которых прорубили дорогу к трону не одному королю.

Замок окружен был высохшим рвом, наполовину заваленным мусором. Они проехали через подъемный мост под арку ворот. Зловеще загремела решетка, опускаясь за спинами. Они выехали на пустой двор, заросший травой. Посередине был колодец, а вдоль стены тут и там были разбросаны деревянные времянки солдат. Из окон выглядывали лохматые, пестро одетые женщины. В сводчатых нишах солдаты в ржавых доспехах играли в кости на каменных плитах. Все это походило скорей на разбойничий вертеп, чем на благородный замок.

Вальбросо спешился и жестом приказал Конану следовать за ним. Через дверь они прошли в коридор, где встретили одетого в латы человека свирепого вида, который спустился вниз по лестнице, — скорей всего, это был начальник стражи.

— Ну как, Белосо? — спросил граф. — Он заговорил?

— Молчит! — буркнул тот и покосился на Конана.

Вальбросо выругался и побежал по лестнице, Конан и Белосо за ним. Наверху они услышали вопли умирающего. Камера пыток в этом замке была на высоте — как и в государственном учреждении, здесь были всевозможные приспособления для терзания плоти, раздробления костей, вытягивания жил — колеса, железные башмаки, цепи и крючья.

В углу камеры сидело худое и лохматое человекоподобное чудовище в кожаных штанах и жадно обгладывало кость. На колесе

умирал — Конан понял это сразу — голый человек. Неестественно вытянутые конечности говорили о вывернутых суставах и множестве других немыслимых повреждений. У него была смуглая кожа, умное строгое лицо и черные глаза, мутные и покрасневшие от боли. На лице его выступил предсмертный пот, а из-за растянутых губ виднелись черные десна.

— Вот эта коробка, — Вальбросо яростно пнул стоящий неподалеку небольшой, но тяжелый железный ящик. Ящик был украшен изображениями черепов и сплетающихся драконов, но ничего похожего на замок Конан не увидел. Пятна и царапины говорили о том, что до содержимого пытались добраться с помощью топора, лома, долота и огня.

— Здесь казна этого пса, — сердито сказал Вальбросо. — Все на юге знают Зората и его железный ящик, но что внутри — одному Митре ведомо.

Зорат! В самом деле, человек, за которым он гнался, лежал сейчас перед ним. Конан не выдал своего нетерпения, но, когда он склонился над измученным телом, сердце его бешено стучало.

— Ослабь веревки, мерзавец! — хрипло приказал он палачу. Вальбросо и его капитан смотрели с недоумением. Забывшись, Конан заговорил своим обычным тоном, а дикарь в кожаных штанах инстинктивно повиновался. Веревки ослаблялись медленно, иначе боль была бы такой же сильной, как при растягивании.

Рядом стоял жбан с вином. Конан схватил его и поднес к губам несчастного. Зорат судорожно глотал, и вино текло на его тяжко вздымавшуюся грудь.

Разум блеснул в залитых кровью глазах, дрогнули покрытые багровой пеной губы, и послышался хриплый шепот на языке страны Кот:

— Уже наступила смерть? Кончились эти мучения? Передо мной король Конан, павший под Валькией, — значит, я в стране мертвых?

— Ты еще жив, — сказал Конан, — но умираешь. Пыток больше не будет, я позабочусь об этом. Но больше ничем не могу тебе помочь. Но, прежде чем умрешь, скажи мне, как открывается твой железный ящик!

— Мой железный ящик... — пробормотал Зорат. — Выкован он в дьявольском пламени пылающих гор Короши из металла, который не возьмет никакой инструмент. Много чудных сокровищ путешествовало в нем вдоль и поперек нашего мира, но все они не сравнятся с тем, что лежит там сейчас.

— Скажи, как его открыть, — настаивал Конан. — Тебе от него толку уже не будет, а мне оно может помочь.

— Да, ты Конан, — сказал торговец. — Я видел, как ты сидел с короной на голове и скипетром в руке в своей большой тронной

зале дворца в Тарантии. Но тебя уже нет, ты погиб под Валькией. Значит, и мой конец близок.

— Что бормочет этот пес? — нетерпеливо спросил Вальбросо, который не понимал языка страны Кот. — Он скажет нам, как открыть ящик?

Голос его словно бы раздул искру жизни в израненной груди, Зорат повернулся к мучителю.

— Я скажу это только графу Вальбросо, — молвил он по-зингарийски. — Смерть кружит надо мной. Наклонись, Вальбросо!

Лицо графа разгорелось от нетерпения, он приблизился к умирающему.

— Нажми один за другим семь черепов на боковой стенке, — просипел Зорат. — Потом — голову дракона, который вьется на крышке. И наконец, надави на шар в когтях дракона. Секретный замок откроется.

— Ящик, быстро! — взвизгнул Вальбросо и выругался.

Конан поднял ящик и поставил его возле пыточного колеса. Вальбросо оттолкнул короля в сторону.

— Дай, я открою! — высунулся вперед Белосо.

— Его не откроет никто, кроме меня! — закричал Вальбросо.

Конан, инстинктивно схватившийся за меч, поглядел на Зората. Глаза его были мутны и кровавы, но он очень внимательно глядел на графа, и словно бы тень мрачной улыбки коснулась его губ. Торговец не открывал тайны, пока не понял, что умирает. Конан повернулся к Вальбросо и стал глядеть на него так же внимательно, как умирающий.

Край ящика был украшен рельефом из семи черепов среди ветвей причудливого дерева, а посередине свивался в кольца инкрустированный дракон. Вальбросо поспешно нажимал на черепа и, коснувшись большим пальцем головы дракона, грязно выругался и замахал рукой.

— Заноза, — проворчал он. — Палец занозил.

Потом он нажал на золотой шар в лапах дракона — и крышка подскочила вверх. Золотое пламя ударило в глаза. Казалось, что в резной коробке пылает огонь, готовый вот-вот вырваться через края. Белосо вскрикнул, граф тяжело дышал, пораженный Конан стоял в молчании.

— О, Митра, что за камень! — рука Вальбросо погрузилась в ящик и вынула оттуда пульсирующий алый шар, осветивший камеру мягким светом. Вальбросо казался бледным, как покойник. И вдруг умиравший на колесе человек расхохотался.

— Глупец! — воскликнул он. — Камень принадлежит тебе, но вместе с ним я подарил тебе смерть! Заноза в пальце... Посмотри на голову дракона, Вальбросо!

Все одновременно повернулись и посмотрели. Из раскрытой пасти на рельефе что-то торчало.

— Зуб дракона! — хрипел Зорат. — Он смочен ядом черного стигийского скорпиона! Дурак, дурак, трижды дурак, зачем ты открывал его голой рукой? Смерть! Ты уже мертв!

И умер сам с кровавой пеной на губах.

Вальбросо же зашатался и крикнул:

— О, Митра, я горю! Огонь пылает в моих жилах! Смерть! Смерть! — и, скорчившись, рухнул на пол. Страшные судороги пробежали по телу, глаза остекленели, почерневший рот ощерился в страшной усмешке.

— Готов! — проворчал Конан и наклонился, чтобы поднять камень, выпавший их скрюченных пальцев Вальбросо.

— Готов! — проворчал Белосо, и в глазах его зажглось безумие и ярость. Он начал двигаться...

Ослепленный сиянием камня и потрясенный его доступностью, Конан оплошал. Прежде чем он разгадал намерения Белосо, что-то со страшной силой ударило его по шлему, и на кровавый блеск кристалла пролилась живая кровь.

Послышались топот ног и рев, подобный реву раненого буйвола. Оглушенный, но не совсем потерявший сознание Конан сообразил, что Белосо ударил его железным ящиком. Голова уцелела только благодаря шлему. Он попытался отогнать тьму от глаз, шатаясь, поднялся и вытащил меч. Камера ходила ходуном в тумане. Дверь была закрыта, и быстрые шаги доносились уже с винтовой лестницы. На полу валялся лохматый палач, остатки жизни вытекали из огромной раны на его груди. И Сердце Аримана пропало.

С мечом в руке, с лицом, залитым кровью, Конан выбрался из камеры. На неверных ногах он сбежал по лестнице, слыша во дворе крики, лязг металла, а потом — конский топот. Он выбежал во двор и увидел беспорядочно бегающих солдат и визжащих девиц. Боковые ворота были открыты, возле них лежал стражник с разрубленной головой. Кони — среди них и черный жеребец Конана — носились по кругу.

— Он сошел с ума! — вопила какая-то женщина. — Выскочил из замка, как бешеный пес, и начал рубить на все стороны! Белосо взбесился! Где граф Вальбросо?

— В какую сторону он ускакал? — зарычал Конан.

Все как один повернулись в сторону окровавленного незнакомца с обнаженным мечом.

— Через ворота на восток! — завыла женщина, а какой-то солдат воскликнул:

— А что это за тип?

— Белосо убил графа! — крикнул Конан, одним прыжком вскочил на коня и схватился за гриву. Дикий рев был ему ответом,

но реакция воинов была такая, какую Конан и предвидел. Вместо того, чтобы закрыть ворота и поймать его в ловушку или броситься в погоню за убийцей и отомстить за господина, они запаниковали еще сильнее. Только страх перед Вальбросо держал этих волков в стае, а теперь они не чувствовали ответственности ни за замок, ни друг за друга.

Зазвенели мечи, завизжали женщины, и никто не заметил, как Конан вылетел через боковые ворота и с топотом помчался по склону. Перед ним лежала широкая долина, а дорога раздваивалась в южном и восточном направлениях. И как раз на восточной дороге Конан увидел всадника, который из всех сил погонял коня. Мир перед глазами короля ходил ходуном, солнце виделось сквозь кровавую пелену, но киммериец, едва удерживаясь в седле, крепко сжимал одной рукой конскую гриву и тоже пришпоривал своего скакуна.

За его спиной струя дыма поднялась из замка, где тело забытого графа лежало рядом с трупом его жертвы.

Жеребец Конана был полон сил, но и конь Белосо не притомился. Киммериец не мучал свою разбитую голову вопросом, почему негодяй убегает от одного-единственного преследователя. Может быть, обретенное сокровище попросту свело его с ума. Солнце скрывалось за горизонтом, и дорога превращалась в тонкую белую нить, уходящую в пурпурный закат.

Наконец конь короля начал дышать тяжело и бежать с трудом. Пейзаж в наступающем мраке менялся. Пустые равнины уступили место дубовым и ольховым рощам, вдали показались невысокие холмы. Конь храпел и двигался вихляющей рысью. Но Конан продолжал видеть фигуру беглеца, понял, что мало-помалу настигает его, и снова вонзил шпоры в конские бока. Из тьмы донесся леденящий душу вопль, заглушивший даже стук копыт, но ни беглец, ни преследователь не обратили на него внимания.

Они скакали уже почти бок о бок, когда над дорогой повисли мощные ветви деревьев. С диким криком Конан выхватил меч: он увидел обращенное к нему в темноте бледное лицо и блеск стали. Белосо тоже издал боевой клич. И в этот момент обессилевший жеребец Конана споткнулся и полетел кувырком, выбросив из седла ошеломленного всадника. Бедная голова Конана не выдержала удара о камень, и свет померк в его глазах.

...Король понятия не имел, сколько он пробыл без сознания. Сначала он чувствовал только, как его волокут за руку по камням, по лесной траве. Потом хватка внезапно ослабела и сознание окончательно вернулось к нему.

Шлем его пропал, голова раскалывалась, подступала тошнота, волосы слиплись от крови. Но жизнь уже возвращалась в каждую клеточку его тела, разум обретал остроту, и он начал понимать,

где находится. Из-за деревьев видна была багровая круглая луна — значит, уже за полночь. Долго же он лежал, приходя в себя после страшного удара Белосо и падения с коня. Соображалось, во всяком случае, лучше, чем во время погони.

Итак, он, к удивлению, не лежит на обочине дороги, да и вообще этой дороги поблизости не видать. Он лежал на лесной поляне, вокруг стволы деревьев и переплетения ветвей. Он пошевелился, огляделся и вздрогнул — возле него сидело на корточках какое-то существо.

Сначала Конан подумал, что это призрак — неподвижная серая фигура, глядящая на него застывшими бессмысленными глазами.

Он лежал, смотрел и ждал, когда исчезнет дурной сон, но мороз пробежал по коже, когда король вспомнил жуткие рассказы о существах, населяющих леса на границе между Зингаром и Аргосом. Гулями зовутся они, пожиратели человеческого мяса — семя тьмы, потомки чудовищной связи сгинувшего и забытого народа с демонами подземелий. Где-то в этом лесу, поговаривали, среди развалин древнего проклятого города, скользят между гробниц серые человекоподобные тени... И снова дрожь пронзила тело Конана.

Он следил за маячившей перед ним бесформенной головой, а рука его нащупывала кинжал на поясе. И вдруг с ужасным воплем чудовище бросилось, норовя вцепиться в глотку. Конан закрылся рукой, челюсти сомкнулись на ней, вдавливая звенья кольчуги в тело. Костлявые, почти человеческие руки добирались до шеи, но Конан отбил их и перевернулся, доставая левой рукой кинжал.

Они катались по траве, нанося друг другу удары. Под серой, дряблой, мертвой кожей перекатывались мышцы, словно бы сплетенные из стальной проволоки. Но у Конана тоже были железные руки, да и кольчуга надежно защищала его от клыков и когтей. Ему удалось нанести удар кинжалом, потом еще и еще... Тварь была поразительно живучей, но наконец смертная судорога пробежала по отвратительно скользкому телу, когда острие кинжала нашло сердце.

Конан поднялся, борясь с тошнотой, и, держа кинжал в руке, вышел на середину поляны. Врожденное чувство ориентации не покинуло его, но он все-таки не знал, куда затащил его гуль и в какой стороне искать дорогу. Он глядел на черные силуэты деревьев и чувствовал, как на лбу его выступает холодный пот. Он, потерявший и дорогу, и коня, оказался в гуще этих вурдалачьих лесов, и лежащая у его ног лупоглазая тварь наглядно свидетельствовала о том, что слухи оказались правдой. Он затаил дыхание, чтобы расслышать треск ветвей или шорох травы.

Он вздрогнул, услышав наконец звук — ночную тишину огласило тревожное конское ржание. Его жеребец! Здесь водятся пантеры, а кроме того, гули жрут не только людское мясо.

Он бросился напролом через заросли в направлении звука. Страх сменился боевым азартом. Если с конем что-нибудь случится, пропадет возможность догнать Белосо и найти камень.

Снова, на этот раз ближе, заржал и забился в страхе жеребец. Было слышно, как он ударяет во что-то копытами...

Внезапно Конан выбежал на дорогу и увидел, что конь, прядая ушами и оскалив зубы, становится на дыбы и норовит ударить копытами по темной фигуре, прыгающей вокруг. Другие тени заклубились возле Конана, окружая его. Мерзкий трупный запах разлился в ночном воздухе.

Тут Конан увидел, что под травой и листьями что-то блеснуло. Это лунный свет отразился на лезвии его меча — меч как выпал из рук киммерийца, когда конь споткнулся, так и лежал на том же месте. Ругаясь, король схватил свое оружие и сделал широкий круговой замах. Блестели влажные клыки, тянулись грязные когти, но он прорубил себе дорогу и одним прыжком оказался в седле. Меч поднимался и опускался, рассекал уродливые головы и тела, хлестала кровь. Жеребец бил врагов копытами и кусался. Наконец удалось отбиться, и они помчались по дороге. Некоторое время уродливые тени преследовали их, но быстро отстали. Конь и всадник очутились на вершине поросшего лесом холма. Конан увидел перед собой бескрайний горный склон, уходивший вверх и терявшийся вдали.

13
ПРИЗРАК ИЗ ПРОШЛОГО

Вскоре после восхода солнца Конан пересек границу Аргоса. Следов Белосо нигде не было. Или он как следует оторвался, пока король лежал без памяти, или пал жертвой зловещих людоедов Зингарийского леса. Хотя никаких следов, подтверждающих последнее, Конан тоже не нашел. Король чувствовал, что Белосо едет по этой самой дороге где-то впереди. Капитан явно не собирался в Аргос, иначе не свернул бы на восток.

Латники пограничной стражи не цеплялись к киммерийцу. У одинокого наемника напрасно было спрашивать подорожную либо охранную грамоту — его экипировка, лишенная всяких опознавательных знаков и гербов, говорила, что владелец ее не состоит у кого-нибудь на службе. Он пересекал невысокие холмы, неширокие речушки, дубовые рощи. Старая, очень старая дорога вела из Пойнтайнии к морскому побережью.

В Аргосе царил мир и покой. Волы тянули по дороге тяжело нагруженные, грохочущие возы, смуглые, жилистые люди трудились на полях и в садах. Старики, сидевшие на лавках возле

питейных заведений в тени дубовых ветвей, сердечно приветствовали странника.

Он расспрашивал крестьян в поле, толковал с разговорчивыми стариками в тавернах, утоляя жажду флягами пенистого пива, заговаривал с купцами, одетыми в шелк, — хотел узнать что-нибудь о Белосо.

Хотя рассказы эти были противоречивыми, можно было из них все-таки понять, что тощий, жилистый зингарец с бешеными глазами и усами, отпущенными на западный манер, действительно появлялся на дороге и держал путь, по всей видимости, в Мессантию. Это и понятно: из всех портовых городов Аргоса Мессантия была наиболее многолюдным, наиболее посещаемым. В ее гавань входили корабли всех морских держав, здесь искали убежища изгнанники и беглецы со всего света. Законы здесь были достаточно мягкие: Мессантия жила морской торговлей, и ее обитатели, чтобы не осложнять отношений с моряками, на многое предпочитали закрывать глаза. Ведь не все товары были легальными — многие из них доставляли пираты и контрабандисты. Конану это было хорошо известно: не он ли в бытность свою бараханским пиратом входил ночью в порт с драгоценными грузами? Большинство пиратов с островов Бараха — маленького архипелага, расположенного к юго-западу от побережья Зингара, составляли аргосские же моряки, и пока их деятельность ограничивалась торговым флотом других стран, власти Аргоса не больно-то блюли морское право.

Но не только с бараханскими пиратами скитался по морю Конан — случалось ему хаживать и с зингарийскими буканьерами и даже — что выходило за рамки всех законов — с теми дикими черными корсарами, которые, приходя с далекого юга, опустошали северные побережья. Если бы его узнали в каком-нибудь аргосском порту, казнь была бы неминуема. Но без всяких колебаний направился король в Мессантию и останавливался лишь затем, чтобы дать отдых коню да самому задремать на несколько минут.

Никто не задержал его, когда он въехал в город и смешался с толпой, колыхавшейся в торговых рядах. У Мессантии не было нужды в городских стенах — ее охраняли море и военные корабли.

Уже смеркалось, когда Конан неторопливо ехал по улице, ведущей к порту. Вот показался берег, мачты, корабельные паруса. Впервые за много лет он слышал запах соленой воды, скрип мачты. И снова тоска по дальним странствиям стеснила сердце Конана.

Но на берег он не выехал — повернул жеребца в сторону и, поднявшись по каменной лестнице, въехал на широкую улицу.

Здесь в роскошных белых особняках жили люди, превратившие в недвижимое имущество богатство, обретенное в морях, — несколько старых капитанов, нашедших сокровища где-то у черта на рогах, и множество торговцев, которые ни одного шага не сделали по палубе и не слышали, как ревет шторм или морская битва.

Конан направил жеребца к позолоченной калитке и въехал во двор. Здесь шумел фонтан, голуби слетали с мраморных карнизов на мраморные плиты подворья. Паж, облаченный в шелковый камзол и шерстяные чулки, вопросительно поглядел на него. Всякие чудные и удивительные типы приходили в гости к мессантийским купцам, от большинства из них пахло морем. Но наемный рубака, да еще свободно въезжающий во двор торгового магната, был явлением необычным.

— Здесь живет купец Публио? — сказал король скорее утвердительно и таким тоном, что паж сорвал с головы берет с пером и почтительно раскланялся.

— О да, именно здесь, господин капитан.

Конан соскочил с коня, а паж подозвал слугу, и тот подбежал, чтобы принять поводья.

— Хозяин дома? — Конан снял перчатку и принялся отряхивать с себя пыль.

— Да, капитан. Как прикажете доложить?

— Сам доложу, — проворчал Конан. — Дорогу я знаю, так что оставайся здесь.

Публио сидел за резным столиком тикового дерева и водил золотым пером по дорогому пергаменту. Это был большеголовый человек с бегающими черными глазками в дорогой одежде из голубого шелка, обшитого парчой. На толстой шее у него висела тяжелая золотая цепь.

Когда Конан вошел, он поднял взгляд, хотел нетерпеливо отмахнуться, но застыл с поднятой рукой. Перед ним был призрак из прошлого. В широко раскрытых глазах торговца были удивление и страх.

— Значит, — сказал Конан, — у тебя для меня и слова доброго не найдется?

Публио облизнул губы.

— Конан, — прошептал он, не веря себе. — О, Митра, это же Конан-Амра!

— А кто же еще? — Конан расстегнул плащ и вместе с перчатками бросил его на столик. — Значит, — со злостью сказал он, — у тебя не найдется хотя бы кубка вина для старого приятеля? У меня вся глотка забита дорожной пылью.

— Ах да, вино! — повторил Публио и потянулся было к гонгу, но отдернул руку как от огня.

С каким-то мрачным удовольствием Конан смотрел, как торговец встает, торопливо закрывает двери, предварительно убедившись, что в коридоре никого нет, потом возвращается и берет золотой кувшин с вином на соседнем столе. Он собрался было наполнить маленький бокал, но Конан вырвал кувшин и жадно прильнул к нему.

— Да, сомнений нет — это Конан, — пробормотал Публио. — Эй, парень, да ты с ума сошел!

— Клянусь Кромом, Публио! — сказал Конан, оторвавшись от кувшина, но не выпуская его из рук. — Живешь ты не так, как в старые времена. Только аргосский купец способен сколотить состояние, торгуя в жалкой лавчонке тухлой рыбой и дешевым винцом.

— Старые времена прошли, — сказал Публио дрожащим голосом. — Я расстался с прошлым, как с изношенным плащом.

— Ну что ж, — отозвался Конан. — Зато меня, как изношенный плащ, не выбросишь. Нужно мне от тебя немного, зато уж будь любезен сделать все как надо. Слишком много дел натворили мы с тобой в старые-то времена. Ты что, за дурачка меня считаешь, думаешь, я не понимаю, что этот роскошный дом построен моим потом и кровью? Сколько товаров с моих галер прошло через твою лавочку?

— Все торговцы Мессантии время от времени имели дело с морскими разбойниками, — нервно сказал Публио.

— Только не с черными корсарами, — зловеще ответил Конан.

— Замолчи, во имя Митры! — воскликнул Публио. Его прошиб холодный пот, пальцы нервно теребили золотое шитье одежды.

— Я хотел только напомнить, — ответил Конан. — В прошлом ты охотно шел на риск ради жизни и богатства — шел рука об руку с любым буканьером, контрабандистом или пиратом. Жизнь испортила тебя.

— Я уважаемый человек... — начал Публио.

— Это означает, что ты богат, как дьявол! — рассмеялся Конан. — А почему? Почему счастье улыбнулось тебе раньше, чем конкурентам? Не потому ли, что ты делал большие деньги, торгуя слоновой костью, страусиными перьями, медью, жемчугом и коваными золотыми украшениями с побережья страны Куш? А почему они доставались тебе задешево, когда другие купцы брали этот товар у стигийцев на вес серебра? Я тебе напомню: ты покупал их у меня по дешевке, а я добывал их на Черном Берегу да на стигийских кораблях — в компании с черными корсарами!

— Оставь это, во имя Митры! — взмолился Публио. — Я ничего не забыл. Но что ты здесь делаешь? Я — единственный человек в Аргосе, который знает, что король Аквилонии был когда-то

Конаном-пиратом. Но пришли вести о падении Аквилонии и о смерти ее короля.

— Да враги уже сто раз хоронили меня на словах, — проворчал Конан. — Но тем не менее я сижу здесь и угощаюсь винцом из Кироса.

И тут же подтвердил это делом.

Потом опустил почти опорожненный кувшин и сказал:

— Я прошу тебя лишь о мелкой услуге, Публио. Ты в курсе всех дел, что творятся в Мессантии. Я хочу знать, прибыл ли в город некий зингарец по имени Белосо — или как он там себя сейчас называет. Он высокий, худой, чернявый, как большинство его соплеменников. Вероятно, он попытается продать очень редкий драгоценный камень.

— Я не слышал о таком. Тысячи людей приезжают в город и выезжают из него. Если он здесь, мои люди его выследят.

— Хорошо. Пошли их на поиски. А покуда займись-ка моим конем и прикажи принести еды.

Конан допил вино, швырнул кувшин в угол и подошел к окну. Запах перца и оливкового масла вперемешку с морским воздухом снова напомнили ему о прошлом. Он не заметил, как Публио вышел из комнаты.

Подбирая полы одежды, он поспешил по коридору в помещение, в котором высокий худой человек со шрамом на виске писал что-то на пергаменте, но на писца уж никак не походил. Публио всполошил его:

— Конан вернулся!

— Конан? — худой мужчина сорвался с места, и перо выпало из его пальцев. — Тот корсар?

— Именно!

Худой побелел от ярости.

— Он что, с ума сошел? Если его узнают, нам конец! Человека, который укрывает корсара или торгует с ним, повесят точно так же, как самого корсара! А если губернатор еще узнает о наших делах с ним?

— Не узнает, — мрачно ответил Публио. — Пошли своих людей на рынок, во все портовые притоны — пусть узнают, не появился ли в Мессантии некий зингарец Белосо. Конан сказал, что у зингарца есть драгоценный камень, который он постарается продать. Ювелирам это будет наверняка известно. А вот и другое задание: найди дюжину готовых на все ребят. Чтобы сумели и убрать кого надо, и язык за зубами держали. Понял?

— Понял.

— Не для того я воровал, обманывал, лжесвидетельствовал и проливал кровь, чтобы не вырваться из нищеты, — прошипел

Публио. Выражение его лица в эту минуту, вероятно, весьма удивило бы богатых господ и дам, покупавших в его лавках шелк и жемчуга. Но когда он вернулся к Конану, неся поднос с едой, он снова был сама приветливость.

Конан по-прежнему стоял у окна и глядел на порт, на пурпурные, розовые, багровые и алые паруса галеонов, галер и рыбачьих лодок.

— Если глаза мне не изменяют, там стоит стигийская галера, — показал он на длинный узкий корабль, стоящий на якоре. — Вроде бы мир царит между Стигией и Аргосом?

— Так же, как в давние времена, — ответил Публио и, отдуваясь, поставил тяжелый поднос: он знал возможности своего гостя. — Стигийские порты открыты для наших кораблей, наши — для стигийских. Только бы мой корабль не встретился с их проклятой галерой в открытом море. Точно, одна вошла в гавань сегодня ночью, но что нужно ее хозяевам — не знаю. Они ничего не продают и не покупают. Не доверяю я этим дьяволам. Стигия — страна предателей.

— Дорогой мой хозяин, — сказал Конан. — Докажи, что в твоем сердце нет предательства, — принеси еще еды и этого доброго вина.

Покуда король насыщался, по рынкам и набережным сновали люди в поисках зингарца, желающего продать драгоценный камень или сесть на корабль, отплывающий в далекие страны. А высокий худой человек со шрамом на виске сидел в гнусном погребке за столом, залитым вином, и толковал с десятком матерых мужиков, чей вид не оставлял никакого сомнения в их профессии.

А первые звезды, взошедшие на небо, осветили четырех всадников, ехавших в Мессантию с западной стороны по белой дороге. Это были люди в черных плащах с капюшонами. Они что есть силы погоняли своих уставших, взмыленных лошадей. Странные всадники ехали молча, словно связанные неким обетом.

14
ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЕТА

Конан пробудился от крепкого сна мгновенно, как кошка. И столь же мгновенно вскочил на ноги с мечом в руке, так что коснувшийся его человек еле отшатнулся.

— Какие новости, Публио? — спросил киммериец, узнав хозяина.

Публио, придя в себя от страха, вызванного таким бурным пробуждением гостя, ответил:

— Зингарец найден. Он приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать драгоценный камень купцу из страны Шем, но тот не захотел иметь с ним дела. Рассказывают, что при виде камня он весь побелел, закрыл свою лавку и бежал, как от чумы.

— Должно быть, это Белосо, — сказал Конан и ощутил в руках нетерпеливую дрожь. — Где он сейчас?

— Он спит в доме Гермия.

— Знаю эту дыру по старым временам, — прорычал Конан. — Нужно спешить, пока кто-нибудь из портовых грабителей не перерезал ему глотку из-за этого камешка.

Он набросил на плечи плащ и взял из рук Публио шлем.

— Прикажи оседлать моего коня и держать его на дворе в готовности, — сказал он. — Может быть, возвращаться придется, как бы сказать, быстрым шагом. Я не забуду, Публио, что ты сделал для меня нынешней ночью.

Через минуту торговец, стоя у боковых дверей, провожал взглядом фигуру короля, исчезающую во мраке улицы.

— Прощай, корсар, — сказал он. — Видно, дорого стоит этот камешек, если его ищет человек, только что потерявший королевство. Жаль, что я не наказал своим ребятам, чтобы они занялись сначала этим делом. Впрочем, нечего жалеть. Пусть Аргос забудет имя Амры, и пусть наши с ним дела порастут травой забвенья. За домом Гермия есть аллея... Там Конан перестанет быть опасным для меня.

Дом Гермия — убогий, пользующийся дурной славой бордель, стоял на набережной, обращенной к морю. Конана не оставляло ощущение, что за ним следят. Конан огляделся, прислушался, но услышал только шорох одежды. В этом не было ничего неожиданного: в порту полно воров и грабителей, но вряд ли они отважатся напасть на него.

Внезапно открылась дверь, и киммериец проскользнул в помещение. Навстречу ему выскочила фигура и устремилась по аллее — не скрываясь, но бесшумно, как дикий зверь. Света звезд было достаточно, чтобы рассмотреть выбежавшего. Это, несомненно, был житель Стигии — бритая голова, орлиный профиль, плащ на широких плечах. Он шел в сторону берега, и на секунду Конану показалось, что под плащом незнакомец прячет фонарь.

Но Конан враз забыл об этом, когда увидел, что двери все еще открыты. Сначала он решил хорошенько тряхнуть Гермия и узнать, где спит Белосо, но потом рассудил, что лучше будет пройти незамеченным. Несколько шагов — и он у двери. Король положил руку на замок и невольно выругался, потому что его

чуткие пальцы, натренированные грабителями из Заморы, сказали ему, что замок выломан снаружи, причем с такой нечеловеческой силой, что пробой вылетел из косяка. Как можно было сделать такое и не переполошить весь дом, он не понимал. Во всяком случае, это сделали нынешней ночью, иначе Гермий уже приказал бы наладить замок, опасаясь лихих людей.

Соображая, как разыскать комнату зингарца, Конан бесшумно, на ощупь, двигался в темноте, держа наготове кинжал, и вдруг остановился: рядом была смерть. Так чуют смерть дикие животные — не угрозу, а присутствие мертвого тела. Охваченный беспокойством, король долго ощупывал стену и, наконец, нашел на полке лампу, трут и огниво. Через секунду появилось слабое пламя. Конан увидел комнату, пустой стол и лавку — все ее убранство. А на глинобитном полу лежал Белосо — лежал навзничь, с головой, втянутой в плечи, и казалось, что он очень внимательно рассматривает почерневшие потолочные балки. Рядом лежал меч в ножнах. Распахнутая рубаха обнажала мощную волосатую грудь, заклейменную четким отпечатком пятерни.

Конан глядел и чувствовал, как волосы у него становятся дыбом.

— О, Кром! — прошептал он. — Черная ладонь Сета!

Ему уже приходилось видеть такой знак — смертельный знак грозных жрецов Сета — зловещего божества, царящего в мрачной Стигии. И вдруг он припомнил свет, выбивавшийся из-под плаща таинственного стигийца, встреченного у входа.

— Сердце, клянусь Кромом! — сказал он. — Он утащил его! Разломал дверь своими чарами, убил Белосо и похитил Сердце. Это был жрец Сета.

Король быстро обыскал Белосо, и его опасения подтвердились. Камня не было. У Конана возникло подозрение, что все это было не случайно, что стигийская галера прибыла в порт с определенной целью. Откуда мог жрец Сета узнать, что Сердце окажется на юге? Ответ был не более фантастичен, чем некромантия, позволившая убить вооруженного человека одним прикосновением открытой ладони.

Он услышал за дверями крадущиеся шаги, обернулся, как гигантская кошка, погасил лампу и выхватил меч. В темноте приближалась группа людей. А когда его глаза привыкли к темноте, он увидел силуэты людей, полукругом стоящих у двери. Кто они такие — он понятия не имел, но привык бить первым и нанес удар.

Этот неожиданный маневр озадачил притаившихся. Он увидел подбегавших к нему людей, лица в масках, потом его меч вошел в чье-то тело, а сам он побежал что есть сил вдоль по улице.

Впереди послышался тихий скрип весел, и король сразу забыл о погоне. Из залива выходило судно! Стиснув зубы, он ускорил бег, но, добежав до берега, услышал только скрежет веревок, поворачивающих руль.

Темные тучи над морем заслонили звезды, и можно было рассмотреть только длинный силуэт корабля, набиравшего скорость. Донесся ритмичный плеск весел. Конан оскалил зубы в бессильной ярости. Это уходила в море стигийская галера и увозила драгоценный камень, который должен был вернуть ему трон Аквилонии.

С бешеным проклятием он отступил назад и схватился за ремень панциря, готовый бросить доспехи и пуститься вплавь. Потом обернулся, услышав шорох песка. Он совсем забыл о погоне.

А она быстро приближалась. Передний пал под молниеносным ударом меча, но других это не остановило. Матово поблескивающие клинки застучали по панцирю. Он услышал вопль и почувствовал на руке прикосновение кишок из распоротого живота. Потом он услышал чей-то смутно знакомый голос, который подбадривал нападающих. Конан стал прорубаться на голос и, когда ветер на мгновение рассеял тучи, увидел высокого худощавого человека с глубоким шрамом на виске. Под мечом Конана его голова развалилась, как спелая дыня.

Потом чей-то топор ударил по шлему, из глаз короля посыпались искры. Конан сделал выпад и почувствовал, что попал, это подтвердил и вопль умирающего. Конан споткнулся о тело, и чья-то дубина сбила с его головы покореженный шлем, а следующий удар обрушился на беззащитную голову.

Король Аквилонии упал на мокрый песок. Наемные убийцы окружили его тело, как волки.

— Отруби ему башку, — прорычал один из них.

— Пусть лежит, — буркнул другой. — Лучше помоги мне перевязать рану, пока я не изошел кровью. Прилив унесет его в море. А башка у него и так расколота: такого удара не выдержит никто.

— А мне помоги снять с него доспехи, — сказал третий. — Хоть немножко серебра достанется нам. И давайте поторопимся, потому что подходит какая-то пьяная матросня. Смываемся.

Послышалась лихорадочная возня, потом топот бегущих ног. И все заглушили глотки пьяных моряков.

Публио, который в волнении мерял свою комнату шагами, вдруг испуганно обернулся. Он хорошо знал, что двери закрыты изнутри. Сейчас же они были открыты, а в комнату вошли четверо незнакомцев. Торговец задрожал, увидев их. За свою жизнь Публио много чего повидал, но такого... Они были высокие и тонкие,

желтые овалы лиц обрамлялись черными капюшонами. Каждый держал в руке причудливый посох.

— Кто вы? — спросил он срывающимся глухим голосом. — Что вам нужно?

— Где находится Конан, который был королем Аквилонии? — спросил самый высокий, и его бесстрастный голос заставил снова задрожать торговца.

— Не знаю, о ком вы говорите, — сказал купец. — Этот человек мне не знаком.

— Он был здесь, — сказал главарь, не меняя голоса. — Во дворе стоит его конь. Скажи нам, где он, прежде чем мы будем вынуждены причинить тебе боль.

— Гебал! — заорал Публио и отскочил к стене.

Четверо кхитайцев равнодушно смотрели на него.

— Если ты позовешь своего раба, он умрет, — предупредил один из пришельцев.

— Гебал! — завыл купец. — Где ты, чтоб тебя черти взяли! Твоего хозяина убивают!

Раздались быстрые шаги, и в комнату ворвался Гебал — крепкий, коренастый уроженец страны Шем с густой курчавой бородой. Он был вооружен коротким мечом.

С тупым недоумением глядел он на пришельцев и не мог понять, откуда они взялись, потом вспомнил, что на лестнице, которую он охранял, его на минутку одолел сон. Прежде он никогда не позволял себе этого на службе. Хозяин визжал от страха, и Гебал смело бросился вперед, занося меч. Но ударить ему не пришлось.

Рука из черного рукава метнулась вперед, держа далеко перед собой посох. Его кончик едва коснулся груди раба — это напоминало бросок змеи.

Гебал застыл на месте, его голова склонилась на грудь, меч выпал из руки, и все тело медленно опустилось на пол, как будто у него были переломаны все кости. Торговца вырвало.

— Не визжи, — посоветовал самый высокий кхитаец. — Слуги твои крепко спят, а если ты их разбудишь, они умрут вместе с тобой. Где Конан?

— Он пошел в дом Гермия на берег моря — искать зингарца Белосо, — прохрипел Публио, утративший всякую способность к сопротивлению. Отваги ему было не занимать, но незваные гости привели его в безотчетный ужас. Он вздрогнул, когда на лестнице послышались шаги.

— Твой слуга? — спросил кхитаец.

Публио молча кивнул — язык ему не повиновался. Один из пришельцев сорвал с постели шелковое покрывало и набросил его на труп. Потом все четверо укрылись за шторой, но главный сказал:

— Спроси, что ему нужно, и быстро выпроводи его. Если предашь нас, то ни один из вас отсюда не выйдет. Не вздумай показать, что в комнате есть еще кто-то.

И, выразительно погрозив посохом, скрылся за шторой.

Публио задрожал, превозмогая тошноту. Может быть, это была игра света, но ему показалось, что посох движется сам, как живое существо.

Он с трудом взял себя в руки, и оборванец-головорез, вошедший в комнату, ничего не заподозрил.

— Все сделано по-твоему, господин, — доложил он. — Труп варвара валяется на песке.

Публио почувствовал движение за шторой и чуть не умер от страха. Не обратив на это внимания, разбойник продолжал:

— Твой секретарь Тиберио погиб. Варвар убил его — его и четверых моих товарищей. Мы принесли их тела. Кроме двух серебряных монет, у варвара ничего не было. Будут еще приказы?

— Нет! — выдавил из себя Публио. — Уходи!

Разбойник поклонился и поспешно вышел, подумав при этом, что у хозяина слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из укрытия.

— О ком шла речь? — спросил самый высокий.

— Об одном путешественнике, который оскорбил меня, — сказал Публио.

— Лжешь, — спокойно сказал кхитаец. — Он говорил о короле Аквилонии. Я вижу это по твоему лицу. Сядь на постель. Сиди и не двигайся. Я останусь с тобой, а мои спутники пойдут искать тело.

Торговец сидел и трясся от страха. Наконец трое вернулись и доложили, что тела киммерийца нет на берегу. Публио не знал, к добру это для него или к худу.

— Мы нашли следы борьбы, — сказали они, — и кровь на песке. Но король исчез.

Четвертый кхитаец начертил посохом на ковре невидимый знак.

— Что еще прочли вы на песке? — спросил он.

— Мы прочли, что король жив и отправился морем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и поглядел на Публио так, что тот покрылся холодным потом.

— Что вам от меня нужно? — проблеял он.

— Корабль, — ответил кхитаец. — Корабль, оснащенный для дальнего плавания.

— В какую сторону? — спросил Публио, не помышляя об отказе.

— На край света, — ответил страшный гость. — А может быть, еще дальше — к огненным океанам ада.

15

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Первое, что почувствовал Конан, приходя в себя, было движение — он куда-то поднимался и падал. Потом он услышал, как ветер свистит в мачтах, и, еще не открыв глаза, понял, что находится на корабле. Потом раздались голоса, кто-то плеснул на него водой, и он окончательно очнулся. Потом, крепко выругавшись, поднялся и огляделся. Хриплый хохот стоял вокруг, и пахло давно не мытыми телами.

Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, которая шла под всеми парусами. Слева алой лентой тянулся берег, с правой простиралось бесконечное море.

Длинная и узкая галера была обычным торговым судном с южного побережья. На носу и корме — палубы с каютами, посередине размещались гребцы, прикованные к веслам, по сорок человек с каждого борта. В основном это были чернокожие. Каждый из них был прикован обернутой вокруг пояса цепью, которая, в свою очередь, крепилась к длинной и толстой балке. Жизнь раба на аргосских галерах была сущим адом. Большинство из гребцов, как определил Конан, были родом из страны Куш, а человек тридцать — с далеких южных островов, родины всех корсаров. И он узнал тех, кто когда-то ходил с ним в походы.

Все это Конан увидел и передумал в одно мгновение. Потом он сжал кулаки и уставился на людей, обступивших его. Тот, кто окатил его водой, все еще держал в руке ведро, и король в гневе потянулся за мечом, но вспомнил, что он наг и безоружен.

— Что это за паршивая лохань? — зарычал он. — Где я?

Моряки — все до единого крепкие бородатые аргоссцы — издевательски захохотали, а один, судя по богатой одежде и осанке, — капитан, скрестил руки на груди и сказал:

— Мы нашли тебя на берегу. Кто-то дал тебе по башке и ограбил. Нам нужны люди, вот мы тебя и взяли.

— Что это за корабль? — спросил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии. Мы везем зеркала, алые шелковые плащи, золоченые шлемы, щиты и мечи, чтобы обменять все это в стране Шем на медь и червоное золото. Меня зовут Деметрио, я капитан этого корабля и твой хозяин.

— Во всяком случае, это направление меня устраивает, — сказал Конан, не обратив внимания на последние слова капитана. Они шли на юг, держась неподалеку от берега. Где-то впереди, он знал это, неслась узкая галера.

— Может быть, вы видели стигийскую галеру... — начал Конан, но тут грубая физиономия капитана покраснела от гнева. Он решил, что настала пора указать дармоеду подобающее ему место.

— Марш работать! — зарычал Деметрио. — Мы и так потратили на тебя много времени. Я и так оказал тебе честь, отвечая на твои дурацкие вопросы. Убирайся с палубы! Отрабатывай плату за проезд...

— Да я куплю твой корабль... — начал Конан и снова вспомнил, что он голый и без гроша.

Снова раздался взрыв смеха, а капитан, решив, что над ним смеются, покраснел еще сильнее.

— Бунтовать, свинья? — он схватился за нож. — За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Держи язык за зубами, а не то я прикую тебя вместе с черными.

И тут дала себя знать бешеная натура Конана.

— Не повышай голос, ублюдок! — его рык был подобен порыву морского ветра. — И оставь в покое эту игрушку, иначе я брошу тебя акулам!

— Да кто ты такой? — заорал капитан.

— Сейчас объясню! — и Конан бросился к щиту, на котором висело оружие.

Капитан выхватил нож, но Конан успел схватить его за запястье и выдернул руку из плечевого сустава. Капитан заревел, как бык на бойне, киммериец отшвырнул его, и он покатился по палубе. Конан схватил тяжелый топор и обернулся, чтобы встретить нападавших матросов. Они приближались к нему, тяжело дыша, но где им было равняться с тигриной боевой силой киммерийца! Прежде чем они успели что-нибудь сделать, он ворвался в самую гущу, рубя направо и налево. Двое моряков, обливаясь кровью, упали.

Конан прорвался на помост, соединявший кормовую и носовую палубы и проходивший прямо над головами гребцов. Несколько моряков, убоявшись участи товарищей, остались на месте, но человек тридцать с оружием в руках бросились за Конаном.

Потрясая головой и гривой черных волос, Конан посмотрел на черные лица гребцов.

— Кто я такой? — зарычал он. — Смотрите, собаки! Аранга, Ясунга, Ларанга, смотрите! Кто я такой?

Внизу поднялся шум, перерастающий в мощный рев:

— Амра! Это Амра! Лев вернулся!

Услышав этот крик, моряки побледнели, с ужасом глядя на Конана. Неужели это действительно тот самый кровожадный вурдалак южных морей, который таинственно исчез много лет назад, чтобы жить лишь в страшных легендах? Пена безумия выступила на губах негров. Они гремели цепями и выкрикивали имя Амры

как заклинание. Даже уроженцы страны Куш, никогда не видевшие Конана, подхватили этот крик.

Капитан Деметрио ползал по палубе, опираясь на здоровую руку, и кричал:

— Вперед, ублюдки, убейте его, пока черные не расковались!

Нет ничего более страшного для экипажей галер, поэтому моряки отчаянно атаковали короля с двух сторон, но Конан ловко спрыгнул на нижнюю палубу.

— Смерть им! — загремел он, и его топор с треском разрубил первую цепь. Рычащий раб освободился и взмахнул веслом, как дубиной. На палубе «Смельчака» воцарился хаос. Топор Конана поднимался и опускался, и каждый удар освобождал ревущего гиганта, вдохновленного свободой и желанием отомстить.

Моряки, спрыгнувшие вниз, чтобы удержать Конана, были схвачены еще не раскованными гребцами, а те, кто был свободен, страшно завывая, высыпали на палубу, наносили удары обломками весел и обрывками цепей, в ход шли и зубы, и ногти. Освободив человек пятьдесят, Конан вскочил на помост, чтобы присоединить свой щербатый топор к дубинам союзников.

Потом началась резня. Сильные, мужественные, неустрашимые аргоссцы, истинные дети своего народа, не смогли устоять против черных гигантов, ведомых безжалостным варваром. Настал час расплаты за плети, за оскорбления, за все унижения и муки. Между кормой и носом бушевал тайфун мести. А когда он стих, на палубе «Смельчака» остался в живых только один белый человек — покрытый шрамами варвар, вокруг которого сгрудились негры. Они плясали на окровавленной палубе и в восторге бились головами о доски.

— Амра! Амра! — выкрикивали они. — Лев вернулся! Завоют теперь стигийские шакалы на Севере, завоют и черные собаки в стране Куш! Запылают деревни, пойдут на дно корабли! Ха, заплачут женщины, затрещат копья!

— Заткнитесь, ублюдки! — зарычал Конан. — Десять человек вниз — освободить всех остальных. Остальные к рулю, к парусам и к веслам! Кром и дьяволы, вы что, не видите, что нас отнесло к самому берегу? Вы хотите сесть на мель и снова угодить в лапы аргоссцам? Быстро выкинуть эту падаль за борт! За работу, иначе я с вас шкуру спущу!

С криками, смехом, песнями бросились гребцы выполнять приказы Конана. Трупы полетели за борт — там уже мелькали треугольные плавники.

Конан стоял на капитанском мостике, скрестив руки на груди, и хмуро глядел на негров, а те, в свою очередь, глядели на него с ожиданием. Да, вряд ли в эту минуту аквилонские дворяне узнали бы в этом суровом корсаре своего короля.

— В трюме полно жратвы! — ревел он. — И полно оружия — его везли в страну Шем. Хватает у нас и гребцов, и бойцов! Вы, рабы, трудились для аргосских собак — неужели свободные люди не помашут веслами для Амры?

— Аой! — кричали они. — Мы — твои дети! Веди нас куда хочешь!

— Тогда за дело! Сначала вымойте лавки — свободные люди не могут работать в такой грязи. Трое идут со мной — готовить пищу. Ох, и посчитаю я вам ребра до конца плавания!

Ответом ему снова был восторженный рев, и негры поспешили выполнять команду. Конан вдохнул морской воздух и напряг мышцы. Хоть и утратил он корону Аквилонии, но все же продолжал оставаться королем синих морей!

16
ЧЕРНЫЕ СТЕНЫ ГОРОДА КЕМИ

Хорошую скорость придали «Смельчаку» весла в руках свободных людей. Из торговой галеры он превратился в боевой корабль. Теперь люди сидели на лавках с мечами у пояса и в золоченых шлемах. Вдоль бортов висели щиты, связки копий, луки и стрелы украсили мачту. Даже природа сейчас служила Конану: усиливавшийся день ото дня бриз наполнял паруса, так что в веслах не было нужды.

Дни и ночи проводили наблюдатели в «вороньем гнезде», чтобы углядеть мчащуюся на юг длинную черную галеру. Редкие рыбачьи лодки старались избежать встречи с корсарами.

Наконец заметили парус, но не на юге, а на севере — там, на линии горизонта, полным ходом шла галера. Негры уговаривали Конана сменить курс и захватить корабль, но он отказался. Ему нужен был именно тот, что где-то впереди спешил на юг. Галера на севере видна была и вечером, и наутро — она шла курсом «Смельчака». Не погоня ли это, думал Конан, но с какой стати? Впрочем, по мере приближения к берегам Стигии его охватывало нетерпение. Он твердо знал, что Сердце Аримана похитил жрец Сета. А куда податься жрецу Сета с таким сокровищем, кроме как в Стигию? Негры чувствовали его тревогу и, хотя не знали, в чем дело, работали куда лучше, чем под ударами бича. Они мечтали о кровавых набегах и богатой добыче. Даже уроженцы страны Куш со свойственной их племени жестокостью представляли, как они обдерут своих же соплеменников. Голос крови для них ничего не значил, была бы выгода.

Вскоре рисунок береговой линии изменился, исчезла из поля зрения полоса гор, редкими стали заливы и бухты, но все чаще

белели на отдаленных равнинах разбросанные тут и там зиккураты в городах земли Шем.

Потом появились заросли тамаринда, пальмовые рощи стали гуще, буйные зеленые заросли окружали устья рек, впадавших в море. И наконец на южном горизонте показались высокие черные стены и башни города.

Река, впадавшая в море в этом месте, называлась Стиксом и была пограничной, а город носил имя Кеми и был самым крупным портом Стигии, а сейчас и самым главным городом. Король проживал в древнем Луксуре, а Кеми был религиозным центром, хоть и говорили, что подлинная столица жрецов находится в глубине страны, на берегу Стикса, в таинственном покинутом городе.

Погасив огни, «Смельчак» ночью прошел мимо порта и, прежде чем взошло солнце, встал на якорь в небольшой бухте милях в двух от города. Бухту окружали болота, поросшие мангровыми лесами, пальмами и лианами. Здесь было полно змей и крокодилов. Заметить корабль было трудно — это место было знакомо Конану и давало ему приют в его пиратские дни.

Когда они проходили мимо города, мимо его могучих бастионов, то видели свет факелов и слышали глухие удары барабанов. Кораблей в порту было немного, не сравнить с Мессантией. Сила и слава стигийцев не покоились на морском могуществе. У них, конечно, были торговые суда и военные галеры, но мощь сухопутных войск была неизмеримо больше. Кроме того, большинство кораблей вообще не выходило в море и совершало рейсы вверх и вниз по великой реке Стикс.

Стигийцы были народом древним, угрюмым, загадочным, могучим и безжалостным. В старые времена их владения простирались далеко к северу от нынешней границы — в степи страны Шем, к нагорьям, которые населяют теперь жители Офира. Они граничили с древним Ахероном. Но Ахерон пал, и дикие предки гиборийцев, одетые в волчьи шкуры и рогатые шлемы, ринулись на юг и вытеснили из этих земель исконных хозяев. Стигийцы никогда не забывали об этом.

Целый день «Смельчак» простоял на якоре в маленькой бухте. Среди перепутанных ветвей порхали пестрые птицы и ползали искрящиеся змеи. Наконец, под вечер от борта отвалила лодка: наблюдатели заметили стигийского рыбака в плоскодонке.

Рыбак был доставлен на палубу «Смельчака» — длинный, тощий, с посеревшим от страха лицом; люди, схватившие его, слыли на стигийском побережье вурдалаками. На нем ничего не было, кроме шелковой набедренной повязки, — ведь в Стигии, впрочем,

как и в Гиркании, даже рабы и нищие одеты в шелка, — да еще в лодке валялся плащ, чтобы не мерзнуть ночью. Рыбак упал на колени перед Конаном, ожидая мучительной смерти.

— Встань на ноги, старина, и перестань дрожать, — нетерпеливо сказал киммериец, не понимавший причины этого страха. — Никто тебя не обидит. Ты лучше скажи мне: не приходила ли в Кеми за последние несколько дней галера из Аргоса — такая черная и быстрая?

— Да, господин, — ответил рыбак. — Не далее, как вчера утром, из далекого путешествия на север вернулся жрец Тутотмес. Говорят, что он побывал в Мессантии.

— И что же он привез из Мессантии?

— К сожалению, мне неведомо, господин.

— А зачем он ходил в Мессантию? — не отставал Конан.

— И этого не ведаю, господин. Кто я такой, чтобы знать замыслы жрецов Сета? Могу сказать только о том, что видел сам или слышал от людей. Говорят, что дошло до нашей страны известие огромной важности, но что за известие — никто не знает. Зато все знают, что жрец Тутотмес сейчас же пустился в путь на своей черной галере. Теперь он вернулся, но что делал он в Аргосе и с каким грузом вернулся, опять же никто не знает, даже моряки с галеры. Люди болтают, что он поссорился с Тот-Амоном, верховным жрецом Сета, что живет в Луксуре, и что он собирает силы, чтобы свергнуть Величайшего. Кто я такой, чтобы знать это? Когда жрецы враждуют, простой человек должен лежать, как малая песчинка, надеясь, что его не затопчут.

Конан даже скривился от таких рабских рассуждений и обратился к своей команде:

— Я один пойду в Кеми и разыщу этого вора Тутотмеса. Этого человека стерегите, но не обижайте. Кром и дьяволы, да перестаньте вы завывать! Или вы думаете, что мы можем войти в порт и взять город приступом? Я пойду один.

Смирив недовольство, он снял свои латы и переоделся в простую одежду рыбака, взял его сандалии и головную повязку. Но не забыл захватить короткий кинжал. Простолюдины в Стигии не имели права носить оружие, а короткий плащ не мог скрыть богатырского меча киммерийца. Гигантский нож был оружием диких племен пустыни, живших к югу от Стигии, — широкое, тяжелое лезвие из отличной стали, острое, как бритва, и достаточно длинное, чтобы выпустить человеку кишки.

Потом, оставив рыбака под охраной пиратов, он спрыгнул в его лодку.

— Ждите меня до утра, — сказал он. — Если до этого времени я не вернусь — значит, не вернусь вовсе. Тогда быстро уходите на юг, в ваши родные края.

Негры подняли жалобный вопль, но король, высунув голову из-за борта, выругался и восстановил тишину. Потом опустился на дно лодки, взял весла и помчался по волнам с такой скоростью, о которой не мог и мечтать прежний владелец.

17
«ТЫ УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЕТА!»

Порт Кеми лежал между двумя выходящими в море полосками суши. Конан обогнул южный мыс в такое время, когда стражники могли видеть лодку и рыбака, но хорошенько рассмотреть были уже не в состоянии из-за темноты. Незамеченным он проскользнул между черными боевыми галерами, стоявшими на рейде, и подплыл к массивным каменным ступеням. Лодку он привязал к железному кольцу, и она затерялась среди множества подобных суденышек. Ничего с ней не сделается, приглянуться она может только рыбаку же, а рыбаки не воруют друг у друга.

Когда он поднимался по длинной лестнице, обходя факелы, которые через каждые несколько шагов горели над плещущейся водой, на него бросили лишь несколько равнодушных взглядов. Рыбак вернулся с пустыми руками, обычное дело. Правда, держался он слишком прямо и уверенно для бедняка, но шел быстро, а народ в Стигии не склонен к излишней наблюдательности.

Сложением он не слишком отличался от стигийских воинов, его загорелая кожа была такой же темной, черные волосы, перехваченные обручем из меди, были так же подстрижены над самыми бровями. Отличала его только походка, чужеземные черты лица да голубые глаза.

Но игра была опасной, долго быть незамеченным ему не удастся. Кеми — это не гиборийский порт, где полным-полно людей из самых разных стран. Единственными чужеземцами здесь были негры да рабы из страны Шем, а киммериец походил на них еще меньше, чем сами стигийцы. Чужеземцы вообще не были желанными гостями в городах Стигии: здесь терпели только посланников и доверенных купцов — да и тем предписывалось покидать сушу до захода солнца. К тому же в это время в порту не было ни одного гиборийского корабля. Какая-то непонятная тревога охватила город, какое-то напряжение чувствовал Конан своим первобытным чутьем.

Печальная участь ждет его в случае разоблачения. Могут убить сразу, просто как чужака, но если кто-нибудь признает в нем Амру, опустошавшего огнем и мечом побережья... Холод пробежал по спине. Врагов в человеческом обличье он не боялся. Но сейчас он был в стране магов. Говорили, что Старый Змей,

изгнанный из гиборийских земель, скрывается где-то здесь в потаенных храмах, где совершаются ужасные и загадочные обряды.

Город этот не походил на гиборийские города — здесь не горели фонари, не прогуливались люди с песнями и смехом, торговцы не зазывали прохожих в свои лавки и магазинчики.

Здесь лавки закрывались с наступлением сумерек, а единственным источником света были факелы, воткнутые в стены на большом расстоянии друг от друга. И прохожих было немного, и становилось их все меньше, и спешили они в молчании. Печальной и неестественной казалась Конану эта картина — молчаливые люди, их поспешный шаг, толстые стены по обеим сторонам улицы. Было в стигийской архитектуре что-то угнетающее.

Светильники горели только в верхних этажах домов. Конан знал, что большинство жителей предпочитает спать на плоских крышах, под открытым небом, среди пальм в искусственных садах. Откуда-то доносилась непривычная музыка. Время от времени проезжала по каменным плитам бронзовая колесница, и можно было увидеть вельможу с орлиным профилем в шелковом плаще и со знаком Змея на золотом обруче, охватывающем гриву волос, и обнаженного возницу, старающегося удержать диких стигийских жеребцов.

Пешком ходили только нищие, мелкие торговцы, шлюхи и ремесленники, но и этих было немного. Конан направлялся в сторону храма Сета. Он думал, что сумеет узнать Тутотмеса, хоть и видел его только в краткий миг в Мессантии. В том, что именно жрец убил Белосо, он не сомневался. Только знатоки самых высоких степеней Черного Кольца могли убивать одним прикосновением руки, и только они могли восстать против Тот-Амона, который для народов Запада был всего лишь страшной легендой.

Улица стала шире, и Конан понял, что входит в священный район города. Зловещие строения возносились к небу. И вдруг где-то впереди раздался пронзительный женский крик. Нагая куртизанка, в головном уборе из перьев, прижалась к стене и с ужасом глядела на что-то, чего Конан сразу и не рассмотрел. Услышав ее крик, несколько прохожих остановились и словно окаменели. И тут Конан увидел, что впереди что-то движется. Потом из-за угла дома показалась отвратительная треугольная голова, а за ней, виток за витком, гибкое, блестящее, темное тело.

Конан вздрогнул и вспомнил старую сказку о змеях, посвященных Сету — верховному божеству Стигии в обличье змеи. Этих чудовищ держали в храмах Сета и выпускали на улицы, чтобы они могли утолить свой голод, сожрав любого приглянувшегося им человека. Это считалось жертвой чешуйчатому богу. Стигийцы, мужчины и женщины, падали на колени, спокойно ожидая своей участи. Тот, которого выберет огромный змей, погибнет в смер-

тельных объятиях и будет проглочен, как мышь. Остальные останутся жить — такова воля богов.

Но не воля Конана! Удав полз в его сторону — наверно, потому, что киммериец один из всех стоял прямо. Конан взялся за рукоять кинжала, хоть все еще надеялся, что тварь проползет мимо. Но змей остановился и начал свиваться в кольца, то показывая, то пряча раздвоенный язык. Глаза его холодно блестели. Змей приготовился к прыжку, но Конан выхватил кинжал и нанес смертельный удар. Широкое лезвие рассекло треугольную морду и вонзилось в шею.

Конан вытащил нож и отскочил в сторону, а гигантское тело забилось в агонии. Тишину нарушали только гулкие удары хвоста о каменные плиты.

А потом пораженные поклонники Сета заголосили:

— Святотатец! Ты убил священного сына Сета! Смерть ему! Смерть! Смерть!

В воздухе засвистели камни, и разъяренные стигийцы бросились на Конана. Люди выбегали из дверей, крик усилился. Конан свернул в какой-то проулок, он бежал почти на ощупь и слышал за спиной топот босых ног. Потом его левая рука нащупала проход в стене — он свернул и оказался в другой аллее. По обе ее стороны шли массивные каменные стены. Это были стены храмов. Он услышал, что голоса преследователей становятся все тише — они не разгадали его маневра и побежали в другую сторону. И он пошел вперед, хотя одна мысль о возможности встретиться с другими «детьми Сета» наполняла его ужасом.

Вдруг впереди он увидел огонек — словно светляк в темноте. Конан прижался к стене и приготовил кинжал: ведь впереди — человек с факелом. Человек был уже так близко, что Конан мог разглядеть руку, держащую факел, и неясный овал лица. Еще несколько шагов, и короля увидят. Он приготовился к убийственному прыжку, но тот, кто шел, остановился. Свет факела выхватил из темноты очертания двери, и человек принялся возиться с замком. Дверь отворилась, он вошел, и тьма вновь окружила Конана.

Ощупывая стену, он подобрался к двери. Если один человек прошел по этой улице, в любую минуту может появиться следующий. А если вернуться назад, не напорешься ли на толпу преследователей? Ведь они вполне могут изменить направление погони. Он чувствовал себя беспомощным перед этими голыми неприступными стенами и хотел скрыться отсюда — хоть бы и в этот неизвестный дом.

Тяжелая дверь из бронзы открылась свободно; он заглянул в образовавшуюся щель. Перед ним был большой квадратный зал со стенами из черного камня. В нише пылал факел. Зал был пуст. Конан переступил порог и закрыл за собой дверь.

Бесшумно ступая по мраморным плитам, он пересек зал и очутился возле дверей из тикового дерева. Держа кинжал наготове, он вошел в огромное мрачное помещение, потолок которого терялся где-то высоко в темноте. Причудливые бронзовые светильники освещали этот зал каким-то необычным светом. На другом конце зала начиналась широкая лестница без перил, тоже уходящая вверх, в темноту.

Конан вздрогнул: он понял, что оказался в храме некоего стигийского божества — или самого Сета, или, может быть, менее грозного. А вот и хозяин: в глубине зала поднимался жертвенник из необтесанного черного камня, а на нем в свете ламп переплетались кольца огромного змея. Змей не двигался, и Конан припомнил слухи, что жрецы обычно усыпляют своих подопечных. Киммериец неуверенно сделал несколько шагов, потом вдруг отступил и укрылся за шелковой шторой, закрывающей ближайшую нишу в стене: кто-то приближался.

В одном из проходов появилась высокая, крепко сбитая фигура человека в сандалиях, шелковой тунике и широком белом плаще. Голова и лицо его были закрыты пугающей маской, изображавшей полузверя, получеловека, украшенной страусиными перьями. Стигийские жрецы некоторые из своих обрядов проводили именно в таких масках.

Конан надеялся остаться незамеченным, но стигийцем словно руководил какой-то инстинкт: сначала он направился прямо к лестнице, потом неожиданно повернул и устремился к нише. Когда он отодвинул шелковую штору, из глубины метнулась могучая рука и, заглушая крик, втянула жреца туда, где ждал его кинжал.

Что делать дальше, Конан уже знал. Он снял с убитого кошмарную маску и надел на себя, а тело жреца оставил в нише и прикрыл рыбацкой накидкой. Белый плащ жреца он набросил на свои богатырские плечи. Сама судьба подготовила этот маскарад. Теперь пусть весь город Кеми ищет святотатца, который осмелился с оружием в руках защититься от священного змея, — никому и в голову не придет искать его под маской жреца.

Он смело выступил из ниши и направился в сторону выбранной наугад двери, но не успел пройти и нескольких шагов...

У подножия лестницы стояла толпа людей, одетых так же, как он. Король стоял неподвижно, надеясь на свою маскировку. Лоб его покрылся холодным потом. Никто не произносил ни слова. Подобно призракам, жрецы в масках обходили Конана и направлялись к черным дверям. Их предводитель держал в руках эбеновый посох, увенчанный человеческим черепом, и Конан понял, что перед ним один из таинственных и зловещих стигийских ритуалов. Последний в процессии обернулся в сторону Конана, как бы приглашая его присоединиться. Отказаться — значило возбудить подозрения.

Приспособив свой шаг к мерной поступи процессии, Конан стал замыкающим.

Они двигались длинными, мрачными сводчатыми коридорами, и по мере продвижения череп начал светиться фосфорическим блеском. Звериный страх охватил Конана: ему захотелось выхватить кинжал и, рассыпая удары, бежать куда глаза глядят из этого жуткого храма. Но, несмотря ни на что, он держал себя в руках и не смог скрыть вздоха облегчения только тогда, когда они, пройдя через высокие, в три человеческих роста, двери, оказались под открытым небом.

Конан раздумывал, не шмыгнуть ли в какую-нибудь темную аллею, но пока не решился и продолжал двигаться вместе с молчаливой процессией. Идущие навстречу прохожие отворачивались и убегали. Они шли посредине улицы, и его бегство не осталось бы незамеченным. Киммериец весь извелся, пока они дошли до невысоких ворот и вышли за городскую стену. Теперь вокруг были только низенькие мазанки с плоскими крышами и силуэты пальм. Конан подумал, что теперь самое время расстаться с этой неразговорчивой компанией.

Но за стенами города молчание прервалось и взволнованные жрецы начали о чем-то переговариваться между собой. Мерный ритуальный шаг нарушился, предводитель небрежно взял посох с черепом подмышку, и все в беспорядке пошли вперед. Поспешил и Конан, который в шепоте толпы уловил слово, заставившее его вздрогнуть. Слово это было: Тутотмес!

18

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ УМИРАЛА

Конан жадно присматривался к своим замаскированным спутникам. Либо Тутотмес был среди них, либо все они шли на встречу со жрецом, которого киммериец разыскивал. И вдруг он понял, куда они направляются, когда увидел за пальмами черный треугольный массив на фоне ночного неба.

За их плечами грозные башни Кеми возносились к звездам, глядящимся в воды залива, перед ними во мраке расстилалась пустыня. Где-то недалеко завыл шакал, и это был единственный звук во всей округе, потому что сандалии жрецов, ступавших по песку, не вызывали ни малейшего шума. Казалось, что к выросшей в пустыне гигантской пирамиде приближаются призраки.

Ее вид заставил сердце Конана биться сильнее, а желание настичь Тутотмеса при любых обстоятельствах не лишено все же было страха перед неведомым. Да и кто бы мог спокойно подойти к этому сооружению из черных камней? Одно его название было

для людей юга символом чего-то чудовищного. Легенды намекали, что пирамиды построены вовсе не стигийцами, что они возвышались в пустыне еще в те древние времена, когда этот смуглый народ пришел в край над великой рекой.

Вход в пирамиду стерегли каменные львы с женскими лицами. Предводитель подошел к двери, возле которой Конан заметил неясную темную фигуру.

Жрец задержался возле нее на какое-то время и исчез, а остальные по очереди двинулись за ним. Каждый на миг останавливался возле таинственного стража и обменивался с ним какими-то словами или жестами — ни услышать, ни разглядеть Конан не мог. Тогда он начал отставать, а потом сделал вид, что возится с ремешком сандалии. Только когда последний из жрецов прошел, двинулся вперед и он.

Вспомнив старые сказки, Конан с тревогой подумал: принадлежит ли этот страж вообще к роду человеческому? Но всякие сомнения были отброшены в сторону. Небольшой светильник из бронзы, горящий в портале, освещал уходящий во мрак коридор и фигуру в черном плаще. Больше ни было никого: все жрецы скрылись в глубине пирамиды.

Стигиец в черном плаще пронзил Конана внимательным взглядом и сделал левой рукой необычный жест. Конан повторил этот жест, да, видно, не угадал: в правой руке стража блеснула сталь, а удар был нанесен с такой силой, что наверняка поразил бы обыкновенного человека в самое сердце.

Но матовое лезвие не успело достичь цели: Конан перехватил тонкую руку и кулаком правой двинул стигийца в челюсть. Голова его ударилась о стену и глухо хрустнула.

Конан постоял над убитым, прислушиваясь. В коридоре попрежнему никого не было, но откуда-то из глубины, снизу, до киммерийца дошел слабый удар гонга.

Он наклонился и вытащил тело за тяжелую бронзовую дверь, а потом с опаской, но скоро двинулся навстречу своей судьбе. Впрочем, далеко он не ушел, потому что коридор расходился на две стороны и угадать, куда пошли жрецы, было невозможно. Наугад он выбрал левое направление. Отполированный множеством ног пол плавно уходил вниз. В позеленевших светильниках по стенам горели слабые огоньки. Конан думал, с какой целью и в какую неведомую эпоху были возведены эти гигантские сооружения. Это была древняя, очень древняя земля. Никто не мог сказать, сколько столетий пролетело над черными храмами Стигии.

То слева, то справа открывались очередные проходы, но он держался основного коридора, хоть и чувствовал, что ошибся. Даже если жрецы намного опередили его, он бы уже догнал их. Конан занервничал. Хотя тишина здесь была почти осязаемая, он разли-

чал чье-то присутствие. Казалось, из каждого прохода наблюдают за ним невидимые глаза. Он остановился, уже собравшись вернуться к развилке, но внезапно обернулся, подняв кинжал.

В проходе бокового коридора стояла девушка. Ее белоснежная кожа говорила, что она принадлежит к древнему и знатному стигийскому роду. Она была высокая, гибкая, соблазнительно сложенная, великолепные черные волосы ее были украшены рубином. На ней ничего не было, кроме шелковых сандалий и широкого, украшенного драгоценностями пояса вокруг тонкой талии.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Ответ выдал бы его чужеземное происхождение. Он стоял, не двигаясь, — грозная фигура в страшной маске с колышущимися перьями. Коридор за ней был пуст, зато голос мог поднять на ноги сколько угодно стражников.

Она подошла к нему без страха, хоть и осторожно.

— Ты не жрец, — сказал она. — Ты воин — это ясно, хоть на тебе и маска. Между тобой и жрецом такая же разница, как между мужчиной и женщиной. Во имя Сета! — воскликнула она, и глаза ее расширились. — Да ты, кажется, и не стигиец!

Неуловимым для взгляда движением он схватил ее за шею, впрочем достаточно осторожно.

— Помалкивай! — прошептал он.

Ее гладкое белое тело было холодным, как мрамор, а в огромных черных глазах не было и тени страха.

— Не бойся, — спокойно сказала она. — Я не выдам тебя. Но ты, должно быть, сошел с ума, чужеземец, ведь в храм Сета нельзя входить посторонним!

— Я ищу жреца Тутотмеса, — ответил король. — Он в храме?

— А зачем ты его ищешь? — ответила она вопросом на вопрос.

— Он украл у меня одну штуку.

— Я провожу тебя к нему, — предложила она с такой охотой, что Конан заподозрил недоброе.

— Я вовсе не шучу. Я не люблю Тутотмеса.

Он заколебался, но решился: в конце концов он в ее власти, и она — в его.

— Иди рядом, — сказал он, освободив шею и сжимая руку девушки. — Но гляди! Если я что-нибудь замечу...

Она повела его по коридору все вниз и вниз, и вот не стали уже попадаться светильники на стенах, и он шел на ощупь. Он спросил спутницу о чем-то, она повернула к нему голову, и Конан с ужасом увидел, что ее глаза светятся желтым огнем. Страшные подозрения родились в его душе, но он продолжал идти за ней через лабиринт черных коридоров, где не помог бы даже его дикарский инстинкт. В душе он проклинал себя, но поворачивать было поздно. Вновь он почувствовал впереди что-то живое, жадное

и голодное. Если слух не изменил ему, девушка прошептала какое-то повеление, и шорох исчез.

Наконец она ввела его в комнату, где в семисвечнике горели черные свечи. Он понимал, что находится глубоко под землей. Стены и потолок в комнате были из черного полированного мрамора, обставлена она была в стигийском стиле. Здесь стояло покрытое черным шелком эбеновое ложе и покоился на каменном постаменте резной саркофаг.

Конан выжидающе глядел на сводчатые проходы в стенах комнаты, но девушка не собиралась идти дальше: с кошачьей грацией она растянулась на ложе, закинула руки за голову и поглядела на Конана из-под длинных, тяжелых ресниц.

— Что дальше? — нетерпеливо спросил он. — Что ты делаешь? Где Тутотмес?

— Некуда спешить, — лениво ответила она. — Что такое час? Или день? Или год? Или век? Сними маску, я хочу увидеть твое лицо...

Рыча от гнева, Конан сорвал с головы тяжелое сооружение. Поглядев на его смуглое, покрытое шрамами лицо, девушка удовлетворенно кивнула.

— Да, в тебе есть сила... Огромная сила... Ты мог бы задушить быка...

Чувство опасности нарастало: положив руку на кинжал, он мерял комнату шагами и заглядывал в проходы.

— Если ты заманила меня в ловушку, — сказал он, — то недолго тебе тешиться надо мной. Слезай с этой кроватки и делай, что обещала, а не то...

Он внезапно замолк, поглядев на саркофаг, — его крышка была украшена барельефом из слоновой кости. Маска была вырезана с поразительным правдоподобием, свойственным древним мастерам, изображала же она лицо девушки, которая в небрежной позе возлежала на ложе. Можно было подумать, что это портрет, если бы не древность саркофага. Лакированную поверхность крышки покрывали древние иероглифы. За свою бурную жизнь Конан нахватался многих разнообразных знаний и умений, поэтому он сумел прочесть по буквам:

— Акиваша!

— Ты слышал о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же о ней не слышал!

Имя этой жестокой и прекрасной принцессы все еще жило в песнях и преданиях, хотя уже десять тысяч лет прошло с той поры, когда дочь Тутхамона устраивала кровавые пиршества в черных покоях древнего Луксура.

— Весь ее грех был в том, что она любила жизнь и все, что с ней связано, — сказала стигийка. — И чтобы обрести жизнь,

она обманула смерть. Она не могла примириться с тем, что будет стареть, увядать, покрываться морщинами и в конце концов умрет в обличии старой ведьмы. И тогда она взяла в любовники Мрак, а он взамен подарил ей жизнь — но не ту, что знают простые смертные, а жизнь без старости и смерти. И она погрузилась во тьму, чтобы перехитрить старость и смерть...

Конан яростно посмотрел на нее, обернулся и сорвал крышку с саркофага. Саркофаг был пуст. За его спиной раздался хохот девушки, от которого кровь заледенела. Король повернулся к ней.

— Акиваша — это ты! — он заскрипел зубами.

Она продолжала смеяться.

— Да, я Акиваша! Та самая, что никогда не умирала и не знала старости! Та самая, про которую глупцы говорят, что она была взята богами на небо в расцвете лет и сделалась повелительницей небесных сфер! О нет, лишь во мраке смертный может обрести бессмертие. Я умерла десять тысяч лет назад, чтобы жить вечно! Дай мне твои губы, богатырь!

Она легко вскочила и подбежала к Конану, встала на кончики пальцев и обвила руками его могучую шею. Он глядел на ее прекрасное лицо и чувствовал отвращение, смешанное с леденящим ужасом.

— Люби меня! — прошептала она, откинув голову. — Дай мне частицу твоей крови, чтобы поддержать мою молодость. Тебя я тоже сделаю бессмертным! Ты познаешь мудрость всех эпох, откроешь все тайны, станешь повелителем призрачного войска, которое пирует среди древних могил, когда ночь опускается на пустыню и летучие мыши пересекают лунный диск. Хватит с меня жрецов, магов и рабынь, которые визжат, когда их тащат через ворота смерти. Я хочу мужчину. Люби меня, варвар!

Она прильнула к его груди, и он почувствовал боль у основания шеи. Король с проклятием отшвырнул девушку на ложе.

— Чертова упыриха!

Из ранки на шее текла струйка крови.

Она села на ложе, как змея, приготовившаяся к прыжку, и желтые огни преисподней горели в ее огромных глазах. Дьявольская улыбка обнажила острые белые зубы.

— Глупец! — крикнула она. — Ты думаешь уйти от меня? Ты будешь жить и подыхать здесь, в темноте. Я завела тебя глубоко в подземелье, и один ты никогда не найдешь обратной дороги. Ты не минуешь тех, кто стережет тоннели. Если бы не я, сыновья Сета давно бы сожрали тебя. Глупец, я еще напьюсь твоей крови!

— Держись подальше, не то я раскромсаю тебя на куски! — прорычал король. — Может, ты и бессмертная, но сталь тебя победит.

Он отступил к дверям, через которые вошел, и вдруг наступила темнота. Все свечи таинственным образом погасли, хотя принцесса не трогалась с места. За спиной раздавался смех упырихи, подобный сладкой отраве адских скрипок, и Конан облился потом, ища выхода. Наконец нашел и побежал, не особенно задумываясь, куда — лишь бы подальше от этой заколдованной залы, которая в течение многих веков была жилищем прекрасного и отвратительного, живого и мертвого существа.

Его путешествие по бесконечным изгибам черных коридоров было сплошным мучительным кошмаром. То тут, то там слышал он шорох ползущих тел, однажды до него донесся отголосок знакомого жуткого смеха. Он был в отчаянии и чувствовал себя жертвой дьявольской забавы, он думал, что его попросту заманивают все глубже и глубже в последнюю тьму, где поджидают его клыки и когти демонов мрака.

Кроме страха, его не оставляло и чувство отвращения от правды, которую он открыл. Легенда об Акиваше была невероятно древней, но было в ней и нечто притягательное — миф о вечной молодости. Для мечтателей, влюбленных и поэтов она была не только преступной принцессой из стигийского предания, но и символом бессмертной красоты, вечно живущей в далеком обиталище богов. Теперь он узнал страшную действительность. Источником вечной жизни было позорное преступление. И к физическому отвращению присоединилась боль от того, что человеческое совершенство — лишь сон, что золото обернется грязью, что все людские устремления напрасны, все ложь и обман...

И еще он понял, что за ним гонятся и преследователи неумолимо приближаются. Во мраке раздавалось шуршание, которое не могут издавать ни человеческие ноги, ни звериные лапы. Он обернулся в полной темноте, чтобы встретить врага лицом к лицу, — и стал медленно отступать. Потом стихли звуки, и Конан, вновь обернувшись, увидел где-то вдалеке слабый свет.

19
В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан медленно двигался в сторону света и прислушивался, не раздадутся ли за спиной звуки погони. Хоть ничего не было слышно, варвар чуял, что в темноте таится разумная жизнь.

Источник света не стоял на месте — он двигался, причудливо подскакивая. Тоннель, по которому он шел, пересекся с другим коридором, пошире. А по этому коридору шли четверо высоких и тонких людей в черной одежде с капюшонами на головах, каждый опирался на посох. Предводитель нес над головой факел, горевший

удивительно ровным светом. Они не походили на стигийцев — Конан таких людей никогда не встречал, да и люди ли это?

Однако положения киммерийца уже ничто не могло ухудшить, и прежде чем за спиной раздалось страшное шуршание, Конан выскочил в коридор. Четверка двигалась впереди. Он бесшумно следовал за ней, но прижался к стене, увидев, что они остановились, посовещались и стали возвращаться. Конан укрылся в ближайшем проходе. Он уже неплохо ориентировался в темноте и убедился, что тоннель идет не прямо, а с поворотами. За первым поворотом он и притаился, чтобы его не увидели в свете необыкновенного факела.

За его спиной раздался шум голосов. Пройдя дальше в глубь коридора, он понял, что не ослышался, решил двигаться в ту сторону.

Наконец впереди показалось пятно света, и он повернул в коридор, бывший его источником. В дальнем конце коридора слабо виднелись широкие двери. Слева поднимались вверх узкие каменные ступени — по ним он и поднялся, как подсказал ему инстинкт. Поднявшись по ступеням, он нашел невысокую дверь, ведущую в огромный зал, наполненный бледно-зеленым светом.

Он стоял в темной галерее, окружавшей помещение воистину гигантских размеров. Это был Зал Мертвых — немногие люди, если не считать молчаливых стигийских жрецов, побывали здесь. Пестрые резные саркофаги покоились в нишах черных стен. Ниши были продолблены на разных уровнях, самые верхние терялись во мраке под куполом. Тысячи масок равнодушно глядели вниз, где, жалкая и беспомощная, по сравнению с этой армией мертвецов, стояла группа людей.

Десятеро из них были те самые жрецы, с которыми Конан вошел в пирамиду, — он узнал их, несмотря на маски. Жрецы стояли перед высоким человеком с орлиным лицом возле черного алтаря, на котором лежала мумия в истлевших бинтах. А сам алтарь был освещен блеском живого пламени, исходившим из большого алого кристалла. В его свете лица жрецов были мертвенно бледными. Глядя вниз, Конан вдруг почувствовал груз всех долгих миль, всех тяжких дней и ночей своей трудной дороги. Ему хотелось броситься на жрецов, раскидать их ударами своего оружия и схватить желанную драгоценность. Но он терпеливо ждал, притаившись в тени каменной балюстрады. Вниз с галереи вела вдоль стены узкая лестница. Оглядев зал, Конан убедился, что, кроме жрецов, в нем никого нет.

В огромном пустом пространстве раздавался громкий зловещий голос предводителя:

— ... И таким образом эта весть дошла до Юга. Ночной ветер прошептал ее, выкрикнул ворон на лету, а печальные нетопыри

передали совам и змеям, что обитают в древних руинах. Узнали ее и вурдалаки, и упыри, и охотящиеся во мраке демоны с телами из черного дерева. Уснувшая Ночь Мира встала и тряхнула своей тяжелой гривой, и в самых темных глубинах забили барабаны, а отзвуки далеких страшных воплей перепугали ночных путников. Ибо вернулось в мир Сердце Аримана, чтобы выполнить свое предназначение.

Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, узнал эту весть раньше, чем Тот-Амон, который мнит себя повелителем всех волшебников. Есть тайны, которые не предназначены даже для ваших ушей, а Тот-Амон — не единственный Мастер Черного Круга.

Услышал я эту весть и пошел навстречу Сердцу, и встреча эта состоялась на юге. Оно, как магнит, безошибочно вело меня к себе. От смерти к смерти плыло оно в реке людской крови. Кровь укрепляет его, кровь его притягивает. Наибольшей мощью обладает оно в руках убийцы, обагренных кровью предыдущего владельца. Где оно блеснет — течет кровь, падают царства, сама природа впадает в хаос.

И сейчас я, хозяин Сердца, стою здесь, и я призвал вас, о верные, чтобы разделить с вами черное царство грядущего. Нынешней ночью мы сумеем разорвать цепи, наложенные на нас Тот-Амоном, и родится новая империя.

Но кто я такой — я, Тутотмес, — чтобы постичь все силы, скрытые в этих алых глубинах? Тайны их забыты еще три тысячи лет назад. Но я все узнаю. Они мне расскажут!

И он указал на ряды немых саркофагов.

— Видите — они спят и глядят на нас глазами мраморных масок. Цари и царицы, военачальники и жрецы, волшебники и стигийские вельможи — из бездны десяти тысяч лет. Прикосновение Сердца пробудит их от вечного сна. Долго, очень долго билось и пульсировало Сердце в древней Стигии. Здесь был его дом в течение многих веков, прежде чем перенесли его в Ахерон. Древним была известна его полная сила, и они расскажут мне о ней, когда я верну им жизнь, чтобы они мне служили.

Я разбужу их, чтобы постичь забытую мудрость, тайное знание, скрывающееся за этими замшелыми черепами. Владея тайной мертвых, мы обратим в рабство живых! Цари, полководцы и чернокнижники станут нашими помощниками и слугами. Кто может противостоять нам?

Смотрите! Эти высохшие, скрюченные останки были когда-то Тотмекром, верховным жрецом Сета, умершим три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга и знал Сердце. Он и расскажет нам о его силе!

Он взял огромный кристалл, положил его на грудь мумии и поднял руки, чтобы произнести заклинание. Но так и не произнес — застыл с поднятыми руками и открытым ртом, уставившись куда-то за спины учеников, и те, в свою очередь, обернулись, чтобы проследить его взгляд.

Через темный дверной проем в зал вошли четверо в черном. Их лица в тени капюшонов казались невыразительными желтыми овалами.

— Кто вы такие? — выдавил наконец Тутотмес, и голос его был страшен, как шипение кобры. — Только безумцы могут вторгнуться в священное обиталище Сета!

Голосом, бесцветным, как звон кхитайских колокольчиков, самый высокий из пришельцев ответил ему:

— Мы преследуем Конана из Аквилонии.

— Здесь его нет, — ответил Тутотмес и, словно пантера, выпускающая когти, угрожающе стряхнул плащ с правого плеча.

— Ты лжешь. Он в этом храме. Мы идем по его следу от входа, где лежит труп, через весь лабиринт. И сейчас наткнулись на ваше сборище. Вскоре мы продолжим погоню. Но сначала отдай нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумцев! — прорычал Тутотмес и приблизился к говорившему. Его жрецы сделали то же самое, но пришельцы не обратили на это внимания.

— Всякий смотрит на него с вожделением, — сказал кхитаец. — Мы слышали о Сердце в нашей стране. Оно поможет нам победить изгнавших нас. Чудеса и сокровища таятся в его алых глубинах. Отдай его, не то будешь убит.

Раздался дикий вопль, и в руках одного из жрецов сверкнула сталь. Но прежде, чем он нанес удар, взметнулась покрытая чешуей палка, коснулась его груди, и он на месте пал замертво. И с этой минуты мумии стали свидетелями страшной кровавой бойни. Блистали алые клинки; как змеи, ударяли пестрые посохи — от их прикосновения человек с криком падал и умирал.

Когда был нанесен первый удар, Конан сорвался и побежал вниз по лестнице. Лишь краем глаза видел он эту сатанинскую свалку — люди падали, сплетались в схватке, истекали кровью. Он видел, как одного кхитайца буквально разрубили на куски, как другой, не колеблясь, раздавал смерть направо и налево, и как Тутотмес ударил его в грудь открытой ладонью и убил — хотя перед тем и сталь была бессильна.

Когда Конан сбегал с последней ступеньки, схватка подходила к концу. Трое порубленных кхитайцев полегли, но и из числа стигийцев остался в живых лишь Тутотмес.

Он бросился на последнего из пришельцев, выставив, как оружие, свою пустую черную ладонь, но посох кхитайца, словно бы удлинившись в воздухе, ударил его в грудь. Жрец зашатался. Посох ударил еще и еще раз, Тутотмес споткнулся и упал. Черные пятна поползли по его лицу.

Кхитаец бросился к лежащему на груди мумии кристаллу, но Конан опередил его.

Они стояли среди разбросанных по полу человеческих внутренностей и молча смотрели друг на друга.

— Ах, король Аквилонии, долго же мы шли за тобой, — спокойно сказал наконец кхитаец. — По большой реке, через горы, через Пойнтайнию и Зингар, через холмы Аргоса, а потом вдоль берега моря. Нелегко было взять твой след в Тарантии, ибо жрецы Асуры хитры. Мы совсем было потеряли след и в Зингаре, но нашли в лесу твой шлем. И совсем уж сбились со следа нынешней ночью в лабиринте.

Конан подумал, что ему повезло, когда он покинул покой упырихи по другому коридору. Иначе он бы сразу напоролся на этих желтых демонов.

Кхитаец, словно прочитав его мысли, покачал головой.

— Это уже не имеет значения. Погоня окончена.

— Почему вы преследуете меня? — спросил Конан, готовясь молниеносно отскочить в ту или иную сторону.

— Это был неоплаченный долг, — ответил кхитаец. — От тебя, который умрет, нечего скрывать. Мы — вассалы Валерия, короля Аквилонии. Мы долго служили ему, но теперь вольны — братьев моих освободила смерть, а свою миссию я сейчас выполню и вернусь в Аквилонию с двумя сердцами — Сердцем Аримана для себя и сердцем Конана для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из живого Дерева Смерти...

Посох обладал змеиной стремительностью, но удар кинжала был еще быстрее. Посох распался на две извивающиеся половины, снова блеснула сталь, и голова кхитайца покатилась по полу.

Конан повернулся, чтобы взять драгоценность, но, пораженный ужасом, отступил.

На алтаре не было высохшей мумии. Кристалл горел на груди живого человека — обнаженного, среди обрывков бинтов. Живого? Конан не был полностью уверен в этом. В глубине черных блестящих глаз была видна нечеловеческая тоска.

Держа камень в руке, воскрешенный медленно встал и молча протянул свою ладонь Конану. Конан принял кристалл и почувствовал, что это рука мертвеца. Он понял, что ритуал не был доведен до конца и жизнь вернулась в тело не в полной мере.

— Кто ты? — спросил он.

Ему ответил бесцветный голос, напоминающий капанье воды со сталактита в пещере:

— Я был Тотмекром. Я мертв.

— Ну так выведи меня из этого проклятого храма, — сказал Конан, и мурашки пробежали у него по спине.

Ровным механическим шагом мертвец направился к двери. Конан пошел за ним, еще раз оглянувшись на мрачную громаду зала, на ряды саркофагов, на тела убитых, на голову кхитайца, что глядела незрячими глазами на пляшущие по стенам тени.

Огонь в кристалле освещал черные тоннели, как волшебная лампа, капающая золотом. Во мраке Конан различил блеск алебастрового тела, но упыриха отступила перед сиянием Сердца и скрылась во мраке, как и прочая нежить. Мертвец шел прямо, не глядя по сторонам. Конан обливался холодным потом и терзался сомнениями: выведет ли этот страшный призрак его на свободу? Но он знал также, что самостоятельно ему все равно не одолеть лабиринта. И он шел за своим страшным проводником, и ужасы тьмы расходились перед светом Сердца и снова смыкались за спиной.

А потом он оказался перед бронзовыми вратами, почувствовал дуновение ночного ветра, увидел звезды и залитую их светом пустыню. Тотмекр молча указал вперед, повернулся и скрылся во мраке. Конан глядел, как удалялась его фигура, уверенно идущая либо к неотвратимой гибели, либо к вечному сну.

С проклятием вылетел Конан из ворот и помчался по пустыне, словно за ним гнались демоны. Он даже не оглянулся ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми. Движение очистило его разум от черной паутины, чистый воздух пустыни вымел из души кошмары, а отвращение перешло в бешеное ощущение победы еще до того, как, миновав болотные заросли, он увидел черную воду залива и «Смельчака» на якоре.

Проваливаясь в грязь по пояс, он дошел до чистой воды и нырнул, не думая об акулах и крокодилах. Мокрый и радостный, он взобрался по якорной цепи на палубу, где на него кинулись вахтенные.

— Проснитесь, собаки! — зарычал он, отводя копье, которое ошеломленный стражник направил ему в грудь. — Поднять якорь! Конец стоянке! Дать рыбаку полный шлем золота и отправить на берег! Скоро рассвет, а еще до восхода мы должны лететь в ближайший зингарийский порт!

И размахивал над головой огромным кристаллом, который бросал на палубу снопы золотого огня.

20

И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

Зима в Аквилонии миновала. Распустились листья на деревьях, зазеленела трава под теплым южным ветром. Но множество полей остались невспаханными, почерневшие пепелища обозначали места, где некогда находились цветущие города и роскошные усадьбы. Волки открыто охотились вдоль заросших бурьяном дорог, а в лесах бродили банды исхудавших беженцев. Зато в Тарантии постоянно устраивались праздники и пиршества.

Правление Валерия было воистину безумным. В конце концов стали возмущаться даже те бароны, что радовались его возвращению. Его сборщики налогов грабили и бедного, и богатого, а все добро текло в Тарантию, которая из столицы превратилась в склад трофеев в сердце покоренной страны. Купцам жилось неплохо, но и у них не было уверенности: любого из них могли казнить по обвинению в измене, чтобы конфисковать имущество.

Валерий и не пытался как-нибудь объединить своих подданных. Власть его держалась только на немедийской солдатне и наемниках. Правил он лишь по милости Амальрика. Он и мечтать не смел объединить Аквилонию под своим скипетром: во-первых, пограничные провинции намерены были бороться против него до последней капли крови, а во-вторых, сами немедийцы немедленно свергли бы его, попробуй он проявить самостоятельность. Он стал жертвой собственных преступлений и, чтобы забыться, ударился в непрерывный разгул.

Но была система в его безумии, о которой не догадывался даже Амальрик. Уязвленная его гордость жаждала лишь одного — привести к поражению своих союзников. Когда Амальрик сочтет его миссию выполненной — тогда и конец. Амальрик желает полностью уничтожить независимость Аквилонии, укрепиться в ней и с ее помощью вырвать корону Немедии из рук Тараска, ибо конечной целью Амальрика был императорский трон. Валерий не был уверен, подозревает ли что-нибудь Тараск. А тем руководила лишь застарелая жажда мести, порожденная столетиями взаимных войн, — он решил уничтожить западного соседа.

Валерий хотел разорить страну столь основательно, чтобы даже богатство Амальрика не могло возродить ее. Он ненавидел и барона, и аквилонцев, он дожидался дня, когда Аквилония окончательно придет в упадок, а Тараск и Амальрик начнут между собой безнадежную гражданскую войну, которая погубит и Немедию.

Он твердо знал, что покорение мятежных провинций станет концом его правления, поэтому и тянул с большим походом, ограничиваясь беспорядочными вторжениями и набегами.

Жизнь его была цепью пиров и оргий. Во дворец свезли самых красивых девушек королевства — и по доброй воле, и силой. Король богохульствовал и валялся мертвецки пьяный на полу в короне и в залитых вином пурпурных королевских одеждах. Виселицы на площадях были увешаны гроздьями тел, топоры палачей не уставали подниматься, то и дело отправлялись в дорогу карательные отряды немедийцев. Доведенная до отчаяния страна тут и там вспыхивала восстаниями, которые безжалостно подавлялись. Валерий грабил, уничтожал, обращал в прах свое государство — это возмутило Амальрика, который не догадывался о намерении союзника довести Аквилонию до полной нищеты.

О безумии короля говорили и в Аквилонии, и в Немедии, но у немедийцев была еще одна тема для разговоров — Ксальтотун, муж в маске. Он редко появлялся на улицах Бельверуса; говорили, что он много времени проводит в горных районах, где живут остатки древнего народа — темные молчаливые люди, гордящиеся своим происхождением от великой древней расы. Разносились слухи, что в горах гремят барабаны, горят костры, что разносятся звуки старинных напевов и заклинаний.

Никто не знал, что там происходит, за исключением Ораста, который сопровождал мага в горных странствиях, и ему эти дела нравились все меньше и меньше.

Но в самый разгар весны по гибнущему королевству прошел слух, который разбудил страну от кошмарных снов. Никто не знал, откуда идет этот слух. Одни говорили о древней старухе, которая спустилась с гор в обществе громадного волка, другие — о жрецах Асуры — они, как призраки, появлялись то в Гандерландии, то в Пойнтайнии, то в лесных селениях Боссона.

По мере того, как эта молва распространялась, поднимались и восстания в пограничье. Отдаленные немедийские гарнизоны были окружены и перебиты, карательные отряды уничтожались. Это были уже не беспорядочные мятежи, поднятые отчаявшимся народом, — чувствовалось, что всем этим кто-то руководит. Поднялись не только простолюдины — бароны укрепляли свои замки и отказывались подчиняться губернаторам провинций. Отряды боссонских лучников в стальных шлемах двигались вдоль границ. Из пепла и руин поднималась полная жизни, грозная и яростная страна. Амальрик поспешил известить об этом Тараска, и тот прибыл во главе своей армии.

В королевском дворце в Тарантии оба владыки и Амальрик держали совет. Ксальтотуна не пригласили — он предавался своим таинственным занятиям где-то в горах. Со дня кровавой битвы в долине Валькии они не требовали от него магической помощи, а он был равнодушен к их интригам.

Не посылали и за Орастом, но он прибыл сам — бледный, как морская пена. Владыки с удивлением видели на лице жреца страх — а уж в трусости его никто не мог обвинить.

— Ты устал, Ораст, — сказал Амальрик. — Отдохни на диване, я прикажу слугам принести вина. Дорога была трудной...

Ораст махнул рукой.

— Трех коней я загнал по дороге в Бельверус и отдохну не прежде, чем расскажу вам все.

Он беспокойно кружил по залу и, наконец, остановился перед сообщниками.

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь умершему, — сказал он, — мы не ведали, что приведем в движение черный прах минувшего. Моя вина и мой грех. Мы думали только о своем честолюбии и не предполагали его в воскрешенном, и выпустили в мир демона, неподвластного людскому понятию. Да, я погряз во зле, но есть границы, которых не может перейти человек нынешних времен. Предки мои были обыкновенными людьми, без капли дьявольской крови, лишь я вступил в бездну — но до определенных мне рубежей. А за спиной Ксальтотуна лежат тысячелетия черной магии и страшных традиций древности. Я не могу его понять не только потому, что он волшебник, — он наследник целого народа волшебников.

Увиденное мной поразило меня. В самом сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами умерших и призывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как ему поклоняются проклятые потомки проклятой империи, как они называют его своим верховным жрецом. И я видел, что он готовит — клянусь вам, ни больше, ни меньше — он собирается возродить царство ужаса древности — Ахерон!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Амальрик. — Ахерон давно повержен в прах, а потомков этой расы слишком мало, чтобы установить империю. Даже Ксальтотуну не под силу вернуть к жизни прах, которому три тысячи лет.

— Слишком мало знаешь ты о черных силах, — грустно сказал Ораст. — Я видел, как от его заклятий даже горы меняют очертания. Передо мной появлялись туманные контуры лесов, долин и рек — не сегодняшних, а тех, что были на заре времен... Я даже заметил, как вставали из тумана пурпурные башни разрушенного Пифона.

И во время последнего сборища, на котором я присутствовал, когда били барабаны, а его поклонники-горцы, завывая, посыпали головы пеплом, до меня дошло, наконец, значение его колдовства. Клянусь вам — своими чарами и заклинаниями, подкрепленными неслыханно кровавыми жертвами, он воскресит Ахерон. Он покорит

мир и потоками крови смоет современность, чтобы вернуть прошлое.

— Ты сошел с ума! — закричал Тараск.

— Сошел с ума? — Ораст обратил к нему усталые глаза. — Да разве может сохранить разум человек, увидевший все это? Но я говорю правду. Он собирается возродить Ахерон с его башнями, чародеями и жестокими повелителями — такой же, как был. Остатки ахеронцев послужат ему основой, а кровь и плоть нынешних людей станут известью и камнем для этой постройки. Я не могу сказать, каким образом он этого добьется, здесь мой разум бессилен. Но я видел Это! Ахерон снова станет Ахероном, лесам, горам и рекам вернется древний облик. А почему бы и нет? Если уж я со своими скромными возможностями сумел воскресить мертвеца трехтысячелетней давности, то почему же величайший чародей мира не сможет проделать этого с целым царством? И восстанет Ахерон из праха по его слову.

— Можно ли ему помешать? — спросил пораженный Тараск.

— Есть только один способ, — сказал Ораст. — Мы должны похитить у него Сердце Аримана.

— Но ведь я... — начал Тараск и осекся.

Никто не обратил на это внимания. Ораст продолжал:

— Эту силу можно обратить против него. Но как его похитить? Он укрыл его в таком тайном месте, что даже грабители из Заморы будут бессильны. Я не знаю, где оно находится. Ах, если бы он снова погрузился в сон черного лотоса... Но это было лишь после битвы при Валькии, когда ему нужно было восстановить свои силы...

Двери, запертые на ключ и на засов, бесшумно отворились, и перед ними возник Ксальтотун. Спокойный и молчаливый, он поглаживал бороду, но в глазах его горел адский огонь.

— Слишком многому научился ты от меня, — спокойно сказал он, указывая пальцем на Ораста. И, прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться, бросил к ногам окаменевшего жреца горсть пыли. Коснувшись пола, порошок загорелся, дым поднялся и обвился вокруг Ораста темной спиралью. Наконец спираль охватила шею бедняги, и его крик перешел в хрип. Глаза его вылезли из орбит. Подобно шнуру, дым задушил его, побледнел и исчез, а мертвый Ораст рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши, и в зал вошли двое — их часто видели рядом с чародеем. Невысокие, темнокожие, с красными раскосыми глазами и острыми, как у крысы, зубами, они подхватили тело и вынесли его.

Ксальтотун махнул рукой, давая понять, что с этим покончено, и сел за стол из слоновой кости рядом с побледневшими королями.

— По какому случаю собрались? — спросил он.

— На западе аквилонцы подняли восстание, — ответил Амальрик, с трудом приходя в себя. — Эти идиоты верят, что Конан жив и во главе пойнтайнской армии возвращается отвоевывать королевство. Если бы эти слухи появились сразу после битвы при Валькии, центральные провинции не посмели бы восстать, боясь твоего могущества. Но правление Валерия довело людей до того, что они готовы пойти против нас за кем угодно, предпочитая скорую смерть пыткам и нищете.

Весть о том, что Конан не погиб при Валькии, упорно ходила по стране, но лишь сейчас народ этому поверил. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид и поклялся, что в тот день король лежал больным в своем шатре, а в его доспехах был простой воин. И оруженосец к этому времени оправился от удара палицы и подтвердил его слова. Кроме того, ходит по стране старуха с огромным волком и прорицает, что Конан жив и вскорости вернется, чтобы отвоевать корону. И ту же самую песню поют теперь жрецы Асуры. Они утверждают, что Конан возвращается. Не удалось пока схватить ни ведьму, ни жрецов. Все это, конечно, происки Троцеро. Мои разведчики сообщают, что пойнтайнцы готовятся к вторжению в Аквилонию. Скорее всего, Троцеро ведет с собой какого-то самозванца, именуя его Конаном.

Тараск рассмеялся, но без уверенности. Тайком он потрогал шрам под одеждой, вспомнил о воронах, летевших за беглецом, и о своем оруженосце Аридее, тело которого привезли с пограничных гор, — солдаты уверяли, что оно было обезображено волчьими клыками. Подумал он и об украденном у чародея кристалле, но не сказал ничего.

Валерию же припомнились страшные слова умирающего придворного. Да и четверо кхитайцев так и сгинули навсегда где-то в лабиринтах Юга. Но он держал язык за зубами, потому что ненавидел сообщников и желал, чтобы немедийцы и бунтовщики перебили друг друга в смертельной схватке.

Отозвался лишь Амальрик:

— Конан жив? Какой вздор!

Вместо ответа Ксальтотун швырнул на стол свиток пергамента. Амальрик схватил его, развернул, прочитал и вскрикнул. Текст гласил:

«Ксальтотуну, верховному фокуснику Немедии. Я возвращаюсь в свое королевство и сделаю из твоей шкуры бубен. Конан».

— Фальшивка! — вскричал Амальрик.

— Нет, — сказал Ксальтотун. — Письмо подлинное. Я сравнивал его с документами из королевской канцелярии. Такой размашистый почерк невозможно подделать.

— Если он жив, — бормотал Амальрик, — то нынешнее восстание будет не чета прежним: из всех ныне живущих лишь Конан

сможет объединить аквилонцев. Но, — заметил он, — непохоже на Конана, чтобы он столь дерзко предупредил нас. Варвары предпочитают внезапность.

— Мы и без того были предупреждены, — сказал Ксальтотун. — Наши разведчики доносили о военных приготовлениях в Пойнтайнии. Да и через горы они не прошли бы незамеченными, оттого он и отправил это послание.

— Но почему именно тебе? — спросил Валерий. — Почему не мне или Тараску?

Ксальтотун загадочно взглянул на короля.

— Потому что он мудрее вас, — сказал он наконец. — Он уже понял то, чего не поняли вы. Не Тараск, не Валерий и не Амальрик подлинные владыки народов Запада, а Ксальтотун.

Они молчали, ибо это было правдой.

— Передо мной нет другой цели, кроме восстановления империи, — говорил Ксальтотун. — Но сначала мы должны разгромить Конана. Я не знаю, каким образом бежал он из Бельверуса, ибо был погружен в сон черного лотоса. Но сейчас он собирает армию на Юге. Это будет его последний удар, вызванный лишь отчаянием народа, замученного Валерием. Пусть бунтуют — все они у меня в кулаке. Подождем, пока он выступит, и уничтожим — на этот раз окончательно.

Потом мы покорим Пойнтайнию, Гандерландию и этих безмозглых боссонцев. Затем последует очередь Офира, Зингара, Аргоса и страны Кот — все народы мы соединим в огромную империю. Вы станете моими наместниками, и власть ваша будет побольше, чем у нынешних королей. Я непобедим, ибо Сердце Аримана надежно укрыто, и никто не сможет использовать его против меня.

Тараск избегал взгляда чародея, чтобы тот не мог прочитать его мысли. Он понял, что Ксальтотун с тех пор так и не заглядывал в золотой ларец. Невероятно, но маг все еще не знал, что Сердце похищено: волшебный кристалл, видимо, находился за пределами его мрачного разума и все сверхчеловеческие способности не подсказали ахеронцу, что тайник пуст. Не знал он, видимо, и того, что рассказал им Ораст, потому что даже не вспомнил о воскрешении родного царства — речь шла о создании нового, вполне земного. И еще он обратил внимание, что Ксальтотун не был полностью уверен в своей силе — теперь он так же нуждался в их помощи, как и они в его могуществе. Магия должна быть подкреплена ударами мечей и копий. Король понял взгляд Амальрика, брошенный украдкой: пусть чернокнижник использует свое искусство для победы над самым опасным врагом, у нас будет время подумать об остальном. Возможно, удастся обуздать черные силы, призванные из бездны...

21

ЗЛОВЕЩИЕ БАРАБАНЫ

Война стала явью, когда десятитысячная армия пойнтайнцев появилась на южных перевалах. Шпионы божились, что во главе войска едет богатырь в черных доспехах и золотой лев Аквилонии развевается над его головой. Конан жив! Король жив! В этом не сомневались уже ни друзья, ни враги.

Одновременно с известием о вторжении из Пойнтайнии пришло сообщение, что на юг двинулась армия Гандерландии, усиленная северо-западными баронами и боссонскими лучниками. Тараск во главе тридцатитысячной армии двинулся в сторону Гальпарана над рекой Ширки — эту реку гандерцы должны были перейти, чтобы ударить по крепостям, все еще находившимся в руках немедийцев. Река Ширки — быстрая и бурная, она течет на юго-запад по скалистым ущельям, и все броды через нее наперечет, особенно во время половодья. Вся страна к востоку от реки была под немедийцами, и удара следовало ожидать либо в районе Гальпарана, либо южнее — в Танасуле. Со дня на день Тараск ожидал подкреплений из Немедии, но вместо них пришла весть, что король Офира собирает силы на южных границах, и ни одного отряда выслать нельзя, чтобы обезопасить страну от вторжения из Офира.

Двадцать пять тысяч воинов во главе с Валерием и Амальриком покинули Тарантию, оставив, однако, мощный гарнизон на случай бунта.

Король во главе пойнтайнцев уже перешел горы, но не слышно было ни о штурме городов, ни о взятии крепостей. Конан появлялся и вновь исчезал. Видимо, он направлялся на запад, на рубежи Боссона, собирая по дороге добровольцев. Амальрик и Валерий вместе с армией, состоящей из немедийцев, аквилонских предателей и диких наемников, рыскали по всей стране в поисках противника и не находили его.

Амальрик убедился, что точных сведений о войске Конана ему не получить. Отряды разведчиков уходили и не возвращались, немедийских шпионов находили распятыми на дубах. Тут поднялась и деревня и стала бить по-простонародному — внезапно, грубо и наверняка. Амальрик знал одно — крупные соединения гандерцев и северных боссонцев находятся к югу от него, на другом берегу Ширки, а Конан с небольшой армией пойнтайнцев и южных боссонцев идут с юго-западной стороны. Он начал опасаться заходить в глубь дикого края: ведь Конан может просто обойти его и ударить прямо по центральным провинциям. Поэтому он приказал покинуть долину реки и встал лагерем на расстоянии одного перехода до

Танасула. Тараск занял позицию в Гальпаране, потому что боялся, что Конан заманит его на юг и откроет войску гандерцев путь к сердцу королевства.

В лагерь Амальрика прибыл на своей колеснице, запряженной чудесными, не знающими устали конями Ксальтотун. Он вошел в шатер, где барон и Валерий склонились над картой на походном столике.

Карту Ксальтотун скомкал и выбросил.

— То, о чем не дознались ваши разведчики, — сказал он, — поведали мне мои. Хотя донесения их довольно туманны и неопределенны, словно против меня действует некая тайная сила.

Конан движется вдоль реки во главе десяти тысяч пойнтайнцев, трех тысяч южных боссонцев и баронов с юга и запада — в их отрядах около пяти тысяч воинов. Гандерцы и северные боссонцы идут на юг, чтобы соединиться с ним. Связь они поддерживают через проклятых жрецов Асуры, которых я, клянусь Сетом, после битвы прикажу отдать на корм змеям...

Обе армии идут к переправе у Танасула, но не думаю, что гандерцы будут переходить реку — скорее это сделает Конан, чтобы соединиться с ними.

— А почему именно Конан?

— Потому что ему выгодно оттянуть время сражения. Чем дольше мы выжидаем, тем опаснее становится наше положение. Горы на той стороне реки кишат его сторонниками — беглецами, изгнанниками, теми, кого разорил Валерий. Люди со всего королевства идут к нему толпами и поодиночке. Каждый день наши отряды попадают в засаду и уничтожаются крестьянами. В центральных провинциях начинаются беспорядки, которые вот-вот перейдут в открытый бунт. Гарнизоны там слабые, а рассчитывать на подкрепление из Немедии мы не можем. В том, что происходит на границе с Офиром, я вижу руку Паллантида — у него там много влиятельных родственников.

Если мы сейчас же не нападем на Конана и не разгромим его, за нашей спиной вспыхнет восстание. Нам придется возвращаться в Тарантию, чтобы спасти хоть часть завоеванного, — возвращаться через бунтующий край с армией Конана на плечах, а потом еще защищать город и от внешних, и от внутренних врагов. Нет, ждать мы не можем. Нужно уничтожить Конана прежде, чем войско его усилится и восстанут центральные провинции. А если голова варвара будет прибита к воротам Тарантии, всякие волнения утихнут, вот увидите.

— Отчего же ты не обрушишь на его армию заклинания, чтобы целиком уничтожить ее? — со скрытой издевкой спросил Валерий.

Ксальтотун посмотрел на Валерия своим страшным взглядом.

— Успокойся, — сказал он. — В конце концов мое искусство раздавит Конана, как молот змею. Но даже чарам должны помогать мечи и копья.

— Если он переправится через реку и займет позицию в горах, вытеснить его будет нелегко, — сказал Амальрик. — Но если мы сумеем настигнуть его в долине на той стороне реки, то справимся с ним. Как далеко войско Конана от Танасула?

— Если оно будет передвигаться с прежней скоростью, то будет там завтра ночью. Люди у него выносливые, и он их поторапливает. Конан будет там по крайней мере на день раньше, чем гандерцы.

— Прекрасно! — Амальрик ударил кулаком по столу. — Мы будем у Танасула раньше, чем он. Я пошлю к Тараску гонца с приказом соединиться с нами. До его прихода мы оттесним Конана от переправы и разгромим, а потом вместе с Тараском перейдем реку и расправимся с гандерцами.

Ксальтотун покачал головой.

— План хорош, но не против Конана. Твоих двадцати тысяч недостаточно, чтобы уничтожить его восемнадцать до подхода гандерцев. Они будут биться с яростью раненых леопардов. А что будет, если подмога подойдет во время битвы? Мы окажемся между двух огней и погибнем раньше, чем придет Тараск, а он явно не успеет.

— Ну и что ты посоветуешь? — спросил Амальрик.

— Выступи против Конана всеми своими силами, — сказал ахеронец. — Пошли к Тараску гонца и прикажи идти сюда. Мы его дождемся и пойдем к Танасулу.

— А пока будем дожидаться, — сказал Амальрик, — Конан перейдет реку и соединится с гандерцами.

— Конан не перейдет через реку, — сказал Ксальтотун.

Амальрик поднял голову и посмотрел в загадочные черные глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Предположим, далеко на севере, у истоков Ширки, пройдут проливные дожди. Предположим, что уровень воды сделает невозможной переправу у Танасула. Тогда мы, не торопясь, настигнем Конана и разобьем его, а потом, когда вода спадет (а произойдет это на следующий день), переправимся на ту сторону и разгромим гандерцев. Таким образом, всей мощью нашей армии мы сможем разбить противника по частям.

Валерий радостно засмеялся. Амальрик смотрел на ахеронца со смесью страха и удивления.

— Если мы настигнем Конана в долине Ширки, справа от него будут горы, а слева река, — сказал он. — Тут ему и конец. Но... ты уверен, что эти дожди и вправду пойдут?

— Я пойду к себе, — сказал Ксальтотун, вставая. — Мое искусство — это не волшебной палочкой махать. Посылай гонца к Тараску. И пусть никто не подходит к моему шатру.

В последнем не было необходимости: и так никто в целой армии ни за какие деньги не согласился бы подойти к таинственному шатру. Никто не входил туда, кроме Ксальтотуна, но многие слышали доносящиеся оттуда голоса и странную музыку. Иногда по ночам красное пламя освещало шатер изнутри, и можно было увидеть в нем какие-то бесформенные тени.

Укладываясь на покой, Амальрик слышал ритмичные удары бубна в шатре Ксальтотуна. Немедиец мог поклясться, что слышал еще и низкий хриплый голос и принадлежал он не магу. Бубен звучал, как отдаленный гром; выглянув из шатра на рассвете, Амальрик увидел, что далеко на севере вспыхивают алые зарницы. Остальная часть неба была ясной, но эти зарницы сверкали непрерывно, словно отблески пламени на вращающемся клинке.

К вечеру следующего дня прибыл Тараск со своей армией. Усталые солдаты были покрыты пылью, а пехота подошла лишь через несколько часов после конницы. Войско расположилось возле лагеря Амальрика, и на рассвете соединенные силы начали двигаться на запад.

Их опережала волна разведчиков, и Амальрик с нетерпением ждал вестей о том, что наводнение загнало пойнтайнцев в ловушку. Но когда вернулись первые разведчики, то доложили, что Конан перешел реку!

— Что? — заорал Амальрик. — Переправились, несмотря на половодье?

— Не было никакого половодья, — отвечали обескураженные разведчики. — Поздней ночью он подошел к Танасулу и перевел войско через реку.

— Не было половодья? — закричал и Ксальтотун. — Это невозможно! В верховьях Ширки в течение двух последних ночей шел сильный ливень!

— Может, и шел, ваша милость, — отвечал один из разведчиков. — Вода была мутная, и жители Танасула говорили, что вчера ее уровень поднялся примерно на локоть, но это не могло задержать Конана.

Колдовство Ксальтотуна не сработало! Эта мысль билась в мозгу Амальрика. Его страх перед пришельцем из прошлого нарастал с той самой ночи, когда высохшая мумия преобразилась в живого человека. Смерть Ораста превратила страх в настоящий ужас. Чуяло его сердце, что человек этот, увы, непобедим. И вдруг такое поражение!

Даже у самых великих некромантов случаются промашки, думал барон. Во всяком случае, пока не стоит ссориться с человеком

из Ахерона. Пока. Ораст мертв и корчится сейчас в бог весть какой преисподней. А меч Амальрика наверняка будет бессилен там, где не помогли чары жреца-отступника. Будущее неясно, а сейчас реальная угроза — Конан и его войско, и здесь чародейное искусство мага может быть необходимым.

Они прибыли в Танасул — небольшое укрепленное селение возле переправы. Разведчики донесли, что Конан занял позицию в нескольких милях от реки на горах Рокимантан и что вчера вечером к нему присоединились гандерцы.

Наступила ночь. Амальрик смотрел на Ксальтотуна, непроницаемого и неземного при свете факела.

— Что дальше? Магия нас подвела. Конан занял выгодную позицию, армия его сейчас почти такая же сильная, как наша. Придется выбирать из двух зол: либо занять оборону и ждать удара, либо отступить к Тарантии и ждать помощи.

— Ожидание нас погубит, — ответил Ксальтотун. — Переправимся и разобьем лагерь на равнине, а утром ударим сами.

— Но у него лучшая позиция! — вскричал Амальрик.

— Дурак! — вдруг взорвался всегда спокойный чародей. — Или ты забыл о Валькии? Ты думаешь, я беспомощен, если какая-то природная сила мне помешала? Я хотел, чтобы враг был побежден вашим оружием. Но не бойся: теперь мои чары уничтожат войско противника. Конан в ловушке. Не жди заката, переправляйся через реку!

Переправа шла при факелах. Конские копыта стучали по камням порогов, поднимали брызги на мелководье. Черная поверхность воды отражала отблески пламени на отполированных щитах и нагрудниках. Было уже далеко за полночь, когда армия стала лагерем на равнине. Далеко вверху горели костры. Конан укрепился в Рокимантанских горах, которые стали теперь последней территорией Аквилонии.

Амальрик беспокойно мерял шагами лагерь. В шатре Ксальтотуна было светло, время от времени оттуда слышались вопли демонов, и зловеще стучал бубен.

Амальрик инстинктивно чувствовал, что на пути мага стоит не только военная сила. И снова его охватили сомнения в могуществе чародея. Он поглядел на огни вражеского лагеря, и ярость исказила его лицо. Его армия находилась посреди чужой земли. А там, в горах, притаились люди-волки, в которых жажда мести и ненависть к захватчикам заглушила все остальные чувства, мысли и надежды. Поражение и бегство через страну, жаждущую крови чужеземцев, означали полную гибель. А завтра он должен повести свою армию против самого грозного из полководцев Запада и его отчаянной орды. Если и теперь Ксальтотун подведет...

Из мрака вынырнула группа воинов. Они не то вели, не то волокли исхудавшего человека в лохмотьях.

Отдав барону честь, воины доложили:

— Ваша светлость, этот человек сдался стражникам и говорит, что ему нужно поговорить с королем Валерием. Это аквилонец.

Он походил скорее на волка, ободранного до костей. Руки и ноги его были покрыты шрамами от цепей. Лицо было изуродовано клеймом, глаза горели, как угли.

— Кто ты такой, собака? — спросил Амальрик.

— Зови меня Тиберием, — ответил тот и ощерил зубы. — Я пришел сказать вам, как победить Конана.

— Предатель, что ли? — загремел барон.

— Говорят, у вас много золота, — еле слышно сказал Тиберий, и лохмотья его задрожали. — Дай мне немножко. Дай мне золота, и я скажу тебе, как разбить короля.

Амальрику стало противно, но он никогда не гнушался подобными услугами.

— Если ты говоришь правду, то получишь столько, сколько сможешь унести, — сказал он. — Но если ты шпион и лазутчик, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной.

В шатре Валерия барон показал на человека, распластавшегося на земле:

— Он говорит, что может помочь нам выиграть завтрашнее сражение. А такая помощь нам понадобится, если у Ксальтотуна снова не получатся его штучки. Выкладывай, собака.

Тело предателя забилось в судорогах, слова полились сплошным потоком:

— Конан стоит лагерем в глубине Львиной долины, она круглая, с двух сторон крутые склоны. Напасть с флангов вы не сможете и будете вынуждены ударить в центр. Но если бы король Валерий пожелал прибегнуть к моим услугам, я показал бы ему, как зайти в тыл Конану. Если решитесь, нужно выступать тотчас же. Это в нескольких часах езды — много миль на запад, потом на север, потом нужно повернуть на восток, чтобы войти в Львиную долину с тыла — так, как вошли туда гандерцы.

Амальрик колебался, потирая подбородок. В эти времена хватало людей, готовых душу заложить за золото.

— Если наведешь меня на засаду, умрешь, — предупредил Валерий. — Тебе это ясно, не так ли?

Оборванец задрожал, но глаз не опустил.

— Если я тебя предам — убей меня!

— Конан не решится разделить свои силы, — рассуждал Амальрик. — Чтобы отразить наше наступление, ему понадобится вся армия, у него нет лишних людей, чтобы расставлять ловушки в горах. Кроме того, этот мерзавец знает, что на карту поставлена

его шкура. Разве этакий пес может пожертвовать собой? Нет, Валерий, я думаю, он человек честный.

— Или самый последний негодяй, готовый предать своего освободителя! — рассмеялся Валерий. — Прекрасно. Я пойду с этим ублюдком. Сколько людей ты мне выделишь?

— Пяти тысяч будет достаточно, — ответил Амальрик. — Неожиданный удар в тыл вызовет замешательство, и мы этим воспользуемся. Буду ждать твоей атаки в полдень.

— Ты сам увидишь, когда я ударю, — ответил Валерий.

Возвращаясь к себе, Амальрик с облегчением отметил, что Ксальтотун находится в своем шатре, — об этом говорили леденящие душу вопли, что доносились оттуда. А когда он услыхал во мраке звон оружия и бряцанье поводьев, мрачно усмехнулся. Свое дело Валерий, можно сказать, уже сделал. Барон хорошо знал, что Конан, подобно раненому льву, будет крушить все на своем пути даже в агонии и, прежде чем пасть, мощным ударом поразит нападавшего с тыла Валерия. Тем лучше — одним соперником меньше. Амальрик был уверен, что Валерием стоит пожертвовать ради победы немедийского оружия.

Пять тысяч всадников Валерий выбрал в основном из числа аквилонских изменников. Под покровом ночи они вышли из лагеря и направились на запад, в сторону гор. Валерий ехал впереди, а рядом с его конем воин вел на веревке Тиберия. Остальные ехали с обнаженными мечами.

— Попробуй что-нибудь выкинуть — сразу подохнешь, — сказал Валерий. — Хоть я и не знаю каждой тропинки в этих горах, но соображу, туда ли ты нас ведешь...

Кланяясь и щелкая зубами от страха, Тиберий уверил короля в своей преданности и в знак ее набожно поднял голову к знамени, на котором красовался золотой змей — эмблема старой династии.

Огибая скальные выступы гор, окружающих Львиную долину, они повернули сначала на запад, а потом, после часа пути, на юг. Отряд двигался по едва заметным горным тропам. Восход солнца застал их в нескольких милях к северу от лагеря Конана; здесь проводник повернул на юг, угадывая путь среди скал и ущелий. Валерий удовлетворенно кивнул: они двигались в нужном направлении.

Но с юга поползла вдруг серая, колышащаяся, клубящаяся масса и начала заполнять низины. Она закрыла солнце, и стало ничего не видно за два шага. Поход продолжался почти вслепую. Валерий сыпал проклятиями: он уже не видел вершин, служивших ему ориентиром, и должен был целиком положиться на проводника. Золотой змей повис в недвижном воздухе.

В конце концов запутался и сам Тиберий — он то и дело останавливался и осматривался.

— Заблудился, пес? — воскликнул Валерий.

— Слушай!

Откуда-то спереди доносился слабый вибрирующий звук — ритмичные удары.

— Барабаны Конана! — воскликнул проводник.

— Если мы подошли так близко, что слышим барабаны, — сказал Валерий, — то почему же не слышим звона оружия? Ведь битва должна уже начаться.

— Ветер и горное эхо вытворяют всякие чудеса, — сказал Тиберий, лихорадочно щелкая зубами, как человек, долго томившийся в сыром подземелье. — Прислушайтесь!

До их ушей донесся отдаленный рев.

— Битва идет в долине! — крикнул Тиберий. — А барабаны бьют на горе. Поспешим!

И он двинулся прямо на звук далеких барабанов с решимостью человека, ясно видящего цель. Проклиная туман, Валерий отправился следом. А потом он подумал, что туман прекрасно скроет его переход. Конан ничего не заметит. Он упадет киммерийцу как снег на голову еще до того, как солнце развеет туман.

Никто не мог с уверенностью сказать, что окружает отряд с обеих сторон — скалы, пропасти или лес. Барабаны били неустанно и становились все громче по мере приближения отряда. Но никаких звуков битвы слышно не было. Валерий вздрогнул, когда с обеих сторон из тумана выросли высокие серые скалы, и понял, что отряд находится в узком ущелье. Но проводник был спокоен. Наконец, когда ущелье кончилось, Валерий вздохнул с облегчением. Если бы их и ждала ловушка, то именно в этом месте.

Но вдруг Тиберий снова остановился. Барабаны били громче, но откуда доносился этот звук — спереди, сзади, слева или справа — Валерий уже не мог определить. Он лихорадочно озирался, а туман клубился вокруг его коня и каплями влаги оседал на доспехах. Колонна рыцарей за его спиной казалась шествием серых призраков.

— Почему медлишь, ублюдок? — грозно вопросил он.

Тиберий, казалось, прислушивался к барабанам. Потом он выпрямился и с ужасной улыбкой поглядел на Валерия.

— Туман расходится, Валерий, — сказал он изменившимся голосом и указал куда-то костлявым пальцем: — Гляди!

Грохот стих. Туман опадал. Сразу показались из него горные вершины. Мгла становилась все ниже и ниже, редела и бледнела. Валерий приподнялся на стременах и издал крик, который подхватили все его солдаты. Вокруг были только скалы. Они находились вовсе не в долине, а в каменном котле, и выход из него был только один — пройденное ими ущелье.

— Пес! — закованной в броню рукой Валерий ударил проводника в лицо. — Что за дьявольщина?

Тиберий сплюнул кровью и захохотал:

— Эта дьявольщина избавит мир от чудовища! Гляди, ублюдок!

Вход в ущелье преграждала толпа людей, неподвижная и немая, словно нарисованная, — сотни лохматых оборванцев с копьями в руках. А на скалах их были целые тысячи — дикие, исхудавшие, испытанные огнем, сталью и голодом.

— Хитрость Конана! — в ярости вскрикнул Валерий.

— Конан об этом и не знает! — рассмеялся Тиберий. — Это заговор нищих — тех, кого ты разорил и превратил в диких зверей. Амальрик был прав: Конан не разделил своего войска. А мы всего лишь толпа, идущая за армией, горные волки, люди без крова и без надежды. Это был наш план, а жрецы Асуры послали нам на помощь туман. Погляди на них Валерий! Каждый из этих людей носит твою отметку на теле или в сердце!

Посмотри хотя бы на меня! Ты не знаешь меня, не так ли? А ведь это клеймо поставил твой палач! Когда-то я был известен. Когда-то я был господином Амилием — человеком, сыновей которого казнили по твоему приказу, а дочь изнасиловали и убили твои наемники. Я поклялся, что не пощажу жизни, чтобы заманить тебя в ловушку. О, боги, да если бы у меня была тысяча жизней, я бы купил их ценою твою смерть!

И я купил ее! Погляди на людей, обездоленных по твоей вине, людей, превратившихся в тени! Пришел их час! Этот каменный котел станет твоей могилой. Попробуй, заберись на скалы — высоко, круто... Попробуй вернуться назад — копья преградят тебе дорогу, камни разобьют голову! Собака! Мы встретимся в преисподней!

Он запрокинул голову и захохотал так, что эхо зазвенело в скалах. Валерий приподнялся в седле и своим огромным мечом разрубил ему ключицу и грудь. Тиберий сполз на землю, но все еще продолжал смеяться, пока не захлебнулся кровью.

Снова забили барабаны, окружив котловину громовым кольцом, с вершин посыпались камни, тучей полетели стрелы, и их свист заглушал даже крики умирающих.

22
ДОРОГА В АХЕРОН

Небо уже начало светлеть, когда Амальрик подтянул свое войско к входу в Львиную долину. С боков ее прикрывали крутые горы с плоскими вершинами, а сама долина состояла из естественных террас разной величины. На самой высокой из них в ожидании

атаки стояла армия Конана. Отряд из Гандерландии, присоединившийся к ней, составляли не только копейщики — в его состав входила тысяча боссонских лучников и четыре тысячи всадников — северные и западные бароны со своими людьми.

Копейщиков, по общему счету, было девятнадцать тысяч — главным образом гандерцы, они вместе с четырьмя тысячами аквилонцев остались в дальнем, узком конце долины и построились клином. За рядами пехоты ждали с поднятыми пиками рыцари — десять тысяч пойнтайнцев, девять тысяч аквилонцев и бароны с ополчением.

Позиция была сильная. Обходить сбоку — значит попасть под стрелы боссонцев. Лагерь Конана был расположен сразу за боевыми порядками в узенькой, похожей на колодец, долине, являющейся продолжением Львиной, но расположенной чуть выше. Киммериец мог не опасаться удара сзади, потому что в горах было полно его сторонников.

Трудно атаковать такую позицию, но нелегко ее было и покинуть — крепость и ловушка одновременно. У людей оставалась только одна возможность — победить.

Ксальтотун взошел на вершину с левой стороны долины, у самого входа в нее. Вершина эта, самая высокая из окрестных, носила название Царского жертвенника. Почему — не помнил уже никто, кроме, разумеется, самого чародея.

Он был не один — его сопровождали двое молчаливых лохматых слуг, которые тащили связанную аквилонскую девушку. Они положили ее на камень, венчающий вершину. Камень и вправду походил на жертвенник. Впрочем, за века вода и ветер изменили его очертания, и он казался творением природы, но Ксальтотун помнил, чем он был в действительности когда-то. Слуги, сгорбленные, как гномы, тихо удалялись, и Ксальтотун с развевающейся по ветру бородой остался у камня в одиночестве. Он глядел в долину.

Его взгляд скользил по причудливым изгибам реки, по горным склонам, остановился на клине пехоты, на блестящих шлемах лучников, на рыцарях с развевающимися знаменами, на колышущемся море копий.

Ближе к нему располагались боевые порядки немедийцев, у входа в долину, за ними — пестрые шатры вельмож и рыцарей и серые палатки простых воинов.

Затрепетало на ветру знамя с алым драконом — в ущелье полилась стальная река немедийского войска. Впереди мерным шагом двигались стрелки с приготовленными к бою арбалетами, за ними — пехотинцы с копьями, потом цвет армии — конные рыцари.

Беззаботно развевались флажки, поднимались к небу копья, они ехали, словно на званый пир.

Их было тридцать тысяч, и, как у всех гиборийских народов, они составляли основную ударную силу. Двадцать тысяч пехоты и арбалетчиков должны были расчистить дорогу для атаки.

Аквилонская армия ждала их в грозном молчании.

Не нарушая строя, арбалетчики начали стрелять, но стрелы их либо не долетали, либо отскакивали от прямоугольных щитов гандерской пехоты. Прежде сем арбалетчики подошли достаточно близко, меткие стрелы боссонских лучников расстроили их ряды.

После неудачной попытки ответить столь же убийственным салютом, немедийцы стали беспорядочно отходить. Их легкие доспехи не защищали от длинных стрел боссонцев. Немедийской пехоте, служившей лишь прикрытием для конницы, недоставало силы духа.

Арбалетчики отступали, их место в строю заняли копейщики. В основном это были наемники, поэтому командиры послали их на смерть без всякого сожаления. Они также должны были обеспечить подход конницы. Арбалетчики продолжали обстрел с флангов, копейщики двинулись вперед, за ними ехали рыцари. Потом пехота отступила и разошлась по флангам, чтобы дать дорогу коннице.

И конница ринулась вперед в тучу свистящей смерти. Стрелы, длинные, как копья, находили малейшую щель в доспехах и поражали всадников и коней. Кони падали, увлекая за собой седоков. Земля была устлана закованными в сталь телами. Конная лава сломалась и стала отступать.

Амальрик перестроил свое войско. Тараск бился мечом под знаменем алого дракона, но командовал сегодня он, барон Тор. Амальрик сыпал проклятиями, видя лес копий над стальными шлемами гандерцев. Он надеялся, что его отступление повлечет аквилонских рыцарей в атаку и арбалетчики перебьют их с флангов, а остальное довершат, использовав численное преимущество, немедийские рыцари. Но аквилонцы не сдвинулись с места. Слуги таскали во фляжках воду из реки, а рыцари, сняв шлемы, выливали воду себе на головы. Раненые напрасно молили дать им напиться. Аквилонцы же, держащие оборону, пользовались горными источниками и не испытывали жажды в этот жаркий весенний день.

Ксальтотун с высоты Царского жертвенника наблюдал приливы и отливы стальных волн. Вот рыцари с развевающимися султанами пробились сквозь тучу стрел и наткнулись на копья и щиты пехотинцев. Над шлемами взметнулись топоры, а копья взлетели вверх, поражая коней и всадников. Гордость гандерцев не уступала рыцарской. Они вовсе не чувствовали себя посланными на убой во имя более благородного сословия. Это была лучшая в мире пехота с давними традициями, и ее закалку давно оценили по достоинству

аквилонские короли. Ее ряды держались нерушимо, над шеренгами развевался штандарт со львом, а впереди всех рубился гигант в черных доспехах, и его окровавленный топор с одинаковой легкостью сокрушал и кости, и железо.

Немедийцы тоже были не робкого десятка, но так и не сумели разбить железный клин, а стрелы, летящие из кустов, безжалостно поражали их смешавшийся строй. От арбалетчиков сейчас толку не было, а копейщики не могли подняться на склоны, чтобы схватиться с лучниками врукопашную. Медленно, грозно отходили рыцари назад, и все больше коней без седоков металось между ними. Гандерцы не издавали победных воплей, они лишь плотнее смыкали ряды, заменяя погибших товарищей. Из-под их стальных шлемов струился пот, заливавший глаза, они еще крепче сжимали копья и с гордостью думали, что в их рядах, как простой пехотинец, сражается сам король. Аквилонские рыцари продолжали стоять в бездействии.

Подгоняя шпорами покрытого пеной коня, на вершину, прозванную Царским жертвенником, взлетел всадник и, глядя на Ксальтотуна потемневшими от гнева глазами, сказал:

— Амальрик приказал передать, что настало время для твоей магии, чародей. Там, внизу, мы гибнем, как мухи, но не можем прорвать неприятельский строй.

Ксальтотун, казалось, стал выше ростом, шире в плечах, он весь дышал неведомой грозной силой.

— Возвращайся к Амальрику и передай, чтобы он подготовил войска к атаке, но ждал моего сигнала. Прежде чем этот сигнал поступит, ты увидишь такое, чего не забудешь до конца жизни.

Рыцарь отдал ему честь словно бы против своей воли и, сломя голову, помчался вниз по склону.

Стоя возле мрачного камня, Ксальтотун поглядел вниз, увидел убитых и раненых, увидел залитый кровью аквилонский клин пехоты и готовых к бою рыцарей. Он возвел глаза к небу, потом посмотрел на девушку, брошенную на камень, и, подняв кинжал, украшенный древними иероглифами, начал произносить заклинание:

— Сет, бог тьмы, хозяин мрака, покрытый чешуей, кровью девицы и семиконечным знаком, я призываю сыновей твоих из глубин черной земли. О, дети бездны под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими гривами! Пусть задрожат горы, и камни рухнут на врагов моих! Пусть потемнеют небеса над их головами, пусть земля разверзнется под их ногами. Пусть дуновение из сердца черной земли подкосит им ноги, отравит черным ядом тела...

Он замолчал, продолжая заносить кинжал. Порыв ветра донес до него рев бьющихся армий.

По другую сторону жертвенного камня стоял человек в черных одеждах. Глаза на его бледном лице были спокойны и задумчивы.

— Асурская собака! — прошептал Ксальтотун. — Ты что, смерти ищешь? Ваал, Хирон, ко мне!

— Позови их еще раз, ахеронская собака, — рассмеялся пришелец. — Да кричи погромче, чтобы они услышали тебя в преисподней!

Из рощи вышла по-крестьянски одетая старуха с распущенными волосами. За ней следом — огромный волк.

— Жрец, ведьма и волк, — мрачно сказал Ксальтотун и вдруг рассмеялся. — Глупцы, свой жалкий знахарский лепет вы хотите противопоставить моему искусству! Я смету вас с лица земли одним взмахом руки!

— Сила твоя — что трава на ветру, пифонский ублюдок, — ответил ему жрец Асуры. — Ты не задумался, почему река не разлилась и не заперла Конана на том берегу? Я понял твой замысел, увидав зарницы, и разогнал тучи раньше, чем они пролились дождем. А ты и не знал этого...

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Я чувствовал, что против меня направлены сильные чары... Но нет на земле человека, способного развеять заклятье, вызывающее дождь!

— Однако никакого половодья не было, — ответил жрец. — Посмотри на своих союзников в долине, пифонец! Ты привел их на убой! И помочь им уже не в силах! Гляди!

Он протянул руку. Из узкого ущелья за отрядами пойнтайнцев вылетел всадник, размахивавший над головой каким-то горящим на солнце предметом. Ряды пехотинцев расступились, они издали боевой клич, ударяя копьями о щиты. На террасе, разделяющей обе армии, всадник осадил уставшего коня и завизжал, как безумный, размахивая своим трофеем. Это был обрывок алого знамени. Солнце ослепительно блестело на чешуе золотого змея.

— Валерий погиб! — вскричал Хадрат. — Барабаны в тумане привели его к смерти! Я вызвал этот туман, пифонская собака, я его и развеял! Я — с помощью моей магии, которая намного сильнее, чем твоя!

— Какое это имеет значение? — прорычал Ксальтотун. По его лицу пробегали судороги. — Валерий был дурак и погиб, как дурак. Я и сам сокрушу Конана без помощи людей!

— Что ж ты так долго мешкал? — спросил Хадрат. — Почему ты позволил своим союзникам погибнуть от стрел и копий?

— Потому что пролитая кровь укрепляет силу чар! — загремел Ксальтотун так, что камни задрожали. Вокруг его головы появилось

яркое сияние. — Потому что ни один чародей не тратит своей силы понапрасну. Потому что я хотел сохранить ее для более великих дел, а не для этой жалкой стычки в горах. Но теперь, клянусь Сетом, я отпущу эту силу на волю! Гляди, пес Асуры, жрец забытого божка, и ты увидишь такое, что душа твоя разорвется на куски!

Хадрат расхохотался зловещим смехом:

— А теперь ты взгляни сюда, черный демон из Пифона!

Его рука извлекла из складок одежды нечто, сияющее алым и золотым пламенем.

Ахеронца словно ножом ударили:

— Сердце! Сердце Аримана!

— Именно! И мощь его сильнее твоей!

Ксальтотун начал сгибаться, в его бороде появились седые волосы, голова тоже словно покрылась инеем.

— Сердце! — шептал он. — Его похитили! Воры! Собаки!

— Положим, это сделал не я. Оно вернулось из долгого путешествия на юг и находится теперь в моей руке. Оно вернуло тебя к жизни, оно же и возвратит тебя обратно в Ночь, откуда ты вышел. Ты отправишься в Ахерон по дороге мрака и тишины. Так и не воскрешенная тобой страшная империя останется лишь легендой, черной сказкой. Конан снова взойдет на трон. А Сердце Аримана вернется в подземелье храма Митры, чтобы пылать тысячи лет символом могущества Аквилонии!

Ксальтотун завыл и бросился на жреца с кинжалом, но откуда-то — или с неба, или из огненного кристалла — вырвался ослепительный луч и ударил Ксальтотуна в грудь с такой силой, что содрогнулись горы. Чернокнижник из Ахерона упал, словно пораженный молнией. Когда он коснулся земли, произошла удивительная перемена: возле жертвенника лежал не только что сраженный человек, а скрюченный высохший трупик в истлевших бинтах.

Старая Зелата с грустью поглядела на него.

— Он не был живым человеком, — сказала она. — Сердце дало ему видимость жизни, вот он и обманулся. А я всегда видела в нем только мумию.

Хадрат склонился, чтобы освободить лежащую на камне девушку. В это время из-за деревьев выехала колесница Ксальтотуна, запряженная чудесными конями. Она бесшумно подъехала к жертвеннику, и бронзовое колесо едва не коснулось лежащей на траве мумии. Хадрат поднял останки волшебника и положил их в колесницу. Тотчас же кони тронулись и помчались по южному склону горы. Хадрат, Зелата и волк долго глядели им вслед — дорога колесницы лежала в Ахерон, что был за пределами человеческого зрения.

Амальрик застыл в седле, когда увидел всадника, размахивающего окровавленным знаменем. Потом какое-то чувство заставило его обернуться к вершине, именуемой Царским жертвенником, и он удивленно разинул рот. Все, кто находился в долине, увидели луч ослепительного света, ударивший с вершины. Над головами обеих армий вспыхнул огненный шар, на мгновение затмивший солнце.

— Это не похоже на сигнал Ксальтотуна! — прорычал барон.

— Нет! — воскликнул Тараск. — Это сигнал аквилонцам — гляди!

Шеренги аквилонских рыцарей двинулись, наконец, вперед.

— Ксальтотун обманул нас! — кричал Амальрик. — Валерий нас подвел! Мы попали в капкан! Да покарает Митра чародея, что привел нас сюда! Трубить отступление!

— Слишком поздно! — сказал Тараск.

Лес копий в верхней части долины дрогнул и наклонился. Шеренги пехоты расступились, словно раскрылся занавес. И с ураганным ревом рыцари Аквилонии ринулись вниз.

Никто не в силах был противостоять этой атаке. Стрелы арбалетчиков отскакивали от щитов и погнутых шлемов. Аквилонская конница прорвала ряды вражеской пехоты и хлынула в долину.

Амальрик тоже скомандовал атаку, и отчаявшиеся немедийцы пришпорили своих коней. Все-таки их было больше. Но и люди, и лошади устали, да и наступать пришлось вверх по склону. А противники их за сегодняшний день не нанесли еще ни одного удара. Они слетели как молния и как молния поразили немедийские шеренги — поразили, разделили и погнали назад.

За ними спешили охваченные жаждой крови пехотинцы Гандерландии, а со склонов долины посыпались меткие стрелы боссонцев, поражавшие все, что еще двигалось в стороне противника. Битва неслась волной, неся на своем гребне ошеломленных немедийцев. Их стрелки бросали арбалеты и бежали куда глаза глядят, а копейщиков, что остались после атаки конницы, добила безжалостная гандерская пехота.

Сражение уже вышло за пределы долины и продолжалось в открытом поле. Но у немедийцев не было сил перестроиться для сопротивления. Они сотнями устремились к реке. Многим из них посчастливилось добраться до берега, переправиться и бежать на восток. Но восстание охватило уже всю страну, захватчиков истребляли, как волков, и до Тарантии дошли всего несколько воинов.

Амальрик, пытаясь хоть как-нибудь собрать своих людей, налетел на отряд рыцарей, во главе которого был богатырь в черных доспехах. Над головой его развевались знамена со львом Акви-

лонии и пойнтайнским леопардом. Высокий рыцарь в сверкающей броне укрепил копье в луке седла и нанес барону удар. Копье немедийца сорвало шлем с головы рыцаря, и все увидели лицо Паллантида. Но оружие аквилонца пробило и щит, и панцирь, и сердце барона.

Рев поднялся, когда Амальрик вылетел из седла, и, ломая вонзившееся в него копье, рухнул на землю. Сопротивление немедийцев было окончательно сломлено. В слепом страхе бежали они к реке. Кончился Час Дракона.

Тараск не участвовал в бегстве. Амальрик убит, знаменосец погиб, немедийский дракон втоптан в кровавую грязь. Аквилонцы настигали отступающих рыцарей. Тараск понимал, что сражение проиграно, но метался по полю с кучкой самых верных своих людей, желая лишь одного — встретиться с Конаном. И встретился наконец.

Отряды рассыпались по полю — султан Паллантида был виден на одном краю, султан Просперо — на другом. Рядом с Конаном не было никого, полегли один за другим и гвардейцы Тараска. Короли сошлись один на один.

Когда они съезжались, конь Тараска споткнулся и упал. Конан спешился и подбежал к Тараску, который пытался освободиться от стремян. Это ему удалось, засверкали мечи, посыпались искры, и вдруг Тараск после молниеносного удара Конана повалился на землю.

Конан поставил ногу на грудь противника и поднял меч. Шлем слетел с его головы.

— Сдаешься?

— А ты даруешь мне жизнь? — спросил немедиец.

— Разумеется. И на лучших условиях, чем ты мне. Я сохраню жизнь тебе и твоим людям, если они бросят оружие. Хотя, — добавил он, подумав, — за все твои пакости надо бы раскроить твою проклятую башку.

Тараск поднял голову и огляделся. Остатки немедийского войска были уже на переправе, аквилонцы настигали их и рубили без пощады. Их союзники захватили лагерь и потрошили шатры в поисках добычи.

Тараск замысловато выругался и пожал плечами — насколько позволяла ему поза.

— Прекрасно. Выбора у меня нет. Какие условия?

— Ты отдашь в мои руки все, что награбил в Аквилонии. Прикажешь, чтобы все гарнизоны сложили оружие и оставили города и крепости. А потом ты выведешь свою проклятую солдатню из Аквилонии как можно скорее, пока я не передумал. Ты освободишь всех аквилонцев, проданных в рабство, а потом выплатишь мне дань за ущерб — когда мы подсчитаем все убытки. И будешь

находиться в плену до тех пор, пока все эти условия не будут выполнены.

— Хорошо, — согласился Тараск. — Замки и города, занятые моими гарнизонами, сдадутся без боя, будет сделано и все остальное. Но какой выкуп ты потребуешь с меня?

Конан рассмеялся, снял ногу с груди врага, схватил его за руку и поднял на ноги. Он хотел что-то сказать, но увидел, что приближается Хадрат. Как всегда, жрец был погружен в раздумья, но старательно обходил мертвые тела.

Окровавленной рукой Конан стер с лица облепившую его грязь. Он сражался целый день — сначала в пешем строю, потом верхом. Следы ударов мечей, топоров и палиц были видны на его доспехах.

— Хорошая работа, Хадрат! — загремел он. — Клянусь Кромом, я обрадовался, увидев твой сигнал. Еще немного, и я не смог бы сдержать своих рыцарей — они с ума посходили, стоя на месте. Как наш чародей?

— Он отправился в Ахерон по туманной дороге, — ответил Хадрат. — А я... Я пойду в Тарантию. Здесь мне делать нечего, зато меня ждет подземелье храма Митры. Все, что надо, мы выполнили здесь, на этом поле. Мы спасли Аквилонию... И не только ее. Твой поход в столицу будет настоящим триумфом. Вся Аквилония будет приветствовать возвращение короля. Итак, до встречи в тронном зале — прощай!

Конан молча глядел вслед удаляющемуся жрецу. Со всех сторон к нему подходили рыцари. Он увидел Паллантида, Троцеро, Просперо и Сервия — доспехи у всех были в крови. Рев битвы сменился победным кличем. Все взоры были обращены на короля. И все в один голос кричали:

— Слава Конану, королю Аквилонии!

А Тараск напомнил:

— Ты еще не назвал моего выкупа.

Конан рассмеялся и вложил меч в ножны. Потом расправил могучие плечи и провел окровавленной рукой по гриве волос, словно бы ища свою отвоеванную корону.

— В твоем гареме есть девушка по имени Зенобия.

— Да, есть. Ну и что?

— Прекрасно, — король улыбнулся. — Вот она и будет твоим выкупом, другого мне не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как обещал. В Немедии она была рабыней, в Аквилонии я сделаю ее королевой.

КОНАН-КОРСАР

РОМАН

Пролог
КРОВАВЫЙ СОН

За два часа до полуночи принцесса Чабела проснулась. Завернувшись в прозрачное покрывало, дочь короля Федруго Зингаранского вглядывалась в темноту, и холодный ужас страшного предчувствия проникал в ее душу.

Она пыталась восстановить и понять страшный сон, из призрачных лап которого едва вырвалась.

Принцесса не могла вспомнить деталей — темнота, и злые глаза сверкали сквозь мрак: блеск ножей — и кровь. Кровь везде: на простынях, на кафеле пола, сочащаяся под дверь — алая, густая, медленно текущая кровь!

Содрогнувшись, Чабела оторвалась от тяжелых воспоминаний. Взгляд ее привлек слабый свет тонкой свечи, стоящей на низком алтаре рядом с небольшой иконой Митры, Повелителя света и главного божества Кордаванского пантеона. Дрожа, она встала на кафельный пол. Закутав чувственное, оливкого цвета тело в кружевное покрывало, принцесса пересекла спальню и преклонила колени перед идолом.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с ладаном. Она открыла его и бросила немного порошка в пламя. Густой запах наполнил комнату.

Чабела сложила руки и согнулась, как при молитве. При всем старании она не могла овладеть собой, мысли ее смешались.

Она подумала, что уже много дней призрачный ужас таится во дворце. Старый король стал казаться далеким, чужим, неузнаваемым. Он удивительно изменился — постарел, как будто жизнь его высасывала пиявка. Временами казалось, что чей-то чужой дух смотрит через его старые глаза, говорит его медленным резким голосом или ставит волнистую подпись под продиктованным приказом.

Роман по наброскам Р. Говарда написали Лайонелл Спрэг де Камп и Лин Картер.

И вот теперь эти ужасные видения ножей и крови, густые, зримые тени, которые смотрят и шепчут!

Внезапно мысли ее прояснились, как будто свежий ветер с моря согнал туман с ее сознания. Она поняла, что смогла бы назвать, в чем заключалось чувство страха, подавляющее ее. Это было так, как будто какая-то темная сила стремилась захватить контроль надо всеми ее мыслями.

Ужас наполнил ее: от отвращения содрогнулось ее округлое тело, полные юные груди, гордые сферы, бледно-загорелые, вздымались и опускались под кружевным покрывалом. Она простерлась перед маленьким алтарем, ее черные волосы рассыпались сверкающими кольцами по кафелю. Она молилась:

— Повелитель Митра, защитник дома Рамиро, милосерднейший и справедливейший, враг неправды и жестокости, помоги мне, молю тебя, в час беды моей! Скажи, что мне делать, молю тебя, могучий Повелитель Света!

Поднявшись, она открыла золотую коробочку рядом с сосудом на алтаре и достала четыре десятка тонких полированных палочек из сандалового дерева. Некоторые из этих божественных стержней были короткие, некоторые длинные, некоторые изогнуты и круглые, другие плоские и прямые.

Она бросила их наугад на пол у алтаря и стала внимательно вглядываться в беспорядочно лежащие палочки.

Палочки обозначили: ТОВАРРО.

Девушка повторила имя. «Товарро». Решимость вспыхнула в ее темных глазах. «Я так и сделаю! — поклялась она. — Сегодня ночью! Я вызову Капеллеза».

Она сорвала украшения с шеи, сняла перевязь с рапирой со стены и взяла теплый плащ. Девушка быстро скользила по спальне, экономя движения.

С алтаря смотрел Митра. Не призрачный, и разумом светились его глаза.

В течение часа дочь Федруго покинула дворец. Так началась цепь фантастических событий, которые столкнули могучих воителей, страшных волшебников, гордых принцесс и древнейших богов на краю мира.

Глава 1
СТАРЫЙ ЗИНГАРАНСКИЙ ОБЫЧАЙ

Поднялся сильный ветер, который гнал перед собой плотную стену дождя. Ветер завывал на мокрых аллеях, ведущих из порта, раскачивал раскрашенные вывески над дверьми кабаков и таверн. Вымокшие дворняги прятались от дождя и ветра под лестницей.

В этот поздний час закончились даже пирушки. Всего несколько окон светились в домах Кордавы, столицы Зингара на западном океане. Тяжелые облака закрыли луну, их лохматые обрывки проносились по мрачному небу, как привидения. Это был темный, тайный час — время ночи, когда люди с решительными лицами сговаривались об измене и перевороте, когда убийца в маске крадется по мрачным улицам и обнаженный кинжал сверкает в его руке. Ночь для заговора, ночь для убийства.

Сквозь шум ветра и дождя послышался звук шагов и лязг клинков в ножнах. Отряд ночной стражи — шесть человек, закутанных в плащи, в низко надвинутых от непогоды шляпах, с пиками и алебардами на плечах — шел по ночным улицам. Они изредка обменивались тихими репликами на текучем зингаранском языке, внимательно глядя по сторонам в поисках выломанных окон и дверей, прислушиваясь к звукам беспорядка. Они спешили, думая о бутылках вина, которые осушат, вернувшись из патруля.

После того как патруль миновал старый сарай с частично обвалившейся крышей, притаившиеся две темные фигуры зашевелились. Один из них достал из-под плаща маленький фонарь и открыл его окошко для свечи, луч высветил пятно на полу сарая.

Человек с фонарем раскидал мусор, под которым оказалась каменная дверь с приделанным куском цепи, кончавшимся бронзовым кольцом. Оба мужчины, взявшись за кольцо, потянули. Дверь с трудом поднялась, скрепя несмазанными петлями. Фигуры проскользнули в отверстие, и дверь со стуком закрылась за ними.

Узкая каменная лестница, слабо освещаемая светом фонаря, вилась вниз. Старые, стертые ступени с наростами плесени несли запах веков.

Два человека медленно и осторожно спускались вниз. Их лица скрывали шелковые маски...

Глубоко в подземелье громадного замка Виллагро, князя Кордавы, при свете высокого золотого канделябра в форме сплетенных змей над пергаментом сидел человек.

Убранство его убежища поражало своей роскошью. Стены из грубого камня увешаны богатыми гобеленами, холодные плиты пола покрыты толстым мягким ковром, сверкающим алым, золотым, голубым, изумрудным и фиолетовым цветами, — искусное изделие из далекой Венджи.

Столик, на котором стоял серебряный поднос с освежающими напитками и фруктами в серебряной вазе, был украшен великолепно исполненными резными фигурками.

Гигантский выгнутый стол, за которым читал человек, был в стиле северной империи Аквилонии. В чернильнице из золота и хрусталя лежали павлиньи перья для письма. Роскошная шпага придерживала бумаги.

Стройный и элегантный мужчина, сидящий за столом, был лет пятидесяти. На ногах красовались прекрасные туфли из великолепно выделанной кордаванской кожи, с алмазными сверкающими застежками. Его стройный торс облегала бархатная куртка, через прорези рукавов которой просвечивала персикового цвета подкладка. Снежно-белые кружева пенились на груди. На каждом пальце холеных рук сверкал огромный алмаз.

Возраст мужчины выдавала морщинистая шея и темные круги под быстрыми, холодными и темными глазами. Мужчина, очевидно, старался скрыть свой возраст: волосы, мягко лежащие на плечах, подкрашены, а аристократическое лицо напудрено. Но эти маленькие хитрости не скрывали бесцветность усталых глаз и морщинистую шею.

Рукой в перстнях он играл пергаментами — официальными документами с алыми сургучными печатями и лентами, подписанными вычурно изогнутой подписью. Его нетерпение выдавали переступание ногами и частые взгляды на изящные водяные часы.

Позади человека за столом стоял молчаливый кушитский раб со скрещенными на груди мускулистыми руками. Обнаженный ятаган был засунут за алый пояс.

Со скрежетом маленьких шестеренок прозвонили часы. Было два часа полуночи.

С глухим проклятием человек за столом бросил вниз пергаменты, которые изучал. В это же время шкаф отодвинулся, открыв тайный ход. Два человека в черных плащах и масках стояли на пороге. Один из них держал фонарь; пламя свечи искрилось на влажных плащах.

Сидящий мужчина положил руку на эфес рапиры, лежащей на столе, а кушит вынул ятаган. Однако, когда двое сбросили маски, он успокоился.

— Все в порядке, Гомани, — сказал он негру, и тот снова скрестил руки на груди, безразлично уставившись в пространство.

Двое мужчин сбросили на пол плащи и поклонились сидящему за столом. Первый из них, открыв лицо с ястребиными глазами, гладко выбритыми скулами и тонким ртом, сложил на груди руки.

Другой мужчина поставил фонарь, сделал реверанс с придворным изяществом, взмахнул шляпой с перьями и пробормотал: «Мой господин князь!» Когда он выпрямился и небрежно стал поигрывать алмазным эфесом длинной шпаги, стало видно, что это был красивый высокий мужчина, черноволосый, с желтоватой кожей и резкими чертами лица. Его черные усики были так тонки, что казались нарисованными. В нем чувствовалось фальшивое благородство и несколько наигранная напыщенность.

— Господин Зароно, я не привык ждать, — заметил Виллагро, князь Хордаванский, ледяным взглядом окидывая вошедших.

Снова изящный поклон:

— Тысяча извинений, ваша светлость! Ни за что на свете не желал бы я вызвать ваше недовольство.

— Тогда, господа, почему вы опоздали на полчаса?

Грациозный жест.

— Сущая безделица — глупость.

Человек с выбритой макушкой объяснил:

— Кабацкая драка, господин князь.

— Драка в общественном месте? — воскликнул князь. — Вы что, подлецы, рехнулись? Как это произошло?

Вспыхнув, Зароно с ненавистью посмотрел на священника, тот бесстрастно вернул взгляд.

— Ерунда, Ваша светлость! Ничего такого, что могло бы вас побеспокоить...

— Об этом судить мне, Зароно, — сказал князь. — Не исключено, что наш план может быть выдан. Вы твердо уверены, что этот беспорядок не был провокацией?

— Ничего подобного, мой господин, — усмехнулся Зароно. — Вы, возможно, слышали о грубом варваре по имени Конан.

— Я ничего не знаю об этом плуте. Продолжайте.

— Как я сказал, это ерунда. Но, войдя в таверну Девяти Нарисованных Шпаг, где я должен был встретить присутствующего здесь святого Менкара, я заметил в камине мясо, и так как я пришел на пустой желудок, то решил разом убить двух зайцев. Поскольку человек моего происхождения не может терять времени на пустое ожидание, я крикнул кабатчику Сабралу и приказал поставить передо мной жареный окорок. Тогда этот киммерийский лопух выступил против меня, утверждая, что это его обед...

— Что же случилось? Ближе к делу, — потребовал князь.

— Поговорив немного, мы перешли к делу, — Зароно скривился, дотронувшись до синяка под глазом. — Парень силен, как бык, хотя, должен признаться, я тоже порядком испортил ему физиономию. Перед тем как я собрался показать деревенщине скорость моего клинка, кабатчик и посетители схватили нас и выкинули на улицу — не без некоторых усилий, так как каждого из нас держали пять-шесть человек. В это время пришел святой отец Менкара и постарался нас успокоить. Это, с одной стороны, а с другой...

— Я все понял: по всей видимости, это просто случайность. Но впредь вам надо будет подумать, прежде чем затеивать ссоры. Избавьте меня от этого! А теперь к делу. Я полагаю, это...

Зингаранец закрутил усы.

— Простите мои плохие манеры, Ваша светлость: я представляю вам святого Менкара, служителя Сета, которому я предложил

присоединиться к нам и который усердно трудится теперь на нашем поприще.

Бритоголовый снова сложил руки и поклонился. Виллагро благосклонно кивнул.

— Почему вы настояли на личной встрече, святой отец? — спросил он. — Я предпочитаю действовать через агентов, подобно Зароно. Что случилось? Может быть, недостаточно ваше вознаграждение?

Застекленевшие глаза лысого стигийца выражали полное безразличие.

— Золото ничто, однако для этой жизни необходим набитый кошелек. Наши священники знают, что мир — лишь иллюзия, маска на голом лице Хаоса... Но простите, господин князь. Теологические рассуждения — обычай нашей страны, но мое присутствие здесь связано с вашим обычаем, так? — Стигиец слабо улыбнулся, давая понять, что он пошутил.

Князь удивленно поднял брови.

— Я имею в виду план Вашей Светлости, — продолжал Менкара, — убедить доброго, но старого короля Федруго отдать вам руку принцессы Чабелы, перед тем как он мирно закончит свое существование на этой земле. Я имею в виду хорошо известное изречение: «Заговор и измена — любимые обычаи Зингара».

Гримаса Виллагро дала понять, что он находит шутку не слишком веселой.

— Да, да, священник, все это мы понимаем. Какие новости? Как продвигается захват мыслей нашего предмета?

— Довольно плохо, мой повелитель, — пожал плечами Менкара. — Мыслями старого и больного Федруго завладеть легко. Но у меня возникли проблемы...

— Я слушаю!

— Когда мысли короля подчиняются моим желаниям, я могу полностью управлять им. Я могу заставить его отдать вам руку принцессы, но принцесса — не без основания, ссылаясь на разницу ваших возрастов, — отказывается.

— Так возьми и ее мысли под свой контроль, тупоголовый идиот! — прорычал Виллагро, разгневанный намеком на свой возраст.

Холодные огоньки вспыхнули в глазах Менкара и потухли.

— В нынешнюю ночь я и попытался это сделать, — промурлыкал он. — Мой дух вторгся в сны отдыхающей принцессы. Она молода, сильна и полна жизни. С огромным трудом я достиг контроля над ее желаниями, но когда моя тень захватила власть над ее спящей душой, я почувствовал, что теряю власть над Федруго. Она в ужасе проснулась, и хотя ничего не запомнила

из моих внушений, я, несомненно, встревожил ее. Затруднение в том, что я не могу одновременно контролировать короля и принцессу...

Он отшатнулся, увидев сверкнувшее в глазах князя пламя.

— Так это был ты, паршивый пес! — вскричал Виллагро.

Удивление и страх вспыхнули в глазах Менкара.

— Что вы имеете в виду, мой господин? — пробормотал он.

Зароно был удивлен не меньше священника.

— Возможно ли, чтобы мой хитрый шпион и мой осторожный колдун не слышали того, о чем говорит весь город, — задыхаясь от гнева, закричал Виллагро. — Возможно ли, чтобы никто из вас, идиотов, не знал, что принцесса исчезла? И что все наши планы превратились в ничто?

Князь Виллагро тщательно продумал свои планы. И осторожно начал воплощать в жизнь. Федруго был стар и немощен. Чтобы упрочить мирное процветание, королевская дочь, Чабела, должна была выйти замуж. Кто же более всего достоин ее руки и трона, чем Виллагро, старый вдовец, самый богатый и влиятельный вельможа, посол короля.

В подвале под своим древним замком разрабатывал Виллагро свой план. Для своих целей он выбрал корсара Зароно с благородными предками, но темным прошлым. Он поставил перед Зароно задачу найти мага с гибкой совестью, который мог бы влиять на мысли и желания стареющего короля. Для этой цели Зароно выбрал Менкара, священника-мага культа Сета. Побег Чабелы, однако, разрушал все планы Виллагро. Какой смысл контролировать мысли короля, если принцесса не будет присутствовать на обручении?

С железным самообладанием Менкара постепенно успокоил взволнованного князя.

— Сможет ли это успокоить Ваше Сиятельство, но те знания оккультных наук, которыми обладаю я, могут помочь быстро определить нахождение принцессы, — сказал он.

— Так сделай это, — мрачно сказал Виллагро.

По приказу священника кушит Гомани принес из комнаты пыток бронзовый треножник и уголь. Ковер был свернут, обнажив каменные плиты. Из-под рясы Менкара достал кожаную сумку со множеством отделений внутри. Из нее он взял кусок светящегося зеленого мела и начертил на полу фигуру, похожую на змею, держащую хвост в зубах.

К тому времени Гомани развел огонь в треноге.

Священник вылил на сверкающие угли зеленую ароматную жидкость из прозрачного флакона. Со змеиным шипением острый аромат наполнял комнату. Бледно-зеленые спирали дыма сплетались и расплетались в сонном воздухе.

Менкара сел в зеленый меловой круг. Канделябр был унесен, и комната погрузилась в жуткий мрак. Остались три источника света: красное пламя углей в треноге, зеленовато светящийся змеиный меловой круг и желтые глаза священника, сверкающие, как зрачки ночного животного.

Голос Менкара становился все громче.

— Иао, Сетех... Сетех, иао! Абрафакс курним мизрает, Сетех!

Резкие магические слова рождались и умирали, было слышно только ритмическое медленное дыхание стигийца. Глаза закрылись, и он впал в транс.

— Митра! — прошептал Зароно, но прикосновение князя заставило его замолчать.

Кольца дыма сталкивались и складывались в светящиеся, ядовито-зеленые облачка. Внутри облака оживала сцена. В сиянии был виден маленький корабль, плывущий по ночному океану. На капитанском мостике стояла девушка с угадывающимися под тяжелым плащом округлыми формами.

— Чабела! — выдохнул Виллагро.

Как только прозвучали эти слова, облако потускнело и распалось. С шипением потухли угли. Священник упал вперед, ударившись лбом о плиты пола.

— Куда она направляется? — спросил Виллагро, вернув к жизни мага глотком вина.

— В ее мыслях я прочитал имя Асгалун, — сказал Менкара, — не знает ли Ваша Светлость причин, по которым она должна искать Асгалун?

— Там сейчас находится Товарро, брат короля, — задумался князь. — Будучи послом, он ездит из одного города Шемита в другой, но сейчас он там. Я знаю точно! Она примчится к Товарро и будет умолять его вернуться в Кордаву. С присутствием этого парня здесь бог знает как могут измениться наши планы. Так что же нам делать, если ваша власть не может одновременно распространяться на принцессу и короля?

Зароно протянул руку к серебряному подносу, пробормотав: «С позволения Вашей Светлости?» После кивка Виллагро он выбрал себе фрукт.

— По-моему, — сказал он, проглатывая кусок, — мы должны найти другого мага.

— В этом что-то есть, — согласился князь. — Кого вы предложите, святой отец?

Стигиец смотрел без всякого выражения.

— Глава нашего ордена, — сказал он наконец, — самый могучий волшебник, который может помочь вам, — великий Тот-Амон.

— Где этот Тот-Амон находится?

— Он живет в родной Стигии, в оазисе Хаджар, — ответил Менкара. — Должен вас, однако, предупредить, что таланты великого Тот-Амона нельзя купить за простое золото. — Кривая улыбка появилась на тонких губах. — Золото может купить маленького человека, как я, но Тот-Амон — признанный властитель магов. Тот, кто повелевает духами Земли, не нуждается в материальном богатстве.

— Тогда что же может прельстить его?

— Одна мысль близка его сердцу, — сказал Менкара. — Много веков назад культ Митры боролся здесь, в западных королевствах, с культом моего божества, Сета. Так повернулась судьба, что мой культ пал, а защитники Митры одержали победу. Защитники Змея стали вне закона, и весь мой орден отправился в изгнание. И если теперь Ваша Светлость поклянется разрушить храмы Митры и на их месте построить храмы Сета, вознести Сета выше всех богов западного королевства, тогда я клянусь, Тот-Амон поможет вам своей властью.

Князь закусил губу. Боги, храмы и священники для него не значили ничего до тех пор, пока храмы исправно платили подати. Он пожал плечами.

— Да будет так, — сказал он. — Я поклянусь всеми вашими богами и демонами со странными именами. А теперь ваша задача — сначала вы выйдете в море. Пойдете к юго-востоку и встретите судно с принцессой. Схватите ее и разрушите корабль, не оставив в живых свидетелей. Позаботившись о даме, вы продолжите путь в Стигию. Вы, Менкара, будете вести переговоры с могучим Тот-Амоном и будете моим послом к нему. Когда вы введете его в курс дела и заручитесь согласием, вы возвратитесь в Кордаву с ним и принцессой. Вопросы есть?

Так началось выполнение двойной миссии.

Глава 2
НОЖ ВО МРАКЕ

Небо на востоке побледнело. Буря закончилась. Рваные черные облака быстро пронеслись по мрачному небу. Несколько тусклых звезд, загоревшихся на западе, иногда проглядывали через разрывы туч и отражались в грязных лужах на улицах Кордавы.

Зароно, хозяин капера «Пертел» и тайный агент князя Кордавы, шел по мокрым улицам в отвратительном настроении. Его драка с могучим киммерийским корсаром не обрадовала его, не говоря уже о потерянном обеде. Задание, возложенное на него князем, расстроило еще больше, и в довершение всего слипались от недосыпания глаза. Когда он обходил капающие карнизы и

вытаскивал из луж край плаща, его губы кривились от кипевшей внутри злобы. Он искал беспомощного прохожего, чтобы выместить свой гнев.

Тщедушный маленький человечек, голые ноги которого виднелись из-под старой рясы, шел по мокрой улице, стараясь ступать по булыжникам. Его сандалии скользили. Одной рукой он придерживал у тощей груди рваную накидку, а в другой держал горящий кусок просмоленной веревки, которая и освещала путь.

Едва дыша, он бормотал молитвы Митре. Так Нинус, младший священник храма Митры, спешил по ветреным и мокрым улицам навстречу своей судьбе.

Нинус встал до темноты и, избежав встречи с начальством, покинул пределы храма и пошел по темной аллее. Он держал путь в порт на встречу с корсаром Конаном-киммерийцем.

Маленький человечек обладал трясущимся брюшком и слабыми ногами. Водянистые глаза торчали над огромным носом. Его поношенная ряса была грязная, с подозрительными бордовыми пятнами запретного вина. В молодые годы, когда на него еще не снизошел свет Митры, Нинус был одним из самых удачливых воров бриллиантов. Именно тогда он и познакомился с Конаном. Не большой любитель храмов, могучий корсар сам когда-то был вором, и они были друзьями. Хотя Нинус чувствовал, что его призвание священника было подлинным, ему никогда не удавалось укротить свои греховные желания, которым он потворствовал в прежней жизни.

К хилой груди священник прижимал документ, который Конан обещал купить. Корсару нужно было сокровище, а Нинусу золото — в крайнем случае, серебро. Нинус давно обладал этим документом. В былые дни маленький человечек часто мечтал отправиться за сокровищем, место расположения которого знал только он. Но теперь это казалось маловероятным, так почему же не продать карту?

Его мысли были полны розовыми видениями сладкого вина, горячего мяса и пухлых красоток, которых он надеялся получить за деньги Конана. Нинус завернул за угол и наскочил на двух мужчин в темных плащах, отошедших в сторону, пропуская его. Пробормотав извинения, маленький священник поднял глаза на худого мужчину и, забыв об осторожности, в изумлении воскликнул:

— Менкара Сетит! Ты здесь! Защитник змеи, как ты осмелился?

Разгневанный Нинус стал звать стражу.

Зароно схватил Менкара за рукав, но стигиец вырвался и, сверкая глазами, прошипел:

— Он узнал меня! Быстро прикончи его, или мы пропали!

Зароно колебался, но недолго, и, выхватив тесак, ударил. Жизнь одного священника не значила для него ничего: главное — избежать объяснения со стражей.

Нинус, вскрикнув, упал на камни. Изо рта хлынула кровь.

— Так будет со всем вашим племенем, — сказал стигиец, плюнув.

Нервно оглядываясь, Зароно поспешно вытер лезвие плащом лежащего и прорычал:

— Быстро сматываемся!

Но Менкара заметил маленький сверток на груди Нинуса. Он нагнулся и вынул из одежды священника рулон пергамента, который сразу же развернул.

— Что-то вроде морской карты, — пробормотал он. — Мне кажется, я могу расшифровать...

— Быстрее, иначе нас поймает стража, — настаивал Зароно.

Менкара кивнул, спрятав свиток. И двое мужчин исчезли в розовеющем тумане. Распростертый Нинус лежал на мокрых камнях.

Выпив паршивого вина, не закончив с Зароно драку и просидев в пустом ожидании несколько часов, Конан постепенно мрачнел. Теперь он беспокойно бродил по дымному залу таверны. В таверне Девяти Нарисованных Шпаг все время толпился народ, но к этому часу остались только три пьяных моряка, которые лежали в углу.

Свеча-часы подсказала Конану, что близко рассвет. Нинус опаздывал на несколько часов, видимо, что-то помешало маленькому священнику, а он никогда не опаздывал за своими деньгами. Конан прорычал по-зингерски с варварским акцентом невозмутимому кабатчику:

— Сабрал! Я пошел подышать свежим воздухом. Если меня спросят, то я скоро вернусь.

Дождь едва капал. Облака рассеялись, и выглянула серебряная луна, но почти сразу же пропала в лучах рассвета. Над землей поднимался туман.

С тяжелым сердцем Конан брел по влажным булыжникам. Он ругал Нинуса, досадовал на себя — маленький святой мешок с отбросами заставил упустить утренний бриз, который вынес бы «Вестрел» из Кордавского порта. Теперь придется брать буксир.

Конан внезапно остановился и замер. Беспорядочная куча мокрой одежды приковала его взгляд.

Он осмотрелся, ища на крышах, в дверях и аллеях следы притаившегося убийцы. В этом квартале старого города труп не был удивителен. Покосившиеся лачуги вдоль улиц служили прибежищем для воров, убийц и других человеческих отбросов.

Прячась в тени, тихо, как крадущийся леопард, Конан проскользнул к неподвижной фигуре и осторожно повернул ее на спину. Свежая кровь блестела в розовом свете восхода. Капюшон откинуло ветром, обнажая лицо.

— Кром! — вскричал Конан, это был священник Нинус из Мессанитии, которого так долго ждал Конан.

Конан быстро осмотрел тело. Карты, которую Нинус обещал принести, не было.

Конан задумался — кому выгодна смерть маленького священника? Ценность имела только карта. Поскольку она пропала, то это наводит на мысль, что невинный Нинус был зарезан.

Восходящее солнце первыми лучами осветило крыши древней Кордавы. Этот утренний свет придал взгляду Конана особую суровость и непримиримость. Сжав огромный кулак, гигант киммериец поклялся отомстить за эту смерть.

Мягко подняв могучими руками маленькое тело, он поспешил назад в таверну. Ворвавшись в общий зал, он рявкнул кабатчику:

— Сабрал! Комнату, хирурга, и живо!

Кабатчик поспешил проводить Конана с его ношей по лестнице на второй этаж.

Проснувшиеся моряки проводили Конана удивленными взглядами.

Огромный мужчина, почти касающийся головой потолка, нес тело с такой легкостью, как будто это был ребенок.

Сабрал привел Конана в комнату, которую держал для почетных гостей. Конан собрался положить Нинуса на кровать, но остановился, так как Сабрал поспешно выдернул покрывало почти из-под тела.

— Кровь запачкает мое лучшее покрывало! — сказал он.

— Дьявол побери твое покрывало, — прорычал Конан. Он осматривал тело. Священник слабо дышал, пульс был неровный.

— По крайней мере, он жив, — пробормотал Конан. — Иди отсюда, человек, и принеси пиявок! И не стой здесь, как идиот!

Кабатчик тихо исчез. Конан обнажил тело и отыскал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Вошел Сабрал с зевающим врачом в ночном платье с копной седых волос, выбившихся из-под ночного колпака.

— Хороший доктор Кратос, — сказал кабатчик.

Врач снял повязку Конана, очистил рану и снова перевязал ее чистыми бинтами.

— К счастью, — сказал он, — рана не задела сердца и большую кровяную артерию, а лишь слегка повредила легкое. При хорошем уходе он должен выжить. Вы заплатите за него, капитан?

Конан согласно кивнул. Несколько капель вина вернули Нинуса в сознание. Голосом тише шепота он рассказал:

— Я столкнулся с двумя мужчинами... на улице... Один... Менкара, священник Сета... Я вскрикнул... Он сказал другому... убить меня.

— Кто был другой? — потребовал Конан.

— Он был весь закутан... шляпа и плащ... но мне кажется... корсар Зароно...

Конан нахмурился. Зароно! Этот насмешливый корсар, с которым он поссорился несколько часов назад. Знал ли Зароно о его встрече с Нинусом? Случайное ли совпадение, или Зароно сознательно пошел на убийство, чтобы овладеть картой?

Лицо Конана пылало гневом, он встал, чтобы уйти.

Захватив в мешке полную горсть монет, он высыпал их в ладони Кратоса. Другую горсть он протянул Сабралу.

— Вы, двое! Смотрите, чтобы с ним хорошо обращались и он имел все самое лучшее! — сказал Конан. — Когда я вернусь, мы точно рассчитаемся, и горе вам, если вы не будете стараться. Если он умрет, похороните по полному ритуалу Митры. Теперь я ухожу.

Он исчез как демон, скользнув вниз по лестнице, и нырнул из двери таверны.

Когда вставшее солнце позолотило мачты и паруса кораблей, порт проснулся. Сновали матросы, офицеры отдавали команды через кожаные трубы, и скрипящие лебедки из дерева переносили балки с пристани на палубу.

Конан спустился прямо к кромке воды к капитану почтовой стражи. Тот на вопрос Конана ответил, что «Петрел» Зароно ушел час назад и давно исчез за косой, составляющей восточный край порта. Конан прорычал благодарность и загромыхал по сходням своего корабля под названием «Вестрел».

— Зелтран! — заорал он.

— Да, капитан? — ответил помощник, руководивший погрузкой провизии в трюм. Зелтран был маленький, круглый зингаранец с длинными, загнутыми черными усами. Несмотря на свою комплекцию, он двигался очень легко.

— Свистать всех наверх, проверить по списку, — сказал Конан. — Мы скоро снимаемся.

Через несколько минут вся команда собралась на палубе. Большинство были зингаранцы, несколько человек и других национальностей. Трое отсутствовали, за ними послали юнгу, вытащить их из таверны. Остальная команда, подгоняемая Конаном, ускорила погрузку корабля.

Наконец появились отсутствующие матросы, был уложен последний мешок, швартовые отданы. Восемь моряков сели на весла, чтобы вывести «Вестрел» в открытые воды. Когда первый порыв морского бриза наполнил паруса, «Вестрел» помчался по волнам,

оставляя белый пенистый след за кормой. Он мягко и ритмично покачивался, крики чаек смешивались с плеском волн за бортом, со скрипом балок, снастей и свистом ветра в парусах.

Опираясь на перила, Конан стоял на мостике и задумчиво разглядывал видневшийся на горизонте край мачты. Определив курс, назначенный Конаном, и организовав дежурство, Зелтран поднялся на мостик и встал рядом с Конаном.

— Итак, мой капитан, — начал он, — куда мы теперь?

— Ты знаешь черный «Петрел» Зароно? — спросил Конан.

— Эту здоровую посудину, которая вышла в море за час до того, как вы пришли на корабль? Ну да, знаю. Говорят, что Зароно искусный мореход, но жестокий человек с черным сердцем. Он вращался среди благородных, но они отбросили его. Говорят, что он сделал что-то такое, чего даже эти высокородные негодяи не могли стерпеть... Так он стал корсаром. У вас неприятности с капитаном Зароно? С ним трудно иметь дело.

— Я отвечу, если не будешь трещать. — Конан коротко рассказал Зелтрану о Нинусе, карте и Зароно. — Таким образом, если я поймаю его в открытом море, он у меня узнает вкус стали. Если «Петрел» и больше, то «Вестрел» быстрее.

— О, конечно, мы поймаем его, — сказал Зелтран, воинственно закручивая ус, — и я не сомневаюсь, что лично смогу зарубить шесть или семь бандитов Зароно. Но, капитан, не лучше ли незаметно следовать за ним, чтобы он привел нас к сокровищу?

Сверкая глазами, Конан повернулся к помощнику. Наконец он потрепал маленького человечка по плечу.

— Клянусь Кромом, малыш, — заорал он, — ты стоишь своих денег.

Он посмотрел вверх, где несколько моряков, стоя на рее длиной почти в два ярда, ждали команды поднять марсель.

— Эй, вы! — крикнул он. — Оставьте! — Он повернулся к Зелтрану. — Мы не будем поднимать наш марсель, иначе Зароно бы увидел его, а мы можем плыть без него так же быстро, как и с ним. Кто здесь впередсмотрящий?

— Риего из Джериды.

— Посадите его на верхушку мачты, и пусть он нам скажет, что видит.

Через минуту Риего уже стоял в корзине наверху, всмотревшись, он крикнул:

— Карак дьявольски далеко, капитан. Я вижу марсель, а когда волна поднимает его, виден черный корпус.

— Это «Петрел», — сказал Конан. — Так держать, рулевой. — Повернувшись к Зелтрану, крутившему свои гигантские усы, он сказал: — Днем мы будем держаться подальше, а ночью подплывем

так, чтобы были видны бортовые огни. Если повезет, он нас даже не заметит!

Конан сурово улыбнулся, в его глазах светилось удовольствие. Он глубоко вздохнул. Это была жизнь: палуба, поющая под ногами, полсотни суровых головорезов, море, чтобы плыть, битва, чтобы драться, — и дикое, кровавое, шумное приключение впереди!

На всех парусах, но со спущенным марселем «Вестрел» шел на юго-восток по следам «Петрела».

Глава 3
ГИБЕЛЬ «СИА КУИН»

Каравелла «Сиа Куин», служившая королевской яхтой, прошла между берегом Зингарана и Бараканскими островами. Этот архипелаг был известным пиратским гнездом — в основном аргоссеанцев — но, к счастью, в то время корсаров там не было. Корабль пересек границу Зингара и Аргаса.

Аргоссеанский берег тянулся к востоку. Следуя приказам Чабелы, капитан Капеллез шел левым бортом, не придерживаясь береговых изгибов, поэтому аргоссеанский берег был далеко позади и едва был виден с верхушки мачты.

Для такого курса было две причины: во-первых, необходимо было достичь побережья Схема около Аргалуна как можно быстрее. Во-вторых, необходимо было избежать встречи с аргоссеанскими пиратами и корсарами.

Однако с утра был замечен черный карак. К полудню он подошел так близко, что удалось прочесть его название.

— Бояться нечего, госпожа, — сказал капитан Капеллез. — Приближающийся корабль находится на службе Вашего Высочества. Это «Петрел» под командованием капитана Зароно.

Но Чабела не успокоилась. Было что-то странное в постепенно приближающемся огромном черном корпусе корабля. Чабела едва знала Зароно, но и до нее доходили темные слухи о нем.

Теперь подозрения ее возросли. Уже третий день, как «Сиа Куин» покинула кордавский порт, и известие о ее исчезновении разнеслось, должно быть, далеко.

Вероятно, отсутствие королевской яхты на обычной стоянке выдало способ бегства Чабелы.

Шум вокруг ее исчезновения, думала она, мог даже вывести короля Федруго из летаргии, в которую он был погружен. Он мог приказать Зароно догнать и вернуть бежавшую дочь домой.

Чабела пробормотала благодарность капитану и отошла. Она беспокойно прохаживалась по палубе и как загипнотизированная смотрела на приближающийся корабль.

«Петрел» подходил все ближе. Таким образом, подумала она, через полчаса он перехватит ветер и заставит маленькую яхту лечь в дрейф.

Чабела прекрасно разбиралась в кораблестроении. В отличие от отца, который не любил моря и близко не подходил к «Сиа Куин», она с малых лет была моряком. Только в последние годы, когда она простилась с детством, отцовский указ запретил ей делать матросскую работу и висеть на снастях.

Принцесса вздрогнула, но заставила себя успокоиться.

Вдруг тень легла на освещенную солнцем палубу. И странно — тень эта была темно-зеленая: таинственно мерцающий чисто-изумрудный покров.

Принцесса подняла голову, но не смогла найти причину туманности, покрывшей «Сиа Куин». Ни облаков, затмивших солнце, ни крылатых гигантских чудовищ. И все же покров сверкающих изумрудов закрыл «Сиа Куин», как плотный, но неосязаемый дым. Лица моряков побелели, глаза широко раскрылись от страха.

Началось что-то ужасное. Щупальца зеленого мрака обвились вокруг ближайшего матроса. Как извивающиеся конечности какого-то морского чудовища, темные щупальца проникли в него. Девушка поймала дикий взгляд на его белом искаженном лице, увидела его дрожащие руки и ноги. Казалось, что зеленые спирали проникли в его тело и растворились. Могучий матрос окаменел, его кожа и одежда покрылись зеленым налетом. Он стал похож на нефритовую статую.

Чабела воззвала к Митре. Корабль стал массой кричащих, извивающихся людей, в безумии борющихся с извивающимися кольцами изумрудного тумана, которые обвивали их и проникали сквозь кожу, превращая людей в неподвижные зеленые фигуры.

Зеленые петли обвились вокруг принцессы. Она похолодела от страха, когда почувствовала прикосновение неосязаемой материи, и после прикосновения сразу же парализующая дрожь прошла по ее телу. Когда спирали проникли в нее, то холодный мрак опустился на ее мысли и больше она ничего не помнила.

На палубе «Петрела» Зароно с болезненным ужасом наблюдал, как стигиец творил магию. Неподвижный, как пыльная мумия, маг сидел на корточках перед аппаратом, который он собрал, когда карак приблизился к «Сиа Куин». Он состоял из маленького конического кристалла светло-серого цвета, венчавшего низкий алтарь черного дерева. Алтарь казался очень древним. Когда-то он был искусно украшен, теперь же от украшения остались только обнаженные человечки, убегающие от огромного змея. Глаза змея прежде были двумя опалами, но один выпал.

В ответ на тихие заклинания Менкара кристаллический конус вспыхнул призрачным светом. Вокруг него образовался нимб пульсирующего изумрудного сияния, осветивший резкие черты мага.

Когда нимб зеленого цвета пульсировал достаточно сильно, маг поставил перед лицом зеркало из черного металла в оправе из сплетенных чудовищ. С возрастающим ужасом смотрел Зароно, как изумрудное сияние растекалось по поверхности зеркала и затем отразилось на далекой палубе «Сиа Куин», как бы связывая оба корабля. Что-то происходило на каравелле, хотя Зароно из-за расстояния не мог рассмотреть, что именно.

Потеряв управление, «Сиа Куин» сбилась с курса и легла в дрейф. Зароно сбоку подвел свой карак. Стигиец вышел из состояния транса и мрачно стоял у перил. Его темные черты были цвета темного полотна, и холодный пот выступил на бесстрастном лице.

— Я выдохся, — сказал Менкара. — Это колдовство доводит мага до предела. И все же это не великая магия, с ней легко бороться, если знаешь как. Но вот те дурачки слишком мало думают о таких вещах. Идите, они совершенно безвредны для вас в течение часа.

— Они что, мертвы?

— Нет, просто приостановлена жизнедеятельность. Помогите мне дойти до каюты.

Зароно довел мага до каюты. Боцман принес алтарь с конусом.

Закрыв дверь каюты с магом, Зароно кружевным платком вытер пот со лба. Колдовство было великолепным, но это было страшное оружие. Он, Черный Зароно, куда больше любил звон шпаг, свист стрел из копий, удары ядер катапульты, треск бронзового тарана, входящего в борт корабля. За свою жизнь он совершил немало злодейств, но по крайней мере это были обычные человеческие грехи, не то что эти связи с темной и, возможно, неуправляемой силой неземного происхождения.

— Эрандо! — крикнул он коку. — Две бутылки самого крепкого вина, какое у нас есть в трюме.

Так была захвачена и вскоре погибла «Сиа Куин». Матросы с «Петрела» перешли на палубу и взяли застывшую фигуру девушки и перенесли ее на капитанский мостик к Зароно, затем обмотали мачты тряпьем и облили нефтью. После того как все вернулись на «Петрел», он быстро отчалил, а когда расстояние между судами стало безопасным, отряд лучников зажег стрелы и пустил их в «Сиа Куин». Через несколько минут вспыхнули груды тряпья. Один за другим с треском вспыхивали паруса, и черные лохмотья разлетались в стороны. Пламя охватило корабль, похоронив живые, но неподвижные фигуры.

«Петрел», подняв паруса, пошел в сторону побережья Схема, оставив позади себя пылающие обломки.

Со смотровой площадки своего карака Конан наблюдал столб дыма, отметивший гибель «Сиа Куин», и шептал молитвы суровому киммерийскому богу Крому. «Вестрел» лежал за горизонтом к северо-западу, невидимый с палубы «Петрела».

Со своего поста Конан видел катастрофу королевской яхты. Зачем Зароно остановился, чтобы уничтожить корабль своей страны? Конан даже не мог предположить. За этим, думал он, должно быть нечто большее, чем похищение карты сокровищ и стремление пресечь ползущие слухи. Но могучий Конан давно научился откладывать в сторону вопросы, на которые не находил ответов, пока что-нибудь прольет на них свет.

Кто бы ни были неизвестные жертвы на каравелле, он отомстит за них.

Глава 4
БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Разрезая черными бортами пенившиеся волны, вспыхивающие алыми отблесками, «Петрел» свободно мчался на юго-запад, подгоняемый западным ветром. Далеко позади него и невидимый с его палубы, следовал за ним «Вестрел».

В каюте капитана на огромном стуле с серебряной спинкой, украшенной необработанными рубинами, развалился Зароно. Изысканный аромат шемитского вина наполнил обшитую деревянными панелями каюту. Качающаяся лампа, висевшая на цепях наверху, освещала колеблющимся светом приколотые к стенам между стоек пергаменты. Лучи искрились на алмазных рукоятках шпаг и тесаков, которые тоже служили украшением стен.

Зароно сидел мрачный, с закрытыми глазами, откинув голову так, что черные густые волосы рассыпались в беспорядке, — он был мертвецки пьян.

Когда в его дверь постучали, он слабым голосом пробормотал проклятие и разрешил войти. Появился Менкара со свертком в руке. Тощий маг посмотрел на распластанную фигуру корсара с явным неодобрением.

— Еще какое-нибудь колдовство? — икнув, пробормотал Зароно. — Неужели ты никогда не оставишь простого смертного насладиться вином, без того, чтобы не влезть своей постной рожей? Ну ладно, говори, зачем пришел.

Не обращая внимания на этот взрыв пьяной злобы, Менкара развернул карту на столе перед Зароно и показал костлявым пальцем на линии шифрованного письма, которым была начертана загадочная карта.

— Я размышлял над картой этого священника с тех пор, как мы ее получили, — сказал стигиец с неожиданным для его тихого и невыразительного голоса напряжением. — Береговая линия, показанная здесь, очевидно, южная Стигия. Хотя язык мне незнаком, оказалось, что некоторые знаки мне мучительно знакомы. Я мучаюсь, расшифровывая надпись, а вы сидите здесь, напившись, как кретин.

Зароно вспыхнул и стал подниматься, держась рукой за эфес шпаги. Но Менкара поднял руку, останавливая его.

— Владей своими чувствами, человек. Дело чрезвычайной важности. Слушай же, с помощью магии я изучил сравнительные языки, и я знаю, что древний валусианский язык, подобно древним стигийскому и ачеронскому языкам, основывается на алфавите, каждый знак которого обозначает звук. Поскольку определенные части карты показывают страны, которые мы знаем как Схем и Стигию с городами Асгалун и Кхеми, мне удалось определить значения некоторых букв в надписи, где они, как можно догадаться, означают названия этих мест. Другие надписи являются названиями таких исчезнувших городов, как Камула и Пифон.

Музыка этих дьявольски-призрачных названий привела Зароно в трепет. Нахмурившись, он наклонился вперед, чтобы лучше слышать.

— Таким образом, — продолжал Менкара, — освоившись с этим древним языком через символы, представляющие известные названия, мне удалось наконец расшифровать надпись возле этого острова, которого я раньше никогда не видел на карте.

Зароно вгляделся в точку на карте, отмеченную тощим пальцем Менкара.

— Мне он тоже неизвестен, продолжай.

— Я расшифровал надпись вокруг этого острова как что-то вроде Сиоджина-кисуа, что в переводе на зингаранский звучит как «то, что не имеет названия».

Черные, беспокойные глаза Зароно сверкнули на лице, похожем на страшную маску.

— Безымянный остров, — прошептал он.

— Да, — тихо произнес Менкара с холодным удовлетворением в змеином взгляде. — Мы можем быть уверены, что «кисуа» означает остров, потому что такое же слово написано рядом с другими островами на карте. — Он указал еще на несколько точек. — Я уверен, что пираты слышали легенды об этом призрачном Безымянном Острове: о том, что это остаток древней Валуснии, и сохранившиеся руины свидетельствуют о могуществе пралюдей — человеко-змей.

— Я знаю морские легенды о том, что на этом безымянном острове собраны величайшие из сокровищ, находящиеся когда-либо в одном месте, — сказал Зароно.

— Это правда, — сказал Менкара, — но есть нечто, о чем вы не можете знать. Кроме груд золота и камней, там лежит величайшее магическое сокровище — точная копия «Книги Скелоса».

— Мне не нужна проклятая магия.

— Тут надо подумать, — усмехнулся Менкара. — Наша задача уговорить величайшего мага Земли помочь господину Виллагро воцариться в Зингара. Он, несомненно, был бы обрадован, увидев культ Сета возрожденным, а Митры — поверженным. Мы завоюем расположение и заручимся поддержкой, подарив ему такое сокровище магии, как «Книгу Скелоса». Такой могучий источник древнего искусства лежит неиспользованный — это преступление против священной науки магии. Считается, что существует три копии этой книги: одна в глубоких подвалах королевской библиотеки Аквилонии в Тарантии, другая в тайном храме в Вендхии, третья здесь, — он ткнул пальцем в карту.

— Если эта проклятая книга так ценна, почему же никто не забрал ее с Безымянного Острова? — спросил Зароно.

— Потому что никто не мог точно определить его местонахождение. Как вы видите, он лежит вдалеке от берегов черной земли и островов, известных нам. Мимо него не проходят морские пути, связывающие порты цивилизованных государств. Мореплаватель, который ищет его наугад в безбрежных просторах, может вечно бороздить море, так и не найдя остров. И еще, моряки — народ суеверный, их фантазия населила южные моря смертельными рифами и чудовищами-людоедами. Не случайно, что о Безымянном Острове давно забыли.

— Будь у нас даже волшебные крылья, потребовалось бы несколько дней, чтобы достичь его, — пробормотал Зароно.

— А что нас удерживает? Девушка в безопасности. А с «Книгой Скелоса» в руках у нас, определенно, больше шансов привлечь Тот-Амона на нашу сторону. Да и вряд ли золото оставляет вас равнодушным. — Заинтересованность появилась в бесстрастных глазах Менкара.

Зароно задумался. Да, было бы неплохо заполучить властителя магов для князя Виллагро и для этого надо сделать все возможное. Если же он заполучит сокровище Безымянного Острова, то к нему вернутся уважение и высокое положение.

Зароно вскочил на ноги и, распахнув дверь, крикнул: «Ванго!»

— Здесь, капитан! — откликнулся помощник.

— Курс на юг, пока на горизонте не останется только Полярная звезда!

— В открытый океан, сир? — недоверчиво переспросил Ванго.

— Я не люблю повторять, черт возьми! На юг!

«Петрел» развернулся, ловя новый поток ветра, и вот уже судно, разрезая волны, шло в новом направлении.

Менкара вернулся в каюту изучать карту. Он горел страстным желанием получить «Книгу Скелоса» и передать ее Тот-Амону. Обладая ею, великий стигийский волшебник не только смог бы возвести на трон Виллагро, но и сам стал бы управлять всей мировой империей. Вот тогда-то и взойдет звезда священника Менкара.

Конан задумчиво следил за движущимися огнями «Петрела», когда карак изменил курс с юго-востока на юг.

Конан соскользнул с мачты на палубу с ловкостью обезьяны.

— Зелтран!

— Да, капитан?

— Шесть румбов на правый борт! Галс по правому борту! Следуем за огнями «Петрела».

— Будет исполнено. Поворот по правому борту, штурвал вниз, ослабить качку... штурвал вверх, так держать!

Конан молча стоял на капитанском мостике, в то время как «Вестрел» оставил берег континента. Насколько Конан знал, темно сверкавший водный путь перед ним вел прямо на край света. Что лежит за ним, он даже не мог вообразить. О сказочных островах, чужих континентах, неизвестных народах и безжалостных чудовищах рассказывали старые легенды.

Легенды могли быть правдивы. Меньше года назад, когда на этом же «Вестреле» с прежним капитаном, мрачным Запораво, они причалили к неизвестному острову на западе, где Запораво и несколько зингаранцев из команды нашли свою смерть. В жизни Конана не было вещей более непонятных и зловещих, чем Черный Омут и его ужасные обитатели. Сейчас он отлично понимал, что на его пути могут встретиться такие же, а может быть, и более страшные, смертельные опасности.

Он глубоко вздохнул и порывисто улыбнулся, сказав себе: «Кром! Человек умирает однажды, и что пользы думать над воображаемыми опасностями? Когда страх придет, надо сражаться с ним с клинком в руке и яростью в сердце. Я еще поборюсь с судьбой на Безымянном Острове на краю света».

Глава 5
НА КРАЮ СВЕТА

Всю ночь плыли два карака по теплым южным водам. С рассветом «Вестрел», как обычно, поднял паруса, отплывая назад, чтобы не быть замеченным с «Петрела» при свете дня. С приходом ночи, если они еще не достигнут Безымянного Острова, они наверстают упущенное, поскольку легкий корпус и изогнутые бока давали преимущество в скорости перед более тяжелым и неповоротливым «Петрелом».

Постепенно вершины мачт «Вестрела» пропали среди бесконечных сине-зеленых волн. Летучие рыбы выскальзывали из воды и, описав полудугу, падали в море. С того момента, как было взято южное направление, они не встретили ни одного судна.

«Петрел» лег на правый борт, и через несколько часов на горизонте показался остров, скрытый под грудой облаков.

С носа «Петрела» Зароно задумчиво рассматривал неизвестный остров. Он выглядел недостаточно безопасно: песчаный берег, высокие красивые пальмы с изумрудными верхушками. Что было за стеной пальмового леса, пока никто сказать не мог.

Менкара, набросив черный плащ на узкие плечи, подошел к Зароно.

— Это тот самый остров, — невыразительно сказал он.

Засмеявшись, Зароно показал белые зубы.

— Ага, священник, это он! Теперь о сокровище: как оно охраняется? Привидения, демоны или просто два дракона? И я рассчитываю, что твоя сверхъестественная сила защитит нас от неприятностей, пока мы очистим гробницу или подземелья, или что-то другое. Ванчо! Подведи судно ближе к берегу, если там достаточно глубоко...

Четверть часа спустя Зароно скомандовал:

— Свистать всех наверх! Опустить все паруса! Ванчо, спустить шлюпку и собрать отряд смелых и хорошо вооруженных людей для высадки.

Мгновенно шлюпка оказалась на воде, и десять зингаранцев, увешанных оружием, соскользнули по канатам и заняли места за веслами. Они отчалили от «Петрела» и поплыли к берегу. Когда нос ткнулся в песок, они выскочили в воду и втянули лодку на берег. По команде боцмана они рассыпались по берегу, обнажив шпаги и держа арбалеты наизготовку, воинственно глядя на пальмы. Небольшая группа исчезла в лесу, но тут же появилась, давая на борт корабля сигнал «все спокойно».

— Остальные шлюпки на воду, — сказал Зароно. Вместе с Менкара и еще восемью матросами он занял место в своей шлюпке. Ванчо остался на борту «Петрела».

Шлюпки достигли берега без приключений. Зароно собрал людей. Через несколько минут он, Менкара и большой отряд матросов исчезли за деревьями. Три корсара остались охранять шлюпки: тощий остроносый шемит, чернокожий гигант из Куша и лысый краснолицый зингаранец.

С верхушки мачты Конан с острым интересом наблюдал за происходящим. Его судно держалось за горизонтом с поднятым бушпритом, тяжело переваливаясь на больших океанских волнах.

Некоторое время отряд Зароно шел по плотной тропической почве. Тишину нарушали шаги и тяжелое дыхание идущих, чав-

кающий звук широких кортиков и тесаков, разрубающих сплетение лиан, и шум листьев.

Воздух был горяч и влажен. Пот сверкал на мускулистых руках, могучих плечах, заливая глаза. Запах гниющих растений смешивался с ароматом экзотических растений-цветов, сверкавших золотом, пурпуром и белизной на фоне темно-зеленого леса.

Тут Зароно стал беспокоить другой запах. Через некоторое время он узнал острый змеиный запах. С гримасой отвращения он поднес к лицу блестящий шарик, в котором виднелись вкрапления цитрона и цинамона. Но даже душистый шарик не мог перебить запаха змей. За всю свою карьеру пирата он посетил множество маленьких океанских островов, и ни один из них не был прибежищем змей.

Было душно: тесно растущие пальмы, сплетенные цветущими лианами, не пропускали морского бриза. Взмокший от пота, Зароно внимательно смотрел вперед.

— Кроме скопления проклятых змей, я не вижу опасности на этом острове, — сказал он Менкара.

— Вы что, действительно ничего не заметили? — слабо улыбнулся маг.

— Кроме змей и жары, ничего, — пожал плечами Зароно. — Я ожидал сверхъестественных ужасов и разочарован. Никаких привидений и призраков — нет даже бормочущих мертвецов, вылезающих из могил. Ха!

— Как грубы ваши чувства, северянин! — задумчиво и холодно посмотрел на него Менкара. — Неужели ты даже не слышишь этой тишины?

— Хм... — сник Зароно. — Что ты хочешь сказать этим...

Зароно похолодел. В самом деле, джунгли были удивительно безмолвны. Никто не ожидал найти на маленьком острове больших зверей; но ведь должны же быть слышны пение птиц, шорох пробегающих ящериц и ползущих крабов, шум листьев качающихся пальм. Не было слышно ни звука, как если бы джунгли задержали дыхание и смотрели невидимыми глазами.

Зароно выругался, но тут же собрался с мыслями. Занятые прокладкой пути через заросли, люди еще ничего не замечали. Зароно сделал знак Менкара держать язык за зубами и пошел за отрядом. Но чувство, что за ними наблюдают, не прошло.

К полудню корсары достигли цели. К своему удивлению, пробившись через плотные заросли, они оказались на открытом месте. Джунгли неожиданно закончились, как будто боясь пересечь невидимую границу. За этим барьером почва была ровная и песчаная, взрастившая жалкие кустики чахлой, бледной и бесцветной травы. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

В центре этой мертвой зоны возвышалось таинственное строение, от которого они пришли в восхищение. Зароно не мог угадать его назначение: оно с одинаковым успехом могло быть и гробницей, и храмом, и хранилищем. Это было тяжелое квадратное здание из грубого, необработанного камня, которое поглощало весь падавший на него свет.

Строение грубой кубической формы, но его поверхность была не просто квадратами, а состояла из множества плоскостей и изгибов неправильной формы, ориентированных в самых различных направлениях. Все было так, как если бы каждую часть проектировал свой архитектор или здание было составлено из обломков других построек, собранных наугад в разное время и в разных странах.

Такого стиля он не встречал никогда за свои долгие странствия. Казалось, что строители следовали некой нечеловеческой геометрии — некоему неземному канону в пропорциях и проекте.

Черный храм — если это был храм — высился перед ними в призрачном свете. Зароно почувствовал ледяное прикосновение ужаса, никогда прежде не испытанное. Атмосфера страха, излучаемая черным строением, охватила этого головореза со стальными нервами. Мигая, он смотрел на него, стараясь отыскать источник этого ужаса, который сдавил ему грудь и сжал сердце.

Серое лицо Менкара было покрыто капельками пота. Он прошептал, как бы про себя.

— Все так, как я и думал. Здесь справляли ритуал З'фоума. — Он содрогнулся. — Я не слышал, чтобы этот темный культ возвращался за последние три тысячи лет...

— Что ты там бормочешь, желтая собака, — заорал Зароно, разозлившись от страха.

Широко открытыми глазами стигиец посмотрел на него.

— Защитное заклинание, — прошептал он. — Большой силы. Если бы какой-нибудь глупец вздумал войти в пределы храма без контрзаклинания, его присутствие разбудило бы то, что спит внутри.

— Ну? Ты знаешь такое контрзаклинание?

— Слава отцу Сету, знаю. Мало известно о пра-людях, змее-человеках Валусии. Но из того малого, что мне известно, я могу составить контрзаклинание, но не могу сделать его действие долгим.

— Достаточно долгим, чтобы очистить эту гробницу, я надеюсь, — сказал Зароно. — Сделай все, что можешь.

— Тогда идите в лес, вы и ваши люди, и отвернитесь от меня, — сказал Менкара.

Зароно увел своих корсаров в лес, где они встали спинами к открытому пространству, сбившись в кучу. Они слышали, как Мен-

кара произносил слова на неизвестном языке. Что он делал еще, они не знали. Голос мага казался эхом других, нечеловеческих голосов, которые говорили сухим, скрипящим тоном, как будто его гортань не была приспособлена для человеческой речи. Земля слегка дрожала, и свет слабел, как будто облако закрывало солнце...

Наконец Менкара слабым голосом сказал:

— Идите!

Зароно нашел, что стигиец выглядит постаревшим и усталым.

— Спешите, — пробормотал Менкара, — контрзаклинание не действует долго.

Бледные и в поту, Менкара и Зароно вошли в храм. Внутри было мало света, и лишь немного проникало через открытые порталы, а черные грубые камни поглощали этот свет без отражения.

В дальнем конце комнаты неправильной формы возвышался огромный черный алтарь, и на его вершине стоял идол из серого камня. В идоле сочетались черты человека и жабы, с ясно подчеркнутыми мужскими чертами. Жабоподобный, с мерзкой бородавчатой кожей, восседал он на вершине алтаря. Беззубый рот идола был слегка открыт в бессмысленной улыбке. Надо ртом пара отверстий соответствовала ноздрям, и над ними семь круглых камешков, вставленных в ряд, соответствовали глазам. Семь камней слабо отражали свет, падающий с портала.

Содрогнувшись от ужаса, излучаемого идолом, Зароно отвел глаза. Перед алтарем лежали две небольшие сумки из старой кожи. Одна была разорвана сбоку, и сверкающий поток камней вытек из нее, бросая роскошные отблески на каменные стены, сверкая в полумраке, как проглянувшее через покров облаков созвездие.

Под сумками с алмазами лежала огромная книга с переплетом из шкуры рептилии и бронзовыми застежками, позеленевшими от старости. Размеры рептилии, кожа которой служила переплетом, были таковы, что на Земле у нее не нашлось бы врагов.

Два человека молча обменялись торжествующими взглядами. Зароно осторожно, чтобы не просыпалось ни одного камня, поднял разорванную сумку. Взяв ее под мышку, он свободной рукой поднял вторую сумку. Менкара тем временем склонился над книгой, поднял ее и прижал к груди. Его костлявое лицо пылало, а глаза выражали странный, дикий экстаз. Не произнося ни слова и не обернувшись назад, они выскочили из храма, пересекли открытое место и присоединились к корсарам, в страхе ожидавшим их на краю джунглей.

— Обратно на корабль, и как можно скорее! — сказал Зароно.

Все бросились назад по прорубленной ранее просеке, с радостью оставив позади хранилище древнего ужаса, стремясь вдохнуть чистого воздуха моря.

Глава 6
ПЫЛАЮЩИЕ ГЛАЗА

После перенесенных ужасов и гнева принцесса Чабела немного успокоилась. Она не знала, почему вассал Зароно выступил против своего повелителя и уничтожил королевскую яхту и зачем корсар взял ее в плен.

Зароно запер ее в маленькой каюте, связав ей руки за спиной шелковым шарфом. Прозрачный алый шелк, казалось, совсем не подходил к этой цели, но Зароно научился у странствующего вендхийского менялы вязать такие узлы, которые не поддавались и самым ловким пальцам, а алая ткань, при всей своей легкости, оказалась прочной. В обеденное время Зароно сам пришел в каюту и развязал руки, но потом снова связал.

Чабела носила за поясом маленький ножичек. У высокородных зингаранских женщин был обычай носить при себе такие лезвия, чтобы покончить с собой, если не удастся спасти честь.

Находчивая девушка приложила немало усилий, достала нож, вставила его ручку в щель между иллюминатором и подоконником, обнажила лезвие и, встав спиной, прижала запястье к лезвию.

Задача была трудной, поскольку она не видела за спиной на таком близком расстоянии; время от времени болезненное прикосновение острой стали обжигало кожу. И до того, как она разрезала шелк, ее запястья были скользкими от крови. Но наконец руки освободились.

Чабела вынула нож, вложила его в ножны и спрятала за поясом. Двумя кусочками шелка она перевязала кровоточащие порезы на запястьях.

Как теперь ей воспользоваться полученной свободой? Услышав последние команды, она догадалась, что Зароно покинул судно. На борту осталось всего лишь несколько человек, но Чабела знала, что у двери ее каюты поставлен суровый часовой, так что в любом случае этот путь был бесполезен.

Оставался иллюминатор, в котором виднелось побережье кремового цвета, спокойное море и несколько пальм, вознесших изумрудные вершины к ясному небу.

На свое счастье, Чабела была сильнее, храбрее и мужественнее большинства благородных дам зингаранского дворца. Многим из них и в голову бы не пришло то, что сделала через минуту Чабела. Она открыла иллюминатор и завернула платье за пояс выше колен. Внизу, на расстоянии в несколько морских саженей, лениво колыхалась вода.

Чабела вылезла в иллюминатор, повисла на руках и упала в воду почти беззвучно, быстро вынырнула, отфыркиваясь и убирая с лица тяжелые черные волосы.

У Чабелы было мало времени. В любую минуту с палубы могли заметить ее и поднять тревогу.

Где-то на палубе должен был находиться часовой, но в этот момент у перил никого не было. Если она будет плыть от кормы, то у нее будет больше шансов, что часовой не заметит ее.

Чтобы не быть замеченной, она долго плыла на спине, держа над водой только лицо. Устав, она отдыхала на воде, слегка двигая руками. Она плыла параллельно берегу, так, чтобы корма заслоняла ее от остального судна.

Наконец корпус корабля удалился настолько, что фигурки людей на нем стали совсем неразличимыми. Тогда Чабела энергично поплыла к берегу.

Дрожа от усталости, она скоро почувствовала под ногами песчаное дно и выбралась на желто-серый берег. Добравшись до тенистой пальмы, она легла отдохнуть среди зарослей папоротника.

Чабела подумала, что попала из одной беды в другую, потому что никто не знает, какие опасности таятся на острове. Помолившись Митре, она решила, что бежать все же лучше, чем оставаться на корабле в руках врагов.

Собравшись с силами, она пошла наугад, не зная, какое выбрать направление. Она морщилась, ступая босыми ногами на камни — за последние несколько лет ей выпадало не так уж много случаев гулять босиком. Чабела вздрагивала, когда морской бриз прижимал к телу влажную одежду. Она нетерпеливо сняла платье, выжала и положила на папоротник сушиться. Отрезав ножом край плаща, она разделила его на две части и обмотала ступни.

Когда ее платье высохло, Чабела огляделась, держа в руке нож. Это была не шпага, но все же лучше, чем ничего, и она пошла через джунгли. В ее ноздри ударил приторный запах гниющих растений и тропических цветов. Грубые колючки, остроконечные пальмовые листья и цепкие лианы изорвали ее платье, оставляя длинные красные полосы на руках и ногах.

Дальше джунгли постепенно поредели, но ее беспокоила невероятная тишина. Казалось, ветер не проникал сюда. Сердце ее сжалось.

Она споткнулась о корень и упала. С трудом поднялась и снова упала. В третий раз она поняла, что решимость и силы ее на пределе.

Неожиданно на ее пути появилась массивная фигура, темная, с пылающими глазами. Она вскрикнула, отскочила назад и вновь упала. Фигура ринулась к ней.

Конан задумчиво рассматривал море. «Петрел» Зароно лежал в бухте.

— Мы можем напасть на него, — сказал он Зелтрану, — и победить оставшуюся малую часть команды. Когда Зароно вернется, то увидит, что все дороги отрезаны. Ну, что ты скажешь?

Конан торжествующе улыбнулся помощнику, как будто он уже перескочил на палубу вражеского корабля и перебил огромным тесаком защитников.

— Нет, капитан, — покачал головой Зелтран. — Мне это не по нраву.

— Почему нет? — пропыхтел Конан. Лобовая атака подходила его варварской натуре, но за долгие годы плавания и приключений на берегу он научился осторожности. Он знал, что невзрачного маленького зингаранца природа кроме храбрости наделила хитростью и практичностью.

Зелтран сверкнул умными черными глазами на Конана.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем, сколько человек оставил Зароно на борту. Его команда больше нашей, и те, кто остался на борту, могут превосходить нас числом.

— Кром! Я один перебью половину этих псов! — Конан почесал небритый подбородок.

— Нет сомнения, капитан, что вы один стоите десяти врагов. Но остальные члены экипажа не смогут драться с той же злобой.

— Почему нет?

— У корсаров нашего корабля много приятелей из команды Зароно. Наши люди не захотят проливать кровь своих братьев без особой причины. Кроме того, «Петрел» больше, чем наше судно, с более высокими бортами и поэтому ему легко отбить наше нападение. Вы заметили катапульту на носу корабля?

— Нет, мой капитан, если я правильно понимаю, мы начали это плавание за сокровищем, а не из-за удовольствия просто подраться. Сейчас, чтобы получить сокровище, по-моему, следует обогнуть остров с другой стороны и попытаться достичь сокровищ быстрее негодяев Зароно. Если нам это не удастся, то мы сможем сосчитать высадившихся на берег и, оценив наши возможности, постараться разбить их и захватить сокровище.

Конан согласился, хотя это и было против его желания.

— Обогнем остров с севера, — мрачно сказал он. — Полный вперед по правому борту.

Несколькими часами позже «Вестрел» бросил якорь у восточной стороны острова. Две шлюпки с вооруженными людьми направились к берегу. Вскоре они причалили, вытащили шлюпки на желто-серый песок.

Придерживая у бедра тесак, Конан огляделся. Остров казался странно-мрачным, серым, в то время как вокруг море было залито солнцем.

Привязав шлюпки и оставив двух сильных корсаров в охране, Конан и его отряд исчезли в зеленой стене джунглей.

Наконец Конан и его отряд достигли круглого открытого места в джунглях. Зона мертвой травы и бесплодной земли пусто лежала в слабом свете. Стоя на краю леса, Конан, нахмурившись, осматривал пустое гладкое место. Он не заметил признаков жизни, но враг мог прятаться в джунглях или в черном храме.

Что касается храма, то его атмосфера скрытой опасности предупреждающе отозвалась в Конане страшным волнением. Он не сомневался, что черное строение построено не руками человека.

Возможно, думал он, что это работа легендарных змее-людей древней Валусии. Непонятные, почти неразличимые скульптурные украшения и зона пустой земли и мертвой травы — все напоминало ему такие же строения, которые он видел в пустынях Куша. Они тоже были делом рук давно ушедшей пра-человеческой расы.

Инстинкт подсказывал ему покинуть гиблое место. Но Конан был уверен, что за его стенами лежит то, ради чего они пришли.

— Стойте тихо, спокойнее, — прошептал Конан своим людям, — следите за любой опасностью.

Обнажив тесак, он вышел из джунглей и быстро прошел по голой земле к зияющему входу. Через миг он исчез из виду товарищей.

Подавив охватившую его дрожь, он смело прошел внутрь, держа тесак в боевой готовности. Широкое лезвие блеснуло в слабом свете. Его настороженный взгляд скользнул по каменному жабоподобному идолу, сидящему на вершине алтаря, и остановился на углублении перед алтарем.

Если сокровище и было здесь, то теперь оно исчезло. Пол был покрыт толстым слоем пыли, на которой отпечатались два ряда входящих и выходящих следов. Одни следы были от морских сапог, другие от сандалий.

Зароно и кто-то еще, подумал Конан.

Перед алтарем на небольшом участке, где не было пыли, лежали несколько бриллиантов, вывалившихся из дырявой сумки.

Состроив гримасу, Конан шагнул вперед, намереваясь собрать оставшуюся горсть камней. Его бесила роль шакала, подбирающего объедки Зароно, но он не собирался выходить с пустыми руками.

Он еще раз осмотрелся, и вдруг каменный идол начал двигаться. Семь глаз в ряд над широким безгубым ртом уже не были просто слабыми, пыльными шариками стекла, они стали живыми глазами, сверкающими зеленым пламенем и уставившимися на Конана с холодным, безжалостным гневом.

Глава 7
ЖАБОПОДОБНАЯ ТВАРЬ

— Кром! Оно ожило! — возглас изумления вырвался у Конана.

Он напрягся, и сверхъестественный ужас охватил его существо. И в самом деле, мерзкий каменный идол был полон призрачной жизненной силой. Его короткие конечности двигались и скрещивались.

Уставившись пылающими глазами на своего врага-жертву, идол двинулся вперед, достиг края пьедестала и с грохотом спрыгнул на каменный пол, где лежали сверкающие алмазы. Он упал на свои четырехпалые лапы и тут же двинулся к Конану. Его конечности гремели по полу. Он был огромен, как бык, и семь изумрудно-горящих глаз были на уровне глаз Конана.

Конан взмахнул тесаком, но тут же сообразил по звуку, которое издавало создание при движении, — оно все еще каменное, и сталь против него пустяк, удар просто испортит лезвие.

Перед тем как безгубый рот хотел схватить его, Конан повернулся и выскочил на открытое место. Теперь не время осторожничать. Он заорал:

— Обратно на корабль! И быстрее!

Возгласы удивления и страха вырвались у людей, столпившихся у края джунглей, когда они увидели выскочившего из храма вслед за Конаном жабоподобного идола. Второй команды не понадобилось. Обламывая ветви и листья пальм, корсары уносили ноги. А за ними почти с той же скоростью мчалось чудовище из ожившего камня. Конан остановился, чтобы привлечь внимание чудовища, и, когда это удалось, резко свернул в противоположную сторону, увлекая его за собой.

— Что это? Девушка, здесь? Клянусь грудью Котар и животом Дагона, этот проклятый остров таит больше неожиданностей, чем я думал!

Человеческий голос, хоть и грубый, говоривший по-аргозиански с сильным акцентом, разбудил Чабелу. Человек продолжал:

— Милая девушка, я тебя напугал? Сгореть мне на этом месте, если я замышляю что-то плохое. Как же тебя занесло в это богом забытое место на краю света?

Когда первый страх прошел, Чабела увидела перед собой могучего темноволосого молодого гиганта в одежде моряка. Он был не из команды Зароно и выглядел честным парнем со слегка тронутой загаром кожей, открытым взглядом голубых глаз, нечесаными кудрями и золотисто-рыжей бородой. По виду северянин, подумала она.

— Зароно, — едва сказала она, тяжело дыша от усталости и возбуждения. Она споткнулась и упала бы, не поддержи ее рыжеволосый гигант.

— Эта черная свинья, а? Теперь приспособился таскать молодых девушек? Ну, разрази меня гром, если я не разорву эту собаку при первой встрече, но, клянусь рогом Хеймдала и мечом Митры, ты теперь в безопасности. Не бойся, моя команда к твоим услугам, но что это там?

Северянин посмотрел, держа огромную ладонь на рукоятке тесака, висевшего на поясе, в сторону приближающегося шума и треска. Высокая фигура выскочила из зарослей и остановилась перед ними. К своему удивлению, Чабела узнала Конана.

— Капитан Конан? — вскрикнула она.

Конан сузил глаза, разглядывая светловолосого воина с наполовину обнаженным тесаком и черноволосую девушку, которая слабо напомнила ему кого-то, но разбираться было некогда.

— Бегите, вы, двое! — крикнул он. — За мной гонится чудовище из храма! Быстрее, поговорим позже!

Тяжелый треск послышался за спиной Конана и подтвердил его приказ.

— Живее! — заорал он, схватив принцессу за руку, и потянул ее за собой. Северянин бежал за ними. Через некоторое время они оторвались от преследователя. Тут они остановились передохнуть, и Конан сказал северянину:

— На этом паршивом острове есть горы или утесы? Каменное чудовище не сможет вскарабкаться.

— Клянусь копьем Рудена в милю длиной, ровно, хоть шаром покати, — сказал рыжий и вздохнул. — Ничего, выше этого, за исключением косы на северо-востоке, где земля вырастает в утес, нависающий над материком. Но это не поможет: земля поднимается полого, и идол сможет вскарабкаться... Он догонит нас!

— Покажи нам дорогу к косе, — сказал Конан. — У меня есть план.

Северянин пожал плечами и повел. Когда Чабела выдохлась, Конан поднял ее на руки. Полная девушка была нелегкой ношей, но гигант киммериец нес ее без видимых усилий. Позади них ясно слышался топот чудовища.

Час спустя, когда солнце уже клонилось к горизонту, трое уставших, исцарапанных беглецов достигли утеса. Он был треугольной формы, углом вверх, как нос корабля. Конан вспомнил, что видел это место с «Вестрела», когда проплывал, огибая остров с севера, к месту нынешней стоянки.

Северянин взял на руки девушку, освободив Конана. Они вышли из джунглей и стали подниматься вверх. На полпути к вершине северянин поставил Чабелу на землю, и оба искателя

приключений остановились, чтобы посмотреть, преследует ли их еще каменный дьявол.

Ответом послужил треск и качание деревьев.

— Ну, Кром и Митра, в чем твой план? — выдохнул рыжеволосый.

— К верхней точке, — прорычал Конан, указав путь. Когда они достигли вершины, он наклонился над краем и посмотрел вниз. Сотней футов ниже море колыхалось между широкими черными рифами, острые зубцы которых выступали над водой и влажно блестели. Между зубуками рифов виднелось несколько бассейнов, и довольно больших.

Чабела вскрикнула, оглянувшись назад и увидев неуклюжую фигуру, появившуюся на краю джунглей. Ломая кусты и деревья, чудовище вырвалось на открытое пространство. Его семь глаз сразу заметили беглецов, и оно быстро стало подниматься к вершине.

— Оно загнало нас в угол, — сказал северянин. — Не эта ли наша последняя пристань?

— Еще нет, — сказал Конан, в двух словах объясняя свой план.

Тем временем тварь продолжала подниматься, и ее семь глаз сверкали в лучах заходящего солнца. Когда чудовище приблизилось к цели, то изменило способ передвижения с быстрого бега на жабьи прыжки. Земля трескалась, когда огромный вес падал на землю после очередного прыжка. Он подбирался все ближе и ближе, раскрыв в предвкушении безгубую пасть.

Конан нагнулся и поднял несколько камней.

— Давай! — крикнул он.

Чабела побежала по краю обрыва. Рыжеволосый побежал в противоположном направлении, оставив Конана стоять на самом краю обрыва лицом к лицу с чудовищем.

Тварь остановилась, сверкая глазами и раздумывая, какое направление выбрать.

— Сюда! — заорал Конан, швырнув камень, который попал и с треском отбил нос чудовища. Следующий выбил со звоном глаз. Камень попал немного выше, но зеленое пламя пропало, как будто камень разбил материю, из которой состоял этот глаз.

Не успел Конан поднять третий камень, как тварь уже была рядом с ним. Она присела на массивные конечности для последнего прыжка и широко раскрыла пасть.

Как только конечности чудовища оторвались от земли и пока оно еще было в воздухе, Конан повернулся и прыгнул с обрыва. Он полетел вниз, прямой как стрела, и нырнул в самый большой из рифовых бассейнов. Он сделал несколько сильных гребков и тут же вынырнул на поверхность.

На вершине утеса тварь последним прыжком приземлилась в ту самую точку, где только что стоял Конан. Ее передние конечности ударились о край, подняв облако камней и грязи. Затем скользнули с обрыва. На секунду чудовище повисло на осыпающемся краю утеса. Вес был слишком велик, и оно с грохотом рухнуло с обрыва. На миг оно повисло в воздухе, медленно поворачиваясь, но потом стало падать со все увеличивающейся скоростью, и падение его потрясло прибрежные скалы до основания.

Отфыркиваясь, Конан вылез из бассейна. Он нырнул не точно в центр бассейна и оцарапался об острые зубцы скалы, окружавшей бассейн. Через порванную одежду были видны кровоточащие царапины на бедрах и голенях. Он пошел осматривать остатки жабоподобной твари.

Камень мог волшебно ожить, но все же это был камень. Монстр разбился на тысячи кусков, лежащих здесь и там среди скал у основания утеса.

Карабкаясь и прыгая со скалы на скалу, Конан пробрался вдоль подножия утеса и залез наверх. Он дошел до вершины и присоединился к рыжеволосому, который присел на краю и рассматривал остатки твари.

— Клянусь когтями Неграла и кишками Мардука, отсюда смотреть на них гораздо приятнее. Теперь, когда мы все вместе избежали опасности, пришло время познакомиться. Я зовусь Сигурд из Ванахейма, честный моряк, заброшенный на это проклятое побережье вместе с командой после кораблекрушения. А вы?

Конан внимательно посмотрел на Чабелу.

— Крянусь Кромом! — сказал он наконец. — Неужели Чабела? Дочь Федруго?

— Верно, — ответила она, — а вы капитан Конан.

Капитан корсаров и принцесса не были близки при дворе Зингарана. Однако Конан достаточно часто видел ее на праздниках, парадах и других церемониях.

Поскольку большая часть добычи корсаров шла короне, Федруго вынужден был время от времени показывать свое благоволение капитану корсаров. Длинные ноги, широкие плечи и мрачные, бесстрастные черты гиганта киммерийца запечатлелись в памяти Чабелы, да и Конан достаточно быстро узнал ее, несмотря на рваную одежду и растрепанные волосы.

— Во имя всех богов, что вы здесь делаете, принцесса? — спросил он.

— Принцесса! — вскричал изумленный Сигурд. Его открытое лицо покраснело, он уставился на полуобнаженную девушку, с которой обращался так просто. — Во имя бороды Имира и сверкающих глаз Баалва, Ваше Высочество должны простить мой язык.

Высокородная дама, а я называл ее «милая девушка»... — Он опустился на одно колено, обескураженно глядя на Конана, не сдерживающего улыбки.

— Встаньте, Мастре Сигурд, — сказала Чабела, — и забудьте об этом. Королевский этикет теперь столь же уместен, сколько и лошадь на крыше дома. Вы знаете капитана Конана, моего другого спасителя?

— Конан... Конан, — бормотал Сигурд. — Киммериец?

— Он самый, — признался Конан. — Вы слышали обо мне?

— Слышал некоторые истории на Тор... — Сигурд осекся.

— На Тортего, вы хотели сказать? — спросил Конан. — Я так и подумал, что вы похожи на баракаса. Я тоже состоял в братстве, пока там не стало слишком жарко. И вот теперь я капитан «Вестрела», корсар зингаранского двора. Подходяще?

— Подходяще, клянусь хвостом Лира и молотом Тора, — сказал Сигурд, пожимая протянутую руку. — Но мы должны принять меры, чтобы наши парни не передрались. Мои, в основном, зингаранцы и только мигни, вцепятся в глотку любого иностранца. Я думаю, нам надо постараться, чтобы старая вражда не вспыхнула снова.

— Верно, — сказал Конан. — Как ты и твои люди попали сюда?

— Мы наскочили на риф на юге острова и потерпели крушение. Мы высадились на берег и вытащили большую часть имущества и приборов, но наш капитан заболел и умер. Я был его помощником и вот уже месяц командую людьми: мы пытаемся построить плот достаточно надежный, чтобы доплыть до материка.

— Ты знаешь что-нибудь о черном храме?

— Да, конечно, мы с моими парнями однажды зашли туда, но там всюду таилась беда, и мы больше там не появлялись. — Сигурд задумчиво посмотрел на запад, где алый солнечный шар только что коснулся синей линии горизонта. — Зажарь меня на медленном огне, парень, но все эти мрачные джунгли и бегающие чудовища разбудили во мне жажду. Пойдем в мой лагерь и посмотрим, не найдется ли капли вина за наше здоровье. Правда, вина мало, но, я думаю, мы его сегодня заслужили.

Глава 8
КОРОНА КОБРЫ

Зароно рвал и метал, когда, вернувшись на корабль, узнал об исчезновении Чабелы. Матросы, стоявшие на вахте у каюты Чабелы и на корме, по приказу Зароно были протянуты под килем.

К вечеру следующего дня вся команда, за исключением нескольких человек, снова отправилась на берег. Многие часы были проведены в поисках принцессы, которая была основной частью плана. Нашли несколько обрывков ее платья, но они лишь подтвердили, что она где-то здесь.

Корсары также обнаружили остатки лагеря Сигурда, но сами бараканские пираты исчезли.

Перед заходом солнца Зароно, более неистовый, чем обычно, вернулся на «Пестрел».

— Менкара! — заорал он.

— Да, капитан Зароно?

— Скажи, куда уплыла эта малютка, пропади она пропадом! Сейчас время показать силу твоего волшебства.

Вскоре Зароно сидел в своей каюте и наблюдал, как Менкара устанавливал свой аппарат для колдовства, как в подвале князя Виллагро. Угли зашипели, маг запел:

— Иаа, Сотех...

Ядовитое зеленое облако дыма сгустилось, и в нем показался морской пейзаж. По тихому морю плыл на всех парусах красивый легкий карак. Но ветер был слабый и паруса были едва наполнены.

— «Вестрел» Конана, — сказал Зароно, когда картинка прояснилась. — Но где?

Менкара развел руками.

— Извините, но мое искусство ничего об этом не говорит. Если бы было видно солнце, я по крайней мере мог бы сказать вам, в каком направлении они плывут. А так...

— Ты хочешь сказать, — взорвался Зароно, — что они могут быть где угодно за горизонтом, но ты не знаешь где?

— Я не великий Тот-Амон. Делаю, что могу.

— Ты можешь увидеть, на борту ли девушка?

— Нет, но я уверен, что она там, а иначе мы не увидели бы корабля. Она, несомненно, спит в одной из кают.

— Надо было мне попользоваться этой шлюхой, когда была возможность, — прорычал Зароно. — Но что же теперь делать?

— Я думаю, «Вестрел» идет к берегам Куша, но вероятнее, что они направляются обратно в Кордаву. Твой капитан Конан спешит вернуть принцессу в надежде на щедрое королевское вознаграждение.

— Сможем ли мы перегнать его, если пойдем на север?

— Я думаю, нет. Океан велик, и штиль, в который попал «Вестрел», захватит и нас. Они могли пойти на северо-восток, чтобы высадиться на берегу Схема и попытаться найти Товарро, брата короля. У нас нет возможности узнать. Но мы забыли нашу главную цель.

— Девушка и сокровище были нашей целью.

— Нет. Я говорю о великом Тот-Амоне. Если мы заручимся его поддержкой, нам будет безразлично, вернется ли принцесса к королю, или останется в доме своего дяди. Повелитель волшебников сможет так же легко управлять ею, как кукольник дергает за веревочки марионеток. Мы возьмем курс на северо-восток к берегам Стигии. Если мы по дороге захватим корабль Конана — хорошо, если нет, то это не имеет значения.

С побережья Стигии Зароно и Менкара двинулись караваном в Центральные районы. Половина команды была оставлена на корабле для охраны, а другая половина, вооруженная до зубов, пошла за своим капитаном. Путешествие стоило Зароно круглую сумму, что сильно огорчало скупого зингаранца.

Как большинство моряков, Зароно чувствовал себя беспомощным в пустыне. Ему не нравилось ритмичное покачивание равнодушных верблюдов, сухой воздух пустыни, высасывающий из человека всю жидкость до капли. Но это было неизбежно.

И вот на третий день на горизонте показался оазис Хаджар. Он представлял собой темное и одиноко стоящее, вокруг странного бассейна скопление неподвижных пальм.

Они осторожно приблизились к оазису. Менкара ехал впереди, так, чтобы его одежда служителя Сета была всем видна.

Мертвая тишина царила над оазисом. Не было слышно пения и чириканья птиц в пальмовой листве. У границы оазиса они спешились. Верблюды легли по команде, опасно качнув пассажиров.

— Присматривай за погонщиками верблюдов, — сказал Зароно боцману. — Эти собаки напуганы и могут попытаться улизнуть и оставить нас в дураках.

Зароно и Менкара обошли таинственный черный бассейн и направились к стоявшему позади массивному сооружению. Черный бассейн походил на жидкий уголь, ярко сверкающий под лучами полуденного солнца. Нефтяные кольца медленно вращались и извивались как живые на неподвижной поверхности. С одной стороны стоял красноватый камень, служивший алтарем. Темные ржавые пятна виднелись на вершине и стенах алтаря. Зароно, с его обычными человеческими пороками, побледнел и содрогнулся при мысли о том, что могло временами появляться из черного зеркала бассейна за лежащей на алтаре жертвой.

Они миновали опасный бассейн и приблизились к жилью Тот-Амона. Когда пальмы расступились перед ними, они увидели, что это строение было, как и алтарь, сложено из красного песчаника. Это было массивное здание, скорее дворец, чем просто дом. Поверхность и края камней были сглажены веками.

Черный вход зиял, как открытый рот. Менкара без колебания вошел в эти раскрытые челюсти и начертил в воздухе таинственный знак.

Зароно заметил, вздрогнув от ужаса, что после того как палец начертил линии, они еще некоторое время светились в воздухе зеленоватым пламенем.

Внутри было только темные камни и звонкая тишина. Не видно ни охраны, ни слуг. Менкара уверенно шел вперед, так что Зароно оставалось молча следовать за ним.

Первый зал заканчивался круглыми, стесанными временем ступенями, которые вели вниз, во мрак. Вскоре, пройдя по ровному месту вперед, они оказались в зале.

Здесь был свет — призрачное зеленое сияние от змеевидных светильников из полированной меди. В дрожащем изумрудном свете Зароно разглядел вдоль стен два ряда огромных монолитных колонн, изрезанных знаками, подобными тем, что были над входом. У дальней стены колонного зала на троне из блестящего черного камня сидел человек. Когда они подошли ближе, Зароно увидел, что это могучий гигант, широкоплечий, с резкими, ястребиными чертами лица. Кожа, от выбритой макушки до одетых в сандалии ног, была глубокого коричневого цвета. Черные глаза завораживающе сверкали из глубоких глазниц. Он был одет в простой белый хитон. Единственным украшением был браслет, по виду медный, в виде змеи, сделавшей три оборота вокруг его мускулистой руки и державшей свой хвост в пасти.

Зароно после некоторого размышления понял, что перед ним человек, для которого материальное обладание и видимое богатство не значили ничего. Его страстью была вещь неосязаемая — власть над людьми.

Когда они остановились на некотором расстоянии от трона, Тот-Амон сказал чистым, сильным голосом:

— Привет тебе, менкара, младший брат!

Менкара рухнул на четвереньки и, коснувшись лбом каменных плит, прошептал:

— Именем Отца Сета, Повелителя Тьмы, я пришел сюда.

Зароно с беспокойством подумал, что даже Менкара напуган.

— Кто этот черный зингаранец, которого ты привел в мой дом? — спросил Тот-Амон.

— Капитан Зароно, корсар, посланец Виллагро, князя Кордавы, мой повелитель.

Холодные, змеиные глаза лениво оглядели Зароно сверху вниз. Зароно почувствовал, что разум, скрытый за этим туманным взглядом, так далек от земных размышлений, что дела человеческие были для него пустым звуком.

— И что же я должен делать с Зингара, или Зингара со мной? — спросил Тот-Амон.

Менкара открыл рот, но тут Зароно решил, что пришла его очередь. Он вышел вперед, преклонил перед троном колено и

достал из дублета пергамент с письмом Виллагро. Он вручил его Тот-Амону. Рукой с медным браслетом волшебник взял его и положил на колени.

— Величайший из магов, — начал Зароно, — я принес вам сердечное приветствие от князя Кордавы, который приветствует вас и предлагает богатые дары взамен небольшой услуги, о которой поведует послание.

Тот-Амон не развернул письма, казалось, он знает его содержание полностью. Временами он улыбался.

— Это приятно моему сердцу, повергнуть в прах проклятый культ Митры и вознести Отца Сета, — пробормотал он. — Но я занят могучими магическими операциями и золото Виллагро для меня мало что значит.

— Это не все, повелитель, — сказал Менкара, доставая из-под рясы «Книгу Скалоса». — Глубоко уважая желания князя, мы просим вас принять из наших рук этот дар. — Он положил древний том к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон щелкнул пальцами, и книга поднялась в воздух, раскрывшись, и мягко опустилась на колени магу. Тот бесцельно перевернул несколько страниц.

— И вправду редкий дар, — сказал он... — Я не думал, что существует третья копия, или вы обокрали королевскую библиотеку Аквилонии?

— Нет, о повелитель, — усмехнулся Менкара. — Случайно нашли на Безымянном Острове, что лежит в Западных морях...

Его голос прервался, когда фигура мрачного гиганта, дрожа от напряжения, неожиданно поднялась перед ним. Холодный огонь вспыхнул в черных змеиных глазах. Воздух похолодел, и чувство неотвратимой беды охватило Зароно. Казалось, у него остановилось сердце. Что они сделали, чтобы разгневать великого мага?

— Что вы еще взяли с алтаря Тсафоггуа Бога-Жабы? — спросил Тот-Амон мягко, как входит шпага в ножны.

— Больше ничего, повелитель, кроме сумки с камнями... — пролепетал Менкара.

— Которые лежали у алтаря на книге, не так ли?

Менкара кивнул, дрожа.

Тот-Амон вскочил, и адские огни вспыхнули в его черных глазах. Комната озарилась зеленым пламенем, и пол затрясся, как под шагами гиганта. Маг пророкотал громовым голосом:

— Вы тупые идиоты! И такие идиоты служат мне, Тот-Амону! Сет, могучий Отец, дай мне в услужение рабов умнее этих! Аи, канпхог, йза!

— Величайший! Повелитель магов! Чем мы вас прогневали? — взмолился трясущийся Менкара.

Мрачный взгляд могучего мага упал на двух стоявших, сверкая от смертельного гнева. Его громкий голос перешел в змеиное шипение.

— Знайте же, идиоты, то, что было спрятано под идолом, гораздо дороже всех богатств земных и по сравнению с ним «Книга Скелоса» не более чем оберточная бумага. Я говорю о Короне Кобры!

Зароно ахнул. Он слышал о священном талисмане змее-людей Валуснии — самом могучем волшебном средстве. Воспевающая корона королей-змей, с помощью которой они управляли всей земной империей в пра-человеческие времена. А они взяли книгу и алмазы, оставив главное сокровище на месте!

Глава 9
ВЕТЕР В СНАСТЯХ

Несколько дней «Вестрел» лежал в дрейфе недалеко от Безымянного Острова. Матросы сидели вдоль борта, свесив лески в воду. Впереди корабля матросы в шлюпке, привязанной к «Вестрелу», налегая на весла, дюйм за дюймом вели карак к неведомым берегам континента.

Конан ругался и молился киммерийским богам, но все в пустую. День за днем паруса мертво свисали с рей. Слабый, мягкий ветерок скользил мимо судна. На юге громоздились грозовые тучи, и на горизонте по ночам вспыхивали зарницы, но там, где лежал «Вестрел», все было спокойно.

Могучий киммериец беспокоился. Корабль Зароно мог напасть на него, если только местный штиль не захватил его «Пестрел», Зароно либо тоже лег в дрейф за горизонтом, либо выбрал другое направление и ушел от острова, упустив «Вестрел».

Какое бы черное дело ни замыслил Зароно, думал Конан, все же очень хорошо, что он ушел, не столкнувшись с ними. У них и без того хватило забот. Во-первых, было мало пищи и свежей воды. Во-вторых, был Сигурд и его команда. Конану понравился честный, бесстрашный рыжебородый моряк из Ванахейма, и он предложил бараканским пиратам место среди своих людей. Он знал, что это могло привести к неприятностям, так и случилось. Между загаранскими корсарами и пиратами — в основном аргосеанцами — существовала давняя вражда. Они слишком часто воевали друг с другом, и поэтому даже на короткое время между ними не могла возникнуть симпатия.

Однако моряк есть моряк и должен следовать общим традициям. Хотя во многих вещах Конан был безжалостен, сейчас он чувствовал, что не может уйти, оставив потерпевших крушение моряков.

Кроме того, он считал, что они с Сигурдом смогут поддержать мир между своими людьми. Однако случилось иначе. Зингаранцы задирали злополучных иноземцев и начинали вспыхивать драки. Несмотря на то что Конан и Сигурд принимали грубые методы, приводя в чувство особо рьяных, драки возникали снова и снова.

Затянувшийся штиль разжег ненависть между матросами, томившимися от безделья. Конан неистово ругался, сжимая перила до боли в пальцах. Он знал, что если поднимется ветер, то у моряков появится настоящая работа и у них не останется времени на драки.

Кроме вражды пиратов, Конана угнетал рассказ Чабелы о заговоре против короля. Киммериец мучался от необходимости сделать выбор — ведь он простой корсар, и династические конфликты в королевстве так же мало касались его, как и сам Федруго Зингаранский. По правде говоря, старый король назначил его королевским корсаром, и Кордова служила ему безопасным портом. Но то же самое мог дать любой монарх Зингара и даже с меньшей долей добычи.

Однако в таких делах его грубое благородство брало верх над его личными интересами. Было бы просто жестоко не замечать просьб прекрасной зингаранской принцессы и стоять сложа руки и ждать, пока коварные заговорщики и стигийский колдун убьют ее старого отца.

Решение Конана было продиктовано не только человеколюбием, но и личными интересами — ему не хотелось всю жизнь быть корсаром. Если он спасет короля Зингара и его дочь от заговорщиков, то, конечно, получит награду — княжество, адмиралтейское звание, а может быть? Да, он мечтал о руке принцессы Чабелы и звании королевского преемника. За время его диких приключений многие женщины хотели, чтобы Конан остался с ними насовсем. Хотя киммериец обходился с женщинами весьма учтиво, он избегал любых форм брачных уз, так как для человека, в крови которого только путешествия, приключения и битвы, одна лишь мысль быть привязанным к одному месту с постоянными заботами о семье была неприемлема.

Но Конану уже за тридцать пять, время оставило на его лице множество шрамов. Он не сможет вечно продолжать далекие и опасные путешествия, пора думать о будущем. Чабела была милая, красивая девушка, сильная и умная. И, кажется, он ей понравился.

Думая об этом, Конан отошел от перил, спустился в каюту и развалился на стуле. Сверкание камней привлекло его внимание, и он улыбнулся. Перед ним на столе, сверкая и переливаясь, стояла Корона Кобры. Луч полуденного солнца проник через иллюминатор, высекая пламя из ее камней.

После того как Конан уничтожил идола, он вернулся в храм. Теперь запах беды исчез. Таинственное нагромождение черных камней купалось в солнечных лучах. Конан и его товарищи не испытывали ни тайного ужаса, ни сверхъестественного предчувствия.

Киммериец осторожно приблизился к плите, служившей троном идолу многие века. На том месте, где он сидел, виднелось черное отверстие. Когда Конан наклонился над ним, его острый глаз уловил сверкание камней в глубине. Неужели Зароно не заметил? Конан быстро просунул руку в отверстие и вынул Корону Кобры.

Это был полый золотой конус, усыпанный тысячами прозрачных, сверкающих камней. Конан подумал, что это обточенные алмазы. Короне была придана форма свернувшейся змеи, кольца составляли коническое изголовье, а ее шея поднималась сзади и, обогнув верхушку короны, опускалась вниз, так что плоская голова была над бровями носившего корону. Огромное количество драгоценных камней неисчислимой стоимости сделали путешествие на Безымянный Остров оправданным.

Возбужденный крик вывел Конана из состояния задумчивости:

— Грудь Фригги и хвост Шайтана!

Конан улыбнулся, узнав голос Сигурда. Секундой позже рыжебородая голова, с пылавшим от возбуждения лицом, просунулась в дверь. До того, как он успел сказать, Конан уже сам услышал хлопки парусов и пение ветра в снастях. Наконец-это пришел ветер.

И какой ветер! Два дня и две ночи «Вестрел» только на штормовых парусах летел меж гигантских волн.

Когда ветер кончился, «Вестрел» бросил якорь недалеко от побережья континента. В каком месте побережья, Конан не знал, потому что тяжелые тучи закрыли солнце и звезды во время их бешеного плавания. Они держались восточного направления. По джунглям Конан заключил: они находятся южнее берегов Схема, но приплыли они к стигийцам, королевствам Куша или к неизвестной черной стране, оставалось невыясненным.

— Незнакомые места, капитан, — пробормотал Зелтран.

— Главное, найти воды, — прохрипел Конан. — Баки пусты и полны грязи. Собери береговую партию и ступай с ними. Быстро!

Зелтран поспешил на нижнюю палубу собирать людей. Когда команда собралась и уселась в шлюпку, Сигурд мрачно посмотрел на береговую линию и пробормотал одно из международных ругательств.

— В чем дело, парень? — спросил Конан.

— Может быть, и ничего, — пожал плечами Сигурд. — Только эта земля не больно-то похожа на побережье Куша.

— Ну, так что с того? Мы достигли бы Куша, если бы взяли восточнее.

— Эти земли не райский уголок для честного морехода. Черные дьяволы могут через день сожрать всех, а могут и подождать. И еще есть легенды о народе женщин-воительниц, которые сражаются искуснее мужчин.

Конан уставился на воду.

— Может, и так, но нам нужна вода, да и провизия на исходе. Когда наполним трюмы, то пойдем на север, к Кордаве.

Глава 10
ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Гавань, в которую они вошли, лежала в устье небольшой речки, берега которой поросли густым кустарником и высокими красивыми пальмами. Шлюпка замедлила ход, и несколько корсаров, прыгнув в воду, вытащили ее на берег. Оставив охрану, отряд пошел вверх по течению, захватив пустые бочонки.

Конан, прибывший на берег со второй партией, стоял, скрестив на могучей груди руки, и, нахмурившись, изучал побережье. Очертания устья реки казались мучительно знакомыми, и название реки Зикамбры неожиданно пришло в голову. Он, видимо, видел линии этого побережья на карте или действительно был здесь много лет назад в одно из своих путешествий с Белитой. Выражение сурового, иссеченного шрамами лица Конана смягчилось, когда он вспомнил о Белите и ораве ревущих черных корсаров за их спинами. Белит — прекрасная, сильная женщина-пантера. Белит, чьи глаза были подобны черным звездам, — его первая и самая сильная любовь...

Со скоростью тропического шторма ревущая толпа обнаженных чернокожих выскочила из кустов, их эбонитовые тела сверкали сквозь перья и военную татуировку. На их плечах были шкуры животных, в руках они сжимали оперенные копья.

Изумленно вскрикнув, Конан выхватил со свистом тесак из кожаных ножен и заорал:

— Ко мне, корсары! К оружию, и быстрее!

Вождем чернокожих воинов был гигант, напоминающий мускулистым телом вырубленную из черного мрамора сверкающую статую гладиатора. Как и на остальных, на нем, кроме шкуры леопарда и ожерелья, ничего не было. На голове раскачивалась корона из перьев. Умные черные глаза смотрели с величавым достоинством.

Посмотрев на него, Конан решил, что дикарь на кого-то похож. Но ему некогда было размышлять. Он помчался по берегу, сверкая сталью тесака, и встал перед быстро собравшейся командой лицом к лицу с чернокожими воинами.

Неожиданно предводитель черных вытянул перед собой могучую руку и крикнул:

— Синамане, уоте!

По этой команде весь отряд замер, все, кроме одного, стоявшего за спиной вождя и приготовившегося метнуть ассегай в Конана. Его рука уже двинулась вперед, когда вождь обрушил свою палицу на его голову. Воин рухнул на песок.

Конан приказал своим людям не начинать атаки. Несколько долгих минут две группы вооруженных людей стояли лицом к лицу, держа мечи и стрелы наготове. Конан и черный гигант смотрели друг на друга в мертвой тишине. Неожиданно белые зубы вождя сверкнули в улыбке.

— Конан! — воскликнул вождь, сверкая белыми зубами. — Неужели ты забыл старого товарища?

Когда он заговорил на гирканианском языке, Конан как будто проснулся.

— Джума! Кром и Митра! Джума! — заорал он.

Бросив тесак, он прыгнул вперед и заключил улыбающегося вождя в могучие объятия. Корсары с изумлением наблюдали, как два гиганта обменивались восторженными ударами по спине и плечам.

Много лет назад Конан служил в легионерах короля Юлдиса Туранского далеко на востоке. Джума Кушит был наемником. Они вместе участвовали в экспедиции в далекую Гирканию, сопровождая одну из дочерей короля Юлдиса к ее будущему мужу.

— Ты помнишь ту битву в снегах Талакмаса? — спросил Джума. — И этого неуклюжего маленького бога — короля, не помню по имени. Что-то вроде Джалунг-Фонгпа.

— Как же! И как зеленый идол, высотой в дом, ожил и раздавил единственного повелителя демонов Яма! — порывисто ответил Конан. — Кром, вот это было время! Но что, во имя девяти адских мечей, ты здесь делаешь? И как ты стал вождем?

— А где же быть чернокожему воину, если не на черном берегу? — улыбнулся Джума. — А как ты стал пиратом?

— Человек должен как-то жить, — пожал плечами Конан. — Я не пират, а законный корсар при дворе короля Зингара. Если подумать, то, конечно, между пиратом и корсаром не много разницы, но лучше ты расскажи о своих приключениях. Как ты покинул Туран?

— Я привык к саванам и джунглям, Конан. Я устал мерзнуть каждую зиму в Туране. Кроме того, после того как ты уплыл на север, мы жили без приключений. И мне захотелось снова увидеть пальмы и потискать полных черных девушек под кустами. Так что я ушел из наемников и поплыл на юг к черным королевствам, став со временем королем.

— Королем! — ухмыльнулся Конан. — Королем кого? Кроме банд нищих разбойников вокруг никого.

— Так и есть, — снисходительно улыбнулся Джума, — вернее, так и было до тех пор, пока не пришел Джума и не научил их искусству воевать.

Джума повернулся и сказал несколько слов своим людям, которые стояли, слушая, как их вождь разговаривает с чужим вождем на непонятном им языке.

Негры сели на песок. Корсары Конана тоже сели, не спуская, однако, настороженных глаз с чернокожих.

— Оказалось, — заключил Джума, — что мое племя враждовало с соседним племенем. Мы победили соседей, и они слились с нами. Я стал военным вождем. Когда мы победили два других племени, меня избрали военным князем. Теперь я управляю всем побережьем, и мы уже близки к тому, чтобы стать нацией. Я даже собираюсь построить столицу, когда до этого дойдут руки.

— Черт возьми! — сказал Конан. — Ты взял у так называемой цивилизации гораздо больше, чем я. По крайней мере ты идешь в гору. Удачи тебе! Когда твои головорезы выскочили из кустов, я подумал, что боги устали играть с нами и собираются успокоить на неведомом берегу. Мы высадились за водой, только что покинув остров, полный призраков, змей и бегающих статуй.

— Ты найдешь достаточно воды, чтобы наполнить корабль, — пообещал Джума, — и, погрузив на борт все необходимое, вы будете гостями в моей деревне всю ночь. У нас будет такой праздник, какого вы давно не видели. У нас новый урожай, и банановое вино должно удовлетворить даже вашу жажду.

В эту ночь большинство команды Конана сидело на травяных подстилках в деревне Джумы-Кулало. Кулало — по размерам город — представлял собой скопление конических бамбуковых хижин, крытых соломой, спрятавшихся за высокими палисадниками и оградами из кустарника.

В центре города была вырыта огромная яма. В яму были помещены дрова, на которых поджаривались бараны, свиньи и антилопы. Из рук в руки передавались деревянные кувшины сладкого вина. Черные музыканты выстукивали сложные ритмы, играли на флейтах и лирах. Молодые черные женщины, едва прикрытые перьями и листьями, танцевали перед оранжевыми языками пламени. Они прихлопывали руками, выкрикивали что-то хором, исполняя сложный танец, который явился бы украшением любой императорской танцевальной группы. Моряки налегли на свинину, пирожки и горы свежих фруктов.

Люди Сигурда присоединились на празднике к партии Конана. Теплый сердечный прием восхитил их. Зингаранцы и аргосеанцы были слишком благодарны за пищу, чтобы ссориться друг с другом.

Не одна полная, волоокая эбонитовая соблазнительница, возбудившая желание матроса, была уведена в тень хижины, чтобы вернуться потом с пылающим лицом, помятым телом и умиротворенным сердцем.

Конан заволновался — его корсары месяцами не видели женщин, и был приятно удивлен, что черные воины короля Джумы, казалось, не обращали на это внимания. Им даже нравилось, что их жены оказывались предметом внимания. Удостоверившись, что по женской части неприятностей не предвидится, Конан подумал, что в первобытном образе жизни что-то есть.

Однако принцесса Чабела нашла такое животное поведение неприятным и сказала об этом. Она сидела между Конаном и Джумой. Беседуя с Джумой, киммериец вспоминал свои приключения много лет назад и восхищался холодным выражением лица принцессы.

Конан опасался, что Джума, в ответ на свое гостеприимство, мог ожидать для себя Чабелу в виде вознаграждения. Для кушитов это было просто хорошими манерами. Пока Конан старался отогнать эти мысли, Джума вдруг сказал, что он хорошо знает и понимает цивилизованных людей, что там иные правила, так что с его стороны принцессе ничего не угрожает.

— Клянусь Кромом, — сказал Конан, — это настоящая жизнь! Я не мог прочесть по этим проклятым звездам, где мы находимся, да и карты у нас нет. Кроме того, мы находимся в сказочной стороне амазонок. — Он выпил еще одну чашку бананового вина.

— Ты верно говоришь, — нахмурился Джума, — о женщинах из Гамбуру — их главного города. Они считают этот берег своей территорией. Но у них не хватает сил, чтобы доказать это.

— Вот как? Я слыхал, с этими ведьмами трудно драться. Хорошо, что мы не встретимся с ними, ибо драться с женщинами не в моих правилах. У тебя были неприятности с ними?

— Немного в самом начале. Я старался научить моих ребят стрелять, — грустно покачал головой Джума. — Но это оказалось трудным делом. В окрестностях нет деревьев, пригодных для луков, а мои воины даже не умели оперять стрелы. Они любили повторять: так было всегда с тех пор, как Дамбаилах создал мир, потому так и должно быть. Иногда я думал, что легче научить зебру играть на флейте. Но у меня теперь лучшие лучники в Куше.

Конан улыбнулся, но затем приложил руку ко лбу. Банановое вино на вкус было легкое и сладкое, но все же очень хмельное. Пробормотав извинения, Конан встал, пошатываясь, мешок он потащил за собой и пошел спать. В нем лежала корона Кобры, завернутая в наволочку. Конан не оставил ее на борту «Вестрела»

так как блеск камней мог соблазнить даже самого преданного из его людей. Поскольку он был к ним привязан, то предпочитал убрать соблазн, чем вздернуть кого-нибудь на рее.

Пробормотав «спокойной ночи» Сигурду, Зелтрану, Джуме и принцессе, он доплелся до предназначенной ему хижины. И почти сразу же раздался храп, как далекий раскат грома.

Опьянев, Конан не заметил мрачного лица одного из воинов Джумы, угрюмого парня по имени Бвату. Именно он чуть не бросил в Конана копье, и его сразил Джума. Бвату был одним из военачальников Джумы и считал себя глубоко оскорбленным. В течение всего праздника его угрюмый взгляд снова и снова возвращался к мешку, лежавшему у ног Конана. По тому, как Конан обращался с мешком, можно было предположить, что в нем лежит что-то ценное.

Бвату хорошо запомнил хижину, куда ушел Конан. Он встал, покачиваясь, как пьяный, хотя почти ничего не пил, и, покинув продолжающийся при свете луны праздник, побрел в тень. Как только он скрылся из виду, то сразу же побежал назад по чернильно-черным дорожкам между хижинами. Серебряный луч луны сверкнул на широком лезвии кортика, который он только что получил в подарок от одного матроса.

Далеко на севере в оазисе Хаджар в Стигии Тот-Амон часами исследовал звездные кланы, чтобы хоть что-нибудь узнать о реликвии змее-людей из древней Валусии. Когда Менкара и Зароно спали в своих альковах вдали от его лаборатории, могучий стигиец убедился наконец в безнадежности своей задачи. Он сидел, неподвижно глядя в пустоту.

Тени плавали и колебались внутри огромного кристалла, поддерживаемого невидимыми руками у его трона. Слабое дрожание, испускаемое движущимися внутри фигурками, бросало расходящиеся тени на украшенные скульптурами стены комнаты.

Тот-Амон установил, что Корона Кобры больше не лежит на своем месте под каменным идолом Тсафоггуа, бога-жабы. Видимо, какая-то команда моряков, высадившаяся на острове случайно или преднамеренно, унесла Корону. С помощью кристалла Тот-Амон обыскал весь остров. Пропала не только корона, на острове не осталось ни одного человека. Не было и принцессы Чабелы, о побеге которой рассказал ему Зароно. Исчезновение принцессы и Короны, как и разрушение идола, — все указывало на вторжение неизвестной команды.

Тишина в комнате ничем не нарушалась. Тени мелькали на стене и фигуре, сидевшей на троне столь неподвижно, что она казалась каменной.

Глава 11
ГИБЕЛЬНАЯ ПАУТИНА

Сон редко сваливал Конана с ног, но в этот раз коварное вино погрузило его в глубокий сон, из которого его вырвало подсознательное чувство опасности. Он медленно проснулся, не понимая, что же не так.

Наконец он понял. В плетеной стене хижины зиял разрез длиной в человеческий рост и шел до земли, холодный ночной воздух, проникающий через него, обдувал тело Конана.

Конан протянул руку к мешку, который он положил перед сном рядом с собой. Выругавшись, вскочил на ноги, обшаривая глазами темную хижину, — Короны Кобры не было.

Черный гнев закипел в сердце Конана, его рев потряс шаткие стены хижины. Выхватив тесак, он выскочил, выкрикивая грозные ругательства.

Праздник продолжался для тех, кто мог держаться на ногах. Гигантское пламя потухло. Звезды сверкали подобно гроздьям алмазов. Почти полная луна показывала свой серебряный щит. Среди тех, кто не спал, Конан заметил Сигурда и Джуму. От его рева они вскочили на ноги.

В нескольких словах он рассказал, что случилось. Поскольку корона была их единственной добычей за все путешествие, Конан был охвачен слепой яростью.

Все корсары были на месте, хотя не все в полном сознании. Однако после проверки людей кулало оказалось, что один исчез.

— Бвату! Разрази его Дамбалла! — закричал в гневе Джума.

— Ты знаешь этого черного пса? — заорал Конан, не следя в гневе за выражениями.

Джума мрачно кивнул.

— Это угрюмый парень, которого ты сшиб на берегу? — спросил Конан.

— Тот самый. Я думаю, он возненавидел нас обоих.

— Или он заметил алмазы в мешке, — прибавил Сигурд. — Где этот негодяй мог спрятаться, король Джума? Мы должны схватить его, как бы он далеко не успел убежать.

— Он мог податься в земли наших врагов, Матамба, — Джума указал рукой на северо-восток. — Дальше к северу он может попасть в руки работорговцев, которых там особенно много. С другой стороны, он не мог уйти далеко к юго-востоку, потому что там лежит...

Стоять и выслушивать предположения Джумы, пока сказочное богатство уходит все дальше и дальше в ночь, было выше сил Конана. Внезапно он оборвал Джуму.

— Ты можешь так болтать хоть всю ночь, — прорычал он. — Где здесь дорога в Матамбу?

— Выход через Восточные ворота, и далее просека ведет на северо-восток.

Не дослушав до конца, Конан помчался. По пути он остановился и вылил на голову котел ледяной воды. Он бежал пыхтя, как морское чудовище, но голова перестала болеть и мысли прояснились.

На бегу он заметил завернутую в простыню Чабелу, выглядывавшую из своей хижины.

— Капитан Конан! — позвала она. — Что случилось? На город напали?

— Ничего, принцесса, — покачал головой он, — все дело в алмазах, которые у меня стащили. Спите спокойно и не думайте об этом.

Подскочил Сигурд и тяжело перевел дыхание. Он сказал:

— Конан! Джума и его помощники стараются поднять спящих воинов. Не лезь в джунгли один. Боги знают, какие чудовища могут там прятаться, так что подожди Джуму...

— Будьте вы все прокляты! — заорал киммериец, сверкая глазами. — Я успею схватить Бвату, пока не остыл его след, и жаль мне того, кто встретится на моем пути!

С этими словами он умчался. Как разъяренный буйвол, он вылетел в Восточные ворота и исчез.

— Проклятый киммерийский характер! — пробормотал Сигурд, бросая на принцессу извиняющийся взгляд, и помчался в темноту за товарищем, крича: — Подожди меня!

Деревня превратилась в гудящий улей. Джума и его помощники будили спящих пинками, поднимали на ноги и отдавали приказы.

Никто не заметил, как Чабела вошла в свою хижину и переоделась в одежду из грубой ткани, которую ей дал Конан, когда они покидали корабль. Одетая, обутая и вооруженная, она выскользнула на улицу и, прячась в тени, добралась до Восточных ворот.

— Если этот пропойца думает, что он может командовать королевской принцессой из дома Рамиро... — гневно прошептала она, не желая подчиняться приказу Конана.

Однако был и другой повод. Несмотря на грубость, киммериец хорошо обходился с ней и защищал ее. Он обещал доставить ее к отцу невредимой, а это были не пустые слова. Она чувствовала себя с Конаном в большей безопасности, чем в окружении его корсаров или людей Джумы. Размышляя об этом, она исчезла в джунглях, где во тьме был слышен рев охотящегося леопарда.

Несколько часов мчался Конан по дороге в Матамбу, затем он остановился перевести дыхание, думая о том, что хорошо дождаться корсаров. Но понял, что любая остановка даст возможность кушиту убежать еще дальше, и с удвоенной энергией помчался вперед.

Конан хорошо знал джунгли Куша. Десять лет назад он был вождем северного племени Бамула. Менее опытный человек подумал бы, что идти одному в джунгли — значило подвергать себя всевозможным опасностям, Конан думал иначе. Дикие коты, например, хоть и коварны, но трусливы. Лишь единицы способны вступить в единоборство с человеком, если не смертельно голодны или не выжили из ума от старости. Страшный шум, который производил Конан, был самым лучшим средством безопасности.

По правде говоря, в джунглях жили и более опасные животные: огромная горилла, бешеные носороги, дикие бизоны и могучие слоны. К счастью, Конан не встретил никого из них.

Когда с приближением рассвета небо посветлело, Конан присел у родника, напился, провел тыльной стороной ладони по глазам, откинул назад волосы.

Всего несколько минут отдыхал Конан, затем, тяжело вздохнув, он поднялся и пошел вперед, положившись на свое железное здоровье. Неоднократно он проверял возможности своего организма за многие годы приключений и знал, что они превосходят возможности обычного, даже очень сильного человека.

Солнце встало над джунглями Куша и осветило влажное, туманное утро. Огромные коты прятались после ночной охоты по своим норам, подальше от дневных лучей.

Когда рассвело, Конан заметил на грязной дороге следы голых ступней. Он был уверен — это следы бежавшего Бвату.

Прошло совсем немного времени, и Чабела пожалела о своем необдуманном решении последовать за Конаном в джунгли. Она скоро сбилась с пути и потеряла всякую ориентацию. Когда пропала луна, джунгли сделались черными как деготь. Из-за деревьев она не видела звезд и не могла определить свое местонахождение. Чабела беспомощно бродила кругами, ударяясь о деревья и спотыкаясь о корни и мелкий кустарник.

Ночь была заполнена звуками и шумами. Чабела не встретила ни одного дикого животного, которого она так боялась. Но от далекого рева или звука продирающегося через кусты огромного тела, сердце ее уходило в пятки.

Ближе к рассвету, дрожащая от страха и холода, измученная девушка упала на груду мха. Зачем она ушла? Не помня себя от усталости, она уснула.

Проснулась она от прикосновения сильных рук, которые схватили ее и поставили на ноги. Чабелу окружали высокие черные люди в рваных халатах и тюрбанах. Они крепко связали ее руки, хохотом отвечая на ее стоны.

К полудню Конан, как и предполагал, настиг Бвату. Тот, однако, бы не в состоянии возвратить корону. Он был мертв — и с пустыми руками.

Черный грабитель лежал на дороге лицом вниз в луже крови. Он был почти разрублен на куски. Конан склонился над телом, изучая раны. Скорее всего они сделаны стальным лезвием шпаги, а не бронзовым или железным наконечником копий местных жителей. Бронзовое и медное оружие быстро ломается и тупится при употреблении и поэтому оставляет рваные раны, но здесь были чистые разрезы, характерные только для стального клинка. Черные народы Куша не знали искусства ковки стали. Железо и сталь были здесь редкостью, и его доставляли сюда наиболее цивилизованные народы Дарфара и Екшана.

Конан подумал, что вора могли убить амазонки, унеся с собой корону и таким образом ограбив его самого дважды: отняв право мести и корону. Когда он поднялся, оскалив зубы от злости, сверху на него упала тяжелая сеть.

С яростным криком он выхватил тесак, но сеть не поддалась, сжимая его все туже.

Как паутина огромного паука, сеть повалила его на землю. Одетые в халаты и тюрбаны чернокожие, неожиданно выскочившие на дорогу, быстро и деловито обмотали Конана сетью, так что он стал похож на кокон гигантского шелкопряда. Один из чернокожих оглушил Конана дубиной.

Падая в темноту, Конан выругал себя за непростительную глупость. Никогда он не позволял себе попасться в такую примитивную ловушку.

Глава 12
ГОРОД ЖЕНЩИН-ВОИТЕЛЬНИЦ

В оазисе Хаджар была темная как деготь ночь. Плотные облака закрыли небо, поглотив сияние луны. Темно и в тронном зале дворца Тот-Амона, зеленое пламя светильников потухло. Стигийский волшебник казался сросшимся со своим троном, столь неподвижно он сидел. Могучая грудь не вздымалась, а мрачное лицо превратилось в неодушевленную маску.

Так и было. Не сумев найти следы Короны Кобры на астральном плане, Тот-Амон освободил свое Ка от бренной оболочки-тюрьмы и воспарил в высшие сферы, акшик. И здесь, в призрачном, темном королевстве душ, не было понятий о времени. Прошлое, настоящее и даже подернутое дымкой будущее лежало видимым. Здесь дух Тот-Амона увидел ясные картины — прибытие «Петрела», высадку Конана, пробуждение идола, его гибель, дальнейшее плавание Конана к Черным Берегам и пропажу Короны Кобры. После этих прошедших перед ним видений Тот-Амон позволил своему Ка снова спуститься в нижние сферы космоса.

Вновь обретя свое тело, Тот-Амон почувствовал острую боль, пронизавшую его всего. Помертвевшая кожа снова ожила.

— Зароно! Менкара! — голос Тот-Амона прокатился по гулким подземельям дворца.

— Да? — сказал Зароно, натягивая дублет и выходя из комнаты, позевывая после сна. — В чем дело, господин волшебник?

Вслед за ним молча вошел Менкара.

— Приготовьтесь вернуться к Черным Берегам сию же минуту. Я узнал, куда делась Корона Кобры и ваша принцесса Чабела. Обе находятся в Кулало, столице Джумы Кушита.

— Как они там очутились? — спросил Зароно.

— Ваш друг Конан-киммериец привез их туда.

— Этот паршивый варвар! — заорал Зароно.

— Если ты его найдешь, поступай, как знаешь. Я не люблю его — он слишком много причинил мне беспокойства. Но ваша главная задача — привезти принцессу. Даже я не могу управлять ее волей на таком расстоянии.

— А корона?

— Корону я возьму на себя.

— Вы поедете с нами, господин?

— Нет, — слабо улыбнулся Тот-Амон. — При помощи магии, которой владеют лишь несколько волшебников на земле, я достигну Кулало раньше вас. Не теряйте времени, собирайте ваше снаряжение, и вперед. Не дожидаясь вечера!

Конан очнулся в подавленном состоянии с сильнейшей головной болью. Ему приходилось и раньше попадать в плен, но так глупо... Он лежал с тяжелыми кандалами на руках — беспомощный и безоружный. Раны и царапины кровоточили. Видимо, работорговцы тащили его через дремучий кустарник. Конан лежал неподвижно, из-под упавших на глаза волос изучал обстановку — количество людей вокруг, их вооружение, расположение охранников. И вдруг

он заметил напуганную, с лицом белее мела, Чабелу в окружении мрачных чернокожих. Он постарался сосредоточиться и понять — как она очутилась здесь?

В это время на поджарой кобыле прискакал чернокожий в сером халате работорговца. Он был гибкий и тонкий, с острыми чертами лица, что было необычно для местных племен.

Мужчина подъехал ближе и что-то сказал начальнику группы, захватившей Конана. Тот обернулся, щелкнул хлыстом и приказал надсмотрщикам поднимать рабов в путь.

Пленников выстроили в колонну по двое. Они все были скованы кандалами, так, чтобы в одиночку никто не мог освободиться. Гигант киммериец, возвышавшийся над окружающими его чернокожими, бросал яростные взгляды вокруг себя. Худой работорговец, осматривая толпу пленников холодным, презрительным взглядом, сказал:

— Клянусь Замби, эта шваль принесет нам только убытки в Гамбуру!

— Точно, господин Мбонани, — кивнул его лейтенант. — По-моему, они год от года слабее.

В этот момент работорговец ударил Конана по плечу хлыстом. Только тот коснулся кожи, Конан схватил закованными руками хлыст и дернул с нечеловеческой силой.

Потеряв равновесие, работорговец рухнул к его ногам. Но тут же вскочил, выкрикивая ругательства и выхватывая из ножен тяжелый, острый как бритва гханатанский нож — скорее, короткий меч.

Но Конан успел ударить работорговца снова, сбив его с ног. Киммериец тут же нагнулся, повалив закованных вместе с ним негров, и схватил выпавший нож. Еще один работорговец мчался к Конану, размахивая над головой топором и явно намереваясь раздробить ему голову. До того, как топор опустился, Конан вонзил нож ему в живот по самую рукоятку, так что острие вышло со спины.

Как только работорговец рухнул на землю, тишину разорвали крики людей. Пять человек схватили закованного кандалами Конана и держали его, в то время как еще трое дубинами старались выбить остатки сознания из его головы.

— Неплохо, — пробормотал Мбонани, — один, по крайней мере, подходящий. Да еще белый, откуда он взялся?

— Я уже прежде говорил о нем, — ответил помощник. — Есть еще белая женщина, вон там, подальше.

Мбонани оценивающе поглядел на Чабелу.

— Эти двое лучше всех, — сказал он. — Обходитесь с ними хорошо, Зуру, иначе с тобой обойдутся плохо.

Мбонани подъехал к тому месту, где стоял шатающийся Конан с лицом, напоминавшим кровавое месиво. Когда Конан поднял окровавленную голову, Мбонани хлестнул его по щеке хлыстом.

— Это за одного из моих людей, белый человек! — рявкнул он.

Удар был болезненный, но варвар даже не моргнул. Он смотрел на работорговца с холодной ненавистью. Мбонани улыбнулся.

— Мне нравится твоя храбрость, белый человек, — сказал он. — Сохрани ее, и амазонки заплатят за тебя хорошую цену. А теперь вперед!

Сопровождаемая обрадованными работорговцами, колонна пленников двинулась по дороге в Гамбуру.

Конан шел вместе с остальными, его тело стоически переносило жару, жажду, мух и палящее солнце. Он вспомнил о потере Короны Кобры, но это была лишняя мысль. Он давно уже усвоил, что когда рискуешь жизнью, то думать о добыче — пустое дело.

Со временем он заметил, что один из седельных мешков Зуру заметно больше остальных. Конан мрачно усмехнулся. Лейтенант мог сколько угодно кланяться и заискивать перед капитаном Мбонани, но он был себе на уме.

Гханатанские работорговцы вывели своих пленников из джунглей на просторы саванны, где в лучах низкого полуденного солнца виднелся каменный город Гамбуру.

Конан посмотрел на город. В сравнении с блестящим Агарапуром — столицей Турана — или даже Мерое, столицей Куша — Гамбуру не производил впечатления. Однако в стране, где большинство домов — незамысловатые цилиндры из высушенной травы и веток, а городские стены — деревянный частокол, да и вообще, «городом» именовалась большая деревня по меркам северных стран, Гамбуру конечно же выделялся.

Вокруг города была стена в два человеческих роста, сложенная из каменных блоков. В стене четыре входа, над воротами каждого возвышалась сторожевая башня с бойницами для лучников. Массивные створки ворот сделаны из дерева.

Конан заметил кладку стен. Некоторые были из обычных, грубо стесанных полевых камней и древнего гранита. Когда колонна прошла через запасные ворота, Конан заметил, что и дома внутри города построены из такой же смеси камней. Большинство домов были в один-два этажа с соломенными крышами. Нижний этаж в большинстве случаев был сделан из старого, хорошо обработанного камня, верхний же выкладывался из нового и грубого. Тут и там виднелись обломки скульптур. Вспоминая увиденные ранее города и легенды о разрушенных городах, Конан сделал вывод, что доисторический народ первоначально построил здесь город.

Столетия назад предки нынешнего поколения овладели им. В процессе постройки и перестройки они использовали старые камни и повторяли, хотя и довольно грубо, планы постройки своих предшественников.

Копыта лошадей поднимали с немощеной мостовой облачка пыли.

Когда колонна вышла на главную улицу, прохожие расступились, давая им дорогу.

Взгляд Конана перескакивал с одного на другое. Он заметил, что в этом городе различие между полами было необычным. Женщины были высокими и сильными, они ходили гордо, как большие черные пантеры, с подвешенными к поясу бронзовыми мечами. На шеях были ожерелья, на головах военные уборы из перьев, на плечах — львиные шкуры.

Мужчины же — маленькие невзрачные чернокожие, на несколько дюймов ниже женщин. Они убирали улицы, возили колесницы и таскали носилки. Конан возвышался над ними, как башня.

Колонна пересекла базар с лежавшими под навесами товарами и двинулась по широкой улице к центральной площади. Это огромное открытое пространство, шириной в полет стрелы, с одной стороны ограничивалось королевским дворцом — древним сооружением из красного песчаника. У входа стояла пара массивных грубых изваяний. Это были не изображения людей, но что они изображали, сказать было трудно.

Далее внимание Конана переключилось на странную яму в центре площади. Эта неглубокая впадина была очень широкой в поперечнике. Ее края опускались вниз в виде ступеней, как ряды каменных скамеек в амфитеатре. Дно ямы было посыпано песком, на котором виднелись несколько луж от недавнего дождя. В центре этого песка стояла группа странных деревьев.

Конан за свои долгие путешествия ни разу не видел таких арен. Однако он едва успел взглянуть на нее, так как всех пленников загнали в сарай. Здесь они были оставлены до утра под усиленной охраной.

Но и за это короткое время Конан успел заметить одну непонятную деталь. У основания странных деревьев на желтом песке лежала груда обглоданных белых костей — человеческих костей, какие находят в пещере льва-людоеда. Он знал, что агроссеанцы иногда скармливают львам на арене осужденных преступников, но эти арены были построены с таким расчетом, чтобы лев не мог выскочить и напасть на людей. Для этой цели яма была совершенно непригодна — лев без труда мог выскочить.

Чем больше думал Конан об этом, тем тяжелее становилось у него на душе.

Глава 13
КОРОЛЕВА АМАЗОНОК

Рассвет оранжевым пламенем полыхал над приземистыми башнями города амазонок. С рассветом Конан, Чабела и другие рабы были выведены из сарая на площадь базара. Здесь их раздевали и по одному выводили на помост, показывали покупателям, назначали цену и уводили обратно.

Все покупатели были женщины, правящий пол в Гамбуру. Высокий, стройный Мбонани стоял сбоку, сохраняя бесстрастное выражение, пока покупатели торговались с его лейтенантом Зуру. Женщины-воительницы уважали гханатанцев за их талант вылавливать рабов и ценили их значительно больше своих мужчин.

Когда пришла очередь Чабелы, она залилась краской стыда на помосте и старалась прикрыться руками. Когда Зуру привел ее обратно, она рыдала.

— Пять квиллов, — раздался голос из толпы.

Зуру окинул взглядом толпу гамбурнианцев и сказал:

— Продано!

Поскольку оба говорили на испорченном гханатанском, служившим языком торговли в королевствах Куша, Конан все понял. Он удивился, что никто не перебивал такую низкую цену. Квилл представлял собой кусочек пера большой птицы, наполненный золотым песком: в стране амазонок еще не знали монет. Все же Конан удивлялся, что молодая красавица-аристократка была оценена так низко. Женщина, сидевшая в носилках за пологом и назначавшая цену, была, должно быть, важной персоной и никто не осмеливался торговаться с ней, подумал Конан.

Он устал, хотел есть и находился в самом мрачном расположении духа. Его избили до потери сознания, заставили брести под палящим солнцем, почти не кормили и не поили. Когда один из работорговцев дернул его за цепь, чтобы вести на помост, он чуть не вскипел, но добытый кровью опыт остановил его. Он мог убить этого стражника и, возможно, еще нескольких до того, как они одолеют его, но остальные изрешетили бы его копьями и изрубили ножами. А кто же позаботится о Чабеле? Встав на ее сторону, он — хоть и не хотел в этом признаться — принял на себя ответственность за ее судьбу. Он должен выжить.

Его глаза прищурились, губы сжались в тонкую нить, на шее вздулись вены от еле сдерживаемой ярости. Его руки дрожали, когда, пересилив себя, он взошел на помост. Ближайший стражник принял эту дрожь за признак страха и, улыбаясь, что-то прошептал товарищу. Конан послал стражнику холодный, суровый взгляд, мигом согнавший с того улыбку.

— Эй, ты, раздевайся! — крикнул Зуру.

— Помоги мне снять ботинки, — спокойно сказал Конан. — Мои ноги сбились от долгой ходьбы. — Он уселся на помост и вытянул ногу.

Зуру присел и потянул ботинок. Пока он возился с ним, Конан, мягко подведя одну ногу сбоку, ударил. Зуру отлетел, как выпущенный из катапульты, и упал лицом в лужу.

С яростным воплем Зуру вскочил на ноги. Выхватив кнут у стоящего рядом охранника, он с полуулыбкой на мрачном лице приблизился к Конану.

— Я проучу тебя, белый пес, — прошипел Зуру, взмахнув кнутом.

Как только бич из кожи гиппопотама обвился вокруг Конана, он протянул руку и схватил его. Затем, не вставая с помоста, подтянул Зуру к себе.

— Поосторожнее, малыш, — ухмыльнулся он. — Тебе бы не хотелось испортить свой товар, не так ли?

Мбонани наблюдал эту сцену, стараясь подавить улыбку.

— Белый пес прав, Зуру, — сказал он, — пусть новый хозяин научит его хорошим манерам.

Но Зуру был слишком ослеплен яростью, чтобы услышать своего хозяина. Незаметным движением он выхватил свой нож. Конан вскочил на ноги и сорвал сковывавшую его руки цепь, намереваясь использовать ее как оружие.

— Стой! — раздался из паланкина властный голос, тон которого остановил даже разъяренного Зуру.

Из-за муслиновых занавесок показалась черная, вся в бриллиантах, рука. Из паланкина вышла черная женщина, и Конан в изумлении широко раскрыл глаза.

Черная женщина была шести с лишним футов высотой — почти такая же высокая, как Конан, и прекрасно сложенная. Ее густые черные волосы украшали бриллианты и страусовые перья. В ушах красовались необработанные рубины, и нити жемчуга вокруг шеи испускали мягкое сияние. Браслеты чистого, мягкого золота обвивали запястья и лодыжки. Кроме украшений на ней была только юбка из леопарда.

Нзанги, королева амазонок, задержала взгляд на Конане. Над базаром повисла тишина. Медленно ее губы раздвинулись в томной улыбке.

— Девять квиллов за белого гиганта, — сказала она.

Других предложений не было.

Новая жизнь рабыни оказалась для Чабелы почти невыносимой. Она, любимая дочь могучего монарха, должна исполнять все при-

хоти черных женщин, но гадко было еще и то, что рабыни выполняли свои работы нагими, одежда полагалась лишь для свободных людей.

Она спала на грубой подстилке в комнате для рабынь. Могучая управляющая хриплым голосом и пинками поднимала их с первыми лучами солнца стирать и готовить, мыть полы, прислуживать за королевским столом. Ей было противно видеть бывшего корсара Конана, лежавшего на возвышении, потягивающего банановое вино, закусывая рыбными пирожками и сладостями.

Ее уважение к неустрашимому киммерийцу пропало. Она не знала такого слова, как «жиголо», но ситуацию понимала хорошо. Ее отношение к Конану испортилось совсем, когда она поняла, что он не сопротивлялся статусу «любовника королевы». Ни один настоящий мужчина, думала она, не пал бы так низко, чтобы довольствоваться таким положением. Опыт еще не научил ее, как научил Конана, принимать навязанные условия, если нет возможности их изменить.

Чабела знала в этом городе только Конана и считала его своим другом. Все, что с ней произошло, настолько подорвало волю, что она совсем пала бы духом, если бы Конан несколько раз, когда никто не видел, не подмигивал ей. Чабеле хотелось верить, что он подбадривает ее, говоря: «Смелее девочка! Мы еще выберемся отсюда!»

В жизнь королевы Нзанги отношения с Конаном внесли что-то новое. Ее опыт и вся культура королевства предполагали, что женщина является естественным повелителем мужчин. Сотня королев правили до нее с Трона Из Слоновой Кости. Все они притесняли и помыкали мужчинами, используя их в качестве слуг и машин для получения удовольствия и продолжения рода, сбрасывая со счетов, когда те заболевали или уставали. Так вела себя и она, пока гигант киммериец не вошел в ее жизнь. Конаном нельзя было управлять: его воля была крепче стали, он был даже выше и сильнее ее. В его могучих руках амазонка познала удовольствие, никогда ранее не испытанное.

Нзанги устала ревновать Конана ко всем женщинам, которых он знал до нее. О них он ничего не рассказывал и не отвечал на ее вопросы. В таких делах Конан проявлял определенное грубое благородство. Как она ни умоляла и ни терзала его, он только молча улыбался.

— А что ты скажешь об этой толстой, маленькой белой девчонке, которую поймали вместе с тобой? — требовала Нзанги. — Она была твоей любовницей, да? Ты находил ее мягкое, ухоженное тело желанным, не так ли? Более желанным, чем Нзанги?

Глядя на нее в моменты страстной ненависти, с пылающими глазами и дрожащими эбонитовыми грудями, Конан должен был признать, что со времени своей первой любви, Белит Черной Пантеры, он не встречал женщины прекраснее Нзанги. Но теперь, когда он знал о ее ревности к Чабеле, он должен быть чрезвычайно осторожен и найти возможность рассеять это подозрение, иначе пострадает Чабела. Нзанги была способна отдать приказ размозжить голову любому, вызвавшему ее гнев.

Конан старался сделать все, что было в его силах, чтобы хоть немного облегчить жизнь Чабелы. Теперь, однако, он не мог делать даже этого, чтобы не привлекать внимание Нзанги.

— Чабела? — зевнул он. — Я едва знаю это дитя. Она высокородная зингаранка, а этот народ придает преувеличенное значение древности. Если бы я любил ее, то она была бы не здесь.

— Что ты имеешь в виду?

— Она покончила бы с собой, как они это делают на родине.

— Я не верю тебе! Ты стараешься защитить...

Конан схватил Нзанги в могучие объятия, опрокинул ее на подушки и стал неистово целовать влажные губы. Только так можно было победить ее плохое настроение и заставить забыть о ревности...

Глава 14
ПОД КНУТОМ

Несколько дней прошли без происшествий. И вдруг...

Нзанги нежилась на подушках в своей спальне. Два дня назад рабыне Чабеле было дано тяжелое, изматывающее задание. Приказания отдавались на глазах у Конана. Нзанги позаботилась об этом, тщательно спланировав наблюдение за ним.

Зная о внимании королевы, Конан надел маску безразличия, хотя он внутри кипел, видя такое обращение с пленной принцессой.

Не сумев ничего узнать от Конана, Нзанги задумала разыграть финальную сцену, рассчитывая все-таки узнать настоящие чувства Конана. Она объявила маленький праздник для нескольких ее приближенных амазонок-офицеров — могучих, сурово выглядевших, иссеченных шрамами женщин, в которых, по мнению Конана, было столько же женственности, сколько в боевом топоре.

Во время праздника Чабела прислуживала за столом. Когда она разливала вино, одна из амазонок толкнула ее.

Вскрикнув от неожиданности, Чабела потеряла равновесие и опрокинула кувшин вина, обрызгав гостей. Одна из них, могучая амазонка по имени Тута, вскочила с бранью и с ужасной силой

ударила провинившуюся рабыню ладонью по лицу. Девушка рухнула на земляной пол.

В глазах амазонки вспыхнули искры садистского удовольствия: вид съежившейся нагой девушки, казалось, добавил ей ярости. В мертвой тишине она приблизилась к рабыне, как пантера подкрадывается к своей жертве. В одной руке она сжимала остроконечный бронзовый кинжал. С лицом, ставшим кровожадным, Тута наклонилась над рабыней и занесла кинжал.

Как загипнотизированная, наблюдала Чабела за приближающимся кинжалом. Она знала, что надо вскочить и бежать, но не могла: ужас отнял у нее силу — она лишь беспомощно смотрела.

Но тут амазонка застыла, как будто ее сжали тиски. Подавляющая сила могучих рук парализовала ее. Клинок выпал из рук, ударившись о пол со слабым металлическим звуком. Приподняв ее одним могучим движением, Конан швырнул амазонку в дальний угол зала.

Конан прекрасно понимал, что задумала Нзанги. Но он не мог допустить гибель дочери короля Федруго, с другой стороны, он понимал, что Нзанги сочтет такое вмешательство подтверждением своих подозрений и обратит свою ревность либо на одного из них, либо на обоих. Он выдавил улыбку.

— Конечно, королева Гамбуру не столь расточительна, чтобы позволить убить свою рабыню за несколько капель вина, — сказал он, улыбаясь как можно любезнее.

Королева Нзанги смотрела на него холодно. Затем она сделала знак Чабеле, которая вскочила с пола и выбежала из комнаты. Напряжение спало. Конан вернулся на свое место. Чаши вина снова пошли по кругу, возобновилась застольная беседа.

Конан надеялся, что острый момент прошел. Он постарался утопить свои тяжелые мысли в сладком вине. Но не мог не заметить, что Нзанги время от времени смотрит на него сурово и задумчиво.

Как только Чабела вышла из зала, могучие черные руки подняли ее и быстро понесли. До того, как она успела закричать, ей вставили и закрепили веревкой кляп. А затем на голову натянули мешок. Руки связали за спиной. Ее быстро понесли куда-то по коридорам и лестницам. Наконец ей развязали руки, чтобы снова привязать над головой к медному кольцу, висевшему на цепи в потолке. После этого ее оставили одну.

Вскоре руки затекли и совершенно онемели, боль от веревок перестала ощущаться. Она слабо стонала в тихой комнате, моля, чтобы Конан узнал о ее положении.

Но Конан сам в этот момент нуждался в помощи. Он лежал на ковре в обеденном зале с закрытыми глазами, храпел, как далекий гром. Хотя он выпил мало, его вдруг охватила неожиданная слабость. Он подумал, с усилием собравшись с мыслями, что,

вероятно, Нзанги что-то подсыпала ему — но, прежде чем он успел что-то предпринять, его охватил глубокий сон.

Нзанги скользнула по нему взглядом и приказала вынести из комнаты. Затем поднялась и пошла по коридорам в комнату, где висела Чабела. Пока она шла, ярость разгоралась в ее сердце подобно пламени в треножнике, и в ее суровых глазах вспыхивали искры в предвкушении предстоящего.

С головы Чабелы сняли мешок и вынули кляп. Перед ней стояла ехидно улыбающаяся Нзанги. Рабыня в ужасе вскрикнула.

— Кричи сколько хочешь, белокожая тряпка, — ухмыльнулась амазонка. — Это тебе нисколько не поможет!

Нзанги злорадно оглядела прекрасное тело висевшей перед ней жертвы. Затем выбрала кнут из висевших на стене пыточных инструментов. Великолепный из хвоста гиппопотама кнут лежал на полу, как свернувшаяся змея. Чабела смотрела на него с ужасом. Королева вновь неприятно улыбнулась.

— Губы Конана никогда тебя не пугали, — сказала она. — Так испугает поцелуй моего любимца. И никогда его руки не ласкали, как приласкает кнут.

— Что я сделала такого, за что вы меня так мучаете?

— Ты отняла у меня сердце Конана, — крикнула Нзанги. — Я никогда не знала такого мужчины. Но его руки сжимали тебя в ласках, его губы оставляли пылающие поцелуи на твоей белой груди... Но я знаю, когда тебя не будет, он вернется ко мне и будет любить всем своим могучим сердцем. Я сделаю его королем Гамбуру — этого не добивался ни один мужчина за тысячу лет! — она щелкнула кнутом.

— Это неправда, — простонала Чабела. — Он ни разу не коснулся меня!

— Ты лжешь! Но поцелуй кнута вырвет из тебя правду!

Нзанги отвела руку назад, и кнут, свистнув, обвил талию Чабелы. Девушка вскрикнула от острой боли. Кнут оставил алый след, из которого медленно сочились капли крови.

Нзанги медленно отвела руку для следующего удара. В комнате было слышно лишь порывистое дыхание Чабелы.

Снова свистнул кнут, и крик страдания вырвался у девушки, когда он обвился вокруг ее бедер. С кровавым вожделением, исказившим ее прекрасное лицо, глядела Нзанги на извивавшуюся девушку. Она ударила снова, теперь ее эбонитовое тело блестело от мелких капелек пота. Вновь вскрикнула Чабела. Королева улыбнулась, облизав полные губы.

— Кричи в свое удовольствие, хилая рабыня! Никто тебя не услышит. Конан лежит в глубоком сне, из которого ему не вырваться несколько часов. В целом мире нет никого, кто бы помог тебе!

Она собиралась продолжить истязание, пока девушка не умрет под кнутом...

Чабела не представляла себе, что кожа может выдерживать такие пытки. Привыкшая к роскоши придворной жизни, она никогда не испытывала настоящей боли. А теперь под ударами кнута ее тело страдало от боли, а душа от унижения.

Зингаранская знать держала черных рабов, и Чабела знала, что их наказывали за подлинные или мнимые поступки, как это сейчас было с ней. Но в самых диких снах она не могла представить, что роли могут поменяться и черная женщина будет истязать ее, как последнюю рабыню с зингаранских плантаций.

Удар следовал за ударом, и Чабела сквозь кровавую пелену вдруг увидела блестящий предмет, который лежал у противоположной стены на маленьком табурете: золотой головной убор в форме свернувшейся змеи, украшенный бриллиантами. Ну, конечно! Она узнала Корону Кобры, которую Конан вынес из черного храма на Безымянном Острове. Она попыталась смотреть только на корону, чтобы притупить страшную боль...

Корона, вспомнила она, была украдена у Конана в Кулало — когда? Казалось, несколько лет назад. А что потом? Работорговцы, поймавшие ее и Конана, должно быть, отняли корону у первого вора.

Нзанги остановилась, чтобы глотнуть вина. Приготовившись к следующему удару, Чабела широко открыла глаза. Сквозь спутанные волосы она наблюдала удивительную картину.

Позади Нзанги начали происходить странные вещи. Сперва появилось слабое сияние, напоминающее болотные блуждающие огни.

Затем зеленое свечение стало ярче и побольше размерами. Через миг в нем появилось сгущение высотой с человека.

Чабела затаила дыхание. Увидев, что девушка рассматривает что-то позади нее, Нзанги обернулась. В это время сияние превратилось в слепящее изумрудное пламя, а затем потускнело и пропало. На его месте стоял человек.

Он был темнокож, высок и могуч. Его лицо напоминало бронзовую маску с резкими чертами, острыми черными глазами и орлиным носом. На нем был простой белый хитон, оставлявший руки обнаженными.

С того времени, как Зароно и Менкара увидели его на троне, Тот-Амон заметно постарел. На лбу его блестели капли пота, так как магическая операция, перенесшая его сюда из оазиса Хаджар, относилась к числу самых сложных. Лишь несколько волшебников способны были выполнить ее.

Нзанги была изумлена, что посторонний — к тому же презренный мужчина — неожиданно появился в ее комнате пыток. Такое вторжение, бесцеремонное и необъяснимое, заслуживает смерти.

Она открыла рот, чтобы крикнуть охрану, одновременно замахнувшись кнутом.

Стигиец смотрел спокойно и загадочно улыбался. Заметив отведенный для удара кнут, он вытянул руку к черной королеве. Из его пальцев в пространство полилось ядовито-зеленое сияние, которое становилось все ярче и ярче, пока эбонитовая фигура Нзанги не потонула в ее свете.

Королева слабо вскрикнула и упала на земляной пол. Сияние ослабло и исчезло.

Какое-то предчувствие заставило Чабелу прикинуться потерявшей сознание. Она уронила голову на грудь, так что густая масса блестящих черных волос закрыла ее лицо.

Тот-Амон взглянул на нее. Для него она была рабыней, наказанной за какой-то проступок. Он никогда не видел Чабелу близко и не мог себе представить, что перед ним принцесса, за которой Зароно и Менкара охотились по всему Черному Берегу. Волшебники, так же как и простые люди, тоже могут ошибаться.

После того как Зароно и Менкара отправились на поиски принцессы, Тот-Амон еще раз решил обратиться к волшебному камню. Прежде чем начинать могучее колдовство, способное перенести его в любую точку земли, он хотел как можно точнее определить положение Короны Кобры.

Поскольку оставаться в конечной точке своего путешествия он мог лишь ограниченное время, то должен был попасть в точное место поиска. Поэтому, после колдовства с кристаллом, Тот-Амон с некоторым удивлением узнал, что Корона теперь не в Кулало, а в Гамбуру. О Конане и Чабеле он не беспокоился. Он полагал, что Чабела была еще в Кулало, где ее найдут Зароно и Менкара. Во всяком случае, волшебство, перенесшее его в Гамбуру, не годится для переноса еще одного человека обратно.

Что касается Конана, то Тот-Амон считал киммерийца лишь небольшим неудобством, вроде писка комара. Если Конан встанет на его пути, то он раздавит его, как насекомое.

Если бы Тот-Амон внимательнее посмотрел на Чабелу, то узнал бы ее. Однако все его внимание было сосредоточено на Короне Кобры. Его глаза восхищенно вспыхнули, когда он узнал предмет на табурете. Он быстро перешагнул через бесчувственное тело Нзанги и подошел к Короне. Дрожащими от волнения руками он поднял Корону, рассматривая в свете факела, проводя ласково сильными коричневыми пальцами по изгибам колец и огромным бриллиантам.

— Наконец-то! — выдохнул он, сверкнув глазами. — С этим вся мировая империя в моих руках. И святое правление Отца Сета восстановится по всему свету.

Мрачная улыбка осветила его обычно бесстрастное лицо. Тот-Амон сказал волшебное слово и сделал странный жест. Пульсирующая паутина зеленых лучей охватила и скрыла его. Сияние ослабло и пропало.

Оставшись в комнате одна, Чабела, встав на цыпочки, почувствовала, что может ослабить давление петли на руках, хотя запястья были туго связаны, теперь, покрытые потом, они легко скользили в петле. После усилий одна рука, наконец, выскользнула, а за ней и другая.

Изможденная Чабела рухнула на пол. Ее руки так затекли, что она не могла шевельнуть даже пальцем. Однако скоро кровообращение восстановилось, пальцы стало покалывать. Она изо всех сил сдерживала стоны, чтобы королева не очнулась.

Мало-помалу руки отошли. Она встала, пошатываясь, и склонилась над телом Нзанги. Великолепная грудь королевы мерно поднималась и опускалась, как при обычном сне.

Чабела побрела через комнату, туда, где стоял кувшин с вином, которым освежалась Нзанги. Принцесса пила сладкую жидкость жадными глотками, и в ее тело вливалась новая сила.

Внимание Чабелы снова привлекла королева, у которой на поясе сверкнул кинжал. Что мешает достать его из ножен и вонзить в грудь королевы? Она дрожала от ненависти к Нзанги. Она вытерпела от нее такие муки...

Но Чабела колебалась. Она не знала, насколько глубок сон королевы. Положим, она достанет кинжал. Но это движение может разбудить Нзанги, которая, будучи сильнее маленькой, нежной Чабелы, свяжет ей снова руки и либо запорет ее насмерть, либо позовет стражу. Даже если Чабела получит оружие, не разбудив врага, то первый удар может не убить и тогда королева успеет до второго удара позвать на помощь.

Ее удерживало и другое. Кодекс чести Зингара, по которому она жила с малых лет, запрещал убивать спящего врага.

Она быстро пересекла комнату и отодвинула занавесь, закрывавшую вход. Собравшись с духом, девушка пошла в темноту.

В комнате слабо светили факелы, их мерцающий свет вспыхивал на освещающемся с потолка кольце, на окровавленном кнуте и на распростертом теле черной королевы.

Глава 15
ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Войдя в темноту, Чабела заколебалась. Она, вглядываясь в пустые каменные коридоры, решила, что, вероятно, находится в подземельях, расположенных под королевским дворцом. Эти подвалы

ревниво охраняются, поэтому она могла в любую минуту оказаться в руках стражи. Выбрав коридор, который, казалось, поднимался вверх, она села отдохнуть.

Тишина была полной, лишь далекие капли воды и слабые шорохи нарушали ее. Факелы из просмоленного дерева в бронзовых подставках были укреплены на большом расстоянии друг от друга, поэтому освещали коридор скудным желтым светом. В зловещей тишине во мраке скользила обнаженная девушка, напоминая белое привидение. Коридоры изгибались и пересекались. Чабела скоро поняла, что заблудилась и бродит наугад. Она боялась, что снова попадет в страшную комнату Нзанги. Но делать нечего, моля Митру, нужно идти.

Пройдя еще немного, Чабела увидела, что пришла в тюрьму. По обе стороны стояли двери с медными решетками. Внутри темных камер виднелись заключенные, некоторые стонали и плакали, но большинство молчали.

Девушка вглядывалась в первые камеры, но вид был столь отталкивающим, что скоро она смотрела только на дорогу перед собой. Некоторые заключенные превратились в настоящих скелетов. Другие смотрели безумными глазами сквозь спутанные волосы, все были в лишаях и коросте. На полу валялись мертвые, которых обгладывали крысы.

Завернув за угол, Чабела, удивленная, увидела Конана.

Его массивное тело лежало на соломенной подстилке в углу камеры. Она встала как вкопанная, размышляя, не сошла ли она с ума.

Это был действительно киммериец. Он лежал так неподвижно, что она подумала, не мертвый ли он, и когда ее глаза привыкли к мраку камеры, она заметила, как вздымается его могучая грудь. Очевидно, он был без сознания.

Поколебавшись, она окликнула его, но ответом был лишь храп спящего варвара. Она подергала дверь камеры, но та была надежно заперта.

Чабела задумалась, решая, что предпринять. В любой момент стража Нзанги могла выйти из-за угла и обнаружить ее. Самое мудрое было идти вперед — и все же она не могла оставить в беде могучего корсара, который рисковал собой из-за нее на Безымянном Острове.

Она снова позвала его срывающимся шепотом. Тут она заметила стоявший на земле кувшин с холодной водой.

Чабела подняла кувшин и поднесла его к двери Конана. К счастью, спящий Конан лежал в камере так, что его голова была у порога.

Поэтому девушке удалось вылить воду через решетку на голову Конана. Рыча, кашляя и отфыркиваясь, Конан начал тяжело

просыпаться. Он с усилием принял сидячее положение и невидящими глазами стал осматриваться.

— Клянусь ледяными полями Имира, — пробормотал он. Тут его бессмысленный взгляд остановился на бледном, испуганном лице Чабелы, и он мигом проснулся.

— Вы? Во имя Крома, что случилось? — прорычал он. Оглядевшись вокруг с изумлением, он продолжил: — Заклинаю адом, где это мы? Что произошло? Моя голова в таком состоянии, как будто все демоны Пита колотили ее целый день...

В нескольких словах Чабела рассказала о своих недавних злоключениях. Конан поскреб челюсть, его львиный взгляд потемнел.

— Значит, Нзанги опоила меня, не так ли? Я должен был это предвидеть, зная ее черное, ревнивое сердце. Она не хотела, чтобы я помешал ей. Она, должно быть, решила, что моя квартира в гареме не слишком безопасна, и приказала своим слугам, чтобы они перенесли меня в более спокойное место. — Он потрогал подстилку, на которой лежал, и тихо усмехнулся: — Какая роскошь! Похоже, что она снова собиралась меня использовать по-старому, после того, как сведет с вами счеты.

— Что же нам делать, капитан Конан? — спросила Чабела, чуть не плача. Тяжелое испытание подорвало ее силы.

— Делать? — Конан вскочил и потянулся. — Помешать этому! Но сначала открыть дверь.

— Но у меня нет ключей...

— К черту ключи! — рявкнул он, положив руку на один из засовов. — Эти засовы из мягкой меди и стоят здесь целую вечность. Мне не понадобится ключей. А теперь отойдите!

Поставив ногу против засова, Конан согнул плечи и налег на зеленый от времени засов. Вся сила могучей спины, плеч и коричневых рук сложилась в одно титаническое усилие. Его лицо потемнело и дыхание стало хриплым. Тело Конана сверкало в свете факелов бронзовыми изгибами, как металлическая скульптура.

Чабела затаила дыхание, закусив губу.

Со слабым скрипом засов выскользнул из нижнего паза, металл согнулся и подался. Затем с сильным треском засов сломался. Звук походил на щелканье огромного кнута.

Конан бросил засов на подстилку. Он прислонился к двери, жадно глотая воздух. Затем ударом ноги он раскрыл дверь в коридор.

Чабела смотрела, широко открыв глаза.

— Я никогда не видела такой силы! — выдохнула она.

— Слава Богу, я работаю так не каждый день, — сказал он. Конан вглядывался в темноту коридора. — Куда идти? Как нам выйти отсюда? И кто так исхлестал вас? Нзанги?

Она повторила в нескольких словах рассказ о произошедших событиях. Конан нахмурился.

— Странная история, — сказал он. — И самое странное в этом волшебное появление стигийского волшебника — я думаю, что это был он. Вы уверены, что это не скелетоподобный пес Менкара? Он был в одной компании с Зароно в Кордаве.

— Нет, — покачала головой Чабела, — я видела Менкара на борту «Вестрела» и сразу бы узнала. Это — худой, мрачно выглядевший мужчина среднего роста, который говорит глухим, шелестящим голосом, как будто ему опротивел весь мир. Этот же человек, хотя, по-моему, и одной с ним расы, слишком отличен от него: очень высокий, сильный, довольно красивый, привыкший приказывать.

Слушая одним ухом, Конан между тем осматривал коридор. Он интуитивно чувствовал, что необходимо действовать. Если они и смогут когда-нибудь убежать из города амазонок, то только сейчас, пока королева лежит без сознания. Как долго будет продолжаться действие зеленых лучей стигийца, он не знал.

Конан вытащил из держателя тяжелый факел. Он довольно взвесил его в руке. По крайней мере теперь есть, чем защищаться. Факел представлял собой палицу из твердого дерева, обмотанную промасленными тряпками. Смола поддерживала слабое желтое пламя. Задачей Чабелы было заменять сгоревшие факелы.

Неожиданный поворот коридора — и Конан с Чабелой оказались лицом к лицу с отрядом вооруженных женщин. Это были высокие, суровые женщины, с могучими руками, высокой грудью и широкоскулыми лицами. Их одежда состояла из грубого кожаного нагрудника, окованного бронзовыми пластинами, и кожаной юбки.

— Схватить их, — раздался повелительный голос, и Конан заметил позади угрюмых амазонок Нзанги. Прекрасное лицо черной королевы искажала ярость.

Конан был варваром из Киммерии, и для него многие южные обычаи казались излишне мягкими и смешными. Но у него было свое понятие о благородстве, ему не нравилось драться и, возможно, убивать женщин. Однако это был единственный выход, и Конан решил драться.

Не дожидаясь атаки, одним прыжком Конан оказался в гуще амазонок, размахивая горящим факелом направо и налево. Он мгновенно свалил двух огромных женщин, пробив им головы. Разъяренная амазонка замахнулась на него коротким мечом, но он сунул ей факел в лицо. Амазонка с криком упала, стараясь потушить вспыхнувшие волосы. Ему в грудь уперлось копье, он выхватил его свободной рукой и отбросил в сторону. Двигаясь со скоростью дикой пантеры, он замахнулся факелом для следующего удара.

Нзанги стояла, обхватив одной рукой Чабелу, а другой рукой приставила кинжал к ее горлу.

— Брось факел, белый пес, или она захлебнется в собственной крови! — скомандовала королева Нзанги.

Конан обреченно выругался, но делать было нечего. Факел ударился о камни.

Амазонки окружили его, связали руки канатами из высохшей травы и привязали к телу.

— Теперь он не страшен, о королева, — доложила одна из женщин, — почему бы его не прикончить тут же?

— Нет, — сказала Нзанги, задумчиво глядя на сверкающее от пота тело Конана. — Я держу для него что-то получше. Он, растоптавший мою любовь, не достоин легкой смерти. Посадите их до утра в барак рабов. А утром притащите к деревянным кулампту.

Конану показалось, что при упоминании этого неизвестного ему названия вздрогнули даже суровые амазонки. Но что может быть ужасного в простом дереве?

Глава 16
ДЕРЕВО-ЛЮДОЕД

Конан моргнул, прищурился от лучей показавшегося над джунглями солнца и с удивлением огляделся.

Амазонки привезли его и Чабелу на центральную площадь Гамбуру. Конан лежал в широкой яме посреди площади на песчаном полу. Когда он первый раз увидел яму, она напоминала ему прежние дни в Агроссеанской Мессаните. Но площадь в Мессаните имела двери, через которые на арену выпускались гладиаторы или дикие животные. Здесь этого не было.

Другой непонятной вещью была роща в центре песчаной ямы. Должно быть, это и были кулампту, о которых королева говорила. Он пригляделся и заметил, что таких деревьев он раньше не встречал, хотя по виду они напоминали банановые. Ствол выглядел мягким и пористым, но, вместо того чтобы разветвляться наверху, он кончался круглой, влажной, похожей на рот воронкой. Ниже ее окружали огромные листья, каждое почти размером с человека, широкие и толстые, покрытые похожими на волосы наростами с ноготь длиной.

Амазонки, одетые в шкуры леопардов, украшенные страусовыми перьями и примитивными украшениями, заполняли каменные скамьи вокруг арены. Среди них было много знатных, которых Конан видел на праздниках Нзанги.

Он незаметно проверил веревки. Груды мускулов на руках напряглись, брови сдвинулись в усилии. Но травяные веревки

не поддались его могучим усилиям. В этом есть некоторая ирония, подумал он, что он, который разрывал железные цепи, должен лежать связанный травой!

Скамьи были почти заполнены. По приказу Нзанги, сидевшей среди своих офицеров, охрана потащила Конана и Чабелу поближе к роще странных деревьев. Затем они поспешно отошли, оставив пленников беспомощно лежать на песке.

Сидевшие на скамьях амазонки громко беседовали, улыбаясь и показывая на них пальцами.

Чабела вскрикнула. В это же время Конан почувствовал прикосновение к ноге и посмотрел, в чем дело. «Кром!» — выдохнул он.

Один из огромных листьев кулампту опустился вниз и обвился вокруг его лодыжки. Чабела вскрикнула снова, и Конан увидел, что ее руки и ноги исчезают в листве другого дерева.

Конан сжал губы. Он не знал этой части Куша. Но много лет назад, когда он путешествовал вдоль Черного Берега с Белит, он слышал ужасные рассказы своего проводника о деревьях-людоедах. Но тогда Конан принял их за небылицы.

Теперь же его загорелое лицо побледнело, он понял происхождение высохших белых человеческих костей у деревьев. Толстые листья медленно оплели его тело, стараясь поднять к воронке, чтобы потом забросить его туда. Дьявольское дерево сожрет его живым, ядовитый сок, выделяемый внутренними тканями, растворит кожу, и в конце концов от него останется куча белых костей.

К тому времени его тело обвили три листа. Медленно они стали поднимать его. Каждый волосок крепко прилип к его телу. Ужас и злость придали Конану силы.

Он услышал слабый звук, страшно обрадовавший его. Это был треск лопнувшей веревки. Затем еще один.

Конана осенило, что листья выделяют жидкость, которая разъела травяные веревки. Он бешено задергался и разорвал другие. Освободив руку, он оттолкнул приблизившийся к нему лист. Потом он оторвал остальные листья и упал на песок. Его тело было покрыто красными точками.

По реву скамеек Конан понял, что такое случилось впервые. Нет сомнения, что прежде амазонки были достаточно осторожны и кормили деревья лишь ослабевшими от пыток жертвами. Они никогда не предлагали растениям-людоедам человека необычайного размера в расцвете сил.

К этому времени Чабела, спеленутая листьями с головы до ног, как мумия, уже почти достигла воронки. Конан подпрыгнул, ухватившись за поднимавшую ее крону, и дернул. Его вес листья не выдержали и обломились, некоторые наполовину, а другие совсем оторвались от ствола. Конан упал на песок, сжимая девушку в

руках. Он быстро сорвал облепившие ее листья, которые извивались, как от боли. Кожа Чабелы тоже была покрыта красными точками. Затем он разорвал без особых усилий травяные путы.

Крики на трибунах превратились в рев. Несколько стражниц спустились на арену и побежали, сверкая бронзовым оружием. Конан снял последний лист с лица Чабелы и приготовился встретить врагов.

Они не набросились на него с мечами и копьями, как он ожидал. Они встали недалеко от него и, потрясая оружием, выкрикивали оскорбления и угрозы. Наконец он понял, что их колебания могли быть вызваны простым страхом перед деревьями-людоедами, либо деревья почитались, как божества. Но какова бы ни была причина их колебаний, она подсказала ему решение.

Повернувшись, он налег плечом на дерево, собиравшееся пожрать его. Теперь оно раскачивало сломанной верхушкой. Ствол выглядел пористым и мягким, как у бананового дерева.

Конан налег на ствол и сразу почувствовал, что тот поддается. Еще одно усилие, и из земли показались маленькие белые отростки, служившие дереву корнями.

Крик возмущения святотатством раздался с трибун. Конан сломал дерево, взяв его под мышку, как таран. Оно было достаточно большое, но на удивление легкое для своих размеров.

Конан напал на амазонок. От его атаки они растерялись и начали отступать. Он ухмыльнулся. Амазонки, очевидно, боялись священного дерева и предпочитали не приближаться к нему. Поворотом ствола он сбил двух стражниц на землю, а остальные побежали к трибунам.

Но тут на него железным дождем обрушились дротики. Один из них воткнулся в ствол рядом с рукой Конана. Несколько метательных ножей просвистело над головой, как бумеранги.

— Чабела! — крикнул он. — Бери одно из этих копий и следуй за мной.

Они побежали к трибунам. Конан размахивал верхним концом дерева, брызгая разъедающим соком во все стороны. Толпа амазонок перед ним расступилась. Они выскочили на площадь и помчались по улицам к Западным Воротам.

Выскочив из ямы, Конан ожидал увидеть половину Гамбурской армии, собирающейся атаковать его, но на площади была удивительная пустота. По воздуху носились горящие стрелы, пылали крыши. На камнях лежало несколько трупов с копьями в груди. Военный крик сотрясал воздух. Город амазонок атаковали.

Толпа черных воинов заполнила улицы у Западных Ворот. Они встали в ровные ряды и медленно продвигались, осыпая амазонок стрелами и копьями.

Над головами стрелков Конан заметил старого товарища Джуму и крикнул ему. Тот улыбнулся в ответ и что-то приказал своим людям. Шеренга сломалась, и стрелки со щитоносцами окружили Конана и Чабелу. Затем отряд начал отступать с площади, отчаянно обороняясь, но не нарушая строя.

Конан улыбнулся и хлопнул Джуму по плечу.

— Я рассчитывал, что ты придешь, — сказал он, — как раз вовремя!

Джума прикрывал Конана щитом от летящих стрел.

— Не знаю, но мне кажется, что у тебя итак все в порядке!

Пока они продвигались к Западным Воротам, Джума объяснил Конану, что его люди в конце концов напали на след работорговцев в Гамбуру. Тогда он собрал армию черных воинов и двинулся в столицу Амазонок.

— Я боялся, что мы не застанем тебя живым, — закончил он. — Я должен признать, что ты, как обычно, был в центре боя и захватил весь город голыми руками.

Достигнув ворот, Конан увидел золотую бороду и голубые глаза Сигурда, который был оставлен с отрядом моряков держать свободным путь отступления черной армии. Они поприветствовали друг друга, но времени для объяснений не было.

Выйдя из ворот, Конан улыбнулся, радуясь, что видит город королевы Нзанги последний раз. Королева была восхитительной женщиной и любовницей, но Конан был не из тех, кто может удовлетворяться ролью господина королевы, и он подозревал, что до него не один любовник черной королевы был отдан в жертву деревьям-людоедам после того, как Нзанги надоедали их ласки.

— Я вижу, что ты имел в виду, когда говорил, что тренируешь своих стрелков в «туранском стиле», — сказал он Джуме.

Из ворот, преследуя их, вышел отряд амазонок. Воины Джумы сплотили ряды и осыпали их дождем стрел, пока оставшиеся в живых не ушли обратно в город.

Скоро они добрались до леса. Здесь отряд остановился на отдых, и Конан с Сигурдом радостно обнялись. Сигурд смотрел на Чабелу, преклонив колено.

— Принцесса, — сказал он шокированно, — вы должны быстрее одеться. Что сказал бы ваш отец? Вот, возьмите это.

Он скинул рубашку и протянул девушке. Чабела надела ее и закатала рукава.

— Благодарю вас, Сигурд, — сказала она. — Вы правы, конечно, но я так долго ходила нагой среди нагих людей, что стала привыкать.

— Куда теперь, Конан? — спросил Сигурд. — Не знаю, как ты, но с меня достаточно этих джунглей. Если москиты и слепни

еще не съели тебя живьем, то львы будут счастливы доесть то, что осталось.

— Назад в Кулало, — ответил Конан, — а потом, не откладывая, на борт «Вестрела», если оставленная команда не дождалась нас и уплыла, я сдеру с них шкуры живьем.

— Нет, вы обязательно должны быть на нашем празднике победы, — запротестовал Джума. — Теперь, когда мои воины победили амазонок, моя империя, несомненно, завоюет всех соседей. Мои люди жаждут утонуть в банановом вине...

— Благодарю, друг, — ответил Конан, — но наше место в Зингаре, где готовится заговор против короля. Наша победа еще впереди.

Глава 17
КРУШЕНИЕ «ВЕСТРЕЛА»

Переход через джунгли от Гамбуру до столицы Джумы Кулало и дальше до устья Закамбы, где они оставили «Вестрел», занял несколько дней. Чабела слишком устала, чтобы путешествовать пешком, и поэтому чернокожие быстро сделали маленький паланкин из бамбука и грубой материи, в котором принцесса путешествовала в относительном комфорте.

Что же касается Конана, то несколько часов отдыха и полбурдюка вина восстановили его силы. Не в первый раз Конана выручала его поистине звериная воля, намного превосходившая силу людей тех стран, по которым он путешествовал. Он гордился своим физическим превосходством, полагая, что это дар предков и богов.

К закату солнца они достигли пальмовых берегов Закамбы. К тому времени, когда они дошли до устья, где река впадала в море, показалась луна, похожая на медный щит. Тихо шумел пресноводный поток, темный от морских наносов. Здесь их ждала потрясающая картина.

Сигурд вздохнул, приходя в себя и бормоча замысловатые клятвы. Конан молчал, но бесстрастная бронзовая маска его лица потемнела от ярости.

«Вестрел» лежал на киле, полузатопленный, с залитой палубой. Вместо мачт с обгорелой палубы торчали черные пеньки, а на берегу возвышались могильные холмики. Конан понял, что здесь был бой и что «Вестрел» потерян.

Послышались предупреждающие крики часовых и шум шагов. Свет факелов на обнаженных кортиках суровых моряков. Конан отодвинул воинов в сторону и вышел вперед.

Остатки команды были в жалком состоянии. На большинстве висели грязные тряпки, головы и тела неумело перевязаны.

Помощник Зелтран торопливо вышел вперед. Его правая рука была замотана тряпьем, а кортик он держал левой.

— Капитан! — вскричал он. — Вы ли это? Потонуть мне, если мы думали, что снова увидимся. Джунгли, казалось, проглотили вас!

— Я жив, Зелтран, — сказал Конан. — Но что здесь произошло? Были неприятности, я вижу, но от кого?

— Этот пес Зароно! — прорычал он. — Три дня назад его «Петрел» захватил нас врасплох... На нас спустился плотный туман — такой плотный, что глаза ничего не видели.

— Да, капитан, святая правда, — сказал матрос. — Я вам скажу, это было колдовство — черная магия, сгореть мне на этом месте.

— И под покровом этого таинственного тумана «Петрел» подошел и уничтожил корабль, не так ли? — прорычал Конан.

— Да, сэр, — сказал Зелтран, — именно так оно и случилось. Сперва мы услышали скрип борта, и тут же люди Зароно перескочили через борт и бросились на нас. Клянусь, мы честно дрались — посмотрите на наши раны, — но на их стороне было численное превосходство и неожиданность. В конце концов они выкинули нас за борт.

— Точно, капитан, — вступил другой матрос. — Если б вы только видели, гордились бы работой его кортиков.

— Но тут что-то стукнуло меня по голове. Когда я пришел в себя, то оказалось, что меня привязали к мачте, и эти псы Зароно стояли вокруг и насмехались. Тут пришел и сам черный Зароно, очень элегантно выглядевший в своем кружевном воротнике, и с ним этот, змеиный священник Менкара.

— Эге, мой милый, — сказал Зароно, — и где твой хозяин, варвар Конан?

— Ушел на берег, сэр, — ответил я.

Зароно ударил меня по зубам. «Я это вижу, глупец, — сказал он, — но куда на берег?»

— «Я не знаю, сэр, — сказал я, не понимая, что его могло так взбесить. — Он друг предводителя черных воинов, которые здесь живут, и он ушел их навестить».

— «А где эта зингаранская девчонка, что была с ним?» — спросил Зароно.

— «Ушла с ним, насколько мне известно», — ответил я.

— «Но куда? Куда и как далеко?» — спросил Зароно.

Я настойчиво твердил, что не знаю, где находится Джума, даже когда они жгли мою правую руку раскаленным углем. Я покажу вам ожоги, мой капитан, когда они немного заживут. Потом Зароно и стигийский священник отошли в сторону и шепотом посовещались. Священник установил на верхней палубе волшебный аппарат

и бормотал и кружился до тех пор, пока перед ним не вспыхнул странный свет. Наконец он сказал Зароно: «Я вижу, как ее несут в паланкине могучие воины через джунгли. Больше я ничего сказать не могу».

Это прямо взбесило Зароно, должен сказать. Он несколько раз ударил меня по лицу, просто чтобы выместить злобу. «Как, во имя богов, — сказал он, — я смогу прочесать огромные джунгли Куша, чтобы найти девушку, да еще отбить ее потом от армии могучих варваров? Это все равно что запрыгнуть на луну!»

Еще немного посовещавшись, Зароно и Менкара решили разбить «Вестрел» и идти в Кордаву. Они собирались по дороге зайти в Стигию, чтобы захватить с собой их союзника, которого зовут, если я правильно понял, Тот-Амон.

— Тот-Амон? — переспросил Конан. — Наши пути пересекались и прежде. Он самый опасный из всех врагов. Но продолжай. Эти псы, кажется, не стеснялись тебя в разговоре.

— Э, капитан, они не собирались оставлять меня в живых. Зароно отдал приказы. Одна группа матросов села в шлюпку и продырявила корпус ниже ватерлинии. Другая обложила дровами мачты и подожгла их.

— А ты был привязан к одной ни них?

— Точно, сэр. К фок мачте. Естественно, мне не понравилась идея поджариться живьем, так что, пока люди Зароно готовились к отплытию обратно на «Петрел», я молил Митру, и Иштар, и Асуру, и всех других богов, чтобы они помогли мне отвязаться. Не знаю, были ли услышаны мои молитвы, но не успел «Петрел» скрыться за горизонтом, как начался дождь.

Тем временем «Вестрел» все погружался, пока не лег килем на грунт. А я вертелся, дергался, освобождая руки. И когда совсем отвязался, то стал сбивать пламя, так как дождь уже закончился. Правда, мачты и снасти спасти не удалось. Ну вот, пожалуй, и все.

— С его стороны было бы умнее не пытаться одновременно и поджечь и потопить корабль, — пробормотал Конан, — либо то, либо другое. — Он потрепал Зелтрана по плечу, от чего тот сморщился. — Я верю тебе и ребятам, что вы сделали все, что смогли. Но теперь мы должны подумать, как сделать «Вестрел» снова подходящим для плавания, и как можно скорее.

— Нет, мой капитан, — грустно покачал головой Зелтран, — я не вижу, как это сделать, на это уйдет несколько месяцев. Здесь нет верфи, да и кораблестроителей в джунглях найти не так просто.

— Мои люди помогут вам восстановить судно, — тихо выступив вперед, сказал Джума. — Много сильных рук облегчит задачу.

— Возможно, и я тебе благодарен, — задумчиво сказал Конан. — Но что понимают твои люди в восстановлении судов?

— Ничего, мы не мореплаватели. Но нас много, и мы сильны, и среди нас много искусных ремесленников-столяров. Если твои люди будут руководить и покажут, что делать, они будут работать до тех пор, пока не окончат работу.

— Прекрасно, — сказал Конан бодрым голосом и обратился к команде: — Друзья, мы проиграли битву, но мы еще не проиграли войну! Черный Зароно, который победил нас, благодаря черной магии, плывет сейчас к берегам Зингара, где он надеется свергнуть нашего покровителя. Люди короля Джумы помогут нам привести судно в порядок. И тогда, не откладывая, мы поплывем мстить негодяю и спасем нашего короля от его козней. Что скажете?

— Мы потеряли немало добрых моряков, — сказал боцман, кивнув на земляные холмы.

— Да, но с нами аргосеанцы Сигурда! Если вы забудете о вражде, то вместе мы сможем своротить горы. Так что скажете?

Моряки заревели, выражая согласие, и их кортики сверкали в лунном свете.

Конан никогда не видел, чтобы люди работали так усердно. Они привязали к сгоревшим пенькам мачт тросы и подняли корабль. Ныряя в трюм, они достали инструменты, валили деревья, распиливали их и забивали пробоины в корпусе, затем они откачали воду, так что корабль снова смог держаться на воде. Потом, пока женщины готовили новую ткань, мужчины Кулалу добывали деготь из смолы. Работа кипела день и ночь, помогали даже маленькие дети — светили, держа факелы высоко над головой.

Наконец пришел день отплытия. Люди шатались от усталости или от вина, или от того и другого, но «Вестрел» был готов отплыть первым бризом. Всю ночь люди Джумы несли через джунгли провизию на берег: бочонки с водой, мешки с пирогами, корзины со свежими фруктами, копченым мясом, бататом и другими овощами, провизии было достаточно, чтобы корсары могли доплыть до другого края земли.

Когда небо на востоке побледнело, Конан попрощался с Джумой. Когда-то они бок о бок воевали в легионах короля Юлдиса Туранского, потом вместе шли по бескрайним пескам Такамаса навстречу маленьким узкоглазым воинам и каменному движущемуся идолу из неизвестной долины Меру. В этот раз они вместе дрались в душных Кушитских джунглях.

Молча улыбаясь сквозь слезы, они сжали друг друга в могучем объятии. Они ничего не говорили, потому что оба знали, что вряд ли встретятся в этом мире.

«Вестрел» поднял паруса, поймав попутный ветер. Черные воины с женами и детьми стояли вдоль берега и махали на прощанье. «Вестрел» вышел в глубокие воды, держа курс на Зингаран.

Глава 18
В КОРОЛЕВСТВЕ ВСЕ СПОКОЙНО

На закате дня «Вестрел» вошел в Кордавский порт. К ночи тяжелые облака закрыли звезды, и он скользил незамеченным вдоль портовой косы. Так решил Конан, не зная, захватил ли Виллагро власть, и как давно Зароно и Тот-Амон в городе. То, что они опередили его, стало ясно, когда Зелтран, взмахнув рукой, показал:

— «Петрел» Зароно! — прошипел он. — Мой капитан, мне кажется, что, поскольку никого поблизости нет, мы могли бы разбить и потопить его...

— Держи себя в руках, мой боевой петушок, — задумчиво улыбнувшись, пробормотал он. — К чему безрассудство? В нашей игре высокие ставки. Вероятно, наши друзья не здесь, а в замке Федруго распускают паутину, чтобы поймать старика.

— Поспешим же во дворец, капитан Конан, — нетерпеливо тронула его Чабела, — ваши люди подойдут потом. Мы должны предупредить отца о готовящемся заговоре, а не то эти предатели Зароно и Виллагро могут...

— Поспокойнее, — сказал Конан с улыбкой, — спешить пока некуда. Я давно научился не лезть в капкан: если мятежный князь и Тот-Амон захватили власть, то идти во дворец все равно что играть в муху и паука. Нет, у меня другой план...

— Какой? — спросила Чабела.

— Сначала мы должны посетить одно место в Кордаве, где я буду в безопасности: Девять Нарисованных Шпаг.

— Девять Нарисованных Шпаг? — повторила она.

— Это не из тех мест, где бывают девушки вашего круга, но для наших целей оно подходит. Верьте мне. Зелтран, я беру десять человек. Дай плащи и фонари и позаботься, чтобы они были все хорошо вооружены.

Улицы были безмолвны, казалось, что город вымер. Суеверный Сигурд, впрочем, как и все моряки, содрогаясь, опасливо осматривался по сторонам.

— Я уверен, что они все мертвы или заколдованы, — пробормотал он.

Группа моряков, завернувшись в плащи и пряча под шляпами лица, подошла к Девяти Нарисованным Шпагам. Когда они вошли, старый Сабрал, раскинув руки, встал в дверях.

— Прошу прощения, но мы закрылись на ночь, — сказал он. — Правительство приказало всем тавернам закрыться этой ночью с заходом солнца. Так что я прошу вас... о!

Конан снял шляпу и плащ и, приблизив лицо к кабатчику, пробормотал:

— В чем дело, мой друг?

— О, как я не узнал вас с первого взгляда... Но, конечно, Девять Нарисованных Шпаг всегда открыта для капитана Конана, по закону или без него. Входите, друзья, входите. Я мигом разведу огонь и спущусь в подвал, и вы получите все, что пожелаете.

— Зачем правительству понадобилось закрывать сегодня таверны? — спросил Конан, сев на место, откуда была видна дверь.

— Только Митра знает, — пожал плечами кабатчик, — королевский указ появился вчера вечером... Это было странное время, в самом деле, странное. Сперва капитан Зароно приплыл бог знает откуда с целым отрядом стигийцев и направился во дворец короля Федруго, как в свой собственный. Ему не сказали ни слова, как будто он заколдовал королевскую свиту. Потом все эти новые декреты: городские ворота закрываются с закатом и так далее. Князь Виллагро стал маршалом полиции, и в городе воцарились железные законы. Странно, капитан, странно и непонятно. И ничего хорошего из этого не выйдет, попомните мои слова!

— Это удивительно, — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — спросил Конан.

— Клянусь глазом Дагда и ногой Орвандела! Твой друг Сабрал сказал, что город закрыт, как барабан, но мы беспрепятственно вошли в порт. Почему Виллагро не поставил своих головорезов охранять порт?

— Они думают, что «Вестрел» все еще лежит на песке в устье Закамбы, — сказал Конан.

— Ах, да, — вспомнил Сигурд, — я и забыл. Зароно не мог и предположить, что мы починим корабль.

— Все правильно, рыжебородый, — кивнул Конан. — Если все пойдет хорошо, король Федруго будет обязан троном черным воинам Джумы, о которых он никогда не слышал и которых никогда не увидит.

— Я раньше невысоко ценил чернокожих, — сказал Сигурд. — Они всегда мне казались набитыми предрассудками и детскими страхами. Но твой друг Джума открыл мне глаза. Он прирожденный вождь. Да в каждой нации и у каждого народа есть свои герои и свои предатели.

Но болтать не было времени. Конан расспросил Сабрала о том, что произошло за последнее время. Оказалось: верные гарнизоны под тем или иным предлогом были отправлены за границу или были арестованы и посажены в тюрьмы по смехотворным обвинениям. С вечера сегодняшнего дня дворец был изолирован от города. Ключевые посты заняли люди Виллагро. Некая церемония имела

место во дворце, но какая именно, Сабрал не знал. Что-то должно было произойти.

— Отречение от престола, — пробормотал Конан. — Мы должны попасть во дворец. Но как? Виллагро и Зароно полностью блокировали его. Этот Тот-Амон, видимо, полностью подчинил себе Федруго. Но если нам удасться предстать перед королем с его дочерью, то первое потрясение, которое испытает король, может развеять колдовство... И тогда мы сможем победить предателей. А кстати, где этот чертов Нинус?

Сигурд удивленно поднял брови. Конан спросил у Сабрала о здоровье маленького друга — священника. Кабатчик ответил, что тот выздоровел и вернулся к исполнению своих обязанностей в храме. Конан сразу же поручил матросу привести его в таверну.

— Кто этот Нинус? — спросил Сигурд.

— Я знаю его уже несколько лет, — пожал плечами Конан, — с тех пор как мы были ворами в Заморо. Он вернулся в Зингаран, когда даже благословенный город Заморо стал для него слишком опасен. Здесь он повстречался с одним миссионером культа Митры, который убедил его, что священники в этом мире только и делают, что гуляют на праздниках и наживаются на глупости прихожан. Будучи одним из тех людей, которые знают, куда дует ветер, он мигом впал в религиозность и стал священником Митры. Но если и есть в Кордаве человек, который знает тайный вход во дворец Федруго, так это он! Он был умнейшим вором из тех, кого я знал, — умнее даже Тауруса Немедийского, которого называли королем воров. Он мог найти двери, которые никто...

Настороженный слух Конана уловил звук гонга. Чабела вздрогнула и вцепилась в его руку.

— Колокола башни всех богов! — выдохнула она. — О, Конан, слишком поздно!

— Что вы имеете в виду? Да не тяните же.

— Колокола — они возвещают, что король собирает аудиенцию! Мы слишком поздно появились — она почти уже началась...

Конан и Сигурд обменялись взглядами и, открыв окно, посмотрели на дворец на горе. Здесь и там вспыхивали огни. Чабела была права, церемония началась.

Глава 19
КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

Обстановка в тронном зале короля Федруго напоминала напряженную драму. Небо освещалось частыми всполохами, и в высоких остроконечных окнах сверкали серо-голубые молнии.

Зал был большой и высокий. Круглые стены и колонны из серого гранита, украшенные резным мрамором, поддерживали высокий потолок. Этот дворец был архитектурным шедевром королевства Федруго.

Ярко светили толстые, величиной с руку воина свечи в золотых подсвечниках. Свет факелов и ламп отражался в зеркальных щитах и блестящих шлемах стражников, стоявших вдоль стен зала.

Охраны присутствовало значительно больше, чем в обычных случаях. Это настораживало вельмож и офицеров, вызванных королевскими герольдами. Им было приказано тихо и быстро прибыть во дворец, чтобы присутствовать при чтении королевского указа.

Была и еще одна причина для беспокойства — одежда стражи. Хотя некоторые носили мундиры Легиона Трона — личной гвардии короля, — на большинстве были одеты мундиры цвета Виллагро — князя Кордавы.

В центре зала на огромном постаменте из блестящего зеленого малахита стоял трон розового мрамора. На нем сидел Федруго III.

Собравшаяся знать в последнее время редко видела своего короля. Они с удивлением смотрели на него, настолько он постарел. Его кожа казалась пергаментом, а руки дрожали. Щеки впали так, что выступали скулы. Свет ламп бросал глубокие тени на его лицо, и глаза утонули в темных впадинах глазниц под седыми бровями. Свет вместе с худобой делали его похожим на призрака.

На его голове, казавшейся слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, покоилась древняя корона короля-героя Рамиро, основателя династии. Это был простой элипсоид из золота, окруженный золотым ободом; корона напоминала башню замка, окруженную стеной.

В слабых восковых руках король держал большой пергамент, обвешанный множеством печатей. Дрожащим голосом он читал этот пергамент. Длинное предисловие, с бесконечным перечислением титулов, церемониальный язык еще больше насторожили собравшихся. Все чувствовали приближение важных событий.

На полу перед пьедесталом, напротив трона, стояли два человека, один из них был князь Кордавы. В отсутствии принца Товарро, младшего брата короля, Виллагро был самым влиятельным пэром королевства. Выражение его лица могло бы быть описано как нервное ожидание.

Рядом с Виллагро стояла другая фигура, неизвестная для большинства присутствующих. Бритой головой, ястребиными чертами, темной кожей и могучим телом он напоминал стигийца.

На его бритой голове покоился странный головной убор — корона, сделанная в виде золотой змеи, свернувшейся вокруг головы,

и украшенная тысячами прозрачных сверкающих алмазов. Некоторые вельможи начали удивленно перешептываться, когда пришелец, откинув капюшон, сверкнул камнями короны. Если, шептали они, камни настоящие алмазы, то стоимость короны неисчислима. Когда неизвестный шевелился, камни отражали свет, сверкали тысячами лучей всех цветов радуги.

Темнолицый человек производил впечатление глубоко погруженного в себя. Он настолько был поглощен, что казалось, не видел ничего вокруг.

Среди свиты Виллагро можно было заметить мрачное лицо Зароно и закутанную фигуру стигийского священника Менкара.

Федруго заметно устал, читая, но уже приближался к концу документа. И здесь все замерли в удивлении, услышав невероятное:

— ... Итак, исходя из выше сказанного, Мы, Федруго Зингаранский, оставляем престол нашей дочери и наследнице, Королевской принцессе Чабеле, заочно выдаем ее замуж за ее избранника и вашего будущего короля, высокородного князя Тот-Амона Стигийского! Да здравствует королева и король! Да здравствует Чабела и Тот-Амон, король и королева древнего и нерушимого королевства Зингара!

Все в зале от изумления онемели. Но самый большой шок испытал князь Виллагро. Он выпучил глаза на короля Федруго, его желтое лицо побледнело, как саван. Его тонкие губы раздвинулись в немом ругательстве, обнажив желтеющие зубы.

Виллагро обернулся, чтобы что-то сказать высокой, тихой фигуре рядом с ним. Бесстрастный стигиец спокойно улыбнулся ему и, отстранив протянутую руку, начал подниматься на вершину пьедестала, чтобы услышать поздравительные рукоплескания. Но поздравлений не было.

Над возрастающим шумом изумления и недоверчивости послышался величественный голос короля Федруго:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец подошел к трону и опустился на колени. Он поднял руки, снял Корону Кобры и бережно положил ее на зеленый камень рядом с собой.

Федруго вышел вперед, снял с головы древнюю корону короля-героя Рамиро, повернул ее и дрожащими руками возложил на бритую голову Тот-Амона.

Осознав предательство союзника, Виллагро скривился, как от боли, и сжал рукой висевший на поясе кинжал. Возможно, он собирался, забыв об осторожности, вонзить его в спину коленопреклоненного волшебника. Но тут его глаза остановились на лежавшей рядом с Тот-Амоном Короне Кобры, и он опустил кинжал. Он кое-что знал о ее силе из отчета Зароно. «Из того, что рассказал Менкара и что мне удалось узнать за путешест-

вие от Тот-Амона, она действует так: во много раз увеличивает способность человеческой мысли воздействовать на другого человека. Так Менкара, лучший из средних магов, может контролировать мысли одного человека — в нашем случае короля. Тот-Амон, волшебник много большего ранга, может одновременно контролировать несколько человек. Но обладающий Короной Кобры, если умеет с ней обращаться, может с помощью Короны управлять мыслями сотен и даже тысяч людей. Он, например, может безрассудно бросать в бой отряды солдат. Он может командовать львом, ядовитой змеей, направляя этих страшных зверей на врагов.

Никто не устоит против обладателя Короны. Его нельзя убить или отравить, поскольку Корона передает ему мысли убийцы и никто не сможет подойти к нему ближе, чем на выстрел катапульты, без того, чтобы не попасть под его власть. Смертные, как я и вы, ваша светлость, не могут даже наказаниями добиться повиновения — мои матросы позволили принцессе сбежать с корабля. Но Тот-Амон не боится неповиновения. Когда он даст мысленную команду, она будет точно выполнена, даже если это будет стоить человеку жизни».

И теперь, чтобы узаконить вступление Тот-Амона на трон, Федруго собственными руками возлагал древнюю корону Зингара на бритую голову стигийца. Но для этого Тот-Амону необходимо было снять Корону Кобры.

Двигаясь со скоростью, необычной для своего возраста, князь сбросил бархатный плащ и помчался на верх пьедестала. Поскольку волшебник снял Корону, он не мог знать о намерениях своего бывшего союзника, до тех пор, пока Виллагро не схватит Корону и не наденет на свою голову.

Когда Виллагро побежал наверх, он услышал слабый предупреждающий вскрик, в котором он узнал голос Менкара. Надев Корону, он обернулся и увидел быстро бегущего наверх Менкара с обнаженным кинжалом в костлявой руке.

Как только Корона Кобры оказалась на его голове, Виллагро почувствовал целый поток ощущений, льющихся в его мозг. Казалось, что все невысказанные мысли людей в комнате обрушились в шумном смятении на его сознание. Не будучи волшебником, Виллагро не мог понять эти случайные мысли.

Как только Менкара приблизился к нему, князь в отчаянии сфокусировал свои мысли на Менкара, вытянув к нему руку, так как, по его мнению, это был магический жест. Изо всех сил он сконцентрировал на мысленной картине Менкара, падающего вниз, как от сильного удара.

И Менкара действительно скатился по ступенькам вниз, как после сильного удара. Он лежал на спине. Его кинжал со звоном отскочил в сторону.

Львиный рев заставил Виллагро снова обернуться. Он исходил от Тот-Амона, который встал на ноги.

— Собака! Ты подохнешь за это! — вскричал стигиец на зингаранском языке с сильным акцентом.

— Подыхай сам! — ответил Виллагро, протянув руку в его направлении.

Могучего волшебника было нелегко одолеть, даже с помощью Короны Кобры, тем более что ее нынешний обладатель совершенно не умел ею пользоваться. В напряженно звенящей тишине два человека стояли лицом к лицу в смертельном поединке желаний. Сила Виллагро в Короне грубо равнялась силе Тот-Амона, одного из величайших волшебников своего времени. Они стояли молча, в нечеловеческом напряжении.

Внизу, онемев от удивления, стояли вельможи и придворные. Среди них было много храбрых людей, которые знали, на чьей стороне они находились раньше — но в этот момент кто мог сказать, за кого он? Новый король, опасный иноземец-волшебник, алчный, коварный князь... кто мог сказать, за кем правда?

Виллагро услышал, как внизу Менкара бормочет заклинания, и почти сразу почувствовал, как его мысленная сила слабеет.

Неожиданный каскад звуков обрушился в комнату и приковал все взгляды к входной двери. Толпа вооруженных моряков неожиданно прорвалась на балкон. Во главе отряда стоял бронзовый гигант с нечесаной гривой черных как вороново крыло волос и горящими вулканическими глазами под густыми черными бровями, с огромным тесаком в могучей руке.

— Конан! — в изумлении вскричал Зароно. — Именем всех богов и дьяволов, Конан!

Увидев столь неожиданно появившегося яростного варвара, Зароно побледнел. Затем его худое, волчье лицо помрачнело и гневно вспыхнули глаза. Он выхватил из ножен меч.

Вмешательство смутило и Тот-Амона, повернувшего к лестнице увенчанную золотой короной голову. Если бы у него была Корона Кобры, он заранее бы узнал о приближении Конана и его людей.

Взглянув на пришедших, Виллагро вновь сосредоточил внимание на Тот-Амоне. Он знал, что стигиец пока наиболее опасный враг. Если бы ему удалось, неумело используя Корону, одолеть Тот-Амона, Конана он легко бы победил тем же способом. Но если бы он обратил все свое внимание на Конана, то Тот-Амон легко бы раздавил его, как насекомое.

Конан встал на верхней ступеньке и поднял руки.

— Хо, лорды Зингара! — рявкнул он. — Мерзкий предатель и черный колдун захватили вашего короля в свои лапы! — Загорелая рука указала на стигийца. — Он не принц Стигии, а мерзейшее порождение ада! Колдун из глубин Стигии пришел

похитить древний трон Зингара. На земле еще не было человека страшнее Тот-Амона! Мысли вашего короля были украдены каким-то колдовским способом. Так что он не понимает, что говорит, он как попугай повторяет мысли, нашептанные ему этим узурпатором.

Ассамблея волновалась: кто-то поверил словам Конана, а кто-то нет. Один из знатных вельмож крикнул:

— Что это за чушь? Грязный пират с безумными глазами врывается во дворец во время священной церемонии, размахивая мечом и выкрикивая ерунду! Стража! Арестовать этого негодяя!

Волнение усилилось, и Конан крикнул:

— Посмотрите на короля и удостоверьтесь в правильности моих слов.

Рядом с троном бледный и дрожащий Федруго в волнении пощипывал бороду.

— Что... Что здесь происходит, господа? — бормотал он. Его безумный взгляд скользил по лицам придворных. Тут он заметил в руке документ. — Что... Что это такое? Неужели я прочел это? Но это не имеет значения...

Было очевидно, что король Федруго не узнает документа, который только что прочитал. Тот-Амон, выбитый из колеи вмешательством Виллагро и Конана, упустил контроль над мыслями Федруго.

Когда Тот-Амон повернулся к Конану, Виллагро направил усиленное в сотни раз желание в могучий мозг стигийца. Тот-Амон покачнулся, как от удара, чуть не упав, и оперся руками о трон. Зингаранская корона, которая была слишком мала для него, упала и громко звякнула о камень пьедестала.

Он снова собрался, сверкнув белками глаз, и послал Виллагро в ответ могучий мысленный удар.

— Отдай мне Корону Кобры, идиот! — прорычал он.

— Никогда! — крикнул Виллагро.

Князь почувствовал увеличение мысленной силы противника. Он, не видя, чувствовал, что сила Менкара прибавилась к силе Тот-Амона. Священник Сета встал на сторону своего повелителя. Виллагро почувствовал, что слабеет, и защита его рухнула.

Вельможи вновь уставились на Конана и его корсаров. В воздухе повисла подозрительность. Это был один из тех моментов, когда судьба нации балансирует на лезвии ножа — когда одно слово, взгляд, жест могут изменить течение событий и разрушить империю.

И тогда в мертвой тишине рядом с Конаном показалась фигура молодой девушки. У нее были округлые формы, оливковая кожа и сверкающие глаза. Хотя ее полное тело было одето в грубый

морской костюм, зингаранским вельможам показалось, что они видели ее и раньше.

— Принцесса! — задохнулся князь.

— Чабела? — пробормотал старый король, нервно оглядываясь. Все увидели, что это действительно она. Но, упреждая поток вопросов, она заговорила сама:

— Дворяне Зингара! Капитан Конан говорит правду! Вон тот стигийский колдун опутал моего отца волшебной паутиной. Конан освободил меня от колдуна, и вот мы приплыли в Кордаву, чтобы пресечь его действия. Стража! Хватайте его!

Капитан королевской стражи отдал приказ солдатам и, выхватив меч, пошел вперед.

Конан и девять матросов сбежали вниз по лестнице, сверкая обнаженными лезвиями. Чабела осталась наверху вместе с Нинусом, священником Митры. Маленький человечек упал на колени и бешено молился.

— О, повелитель Митра, великий принц света! — завывал он. — Будь с нами в этот час против темной силы Сета, умоляем тебя. Убей их святым огнем, чтобы Старый Змей рухнул со своего возвышения!

То ли Тот-Амон ослабел от огромного мысленного напряжения, то ли Виллагро научился использовать Корону Кобры, то ли Митра снизошел к молитвам, но Тот-Амон, казалось, побледнел, задрожал и отступил назад. Виллагро открыл рот для торжественного крика.

Перед тем как крик слетел с его губ, Тот-Амон вытянул по направлению к князю длинный, смуглый палец. Вокруг него возникло бледно-зеленое свечение, превратившееся в изумрудное сияние.

Луч коснулся головы князя Виллагро и алмазной короны, обхватив их слепящим изумрудным облаком. Затем красным цветом засветилось золото короны.

Виллагро издал приглушенный крик. Он зашатался, тряся головой, как бы пытаясь сбросить корону. Появился черный дым, как будто загорелись его волосы.

Тут комната потонула в слепящем голубом свете вспыхнувшей снаружи молнии. Одно окно со звоном распахнулось. В зал залетели капли дождя. Некоторым показалось, что часть молнии проникла через сломанное окно и хлестнула Виллагро.

Виллагро упал на пол лицом вниз. Корона Кобры упала и покатилась по мраморному полу, оставив тело Виллагро с сожженными волосами и почерневшим местом касания короны.

Тем закончились честолюбивые мечтания князя Виллагро, который, не довольствуясь княжеским титулом, возжелал королевскую корону и умер, раздавленный мыслями.

Глава 20
АЛАЯ КРОВЬ И ХОЛОДНАЯ СТАЛЬ

Три удара сердца это удивительное событие держало всех в состоянии оцепенения. Первым опомнился Тот-Амон.

— Менкара! Зароно! — крикнул он. — Сюда! Соберите своих людей и воинов Виллагро. Действуйте быстро и решительно! Если не успеете, ответите головой!

— Где же ваше колдовство? — пробормотал Зароно. — Почему вы не отбросите ваших врагов одним движением руки?

— Я делаю, что могу, но магия тоже имеет пределы. К оружию же!

— Вы правы, — сказал Зароно, поворачиваясь на каблуках. — Воины! — крикнул он. — Князь Виллагро мертв, но жив стигийский принц. Если наши шпаги возведут его на трон, мы все будем пэрами! Ко мне!

— Все верные зингаранцы ко мне! — заорал Конан. — Постоим за короля и принцессу и спасем Зингаран от правления дьявола из стигийского ада!

В зале произошло сильное движение, и вельможи разделились на две группы. Большинство воинов Виллагро устремились к Зароно, а большинство дворян и офицеров столпились вокруг Конана и его матросов.

Скоро стало видно, что группа Зароно больше. Хотя некоторая часть дворцовой гвардии присоединилась к Конану, большая часть людей Виллагро отошла к Зароно. Все эти солдаты были в легких латах, что давало им в битве преимущество.

— Нас больше! — крикнул с пьедестала Тот-Амон. — Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Конан громко и невежливо ответил Тот-Амону, что ему сделать со своим предложением.

— Шпаги вон за Тот-Амона, короля Зингара! — крикнул Зароно, напав на ближайшего воина из отряда Конана.

Повсюду зазвенело оружие. Зал наполнился криками сражающихся людей.

Конан жестко улыбнулся, сверкнув белыми зубами на бронзовом лице. Время разговоров прошло. Жизнь научила его ответственности и осторожности, но варварское желание свободы победило его зрелость. А здесь, похоже, будет славная битва.

Он соскочил с лестницы и прыгнул к ближайшему человеку Зароно. Удар был так силен, что у того сломался позвоночник. Приземлившись, как кот, на четвереньки, он ударил следующего головой в живот и сунул тесак между ребер подскочившему на помощь.

Он пошел вперед, легко двигаясь, рубя зингаранцев направо и налево. Он, как башня, возвышался над ними, и их легкие шпаги не могли сдержать ударов его огромного тесака. За ним, вращая кортиками, шли корсары.

Большинство зингаранцев с обеих сторон были искусными фехтовальщиками, но Конан всю жизнь провел в сражениях и владел мечом не хуже их. В течение зимовки в Зингаре он совершенствовал свое искусство у великого мастера Валерио, школа которого была известна далеко за пределами королевства.

Поэтому молодые дворяне из сторонников Зароно были обескуражены, ожидая, что дикого варвара будет проткнуть так же легко, как яблоко маленьким кинжалом. Несмотря на свое сложение и тяжесть меча, он легко отражал атаки. Используя ловкие приемы защиты и нападения, он убивал или смертельно ранил одного за другим. Цвет королевства в ужасе отступал перед неистовым варваром, и он, как ураган, беспрепятственно продвигался вперед.

И тут высокая, худая фигура в черном бархате встала на пути Конана. Черный Зароно был готов скрестить с ним шпаги. Конан был ранен, но управлялся с клинком так же легко, как и прежде.

Зароно был безжалостный испытанный боец. Он был подлецом, но никто не сомневался в его силе и храбрости. С другой стороны, он был расчетлив и умел использовать удобный случай. Если бы он хорошо подумал, то, вероятно, воздержался бы от встречи с Конаном. Но его ослепила ненависть к Конану, который несколько раз опередил его и помешал осуществлению планов князя Виллагро и его собственных. Он жаждал мести с первой встречи в Девяти Нарисованных Шпагах, когда удар Конана едва не снес ему голову.

Зароно не питал иллюзий относительно благодарности Тот-Амона, которую он мог ожидать, окажись стигиец на зингаранском троне. Все значительные посты, несомненно, займут стигийские священники Сета. Но Тот-Амон, вероятно, найдет и для него местечко, которое послужит источником существования. Если же победят защитники старой династии, ничего, кроме топора или петли, он ожидать не мог.

Зароно сделал быстрый выпад, но Конан отбил его. Киммериец в свою очередь обрушил на него мощный удар сверху, Зароно отскочил в сторону, и тесак просвистел мимо.

Вокруг кипела битва. Многие пали. Битва превращалась в бойню. Стало сказываться численное преимущество сторонников Зароно. Верные династии были разделены на две группы и оттеснены, одна к лестнице, по которой спускался Конан, а другая в угол, где находился старый король.

Конан и Зароно все еще сражались. Зароно начал понимать, что совершил ошибку, вызвав Конана на поединок. Хотя как фехтовальщик, он не уступал ему, но в его руках не было

силы и выносливости Конана. Он почувствовал усталость, но ярость и самолюбие поддержали его. Либо он убьет Конана, либо погибнет сам.

Тем временем Тот-Амон, как всегда невозмутимый, спустился с пьедестала. Избегая сражающихся, он спокойно шел по кровавому, усеянному трупами полу к лежавшей на мраморе Короне Кобры. Несколько раз он касался того или иного из воинов Конана, но они даже не пытались его убить. Используя мысленную силу, он подавлял в них желание причинить ему любой вред. Он был настолько поглощен собственной безопасностью, что не обращал внимания ни на Конана, ни на других вождей вражеской партии. Без волшебных аппаратов и отсутствия тишины и одиночества, необходимых для эффективного колдовства, он ничем не мог помочь своим сторонникам. Использовав зеленый луч, он потерял силу на несколько часов.

Тот-Амон безразлично перешагнул через убитого Менкара. Подойдя к Короне, он остановился и поднял ее. Осмотрев, а затем выругавшись, он отбросил ее в сторону, как ненужную жестянку.

Неожиданно сверху раздался рев еще одного отряда. Это были оставшаяся на корабле часть команды Конана. Он послал Сигурда за ними с приказом ворваться во дворец по секретному туннелю, о котором рассказывал Нинус.

Это неожиданное подкрепление изменило ход битвы. Оттесненные сторонники короля снова ринулись вперед. Группа Зароно дрогнула и распалась. Но Зароно решил драться до конца и, расталкивая бегущих локтями, пытался оставаться на месте. Тут он почувствовал, как кто-то схватил его руку с рапирой. Он попытался освободиться, но увидел Тот-Амона.

— Мы проиграли, — крикнул стигиец, — Корона испорчена — сгорела.

— Пусти меня! — в ярости закричал Зароно. — Я еще не прикончил эту свинью.

— Боги решили, что Конан выиграет эту битву.

— Откуда ты знаешь?

— Я много чего знаю, — пожал плечами Тот-Амон. — Я ухожу, можешь идти со мной.

Стигиец повернулся и пошел к выходу. Зароно нерешительно двинулся за ним.

— Стой! — раздался голос Конана. — Эти две собаки не должны уйти.

Тот-Амон вытянул палец с массивным медным кольцом в виде кусающей хвост змеи к одной из портьер: «Я хок-хаа нафайакал фангуг! Вгох найхах!»

Портьера ожила. Она вздрогнула, дернулась и оторвалась от державших ее колец. Портьера отделилась от стены и полетела

над головами дерущихся, повисла над Конаном и тут же упала на него, полностью накрыв.

— Поспешим же, если не хочешь поплатиться головой, — сказал Тот-Амон Зароно.

Сжимая тесак в руке, Конан пересек зал и побежал к главному входу... В тишине ночи он услышал лишь удаляющийся звук копыт...

Сильный утренний бриз нес соленые водяные брызги и гудел в парусах вышедшего из Кордавской гавани в открытое море «Вестрела».

На капитанском мостике стоял Конан. Он полной грудью вдыхал влажный морской воздух. Хватит черной магии и сражений с бесплодными тенями! Дайте ему легкий корабль и команду отчаянных головорезов, шпагу и пояс и спрятанное сокровище — и у него будет все, что он мог бы пожелать для полного счастья.

— Клянусь грудью Иштар и черным Негралом, но ты все же свихнулся! — пробормотал Сигурд Конану.

— Потому что я не позволил Чабеле выйти за меня замуж? — улыбнулся Конан.

— Она прекрасная девушка, — кивнул головой Сигурд, — и принесла бы тебе могучих сыновей и, по первому твоему требованию, трон Зингара. Несомненно, что после пережитых потрясений старый Федруго долго не протянет. И тогда эта девушка наследует корону и королевство.

— Благодарю покорно, но я не хочу быть мужем королевы, — прорычал Конан. — Я сыт по горло жизнью в Гамбуру. А ведь Нзанги сильная, зрелая женщина, не то что эта глупая романтичная девчонка в два раза моложе меня. Кроме того, Федруго может еще протянуть долго. Теперь, когда его мысли освободились от стигийского колдовства, он как бы помолодел на десять лет и приступил к делам с новыми силами, уничтожив документы отречения и помолвку Чабелы.

Что касается принцессы, то она мне нравится, и я даже люблю ее как дочь. Между нами, я даже мог бы и принять ее предложение, если бы не видел своего предназначения.

— Что?

— Когда я залечивал свои раны после битвы во дворце, мне пришлось обедать с королем и его дочерью, и Чабела постоянно жаждала в своих планах моего перевоспитания. Мой разговор, моя одежда, мои манеры за столом, мое понимание прекрасного — все должно измениться. Я должен стать совершенным зингаранским дворянином, размахивающим перед носом надушенным платком во время представления королевского балета.

Может быть, я не такой мудрый, как любимый философ короля Родриго, но знаю, что мне подходит. Нет, Сигурд, если Кром пожелает, я когда-нибудь получу себе трон на конце шпаги, а не в качестве свадебного подарка.

Кроме того, Федруго был щедр. Он отдал мне Корону Кобры, которую я заложил королевскому ювелиру Джулио: вот откуда новая оснастка и снаряжение для ребят, — Конан ухмыльнулся. — Спасение королей — это не для честных разбойников, да и не перевелись пока торговцы-толстосумы, бороздящие моря от Агросса до Схемы. И хватит стонать над моим отказом от этой луноликой красавицы, пора подумать и о делах. Пойдем, я покажу тебе главную картину в моей книге! Мастер Зелтран! Будьте любезны, зайдите ко мне в каюту.

Конан пошел вниз. Несколько минут Сигурд с открытым от удивления ртом смотрел ему вслед, а затем, махнув рукой, пошел за капитаном.

— Клянусь зеленой бородой Илира и молотом Тора, — пробормотал он, — с этим киммерийцем невозможно спорить!

Скрипели снасти, и под плеск волн и крики чаек «Вестрел» шел на юго-восток, неся Конана к новым приключениям.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ ИЗ ЧЕРНОГО КРУГА
Сборник

ДЬЯВОЛ В ЖЕЛЕЗЕ. *Повесть.* 7
ЛЮДИ ИЗ ЧЕРНОГО КРУГА. *Повесть.* 31
ВЕДЬМА, КОТОРАЯ РОДИТСЯ. *Повесть.* 93
ДРАГОЦЕННОСТИ ГУАХАУРА. *Повесть.* 127

КОНАН-УЗУРПАТОР
Сборник

ДРАГОЦЕННОСТИ ТРАНИКОСА. *Повесть.* 157
ФЕНИКС НА МЕЧЕ. *Повесть.* 223
АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ. *Повесть.* 243

* * *

ЧАС ДРАКОНА. *Роман.* 273
КОНАН-КОРСАР. *Роман.* 417

Литературно-художественное издание

Говард Роберт

КОНАН, ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ

Фантастические романы, повести

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *О.И. Лемехов*
Художественное оформление студии "Парсек"
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Е.Н. Петрова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.03.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,76.
Уч.-изд. л. 31,41. Тираж 100000 экз. Заказ № 3321.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Оригинал-макет (диапозитивы) подготовлен НПВП "Макет".
141700, М.О., г. Долгопрудный-1, а/я № 31; тел.: (095) 408-71-63.

Отпечатано в Санкт-Петербургской
типографии №1 ВО "Наука"
199034, С.-Петербург, В-34, 9 линия, 12.